

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

ISSN 2587-8123 (Print)

ISSN 2658-5995 (Online)

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2022

Том 21. № 2

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2022

Volume 21. No. 2

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2022

Том 21. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2022

Volume 21. No. 2

THE LOWERVOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2022. Vol. 21. No. 2

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

V.I. Moiseev – Executive Secretary (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Assistant Editor (Volgograd);
N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd)
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Board by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*, *N.M. Vishnyakova*,
M.V. Gayval, *A.A. Lagutina*, *Yu.I. Nedelkina*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Sept. 19, 2022.

Date of publication: Dec. 29, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 29.2. Published pages 31.4.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–29).

Order 147. «C» 36.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2022. Т. 21. № 2

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – ответственный секретарь (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зилвинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мона-*

хов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргуно-*

ва (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский* (г. Москва);

д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полосьмак*

(г. Новосибирск); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-

на-Дону); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Гер-

мания); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэди-

сон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов* (г. Сим-

ферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,

Н.М. Вишнякова, *М.В. Гайваль*, *А.А. Лагутина*,

Ю.И. Неделькина

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 19.09 2022 г.

Дата выхода в свет: 29.12 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 29,2.

Уч.-изд. л. 31,4. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).

Заказ 147. «С» 36.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею А.Н. Дьяченко
(Редакционная коллегия) 6

СТАТЬИ

*Выборнов А.А., Борисова О.К., Кулькова М.А.,
Юдин А.И.* Палеогеографический фон
неолита – энеолита степного Поволжья 8

Хохлов А.А. Дефекты костной ткани
на черепах людей энеолитического могильника
Екатериновский мыс юга Среднего Поволжья.
К вопросу специфики культурных традиций 21

Будайчиев А.Л. Миски эпохи ранней бронзы
Приморского Дагестана
(вопросы типологии, декора, хронологии) 33

Гак Е.И. Преемственность и новации
в металлокомплексах
конца средней – начала поздней бронзы
юга Восточной Европы 54

*Борисов А.В., Каширская Н.Н., Юршенас Д.А.,
Хомутова Т.Э., Петросян А.А., Мимоход Р.А.*
Палеоэкологические условия
в степной зоне Восточно-Европейской равнины
в посткатакомбное время 82

Карапетян М.К., Шаропова С.В.
Патологические изменения на скелетах
из Неплюевского могильника
эпохи поздней бронзы (курган 1) 100

Лукьяшко С.И. Новая находка
длинного скифского меча
с золотой обкладкой рукоятки 120

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.
Меотские вазы и леканы 129

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б.
Коллекция амфор Краснодарского государственного
историко-археологического музея-заповедника
им. Е.Д. Фелицына: общий обзор 142

Балабанова М.А., Нечвалода А.И. Древнее население
Нижнего Поволжья по данным краниологии
и антропологической скульптурной реконструкции
лица по черепу 158

Кропотов В.В., Рукавишников И.В., Бейлин Д.В.
К вопросу о времени появления сарматов
в Степном Крыму 174

*Слепченко С.М., Винокуров Н.И., Бабенко А.Н.,
Хрусталева А.В., Иванов С.Н.* Результаты
археопаразитологического и палинологического
исследования культурных слоев
античного поселения Артезиан (Восточный Крым) ... 184

Радюш О.А., Васильев А.А. Погребение с оружием
на могильнике черныяховской культуры
Дальний (Выдрин) в Курской области 208

CONTENTS

To the Anniversary of A.N. Dyachenko
(Editorial Staff) 6

ARTICLES

*Vybornov A.A., Borisova O.K., Kulkova M.A.,
Yudin A.I.* Paleogeographic Background
of the Neolithic and Eneolithic Periods
of the Steppe Volga Region 8

Khokhlov A.A. Bone Tissue Defects on Human Skulls
from of the Eneolithic Burial Ground
of the Yekaterinovskiy Cape in the South
of the Middle Volga Region.
Revisiting Specifics of Cultural Traditions 21

Budaichiev A.L. The Early Bronze Age Bowls
from Dagestan Coastal Area
(Typology, Décor and Chronology Issues) 33

Gak E.I. Continuity and Novelty
in Metal Complexes of the South Eastern Europe
of the Late Middle – Early Late Bronze Age 54

*Borisov A.V., Kashirskaya N.N., Yurshenas D.A.,
Khomutova T.E., Petrosyan A.A., Mimokhod R.A.*
Paleoecological Conditions in the Steppe Zone
of the Eastern European Plain
at the Post-Catacomb Time 82

Karapetian M.K., Sharapova S.V.
Pathological Changes on Skeletons
from the Bronze Age Neplyuevskiy Cemetery
(Kurgan 1) 100

Lukyashko S.I. A New Find of a Long Scythian Sword
with a Golden Hilt Lining 120

Limberis N.Yu., Marchenko I.I.
Maotian Vases and Lekanes 129

Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B.
Amphorae Collection of the Krasnodar State
Historical and Archaeological Museum-Preserve
named after E.D. Felitsyn 142

Balabanova M.A., Nechvaloda A.I. Ancient Population
of the Lower Volga Region According to Craniology
and Anthropological Facial Sculptural Reconstruction
from a Skull 158

Kropotov V.V., Rukavishnikova I.V., Beylin D.V.
Revisiting the Origin Time of the Sarmatians
in the Crimean Steppe 174

*Slepchenko S.M., Vinokurov N.I., Babenko A.V.,
Khrustaleva A.V., Ivanov S.N.* Results
of Archaeoparasitological and Palynological Research
Conducted on Cultural Layers
of the Artesian Ancient Settlement (Eastern Crimea) 184

Radyush O.A., Vasil'ev A.A. Burial with Weapons
at the Burial Ground of the Chernyakhov Culture
Dal'niy (Vydrin) in the Kursk Region 208

Иванов В.А., Русланов Е.В., Проценко А.С.
Ишкульовский II курганный могильник –
памятник монгольских кочевников XIII–XIV вв.
на Южном Урале 243

Золотовский В.А., Кривошеев М.В. К вопросу
о перспективных формах развития
археологического туризма 259

ПУБЛИКАЦИИ

Тимофеев А.А., Трейстер М.Ю.
Двусторонние геммы-литики
из погребения № 13 кургана № 1
могильника «Богомольные пески-I» 269

ПЕРСОНАЛИИ

Кузнецова Е.В., Лопатин В.А. К 70-летию
С.Ю. Монахова 297

Гриненко Л.О. Б.В. Фармаковский в памяти
ученика и друга – Л.А. Моисеева 300

Ivanov V.A., Ruslanov E.V., Protsenko A.S.
Ishkulovsky II Burial Mounds,
a 13th – 14th Centuries Monument
of the Mongolian Nomads in the Southern Urals 243

Zolotovskiy V.A., Krivosheev M.V.
Revisiting the Prospects
of Archaeological Tourism Development 259

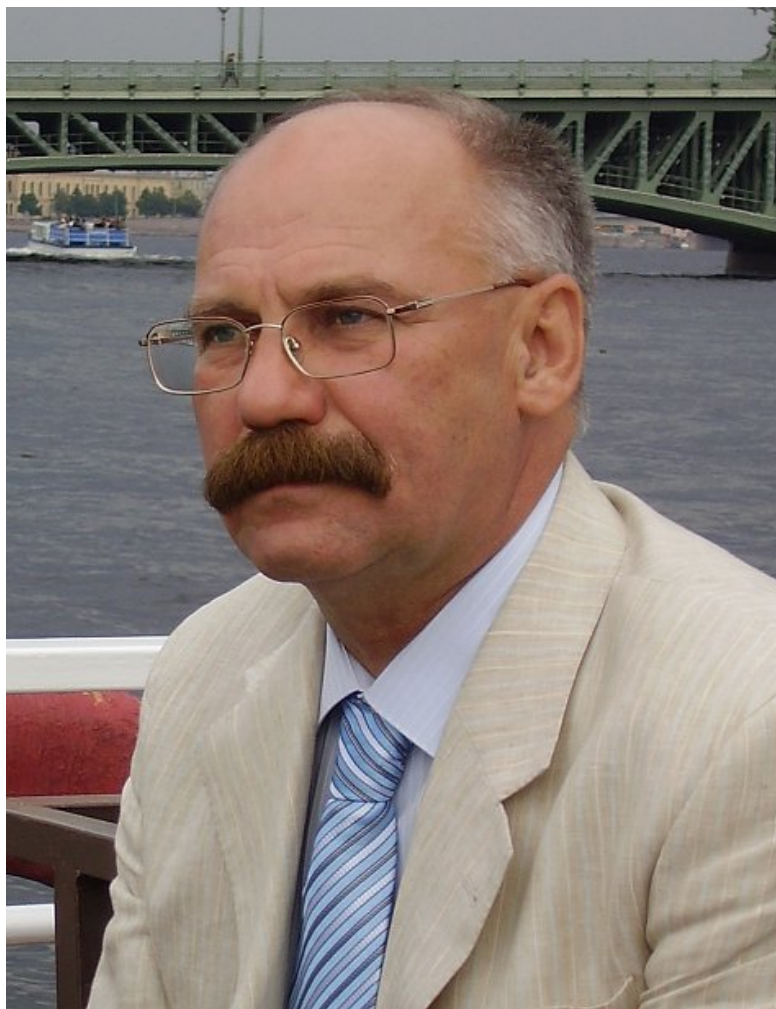
PUBLICATIONS

Timofeev A.A., Treister M.Yu.
Double-Sided Glass Gems
from the Burial no. 13 of the Kurgan no. 1
of the Group “Bogomol’nye Peski-I” 269

PERSONALIA

Kuznetsova E.V., Lopatin V.A. On the Occasion
of Sergey Yu. Monakhov’s 70th Anniversary 297

Grinenko L.O. Boris Farmakovskiy in the Memoir
of Lavrentiy Moiseev His Disciple and Friend 300

TO THE ANNIVERSARY OF A.N. DYACHENKO

К ЮБИЛЕЮ А.Н. ДЬЯЧЕНКО

Как быстро проходит время. Вот уже и второе поколение волгоградских археологов проходит очередной юбилейный рубеж. 13 ноября 2022 г. нашему другу, археологу, члену редколлегии нашего журнала Александру Николаевичу Дьяченко исполняется 70 лет. Вся его жизнь и работа связана с Нижним Поволжьем. Он родился в Астраханской области, переехал с семьей в Волгоград, где закончил школу и откуда ушел служить в армию, в ракетные войска стратегического назначения. По окончании службы в 1974 г. поступил в Волгоградский государственный педагогический институт на исторический факультет, где и познакомился с археологией, ставшей его судьбой. В это время в Нижнем Поволжье работала археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии Наук СССР, и возглавлял ее талантливый исследователь Валентин Павлович Шилов. Именно к нему и попал на практику Саша Дьяченко после первого курса. Могильники Есауловского Аксяя с яркими памятниками разных эпох, которыми богата евразийская степь, замечательный коллектив, увлеченный и увлекающий других руководитель – все это определило дальнейший творческий путь Александра Николаевича Дьяченко. Потом были археологические экспедиции Волгоградского пединститута, в которых он был непременным участником и исколесил все Волгоградское Заволжье уже под руководством Анатолия Степановича Скрипкина.

По окончании института А.Н. Дьяченко по распределению отправился учителем истории и обществоведения в деревенскую школу, но желание заниматься археологией взяло свое. Когда в только что открывшемся Волгоградском государственном университете А.С. Скрипкиным была создана археологическая лаборатория, Александр Николаевич был одним из первых, кто активно включился в ее работу, создавая ее костяк. Его научные и организаторские способности в полной мере проявили себя во время больших хозяйственных работ в Краснодарском крае в зоне строительства Понуро-Калининской рисовой оросительной системы. Большой коллектив практикантов первых наборов историков ВолГУ требовал не только организации раскопок, но и ежедневной заботы о быте и нуждах студентов, многие из которых впервые надолго уехали из дома. И здесь упорно и ненавязчиво Александр Николаевич так наладил быт, что это стало казаться нормой для всех экспедиций. Когда уже позже, научившись в наших экспедициях азам археологии, студенты поехали в другие места, не раз высказывалось удивление, почему там не так комфортно, как все привыкли.

С 1989 г. и вплоть до недавнего времени он возглавлял лабораторию археологических исследований ВолГУ, руководя умело и вдумчиво, обеспечивая возможности и для проведения археологических практик, и для хозяйственных работ, и для публикаций добытого и изученного материала.

Его научный интерес направлен в основном на решение проблем эпохи бронзы волго-донских степей. Александром Николаевичем исследовано весьма интересное поселение у с. Ерзовка Городищенского района, где выявлены как энеолитические слои, так и слой поселения, относящийся к завершающему этапу срубной культуры. Он исследовал памятники в Задонье, Волго-Донском междуречье, в Волгоградском и Астраханском Заволжье, активно сотрудничает с почвоведом, результатом этого сотрудничества стала серия статей, посвященных развитию почв и природной среды в эпоху бронзы.

Однако особой любовью у него пользуется тот район, с которого он начинал свою работу в археологии, – жаркие степи Есауловского Аксая, где под руководством юбиляра исследовались курганные могильники у с. Абганерово, Аксай, Перегрузное, Ковалевка. Свидетельством этого постоянного интереса может служить и недавно опубликованная им статья о нестандартных погребениях эпохи бронзы Есауловского Аксая.

Успехи Александра Николаевича в работе, в науке всегда были обеспечены надежным тылом – его замечательной семьей. Он заботливый и счастливый муж, отец и дед.

Пожелаем же юбиляру сил, здоровья, творческого долголетия и по археологической традиции – удачи.

Редакционная коллегия

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.1>

UDC 902.2
LBC 63.4

Submitted: 22.02.2022
Accepted: 19.09.2022

**PALEO GEOGRAPHIC BACKGROUND
OF THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC PERIODS
OF THE STEPPE VOLGA REGION¹**

Aleksander A. Vybornov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Olga K. Borisova

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Marianna A. Kulkova

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation

Aleksander I. Yudin

Research Center for the Preservation of Cultural Heritage, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article presents materials enabling to reconstruct the paleogeographic background of the development of the population of the Volga region steppe in the Neolithic and Eneolithic periods. The relevance of the study comes from the need to develop issues of natural and climatic factors influence on the development of cultures. The novelty is determined by the fact that the research presents materials of the 2014–2019 surveys for the settlement of Oroshaemoe I. The purpose of the article is to reconstruct the paleogeographic background at the time of interest. The tasks of the study also include identification of the chronological framework, reconstruction of natural and climatic conditions, and determination of the faunal component. In order to achieve these goals, archaeological, palynological and geochemical, radiocarbon and faunistic methods were used. The settlement of Oroshaemoe I is characterized by multi-layers and stratification. The site shows successively located layers of the Orlov, Caspian and Khvalynsk cultures, separated by sterile ones. In addition to ceramic and stone implements, faunal remains were found in the cultural layers which makes it possible to identify the species of animals at different stages of the Neolithic-Eneolithic of this region. Clear chronological frameworks are defined for all complexes. For the first time in recent years, the results of spore-pollen analyses were obtained for all cultural layers. An additional source was the results of geochemical analysis for this site. Certain periods of improvement and deterioration of the climatic situation are traced which influenced the vegetation cover of this area. The results of the analysis allow us to conclude that throughout the entire period the vegetation in the surrounding area was similar to modern dry steppes (semi-deserts). An increase in aridity is recorded at a later stage in the development of the Orlov culture. The driest climatic conditions existed during the formation of the Caspian layer; and during the formation of the Khvalyn layer the amount of precipitation began to increase. This resulted in changes in life activity in the Late Stone Age and the Early Metal Age.

Key words: the Volga region steppe, Neolithic, Eneolithic, palynological studies, geochemical analysis, paleogeographic background.

© Выборнов А.А., Борисова О.К., Кулькова М.А., Юдин А.И., 2022

Citation. Vybornov A.A., Borisova O.K., Kulkova M.A., Yudin A.I., 2022. Paleogeograficheskiy fon neolita – eneolita stepnogo Povolzh'ya [Paleogeographic Background of the Neolithic and Eneolithic Periods of the Steppe Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.1>

УДК 902.2
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 22.02.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФОН НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Александр Алексеевич Выборнов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Ольга Кимовна Борисова

Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Марианна Алексеевна Кулькова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Иванович Юдин

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуются материалы, позволяющие реконструировать палеогеографический фон развития населения степного Поволжья в неолите и энеолите. Актуальность исходит из необходимости разработки вопросов влияния природно-климатических факторов на развитие культур. Новизна определяется тем, что в работе изложены материалы изысканий 2014–2019 гг. на поселении Орошаемое I. Целью статьи является реконструкция палеогеографического фона в исследуемое время. В задачи исследования входят установление хронологических рамок, восстановление природной и климатической обстановки, определение фаунистической составляющей. Для достижения поставленной цели применялись археологические, палинологический и геохимический, радиоуглеродный и фаунистический методы. Поселение Орошаемое I характеризуется многослойностью и стратифицированностью. На памятнике представлены последовательно расположенные слои орловской, прикаспийской и хвалынской культур, разделенные стерильными прослойками. В культурных слоях помимо керамического и каменного инвентаря обнаружены фаунистические остатки, что позволяет представить видовой состав животных на различных этапах неолита – энеолита данного региона. По всем комплексам определены четкие хронологические границы. Впервые за последние годы получены результаты спорово-пыльцевого анализа для всех культурных слоев. Дополнительным источником явились итоги геохимического анализа по данному памятнику. Прослеживаются определенные периоды улучшения и ухудшения климатической обстановки, что отражалось на растительном покрове данного района. Результаты анализов позволяют заключить, что в течение всего времени растительность на окружающей территории была близка к современным сухим степям (полупустыням). Фиксируется иссушение климата на позднем этапе развития орловской культуры. Наиболее сухие климатические условия существовали во время образования прикаспийского слоя, а в период хвалынской культуры намечилось увеличение количества осадков. Это приводило к изменениям в жизнедеятельности в позднекаменном веке и в эпоху раннего металла.

Ключевые слова: степное Поволжье, неолит, энеолит, палинологические исследования, геохимический анализ, палеогеографический фон.

Цитирование. Выборнов А. А., Борисова О. К., Кулькова М. А., Юдин А. И., 2022. Палеогеографический фон неолита – энеолита степного Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.1>

Введение

В степной части Нижнего Поволжья развивались неолитические и энеолитические культуры. Первые привлекают внимание специалистов ранним возрастом возникновения керамического производства [Выборнов и др., 2018а, с. 11–13]. Прикаспийская культура является одной из древнейших в плане появления скотоводства [Vybornov et al., 2015, p. 72–73; Выборнов и др., 2019, с. 362–365]. Хвалынские древности связывают с самыми ранними свидетельствами металлообработки. За последние годы изучались различные аспекты этих древностей, но некоторые оставались незатронутыми в силу разных причин. Одним из них является природно-климатический фон, на котором развивались носители разновременных культур. Для степной полосы были только обобщенные данные по одному памятнику – Варфоломеевской стоянке на р. М. Узень в Саратовском Заволжье [Юдин, 2004, с. 7–8]. Поэтому несомненную научную новизну имеют источники, позволяющие выйти на разработку интересующего вопроса. Одним из них стало поселение Орошаемое I в степном Нижнем Поволжье, изучение которого проходило последние 8 лет. Учитывая качественный характер памятника, полученная достоверная информация позволяет поставить цель предлагаемой работы – реконструкцию палеогеографического фона в неолите и энеолите на интересующей территории. Для ее достижения требуется решение ряда задач. Во-первых, определение точных хронологических границ рассматриваемых периодов. Во-вторых, восстановление природно-климатической обстановки. В-третьих, подкрепление полученные результаты археозоологическими данными.

Методы

Для анализа поселения Орошаемое I применялся стратиграфический метод. Он позволил выявить последовательное залегание культурных слоев, содержащих артефакты трех разных типов [Выборнов и др., 2016; Выборнов, Юдин, 2017, с. 30–33; Выборнов и др., 2018б, с. 212–216]. С учетом своеобразного характера распространения отложений использовался планиграфический метод. Его

результаты показали неравномерность и дискретность развития слоев различных культур [Vybornov et al., 2020, p. 54–57]. Типологический и технико-технологический анализ археологических источников дал основания выделить на памятнике комплексы орловской, прикаспийской и хвалынской культур [Выборнов и др., 2020а]. Для определения растительного покрова применялся спорово-пыльцевой метод. В шести образцах, отобранных из всех трех культурных слоев на поселении Орошаемое I, О.К. Борисовой в отделе палеогеографии четвертичного периода ИГ РАН было проведено изучение состава пыльцы и прочих микрофоссилий растительного и животного происхождения с целью реконструкции природной обстановки времени формирования соответствующих отложений. Для засушливых регионов в целом характерны низкие содержания и плохая сохранность пыльцы. Это объясняется относительно низкой пыльцевой продукцией степной и пустынной травянисто-кустарничковой растительности и неблагоприятными для сохранения пыльцевых оболочек физико-химическими и микробиологическими условиями в субаэральных отложениях. Кроме того, в выделенной для анализа фракции во всех шести образцах в избытке присутствуют микроскопические минеральные и органические частицы, что серьезно усложняет их анализ. В связи с этим в каждом образце подсчет был доведен только до 100–130 пыльцевых зерен (минимальное количество для определения процентных соотношений основных таксонов в спектре), после чего просмотр препаратов продолжался для поиска редких форм и более полного выявления состава палинофлоры и непальцевых палиноморф. Использование геохимического анализа выявило периоды аридизации и увлаженности и, соответственно, активности на памятнике [Kulkova et al., 2019, p. 381, 386]. Серии радиоуглеродных дат (получены М.А. Кульковой) по различным органическим материалам для всех культурных слоев установили достаточно убедительные хронологические рамки функционирования стоянок на памятнике в различные эпохи [Выборнов и др., 2020б, с. 21–22]. С целью соотнесения результатов палинологических данных о растительном покрове в неолите и энеолите при-

влекался фаунистический анализ, проведенный П.А. Косинцевым и Н.В. Росляковой. Совокупность результатов примененных методов и учет ранее полученных данных [Овчинников и др., 2020, с. 171–175] позволили достаточно эффективно начать разработку поставленных задач.

Анализ

Поселение Орошаемое I расположено на правом берегу р. Большой Узень и находится в 1,5 км севернее с. Александров Гай Саратовской области. В 1984 г. А.И. Юдиным было начато его исследование, а с 2014 г. продолжено им же совместно с А.А. Выборновым [Выборнов и др., 2016, с. 140–144; Выборнов и др., 2017, с. 185–187; Выборнов и др., 2018в, с. 215–221; Выборнов и др., 2020а]. В бассейне р. Б. Узень широко распространены суглинистые отложения позднехвалынской трансгрессии Каспийского моря. После окончания трансгрессивной фазы начался субаэральный этап в развитии рельефа, в течение которого эти отложения подвергались частичной переработке эрозионными, склоновыми и эоловыми процессами.

В результате раскопок 2014–2019 гг. было установлено, что памятник имеет ряд преимуществ по сравнению с другими. Во-первых, было прослежено три последовательно располагавшихся культурных слоя. Во-вторых, эти слои разделялись стерильными прослойками, достигавшими в ряде случаев большой мощности (рис. 1). Это препятствовало смещению разновременных артефактов. В-третьих, все они залегают в эоловом суглинке, что предотвращало перемещение находок в слое. Таким образом, поселение Орошаемое I является стратифицированным и многокомплексным памятником. Это повышает его научную значимость как доброкачественного источника по изучению неолита и энеолита интересующего региона. Территориальное распространение слоев различных культур на данном объекте имеет определенную специфику. Так, верхние отложения, в которых расположены артефакты хвалынской и прикаспийской культур, залегают неравномерно по всей площади раскопанных участков, а каждый из них имеет свою планиграфическую концентрацию. При-

чем слой хвалынской культуры имеет достаточно ровную горизонтальность, а прикаспийской проявляет некоторую наклонность от западного к восточному сектору. Находки орловской культуры обнаружены без особой локализации. В то же время четко прослеживается изменение их расположения: в западной части памятника слой почти горизонтален, а в восточной зоне прослеживается плавный наклон в сторону современного русла реки, который завершается резким опусканием. Это дает основание предполагать, что древний берег был значительно ближе к памятнику, и нельзя исключать, что в половодье обитание на данном месте было затруднено.

Неравномерность расположения слоев не является каким-то исключением. На эпонимной Варфоломеевской стоянке, при достаточно четкой стратиграфии, автор раскопок прослеживает на отдельных участках отсутствие нижнего слоя, между слоями 2Б и 2А фиксируется стерильная прослойка, но не по всей протяженности памятника [Юдин, 2004, с. 14–17]. На стоянке Алгай слой хвалынской культуры за восемь лет раскопок был прослежен только на двух участках, прикаспийской на ряде участков выклинивался, а на других доходил до мощности 60 см; орловский в одних случаях был монолитен, а в других слоист [Выборнов и др., 2020в, с. 119; Выборнов и др., 2021, с. 101–103]. Все это усложняет исследовательскую задачу, особенно при междисциплинарных изысканиях.

Учитывая, что в ближайшей перспективе возобновление раскопок на Варфоломеевской стоянке по разным причинам весьма проблематично, а поселение Орошаемое I является на данный момент единственным доступным для изучения, мы стремились проводить комплексные исследования ежегодно на разных участках. Это касается радиоуглеродного датирования, фаунистических определений и пр. В связи с особой значимостью реконструкции природно-климатической обстановки, аналогичная задача стояла и для проведения спорово-пыльцевых анализов (рис. 2).

В нижнем слое поселения Орошаемое I, мощностью от 40 до 90 см, обнаружена керамика из ила с естественной примесью ракушки или из илистой глины с добавлением дроб-

ленной раковины. Сосуды прямостенные и плоскодонные. На некоторых венчиках представлен наплыв. Орнамент нанесен наколами треугольной и овальной формы в отступающей манере, иногда прочерками. Композиции представлены горизонтальными зигзагами, горизонтальными или наклонными рядами, а также их сочетаниями. Кремневый инвентарь изображен концевыми скребками на пластинах и отщепях, остриями, микролитами типа сегментов и трапеций со струганной спинкой. По сумме технико-типологических признаков этот комплекс соответствует характеристикам орловской неолитической культуры. Эти археологические наблюдения подтверждаются серией радиоуглеродных дат по углю и коллагену, интервал которых укладывается в 7245 BP (6227 BC) – 6889 BP (5933 BC) и 6620 BP (5720 BC) – 6551 BP (5570 BC) [Выборнов и др., 2020б, с. 21].

Отложения позднихвалынской трансгрессии служат «материком» для нижнего культурного слоя поселения Орошаемое I. Морской генезис отложений, которые подстилают наиболее ранний культурный слой поселения Орошаемое, подтверждается наличием большого количества обломков спикул морских губок, особенно в нижнем образце. Кроме того, здесь в изобилии встречаются оболочки одноклеточных планктонных водорослей cf. *Micrhystridium* – обитателей солоноватоводных морских бассейнов с глинистым дном. Вверх по разрезу содержание этих микрофоссилий быстро сокращается. Дальнейшее осадконакопление на этом участке происходило за счет переотложения морских осадков эоловыми и склоновыми процессами, а также, во время образования культурных слоев, за счет накопления продуктов и отходов жизнедеятельности человека. В частности, о присутствии большого количества гниющих органических остатков свидетельствуют находки спор плесневого гриба *Chaetomium*, особенно многочисленные в нижней части слоя. Этот типичный сапрофит развивается на гниющих стеблях трав, на коже, костях, перьях. О наличии хорошо развитой растительности на участке поселения и на прилегающем склоне на раннем этапе существования поселения свидетельствует большое количество спор гломусовых грибов – симбионтов, образую-

щих микоризу с высшими растениями (их развитие способствует получению минеральных веществ растениями, тогда как грибы получают от растений синтезированные ими органические вещества). Кроме того, в нижней части орловского слоя обнаружено большое количество спор сажистых грибов *Thecaphora*, паразитирующих на различных растениях, в частности, на выюнках, пасленовых и др.

В образце из основания орловского культурного слоя (глубина отбора 330 см) содержание пыльцы маревых наиболее низкое из всех полученных пыльцевых комплексов – около 20 % спектра. Доля пыльцы полыней, других видов семейства астровых и цикориевых составляет по 11–13 % спектра. Пыльца *Asteraceae* морфологически очень разнообразна, и, хотя определить ее принадлежность к определенному виду или даже роду из этого обширного семейства невозможно, здесь встречается пыльца морфологического типа, присущего ромашнику (*Tanacetum achilleifolium*), – одному из доминантов современного растительного покрова региона. Найдена также пыльца лютиковых, гречишных, розоцветных и, единично, гвоздичных, яснотковых и мареновых – семейств, которые включают в себя многие луговые и лугово-степные виды. Помимо пыльцы подорожника (*Plantago*) и василька (*Centaurea*), которая найдена и в остальных изученных образцах, только на этом уровне обнаружены единичные пыльцевые зерна стрелолиста (*Sagittaria*) – околородного растения, а также относительно влаголюбивого ежеголовника (*Sparganium*). Интересна находка пыльцы брионии – многолетней травянистой лианы из семейства тыквенных, которая растет среди кустарников, в оврагах, долинах рек и нередко как сорное вблизи жилья.

Образцы из средней части орловского слоя, с глубины 280 см и 270 см, схожи по составу пыльцевых комплексов. Помимо пыльцы сосны в нижнем из этих двух образцов обнаружены также единичные пыльцевые зерна березы и ивы, а в верхнем – ольхи. В образце с глубины 270 см найден также микроскопический фрагмент древесины тополя (обрывок ситовидной трубки)². Содержания пыльцы маревых, полыней, гречишных и подорожников в этом слое несколько выше, чем в нижнем образце, а количество астровых,

цикориевых и лютиковых, напротив, меньше. При этом состав разнотравья значительно богаче: помимо перечисленных выше, в этом слое найдена пыльца растений еще из 15 семейств. Показательны находки пыльцы кермека (*Limonium*) из семейства свинчатковых (Plumbaginaceae), растущего на солончаках и на засоленных лугах в поймах рек, луговых видов – кровохлебки (*Sanguisorba*), василисника (*Thalictrum*) и скабиозы (*Scabiosa*) – обитателя легких и нарушенных грунтов, суходольных лугов и степей. Кроме того, здесь обнаружена пыльца вьюнка (*Convolvulus*). Этот род включает в себя как широко распространенные сорные виды, растущие по нарушенным грунтам (например, *C. arvensis*), так и обитателей солонцеватых грунтов (*C. lineatus*).

В образце из верхней части орловского культурного слоя, с глубины 240 см, доля пыльцы Chenopodiaceae достигает 55 % спектра. Из деревьев здесь найдены только единичные пыльцевые зерна сосны. Нельзя исключать их попадание на памятник в результате дальнего переноса. Находки микроскопических фрагментов сосудов древесины с характерной перфорацией указывают на локальное присутствие ивы и березы, хотя пыльца этих древесных пород здесь не обнаружена. Можно лишь отметить, что ивняки характерны для берегов степных рек. Сохраняется большое разнообразие трав и кустарничков, причем их состав несколько изменяется по сравнению с нижележащим слоем. Так, например, здесь обнаружена пыльца хвойника (*Ephedra*) – типичного ксерофита, характерного вида степей и полупустынь, молочая (*Euphorbia*) – рода, который включает луговые и лугово-степные виды, мордовника (*Echinops*) – обитателя степных склонов и нарушенных грунтов, и алтея (*Althea*), разные виды которого растут по влажным пойменным лугам и кустарникам, а также по нарушенным грунтам. Пыльца Poaceae в образцах из орловского слоя встречается единично, однако во всех препаратах обнаружены мелкие фрагменты эпидермиса листьев злаков, что подтверждает их участие в составе локальной растительности. Кроме того, в образцах с глубины 280, 270 и 240 см обнаружены остатки почвенных беспозвоночных – панцирных клещей (Acari, Oribatei) и

значительное количество разнообразных спор грибов, включая гломусовые.

Для сравнения: на Варфоломеевской стоянке 3 культурный слой, соответствующий нижнему уровню орловского слоя на Орошаемом I, характеризуется господством злаково-попынных группировок и засоленными участками с маревыми. Слой 2Б памятника, сравнимый со средней и верхней частью неолитического слоя на Орошаемом, представлен попынно-злаковой степью, затем марево-попынной полупустыней, которая в свою очередь меняется на попынно-злаковую степь. А в верхней части слоя 2А, то есть на завершающем этапе развития орловской культуры, на смену злаковым степям сформировались марево-попынные, то есть полупустынные и даже пустынные условия [Юдин, 2004, с. 7–8]. По неолитическому слою поселения Орошаемое I прослеживается, что на момент появления и развития орловского населения природно-климатические условия были весьма благоприятными. А затем начинается процесс иссушения.

Судя по результатам геохимического анализа орловского слоя на Орошаемом I, в период 6200 – 5900 BC фиксируются теплые и влажные условия. Это благоприятно отразилось на растительном покрове. Подтверждением тому служат и данные о фауне того периода: доминирует тур, широко представлены сайга, тарпан и кулан, и даже благородный олень. Не случайно именно в этом интервале фиксируется высокая антропогенная активность. Примечательно, что внутри неолитических отложений прослеживаются короткие периоды аридизации. Это подтверждается как литологией, так и отсутствием в соответствующих пластах даже костей животных. Видимо, не случайно есть определенный разрыв между полученными датами 6900 и 6700 лет ВР. Причем количество тура и кулана от нижнего к верхнему уровню сокращается, что отражает тенденцию изменения климата и растительности.

Выше неолитического слоя прослежена достаточно мощная стерильная прослойка. Судя по результатам геохимического анализа, именно на этот период выпадает максимальная аридизация климата и высокая температура.

Затем начинается средний слой поселения Орошаемое I, мощностью от 30 до 70 см. Керамика сделана из илистой глины с примесью дробленой раковины. Верхняя внешняя часть сосудов оформлена в виде воротничка. Орнамент наносился гребенчатым штампом и прочерченными линиями. Орудия труда изготовлены преимущественно из кварцита техникой усиленного отжима. Инструменты представлены концевыми скребками, ножами, остриями и вкладышами. Вышеперечисленные показатели присущи прикаспийской культуре. Судя по радиоуглеродным датам, ее носители обитали на памятнике 5900 BP (5060 BC) – 5800 BP (4724 BC).

В образце с глубины 140 см, относящемся к прикаспийскому слою, найдены единичные пыльцевые зерна сосны, березы и вяза, а также микроскопические фрагменты ситовидной трубки из древесины березы и коры лиственной древесной породы. Содержание пыльцы маревых в этом образце максимальное для всего разреза – 65 % спектра. Доля прочих основных компонентов спектра (астровых, цикориевых и гречишных) снижается до 3 %. Сокращается и разнообразие травянистых растений, представленных в спектре: из разнотравья, помимо перечисленных выше семейств, обнаружена только пыльца розоцветных, гвоздичных, яснотковых и бобовых. Найдена также пыльца растений, обитающих на участках с нарушенным или несформированным почвенным покровом и на легких грунтах в зонах степей и полупустынь (*Ephedra distachya*, *Plantago*). В этом же слое вновь резко возрастает содержание спор *Glomus*, встречаются фрагменты эпидермиса листьев злаков и др. частицы и волокна растительного происхождения.

Судя по геохимическому анализу, начало периода существования прикаспийского слоя можно охарактеризовать как прохладное и влажное, а в конце происходит переход к влажным и теплым условиям. Именно с верхней частью слоя и сопряжено наибольшее количество артефактов. Следует отметить, что образец на палинологию для прикаспийской культуры был взят из нижней части слоя. Поэтому противоречия между результатами спорово-пыльцевого и геохимического анализов нет. Примечатель-

но, что в этом слое почти исчезает кулан, но увеличивается сайга.

Выше слоя с находками прикаспийской культуры залегает стерильный слой. По данным геохимического анализа в это время фиксируется максимальная аридизация и повышение температур.

Верхний культурный слой толщиной до 30 см по находкам относится ко времени бытования хвалынской энеолитической культуры. Возраст артефактов из этого горизонта датируется 4725–4336 cal BC. В образце с глубины 70 см содержание пыльцы маревых вновь снижается, однако при этом по сравнению с нижележащим слоем заметно возрастает только количество пыльцы полыни и хвойника (до 10 % спектра). Состав разнотравья становится более богатым. Из пыльцы деревьев и кустарников здесь единично встречается пыльца сосны и ивы, но других микроскопических древесных остатков не обнаружено. Пыльца *Poaceae* также единична, хотя в этом слое отмечено наибольшее количество фрагментов кожицы листьев злаков. Этот образец отличается от всех остальных заметной примесью обрывков растительных волокон и тканей и очень высоким содержанием спор и гиф гломусовых грибов. Не исключено, что в этом слое, на глубине всего 70 см от поверхности почвы, обнаруженные остатки принадлежат грибам, образующим мицелий на корнях современных растений или на недавно отмерших корнях, и именно этим объясняется хорошая сохранность и разнообразие спор *Glomus* в данном образце. И в то же время обилие остатков гломусовых грибов нередко рассматривается как признак усиления эрозии почв, когда они попадают в разрез вместе с грунтом в ходе делювиального смыва с соседних склонов. Содержание спор других групп грибов здесь, напротив, очень низкое. Интересна единичная находка кутикулы нематоды с длиной тела около 250 мкм – обычного компонента почвенной фауны.

Результаты геохимического анализа подтверждают переход от сухих условий к влажному и теплему климатическому периоду. Антропогенная активность повышается.

К сожалению, низкие содержания пыльцы в изученных образцах, ее плохая сохранность и обилие посторонних микроскопичес-

ких частиц, сильно затрудняющее процесс анализа, не позволяют сделать хорошо обоснованных выводов относительно изменений состава растительных сообществ и климатических условий в районе исследований за время обитания человека на стоянке Орошаемое. В связи с этим проведенные реконструкции носят предварительный и предположительный характер.

Результаты

Результаты пыльцевого анализа образцов из разновозрастных культурных слоев позволяют выявить как общие, так и отличительные черты соответствующих палинокомплексов.

Во всех изученных образцах резко преобладает пыльца трав и кустарничков; содержания пыльцы деревьев и кустарников не превышают 8 % спектра. Из древесных пород наиболее обычна пыльца сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*), хорошо приспособленная к переносу ветром. Она представлена хотя бы единичными пыльцевыми зернами в каждом образце. Пыльца других древесных пород (березы, ольхи, вяза и ивы) обнаружена в количестве 1–2 зерен в одном или двух из шести изученных образцов. Из травянистых растений наибольшая доля в спектрах приходится на пыльцу маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*). Далее в порядке убывания следуют представители семейств астровых, цикориевых и гречишных. Суммарная доля пыльцы разнотравья, за исключением трех названных выше семейств, составляет от 20–25 % спектра в нижней части орловского до 9 и 13 % в прикаспийском и хвалынском культурных слоях. Кроме того, во всех образцах в количестве до 10 % спектра обнаружена мелкая трехбороздная и трехбороздно-поровая пыльца, принадлежность которой из-за ее плохой сохранности не удалось определить даже до таксономического уровня семейства. Как известно, низкие содержания пыльцы злаков (*Poaceae*) в субаэральном отложении не соответствуют их роли в растительных сообществах. Пыльцевые оболочки злаков обладают относительно низкой стойкостью к разрушению в таких условиях по сравнению с бо-

лее плотной и толстой экзиной пыльцы маревых, астровых, цикориевых и др. В результате такого избирательного разрушения доля пыльцы последних в спектрах оказывается завышенной.

Общий состав пыльцевых спектров, разнообразие пыльцы луговых и степных растений и присутствие типичных ксерофитов и галофитов позволяет заключить, что в течение всего времени, охваченного разрезом, растительность на окружающей территории была близка к современным сухим степям (полупустыням) в сочетании с галофитно-степной и солончаковой растительностью в депрессиях рельефа. Описанные выше изменения в составе пыльцевых комплексов, вероятно, отражают некоторое иссушение климата, произошедшее за время формирования орловского слоя. Можно предположить, что наиболее сухие климатические условия существовали здесь во время образования прикаспийского культурного слоя. После этого вновь намечилось увеличение количества осадков, сопровождавшееся возрастанием неравномерности в их выпадении и, как следствие, развитием процессов эрозии почв. Косвенным признаком таких изменений может служить аномально высокое содержание пыльцы эфедры и остатков гломусовых грибов в образце из хвалынского культурного слоя.

Важно отметить, что общие тенденции, прослеженные на материалах палинологии и геохимии для поселения Орошаемое I, находят подтверждение и в результатах других методов, полученных на интересуемом памятнике [Овчинников и др., 2020].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-28-00082 «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход».

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project № 22-28-00082 “Neolithization of the Lower Volga Region: An Interdisciplinary Approach”.

² Определение проведено при помощи компьютерной базы данных по микростроению древесины www.woodanatomy.ch.

ПРИЛОЖЕНИЯ

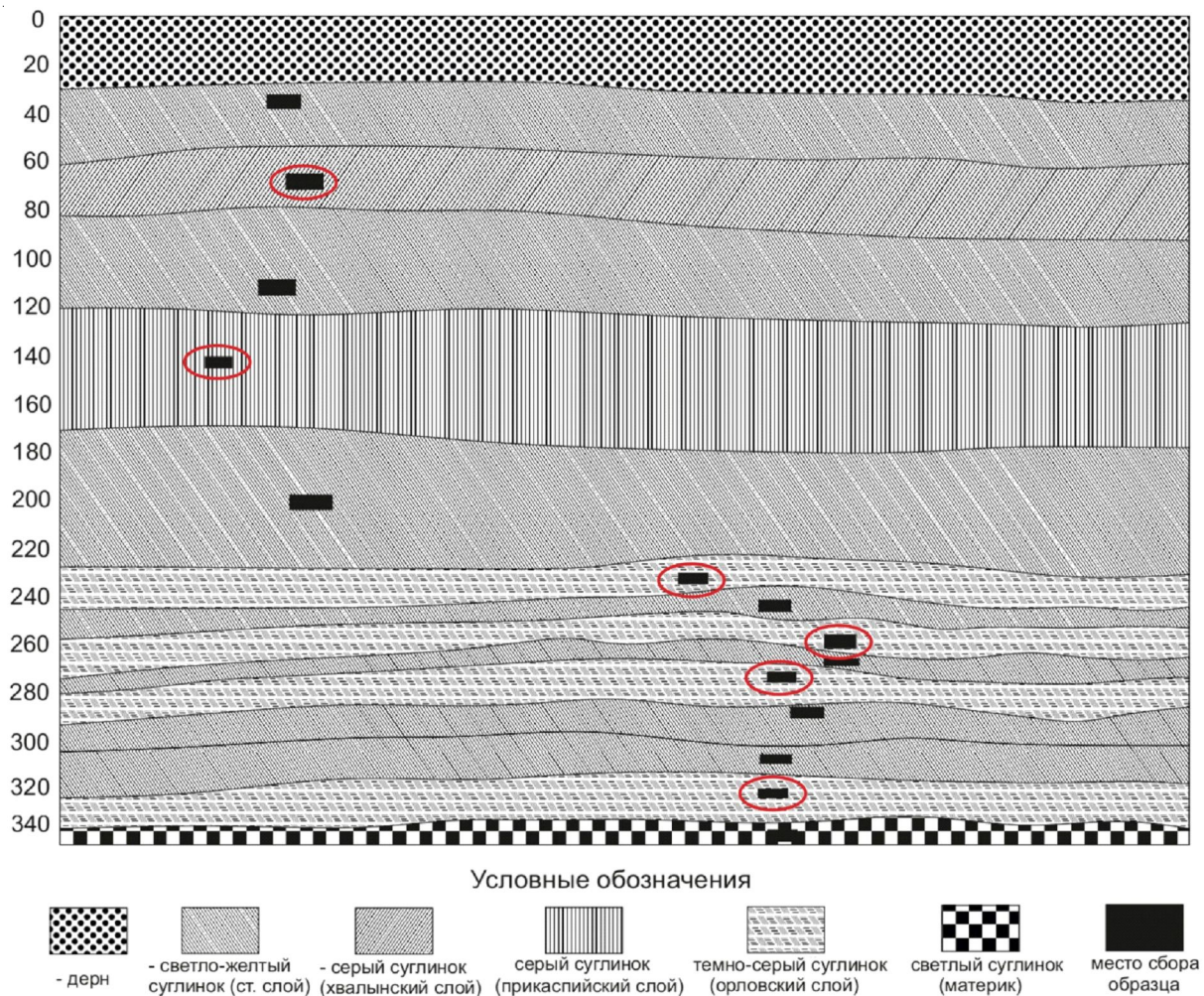

Рис. 1. Местоположение отбора образцов на палинологический анализ в раскопе поселения Орошаемое I
 Fig. 1. The locations of pollen sampling in the excavation of Oroshaemoe I site

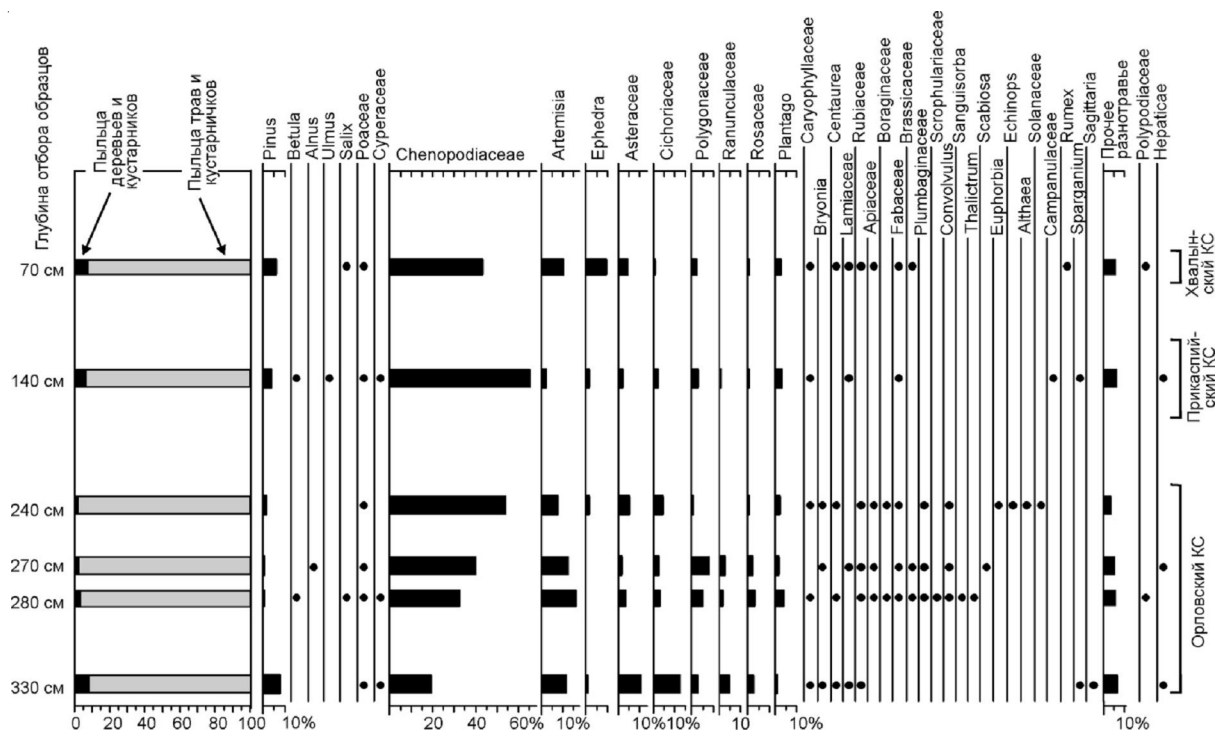

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма по материалам поселения Орошаемое I

Fig. 2. Pollen diagram of Oroshaemoe I site

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Попов А. С., 2016. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18, № 3. С. 140–145.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., 2017. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15. Саратов : Полиграфия Плюс. С. 30–79.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Попов А. С., 2017. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19, № 3. С. 185–190.
- Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Филиппсен Б., 2018а. О времени появления и динамике распространения древнейших керамических традиций в степном Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.1>
- Выборнов А. А., Васильева И. Н., Дога Н. С., Рослякова Н. В., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Попов А. С., Юдин А. И., Ойнонен М., Посснерт Г., Стрельцов М. А., 2018б. Итоги исследования поселения Орошаемое в 2018 году // Самарский научный вестник. Т. 7, № 4 (25). С. 211–219.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Дога Н. С., Попов А. С., Платонов В. И., Рослякова Н. В., 2018в. Новые результаты исследований поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20, № 3. С. 215–222.
- Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И., 2019. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. № 2. С. 359–368.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Рослякова Н. В., Дога Н. С., Попов А. С., 2020а. Результаты исследования памятника Орошаемое в Нижнем Поволжье в 2019 году // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. Самара : СГСПУ. С. 66–77.
- Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Кулькова М. А., Юдин А. И., 2020б. Хронология стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье // Радиуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб. : ИИМК РАН. С. 21–22.
- Выборнов А. А., Васильева И. Н., Барацков А. В., Гилязов Ф. Ф., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Курбатова Л. А., Рослякова Н. В., Юдин А. И., 2020в. Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. Т. 9, № 1 (30). С. 118–131.
- Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Попов А. С., Юдин А. И., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Косинцев П. А., 2021. Результаты раскопок стоянки Алгай в 2020 году в степном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 3, № 2. С. 100–122.
- Овчинников А. Ю., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Занина О. Г., Лопатина Д. А., Дога Н. С., Юдин А. И., Алифанов В. М., 2020. Почвенно-экологические условия на нео-энеолитическом поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Почвоведение. № 2. С. 165–177.
- Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов : Изд-во СГУ. 200 с.
- Vybornov A., Kosintsev P., Kulkova M., 2015. The Origin of Farming in Lower Volga Region // Documenta Praehistorica. Vol. 42. P. 67–75.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Kulkova M. A., Doga N. S., Popov A. S., Barackov A. V., Gilyazov F. F., Somov A. V., 2020. Features of Neolithic-Eneolithic Cultural Layer Formation on the Sites of Algay and Oroschaemoe in the Low Volga Basin : Archaeology and Geochemistry // Acta Geographica Lodziensia. № 4. P. 49–59.
- Kulkova M., Vybornov A., Yudin A., Doga N., Popov A., 2019. New Interdisciplinary Research of Neolithic-Eneolithic Sites in the Low Volga River Region // Documenta Praehistorica. Vol. 46. P. 376–387.

REFERENCES

- Vybornov A.A., Yudin A.I., Vasilieva I.N., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Doga N.S., Popov A.S., 2016. Issledovaniya poseleniya Oroschaemoe v Nizhnem Povolzhye [The Studying of Oroschaemoe Site on the Lower Volga]. *Izvestiya Samarского nauchnogo centra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 18, no. 3, pp. 140-145.

- Vybornov A.A., Yudin A.I., 2017. Issledovaniya v Aleksandrovo-Gayskom rayone Saratovskoy oblasti v 2016 godu [Research in the Aleksandrovo-Gaysky District of the Saratov Region in 2016]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 15. Saratov, Poligrafiya Plus Publ., pp. 30-79.
- Vybornov A.A., Yudin A.I., Vasilieva I.N., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Doga N.S., Popov A.S., 2017. Novye materialy issledovaniy na poselenii Oroshaemoe v Nizhnem Povolzhye [New Materials of Investigations on the Oroshaemoe Site in the Lower Volga Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 19, no. 3, pp. 185-190.
- Vybornov A.A., Vasilieva I.N., Kulkova M.A., Filippsen B., 2018a. O vremeni poyavleniya i dinamike rasprostraneniya drevneyshih keramicheskikh traditsiy v stepnom Nizhnem Povolzhye [Chronology and Dynamics of Ancient Pottery Traditions' Dissemination in Steppes of the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 2, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.1>
- Vybornov A.A., Vasilieva I.N., Doga N.S., Roslyakova N.V., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Popov A.S., Yudin A.I., Oinonen M., Possnert G., Strelcov M.A., 2018b. Itogi issledovaniya poseleniya Oroshaemoe v 2018 godu [The Results of the Settlement Oroshayemoye Study in 2018]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 7, no. 4 (25), pp. 211-219.
- Vybornov A.A., Yudin A.I., Vasilieva I.N., Kosintsev P.A., Doga N.S., Popov A.S., Platonov V.I., Roslyakova N.V., 2018v. Novye rezultaty issledovaniy poseleniya Oroshaemoe v Nizhnem Povolzhye [New Results of Studies on the Oroshaemoe Site in the Lower Volga Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 20, no. 3, pp. 215-222.
- Vybornov A.A., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Doga N.S., Platonov V.I., 2019. Vremya poyavleniya proizvodnyashego hozyaystva v Nizhnem Povolzhye [When Food Producing Economy Appeared in the Lower Volga Region]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 359-368.
- Vybornov A.A., Yudin A.I., Vasilieva I.N., Kosintsev P.A., Roslyakova N.V., Doga N.S., Popov A.S., 2020a. Rezultaty issledovaniya pamyatnika Oroshaemoe v Nizhnem Povolzhye v 2019 godu [The Results of Studies on the Oroshaemoe Site in the Lower Volga Region in 2019]. *Voprosy arheologii Povolzhya* [Archeological Issues of the Volga region], iss. 8. Samara, SSSPU, pp. 66-77.
- Vybornov A.A., Gilyazov F.F., Kulkova M.A., Yudin A.I., 2020b. Hronologiya stoyanok Algay i Oroshaemoe v Nizhnem Povolzhye [The Chronology Of The Algay And Oroshaemoe Sites In The Low Povoljje]. *Radiouglerod v arheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashee, budushee* [Radiocarbon in Archeology and Paleoeology: Past, Present, Future]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 21-22.
- Vybornov A.A., Vasilieva I.N., Barackov A.V., Gilyazov F.F., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Kurbatova L.A., Roslyakova N.V., Yudin A.I., 2020v. Itogi issledovaniya stoyanki Algay v 2019 godu v Nizhnem Povolzhye [The Results of the Study of the Algay Site (2019) in the Lower Volga Region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 9, no. 1 (30), pp. 118-131.
- Vybornov A.A., Gilyazov F.F., Doga N.S., Popov A.S., Yudin A.I., Vasilieva I.N., Kulkova M.A., Roslyakova N.V., Kosintsev P.A., 2021. Rezultaty raskopok stoyanki Algay v 2020 godu v stepnom Povolzhye [Results of Excavations at the Algay Site in the Steppe Volga Region in 2020]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 3, no. 2, pp. 100-122.
- Ovchinnikov A.U., Vybornov A.A., Kulkova M.A., Zanina O.G., Lopatina D.A., Doga N.S., Yudin A.I., Alifanov V.M., 2020. Pochvenno-ekologicheskie usloviya na neo-eneoliticheskom poselenii Oroshaemoe v Nizhnem Povolzhye [Soil-Ecological Conditions on Neo-Eneolithic Settlement "Oroshaemoe" in the Lower Volga Region]. *Pochvovedenie* [Soil Science], no. 2, pp. 165-177.
- Yudin A.I., 2004. *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzhya* [Site Varfolomeevskaya and the Neolithic of the Steppe Volga Region]. Saratov, SSU. 200 p.
- Vybornov A., Kosintsev P., Kulkova M., 2015. The Origin of Farming in Lower Volga Region. *Documenta Praehistorica*, vol. 42, pp. 67-75.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Kulkova M. A., Doga N. S., Popov A. S., Barackov A. V., Gilyazov F. F., Somov A. V., 2020. Features of Neolithic-Eneolithic Cultural Layer Formation on the Sites of Algay and Oroshaemoe in the Low Volga Basin: Archaeology and Geochemistry. *Acta Geographica Lodziensia*, no. 4, pp. 49-59.
- Kulkova M., Vybornov A., Yudin A., Doga N., Popov A., 2019. New Interdisciplinary Research of Neolithic-Eneolithic Sites in the Low Volga River Region. *Documenta Praehistorica*, vol. 46, pp. 376-387.

Information About the Authors

Aleksander A. Vybornov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of National History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Olga K. Borisova, Doctor of Sciences (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 29, 119017 Moscow, Russian Federation, olgakborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1728-7610>

Marianna A. Kulkova, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Associate Professor, Department of Geology and Geoecology, Herzen State Pedagogical University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Aleksander I. Yudin, Doctor of Sciences (History), Deputy Director for Research, Research Center for the Preservation of Cultural Heritage, Glebuchevo St, 492, 410056 Saratov, Russian Federation, aleyudin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1901-1001>

Информация об авторах

Александр Алексеевич Выборнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Ольга Кимовна Борисова, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН, пер. Старомонетный, 29, 119017 г. Москва, Российская Федерация, olgakborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1728-7610>

Марианна Алексеевна Кулькова, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Александр Иванович Юдин, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, ул. Глебучев овраг, 492, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, aleyudin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1901-1001>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.2>

UDC 930.26:903.5(470.4)
LBC 63.48(235.44)-427

Submitted: 30.07.2022
Accepted: 27.10.2022

**BONE TISSUE DEFECTS ON HUMAN SKULLS
FROM OF THE ENEOLITHIC BURIAL GROUND OF THE YEKATERINOVSKY CAPE
IN THE SOUTH OF THE MIDDLE VOLGA REGION.
REVISITING SPECIFICS OF CULTURAL TRADITIONS ¹**

Aleksandr A. Khokhlov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. Unusual defects mainly in the form of surface ellipsoid or less commonly sub-circular indentations were recorded on the skulls of mature individuals from the Eneolithic burial grounds in the forest-steppe area of the Volga region (Yekaterinovskiy cape). Almost all of the defects are localized on the parietal bones. The origin of the small-sized lesions could be associated with trauma. The large defects occur due to additional surgical prophylaxis by scraping. There are separate cases of classical end-to-end trepanation (burial 57/1, 83). The authors conducted a comparative analysis of the identified defects with similar injuries on the materials from ancient burial grounds of the Volga region (Khvalynsk I, II), other regions and periods of Europe. Ritual character connected to age initiation rites was previously attributed to their origin. This thesis is supported by new source discovery (Yekaterinovskiy cape). The probability of the so-called symbolic trepanation is considered. We do not exclude these types of reasons. However, priority in determining the technical content of the period of trauma development that accompanied the ritual is given to other target settings. Their natural appearance was initially associated with “shock symbols” and after the entire ceremony, if necessary, surface trepanation was used for medicinal purposes. Such marginal traditions are usually characteristic of ancient highly organized and influential societies, which is confirmed by archaeological data, in particular, regarding the fame and role of the Khvalyn Eneolithic population in the cultural processes of the central regions of Eurasia. The beginning of the trauma ritual in the Volga region was laid at least in the 6th millennium BC (Yekaterinovskiy cape), then adapted and developed by the ancient Khvalyn groups.

Key words: Eneolithic skulls, South of the Middle Volga region, shock symbols, symbolic trepanation, ritual.

Citation. Khokhlov A.A., 2022. Defekty kostnoy tkani na cherepakh lyudey eneoliticheskogo mogil'nika Ekaterinovskiy mys yuga Srednego Povolzh'ya. K voprosu spetsifiki kul'turnykh traditsiy [Bone Tissue Defects on Human Skulls from of the Eneolithic Burial Ground of the Yekaterinovskiy Cape in the South of the Middle Volga Region. Revisiting Specifics of Cultural Traditions]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 21-32. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.2>

УДК 930.26:903.5(470.4)
ББК 63.48(235.44)-427

Дата поступления статьи: 30.07.2022
Дата принятия статьи: 27.10.2022

**ДЕФЕКТЫ КОСТНОЙ ТКАНИ НА ЧЕРЕПАХ ЛЮДЕЙ
ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС
ЮГА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ.
К ВОПРОСУ СПЕЦИФИКИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ¹**

Александр Александрович Хохлов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. На черепах людей зрелого возраста из могильника энеолита лесостепного Поволжья (Екатериновский мыс) зафиксированы в большой доле своеобразные дефекты преимущественно в виде поверхностных вдавлений эллипсоидной или реже подокруглой формы. Практически все они локализова-

ны на теменных костях. Происхождение малых по размерам поражений могло быть связано с ударной травматикой. Возникновение больших дефектов обязано проведению дополнительной хирургической профилактики методом скобления. Имеются отдельные случаи классической сквозной трепанации (погр. 57/1, 83). Проведен сопоставительный анализ дефектов – травм с подобными повреждениями по материалам из древних могильников Поволжья (Хвалынский I, II), других регионов и времени Европы. Их происхождению ранее придавался ритуальный характер в связи с обрядами возрастной инициации. Этот тезис с поступлением новых источников (Екатериновский мыс) поддерживается. Рассмотрен вопрос о вероятности их отнесения к так называемой символической трепанации. Этот контекст причин не исключается. Однако приоритет в определении технического содержания периода развития травмы, сопровождавшего ритуал, отдан другим целевым установкам. Их натуральное возникновение изначально связано с «ударной символикой» и после проведения всего обряда, при необходимости, применялась поверхностная трепанация в лечебных целях. Такие маргинальные традиции обычно свойственны древним высокоорганизованным и влиятельным обществам, что подтверждается археологическими данными, в частности, относительно известности и роли хвалынского энеолитического населения в культурогенетических процессах центральных районов Евразии. Начало ритуалу травмирования в Поволжском регионе было положено как минимум в 6 тыс. до н.э. (мог. Екатериновский мыс), затем заимствовано и развито древнехвалынскими группами.

Ключевые слова: черепа эпохи энеолита, юг Среднего Поволжья, ударная символика, символическая трепанация, ритуал.

Цитирование. Хохлов А. А., 2022. Дефекты костной ткани на черепках людей энеолитического могильника Екатериновский мыс юга Среднего Поволжья. К вопросу специфики культурных традиций // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 21–32. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.2>

Введение

На территории энеолитического грунтового могильника, исследованного в 2016–2018 гг. отрядом САЭ у села Екатериновка Безенчукского района Самарской области, было обнаружено 101 захоронение. Культурная принадлежность памятника еще строго не обозначена. По авторам раскопок [Королев и др., 2015] хронологически он занимает позицию между комплексами самарской (Съезжее I) и хвалынской энеолитических культур. Это было подтверждено серией дополнительно полученных радиоуглеродных дат: Екатериновский мыс (6415–5995 / ± 30 BP; PSUAMS:2876, 2884), Съезжее I, погр. 2 (5925 ± 25 BP, PSUAMS-8842), Хвалынский I, II (5995–5625 / ± 25 BP; PSUAMS:2884, 2885). На скелетах людей фиксируется специфическая патология, которая может быть связана с культовыми церемониями древних обществ, и это заслуживает отдельного внимания.

Материал и методы

На 17 черепках (10 мужских, 6 женских и один неопределенный), принадлежавших людям зрелого возраста (погр. 1, 2, 20, 24, 28, 45, 49, 57, 73, 80а (черепок № 3), 81, 83, 84, 86, 82, 94, 97), зафиксированы своеобразные

дефекты (рис. 1). Все они, за одним исключением (погр. 73), локализованы на теменных костях, представляют собой преимущественно эллипсоидной и иногда округлой формы поверхностные вдавления. Их размеры от 11,0 × 11,0 мм² (погр. 73) до 24,0 × 55,0 мм² (погр. 82). В ряде случаев на черепках встречается по несколько таких костных дефектов. Максимальное их количество – до пяти – на черепках из погр. 49, 57, 86. В основном повреждена верхняя компакта. На некоторых черепках затронут слой диплоэ и есть отдельные дефекты, где разрушена внутренняя компакта, отчасти вследствие посмертных воздействий.

Методы диагностики поверхностных прижизненных повреждений на скелетах, а именно выяснения конкретных причин их возникновения не могут быть окончательно разработаны ввиду разной рефлексии костной ткани на какие-либо стрессовые воздействия (экологические, физические). По таким чувствительным вопросам обычно используют врачебный, криминалистический и палеоантропологический опыт, а также, если имеются, этнографические источники.

Анализ

На двух черепках (погр. 57/1, 83) (рис. 2) фиксируются в сумме три сквозных повреж-

дения, два на первом и одно на втором. Особенно они выразительны на правых теменных костях. На первом черепе подовальной формы (погр. 57/1: $29,0 \times 18,5$ мм²), на втором эллипсоидной (погр. 83: $20,0 \times 32,0$ мм²), с наклонно-отвесными входными краями. Происхождение таких дефектов сомнений не вызывает – это классическая трепанация, выполненная с использованием приема скобления, и, возможно, отчасти сверления. Кроме того, стенки входа во внутреннюю полость черепа заглажены, ее средний слой (диплое) облитерирован, что рассматривается как заживление травм. На правой теменной кости черепа фиксируется еще одна, менее выразительная, но все же сквозная трепанация ($24,0? \times 44,5? \text{ мм}^2$). Таким образом, могильник Екатериновский мыс предоставил дополнительные случаи сквозной медицинской трепанации для эпох камня и палеометалла Евразии, возраст которых около 8 000 лет от наших дней.

Вызывает внимание вопрос происхождения поверхностных дефектов, особенно небольших размеров. Аналогичные им, описанным выше по общему характеру поражения костной ткани, были зафиксированы ранее во множественных случаях на черепах географически сравнительно близких энеолитических могильников Поволжья Хвалынский I и Хвалынский II [Мкртчян, 1988; Хохлов, 2010; 2012]. Их характер и локализация на краниологических материалах обоих памятников во многом идентичны. В публикациях названных исследователей отмечалась вероятность ритуального назначения этих повреждений.

В хвалынских могильниках нет отчетливого примера сквозной трепанации, за исключением сомнительного случая (Хвалынский II, погр. 32 [Хвалынские энеолитические могильники ... , 2010, с. 418]) в виде небольшого округлого отверстия на правой теменной кости у лямбды ($8,5 \times 10,0$ мм²). В могильнике Екатериновский мыс имеется похожее небольшое округлое глубокое вдавление на затылочной кости под лямбдой (погр. 73: $11,0 \times 11,0$ мм²). Оба напоминают небольшие трепанации, выполненные методом сверления, но это не очевидно. Нужно отметить, что в могильнике Хвалынский II (погр. 21) есть отчетливые следы скобления лекарем участка левой теменной кости, а именно в виде наличия ряда па-

раллельных трасс (рис. 3) и сформировавшейся затем вокруг них костной мозоли. Это прямой показатель проведения поверхностной трепанации методом скобления. Форма этой незажившей травмы ладьевидная.

По хвалынским материалам дефекты обнаружены преимущественно на черепах людей пожилого возраста (примерно старше 40 лет), за исключением одного случая (Хвалынский II, погр. 28, возраст индивида около 25–35 лет). В екатериновской выборке дефекты встречены на черепах молодых индивидов чаще, причем один из них происходит из самого, судя по погребальному инвентарю, элитного захоронения (погр. 45) [Королев и др., 2018].

По частоте обнаружения количества травм среди людей зрелого возраста (старше 20–25 лет) формируется ряд: Хвалынский I (19,1 %) – Екатериновский мыс (35,7 %) – Хвалынский II (71,4 %). Здесь нужно иметь в виду, что в первом случае наблюдения неполные [Мкртчян, 1988], во втором плохая сохранность большинства черепов не позволила выявить подобные дефекты, которых, возможно, было бы больше, в третьем сохранность материала удовлетворительна и был осуществлен максимально полный его сбор антропологом в полевых условиях 1987–1988 годов. Так, из всех случаев наиболее объективный результат по представительности черепов с дефектами демонстрирует краниологическая серия могильника Хвалынский II (71,4 %).

Связывать происхождение описываемых дефектов с физиологическими расстройствами организма под влиянием каких-либо стрессовых факторов природной среды, способствовавших развитию столь специфических костных деструкций, в условиях здоровой экологической обстановки и при разреженной плотности населения столь древнего времени, большого смысла не имеет. Причину возникновения таких дефектов вследствие именно естественной патологии, проявляющейся причем почти в тотальных случаях, соответственно, никто из исследователей, касавшихся этой темы, не рассматривал.

Здесь, несомненно, просматривается некое антропогенное воздействие, но не боевого характера, что легко объясняется хотя бы отсутствием сквозных повреждений и следов компенсаторных трещин, последствий сильных ударных воздействий. Такие дефекты интер-

претировались, как было сказано выше, в связи с обрядовыми действиями, а именно целенаправленным травмированием при помощи умеренного ударного воздействия (не с целью убить) либо проведением поверхностных символических трепанаций [Хохлов, 2010, с. 422; 2012, с. 123]. Учитывались мнения М.Б. Медниковой, специально работавшей в этой отрасли знаний с древними и современными источниками Евразии [Медникова, 2001; 2004]. Так, согласно представлению данного автора [Медникова 2001, с. 125], частые примеры поверхностной трепанации на черепе человека предполагают, что их применение может быть связано с физическим испытанием человека как символа перехода из одной социальной категории в другую (инициация подростков, замужество и рождение детей у женщин, траур и т. д.).

Интересны собранные свидетельства М.Б. Медниковой из зарубежных источников о большой доле символических трепанаций в разновременных средневековых могильниках Центральной и Южной Европы [Медникова, 2004, с. 132–134]. Она приводит мнение венгерских исследователей, которые ко всему прочему упоминают некий врачебный трактат 1603 г., где выскабливание внешней пластинки черепа рекомендовано для лечения эпилепсии. По данным П. Боева, надрезы на черепе из могильников Болгарии обнаружены у мужчин и женщин, их количество от одного до 11, символические шрамы симметричны и создают определенный геометрический узор.

Такие примеры для рассмотрения наших краниологических источников важны. Подчеркнем, что поволжские материалы связаны со значительно более глубокой древностью (6–5 тыс. лет до н.э.), на которых фиксируется показательно весомое содержание черепов с дефектами. При этом здесь имеющиеся вдавления никаких очевидных геометрических узоров не образуют и связывать их с хирургическими действиями при лечении от эпилепсии, разумеется, бессмысленно.

Подобные описанным нами поверхностные дефекты отмечались также на единичных черепах мезолита-энеолита Крыма и Надпорожья – Приазовья, в основном как следствие нанесенной травмы [Рохлин, 1965; Сурнина, 1961; Гохман, 1966; Батиева, 2001 и др.]. М.Б. Медникова со ссылкой на опубликован-

ные данные в зарубежной и отечественной научной литературе привела также множество примеров травм, в том числе поверхностных, на черепах людей Евразии и Африки времени верхнего палеолита – бронзы, связав многие из них с так называемым обычаем поверхностного рубцевания, который на основании современных этнографических параллелей является следствием именно культово-ритуальной деятельности [Медникова, 2004, с. 124–131].

С таким мнением относительно доисторических популяций можно согласиться, но лишь отчасти, если, например, в источниках прослеживалась бы какая-либо системность, наличие большой доли повреждений и их единый характер. Можно предполагать, что при ритуальном осуществлении поверхностного рубцевания головы в архаичных обществах повреждение наносилось на ее части, которые можно было бы легко продемонстрировать окружающим как доказательства прохождения инициации (лицо, лоб). А если это наносилось на темени и затылке, значит по логике должна быть либо бритая голова, либо еще и дополнительная показательная символика, например татуировка.

По материалам энеолита Поволжья (Хвалынский I, Хвалынский II, Екатериновский мыс) совокупность знаковых характеристик, как нам представляется, в следующем. По антропологическим данным: отчетливая как минимум двухкомпонентность состава [Хохлов, 2010; 2017], наличие достаточно большого количества поверхностных дефектов на черепах людей зрелый II (примерно старше 40 лет), локализация их почти исключительно на теменных костях, единичные случаи бездоказательной трепанации. По археологическим данным: неоднородная погребальная практика, наличие достаточно богатого инвентаря в отдельных захоронениях (булавы, каменные и костяные предметы, жертвенники), сложная, иерархически устроенная социальная структура, синкретичность общества – с присваивающим (охота и рыболовство) и производящим (скотоводство) типами хозяйства [Агапов и др., 1990; История Самарского Поволжья ... , 2000; Васильев, 2003; Anthony et al., 2022; и др.].

В этой сумме основных реперов очевидно, что рассматриваемое древнехвалынское и близкие ему культурно общества должны были иметь особую внутреннюю организацию, стро-

го регламентирующую поведение ее членов и, возможно, вовлеченных в этот союз представителей соседних племен. Доверительным подходом ко вхождению в такие социальные объединения обычно является единство мировоззренческих верований через единую культово-ритуальную практику. На примере суммы травматических поражений на черепах энеолитических групп юга Среднего Поволжья, видимо, обнаруживаются следы одной из общих таких традиций – процедуры некоей экзекуции людей через физическое насилие, в том числе инородцев, пожелавших войти в некий, видимо, престижный в округе духовный клан. Нужно к этому сказать, что известность хвалынской культуры, судя по распространению ее артефактов, для эпохи энеолита Евразии была довольно широкой, от Южного Приуралья до Балкан, и от восточного Прикаспия и Предкавказья до лесных областей Среднего Поволжья.

Для нас важно, что связанные генетически с хвалынским населением люди из синхронных захоронений Предкавказья (Прогресс-2, Воночка-1) [Anthony et al., 2022] имели классические трепанации сквозного типа. Такие трепанации, как и прежде зафиксированные им подобные на материалах неолитического могильника Вертолетное поле Нижнего Дона [Батиева, 2001], были причислены к разряду символических [Gresky et al., 2016]. Все это, без разбора вопроса о типе самих трепанаций или иных поражений головы, с учетом археологических и морфологических данных, может указывать на существование в эпоху энеолита некоего специфического символизма в ритуальной жизни племен юга Восточной Европы. Вероятно, все это обуславливает немалые масштабы межплеменных контактов и высокий социальный престиж таких групп, среди которых древнехвалынское население занимало одну из ведущих позиций.

Следует еще раз обратить внимание на множественное травмирование людей энеолитических племен Поволжья (до 3–7 травм на одном черепе). Разумеется, такое количество повреждений невозможно нанести человеку за один год. Это достаточно болезненные действия, которые связаны с риском летального исхода индивида от болевого шока, инфекции, психических стрессов. По материалам могильника Хвалынский II прослеживается положительная корреляция

– увеличение количества травм с увеличением возраста индивида [Хохлов, 2012, с. 123]. Скорее всего, обряд символической травматикой происходил планомерно, с определенной периодичностью, при наступлении подходящего момента.

Было ли это травмирование при помощи ударного воздействия или символическая трепанация? Различить причину поверхностной зажившей травмы черепа – ударное воздействие или проведение поверхностной трепанации – не всегда возможно. Обращалось внимание на предметы, которые могли бы служить для проведения ударного ритуала травмирования, в первую очередь булавы вождей [Хохлов, 2010; 2012; Anthony et al., 2022]. Доказать это их предназначение сложно. Можно лишь утверждать, что так называемые скипетры служили не только показателем власти элиты, но и в определенных случаях использовались при физических наказаниях или ритуалах. Разумеется, кроме скипетров инструментом символического насилия могли быть и другие орудия, например деревянные дубины. Ударное воздействие по голове испытуемого с целью ведения его в бессознательное состояние и какие-либо манипуляции с его телом – намного менее болезненный обрядовый процесс по сравнению с поверхностной трепанацией головы. Трепанация – сложная длительная процедура с начальным этапом рассечения кожных покровов головы, скоблением и вырезанием намеченного участка, с последующими этапами наложения лечебных мазей и повязок. Она требовала профессиональных навыков эскулапа, его высокой способности как можно больше ограничить риск летального исхода для испытуемого.

Однако трепанации, в том числе и поверхностные, в первую очередь имеют в основе лечебную функцию – ликвидацию воспалительных процессов костной массы, возникших при боевых столкновениях или каких-либо бытовых обстоятельствах.

Согласно исторической логике, первична – травма ударного воздействия, вторично – проведение поверхностной трепанации с целью лечения воспаленного участка мягкой и костной ткани, третично – придание тому и другому некоей символики, в итоге возникновение и развитие специфических ритуалов.

Это примерно то же самое, что и вырастание традиции преднамеренной искусственной деформации головы на основе непреднамеренной [Сергиевский район ... , 1997, с. 98, 99]. Первое на пустом месте возникнуть не может. Обязательно должен быть некий визуальный пример, которым скорее всего могла служить искаженная форма головы ребенка вследствие воздействия на нее фиксаторов, придуманных, например для заплечной колыбели среди подвижных по хозяйственному укладу племен древности.

В случае с энеолитическим населением Поволжья мы не можем точно знать причинно-следственных связей возникновения и технической процедуры проведения ритуала травмирования. Наличие на многих екатериновских, впрочем и хвалынских, черепах средних и крупных эллипсоидной или подовальной формы в основном заживших вдавлений связано именно с хирургической профилактикой повреждения, проведением трепанации преимущественно методом скобления. Вместе с тем наличие небольших размеров дефектов, а в двух случаях с небольшими зажившими трещинами в их углублении (Екатериновский мыс, погр. 49, 86), и также ряда сомнительных по происхождению вдавлений предполагает возможность применения именно травмирующих орудий ударного типа, в том числе булавок-скипетров. Таким образом, на наш взгляд, приоритет следует отдать появлению изначально именно «ударной символике». Основная доля проведенных трепанаций, скорее, была предпринята в лечебных целях. Нельзя исключить, что на древних поволжских материалах мы можем также наблюдать переход к развитию символической поверхностной трепанации либо одновременно принимать к сведению комбинирование при проведении ритуала обоих символических подходов. С учетом, однако, чрезмерной психосоматической нагрузки на человека, разумеется, не одновременной (до 5–7 травм), на наш взгляд, для столь древнего общества едва ли был развит «символизм» такой болезненной операции. Предпочтительнее говорить просто о существовании ритуала символического травмирования. На примере материалов могильника

Екатериновский мыс время бытования этого обряда в лесостепном Поволжье удревнено до 6 тыс. лет до н.э.

Результаты и выводы

В среде племен юга Среднего Поволжья, известных по материалам екатериновского и хвалынских энеолитических памятников, существовал своеобразный ритуал травмирования. Он, как форма проведения некоей социальной инициации, был предназначен для людей зрелого возраста обоего пола.

Обряд состоял в нанесении травмы на голову человека в область темени. Она могла иметь комбинированный характер. Изначально была связана с ударной символикой с целью введения испытуемого в бессознательное состояние и после проведения обряда при необходимости применялась поверхностная трепанация в лечебных целях.

Цель ритуала и полную технику манипуляций с телом человека определить невозможно. Такие маргинальные экзекуции могли возникнуть и развиваться только в высокоорганизованных обществах с богатой духовной идеологией. Данный аспект жизнедеятельности населения энеолита Поволжья согласуется с археологическими представлениями о его широких каналах связи, благодаря которым присущие древнехвалынским племенам элементы культуры распространялись и заимствовались соседними племенами на довольно большом географическом пространстве Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

The work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00194 “The Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and Cis-Urals region in the Neolithic and Early Iron Age according to archeological, anthropological and genetics sources”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

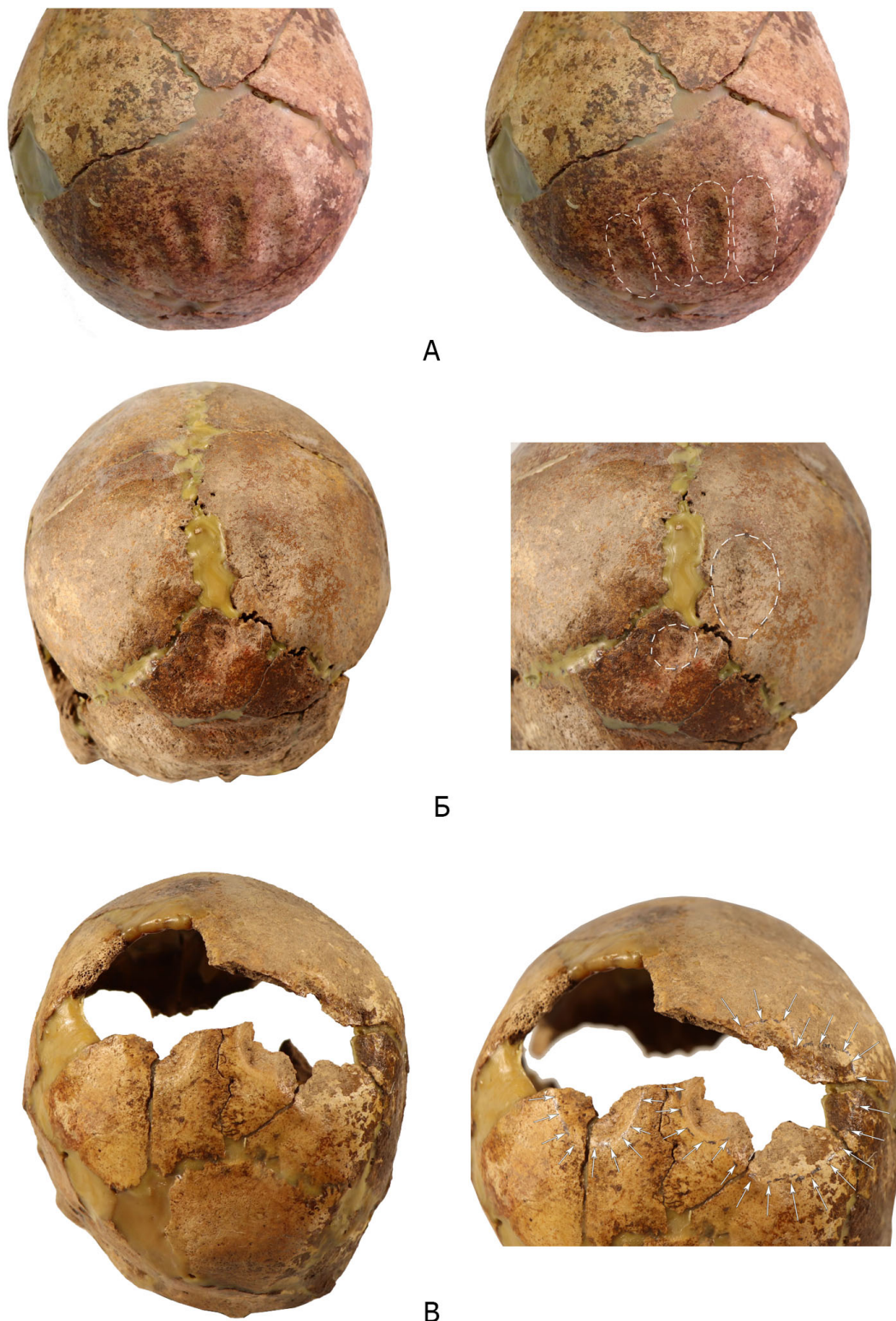

Рис. 1. Поверхностные травмы на черепаках энеолитического могильника Екатериновский мыс юга Среднего Поволжья (фото А.А. Хохлова):

А – погр. 20; Б – погр. 73; В – погр. 84

Fig. 1. Surface injuries on Eneolithic skulls from Yekaterinovsky cape burial ground in the south of the Middle Volga region (photo by A.A. Khokhlov):

А – burial 20; Б – burial 73; В – burial 84

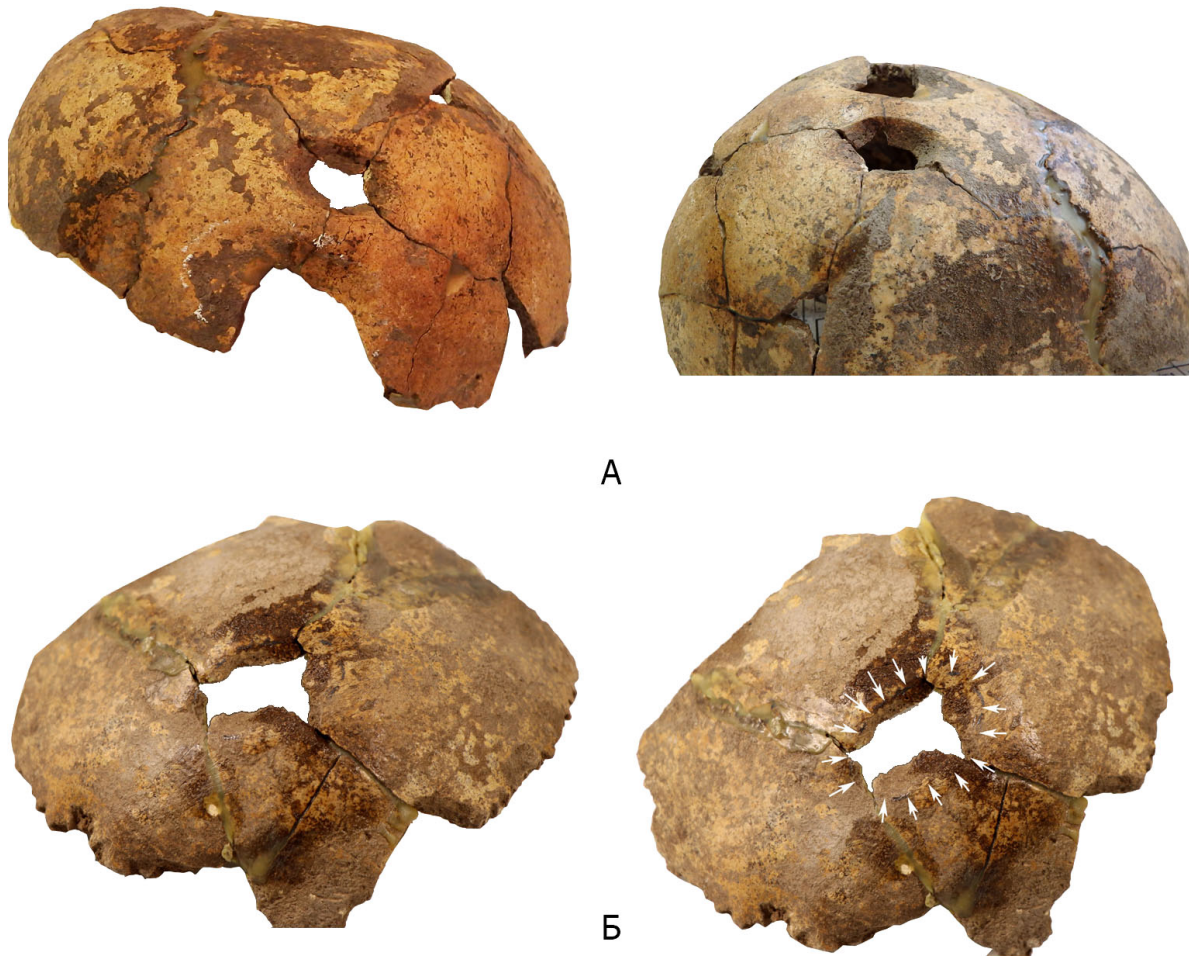

Рис. 2. Сквозные трепанации на черепах могильника Екатерининский мыс (фото А.А. Хохлова):

А – погр. 57; Б – погр. 83

Fig. 2. Through trepanations on the skulls from the Yekaterinovskiy cape burial ground (photo by A.A. Khokhlov):

А – burial 57; Б – burial 83

Рис. 3. Пример незажившей травмы после проведения поверхностной трепанации на черепе скелета № 21 энеолитического могильника Хвалы́нск II (по: [Хохлов, 2012, рис. 4])

Fig. 3. Example of an unhealed injury after superficial trepanation on the skull of skeleton No. 21 from the Eneolithic burial ground Khvalynsk II (after: [Khokhlov, 2012, fig. 4])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов : СГУ. 159 с.
- Батиева Е. Ф., 2001. Новые материалы по антропологии Нижнего Подонья // Вестник антропологии. Вып. 7. С. 116–125.
- Васильев И. Б., 2003. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара : СНЦ РАН. С. 61–99.
- Гохман И. И., 1966. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М. : Наука. 196 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век, 2000. Самара : Изд-во Самар. науч. центра РАН. 312 с.
- Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., 2015. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. Т. 17, № 3 (2). С. 514–517.
- Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., Хохлов А. А., 2018. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // *Stratum plus*. № 2. С. 285–302.
- Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М. : Науч. мир. 303 с.
- Медникова М. Б., 2004. Трепанации в древнем мире и культ головы народов Евразии. М. : Алетейа. 208 с.
- Мкртчян Р. А., 1988. Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга Европейской части СССР (по материалам могильников «Госпитальный холм и Хвалынский»): дис. ... канд. ист. наук. М. 171 с.
- Рохлин Д. Г., 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М. ; Л. : Наука. 303 с.
- Сергиевский район. Древность и средневековье : Археологические очерки, 1997. Самара : СамГПУ. 255 с.
- Сурнина Т. С., 1961. Палеоантропологические материалы из Вольненского неолитического могильника // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 71. М. : Изд-во АН СССР. С. 3–25.
- Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская культура, 2010. Самара : Поволжье. 583 с.
- Хохлов А. А., 2010. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара : Поволжье. С. 407–517.
- Хохлов А. А., 2012. Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья // Этнографическое обозрение. Вып. 2. С. 118–125.
- Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара : СГСПУ. 368 с.
- Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D., 2022. The Eneolithic Cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Praehistorische Zeitschrift*. Vol. 97, № 1. P. 22–67. DOI: <https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034>
- Gresky J., Batieva E. F., Kitova A. O., Kalmykov A. A., Belinskiy A. B., Reinhold S., Berezina N. Ya., 2016. New Cases of Trepanations from the 5th to 3rd Millennia BC in Southern Russia in the Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery? // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 160, № 4. P. 665–682.

REFERENCES

- Agapov S.A., Vasil'ev I.B., Pestrikova V.I., 1990. *Hvalynskiy Eneoliticheskiy mogil'nik* [Khvalynskiy Eneolithic Burial Ground]. Saratov, SSU. 159 p.
- Batieva E.F., 2001. Novye materialy po antropologii Nizhnego Podon'ya [New Materials on the Anthropology of the Lower Don Region]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], iss. 7, pp. 116-125.
- Vasil'ev I.B., 2003. Hvalynskaya Eneoliticheskaya kul'tura Volgo-Ural'skoy stepi i lesostepi (nekotorye itogi issledovaniya) [Khvalyn Eneolithic Culture of the Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe (Some Results of the Research)]. *Voprosy arheologii Povolzh'ya* [Issues of Archaeology of the Volga Region], iss. 3. Samara, Samara Scientific Center of RAS, pp. 61-99.

- Gohman I.I., 1966. *Naselenie Ukrainy v epohu mezolita i neolita* [The Population of Ukraine in the Mesolithic and Neolithic Era]. Moscow, Nauka Publ. 196 p.
- Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshih vremen do nashih dney. Kamennyi vek* [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. The Stone Age], 2000. Samara, Izd-vo Samar. nauch. tsentra RAN. 312 p.
- Korolev A.I., Kochkina A.F., Stashenkov D.A., 2015. Ekaterinovskiy mys – novyj Eneoliticheskij mogil'nik v lesostepnom Povolzh'e [The Ekaterinovskiy Cape, a New Developed Eneolithic Burial Ground in the Forest-Steppe Volga Region]. *Izvestiya SSC RAS* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no. 3 (2), pp. 514-517.
- Korolev A.I., Kochkina A.F., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A., 2018. Unikal'noe pogrebenie mogil'nika epohi rannego Eneolita Ekaterinovskij mys na Srednej Volge [The Unique Burial of the Ekaterinovskiy Cape Early Eneolithic Cemetery in the Middle Volga Region]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 285-302.
- Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsii u drevnih narodov Evrazii* [Trepanations Among the Ancient Peoples of Eurasia]. Moscow, Nauch. mir Publ. 303 p.
- Mednikova M.B., 2004. *Trepanatsii v drevnem mire i kul't golovy narodov Evrazii* [Trepanations in the Ancient World and the Cult of the Head of the Peoples of Eurasia]. Moscow, Aleteya Publ. 208 p.
- Mkrtychyan R.A., 1988. *Paleoantropologiya Neoliticheskogo i Eneoliticheskogo naseleniya yuga Evropeyskoy chasti SSSR (po materialam mogil'nikov «Gospital'nyy Holm i Hvalynskiy»): dis. ... kand. ist. nauk* [Paleoanthropology of the Neolithic and Eneolithic Population of the South of the European Part of the USSR (Based on the Materials of the Burial Grounds "Gospital'nyy Holm and Khvalynskiy"). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 171 p.
- Rohlin D.G., 1965. *Bolezni drevnih lyudey (kosti lyudey razlichnykh epoh – normal'nye i patologicheski izmenennye)* [Diseases of Ancient People (Bones of People of Different Eras – Normal and Pathologically Altered)]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 303 p.
- Sergievskiy rayon. Drevnost' i srednevekov'e: Arheologicheskie ocherki* [Sergievskiy District. Antiquity and the Middle Ages: Archaeological Essays], 1997. Samara, SSPU. 255 p.
- Surnina T.S., 1961. *Paleoantropologicheskie materialy iz Vol'nenskogo neoliticheskogo mogil'nika* [Paleoanthropological Materials from the Vol'nenskij Neolithic Burial Ground]. *Trudy instituta etnographii. Novaya seriya* [Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. New Series], vol. 71. Moscow, AS USSR, pp. 3-25.
- Hvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i hvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura* [Khvalyn Eneolithic Burial Grounds and Khvalyn Eneolithic Culture], 2010. Samara, Povolzh'ye Publ. 583 p.
- Khokhlov A.A., 2010. *Naselenie hvalynskoy eneoliticheskoy kul'tury. Po antropologicheskim materialam gruntovykh mogil'nikov Hvalynsk I, Hvalynsk II, Hlopkov Bugor* [The Population of the Khvalyn Eneolithic Culture. According to the Anthropological Materials of the Burial Grounds of Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor]. *Hvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i hvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura* [Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic culture]. Samara, Povolzh'ye Publ., pp. 407-517.
- Khokhlov A.A., 2012. *Ritual'nye travmy na cherepah u nositeley hvalynskoy eneoliticheskoy kul'tury Povolzh'ya* [Ritual Injuries on the Skulls of Representatives of the Khvalynsk Eneolithic Culture of the Volga Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], iss. 2, pp. 118-125.
- Khokhlov A.A., 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epohu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka)* [Morphogenetic Processes in the Volga-Urals in the Early Holocene Epoch (Based on Craniological Materials of the Mesolithic – Bronze Age)]. Samara, SSSPU. 368 p.
- Anthony D.W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R., Olalde I., Reich D., 2022. The Eneolithic Cemetery at Khvalynsk on the Volga River. *Praehistorische Zeitschrift*, vol. 97, no. 1, pp. 22-67. DOI: <https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034>
- Gresky J., Batieva E.F., Kitova A.O., Kalmykov A.A., Belinskiy A.B., Reinhold S., Berezina N.Ya., 2016. New Cases of Trepanations from the 5th to 3rd Millennia BC in Southern Russia in the Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery? *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 160, no. 4, pp. 665-682.

Information About the Author

Aleksandr A. Khokhlov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Biology, Ecology and Training Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, khokhlov_aa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-9616>

Информация об авторе

Александр Александрович Хохлов, доктор исторических наук, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, khokhlov_aa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-9616>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.3>

UDC 902
LBC 63.4(1)

Submitted: 27.04.2022
Accepted: 19.09.2022

THE EARLY BRONZE AGE BOWLS FROM DAGESTAN COASTAL AREA (TYPOLOGY, DÉCOR AND CHRONOLOGY ISSUES)

Arsen L. Budaichiev

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the ceramic bowls study being one of the most exemplary earthenware categories presented in rather large numbers on the Early Bronze Age sites of Dagestan coastal area. The main goal of the study is to develop a typology of the bowls from the settlements (Gheme-tyube I, II, Kabaz-kutan I, II, Torpakh-kala, Ullu-Achi) and the burial grounds (Velikent I, catacomb 8, Velikent II, catacomb 1, Velikent III, catacomb 1, Karabudakhkent II, Kayakent VI) of the region as well as to examine the decor and chronology. According to the shape of the corpus, two main types of bowls are distinguished: type I – bowls in the form of an inverted truncated cone with straight or slightly oval sides at the top; type II – bowls with rounded sides and a slightly everted rim. Type I bowls in the shape of a rim are divided into four subtypes (A, B, C, D). Type II bowls do not have clear varieties. For each type and subtype of the bowls, analogies and parallels are given not only from the regions adjacent to Dagestan, but also from other areas (Eastern and Central Anatolia, Northwestern Iran, etc.), where the Kuro-Arak culture are also widespread. The article identifies common and rare types and subtypes of bowls based on typological analysis and statistical calculations. The paper also deals with the decoration of the bowls which is an episodic phenomenon for them (mortise ornament along the inner edge of the bowl, indented decor). An attempt was made to study the chronology of the bowls, the allocation of early and later types and subtypes on the basis of the monuments' dating, stratigraphic observations and a series of radiocarbon dating.

Key words: Dagestan, Early Bronze age, Kura-Araxes culture, ceramics, bowls, typology, decor, chronology.

Citation. Budaichiev A.L., 2022. Miski epohi ranney bronzy Primorskogo Dagestana (voprosy tipologii, dekora, hronologii) [The Early Bronze Age Bowls from Dagestan Coastal Area (Typology, Décor and Chronology Issues)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 33-53. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.3>

УДК 902
ББК 63.4(1)

Дата поступления статьи: 27.04.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

МИСКИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА (ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ, ДЕКОРА, ХРОНОЛОГИИ)

Арсен Лахманович Будаичиев

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению керамических мисок – одной из показательных категорий глиняной посуды, представленной в довольно большом количестве на памятниках Приморского Дагестана эпохи ранней бронзы. Основной целью работы является разработка типологии мисок, происходящих как из поселенческих (Геме-тубе I, II, Кабаз-кутан I, II, Торпах-кала, Уллу-Ачи), так и погребальных (Великентский могильник I (катакомба 8), Великентский могильник II (катакомба 1), Великентский могильник III (катакомба 1), Карабудахкентский могильник II, Каякентский могильник VI) памятников рассматриваемого региона, а также рассмотрение вопросов их декора и хронологии. По форме тулова выделяются два основных типа мисок: тип I – миски в форме перевернутого усеченного конуса с прямыми или слегка овальными вверх стенками; тип II – округлобокие миски со слегка загнутым внутрь краем. Миски типа I по форме венчика подразделяются на четыре подтипа

(А, В, С, D). Миски типа II не имеют четких разновидностей. Для каждого типа и подтипа мисок приводятся аналогии и параллели не только с сопредельными с Дагестаном регионами, но и с другими областями (Восточная и Центральная Анатолия, Северо-Западный Иран и т. д.), где также получила распространение куро-аракская культура. На основании типологического анализа и статистических подсчетов определяются распространенные и редкие типы и подтипы мисок. В статье также рассматриваются вопросы декорирования мисок, что является для них эпизодическим явлением (врезной орнамент по внутреннему краю миски, вдавленный декор). На основании датировки памятников, некоторых стратиграфических наблюдений и серии радиоуглеродных дат предпринята попытка изучения хронологии мисок, выделения их ранних и поздних типов и подтипов.

Ключевые слова: Дагестан, ранний бронзовый век, куро-аракская культура, керамика, миски, типология, декор, хронология.

Цитирование. Будаичиев А. Л., 2022. Миски эпохи ранней бронзы Приморского Дагестана (вопросы типологии, декора, хронологии) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 33–53. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.3>

Миски являются одной из наиболее древнейших и простейших форм глиняной посуды. Самые ранние образцы их встречаются на неолитических (Чохское поселение, слой С [Амирханов, 1987, с. 130–135, рис. 26]) и энеолитических (поселения Гинчи и Чинна) памятниках Горного Дагестана [Гаджиев, 1981, с. 13, 27, рис. 3, 14, 11, 15, 17].

Выявленные на названных энеолитических поселениях Дагестана фрагменты мисок М.Г. Гаджиев разделил на несколько типов. Самым характерным типом для данных памятников являются миски в виде перевернутого усеченного конуса с прямыми стенками [Гаджиев, 1981, с. 13, 27, рис. 3, 14, 11, 15, 17; Гаджиев, 1991, с. 67, 74, рис. 13, 20, 15, 10]. Миски конической формы с расходящимися кверху стенками (иногда с заостренными краями) в энеолитическую эпоху представлены также на памятниках Южного Кавказа (например, на поселениях Гуру-дере I, Овчулар-тепе, Юмру Сюрумчек), Восточной Анатолии (поселения Норсунтепе, Атчан) и Иракского Курдистана (поселения Гурга Чия) [Бахшалиев, 2014, с. 90, рис. 6, 3; Кушнарева, 1993, рис. 13, 12, 15; Gülçur, Mağro, 2012, p. 312–313, fig. 1, 1, 2, 5, 7, 8; Verstraete, Wilkinson, 2000, fig. 8, 2, 8, 10, 12; Wengrow et al., 2016, p. 267, fig. 12, 12, 13]. Данная разновидность мисок, возможно, является непосредственным подражанием традиции изготовления так называемых чаш-коба в северной Месопотамии постубейдского времени, в особенности ее восточного типа III (по классификации Дж. Балди), для которого характерна коническая форма с высокими стенками со слегка сплюснутым основанием [Baldi, 2012, p. 395, 398, fig. 1, 2, 4].

В последующую раннебронзовую эпоху, характеризующуюся расцветом раннеземледельческой культуры, и в частности гончарного производства, миски занимают значительное место в составе керамических комплексов памятников. Настоящая статья посвящена изучению именно этого вида гончарной посуды, которая представлена на памятниках эпохи ранней бронзы приморской части Дагестана, относящихся к куро-аракской культурно-исторической общности.

Несмотря на накопленный в результате многолетних раскопок значительный в количественном отношении археологический материал, данная категория керамической посуды, наиболее распространенная и выразительная на куро-аракских памятниках Приморского Дагестана, не являлась предметом специального изучения. Она рассматривалась исследователями в контексте общей характеристики куро-аракской культуры, керамического производства и его продукции. Небольшие обзоры ее представлены в монографии М.Г. Гаджиева, посвященной раннеземледельческой культуре Северо-Восточного Кавказа [Гаджиев, 1991, с. 207–208], а также в основополагающих исследованиях Р.М. Мунчаева по куро-аракской культуре [Мунчаев, 1975, с. 187–188; Мунчаев, 1994, с. 52].

В основу предлагаемого исследования легли материалы следующих археологических памятников: Великентский могильник I (катакомба 8), Великентский могильник II (катакомба 1), Великентский могильник III (катакомба 1), Карабудахкентский могильник II, Каякентский могильник VI; поселения Великент II (раскоп IIС), Геме-тюбе I, II, Кабаз-кутан I, II, Торпах-кала, Уллу-Ачи (рис. 1). С названных

памятников эпохи ранней бронзы происходит большая коллекция мисок. Всего для типологического анализа было отобрано 852 экз. – это прежде всего целые формы, а также их показательные достоверные фрагменты.

Миски изготовлены преимущественно лепным способом из хорошо отмученной глины с обильным добавлением шамота, имеют двустороннее лощение и, как правило, неравномерный обжиг с пятнистой и реже однотонной поверхностью преимущественно серо-коричневого и серо-черного цвета различных оттенков. Редко встречаемыми являются миски с охристой, красно-коричневой поверхностью (поселение Кабаз-кутан II).

Типология мисок. На рассматриваемых памятниках встречаются два основных вида мисок, различающихся размерами: это высокие (глубокие) ($h > 10$ см) и низкие ($h < 10$ см) приземистые сосуды с узким плоским дном и широким устьем ($d > 20$ см), для которых одинаковы выделяемые среди них типы.

Морфологически миски по форме корпуса подразделяются на два основных типа.

Тун I – разложистые миски с прямыми или чуть овальными в верхней части стенками, представлен четырьмя подтипами, различие между которыми наблюдается в оформлении венчика.

Подтип А – миски с внутренним утолщением в виде «воротничка»-бортика, представляющего собой наклепную ленту-поясок, окаймляющую внутренний край венчика. Параметры внутреннего «воротничка» различны в зависимости от размера самих мисок и толщины его стенок. Средние размеры наклепного (ленты) «воротничка»: ширина 0,9–1,5 см, высота 0,2–0,5 см (рис. 2,1,2,4,6,10,13,16, 4,4–7, 5,1–3). К данному подтипу также можно отнести несколько фрагментов сероглиняных мисок с более широким «воротником» (более 2 см) и желобком с наружной части, происходящих из поселения Уллу-ачи (рис. 5,4–6).

Подтип В – миски с внутренним утолщением округлой или овальной формы (рис. 2,3,5,7–9,11,12, 4,1–3).

Подтип С – миски с невыраженным, закругленным, иногда утонченным, слегка заостренным краем венчика (рис. 2,14–15,17–19).

Подтип D – миски с загнутым внутрь, закругленным или наклонно срезанным краем венчика (рис. 3,1–10).

Тун II представлен округлобочными мисками со слегка загнутым внутрь краем. Они имеют косо и горизонтально срезанный край венчика, но встречаются миски и с округлым загнутым краем (рис. 3,11–14).

Приведенные в таблице 1 данные показывают, что миски типа I (с его первыми тремя подтипами), представленные на всех рассматриваемых памятниках, занимают абсолютно доминантную позицию и составляют основной тип этой категории посуды. При этом ведущим является подтип В, достигающий 43 % от общего количества мисок. Однако при распределении по подтипам и по памятникам наблюдается их различное представительство, которое, видимо, в основе своей отражает хронологические показатели (изменения) и в меньшей степени – специфику керамического комплекса (и гончарного производства) того или иного памятника. Вместе с тем в ранних катакомбах трех Великентских могильников¹ и на некоторых бытовых памятниках (Геме-тюбе I, II, Кабаз-кутан I, II, Торпах-кала) отсутствуют миски подтипа D (типа I), но они достаточно многочисленны на поселениях Великент II (48 % от общего количества мисок этого типа) и Кабаз-кутан I (24 %). В то же время, миски, относящиеся к типу II (табл. 1), на памятниках Приморского Дагестана весьма малочисленны (суммарно только 2 %), а на некоторых памятниках они вообще не представлены. Указанные особенности бытования этих типов керамической посуды в основном связаны с изменениями, происходившими на протяжении всей почти тысячелетней эпохи ранней бронзы (о хронологии мисок см. ниже), но также не следует исключать особенности традиций изготовления керамической посуды, характерные для каждого памятника в отдельности.

Аналогии мискам из памятников Приморского Дагестана эпохи ранней бронзы встречаются и на других синхронных памятниках Кавказа.

Так, в ходе разведочных работ Азербайджано-дагестано-американской экспедиции в приморской зоне Северо-Восточного Азербайджана (2001–2002 гг.) на поселениях раннего бронзового века Кучумхантепе, Бюектепе II, Гевдешантепе, Гяфлетепелери II, Тепеятаги, Моллабурхантепе, Чаккалыктепе был собран показательный керамический материал, сре-

ди которого имеются и фрагменты разложистых мисок типа I с различного рода внутренними бортиками (подтипы А и В) [Кол, Магомедов, 2021, с. 172–177, рис. 3,3–6,9,14, 5,Б,1–4, 6,Б,1,3–4, 8,Б,2,3, 9,Б,1, 13,А,6–8, 16,3,5,8–11,23,26]. В значительном количестве миски конической формы с внутренним утолщением представлены на многослойном поселении Серкер-тепе (Хачмассо-Кубинская зона Азербайджана) [Мусаев, 2006, табл. XVIII,1, XIX, 1–2,5–6].

В связи со сказанным можно констатировать, что рассматриваемые типы керамических мисок (с внутренним бортиком – подтипы А и В типа I) в куро-аракскую эпоху получили распространение как на памятниках Приморского Дагестана, так и на смежной территории приморской части Северо-Восточного Азербайджана. К этому также следует добавить, что среди различных по размеру мисок с прямыми и срезанными венчиками, происходящими из раннебронзовых слоев Нахичеванского Кюльтепе I [Абибуллаев, 1982, с. 131, табл. XX,14–15], присутствует экземпляр практически подобный описываемому типу сосудов со слабо округлыми стенками и овальным в сечении утолщением [Sagona, 1984, fig. 56,6].

Традиция изготовления мисок с характерным внутренним бортиком получила распространение и в материалах синхронной с куро-аракской майкопской культурно-исторической общности. На некоторых поселенческих памятниках этой культуры выявлено небольшое количество (5 экз.) венчиков сосудов с округлым утолщением по краю [Резепкин, Поплевко, 2009, с. 82, рис. 1,8]. Миски со специфическим внутренним оформлением края венчика встречаются и за пределами Кавказского региона, в частности на поселении Троя I в северо-западной части Малой Азии. На раннем этапе существования этого поселения одним из преобладающих типов керамической посуды являлись миски с утолщенным внутренним ободком (венчиком) [Блеген, 2004, с. 59]. Но уже в последующий период данный тип мисок на поселении Троя I морфологически эволюционирует от архаичных форм мисок с ровными разложистыми стенками к округлобким. Подобный процесс наблюдается и на территории Приморского Дагестана. Конические миски с утолщением (округлой фор-

мы) были выявлены также на поселении конца раннебронзового века Телль Хирбет ал-Хаджар в Юго-Восточной Турции [Verstraete, Wilkinson, 2000, fig. 11,5].

Разложистые миски без выраженного венчика (подтип С типа I) являются весьма распространенными, стандартными по форме керамическими мисками, которые присутствуют в достаточном количестве не только на всех рассматриваемых памятниках Приморского Дагестана (см. табл. 1), где они составляют суммарно почти четверть всех мисок (23 %), но и в горной зоне Дагестана (поселения Мекеги, Галгалатли) [Гаджиев, 1983, с. 13, 37, рис. 5,5–7, 17,1,2,6,7].

Серию разнообразных по форме мисок, найденных на памятниках юго-восточных склонов Малого Кавказа, Г.С. Исмаилзаде разделил на шесть типов. Наиболее близкими дагестанским мискам (тип I, подтип С) являются третий и четвертый типы его классификационной схемы. Это так называемые приземистые плоскодонные сосуды с резко расходящимися кверху стенками и с прямыми слегка утонченными венчиками [Исмаилзаде, 2008, с. 73–74, табл. 30,2–4, 32,1–4]. Несколько образцов однотипных одноручных конических мисок представлено также на поселении Шенгавит [Sagona, 1984, p. 54–56, fig. 56,2,5]. В последнее время на куро-аракских памятниках Южного Кавказа (Гаракепектепе, Мейнетепе, Шомутепе, Армавир-Блур, Шреш-Блур, Коси-Четера, Гарни) было выявлено большое разнообразие мисок различных форм и размеров, в том числе и рассматриваемого подтипа С (тип I) [Исмаилзаде, 2008, с. 74–75]. Данные факты говорят о том, что указанный подтип мисок в эпоху ранней бронзы получил широкое распространение на Южном Кавказе.

Учитывая вышеизложенное, а также то, что узкодонные миски с расходящимися кверху стенками без профилированного венчика (тип I подтип С) имеют отчасти прямые морфологические сходства (возможно, и генетические связи) с мисками конической формы предшествующей энеолитической эпохи, можно говорить о некоей преемственности этой архаичной формы глиняной посуды на памятниках Приморской низменности Дагестана и Северо-Восточной части Южного Кавказа.

Как было отмечено выше, миски последнего подтипа D типа I представлены только на двух памятниках Приморского Дагестана. Практически в аналогичной геоморфологической зоне, а именно – на территории так называемого Хачмасско-Кубинского региона (Северо-Восточный Азербайджан), расположены памятники раннеземледельческой культуры куро-аракской культурно-исторической общности – поселения Беоуктепе I, Гяфлетепелери I, Фильтртепе I, Гасанкала, с которых происходит серия фрагментов подобных мисок с расходящимися ровными стенками и специально выделенным загнутым краем [Кол, Магомедов, 2021, рис. 4,Б,1–3, 8,А,4–8,10, 10,А,1, 11,Б,3].

Необходимо отметить, что глубокие лощенные миски с загнутым краем и внутренним утолщением составляют большую часть посуды нижних слоев раннебронзового поселения Мишарчай I (Муганская зона) [Махмудов, Нариманов, 1999, с. 89; Исмаилзаде, 2008, с. 76]. По мнению Ф.Р. Махмудова, прототипом данного типа мисок является соответствующая форма посуды из энеолитического слоя М поселения Геой-тепе (Северо-Западный Иран) [Махмудов, Нариманов, 1999, с. 90]. Аналогичные разложистые миски с загнутым краем происходят из горизонтов, относимых к переходному этапу от энеолита к ранней бронзы, поселения Телль ал-Джудейда в долине Амука (Юго-Восточная Турция) [Edens, 2000, fig. 16,11]. С территории этого же памятника происходят типологически близкие округлобокие миски с косо срезанным и утолщенным загнутым краем [Edens, 2000, fig. 16,7–8].

Следует заметить, что округлобокие миски с загнутым и косо срезанным внутрь краем (тип II) характерны для катакомб эпохи средней бронзы Великентских могильников I–III [Gadjiev et al., 2000, p. 101, fig. 58; Магомедов, 2000, с. 62, рис. 11,3,5, 18,2–9], хотя в указанную эпоху продолжают бытовать и миски типа I, но они уже весьма редки². В нижних горизонтах поселения Мамай-кутан, датируемых концом периода ранней бронзы, уже превалируют округлобокие миски с загнутым, иногда косо срезанным краем венчика. В конце эпохи ранней бронзы в погребальных памятниках Северо-Западного Азербайджана (Дашюзская группа курганов, Кабалинская группа курганов, Джумакендский курган,

погребение на поселении Мураддаи, курганы Осман Бозу, Дашлытепе и др.) присутствуют в основном плоскодонные миски «с округлыми, слегка заходящими краями» и миски с ровными расходящимися стенками. Закраины у всех образцов мисок – «округло-сглажены или срезаны» [Ахундов, 2001, рис. XVIII,8,10, XIX,11,12, XX,2,4,5,12, XXI,9,10].

В отдельный вид подтипа А типа I можно отнести разложистую миску на (коническом) поддоне из Каякентского грунтового могильника [Магомедов, 2000, рис. 5,6]. Миски на поддонах не характерны для памятников раннебронзового века Дагестана и сопредельных регионов Кавказа. Но такую отличительную особенность указанной миски как поддон, можно встретить на близких по форме сосудах из энеолитических пластов поселения Геой-тепе (Северо-Западный Иран) [Кушнарева, 1993, рис. 17,5–6,8]. На энеолитическом поселении Овчулар-тепеси (Нахичеван) был найден сосуд на поддоне, который морфологически можно отнести к типу мисок или чаш [Magro, 2010, fig. 3,9]. На могильнике Ашагы Салат, расположенном в верховьях р. Тигр в провинции Диярбакыр (Турция) и хронологически относящегося к позднему урукскому периоду, было обнаружено много различных видов керамики на низких и высоких поддонах, из которых отметим интересные образцы мископодобных сосудов с округлым туловом и загнутым кососрезанным краем [Аксау, 2017, p. 59–61, fig. 11,7,20], морфологически близкие к описанному выше типу мисок.

Ручки мисок. Большинство целых мисок, происходящих из погребальных комплексов Приморского Дагестана, снабжены ручками в отличие мисок, обнаруженных на поселениях, где миски с ручками занимают малую долю в процентном выражении (табл. 2). Но данный факт, скорее, объясняется не реальным соотношением, а фрагментарностью представленных на поселениях мисок и отсутствием у большинства обломков мисок ручек.

Если учитывать только миски, происходящие из погребальных памятников Великент I (катакомба 8), Великент II (катакомба 1), Великент III (катакомба 1), то наблюдается следующая картина. В катакомбе 8 могильника Великент I, в которой обнаружен огромный набор мисок (103 экз.), отражающий, оче-

видно, их реальное представительство в составе керамической посуды у обитателей Великентских поселений раннего бронзового века, миски, имеющие ручки, составляют 61,16 % (63 экз.), соответственно миски без ручек – 38,84 % (40 экз.) (табл. 3). В катакомбе 1 могильника Великент II и катакомбе 1 могильника Великент III миски, имеющие ручки, составляют соответственно 92 % (23 экз. из 25 экз.) и 93,3 % (14 экз. из 15 экз.), но количественное соотношение мисок в данных погребальных комплексах значительно ниже (табл. 3), что обуславливает их меньшее представительство и, следовательно, меньшую репрезентативность для оценки реального соотношения этих категорий мисок.

В материалах из названных катакомб присутствуют как одноручные, так и двуручные миски (табл. 2). Материалы поселений практически не предоставляют данных на этот счет, так как говорить о мисках с двумя ручками, можно только по целым экземплярам, а обнаруживаемые на поселениях фрагменты, как правило, не позволяют утверждать, что сосуд имел две ручки. Судя по представительным материалам катакомбы 8 могильника Великент I, одноручные миски составляли 60,3 % (38 экз.) от общего количества мисок с ручками (63 экз.) и, соответственно, двуручные миски – 39,7 % (25 экз.).

Самыми распространенными формами ручек являются горизонтально-трубчатые (с продольным сквозным отверстием) и ленточные (с отходящими от основания ручки так называемыми «усиками»). Для мисок Торпахалы характерно наличие трубчатых ручек с отходящими от основания в разные стороны горизонтальными усиками, что является одной из отличительных черт указанного поселения (рис. 2,18). Что касается псевдоручек на мисках, то почти все они являются имитацией настоящих трубчатых ручек, но без сквозного отверстия (рис. 4,5). По мнению исследователей Карабудахкентского могильника II пара выступов с небольшими углублениями по бокам на противоположных краях миски (подтип А типа I), найденной в погребении № 1, служила для удобства держания сосуда [Мунчаев, Смирнов, 1958, с. 165, рис. 3,4].

Лишь малая доля мисок из памятников периода ранней бронзы Приморского Дагес-

тана имеет псевдоручки в виде горизонтальных прямоугольных выступов (упоров) или так называемые ручки-держалки, и они встречаются пока исключительно на бытовых памятниках (рис. 3,14) [Будайчиев, 2012, рис. 1,6; Будайчиев, 2021, рис. 6,2]. Данный факт свидетельствует о том, что псевдоручки этого типа в Приморском Дагестане не получили такого распространения, как в предгорной (поселение Сигитма) и горной (поселения Галгалатли, Мекеги) зонах Дагестана [Гаджиев, 1983, с. 13, 28, 37, рис. 17,1,6–7; Гаджиев, 1991, рис. 30,5–6, 32,2, 36,4]. Псевдоручки в виде прямоугольных горизонтальных выступов имеются на некоторых типах мисок (типы 2 и 4 по типологии Г.С. Исмаилзаде) из памятников раннебронзового времени юго-восточных склонов Малого Кавказа (Азербайджан), где такие ручки в основном расположены чуть ниже закраины [Исмаилзаде, 2008, с. 73–74, табл. 29,1–5, 32,1–4]. Кроме того, следует отметить, что в материалах Степанакертского кургана имеются две грубые миски с расходящимися стенками, одна из которых снабжена псевдоручкой в виде четырехугольного выступа [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 144; Мунчаев, 1994, табл. 15,35].

Специфическую по форме псевдоручку (в виде конусовидного выступа) на рассматриваемых типах сосудов можно встретить на куро-аракском поселении Яник-тепе в Северо-Западном Иране [Мунчаев, 1994, табл. 9,6; Кушнарева, 1993, рис. 25,6; Sagona, 1984, p. 61–64, fig. 56,1).

С Хирбет-Керакского поселения Тель Бет Йерах (Израиль) происходит обломок конической миски с прямоугольной формы ручкой-держалкой с двумя узкими вертикальными отверстиями [Greenberg, 2007, p. 263, fig. 5c,1–2], вероятно, предназначавшейся для подвешивания на шнуре.

Следует отметить, что на отдельных экземплярах мисок из погребальных памятников Приморского Дагестана (Великентский могильник I, катакомба 8; Карабудахкентский могильник II) под псевдоручками имеется по два круглых сквозных отверстия³ (рис. 4,6, 5,1). В связи с тем, что данные отверстия располагались лишь с одной стороны миски под псевдоручками (без сквозного горизонтального отверстия), можно считать, что через указанные

отверстия на мисках пропускался шнур для их подвешивания, удобства хранения и транспортировки. Аналогичную же функцию (так называемая бытовая мобильность) по мнению исследователей (Дж. Пиро, Г. Палумби) выполняли горизонтально-трубчатые ручки (проушные или втульчатые) (рис. 4,3) на рассматриваемых нами сосудах [Palumbi, 2012, p. 272, fig. 4,e-f]. В раннебронзовых слоях (VIВ1) поселения Арслантепе обнаружены обломки мисок (тип I, подтип С нашей классификации), оснащенных просверленными отверстиями под закраиной [Palumbi, 2017, p. 122. fig. 8,f,l,m,n).

Миски с парными сквозными отверстиями характерны не только для раннебронзового времени, но их также можно встретить и на памятниках последующих периодов, на что указывают материалы из Нахичеванских памятников Азербайджана⁴ [Абибуллаев, 1982, с. 166, 184, табл. XXXI,6, XXXIV,8] и Ближнего Востока (территория современного Израиля)⁵ [Plan, Marcus, 2019, photo 1.2]. Что касается самых старых образцов сосудов с отверстиями под закраиной, то на Кавказе они встречаются на первых этапах раннеземледельческой культуры (неолит-энеолит), а именно на поселениях Шомутепе [Ахундов, 2013, с. 56, табл. 203,7-14], Шорсу [Бахшалиев, 2015, с. 139, рис. 5,1-6,13-20], Овчулартепеси, Халадж [Seyidov, Вахъәліуев, 2010, рис. 14,4], а также на поселении Беюк-Кесик лейлатепинской культуры [Мусеибли, 2007, табл. XXIII,13]. Следует уточнить, что на мисках названных памятников имелось 1-3 отверстия, что, возможно, отражает еще невыработанность единой системы крепления шнура.

Декор мисок. Орнамент на мисках из рассматриваемых памятников Приморского Дагестана раннего бронзового века – явление редкое, но имеет место быть. Декор присутствует на мисках обычно в виде различного рода врезных геометрических узоров (треугольных фестонов или шевронов) со своими небольшими отличительными композиционными и орнаментальными особенностями (рис. 5,2-4). Отметим то обстоятельство, что все указанные орнаментированные миски Приморского Дагестана эпохи ранней бронзы относятся исключительно к одному классифицированному типу посуды (I тип, подтип А).

На куро-аракских памятниках Дагестана насчитывается менее 10 экз. мисок, украшенных по внутреннему краю миски такими обводящими устье сосуда шевронами (прямыми или с легким наклоном в разные стороны), которые в некоторых случаях соединяются между собой [Гаджиев, 1991, рис. 22,21,24]. Аналогичным врезным декором, нанесенным по внутреннему краю, покрыты многочисленные миски поселения Троя I [Блеген, 2004, с. 60-61, рис. 12], которые, как уже было отмечено выше, относятся к одному подтипу описываемой группы сосудов (тип I подтип А). Данный вид врезного декора представлен не только на мисках, но также и на других видах керамической посуды Приморского Дагестана [Гаджиев, 2002, рис. 42,2-3, 44,5-10, 49,8,13; Магомедов, 2000, рис. 4,5; Магомедов, 2001, рис. 34,55]. Следует отметить, что подобные врезные орнаментальные шевроны, треугольные фестоны характерны в целом для керамики куро-аракской культурно-исторической общности.

Вариацией декоративного оформления бортика мисок является орнаментальный, окаймляющий внутри устье миски поясик из врезных заштрихованных треугольников (вершинами вверх), представленный на целой миске из катакомбы 8 Великентского могильника I (рис. 5,1). В качестве параллели укажем на широкодонную миску из поселения Илто (Восточная Грузия) эпохи ранней бронзы, которая имеет по наружному краю фризовый декор из похожих (полуштрихованных) треугольников [Sagona, 1984, fig. 49,2]. В раннебронзовом горизонте IV поселения Годин-тепе в долине Кангавара (Северо-Западный Иран) встречаются обломки конических плоскодонных мисок, богато орнаментированных маленькими треугольниками, а также другими различными врезными узорами, иногда заполненными беловатой пастой [Sagona, 1984, p. 64, fig. 56,3].

Наконец, еще одним редким типом украшения мисок куро-аракских памятников Приморского Дагестана является так называемый вдавленный декор, представленный под окаймляющим желобком, подчеркивающим венчик сосуда, на наружной поверхности миски из поселения Уллу-ачи (рис. 5,6). Из района Эчмиадзина (Армения) происходят сосуды (в том числе и округлобокая миска), украшенные богатым желобчатым орнамен-

том [Куфтин, 2012, с. 106, рис. 61, 1–3]. Практически аналогичным орнаментом в виде косых канавок и пальцевых вдавлений покрыты фрагменты керамики, найденные в провинции Муш к западу и северо-западу от оз. Ван [Batiuk, Rothman, 2007, p. 9–10, fig. i].

Рассмотренные виды декоративного украшения мисок встречаются на памятниках куро-аракской культурно-исторической общности, но особенно характерным, получившим распространение практически во всем ее ареале является врезной декор из шевронов, треугольников (см., например: [Sagona, 1984, fig. 115, 24, 25, 34, 36, 37, 123, 271–275; Мусаев, 2006, табл. XV, 3, 4, XVII, 3, XXXIII, 1, 4; Мунчаев, 1994, табл. 1, 10]).

В последующую, среднебронзовую эпоху в материалах не только великентской культуры, но и манасских катакомб представлены миски с наружным желобком и с декорированным внутренним бортиком [Смирнов, 1952, рис. 36, 1, 13; Мунчаев, Смирнов, 1956, с. 194, рис. 4, 1, 4, 7, 2; Федоров, 1977, с. 23, табл. I, 17], а также сосуды с косыми или наклонными бороздками-желобками [Мунчаев, Смирнов, 1956, с. 195, рис. 6, 6, 9], что, очевидно, фиксирует определенную преемственность в декоре керамической посуды. По мнению М.Г. Гаджиева, такое специфическое оформление внутреннего края мисок, вероятно, связано с южным влиянием, а именно Восточной Анатолии [Гаджиев, 1991, с. 212]. С памятниками этого региона Турции связано не только наличие данного декора, но и присутствие на близких по типу мисках горизонтально-трубчатых ручек.

Предварительные хронологические наблюдения. Как известно, самыми ранними памятниками куро-аракской культурно-исторической общности на территории Дагестана являются поселения Великент II и Кабаз-кутан I, которые расположены в 7 км друг от друга в одной территориальной зоне нижнего течения р. Уллу-чай, но в разных геоморфологических условиях – в приморской зоне и на границе равнины и предгорий на древнекаспийской террасе соответственно. Только на этих двух памятниках (см. табл. 1) представлены миски подтипа D типа I, где они занимают одну из ведущих позиций: соответственно 48 % от общего количества мисок на поселении Великент II и 24,2 % – на поселении Кабаз-кутан I. Отметим, что миски

данного подтипа были обнаружены в горизонтах поселения Телль-Джудейд в долине Амука (Южная часть Турции), датированных последней четвертью IV тыс. до н.э. и первой четвертью III тыс. до н.э. Похожие формы венчиков мисок встречаются также на поселениях майкопской культуры, которые, по мнению А.Д. Резепкина, имеют позднехалколитические традиции в Восточной Анатолии [Резепкин, Поплевко, 2009, с. 85]. Можно полагать, что эти глубокие миски с расходящимися ровными стенками и утолщенным загнутым краем (подтип D типа I) являются ранним типом керамических мисок, встречающихся в Приморском Дагестане в эпоху ранней бронзы.

Миски подтипов А и В (тип I) количественно преобладают над остальными типами рассматриваемой категории глиняной посуды (табл. 1). Но вместе с тем, миски с воротничковым бортиком (подтип А) представлены ранжированно – на некоторых памятниках они являются преобладающим подтипом (Великентские катакомбы, поселения Геметюбе I, II), на других (поселения Великент II, Кабаз-Кутан I, II) – представлены в значительно меньшем количестве по отношению к остальным подтипам. Данные обстоятельства, по всей видимости, говорят в пользу хронологической составляющей соответствующих памятников, на которых представлены миски рассматриваемого подтипа. Так, на поселении Великент II, датированном серединой IV – первой половиной III тыс. до н.э., и на поселении Кабаз-Кутан I, относящемся к рубежу IV–III – середине III тыс. до н.э., миски подтипа А в процентном соотношении составляют 0,49 % и 9,69 % от всех мисок соответственно. В свою очередь ранние великентские катакомбы, в которых данный подтип (наряду с подтипом В) занимает доминирующие позиции, датируются первой третью и серединой III тыс. до н.э.

Радиоуглеродная дата для катакомбы I могильника Великент III, которая относительно синхронна другим ранним катакомбам могильников Великент I и II – 1 сигма – 2865–2505 гг. до н.э.; 2 сигма – 2879–2474 гг. до н.э. [Гаджиев и др., 2008, с. 557]. К этому же времени (3000–2500 гг. до н.э.) относятся аналогичные по типу разложистые миски Трои I [Блеген, 2004, с. 231].

Из сказанного можно предположить, что миски с внутренними бортиками-утолщениями (подтипы А и В⁶) появились в Приморском Дагестане на рубеже IV–III тыс. до н.э. и затем получили широкое распространение в первой половине III тыс. до н.э.

Что же касается времени появления мисок округлобокой формы со слегка загнутым внутрь краем (тип II), то, по мнению М.Г. Гаджиева, они появились в Приморском Дагестане в конце эпохи ранней бронзы [Гаджиев, 1991, с. 208], то есть в пределах 2600–2500 гг. до н.э., и встречаются в сочетании с так называемой обмазанной керамикой, которая также появляется на памятниках Дагестана на заключительном этапе раннебронзового века. Можно полагать, что миски этого типа возникают немного раньше, в первой / второй трети III тыс. до н.э., учитывая их находки в единичных случаях (табл. 1) на некоторых памятниках (Кабаз-кутан I, II), которые датируются концом IV и первой третью III тыс. до н.э. Но уже во второй половине III – начале II тыс. до н.э., то есть в начале – середине среднего бронзового века, судя по радиоуглеродным датам Великентских памятников (1 сигма – 2563–2461 гг. до н.э., 2 сигма – 2581–2396 гг. до н.э. [Гаджиев М. Г., Гаджиев Ш. М., 2002, с. 259]; 1 сигма – 2123–1893 гг. до н.э., 2 сигма – 2194–1780 гг. до н.э. [Gadjiev et al., 2000, p. 106, tabl. 1]), округлобокие миски с загнутым краем венчика (тип II) становятся характерным типом столовой керамики.

Таким образом, хронологические наблюдения позволяют сделать предварительные выводы:

– подтип D (тип I), является одним из самых ранних типологических форм мисок; данный вывод опирается на хронологическую позицию памятников (Великент II, поселение, раскоп ПС; Кабаз-кутан I), откуда происходят миски этого подтипа;

– подтипы А и В (тип I), получившие широкое распространение (за исключением поселений Великент II, раскоп ПС, Кабаз-кутан I, II, Торпах-кала, на которых они количественно занимают нижнюю позицию), занимают в хронологической шкале место между так называемыми ранним и поздними типами и, очевидно, количественно уменьшаются к концу раннебронзового периода; необходимо отметить, что они занимают веду-

щее положение в материалах ранних великентских катакомб, относящихся к первой половине III тыс. до н.э.;

– подтип С (тип I), представляющий самую простую форму мисок, восходит к предшествующей энеолитической эпохе и также представляет хронологически раннюю форму посуды, которая продолжает бытовать и в первой трети III тыс. до н.э.;

– миски типа II появились, очевидно, в первой / второй трети III тыс. до н.э., и получают распространение на заключительном этапе раннего бронзового века на территории Дагестана.

Сделанные хронологические наблюдения, носят предварительный характер, получение более широкого спектра радиоуглеродных дат и детальный стратиграфический анализ керамики, предусматривающий учет распределения тех или иных типов мисок (и других видов керамической посуды) в культурных напластованиях поселений, позволит значительно уточнить хронологию керамических комплексов. Стратиграфический анализ куро-аракских памятников Приморского Дагестана с целью определения относительного возраста и времени бытования различных форм керамической посуды будет предпринят в специальной публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с тем, что на могильниках открыты катакомбы, относящиеся к разным периодам бронзового века, к комплексам эпох и ранней бронзы применяется термин «ранние» катакомбы, для комплексов последующего времени (средняя бронза) используется термин «поздние» катакомбы.

² Например, разложистая миска с внутренним бортиком представлена среди керамики катакомбы № 9 Великентского могильника I [Магомедов, 2000, с. 62].

³ На рассматриваемых памятниках Приморского Дагестана сквозные отверстия встречаются и на безручных мисках (рис. 4, 7).

⁴ Датированные эпохой средней бронзы и раннего железа.

⁵ Относящиеся к переходному этапу средней бронзы (МВ ПА / В) [Пап, 2019] (первая треть II тыс. до н.э.).

⁶ Миски подтипа В, возможно, появились несколько ранее мисок подтипа А – в конце IV тыс. до н.э., но в дальнейшем оба подтипа представлены на куро-аракских памятниках Дагестана, практически повсеместно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Распределение мисок по типам и подтипам

Table 1. Distribution of bowls by types and subtypes

№ n/n	Памятник	Тип I				Тип II	Количество
		Подтипы					
		A	B	C	D		
1	Великент I, кат. 8	53	36	14	0	0	103
2	Великент II, кат. 1	12	12	1	0	0	25
3	Великент III, кат. 1	6	6	3	0	0	15
4	Великент II, поселение	1	85	19	97	0	202
5	Геме-тюбе I	11	7	1	0	0	19
6	Геме-тюбе II	30	16	12	0	0	58
7	Кабаз-кутан I	16	46	55	40	8	165
8	Кабаз-кутан II	1	97	30	0	3	131
9	Торпах-кала	10	60	64	0	0	134

Таблица 2. Классификация мисок по типу ручек (сводная таблица)

Table 2. Classification of bowls according to the type of handles (pivot table)

№ n/n	Памятник	Одноручные				Двуручные				Смешанные двуручные	% от общего кол-ва ручек	Общее кол-во
		ленточные	трубчатые	псевдо-ручки	полушарные	ленточные	трубчатые	псевдо-ручки	полушарные			
1	Великент I, кат. 8	18	8	10	2	4	8	1	2	10	61,16	103
2	Великент II, кат. 1	6	0	1	5	4	0	3	2	2	92	25
3	Великент III, кат. 1	2	3	2	1	1	2	1	2	1	93,33	15
4	Великент II, поселение, раскоп ПС	3	0	3	0	0	0	0	0	0	2,97	202
5	Геме-тюбе I	2	1	0	1	0	0	0	0	0	21,05	19
6	Геме-тюбе II	3	1	0	3	0	0	0	0	0	12,06	58
7	Кабаз-кутан I	2	5	0	0	0	0	0	0	0	4,24	165
8	Кабаз-кутан II	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0,76	131
9	Торпах-кала	3	35	1	0	0	0	0	0	0	29,1	134

Таблица 3. Количественное соотношение мисок с ручками и без ручек по погребальным памятникам

Table 3. Quantitative ratio of bowls with and without handles according to burial sites

№ n/n	Памятник	Количество мисок с ручками	Количество мисок без ручек	Общее количество мисок
1	Великент I, кат. 8	63	40	103
2	Великент II, кат. 1	23	2	25
3	Великент III, кат. 1	14	1	15

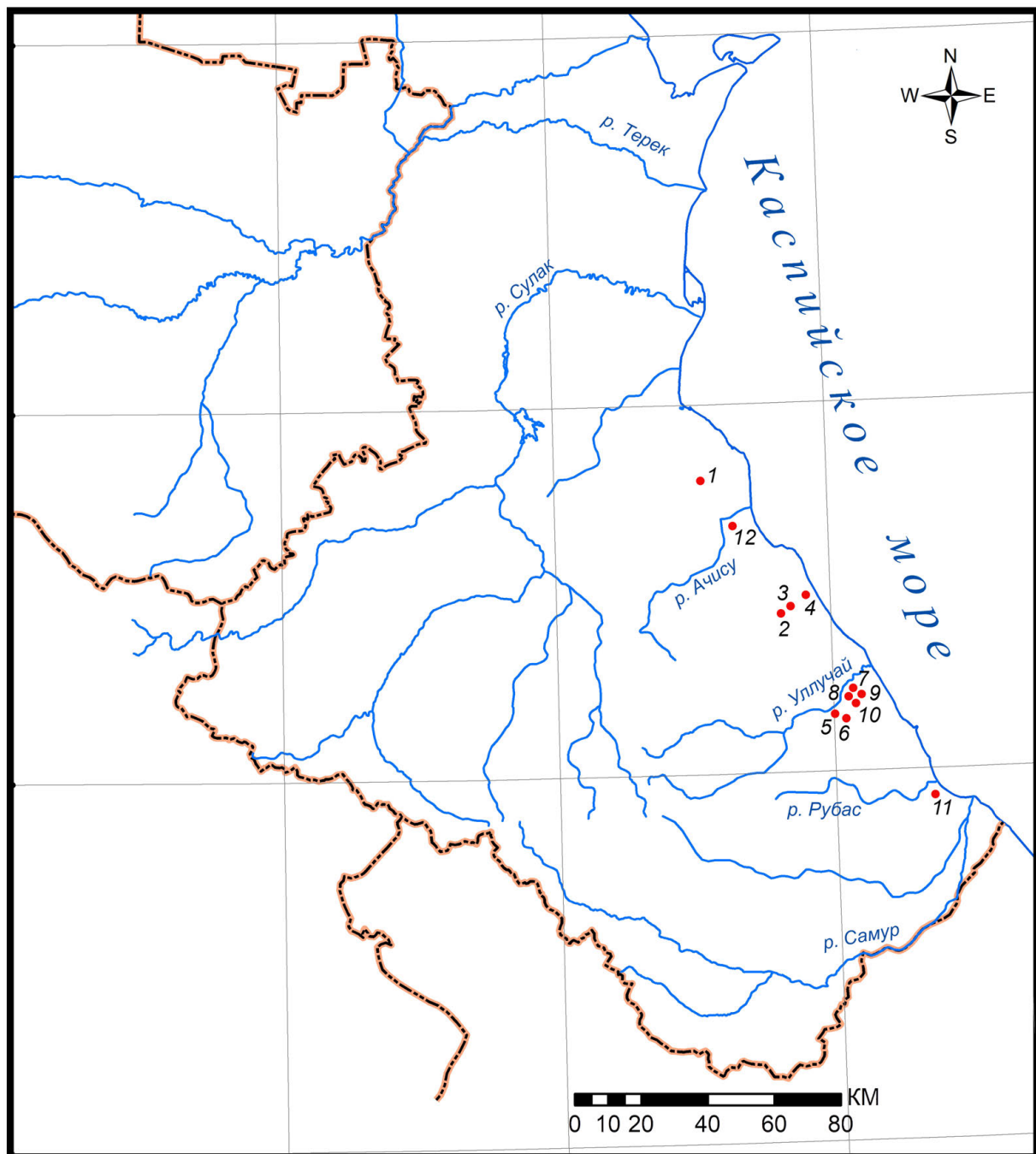

Рис. 1. Карта Дагестана с обозначением памятников эпохи ранней бронзы приморской зоны:

1 – Карабудахкентский могильник II; 2 – Геме-тюбе I; 3 – Геме-тюбе II; 4 – Каякентский могильник VI;
5 – Кабаз-кутан I; 6 – Кабаз-кутан II; 7 – Великентский могильник I; 8 – Великентский могильник II;
9 – Великентский могильник III; 10 – Великентское поселение II; 11 – Торпах-кала; 12 – Уллу-Ачи

Fig. 1. Map of Dagestan with indication of Early Bronze Age sites in the coastal area:

1 – Karabudakhkent burial ground II; 2 – Gemeh-tyube I; 3 – Gemeh-tyube II; 4 – Kayakent burial ground VI;
5 – Kabaz-Kutan I; 6 – Kabaz-Kutan II; 7 – Velikent burial ground I; 8 – Velikent burial ground II;
9 – Velikent burial ground III; 10 – Velikent II; 11 – Torpakh-kala; 12 – Ullu-Achi

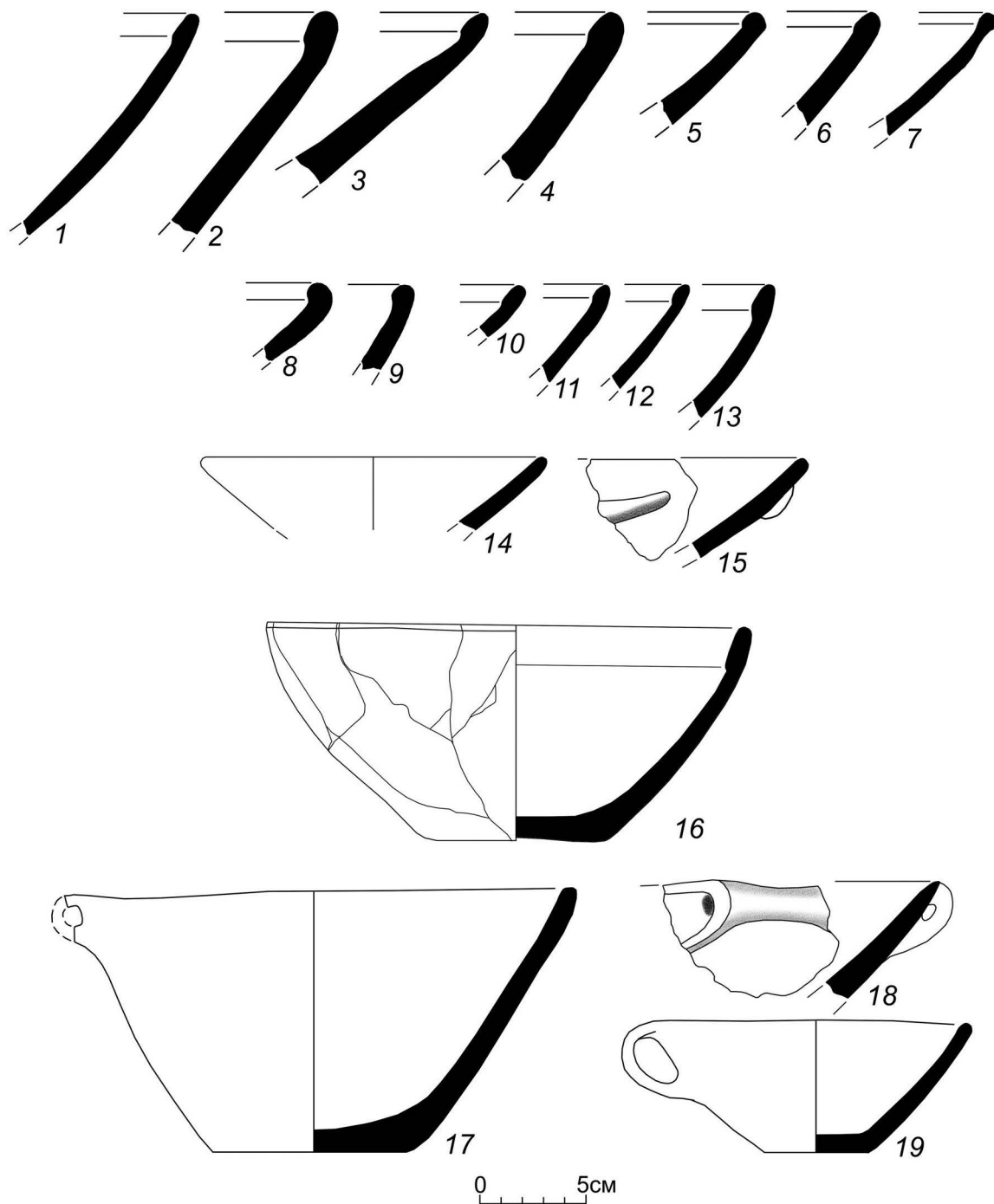

Рис. 2. Миски типа I, подтипы А, В, С:

1, 7, 10–13 – поселение Кабаз-Кутан I (по: [Магомедов, 2003, рис. 31,54–55,51,53,25,24]);
 2–6, 14–15, 18 – поселение Торпах-Кала (по: [Гаджиев, 2001, рис. 160,Б,3, 164,Б,4, 163,В,1, 165,Б,2, 161,Г,1;
 Гаджиев, 2002, рис. 50,13, 49,9, 48,13]); 8, 9 – поселение Кабаз-Кутан II (рисунки выполнены П.К. Гусейновой);
 16 – Великентский могильник II, кат. 1 (рисунки выполнены Р.Г. Магомедовым);
 17, 19 – Великентский могильник I, кат. 8 (рисунки выполнены Р.Г. Магомедовым)

Fig. 2. Bowls, type I, subtypes A, B, C:

1, 7, 10–13 – Kabaz-Kutan I (after: [Magomedov, 2003, fig. 31,54–55,51,53,25,24]);
 2–6, 14, 15, 18 – Torpah-Kala (after: [Gadzhiev, 2001, fig. 160,Б,3, 164,Б,4, 163,В,1, 165,Б,2, 161,Г,1;
 Gadzhiev, 2002, fig. 50,13, 49,9, 48,13]); 8, 9 – Kabaz-Kutan II (drawings made by P.K. Huseynova);
 16 – Velikentsky burial ground II, catacomb 1 (drawings made by R.G. Magomedov);
 17, 19 – Velikentsky burial ground I, catacomb 8 (drawings made by R.G. Magomedov)

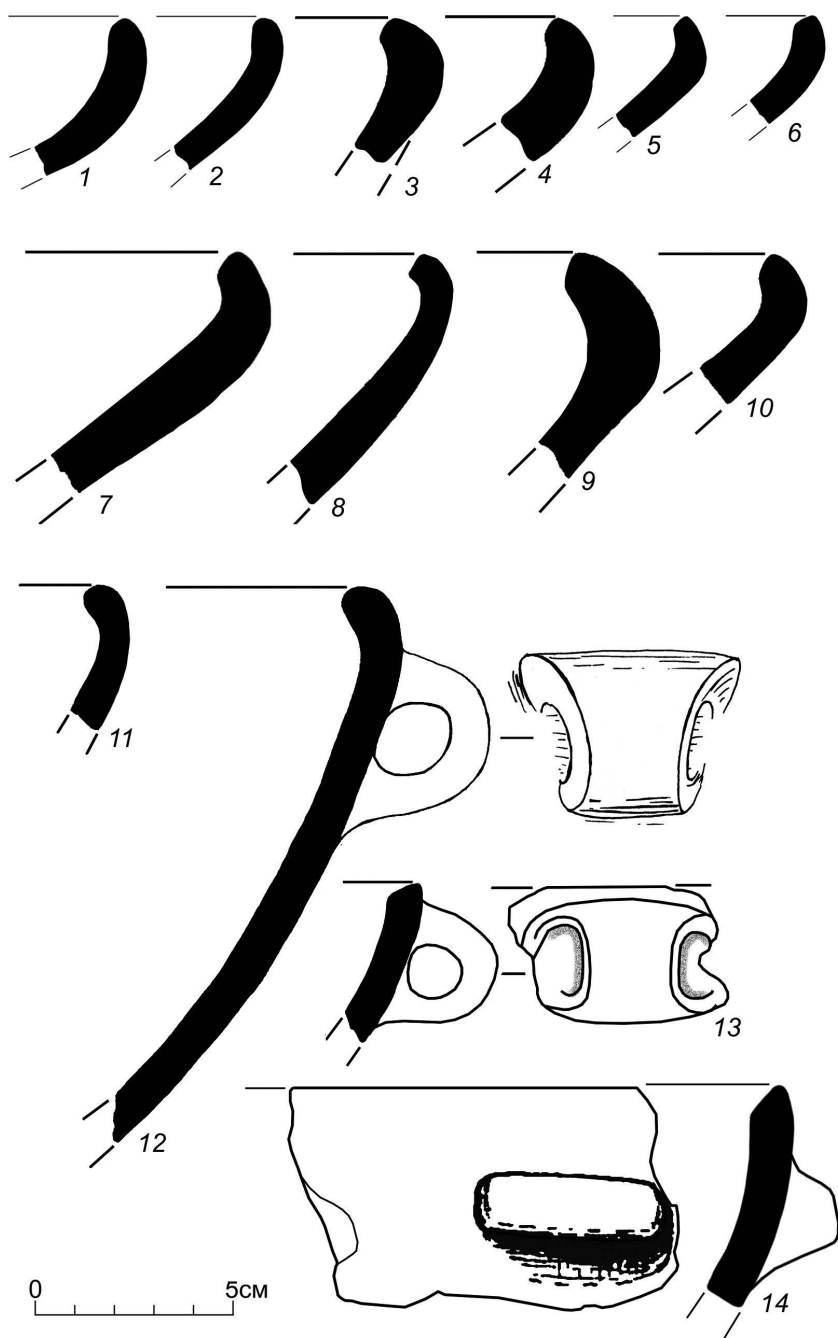

Рис. 3. Миски типа I, подтип D, и типа II:

1, 5, 6 – поселение Великент II (рисунки выполнены А. М. Абдулаевым);
 3, 4, 7–10, 13, 14 – поселение Кабаз-Кутан I (по: [Магомедов, 2003, рис. 31,29,13,23,31,30,21,50,56]);
 11, 12 – поселение Кабаз-Кутан II (рисунки выполнены П.К. Гусейновой)

Fig. 3. Bowls, type I, subtype D and type II:

1, 5, 6 – Velikent II (drawings made by A. M. Abdulaev);
 3, 4, 7–10, 13, 14 – Kabaz-Kutan I (after: [Magomedov, 2003, fig. 31,29,13,23,31,30,21,50,56]);
 11, 12 – Kabaz-Kutan II (drawings made by P.K. Huseynova)

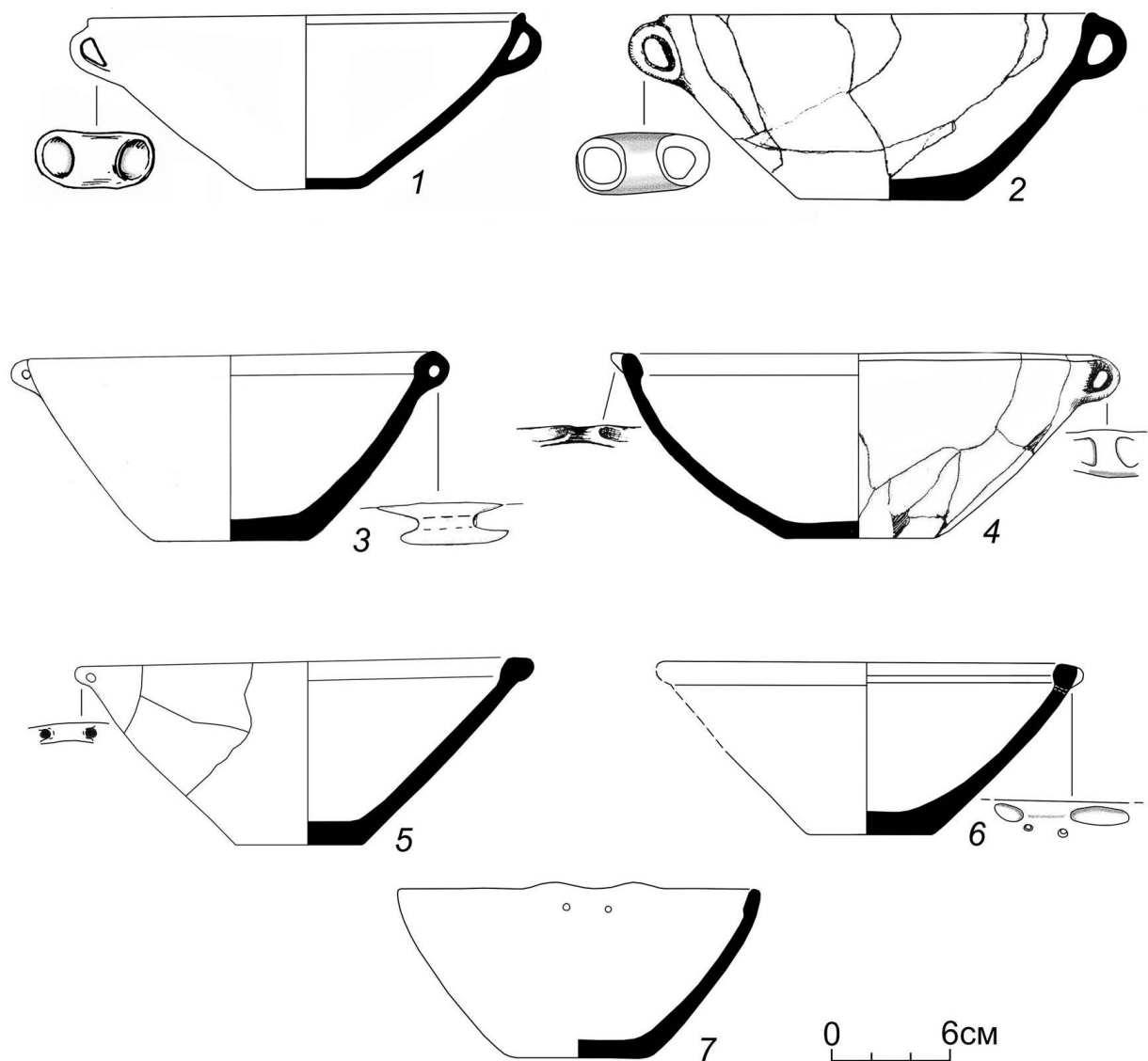

Рис. 4. Миски с разными типами ручек:

- 1 – поселение Геме-Тюбе II (по: [Гаджиев, 1991, рис. 27,17]);
 2, 4 – Великентский могильник II, кат. 1 (рисунки выполнены Р.Г. Магомедовым);
 3, 6 – Великентский могильник III, кат. 1 (рисунки выполнены А.М. Абдулаевым);
 5, 7 – Великентский могильник I, кат. 8 (рисунки выполнены А.М. Абдулаевым)

Fig. 4. Bowls with different types of handles:

- 1 – Geme-Tyube II (after: [Gadzhiev, 1991, fig. 27, 17]);
 2, 4 – Velikent burial ground II, catacomb 1 (drawings made by R.G. Magomedov);
 3, 6 – Velikent burial ground III, catacomb 1 (drawings made by A.M. Abdulaev);
 5, 7 – Velikent burial ground I, catacomb 8 (drawings made by A.M. Abdulaev)

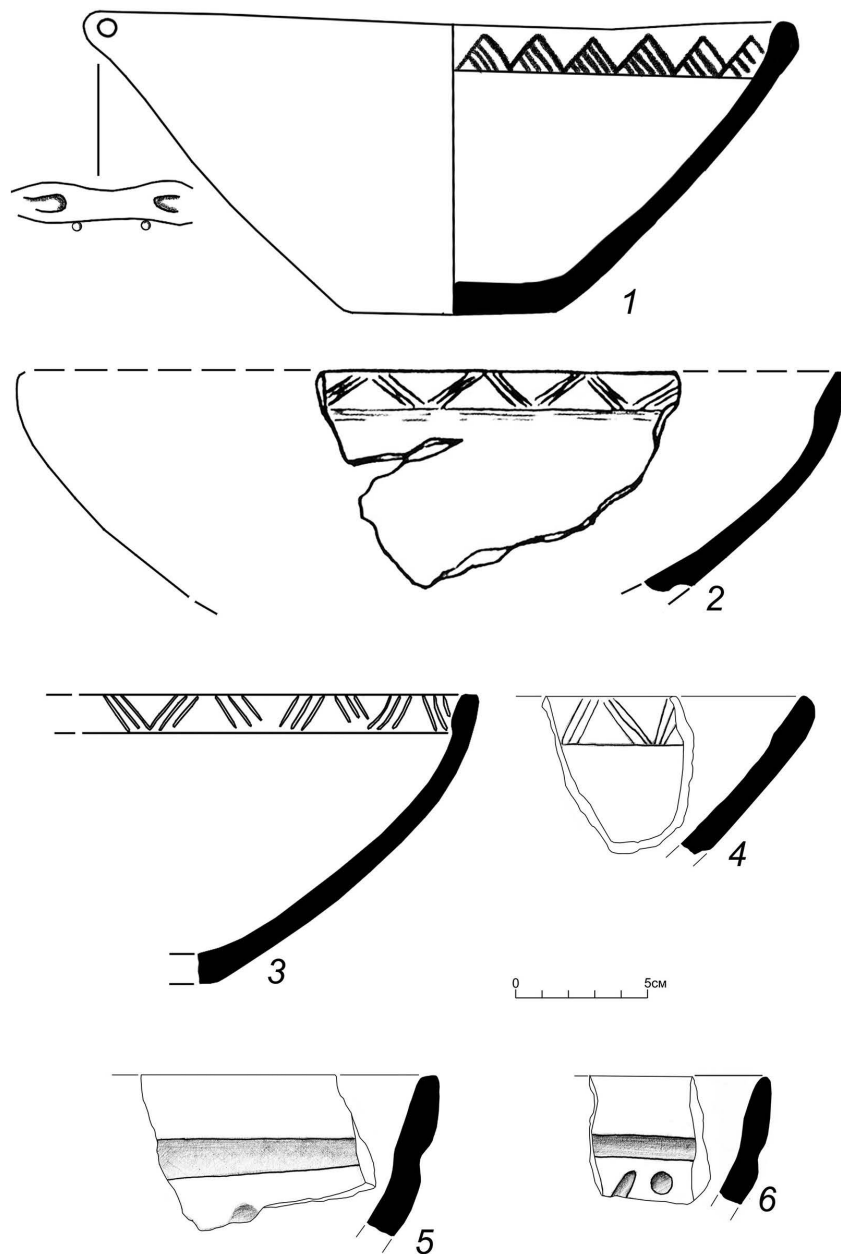

Рис. 5. Орнаментированные миски:

- 1, 3 – Великентский могильник I, кат. 8 (по: [Гаджиев, 1991, рис. 26,4]) (3, рисунок выполнен А.М. Абдулаевым);
 2 – поселение Геме-Тюбе II (по: [Гаджиев, 1991, рис. 22,21]);
 4–6 – поселение Уллу-Ачи (рисунки выполнены А.М. Абдулаевым)

Fig. 5. Decorated bowls:

- 1, 3 – Velikent burial ground I, catacomb 8 (after: [Gadzhiev, 1991, fig. 26,4]) (drawing by A. M. Abdulaev);
 2 – Geme-tyube II (after: [Gadzhiev, 1991, fig. 22,21]); 4–6 – Ullu-Achi (drawings made by A. M. Abdulaev)

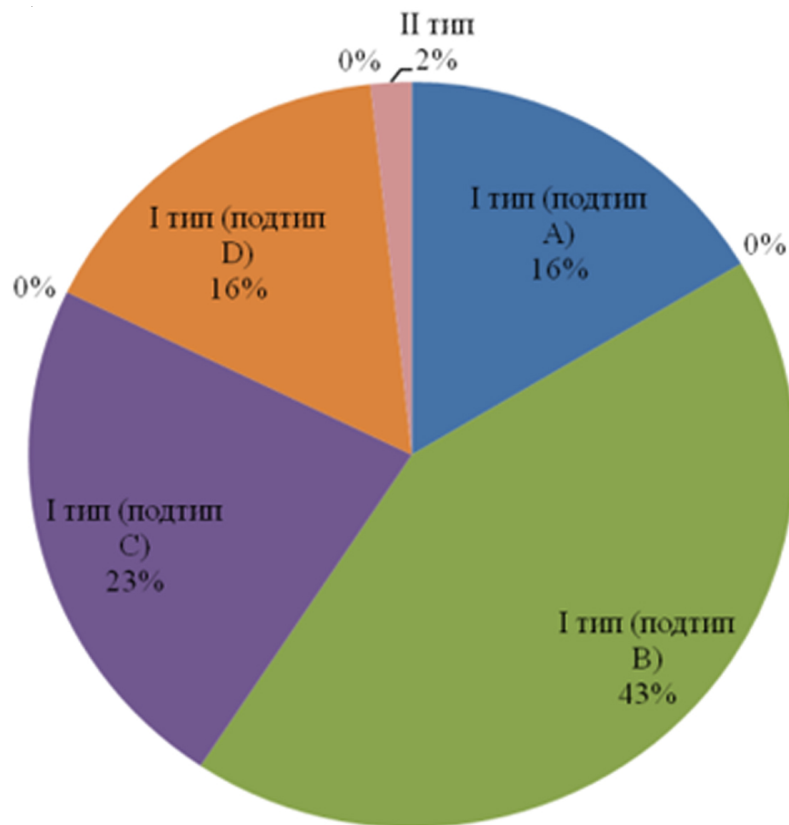

Рис. 6. Процентное соотношение типов мисок на памятниках эпохи ранней бронзы Приморского Дагестана
Fig. 6. Percentage of types of bowls on the sites of the Early Bronze Age in Primorsky Dagestan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О. А., 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку : Элм. 316 с.
- Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М. : Наука. 224 с.
- Ахундов Т. И., 2001. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку : Элм. 332 с.
- Ахундов Т. И., 2013. У истоков Кавказской цивилизации : Неолит Азербайджана. Кн. 1: Шомутепе. Баку : Наука. 386 с.
- Бахшалиев В. Б., 2014. Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана // Российская археология. № 2. С. 88–95.
- Бахшалиев В. Б., 2015. Новые материалы неолита и энеолита из Нахчывана // Российская археология. № 2. С. 136–145.
- Блеген К. В., 2004. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака. М. : Центрполиграф. 363 с.
- Будайчиев А. Л., 2012. О керамике куро-аракского поселения Ново-Гапцах // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации : XXVII Крупновские чтения. Материалы Междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апр. 2012 г.). Махачкала : МавраевЪ. С. 32–33.
- Будайчиев А. Л., 2021. О ручках керамических сосудов эпохи ранней бронзы Приморского Дагестана (вопросы типологии и хронологии) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17, № 1. С. 89–114.
- Гаджиев М. Г., 1981. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала : [б. и.]. С. 4–34.
- Гаджиев М. Г., 1983. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала : Тип. Дагестанского филиала АН СССР. С. 6–42.
- Гаджиев М. Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М. : Наука. 264 с.
- Гаджиев М. Г., Гаджиев Ш. М., 2002. Раскопки поселений Великент I и II в Дагестане // Археологические открытия 2001 г. М. : Наука. С. 258–259.
- Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г., Кол Л. Ф., 2008. Новые катакомбные могильники эпохи бронзы в окрестностях сел. Великент // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М. : Памятники исторической мысли ; Ставрополь : Наследие. С. 557–558.
- Гаджиев М. С., 2001. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 2000 г. Махачкала, 2001 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 913/10171.
- Гаджиев М. С., 2002. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 2001 г. Махачкала, 2002 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 916/10172.
- Исмаилзаде Г. С., 2008. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку : Элм. 304 с.
- Кол Л. Ф., Магомедов Р. Г., 2021. Куро-аракские памятники Северо-Восточного Азербайджана : Вопросы историко-культурной и хронологической интерпретации (по материалам археологических разведок 2001–2002 гг. по Международному проекту IPARC) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17, № 1. С. 163–210.
- Куфтин Б. А., 2012. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Махачкала : МавраевЪ. 172 с.
- Кушнарева К. Х., 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. (этапы культурного и социально-экономического развития). СПб. : Петербургское востоковедение. 312 с.
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л. : Наука. 190 с.
- Магомедов Р. Г., 2000. Материалы к изучению эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала : Издат.-полиграф. центр ДГУ. 119 с.
- Магомедов Р. Г., 2001. Отчет об итогах полевых работ на Великентском комплексе памятников эпохи бронзы в 1995 г. Махачкала, 2001 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 912/10164.

- Магомедов Р. Г., 2003. Плановая НИР. «Поселение Кабаз-Кутан I: Историко-культурная характеристика и датировка». Махачкала, 2003 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 919/10275.
- Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., 1999. Поселение Мишарчай I (нижний слой) // Кавказ и Древний Восток : сб. ст. к 70-летию Р.М. Мунчаева. Махачкала : [б. и.]. С. 86–91.
- Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века : Неолит, энеолит, ранняя бронза. М. : Наука. 415 с.
- Мунчаев Р. М., 1994. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии : Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. : Наука. С. 8–382.
- Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // Советская археология. Вып. XXVI. С. 167–203.
- Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1958. Археологические памятники близ с. Карабудахкент // Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. С. 147–175.
- Мусаев Д. Л., 2006. Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку : Nafta-Press. 173 с.
- Мусейбли Н., 2007. Энеолитическое поселение Бююк Кесик. Баку : Элм. 227 с.
- Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н., 2009. Классификация мисок поселений Майкопской культуры // Записки Института истории материальной культуры. № 4. С. 81–88.
- Смирнов К. Ф., 1952. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 гг. // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 45. С. 83–96.
- Федоров Г. С., 1977. Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала : [б. и.]. С. 22–25.
- Аксау А., 2017. A Late Uruk – Early Bronze Age Transitional Period Cemetery in the Upper Tigris Region: Asagi Salat // Mersin University Publications of the Research Center of Cilician Archaeology (KAAM). Vol. XXV. P. 49–90.
- Baldi J., 2012. Coba Bowls, Mass Production and Social Change in Post-Ubaid Times // After the Ubaid : Interpreting Change from the Caucasus to Mesopotamia at the Dawn of Urban Civilization (4500–3500 BC). Paris : De Boccard. P. 393–413.
- Batiuk S., Rothman M. S., 2007. Early Transcaucasian Cultures and Their Neighbors: Unraveling Migration, Trade, and Assimilation // Expedition. № 49 (1). P. 7–17.
- Edens C., 2000. Tell Al-Judaidah Sounding, 1995 // American Journal of Archaeology. Vol. 104, № 3. P. 195–198.
- Gadjiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach B., Gadjiev S., 2000. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russian 1997–99 // Eurasia Antiqua. Band 6. P. 46–121.
- Greenberg R., 2007. Transcaucasia Colors: Khirbet Kerak Ware at Khirbet Kerak (Tel Bet Yerah) // Les cultures des Caucase (VIe–IIIe millénaire avant notre ère). Paris : CNRS Editions. P. 257–268.
- Gülçur S., Marro C., 2012. The View from the North: Comparative Analysis of the Chalcolithic Pottery Assemblages from Norşuntepe and Ovçular Tepesi // Varia Anatolica XXVII. After the Ubaid: Interpreting Change from the Caucasus to Mesopotamia at the Dawn of Urban Civilization (4500–3500 BC). Paris : De Boccard. P. 305–352.
- Ilan D., Marcus E., 2019. Middle Bronze Age IIA // The Ancient Pottery of Israel and its Neighbors from the Middle Bronze Age Through the Late Bronze Age. Vol. 3. Jerusalem : Israel Exploration Society. P. 9–75.
- Marro C., 2010. Where Did Late Chalcolithic Chaff-Faced Ware Originate? Cultural Dynamics in Anatolia and Transcaucasia at the Dawn of Urban Civilization (ca 4500–3500 BC) // Paléorient: revue pluridisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie du Sud-Ouest et de l'Asie centrale. Vol. 36, № 2. Pp. 35–55.
- Palumbi G., 2012. Bridging the Frontiers. Pastoral Groups in the Upper Euphrates Region in the Early Third Millennium B.C.E // Origini. Preistoria e protostoria delle civiltà antiche. Prehistory and Protohistory of Ancient Civilizations. Vol. XXXIV. P. 261–278.
- Palumbi G., 2017. Push or Pull Factors? The Kura-Araxes 'Expansion' from a Different Perspective: The Upper Euphrates Valley // At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology. Subartu. Vol. XXXVIII. Brepols : Turnhout. P. 113–132.
- Sagona A. G., 1984. The Caucasian Region in the Early Bronze Age. Oxford : BAR. 850 p.
- Seyidov A., Baxşəliyev V., 2010. Xələc. Bakı : Elm. 220 p.
- Verstraete J., Wilkinson T. J., 2000. The Amuq Regional Archaeological Survey. The Amuq Valley Regional Project, 1995–1998 // American Journal of Archaeology. Vol. 104, № 3. P. 179–192.

Wengrow D., Carter R., Brereton G., Shepperson M., Hamarashi S.J., Saber S.A., Bevan A., Fuller D., Himmelman H., Sosnowska H., Gonzalez Carretero L., 2016. Gurga Chiya and Tepe Marani: New Excavations in the Shahrizor plain, Iraqi Kurdistan // Iraq. Vol. LXXVIII. P. 253–284.

REFERENCES

- Abibullayev O.A., 1982. *Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskoj ASSR* [Eneolithic and Bronze Age in the Nakhichevan ASSR]. Baku, Elm Publ. 316 p.
- Amirkhanov Kh.A., 1987. *Chokhskoye poseleniye. Chelovek i yego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana* [Chokh Settlement. A Man and His Culture in the Mesolithic and Neolithic of Mountainous Dagestan]. Moscow, Nauka Publ. 224 p.
- Akhundov T.I., 2001. *Severo-Zapadnyy Azerbaydzhan v zadney chasti eneolita i bronzy* [Northwestern Azerbaijan in the Eneolithic and Bronze Ages]. Baku, Elm Publ. 332 p.
- Akhundov T. I., 2013. *U istokov Kavkazskoy tsivilizatsii: Neolit Azerbaydzhana. Kn. 1: Shomutepe* [At the Origins of the Caucasian Civilization: the Neolithic of Azerbaijan. Book 1: Shomutepe]. Baku, Nauka Publ. 386 p.
- Bakhshaliyev V.B., 2014. Novye eneoliticheskiye pamyatniki na territorii Nakhchivana [New Chalcolithic Sites on the Territory of Nakhchivan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 88-95.
- Bakhshaliyev V.B., 2015. Novyye materialy neolita i eneolita iz Nakhchivana [New Materials of the Neolithic and Chalcolithic Ages in Nakhchivan]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 136-145.
- Blegen K. V., 2004. *Troya i troyantsy. Bogi i geroi goroda-prizraka* [Troy and the Trojans]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. 363 p.
- Budaychiyev A.L., 2012. O keramike kuro-arakskogo poseleniya Novo-Gaptsakh [On the Ceramics of the Kuro-Arak Settlement of Novo-Gaptsakh]. *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza. Issledovaniya i interpretatsii: XXVII Krupnovskiy chteniya. Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Makhachkala, 23–28 apr. 2012 g.)* [The Latest Discoveries in the Archaeology of the North Caucasus. Research and Interpretation of the XXVII Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference (Makhachkala, April 23–28, 2012)]. Makhachkala, Mavrayev Publ., pp. 32-33.
- Budaychiyev A.L., 2021. O ruchkakh keramicheskikh izdeliy epokhi ranney bronzy Primorskogo Dagestana (voprosy tipologii i khronologii) [On the Handles of Ceramic Vessels of the Early Bronze Age of Primorsky Dagestan (Issues of Typology and Chronology)]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 17, no. 1, pp. 89-114.
- Gadzhiev M.G., 1981. Keramika gornogo Dagestana epokhi rannego metalla [Ceramics of Mountain Dagestan of Early Metal Epoch]. *Keramika drevnego i srednevekovogo Dagestana* [Ceramics of the Ancient and Medieval Dagestan]. Makhachkala, s. n., pp. 4-34.
- Gadzhiev M.G., 1983. Poseleniye gornogo Dagestana epokhi ranney bronzy [Settlements of the Mountainous Dagestan of the Early Bronze Age]. *Drevniye i srednevekovyye poseleniya Dagestana* [Ancient and Medieval Settlements of Dagestan]. Makhachkala, Dagestan Branch of the USSR AS, pp. 6-42.
- Gadzhiev M.G., 1991. *Rannezemledel' cheskaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza: epokha eneolita i ranney bronzy* [Early Agricultural Culture of the North-Eastern Caucasus: The Era of the Eneolithic and Early Bronze Age]. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Gadzhiev M.G., Gadzhiev Sh.M., 2002. Raskopki poseleniy Velikent I i II v Dagestane [Excavations of the Settlements of Velikent I and II in Dagestan]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 2001 g.* [Archaeological Discoveries. 2001]. Moscow, Nauka Publ., pp. 258-259.
- Gadzhiev M.G., Magomedov R.G., Kol L.F., 2008. Novyye katakombnyye mogil'niki epokhi bronzy v okrestnostyakh sel. Velikent [New Catacomb Burial Grounds of the Bronze Age in the Vicinity of the Villages. Velikent]. *Materialy po istorii istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VIII. Krupnovskiy chteniya 1971–2006 gg.* [Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Iss. VIII. Krupnov Readings 1971–2006]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., Stavropol', Nasledie Publ., pp. 557-558.
- Gadzhiev M.S., 2001. Otchet o rabote Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2000 g. Makhachkala, 2001 [Report on the Work of the Derbent Archaeological Expedition in 2000. Makhachkala, 2001]. *Arkhiv IIAE DFITS RAN*, f. 3, op. 3, d. 913/10171.

- Gadzhiev M.S., 2002. Otchet o rabote Derbentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2001 g. Makhachkala, 2002 [Report on the Work of the Derbent Archaeological Expedition in 2001. Makhachkala, 2002]. *Arkhiv IIAE DFITS RAN*, f. 3, op. 3, d. 916/10172.
- Ismailzade G.S., 2008. *Azerbaydzhan v sisteme rannebronzovoy kul'turnoy obshchnosti Kavkaza* [Azerbaijan in the System of the Early Bronze Cultural Community of the Caucasus]. Baku, Elm Publ. 304 p.
- Kol F.L., Magomedov R.G., 2021. Kuro-arakskiye pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydzhana: Voprosy istoriko-kul'turnoy i khronologicheskoy interpretatsii (po materialam arkheologicheskikh razvedok 2001–2002 gg. po Mezhdunarodnomu projektu IPARC) [Kuro-Araks Sites of North-East Azerbaijan: Issues of Historical, Cultural and Chronological Interpretation (Based on Archaeological Surveys of 2001–2002 Under the International Project IPARC)]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 17, no. 1, pp. 163-210.
- Kuftin B.A., 2012. *Urartskiy «kolumbariy» u podoshvy Ararata i kuro-arakskiy eneolit* [Urartian “Columbarium” at the Foot of Ararat and the Kuro-Araks Eneolithic]. Makhachkala, Mavraev Publ. 172 p.
- Kushnareva K.Kh., 1993. *Yuzhnyy Kavkaz v IX–II tys. do n.e. (etapy kul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [South Caucasus in IX–II Millennium BC (Stages of Cultural and Socio-Economic Development)]. Saint Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ. 312 p.
- Kushnareva K.Kh., Chubinshvili T.N., 1970. *Drevniye kul'tury Yuzhnogo Kavkaza (V–III tys. do n.e.)* [Ancient Cultures of the South Caucasus (V–III Millennium BC)]. Leningrad, Nauka Publ. 190 p.
- Magomedov R.G., 2000. *Materialy k izucheniyu epokhi bronzy v Primorskom Dagestane* [Materials for the Study of the Bronze Age in Primorsky Dagestan]. Makhachkala, DSU. 119 p.
- Magomedov R.G., 2001. Otchet ob itogakh polevykh rabot na Velikom komplekse pamyatnikov epokhi bronzy v 1995 g. Makhachkala, 2001 [Report on the Results of Field Work at the Velikent Complex of Bronze Age Sites in 1995. Makhachkala, 2001]. *Arkhiv IIAE DFITS RAN*, f. 3, op. 3, d. 912/10164.
- Magomedov R.G., 2003. Planovaya NIR. «Poseleniye Kabaz-Kutan I: Istoriko-kul'turnaya kharakteristika i datirovka». Makhachkala, 2003 [Planned Research. “The Settlement of Kabaz-Kutan I: Historical and Cultural Characteristics and Dating”. Makhachkala, 2003]. *Arkhiv IIAE DFITS RAN*, f. 3, op. 3, d. 919/10275.
- Makhmudov F.R., Narimanov I.G., 1999. Poseleniye Misharchay I (nizhniy sloy) [Misharchay I Settlement (Lower Layer)]. *Kavkaz i Drevniy Vostok: sb. st. k 70-letiyu R.M. Munchayeva* [Caucasus and the Ancient East. Articles Collection for the 70th Anniversary of R.M. Munchayev]. Makhachkala, s. n., pp. 86-91.
- Munchayev R.M., 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: Neolit, eneolit, rannyya bronza* [The Caucasus at the Dawn of the Bronze Age: Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze Age]. Moscow, Nauka Publ. 415 p.
- Munchayev R.M., 1994. Kuro-arakskaya kul'tura [Kuro-Araxes Culture]. *Arkheologiya. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii: Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [Archaeology. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia: Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 8-382.
- Munchayev R.M., Smirnov K.F., 1956. Pamyatniki epokhi bronzy v Dagestane (kurgannaya gruppa u stantsii Manas) [Monuments of the Bronze Age in Dagestan (Kurgan Group Near the Manas Station)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], vol. XXVI, pp. 167-203.
- Munchayev R.M., Smirnov K.F., 1958. Arkheologicheskiye pamyatniki bliz s. Karabudakhkent [Archaeological Sites Near the Village Karabudakhkent]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR], no. 68, pp. 147-175.
- Musayev D.L., 2006. *Serkertepe – zaseleniye epokhi ranney bronzy* [Serkertepe – Settlement of the Early Bronze Age]. Baku, Nafta-Press Publ. 173 p.
- Museibli N., 2007. *Eneoliticheskoye poseleniye Beyuk Kesik* [Eneolithic Settlement Boyuk Kesik]. Baku, Elm Publ. 227 p.
- Rezepkin A.D., Poplevko G.N., 2009. Klassifikatsiya misok poseleniy Maykopskoy kul'tury [Classification of the Bowls of the Maikop Culture Settlements]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Transactions of The Institute for the History of Material Culture], no. 4, pp. 81-88.
- Smirnov K. F., 1952. Arkheologicheskiye issledovaniya v Dagestane v 1948–1950 gg. [Archaeological Research in Dagestan in 1948–1950]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture], iss. 45, pp. 83-96.
- Fedorov G.S., 1977. Yeshche odna manasskaya kataomba [Another Manas catacomb]. *Drevniye pamyatniki Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Ancient Monuments of the North-Eastern Caucasus]. Makhachkala, s.n., pp. 22-25.

- Akçay A., 2017. A Late Uruk – Early Bronze Age Transitional Period Cemetery in the Upper Tigris Region: Asagi Salat. *Mersin University Publications of the Research Center of Cilician Archaeology (KAAM)*, vol. XXV, pp. 49-90.
- Baldi J., 2012. Coba Bowls, Mass Production and Social Change in Post-Ubaid Times. *After the Ubaid: Interpreting Change from the Caucasus to Mesopotamia at the Dawn of Urban Civilization (4500–3500 BC)*. Paris, De Boccard, pp. 393-413.
- Batiuk S., Rothman M.S., 2007. Early Transcaucasian Cultures and Their Neighbors: Unraveling Migration, Trade, and Assimilation. *Expedition*, no. 49 (1), pp. 7-17.
- Edens C., 2000. Tell Al-Judaidah Sounding, 1995. *American Journal of Archaeology*, vol. 104, no. 3, pp. 195-198.
- Gadjiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach B., Gadjiev S., 2000. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russian 1997–99. *Eurasia Antiqua*, band 6, pp. 46-121.
- Greenberg R., 2007. Transcaucasia Colors: Khirbet Kerak Ware at Khirbet Kerak (Tel Bet Yerah). *Les cultures des Caucase (VIe–IIIe millénaire avant notre ère)*. Paris, CNRS Editions, pp. 257-268.
- Gülçür S., Marro C., 2012. The View from the North: Comparative Analysis of the Chalcolithic Pottery Assemblages from Norşuntepe and Ovçular Tepesi. *Varia Anatolica XXVII. After the Ubaid: Interpreting Change from the Caucasus to Mesopotamia at the Dawn of Urban Civilization (4500–3500 BC)*. Paris, De Boccard, pp. 305-352.
- Ilan D., Marcus E., 2019. Middle Bronze Age IIA. *The Ancient Pottery of Israel and its Neighbors from the Middle Bronze Age Through the Late Bronze Age*, vol. 3. Jerusalem, Israel Exploration Society, pp. 9-75.
- Marro C., 2010. Where Did Late Chalcolithic Chaff-Faced Ware Originate? Cultural Dynamics in Anatolia and Transcaucasia at the Dawn of Urban Civilization (ca 4500–3500 BC). *Paléorient: revue pluridisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie du Sud-Ouest et de l'Asie centrale*, vol. 36, no. 2, pp. 35-55.
- Palumbi G., 2012. Bridging the Frontiers. Pastoral Groups in the Upper Euphrates Region in the Early Third Millennium B.C.E. *Origini. Preistoria e protostoria delle civiltà antiche. Prehistory and Protohistory of ancient civilizations*, vol. XXXIV, pp. 261-278.
- Palumbi G., 2017. Push or Pull Factors? The Kura-Araxes 'Expansion' from a Different Perspective: The Upper Euphrates Valley. *At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology. Subartu*, vol. XXXVIII. Brepols, Turnhout, pp. 113-132.
- Sagona A.G., 1984. *The Caucasian Region in the Early Bronze Age*. Oxford, BAR. 850 p.
- Seyidov A., Вахəəliyev V., 2010. *Хəəəс*. Bakı, Elm. 220 p.
- Verstraete J., Wilkinson T.J., 2000. The Amuq Regional Archaeological Survey. The Amuq Valley Regional Project, 1995–1998. *American Journal of Archaeology*, vol. 104, no. 3, pp. 179-192.
- Wengrow D., Carter R., Brereton G., Shepperson M., Hamarashi S.J., Saber S.A., Bevan A., Fuller D., Himmelman H., Sosnowska H., Gonzalez Carretero L., 2016. Gurga Chiya and Tepe Marani: New Excavations in the Shahrizor Plain, Iraqi Kurdistan. *Iraq*, vol. LXXVIII, pp. 253-284.

Information About the Author

Arsen L. Budaichiev, Junior Researcher, Department of Archeology, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, M. Yaragskogo St, 75, 367030 Makhachkala, Russian Federation, arseneihae@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-9105>

Информация об авторе

Арсен Лахманович Будайчиев, младший научный сотрудник отдела археологии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, ул. М. Ярагского, 75, 367030 г. Махачкала, Российская Федерация, arseneihae@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-9105>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.4>

UDC 903'1(4):546.3
LBC 63.442.6(4)-4

Submitted: 12.08.2022
Accepted: 26.09.2022

CONTINUITY AND NOVELTY IN METAL COMPLEXES OF THE SOUTH EASTERN EUROPE OF THE LATE MIDDLE – EARLY LATE BRONZE AGE¹

Evgenii I. Gak

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation;
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Abstract. The paper represents an analysis of metal complexes of the Late Middle – Early Late Bronze Age of the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe within the framework of the three-stage periodization. In the system of radiocarbon dating, this period covers 2300/2200 – 1800/1700 cal BC and a number of the Post-Catacomb, the Post-Corded ware, the Chariot and the Srubnaya cultures. The source base of the study is the metal objects of the burial complexes. The most variable widespread numerous and chronologically significant categories of objects in the alterability of which new trends in shaping (fashion) are clearly traced (bladed tools, temple rings, string of beads, bracelets) were subjected to a detailed comparative morphological analysis. The analysis is carried out at the levels “territory – chronology – culture” in the context of data for metal production standards of the previous and subsequent periods. The author comes to conclusion that the metal complex of Post-Catacomb cultures is based on the traditions of the Middle Bronze Age with innovations of the Central European origin, mainly in the west, in the Babino cultural circle, and of the Caucasian origin, mainly in the southeast, in the Lola cultural circle. Metal inventory appearance in the chariot cultures was determined by innovations that spread from the north and east, while maintaining a number of archaic stereotypes of the Caucasian-steppe. At the early stage of the Srubnaya culture, metalworking continues this path of development taking into account actual trends of forming.

Key words: metal complex, Middle Bronze Age, Late Bronze Age, Eastern Europe, steppe, forest-steppe, bladed tools, temple ring, string of beads, bracelets, hooks, comparative analysis.

Citation. Gak E.I., 2022. Preemstvennost' i novatsii v metallokompleksah kontsa sredney – nachala pozdney bronzy yuga Vostochnoy Evropy [Continuity and Novelty in Metal Complexes of the South Eastern Europe of the Late Middle – Early Late Bronze Age]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 54-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.4>

УДК 903'1(4):546.3
ББК 63.442.6(4)-4

Дата поступления статьи: 12.08.2022
Дата принятия статьи: 26.09.2022

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ В МЕТАЛЛОКОМПЛЕКСАХ КОНЦА СРЕДНЕЙ – НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Евгений Игоревич Гак

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация;
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Аннотация. В рамках трехэтапной периодизации рассматриваются металлокомплексы конца эпохи средней – начала эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зоны Восточной Европы. В системе радиоуглеродных дат этот период охватывает XXIII/XXII – XVIII/XVII cal BC и ряд культурных образований посткатакомбного, постшнурового, колесничного круга, а также замыкающий их всех раннесрубный пласт памятни-

ков. Источниковой базой исследования являются металлические предметы закрытых погребальных комплексов. Подробному сравнительно-морфологическому анализу подвергнуты наиболее вариативные, широко распространенные, многочисленные и хронологически значимые категории вещей, в изменчивости которых отчетливо прослеживаются новые тенденции формообразования (моды): клинковые орудия, височные кольца, пронизи, браслеты. Морфологические особенности некоторых других категорий оцениваются как свидетельства генетической взаимосвязи или межкультурного взаимодействия в процессе сложения общих стандартов металлообработки позднего бронзового века. Анализ проводится на уровнях «территория – хронология – культура» в контексте данных о стандартах металлопроизводства предшествующего и последующего периодов, что позволяет выявить черты преемственности местных и инородных традиций, новации и инновации. Автор приходит к выводу, что в основе металлокомплекса посткатакомбных культур лежат традиции эпохи средней бронзы с новациями центрально-европейского происхождения преимущественно на западе, в культурном круге Бабино, и кавказского происхождения преимущественно на юго-востоке, в культурном круге Лола. Облик металлического инвентаря колесничных культур определяли новации, распространявшиеся преимущественно с севера и востока при сохранении ряда кавказско-степных архаических стереотипов. На раннесрубном этапе металлообработка продолжает этот путь развития с учетом актуальных тенденций формообразования.

Ключевые слова: металлокомплекс, эпоха средней бронзы, эпоха поздней бронзы, Восточная Европа, степь, лесостепь, клинковые орудия, височные кольца, пронизи, браслеты, крюки, сравнительный анализ.

Цитирование. Гак Е. И., 2022. Преемственность и новации в металлокомплексах конца средней – начала поздней бронзы юга Восточной Европы // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 54–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.4>

Рассматриваемый период в системе радиоуглеродных дат охватывает XXIII/XXII – XVIII/XVII cal BC и в определенном смысле является переходным, фиксируя временной диапазон от разложения типично катакомбных до сложения типично срубных традиций на юге Восточной Европы. Содержательно он связан с посткатакомбными культурами круга Бабино – Лола, постшнуровыми вольско-лбищенской и воронежской культурами, колесничными образованиями типа Синташта, Абашево, Потаповка, Покровск, а также замыкающим их всех пластом позднепокровских – раннесрубных памятников. В терминологии и структуре металлургических провинций Е.Н. Черных – это время «абашевско-синташтинской общности» и ранней фазы Западноазиатской металлургической провинции (ЗАМП), металл которых «несет на себе отчетливо выраженные признаки трансформации стандартов ЦМП» (Циркумпонтийской металлургической провинции) [Черных, 2013, с. 390]. Благодаря недавним разработкам [Литвиненко, 1995; 2009; 2016; Ткачев, 2007; Мимоход, 2013; 2018; 2021; Лопатин, 2014; Купцова, 2016], памятники данного периода и их металлокомплексы могут быть синхронизированы в рамках трехэтапной периодизационной схемы (см. таблицу).

С углублением знаний о культурно-исторической и природно-климатической ситуации на рубеже среднего (далее – СБВ) и позднего (далее – ПБВ) бронзового века особое значение приобретает проблема источников, причин и механизмов распространения новаций в сфере металлопроизводства. Реконструкции соответствующих процессов должна предшествовать взвешенная оценка металлокомплексов по территории, хронологии и культурной принадлежности с опорой на репрезентативную статистику и методы сравнительного морфологического анализа. Общие соображения, следующие из этого анализа, только что тезисно опубликованы в концептуальной коллективной работе [Мимоход и др., 2022, с. 25–28]. Не откладывая в долгий ящик, попытаюсь детально раскрыть их в данной статье.

Собранная источниковая база по территории от Днепра до Урала и от предгорий Кавказа до границы с лесной зоной учитывает металлические предметы 493 памятников, локализованных в 250 пунктах (рис. 1). В работе с базой данных возобладал рационально-избирательный подход, который показал свою эффективность применительно к вариативным, широко распространенным, многочисленным и хронологически значимым категориям вещей. «Кухня» исследования оставлена за рамками статьи, тем более что класси-

фикация изделий носила рабочий характер и не претендует на оригинальность, поскольку опирается на массу предшествующих разработок, как собственных [Гак, 2005; Гак, Мимоход, 2007; Гак, Калмыков, 2013], так и других исследователей [Черных, 1976; Кузьмина, 2000; 2002; Бочкарев, 2017].

Статистически фиксируемую изменчивость в заданном времени и пространстве иллюстрируют четыре категории металлического инвентаря: клинковые орудия, височные кольца, пронизи, браслеты. Массово они представлены в металлокомплексах предшествующего и последующего периодов, что заставляет видеть в такой изменчивости новые тенденции формообразования (моды). Морфология прочих категорий оценивалась в индивидуальном порядке. У большинства она носит хронологически сквозной характер (шила, иглы, скрепы, скобы, обоймы, оковки, простые бусы и бисер). Более информативны втульчатые топоры, наконечники копий и крюки, плоские топоры-тесла, гривны, колесовидные бусы, колпачки, очковидные и различные сурьмяные подвески, которые могут выступать как свидетельства генетической преемственности или межкультурного взаимодействия в процессе сложения общих стандартов металлообработки ПБВ.

Наибольшую вариативность с конструктивно-морфологической точки зрения проявляют *клинковые орудия* (267 экз., 181 памятник). находки I этапа сосредоточены в сухостепных районах Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья (рис. 2, 3). Двухчастная конструкция (клинок – черенок) преобладает над трехчастной (клинок – перехват – черенок). Есть изделия с невыраженными конструктивными деталями (аморфные). У некоторых орудий ковкой на клинке намечена нервюра. Тенденцией моды становится максимальное расширение посередине клинка, серийно фиксируемое в лолинской культуре (далее – ЛК) предкавказских и волго-донских степей. В целом для ЛК характерны двухчастные изделия с лавролистным и ромбовидным клинком (рис. 3, 11–16, 22). Одно орудие небольших размеров имеет удлиненно-подтреугольный кинжальный клинок, снабженный ковкой нервюрой (рис. 3, 19). Функционально и морфологически к кинжалам относятся более

крупные изделия соседней с ЛК невинномысской культуры (далее – НМК) (рис. 3, 20–21). Два других орудия НМК – с листовидным и сглажено-пятиугольным, близким лавролистной схеме клинком [Мимоход и др., 2022, рис. 3, 168, 171]. В Днепро-Донском междуречье формы клинков I этапа несколько разнообразнее (рис. 3, 1–9). Трехчастные орудия повсеместно имеют прямоугольный перехват и расширяющийся к основанию клинок. На пятке черенок большинства двух- и трехчастных орудий рельефно раскован. Оформление пятки самое разное. У двух изделий днепродонской бабинской культуры (далее – ДДБК) оно ромбовидно-треугольное (рис. 3, 2, 9).

География и культурный фон орудий II этапа резко отличаются от предыдущего. Почти все находки связаны с памятниками колесничных культур северостепной – лесостепной зоны между Доном и Уралом (рис. 2). На западе (Волго-Донье) трехчастная конструкция превосходит по количеству двухчастную, на востоке (Волго-Уралье) они сопоставимы. Обеим группам численно уступают аморфные орудия, частота встречаемости которых заметно выше по сравнению с I этапом, даже учитывая, что иногда невнятность формы может быть следствием коррозии металла. Сплошной ковкой нервюрой снабжено подавляющее большинство трехчастных орудий, некоторые двухчастные и аморфные. Повсеместно доминирует лавролистная форма клинка. Теперь она представлена преимущественно на трехчастной конструкции (рис. 3, 27, 31–32, 34, 38–40, 44). Перехват у трехчастных орудий, как правило, короткий (длина меньше ширины). Его стороны чаще параллельны, но есть примеры выемчатости и сужения, создающего иллюзию намечающегося перекрестия. В нескольких погребениях вместе с трехчастными орудиями встречены однолезвийные ножи (рис. 3, 28, 30). Широко распространяется ромбическое и треугольное оформление пятки черенка, при этом почти исчезает аморфная рельефная расковка. Черенки ряда орудий имеют срез пятки, что придает ей прямоугольные очертания (рис. 3, 33, 37). В Предкавказье примеры клинковых орудий данного этапа фактически отсутствуют.

Орудия III этапа зафиксированы от покровско-раннесрубных памятников на западе

до срубно-алакульских на востоке (рис. 2). Везде преобладают трехчастные изделия, аморфные тяготеют к Волго-Уральскому региону, двухчастные встречаются редко. Единственный однолезвийный нож найден на востоке Приуралья (рис. 3,71). Меньше орудий, чем прежде, имеют ребро жесткости. У некоторых оно получено литьем (рис. 3,61,67,71). Кованая нервюра не всегда сплошная – иногда она не заходит на черенок и конец клинка. Возрастает число орудий с удлинненным перехватом (длина больше ширины). Их концентрации наблюдаются в северостепном Подонье и Волго-Уралье. Предпочтение отдается выемчатому перехвату, делающему перекрестие заметно выразительнее. Морфология клинков не выходит за рамки сложившихся на предшествующем этапе вариаций, которые демонстрируют более или менее равномерное распространение. Новой чертой являются кованые фаски по контуру клинка на трехчастных орудиях (рис. 3,50,59–60,69). В оформлении пятки, как и раньше, преобладает ромбическая и треугольная расковка. Значительно шире, вплоть до Северского Донца, распространяется прямоугольный срез на конце черенка.

Таким образом, в видоизменении клинковых орудий на протяжении трех выделенных этапов прослеживаются следующие общие тенденции: 1) двухчастная конструкция замещается трехчастной; 2) форма клинка колеблется между лавролистно-ромбовидной и листовидно-треугольной; 3) лезвия подчеркиваются коваными фасками; 4) перехват сужается к клинку, удлиняется и образует перекрестие на стыке с плечиками; 5) кованое ребро жесткости эволюционирует от маловыразительного только на клинке до сплошной нервюры и рельефного литья; 6) аморфная расковка черенка поступательно сменяется ромбической, плавно заостряющейся и прямоугольной пяткой.

В территориальном плане эти тенденции проявляются неравномерно, в разной степени отчетливо и специфично. Для Азово-Черноморской зоны, характеризующейся наименьшей частотой встречаемости клинковых орудий, можно зафиксировать на III этапе утверждение трехчастной конструкции, выделение лезвийных фасок, оформление перекрестия и модернизацию пятки. Взаимосвязь с местной

металлообработкой I этапа прослеживается на уровне таких деталей, как прямоугольный перехват (рис. 3,4,8,48) и треугольно-ромбический черенок (рис. 3,2,9,49,50). Степное Предкавказье, не имея свидетельств III этапа, иллюстрирует преимущественное использование лавролистных и ромбовидных форм двухчастных орудий. Волго-донские и волго-уральские орудия от II к III этапу видоизменяются без выраженных локальных особенностей в полном соответствии с выявленными тенденциями, истоки которых не просматриваются из-за отсутствия находок в местных памятниках I этапа.

В культурно-хронологическом плане картина перехода к стандартам ПБВ еще более дисперсная. У орудий ДДБК единственным «переходным» признаком является ромбическое окончание черенка. В остальном они эксплуатируют стереотипы местной катакомбной металлообработки [Литвиненко, 2006]. На сложившейся ранее основе развивались и формы орудий ЛК, среди которых ведущую роль играла двухчастная конструкция с расширяющимся до середины полотна клинком. В одном из раннелоллинских комплексов вместе с лавролистно-ромбовидным встречен «сглаженный» вариант пятиугольного клинка (рис. 3,10–11). Пятиугольная схема отмечена также в НМК. На развитом этапе ЛК остаются востребованными треугольно-ромбовидные формы клинков (рис. 3,14,16). Их воспроизводство в ближнем окружении можно предполагать и после исчезновения культуры, о чем свидетельствует соответствующая находка (рис. 3,62) в позднепокровском комплексе на Нижнем Дону [Сергацков и др., 2012].

Памятники I этапа северостепной и лесостепной части юго-востока Русской равнины (воронежская и волго-донская бабинская культуры, памятники с вольско-лбищенской керамикой, волго-уральская посткатакомбная группа) почти не дают образцов клинковых орудий. Зато в культурах последующего времени эти орудия представлены массовыми сериями. Ассортимент доно-волжской абашевской культуры (далее – ДВАК) и отождествляемых с ней ранних памятников покровского типа (далее – ППТ) включает преимущественно двух- и трехчастные изделия с лавролистным клинком, а также аморфные изделия близкой фор-

мы. Эта форма при наличии нюансов – основная у двухчастных орудий ЛК. Вместе с тем численно значимую группу составляют в ДВАК и ранних ППТ трехчастные орудия с расширяющимся к основанию клинком. Тот же принцип формообразования клинка, наследуемый от катакомбной металлообработки, реализован на двух- и трехчастных орудиях ДДБК.

Много общего в комплексах клинковых орудий как с волго-донскими памятниками, так и друг с другом имеют волго-уральские культурные группы II этапа – синташтинская, абашевская, потаповская (обобщенно САП). Во всех группах безраздельно господствует лавролистная форма клинка, а листовидно-треугольная, в отличие от ДВАК и ППТ, почти не встречается на трехчастной конструкции и редко – на двухчастной. По особенностям морфологии ряда находок выявляются конкретные направления связей. В потаповской культуре прежде всего обращают на себя внимание удлиненно-треугольные орудия, снабженные ребром жесткости (рис. 3,47). Синхронной аналогией им являются упомянутые выше кинжалы ЛК и НМК, которые в свою очередь находят параллели в дольменной, гинчинской, триалетской и каякентско-хорочоевской культурах Северного Кавказа [Гак, Мимоход, 2007]. С чужеродной культурной средой связана своим происхождением пятиугольная схема клинка одного из синташтинских орудий (рис. 3,43) – серийно она воспроизводилась только в донецкой катакомбной культуре и ее дериватах [Гак, 2007, с. 98]. В обоих случаях речь, конечно же, не может идти о прямых заимствованиях, поскольку, помимо других данных, хронологическим маркером волго-уральских находок выступает ромбическая пятка черенка. Кстати, у черенков абашевской культуры зафиксирован и другой своеобразный способ оформления, уходящий корнями в предшествующее время, – расковка торцевых краев в пластину с последующим загибом вовнутрь (рис. 3,40). Аналогичный пример известен в ДВАК на Верхнем Дону (рис. 3,36). Этим же способом получены черенки ряда ножей маньчских катакомбных культур [Гак, 2011, рис. 7,1–5]. Наконец, с культурами лесной зоны вектор контактов высвечивают характерные кинжалы «аморфной» конструктивной группы сеймино-турбин-

ского облика из погребений потаповской (Грачева II, кург. 9, погр. 3) и синташтинской (гора Березовая, п. 4) культур, что уже отмечено исследователями [Кузнецов и др., 2018, с. 40].

Завершенность процесса сложения производственных стандартов ПБВ иллюстрируют орудия раннесрубной культуры, срубно-алакульских памятников и поздних ППТ. На фоне полного и повсеместного доминирования трехчастной схемы рудиментарно смотрятся двухчастные и аморфные изделия, ромбовидная конфигурация клинка, округло-рельефная и ромбическая расковка пятки рукоятей.

Сравнение основных тенденций формообразования с предшествующим временем и культурным окружением позволяет выявить в облике клинковых орудий конца СБВ – начала ПБВ рассматриваемой территории черты преемственности местных и инородных традиций, новации и инновации.

На I этапе повсеместно и абсолютно доминируют архаические стереотипы, генезис и частота встречаемости которых не равнозначны в Лоле и Бабино. Конструктивная аморфность с максимальным расширением у середины, представленная в обеих сериях, отсылает к майкопским бесчереновым и полубесчереновым кинжалам [Корневский, 2011, с. 42–45, рис. 9–11,14], а также их реминисценциям в предкавказско-доно-волжских катакомбных культурах [Гак, 2007, рис. 6,1–5]. Морфологические схемы листовидного (с расширяющимся основанием) и пятиугольного клинков имеют корни в металлообработке начала СБВ [Гак, 2016, с. 762; Гак, Мимоход, 2007, с. 90; Гак, Калмыков, 2013, с. 119–120]. Причем если первая получила очень широкое распространение, то вторая была мало востребована за пределами Днепро-Волжского междуречья. Ромбовидная схема, появившаяся в Предкавказье на рубеже ранней и средней бронзы [Гак, 2016, с. 762], массово воспроизводилась с позднего этапа СБВ преимущественно в среде носителей маньчских катакомбных культур [Гак, 2007, с. 98, рис. 2,8–13; 2011, с. 76, рис. 3,15–18]. Архаичный облик имеют некоторые детали трехчастной конструкции. Ее древнейшие образцы также датируются рубежом ранней и средней бронзы [Гак, Калмыков, 2013, с. 120–121]. В финале СБВ мы видим треугольно-листовидный кли-

нок на прямоугольном перехвате, как у абсолютного большинства позднекатакомбных орудий. Типичным для них является и бесформенная расковка пятки черенка.

Относительные новшества, а точнее, малораспространенные до этого специфические особенности форм ограничиваются лавролистной конфигурацией клинка, сужающимися сторонами перехвата и ромбической пяткой черенка. Лавролистный клинок не имел массовых примеров бытования в предшествующее время [Гак, Калмыков, 2013, с. 119]. В ЛК – это основной стереотип. Также основным, но лишь на III этапе и в совершенно иной культурной среде, становится выемчатый перехват. Ромбическое окончание насада отмечено в среднедонской катакомбной культуре [Матвеев, 1998, с. 16]. Как и у бабинских орудий, оно редкое и не очень выразительное.

В комплексе клинковых орудий II этапа заметно меньше пережиточных стереотипов СБВ. Их свидетельства локализируются в диаметрально противоположных частях территории и повторяют архаичные формы I этапа, проявляющие тем самым поразительную устойчивость. Особо примечательны в этом плане три ножа из хронологически близких погребений ДВАК 2-го Липецкого кургана: аморфный с округленным концом клинка и приостренным насадом, удлиненно-листовидный с покатыми плечиками и рельефной расковкой черенка, трехчастный с треугольным клинком на прямоугольном перехвате. У последнего пятка имеет ромбические очертания – единственный морфологический признак, связывающий нож с бесспорно абашевским контекстом памятника [Липецкий курган ... , 2016, рис. 19,2, 53,4, 65,3]. От металлообработки предшествующего времени унаследованы аморфные, пятиугольные, ромбовидные и листовидные схемы орудий из посткатакомбных погребений и могильников САП. Аналогии однолезвийным ножам известны в материалах ранней – средней бронзы Северного Кавказа и юга Восточной Европы [Гак, Калмыков, 2013, с. 121, 123]. Возможные прототипы встречены в погребениях маньчских катакомбных культур и, что показательно, там же, на юге доно-волжского междуречья. В этой же зоне концентрируются сопоставимые с аба-

шевскими маньчские образцы расковки и загиба краев рукояти.

Главная новация II этапа – тип трехчастного орудия, сочетающего лавролистный клинок, короткий перехват, ромбическую пятку черенка и сплошную продольную нервюру. Изделия с таким сочетанием признаков отсутствуют в посткатакомбном металлокомплексе. Первичное и наиболее широкое их распространение иллюстрируют памятники колесничных культур. Этот тип фиксируется и в раннесрубном металлокомплексе, но уже не как основной. Со II этапом следует также связывать появление двухчастной листовидно-лавролистной модификации, характеризующейся плавными контурами абриса и удлиненным черенком, равным или большим, чем длина клинка (рис. 3,37). В памятниках СБВ кавказско-степной зоны нет ножей, обладающих такими чертами. Почти все эти орудия найдены в волго-уральских памятниках круга САП и лишь одно, имеющее свернутую из пластины рукоять, – в погребении ДВАК на Верхнем Дону (рис. 3,36). Полные аналогии им находятся в памятниках уральской абашевской культуры [Пряхин, 1976, рис. 27,19–21].

Комплекс клинковых орудий III этапа по сравнению с предшествующими выглядит полностью модернизированным. При этом некоторые детали оформления орудий повторяют эксплуатировавшиеся на позднем этапе СБВ маньчской катакомбной металлообработкой: кованые фаски вдоль лезвий, выпуклая литая нервюра, округло раскованная пятка у насада [Гак, 2011, с. 76, 82]. Архаичные морфологические схемы представлены также изделиями аморфной группы, ромбовидными формами, трехчастным орудием с треугольным клинком на прямоугольном перехвате. О развитии традиций II этапа свидетельствуют как отдельные, типологически характерные находки, так и новая модификация трехчастного кинжала, обладающая треугольно-листовидным клинком, удлиненно-выемчатым перехватом, выраженным перекрестием и прямоугольным завершением насада. Именно она стала основной новацией, а впоследствии ведущим типом ножей срубной культуры.

Височные кольца (168 экз., 110 памятников). У этой категории вариативно пять основных характеристик: размер, общая форма,

оформление концов, изогнутость, сечение. Находки I этапа связаны с памятниками степной зоны, за исключением погребения воронежской культуры Хохольского кургана в лесостепи (рис. 4, 5). Все кольца небольшие, диаметром в плане (или шириной по короткой оси) от 0,7 до 2 см. Преобладают округлые изделия. Овальные зафиксированы в ЛК и МНК, где они имеют типичный позднекатакомбный облик: укороченные пропорции, округло-овальное сечение, неширокие утолщающиеся или приостряющиеся концы (рис. 5, 7, 9). По изогнутости выделяются три схемы изготовления колец: одновитковая (разведенные концы), полуторавитковая (заходящие концы), многовитковая с переложной петлей (обратным разворотом). На данном этапе распространены в основном кольца второй схемы. Третья схема представлена в ДДБК (Великая Знаменка) и МНК (Сунжа). В сечении изделий доминирует пластинчатое с больше или меньше выраженным желобком. Из прутков свернуты только кольца овальной конфигурации.

Основной ареал находок II этапа смещен к северо-востоку (рис. 4). Превалируют круглые полуторавитковые изделия пластинчато-желобчатого сечения. По сравнению с I этапом зафиксированы одновитковые кольца-серьги калачевидной формы (рис. 5, 24, 28) и значительно чаще – многовитковые спирали, в том числе с обратным разворотом. Все эти находки происходят из памятников круга САП Волго-Уральского региона. Там же сосредоточены мелкие круглые в плане кольца с ложковидными концами и узкой дужкой, характерные для средневожской абашевской культуры [Кузьмина, 1992]. Западнее Волги кольца заметно крупнее (от 1,5 см в диаметре), концы у них заведены и оформлены по-разному. В целом височные кольца доно-вожских памятников иллюстрируют преемственность с образцами I этапа.

Находки III этапа распространяются неравномерно, концентрируясь в могильниках бассейнов крупных рек. Данный этап характеризуется исключительным использованием подвесок полуторавитковой схемы. Нет ни колец с разомкнутыми концами, ни многовитковых височных спиралей. Мелкие круглые изделия полностью вытеснены крупными

овальными, которые достигают в длину 4 см, иногда плакированы (рис. 5, 41) или украшены поперечными насечками (рис. 5, 31, 46, 59). Наследием предшествующего времени являются хорошо узнаваемые крупные кольца с заходящими сужающимися концами разного сечения (рис. 5, 37, 39, 40, 52, 54–56). Примечательна их локализация в доно-вожской лесостепной зоне и отсутствие на территории Волго-Уралья. Многие из овальных колец (рис. 5, 41, 45–48, 50) по конфигурации аналогичны поздне- и посткатакомбным изделиям с пластинчатым или желобчатым сечением лопастей. Явную новацию представляют удлиненно-овальные и удлиненно-трапециевидные пластинчато-желобчатые кольца. Более крупные из них найдены в позднейших комплексах III этапа (рис. 5, 35, 49, 59). С вариациями такие височные подвески использовались и позже в срубной культуре.

Таким образом, в морфологии данной категории украшений с конца СБВ до начала ПБВ включительно просматриваются два источника влияний. Западные регионы и Предкавказье продолжали эксплуатировать кавказско-степные стереотипы СБВ, вводя в оборот новые модификации – сравнительно крупные полуторавитковые пластинчато-желобчатые кольца округлой формы с неширокими концами и овальной формы с широколопастными концами. Бытование всех этих разновидностей на Северном Кавказе вплоть до развитого этапа ПБВ [Эрлих, Гак, 2020] свидетельствует о непрерывности связей. Более сложные, разновекторные процессы демонстрируют кольца волго-уральского региона, где мелкие желобчатые формы северного (средневожско-абашевского) происхождения сочетаются с многовитковыми и калачевидными, имеющими западные (кавказско-степные) корни. Однако на III этапе, в раннесрубной и срубно-алакульской среде, там исчезают и украшения абашевского типа (по О.В. Кузьминой), и многовитковые спирали, в том числе с обратным разворотом, которые на Кавказе еще долго оставались в гарнитуре украшений [Корневский, Мимоход, 2011, с. 58–60]. К концу периода в степи – лесостепи от Днепра до Урала ситуация гомогенизируется с выработкой нового стандарта височной подвески – крупной, удлиненной, свернутой в пол-

тора оборота из уплощенного прута или узкой пластины. Позже этот стандарт утвердился на всей рассматриваемой территории.

Пронизи (93 экз., 31 памятник). К данной категории относятся трубчатые украшения, длина которых как минимум вдвое меньше диаметра (рис. 6, 7). Явные различия имеют пронизи следующих типов: спиральные (многовитковые узкие ленты или проволочки), гладкие кованые (свернутые полоски без орнамента), гофрированные кованые (свернутые полоски с рифлением), гладкие литые (цельные без орнамента). Пронизи I этапа локализируются в степях западной части рассматриваемой территории. В ЛК, кроме одной литой, встречены спиральные (рис. 7,3–8), а в ДДБК – спиральные и гладкие свернутые изделия (рис. 7,1–2). Спиральные пронизи воронежской культуры аналогичны посткатакомбным (рис. 7,9). Находки II этапа в основном связаны с погребениями колесничных культур севера степной и лесостепной зоны Доно-Волго-Уралья. За Волгой отмечено появление свернутых пронизей с рифлением, тяготеющих к абашевским могильникам. В двух погребениях (рис. 7,11,13) спиральные, гладкие и гофрированные свернутые пронизи обнаружены вместе. Эти типы перешли в раннесрубный гарнитур украшений III этапа без каких-либо новаций (рис. 7,17–21).

Три из четырех типов пронизей известны по материалам памятников СБВ той же территории [Гак, 2005, рис. 80], что недвусмысленно указывает на преемственную связь. Специфичны только гофрированные пронизи, которые резко отличаются от подобных «рубчатых» изделий СБВ как по морфологии, так и по способу получения. Массивная пластинчатая пронизь с насечками найдена в одном из ранних погребений Балановского могильника [Бадер, 1963, рис. 123,2]. Подобные изделия, но меньших размеров, нередко в средневожской абашевской культуре [Кузьмина, 1992, с. 55]. В целом же балановские, абашевские и колесничные пронизи можно считать аналогиями. Локализация последних в Волго-Уралье на фоне несомненного хронологического приоритета балановских и средневожско-абашевских памятников, содержащих данные изделия, перед памятниками колесничных культур заставляет предполагать их восточ-

ное в рамках рассматриваемой территории распространение и использование.

Браслеты (90 экз., 51 памятник) имеют разомкнутые или слегка заходящие концы, что позволяет относить их к одной группе – одновитковых (рис. 8, 9). Главными отличительными признаками являются ширина и форма сечения средней части. По этим признакам выделяется шесть типов браслетов: широкие желобчатые, узкие желобчатые, толстые округло-овальные (прутковые), линзовидно-пластинчатые, полукругло-треугольные, тонкие узкие овальные. Сечение большинства находок от середины к концам более или менее равномерное, исключения единичны (рис. 9,7,35). Концы могут быть разными, взаимосвязь между их оформлением, сечением и шириной браслетов не просматривается.

В погребениях посткатакомбных культур браслеты не встречены. Находки конца I (рис. 9,1,9) – II этапов распространяются от Среднего Дона до юга Приуралья. Преобладает тип широких желобчатых браслетов, которые зафиксированы во всех массово представленных металлом культурных группах. Относительно многочисленны толстые прутковые браслеты. Они сконцентрированы в Подонье и Волго-Уральском междуречье, где связаны с позднеабашевскими – раннепокровскими памятниками. Изделия полукруглого сечения происходят из Хохольского погребения воронежской культуры, а также колесничных погребений Власовского I могильника и Филатовского кургана. Близкое сечение, но с ребром на внешней стороне имеют браслеты комплекса волго-уральской посткатакомбной группы в могильнике Тамар-Уткуль VII. Линзовидно-пластинчатые браслеты найдены в грунтовых абашевских некрополях Самарского Поволжья Никифоровское лесничество и Человечья голова.

Все находки III этапа сосредоточены в позднепокровских и раннесрубных памятниках Доно-Волжского междуречья. Это время характеризуется замещением широких желобчатых браслетов узкими и тонкими с желобчатым или овально-линзовидным профилем. Остаются востребованными толстые прутковые браслеты, сечение которых «дрейфует» от округлого к овальному. Налицо – модернизация производственных стандартов, выра-

женная в сужении, утоньшении и уплощении браслетов к концу рассматриваемого периода. Эта тенденция закрепились в развитый период ПБВ.

На юге Восточной Европы регулярное использование цельнометаллических браслетов до начала ПБВ не прослеживается. Одновитковые браслеты разного сечения с разомкнутыми и немного заходящими концами в памятниках СБВ ближайшего территориального окружения есть только на Северном Кавказе [Каменский, 1990, рис. 16]. Именно северокавказские формы можно считать прототипами для всех степных – лесостепных изделий, кроме реберчатых и желобчатых. В качестве одного из передаточных звеньев могла выступать среднедонская катакомбная культура, в которой известны толстые и круглые в сечении прутковые браслеты [Красильников, Тельнова, 1993, рис. 17; Синюк, Матвеев, 2007, рис. 2]. Раннеабашевские памятники правобережья Среднего Поволжья, где встречены аналогичные изделия [Кузьмина, 2002, с. 167], возникают, несомненно, позже северокавказских и среднедонских катакомбных. С последними средневожская абашевская культура смыкалась территориально и хронологически, что предполагает саму возможность заимствований. При этом цельнометаллические браслеты играли в погребальном костюме абашевской культуры куда более значимую роль. Отсутствие находок данной категории в Лоле и Бабино, синхронных абашевским памятникам в целом, вероятно, связано как с правопреемственностью катакомбных традиций, так и с общим аскетизмом посткатакомбной погребальной практики, игнорировавшей металлоемкий инвентарь. Что касается реберчатых и желобчатых браслетов, то здесь влияние проникавших с севера традиций абашевской культуры на позднем ее этапе, по-видимому, было определяющим [Кузьмина, 2002, с. 168–169; Мимоход, 2021, с. 59].

Редкой, но маркерной категорией орудий, показывающих устойчивую связь с кавказско-степными традициями металлопроизводства, являются однозубые крюки с четырехгранным загнутым стержнем и характерной свернутой втулкой, имеющей отверстия для крепления деревянной рукояти. Эти изделия фиксируются почти во всех катакомбных

культурах позднего этапа СБВ восточнее Днестра. Массово они представлены в Предкавказье и Северо-Западном Прикаспии [Гак, 2005, с. 84–86]. Аналогичные крюки встречены в погребении НМК могильника Садовый (рис. 10,1) (Прикубанье, I этап), в абашевско-синташтинском могильнике у горы Березовой (рис. 10,2) (Приуралье, II этап) и позднепокровском погребении могильника Медяниково (рис. 10,4) (правобережье Волги, III этап). Одно изделие происходит из Большекараганского могильника синташтинской культуры на Южном Урале (рис. 10,3). Существенно меньшими размерами по сравнению с крюками I–II этапов и серией манычских катакомбных крюков выделяется медяниковский экземпляр. При этом он сопоставим с крюками позднедонской и среднедонской катакомбных культур [Братченко, Санжаров, 2001, с. 78]. Признаком трансформации, фиксируемой с III этапа, является характерный изгиб стержня, который у крюка из Медяниково начинается сразу от втулки. В развитый период ПБВ тенденция использования аналогичных «маленьких» крюков, видимо, продолжилась, о чем свидетельствуют находки на поселениях срубной культуры Мосоловское, Комаровское, Лобойковский клад и др., также тяготеющих к северу степи – лесостепи.

Кавказский вектор влияний просматривается в морфологии украшений из посткатакомбных комплексов I этапа – фигурных валутообразных подвесок, подвесок-колпачков, свернутых конусов, колесовидных бус, бляшек-пуговиц от составных браслетов. Все эти формы находят более или менее точные аналогии в памятниках СБВ горно-предгорных районов Кавказа [Мимоход, 2013]. При этом они малочисленны и севернее Волго-Донского перешейка не известны ни в синхронных памятниках, ни в памятниках II–III этапов.

По-видимому, кавказские прототипы лежат в основе появления бляшек с отверстиями у посткатакомбного, вольско-лбищенского, абашевского и покровского населения. Во всяком случае их ранние образцы происходят из кавказско-предкавказской зоны, а морфолого-метрические различия между южными (посткатакомбными, протокобанскими) и северными (вольско-лбищенскими, абашевскими, покровскими) находками могут

быть объяснены дивергентным развитием и использованием этой категории украшений.

Несомненно, кавказский ареал является исходным для треугольных, ромбовидных, волотообразных и лапчатых подвесок из позднепокровских погребений III этапа. Кроме морфологии, характерно использование сурьмы для их отливки, которая, судя по находкам на поселениях литейных форм, велась непосредственно на месте. Речь в данном случае может идти не только о копировании типа, но и аутентичном материале, поступавшем в том или ином виде исключительно с Кавказа [Гак и др., 2012].

К декоративным формам, циркулировавшим на протяжении большего, чем рассматриваемый, временного диапазона, относятся гривны, проволочные очковидные подвески, перстни и височные спирали с завитками. Они встречены в бабинских, вольско-лбищенских, абашевских, покровских и воронежском (Хохольский) комплексах. Появлением в степи – лесостепи к востоку от Дона эти украшения, по-видимому, обязаны средневожской абашевской культуре, а к западу – ДДБК. Обе культуры содержат в деталях одежды центрально-европейский компонент. Примечательно отсутствие такого рода вещей в сухостепном Предкавказье и прилегающем Доно-Волжском междуречье, где тенденции «западной» моды, если и проникали, то, вероятно, не выдерживали конкуренции с традиционно близкой для этих регионов культурой Кавказа.

С поволжско-уральскими традициями абашевской металлообработки следует связывать типы наконечников копий, втульчатых топоров и плоских топоров-тесел в погребениях II–III этапов. Изделия этих категорий из памятников СБВ Черноморско-Каспийской зоны имеют другие морфологические и параметрические особенности [Кузьмина, 2000; Братченко, Санжаров, 2001; Гак, 2004].

Сравнительный морфологический анализ металлических находок на уровнях «территория – хронология – культура» в контексте данных о предшествующих и последующих традициях формообразования позволяет выделить черты преемственности и новаций в металлопроизводстве конца СБВ – начала ПБВ на юго-востоке Русской равнины.

Металлокомплекс посткатакомбных культур и синхронных им культурных групп финала СБВ иллюстрирует дезинтеграцию связей, которые в позднекатакомбный период обеспечивали сравнительно высокий уровень стандартизации. На севере продолжалась эксплуатация стереотипов катакомбного времени. Маркерами наступления новой эпохи являются треугольно-ромбическое оформление черенка и украшения европейской моды – гривны и проволочные очковидные подвески. На юге металлообработка также функционировала на сложившейся ранее основе, но акцент был перенесен на редко использовавшиеся до этого формы – лавролистный клинок, пластинчатые височные кольца, спиральные пронизи. По сравнению с позднекатакомбным периодом усилилось кавказское влияние, особенно в гарнитуре украшений.

Металлокомплекс колесничных культур заметно отличается от посткатакомбного, а в своих территориально-хронологических рамках имеет много общего. В нем присутствуют пережиточные стереотипы, собственные модификации и заимствования через межкультурные контакты. К архаичным формам кавказско-степного происхождения относятся аморфные, пятиугольные, ромбовидные и листовидные клинки; втульчатые крюки; серьги-калачики; спиральные и гладкие свернутые пронизи; бляшки с отверстиями; толстые прутковые браслеты. Главная новация – тип кинжала, сочетающего лавролистный клинок, короткий перехват, ромбическую пятку черенка и сплошную кованую нервюру. В гарнитуре украшений появляются свернутые пронизи с рифлением. Абашевские культуры южнолесной зоны Волго-Уралья привносят на рассматриваемую территорию формы крупных орудий и украшения центрально-европейского стиля.

В металлокомплексе раннесрубных памятников преобладают стереотипы предшествующего этапа. Клиновые орудия по сравнению с поздним периодом – финалом СБВ имеют модернизированный облик, хотя некоторые их детали восходят к традициям катакомбной металлообработки. Архаичные схемы воспроизводятся редко. Модификация трехчастного кинжала с треугольно-листовидным клинком, удлинненно-выемчатым перехва-

том, выраженным перекрестием и прямоугольным завершением насада становится основной новацией, а впоследствии ведущим типом ножей срубной культуры. В серии височных колец мелкие круглые изделия полностью вытеснены крупными овальными. Часть их сопоставима с поздне- и посткатакомбными изделиями, но отличается оформлением лопастей. Явную новацию представляют крупные удлиненно-овальные и удлиненно-трапециевидные кольца пластинчато-желобчатого сечения, которые с вариациями продолжали бытовать в срубной культуре. Типы пронизей полностью переходят в раннесрубный гарнитур украшений. У браслетов повсеместно и отчетливо наметилась тенденция к сужению, утончению и уплощению сечений. Из кавказского ареала широко распространилась мода на сурьмяные подвески различных форм. В целом металлокомплекс данного этапа выглядит по сравнению с предшествующим более стандартизированным, а по сравнению с I этапом – совершенно обновленным.

Таким образом, металлокомплекс финала СБВ сформировался на основе местных катакомбных традиций под южным (кавказским) и западным (центрально-европейским) влиянием. В самом начале ПБВ облик металлического инвентаря определяли новации, рас-

пространявшиеся с севера и востока, а преемственность прослеживается по линиям Лола – САП, Бабино – Покровск. На раннесрубном этапе металлообработка продолжает этот путь развития с учетом актуальных тенденций формообразования.

Металлокомплексы начала и конца рассматриваемого периода существенно различаются. Но эти различия нельзя назвать резкими. Фиксируемые изменения имеют корни в местных и соседних культурах того же или предшествующего времени, что говорит о сохранении горизонтальных и вертикальных традиционных связей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00406 «Палеоэкология – металлургия – культурогенез: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Восточной Европы на рубеже средней и поздней бронзы».

The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation project 19-18-00406 “Paleoecology-metallurgy-cultural genesis: causes and mechanisms of the change of epochs in the cultural space of Eastern Europe at the turn of the Middle and Late Bronze Age”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица. Металл конца средней – начала поздней бронзы в рамках периодизации культурных образований юга Восточной Европы

Table. The metal of the Late Middle – Early Late Bronze Age in periodization of archaeological cultures of the South Eastern Europe

Хронология		Культурно-географические соответствия			
Этап	cal BC	Днепр – Дон	Предкавказье	Дон – Волга	Волга – Урал
I	~ 2200–2000	ДДБК ранняя – развитая ВК поздняя	ЛК ранняя – развитая НМК ранняя	ВДБК ранняя	ПВЛК, ВУКГ
II	~ 2000–1800	ДДБК поздняя	ЛК поздняя НМК поздняя	ДВАК ППТ ранние	ППТ ранние, САП
III	~ 1800–1700	СК ранняя ППТ поздние	–	СК ранняя ППТ поздние	СК ранняя, СА ППТ поздние

Примечание. ДДБК – днепро-донская бабинская культура; ВДБК – волго-донская бабинская культура; ЛК – лолинская культура; ВК – воронежская культура; НМК – невинномысская культура; ВУКГ – волго-уральская культурная группа; ДВАК – доно-волжская абашевская культура; ППТ – памятники покровского типа; ПВЛК – памятники с вольско-лбищенской керамикой; САП – памятники круга Синташта – Абашево – Потаповка; СК – срубная культура; СА – срубно-алакульские памятники.

Note. ДДБК – Dnieper-Don Babino culture; ВДБК – Volga-Don Babino culture; ЛК – Lola culture; ВК – Voronezh culture; НМК – Nevinnomyssk culture; ВУКГ – Volga-Ural cultural group; ДВАК – Don-Volga Abashevo culture; ППТ – sites of Pokrovsk type; ПВЛК – sites with Volsk-Lbische ceramics; САП – sites of cultural circle Sintashta – Abashevo – Potapovka; СК – Srubnaya culture; СА – sites of Srubnaya and Alakul cultures.

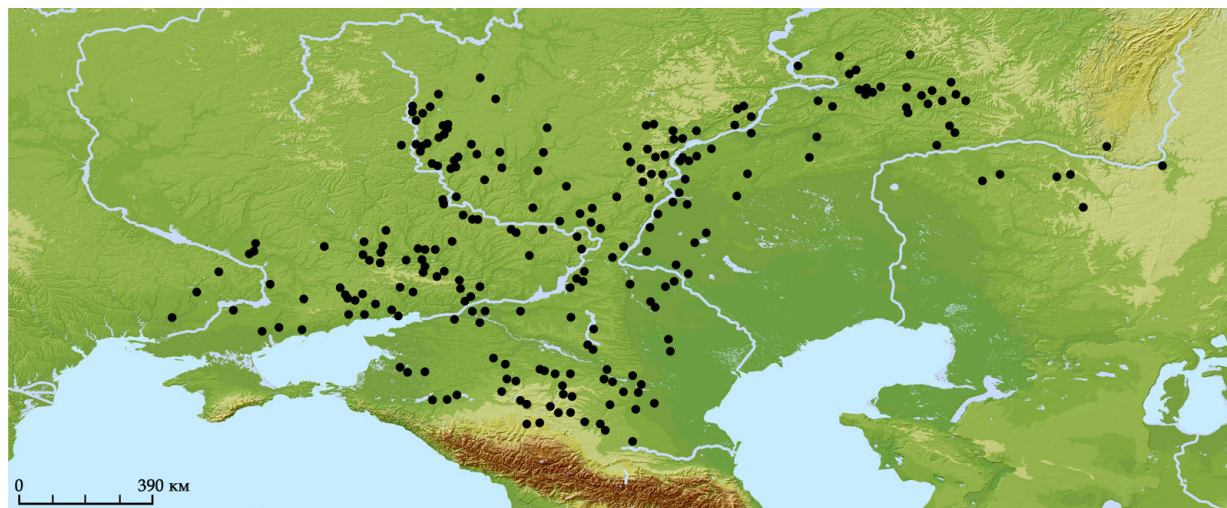

Рис. 1. Памятники с металлом конца СБВ – начала ПБВ степной – лесостепной зоны
Днепр-Уральского междуречья и Предкавказья

Fig. 1. Sites with metal finds of the Late Middle – Early Late Bronze Age from the steppe – forest steppe zone
of the Dnieper-Ural interfluvium and Ciscaucasia

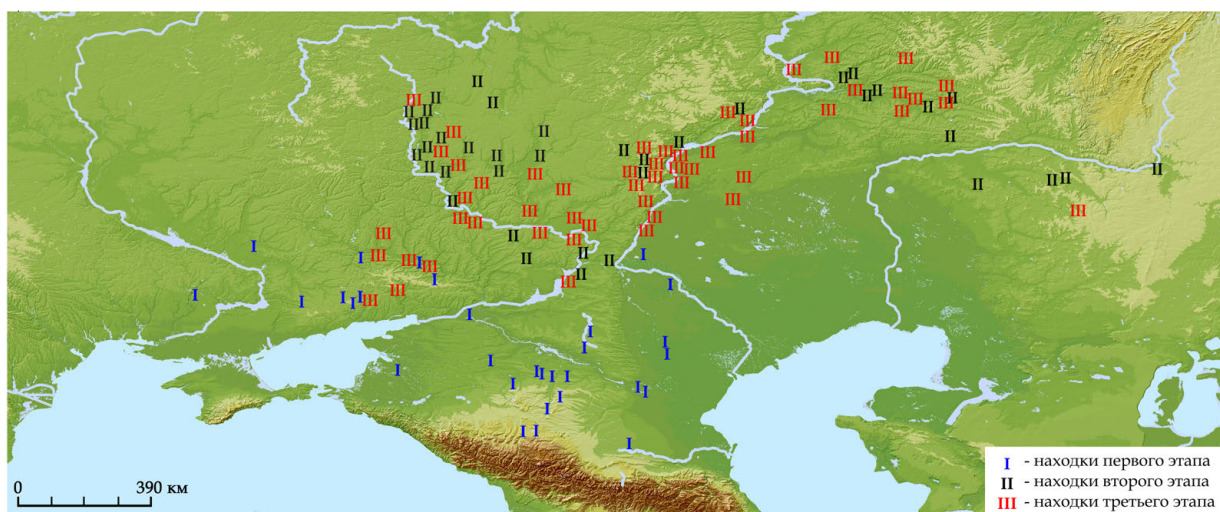

Рис. 2. Клиновые орудия в комплексах по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ
Fig. 2. Bladed tools in complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age

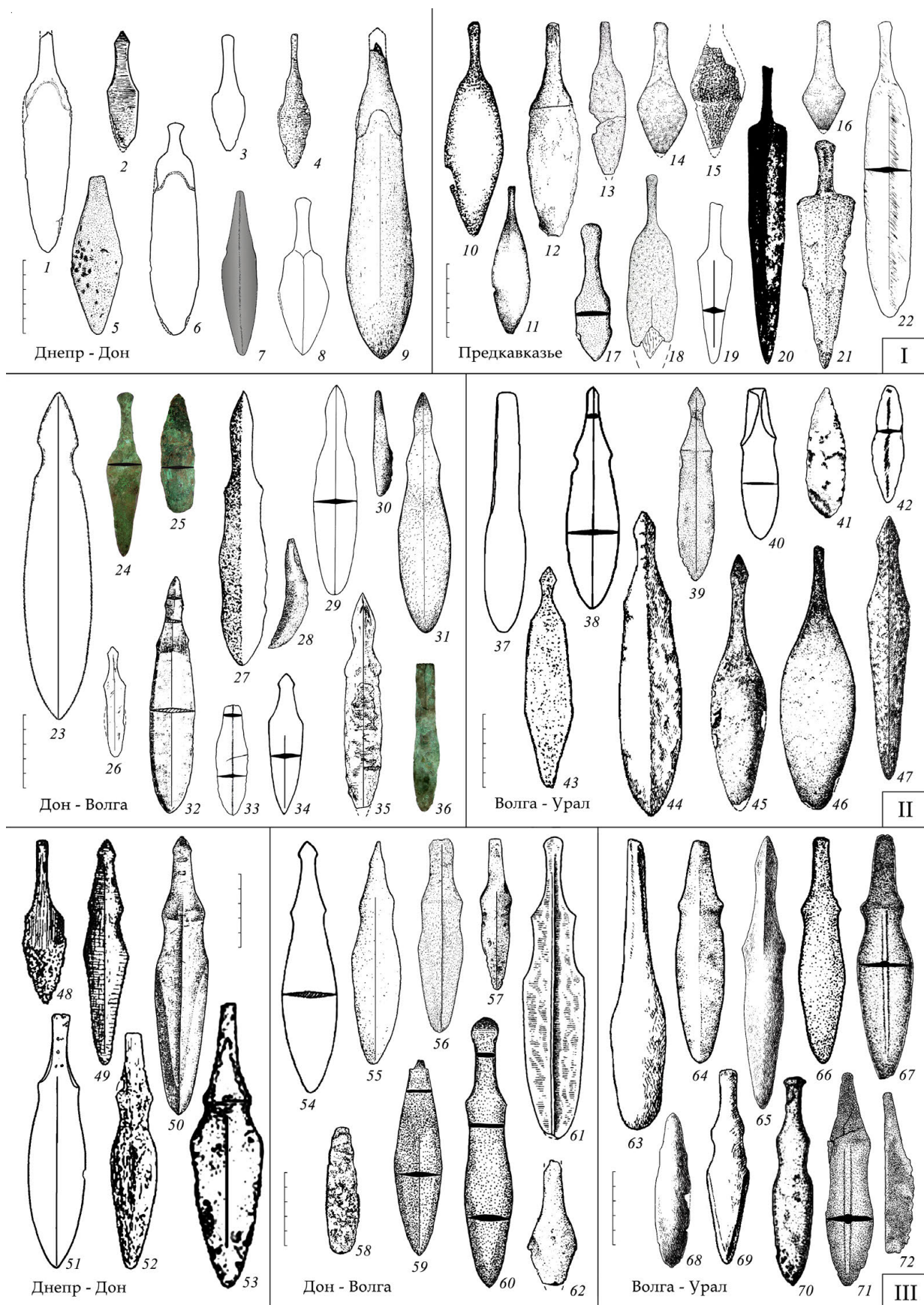

Рис. 3. Клиновые орудия. Находки из комплексов по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ (см. экспликацию на с. 68):

- 1 – Новоандреевка, кург. 3, погр. 5; 2 – Александровск, кург. 1, погр. 4; 3, 6 – Соколова могила, погр. 2;
 4 – Николаевка (Пронские могилы), кург. 5, погр. 2; 5 – Заплавка I, кург. 5, погр. 9; 7 – Пологи, кург. 1, погр. 2;
 8 – Рыбинское, кург. 9, погр. 7; 9 – Краснопартизанск, кург. 2, погр. 4; 10, 11 – Цаган-Усн VII, кург. 4, погр. 7;
 12 – Кривая Лука II, кург. 1, погр. 13; 13 – Кунаковский-2, кург. 3, погр. 3; 14 – Ипатово-3, кург. 2, погр. 13;
 15 – Яшкуль I, кург. 1, погр. 2; 16 – Ильинский I, кург. 1, погр. 6; 17 – Бахтияровка I, кург. 32, погр. 4;
 18 – Кунаковский-2, кург. 2, погр. 9; 19 – Восточный Маныч Левый Берег I, 1965, кург. 18, погр. 2;
 20 – Усть-Джегутинский, кург. 26, погр. 3; 21 – Суворовский, кург. 9, погр. 2; 22 – Калиновский, кург. 6, погр. 4;
 23 – Баранниково, кург. 1, погр. 2; 24 – Липецкий (Ленино), кург. 2, погр. 2; 25 – Липецкий (Ленино), кург. 2, погр. 1;
 26 – Филатовский кург., погр. 1; 27, 28 – Голубинский, кург. 1, погр. 1; 29 – Рождественно, кург. 4, погр. 1;
 30, 31 – Дубовый Гай кург., погр. 4; 32 – кург. Селезни-2, погр. 1; 33 – Елка-1, кург. 2, погр. 1;
 34 – Подклетное, кург. 32, погр. 1; 35 – Первый Плясоватский кург.; 36 – могильник Никольский, погр. 5;
 37 – могильник у Никифоровского лесничества, погр. 2; 38 – Танаберген II, кург. 7, погр. 33;
 39 – Малоюлдашево I пос., погр. 1; 40 – могильник у Никифоровского лесничества, погр. 7;
 41 – Грачевка II, кург. 8, погр. 3; 42 – Танаберген II, кург. 7, погр. 20; 43 – могильник у горы Березовая;
 44 – Утевка VI, кург. 2, погр. 6; 45, 46 – Илекшар I, кург. 5, погр. 3; 47 – Потаповка, кург. 3, погр. 8;
 48 – Приветное, кург. 1, погр. 1; 49 – Лесопитомник, кург. 2, погр. 4; 50 – Шахтерск, кург. 9, погр. 1;
 51 – разруш. кург. Ханженково; 52 – Тополевка, кург. 4, погр. 2; 53 – Николаевка, кург. 1, погр. 14;
 54 – кург. Павловск-2, погр. 1; 55 – Короли, кург. 4, погр. 4; 56 – Красные Липки, кург. 3, погр. 1;
 57 – од. кург. Перекопка V, погр. 3; 58 – Кочетное, кург. 5, погр. 7; 59 – Кочетное, кург. 6;
 60 – Кочетное, кург. 7, погр. 4; 61 – курган Верхняя Маза, погр. 4; 62 – од. кург. Перекопка V, погр. 4;
 63 – Песочное, кург. 3, погр. 2; 64 – Покровск, кург. 9; 65 – Чулпан, кург. 3, погр. 2; 66 – Лабазы, кург. 1, погр. 2;
 67 – Скворцовка, кург. 3, погр. 20; 68 – Хрящевский I, кург. 5, погр. 1; 69 – Песочное, кург. 2;
 70 – Каменка, кург. 2, погр. 1; 71 – Боголюбский, кург. 3, погр. 4; 72 – Боголюбский, кург. 2, погр. 6

Fig. 3. Bladed tools. Artifacts of complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age:

- 1 – Novoandreevka, kurg. 3, burial 5; 2 – Aleksandrovsk, kurg. 1, burial 4; 3, 6 – Sokolova mogila, burial 2;
 4 – Nikolaevka (Pronskie mogily), kurg. 5, burial 2; 5 – Zaplavka I, kurg. 5, burial 9; 7 – Pologi, kurg. 1, burial 2;
 8 – Rybinskoe, kurg. 9, burial 7; 9 – Krasnopartizansk, kurg. 2, burial 4; 10, 11 – Tsagan-Usn VII, kurg. 4, burial 7;
 12 – Krivaya Luka II, kurg. 1, burial 13; 13 – Kunakovskiy-2, kurg. 3, burial 3; 14 – Ipatovo-3, kurg. 2, burial 13;
 15 – Yashkul' I, kurg. 1, burial 2; 16 – Il'inskiy I, kurg. 1, burial 6; 17 – Bahtiyarovka I, kurg. 32, burial 4;
 18 – Kunakovskiy-2, kurg. 2, burial 9; 19 – Vostochnyj Manych Levij Bereg I, 1965, kurg. 18, burial 2;
 20 – Ust'-Dzhegutinskiy, kurg. 26, burial 3; 21 – Suvorovskiy, kurg. 9, burial 2; 22 – Kalinovskiy, kurg. 6, burial 4;
 23 – Barannikovo, kurg. 1, burial 2; 24 – Lipetskiy (Lenino), kurg. 2, burial 2; 25 – Lipeckiy (Lenino), kurg. 2, burial 1;
 26 – Filatovskiy, kurg., burial 1; 27, 28 – Golubinskiy, kurg. 1, burial 1; 29 – Rozhdestvenno, kurg. 4, burial 1;
 30, 31 – kurg. Dubovyy Gaj, burial 4; 32, 35 – Selezni-2 kurg., burial 1; 33 – Elka-1, kurg. 2, burial 1;
 34 – Podkletnoe, kurg. 32, burial 1; 35 – kurg. Pervyy Plyasovatskiy; 36 – Nikol'skiy, burial 5;
 37 – Nikiforovskoe lesnichestvo, burial 2; 38 – Tanabergen II, kurg. 7, burial 33; 39 – Maloyuldashevo I pos., burial 1;
 40 – Nikiforovskoe lesnichestvo, burial 7; 41 – Grachevka II, kurg. 8, burial 3; 42 – Tanabergen II, kurg. 7, burial 20;
 43 – Berezovaya; 44 – Utevka VI, kurg. 2, burial 6; 45, 46 – Ilekshar I, kurg. 5, burial 3; 47 – Potapovka, kurg. 3, burial 8;
 48 – Privetnoe, kurg. 1, burial 1; 49 – Lesopitomnik, kurg. 2, burial 4; 50 – Shahtersk, kurg. 9, burial 1;
 51 – kurg. Hanzhenkovo; 52 – Topolevka, kurg. 4, burial 2; 53 – Nikolaevka, kurg. 1, burial 14; 54 – Pavlovsk-2 kurg., burial 1;
 55 – Koroli, kurg. 4, burial 4; 56 – Krasnye Lipki, kurg. 3, burial 1; 57 – Perekopka V kurg., burial 3;
 58 – Kochetnoe, kurg. 5 burial 7; 59 – Kochetnoe, kurg. 6; 60 – Kochetnoe, kurg. 7 burial 4;
 61 – Verhnyaya Maza kurg., burial 4; 62 – Perekopka V kurg., burial 4; 63 – Pesochnoe, kurg. 3, burial 2;
 64 – Pokrovsk, kurg. 9; 65 – Chulpan, kurg. 3, burial 2; 66 – Labazy, kurg. 1, burial 2; 67 – Skvortsovka, kurg. 3, burial 20;
 68 – Hryashchevskiy I, kurg. 5, burial 1; 69 – Pesochnoe, kurg. 2; 70 – Kamenka, kurg. 2, burial 1;
 71 – Bogolyubskiy, kurg. 3, burial 4; 72 – Bogolyubskiy, kurg. 2, burial 6

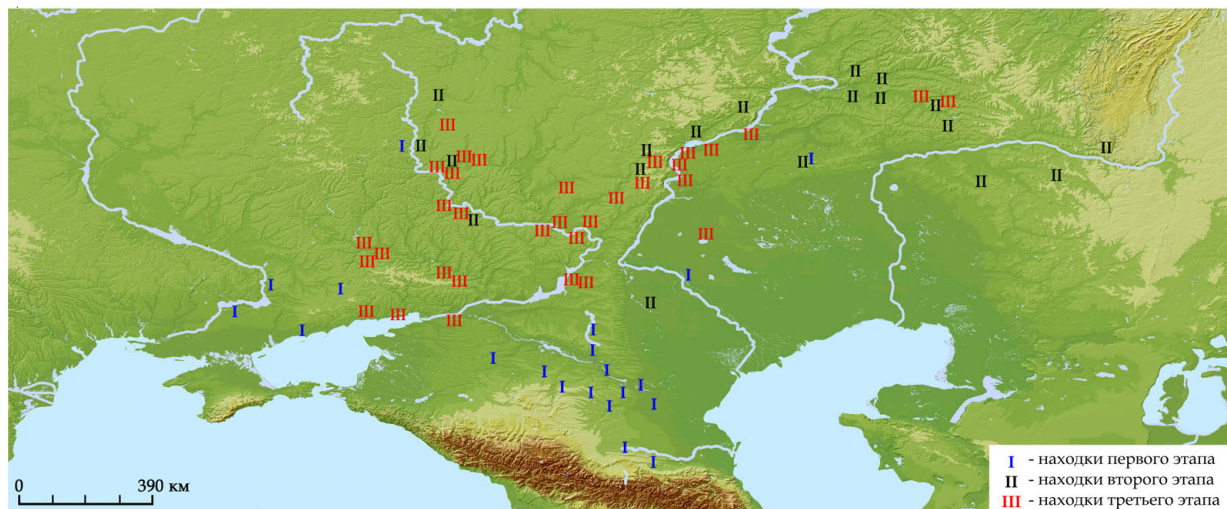

Рис. 4. Височные кольца в комплексах по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ
Fig. 4. Temple rings in complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age

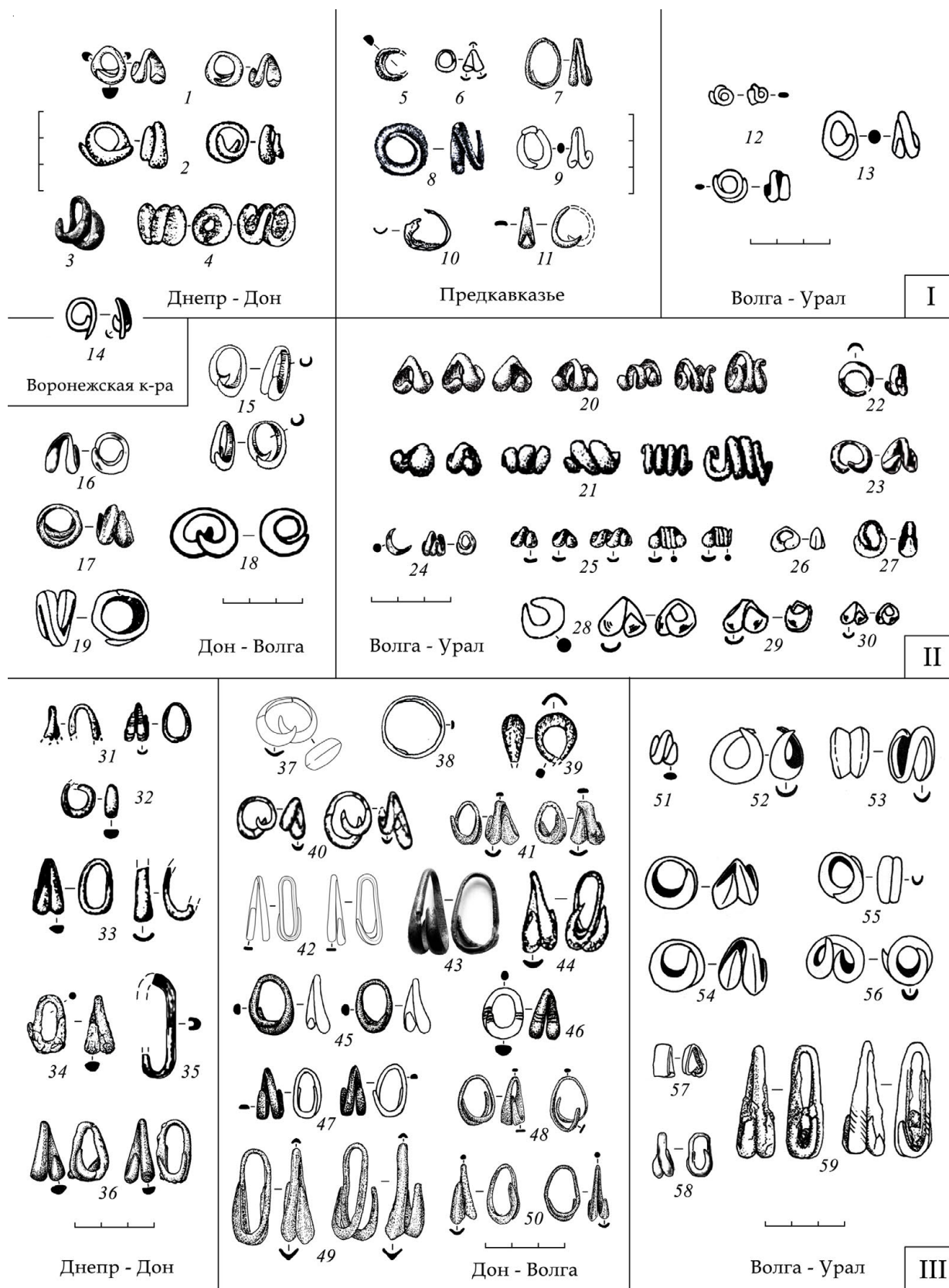

Рис. 5. Височные кольца. Находки из комплексов по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ:

- I – Гнаровское, кург. 1, погр. 6; 2 – Андреевка, кург. 1, погр. 1; 3 – Преслав, кург. 1, погр. 13;
 4 – Вел. Знаменка II, кург. 15, погр. 14; 5 – Золотаревка-3, кург. 1, погр. 4; 6 – Новопалестинский II, кург. 2, погр. 5;
 7 – Сунжа, 1989, кург. 2, погр. 3; 8 – Кевюды-1, кург. 3, погр. 6; 9 – Чограй III, кург. 7, погр. 1;

- 10 – Ореховка, кург. 3, погр. 2; 11 – Буйвола, кург. 4, погр. 7; 12 – Светлое озеро, кург. 6, погр. 3;
 13 – Степная IV, кург. 3, погр. 3; 14 – кург. Хохольский, погр. 1; 15 – Высокая Гора, кург. 1, погр. 3;
 16 – Подклетное, кург. 33, погр. 2; 17 – кург. Дубовый Гай, погр. 2; 18 – Широкий Карамыш-2, кург. 4, погр. 9;
 19 – Иджил III, кург. 4, погр. 1; 20 – могильник Человечья голова; 21 – могильник у Никифоровского лесничества;
 22 – Потаповка, кург. 3, погр. 2; 23 – Потаповка, кург. 3, погр. 8; 24 – Илекшар I, кург. 5, погр. 3;
 25 – Белозерка I кург.; 26 – Ибрагимово III, кург. 2, погр. 2; 27 – Утевка VI, кург. 6, погр. 2;
 28 – Танаберген II, кург. 7, погр. 15; 29 – Танаберген II, кург. 7, погр. 17; 30 – Танаберген II, кург. 7, погр. 20;
 31 – Славяногорск, кург. 1, погр. 2; 32 – Пришиб, кург. 2, погр. 18; 33 – Миньковка, кург. 8, погр. 3;
 34 – Ясиновский III, кург. 1, погр. 15; 35 – Большой Суходол, кург. 4/5, погр. 26; 36 – Безыменное, кург. 4, погр. 2;
 37 – Чесменка-3, кург. 2, погр. 2; 38 – Нижний Икорец, кург. 1, погр. 3; 39 – Мал. Воробцовка, кург. 1, погр. 2;
 40 – Шкарин, кург. 1, погр. 1; 41 – Красные Липки, кург. 5, погр. 2; 42 – Озерки, кург. 4, погр. 19;
 43 – Неткачево, кург. 16, погр. 10; 44 – Золотая Гора, кург. 5, погр. 7; 45 – Перекопка II, кург. 1, погр. 4;
 46 – Перекопка III, кург. 2, погр. 3; 47 – Перекопка III, кург. 2, погр. 2; 48 – Красные Липки, кург. 7, погр. 12;
 49 – Шляховский IV, кург. 1, погр. 6; 50 – Шляховский IV, кург. 1, погр. 1; 51 – Натальино II, кург. 4, погр. 8;
 52 – Натальино II, кург. 3, погр. 1; 53 – Терновка, кург. 4, погр. 21; 54 – Бородаевка II, кург. 1, погр. 20;
 55 – Покровск, кург. 15, погр. 3; 56 – Покровск, кург. 7, погр. 2; 57 – Боголюбовка, кург. 13, погр. 5;
 58 – Каменка, кург. 2, погр. 1; 59 – Боголюбовка, кург. 1, погр. 31

Fig. 5. Temple rings. Artifacts of complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age:

- 1 – Gnarovskoe, kurg. 1, burial 6; 2 – Andreevka, kurg. 1, burial 1; 3 – Preslav, kurg. 1, burial 13;
 4 – Vel. Znamenka II, kurg. 15, burial 14; 5 – Zolotarevka-3, kurg. 1, burial 4; 6 – Novopalestinskiy II, kurg. 2, burial 5;
 7 – Sunzha, 1989, kurg. 2, burial 3; 8 – Kevyudy-1, kurg. 3, burial 6; 9 – Chogray III, kurg. 7, burial 1;
 10 – Orekhovka, kurg. 3, burial 2; 11 – Buyvola, kurg. 4, burial 7; 12 – Svetloe ozero, kurg. 6, burial 3;
 13 – Stepnaya IV, kurg. 3, burial 3; 14 – Hohol'skiy kurg., burial 1; 15 – Vysokaya Gora, kurg. 1, burial 3;
 16 – Podkletnoe, kurg. 33, burial 2; 17 – Dubovyy Gay kurg., burial 2; 18 – Shirokiy Karamysh-2, kurg. 4, burial 9;
 19 – Idzhil III, kurg. 4, burial 1; 20 – cemetery Chelovech'ya golova; 21 – Nikiforovskogo lesnichestva;
 22 – Potapovka, kurg. 3, burial 2; 23 – Potapovka, kurg. 3, burial 8; 24 – Ilekshar I, kurg. 5, burial 3; 25 – Belozerka I kurg.;
 26 – Ibragimovo III, kurg. 2, burial 2; 27 – Utevka VI, kurg. 6, burial 2; 28 – Tanabergen II, kurg. 7, burial 15;
 29 – Tanabergen II, kurg. 7, burial 17; 30 – Tanabergen II, kurg. 7, burial 20; 31 – Slavyanogorsk, kurg. 1, burial 2;
 32 – Prishib, kurg. 2, burial 18; 33 – Min'kovka, kurg. 8, burial 3; 34 – Yasinovskiy III, kurg. 1, burial 15;
 35 – Bol'shoy Suhodol, kurg. 4/5, burial 26; 36 – Bezymennoe, kurg. 4, burial 2; 37 – Chesmenka-3, kurg. 2, burial 2;
 38 – Nizhniy Ikorec, kurg. 1, burial 3; 39 – Mal. Vorobcovka, kurg. 1, burial 2; 40 – Shkarin, kurg. 1, burial 1;
 41 – Krasnye Lipki, kurg. 5, burial 2; 42 – Ozerki, kurg. 4, burial 19; 43 – Netkachevo, kurg. 16, burial 10;
 44 – Zolotaya Gora, kurg. 5, burial 7; 45 – Perekopka II, kurg. 1, burial 4; 46 – Perekopka III, kurg. 2, burial 3;
 47 – Perekopka III, kurg. 2, burial 2; 48 – Krasnye Lipki, kurg. 7, burial 12; 49 – Shlyahovskiy IV, kurg. 1, burial 6;
 50 – Shlyahovskiy IV, kurg. 1, burial 1; 51 – Natal'ino II, kurg. 4, burial 8; 52 – Natal'ino II, kurg. 3, burial 1;
 53 – Ternovka, kurg. 4, burial 21; 54 – Borodaevka II, kurg. 1, burial 20; 55 – Pokrovsk, kurg. 15, burial 3;
 56 – Pokrovsk, kurg. 7, burial 2; 57 – Bogolyubovka, kurg. 13, burial 5; 58 – Kamenka, kurg. 2, burial 1;
 59 – Bogolyubovka, kurg. 1, burial 31

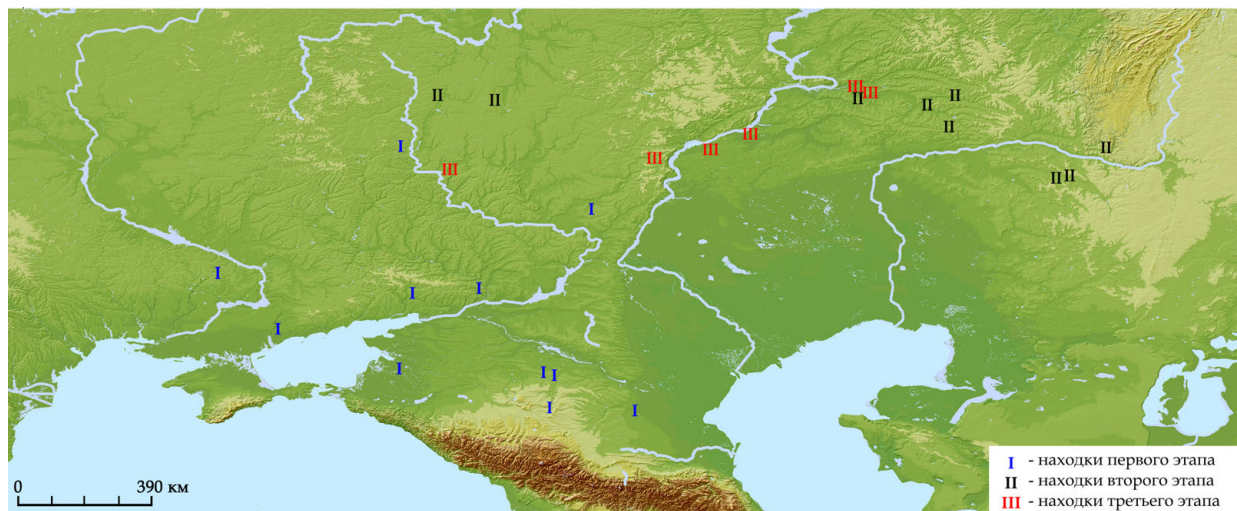

Рис. 6. Пронизи в комплексах по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ

Fig. 6. String of beads in complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age

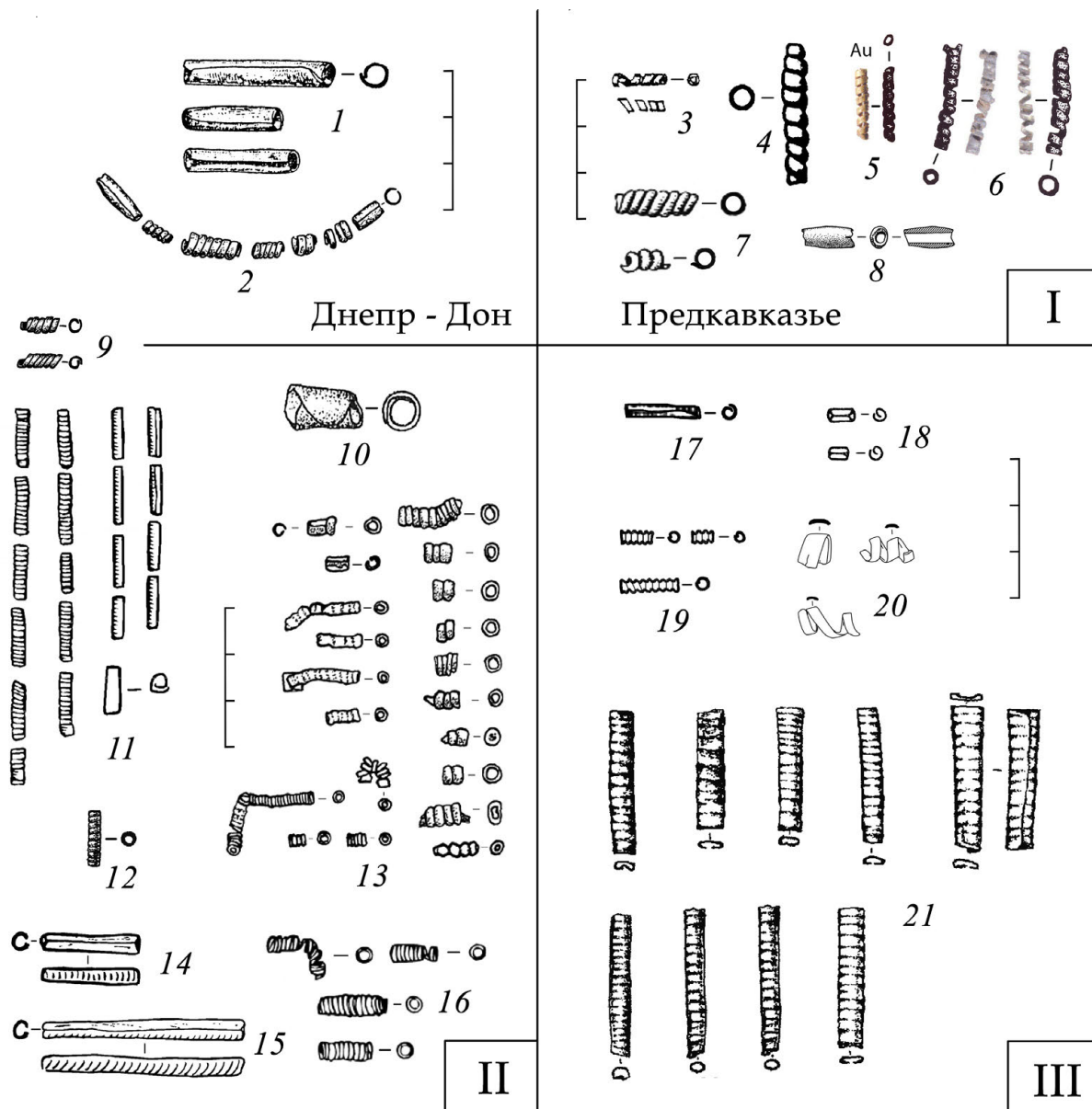

Рис. 7. Пронизы. Находки из комплексов по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ:
 1 – Новофилиповка, кург. 2, погр. 4; 2 – Керчик, кург. 17, погр. 9; 3 – Малаи I, кург. 4, погр. 4;
 4 – Ипатово-3, кург. 2, погр. 34; 5 – Кунаковский-2, кург. 1, погр. 1; 6 – Кунаковский-2, кург. 2, погр. 9;
 7 – Бияш, кург. 1, погр. 13; 8 – Золотаревка-3, кург. 9, погр. 13; 9 – кург. Хохольский, погр. 1;
 10 – кург. Селезни-2, погр. 2; 11 – могильник у Никифоровского лесничества; 12 – Красносамарский II могильник;
 13 – Малоюлдашево I пос., погр. 1; 14 – Ибрагимово III, кург. 1; 15 – Ибрагимово III, кург. 2, погр. 2;
 16 – Белозерка I кург.; 17 – Золотая Гора, кург. 5, погр. 5; 18 – Натальино II, кург. 11, погр. 1;
 19 – Бородаевка II, кург. 1, погр. 14; 20 – Озерки, кург. 4, погр. 7; 21 – Спиридоновский II могильник

Fig. 7. String of beads. Artifacts of complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age:

- 1 – Novofilipovka, kurg. 2, burial 4; 2 – Kerchik, kurg. 17, burial 9; 3 – Malai I, kurg. 4, burial 4;
 4 – Ipatovo-3, kurg. 2, burial 34; 5 – Kunakovskiy-2, kurg. 1, burial 1; 6 – Kunakovskiy-2, kurg. 2, burial 9;
 7 – Biyash, kurg. 1, burial 13; 8 – Zolotarevka-3, kurg. 9, burial 13; 9 – kurg. Hohol'skiy, burial 1;
 10 – kurg. Selezni-2, burial 2; 11 – Nikiforovskoe lesnichestvo; 12 – cemetery Krasnosamarskiy II;
 13 – Maloyuldashevo I settlement, burial 1; 14 – Ibragimovo III, kurg. 1; 15 – Ibragimovo III, kurg. 2, burial 2;
 16 – kurg. Belozerka I; 17 – Zolotaya Gora, kurg. 5, burial 5; 18 – Natal'ino II, kurg. 11, burial 1;
 19 – Borodaevka II, kurg. 1, burial 14; 20 – Ozerki, kurg. 4, burial 7; 21 – cemetery Spiridonovskiy II

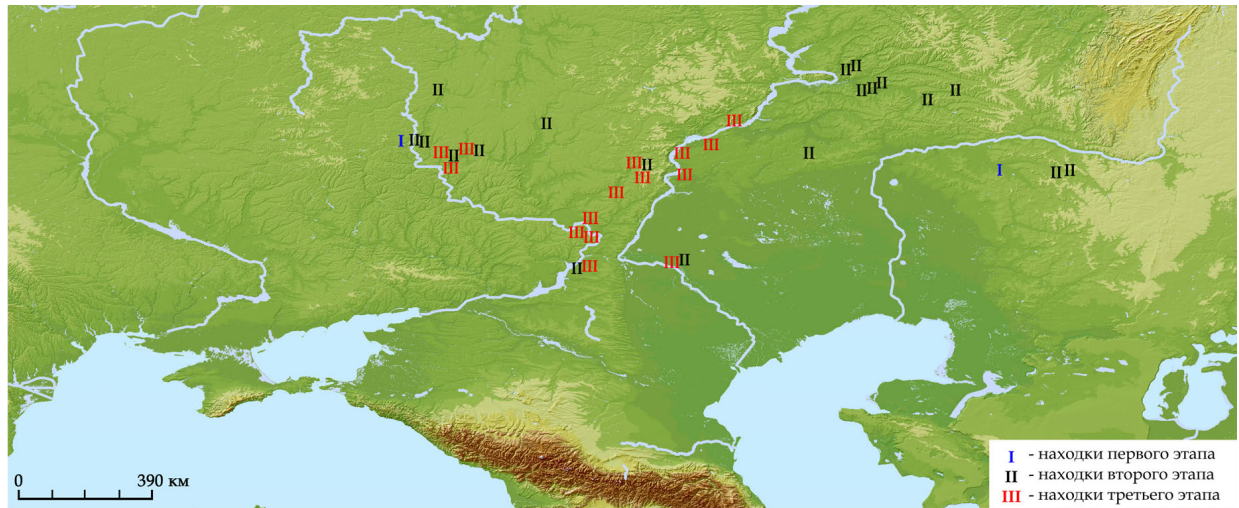

Рис. 8. Браслеты в комплексах по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ

Fig. 8. Bracelets in complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age

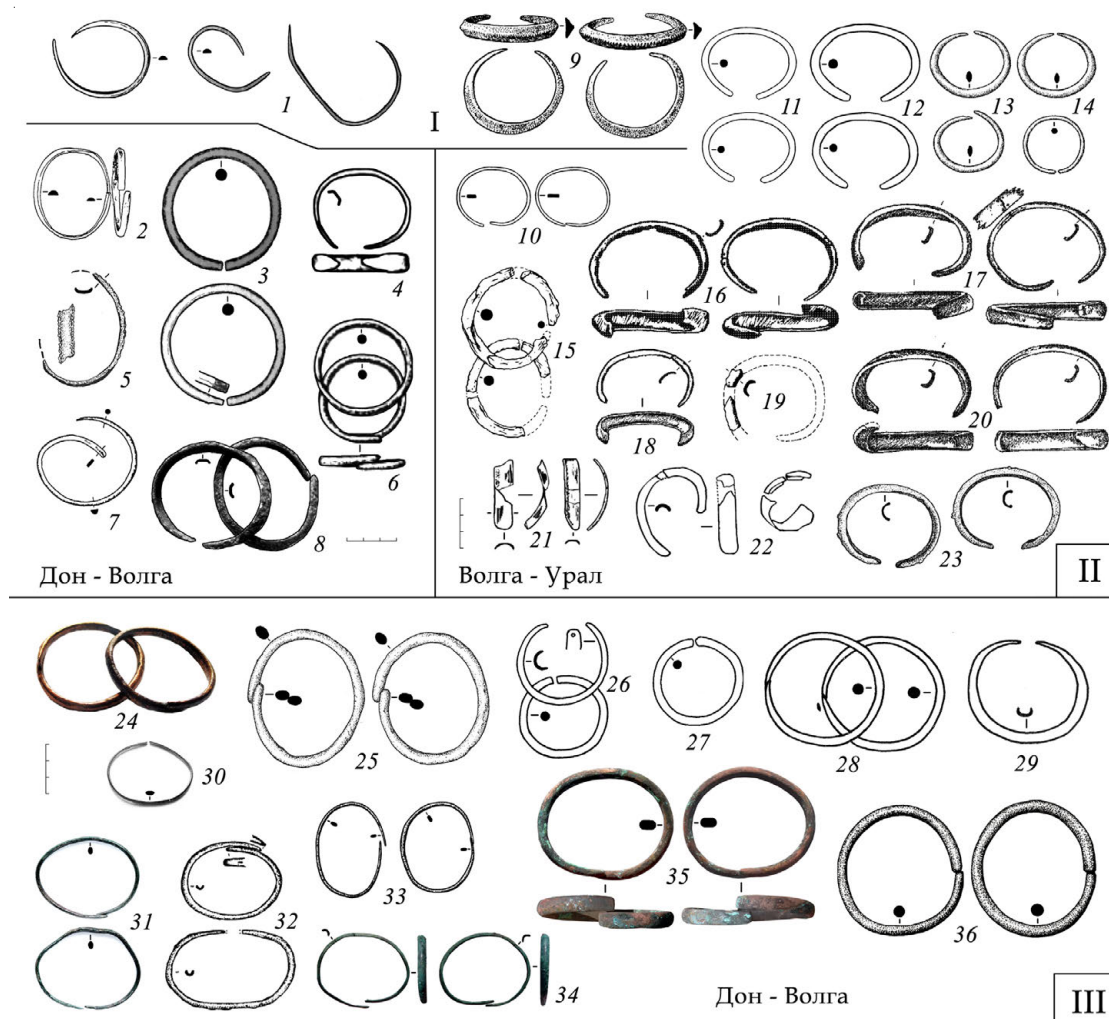

Рис. 9. Браслеты. Находки из комплексов по этапам периодизации конца СБВ – начала ПБВ:

- 1 – кург. Хохольский, погр. 1; 2 – кург. Филатовский, погр. 5; 3 – Шкарин, кург. 5, погр. 2;
 4 – Подклетное, кург. 10, погр. 4; 5 – Первомайский XII, кург. 3, погр. 3; 6 – Подклетное, кург. 17, погр. 1;
 7 – Власовский I, кург. 16, погр. 1; 8 – Линево кург., погр. 2; 9 – Тамар-Уткуль VII, кург. 4, погр. 5;
 10–12 – могильник у Никифоровского лесничества; 13–14 – могильник Человечья голова; 15 – Светлое озеро, кург. 2,
 погр. 2; 16 – Утевка VI, кург. 6, погр. 5 и 6; 17, 20 – Потаповка, кург. 3 погр. 8; 18 – Утевка VI, кург. 6 погр. 2;
 19 – Грачевка II, кург. 8, погр. 3; 21 – Танаберген II, кург. 7, погр. 15; 22 – Жаман-Каргала I, кург. 1, погр. 5;
 23 – Малоюлдашево I пос., погр. 1; 24 – Линево, кург. 7, погр. 1; 25 – Мал. Воробцовка, кург. 1, погр. 2;
 26 – Покровск, кург. 35, погр. 2; 27 – Покровск, кург. 15, погр. 3; 28 – Бородаевка II, кург. 1, погр. 20;
 29 – Терновка, кург. 4, погр. 21; 30 – Неткачево, кург. 16, погр. 10; 31 – Красные Липки, кург. 6, погр. 1;
 32 – Кочетное, кург. 5, погр. 7; 33 – Перекопка III, кург. 2, погр. 2; 34 – Озерки, кург. 4, погр. 19;
 35 – Чесменка-3, кург. 2, погр. 4; 36 – Перекопка III, кург. 3, погр. 2

Fig. 9. Bracelets. Artifacts of complexes by stages of periodization of the Late Middle – Early Late Bronze Age:

- 1 – kurg. Hohol'skiy, burial 1; 2 – kurg. Filatovskiy, burial 5; 3 – Shkarin, kurg. 5 burial 2; 4 – Podkletnoe, kurg. 10,
 burial 4; 5 – Pervomayskiy XII, kurg. 3, burial 3; 6 – Podkletnoe, kurg. 17, burial 1; 7 – Vlasovskiy I, kurg. 16, burial 1;
 8 – Linevo kurg., burial 2; 9 – Tamar-Utkul' VII, kurg. 4, burial 5; 10–12 – Nikiforovskoe lesnichestvo;
 13–14 – cemetery Chelovech'ya golova; 15 – Svetloe ozero, kurg. 2, burial 2; 16 – Utevka VI, kurg. 6, burial 5 i 6;
 17, 20 – Potapovka, kurg. 3, burial 8; 18 – Utevka VI, kurg. 6, burial 2; 19 – Grachevka II, kurg. 8, burial 3;
 21 – Tanabergen II, kurg. 7, burial 15; 22 – Zhaman-Kargala I, kurg. 1, burial 5; 23 – Maloyuldashevo I pos., burial 1;
 24 – Linevo, kurg. 7, burial 1; 25 – Mal. Vorobtsovka, kurg. 1, burial 2; 26 – Pokrovsk, kurg. 35, burial 2;
 27 – Pokrovsk, kurg. 15, burial 3; 28 – Borodaevka II, kurg. 1, burial 20; 29 – Ternovka, kurg. 4, burial 21;
 30 – Netkachevo, kurg. 16, burial 10; 31 – Krasnye Lipki, kurg. 6, burial 1; 32 – Kochetnoe, kurg. 5, burial 7;
 33 – Perekopka III, kurg. 2, burial 2; 34 – Ozerki, kurg. 4, burial 19; 35 – Chesmenka-3, kurg. 2, burial 4;
 36 – Perekopka III, kurg. 3, burial 2

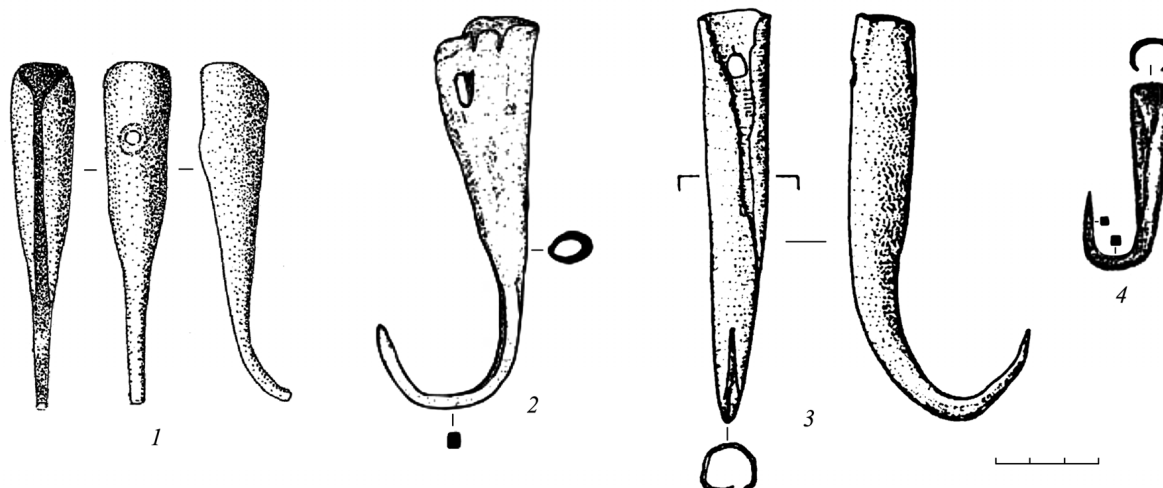

Рис. 10. Втульчатые крюки из комплексов конца СБВ – начала ПБВ:

1 – Садовый, кург. 4, погр.10; 2 – могильник у горы Березовая; 3 – Большекараганский, кург. 25;
4 – Медяниково, кург. 2, погр. 8

Fig. 10. Shaft-hole hooks of complexes of the Late Middle – Early Late Bronze Age

1 – Sadovyy, kurg. 4, burial 10; 2 – cemetery Berезovaya; 3 – Bol'shekaraganskiy, kurg. 25;
4 – Medyannikovo, kurg. 2, burial 8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О. Н., 1963. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М. : Изд-во АН СССР. 371 с.
- Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum Plus*. № 2. С. 159–204.
- Братченко С. Н., Санжаров С. М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини III тис. до н.э. Луганськ : Вид-во СНУ. 108 с.
- Гак Е. И., 2004. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // *Волго-Донские степи в древности и средневековье* : тез. докл. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 75–79.
- Гак Е. И., 2005. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца : дис. ... канд. ист. наук. М. 389 с.
- Гак Е. И., 2007. Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. № 7. Від неоліту до кіммерійців. Луганськ : Вид-во СНУ. С. 95–103.
- Гак Е. И., 2011. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // *Краткие сообщения ИА РАН*. Вып. 225. С. 69–87.
- Гак Е. И., 2016. Переходный период в металлопроизводстве Предкавказья и юго-востока Русской равнины на рубеже ранней и средней бронзы // *Исторический журнал: научные исследования*. № 6 (36). С. 760–769.
- Гак Е. И., Мимоход Р. А., 2007. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // *Археология, этнография и фольклористика Кавказа* : материалы науч. конф. Махачкала : Эпоха. С. 89–94.
- Гак Е. И., Мимоход Р. А., Калмыков А. А., 2012. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // *Археологические вести*. Вып. 18. С. 174–203.
- Гак Е. И., Калмыков А. А., 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеамного – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. XI. М. : Памятники исторической мысли. С. 117–158.
- Каменский А. Г., 1990. Металлообрабатывающее производство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы : дис. ... канд. ист. наук. М. 420 с.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М. : Таус. 336 с.
- Корневский С. Н., Мимоход Р. А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонской в Северной Осетии. М. : ИА РАН. 127 с.
- Красильников К. И., Тельнова Л. И., 1993. Исследование кургана у с. Преображенное на реке Красная // *Древние культуры Подонцовья*. Вып. 1. Луганск : Ред.-изд. отдел облуправления по печати. С. 91–125.
- Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У., 2018. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара : Изд-во СГСПУ. 195 с.
- Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара : Изд-во СПГИ. 128 с.
- Кузьмина О. В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // *Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб. : Европ. Дом. С. 65–134.
- Кузьмина О. В., 2002. Украшения абашевской культуры // *Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н. Я. Мерперта*. М. : ИА РАН. С. 157–174.
- Купцова Л. В., 2016. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 21 с.
- Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры, 2016. Воронеж : Новый взгляд. 160 с.
- Литвиненко Р. А., 1995. Памятники покровского типа на Северском Донце // *Археологические вести*. № 4. С. 73–82.

- Литвиненко Р. О., 2006. Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // Донецький археологічний збірник. Вип. 12. Донецьк : Вид-во Дон. ун-ту. С. 32–61.
- Литвиненко Р. О., 2009. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ. 32 с.
- Литвиненко Р. О., 2016. Пізній етап дніпро-донської бабинської культури // Донецький археологічний збірник. № 20. Вінниця : Вид-во Донецьк. ун-ту. С. 7–43.
- Лопатин В. А., 2014. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 293 с.
- Матвеев Ю. П., 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 8–21.
- Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 16. М. : ИА РАН. 568 с.
- Мимоход Р. А., 2018. Вольско-лбищенская керамика в погребальных комплексах: культурные маркеры или маркеры в культурах? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20, № 3. С. 223–233.
- Мимоход Р. А., 2021. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // Российская археология. № 3. С. 52–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630016285-2>
- Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В., 2022. Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы // Российская археология. № 1. С. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010159>
- Пряхин А. Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж : Изд-во ВГУ. 167 с.
- Сергацков И. В., Дьяченко А. Н., Клепиков В. М., Кривошеев М. В., Балабанова М. А., Перерва Е. В., Яворская Л. В., Борисов А. В., Демкин А. В., Демкина Т. С., Удальцов С. Н., Хомутова Т. Э., 2012. Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград : Изд-во РАНХиГС. 160 с.
- Синюк А. Т., Матвеев Ю. П., 2007. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж : Изд-во ВГПУ. 220 с.
- Ткачев В. В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии. 384 с.
- Черных Е. Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М. : Наука. 302 с.
- Черных Е. Н., 2013. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 386–400.
- Эрлих В. Р., Гак Е. И., 2020. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens). Вып. 5. С. 36–53. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080011449-0>

REFERENCES

- Bader O.N., 1963. *Balanovskiy mogil'nik. Iz istorii lesnogo Povolzh'ya v epohu bronzy* [Balanovsky Burial Ground. From the History of the Forest Volga Region in the Bronze Age]. Moscow, AS USSR. 371 p.
- Bochkarev V.S., 2017. Etapy razvitiya metalloproduktstva epohi pozdney bronzy na yuge Vostochnoy Evropy [Stages in the Development of Metal Production in the Late Bronze Age in the South of Eastern Europe]. *Stratum Plus*, no. 2, pp. 159-204.
- Bratchenko S.N., Sanzharov S.M., 2001. *Ridkisni bronzovi znaryaddya z katakomb Sivers'kodonechchini ta Donshchini III tys. do n.e.* [Rare Bronze Tools from Catacombs of Seversky Donets and Don Regions During the 3rd Mill. BC]. Lugansk, Eastern Ukraine State University. 108 p.
- Gak E.I., 2004. K voprosu ob evolyutsii toporov-tesel v metalloproduktstve kul'tur katakombnoy obshchnosti [On the Question of the Evolution of Axes-Adzes in the Metal Production of Cultures of the Catacomb Community].

- Volgo-Donskie stepi v drevnosti i srednevekov'e: tez. dokl. konf.* [Volga-Don Steppes in Prehistory and the Middle Ages. Abstracts of Papers]. Volgograd, VolSU, pp. 75-79.
- Gak E.I., 2005. *Metalloobrabatyvayushchee proizvodstvo katakombnykh plemen stepnogo Predkavkaz'ya, Nizhnego Dona i Severskogo Donsa: dis. ... kand. ist. nauk* [Metalworking Production of the Catacomb Tribes of the Steppe Ciscaucasia, the Lower Don and the Seversky Donets. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 389 p.
- Gak E.I., 2007. *Obshchee i osobennoe v metalloproizvodstve katakombnykh kul'tur Podoncov'ya, Nizhnego Podon'ya i Predkavkaz'ya* [General and Special in the Metal Production of the Catacomb Cultures of the Lower Don, Lower Don and Ciscaucasia]. *Materialy ta doslidzhennya z arheologii Shidnoyi Ukrayiny. № 7. Vid neolitu do kimmerijciv* [Materials and Research in the Archeology of Eastern Ukraine. No. 7. From the Neolithic to the Cimmerian]. Lugans'k, SNU, pp. 95-103.
- Gak E.I., 2011. *Indikatory metalloproizvodstva katakombnykh kul'tur stepnoj zony Predkavkaz'ya i yuga Dono-Volzhskogo mezhdurech'ya* [Indications of Metal Production of the Catacomb Cultures in the Steppe Zone of the North Caucasus Piedmont and the Southern Part of the Don-Volga Interfluve]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], iss. 225, pp. 69-87.
- Gak E.I., 2016. *Perekhodnyy period v metalloproizvodstve Predkavkaz'ya i yugo-vostoka Russkoy ravniny na rubezhe ranney i sredney bronzy* [Transitional Period in the Metal Production of the Ciscaucasia and the Southeast of the Russian Plain at the Turn of the Early and Middle Bronze Age]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], no. 6 (36), pp. 760-769.
- Gak E.I., Mimokhod R.A., 2007. *Metallokompleks pamyatnikov postkatakombnogo gorizonta Predkavkaz'ya* [Metal Complex of Monuments of the Post-Catacomb Horizon of Ciscaucasia]. *Arheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy nauch. konf.* [Archeology, Ethnography and Folklore of the Caucasus. Proceedings of the Conference Title]. Mahachkala, Epoka Publ., pp. 89-94.
- Gak E.I., Mimokhod R.A., Kalmykov A.A., 2012. *Sur'ma v bronzovom veke Kavkaza i yuga Vostochnoy Evropy* [Antimony in the Bronze Age of the Caucasus and the South of Eastern Europe]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 18, pp. 174-203.
- Gak E.I., Kalmykov A.A., 2013. *Metallicheskiy inventar' kurgannykh pogrebeniy pozdneymnogo – rannekatakombnogo vremeni Egorlyk-Kalaussskogo mezhdurech'ya* [Metal Inventory of Kurgan Burials of the Late Pit – Early Catacomb Time of the Yegorlyk-Kalaus Interfluve]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus], vol. 11. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 117-158.
- Kamenskiy A.G., 1990. *Metalloobrabatyvayushchee proizvodstvo plemen Severo-Vostochnogo Kavkaza v period sredney bronzy: dis. ... kand. ist. nauk* [Metalworking Production of the Tribes of the North-Eastern Caucasus in the Middle Bronze Age. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 420 p.
- Korenevskiy S.N., 2011. *Drevnejshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt* [Ancient Metal of Ciscaucasia. Typology. Historical and Cultural Aspect]. Moscow, Taus Publ. 336 p.
- Korenevskiy S.N., Mimokhod R.A., 2011. *Kurgany pozdnego perioda srednego bronzovogo veka u stanitsy Arhonskoy v Severnoy Osetii* [Burial Mounds of the Late Period of the Middle Bronze Age Near the Village of Arkhonskaya in North Ossetia]. Moscow, IA RAS. 127 p.
- Krasil'nikov K.I., Tel'nova L.I., 1993. *Issledovanie kurgana u s. Preobrazhennoe na reke Krasnaya* [The Study of the Mound at the Village Preobrazhenno on the Red River]. *Drevnie kul'tury Podontsov'ya* [Ancient Cultures of Podontsovye], vol. 1. Lugansk, Editorial and Publishing Department of the Regional Press Department, pp. 91-125.
- Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., Khohlov A.A., Anthony D.U., 2018. *Grachevskie kurgany. Arheologiya, antropologiya, genomnykh analiz* [Grachev Barrows. Archaeology, Anthropology, Genomic Analysis]. Samara, SSPU. 195 p.
- Kuz'mina O.V., 1992. *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e* [Abashevo Culture in the Forest-Steppe Volga-Urals]. Samara, SSPU. 128 p.
- Kuz'mina O.V., 2000. *Metallicheskie izdeliya i voprosy otnositel'noy hronologii abashevskoy kul'tury* [Metal Products and Issues of Relative Chronology of the Abashevo Culture]. *Drevnie obshchestva yuga Vostochnoy Evropy v epohu paleometalla (rannie kompleksnyye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii)* [Ancient Societies of the South of Eastern Europe in the Early Metal Ages (Early Complex Societies and Issues of Cultural Transformation)]. Saint Petersburg, Evropeyskiy Dom Publ., pp. 65-134.

- Kuz'mina O.V., 2002. Ukrasheniya abashevskoy kul'tury [Ornaments of the Abashevo Culture]. *Problemy arheologii Evrazii. K 80-letiyu N.Ya. Merperta* [Issues of Archaeology of Eurasia. To the 80th Anniversary of N.Ya. Merpert]. Moscow, IA RAS, pp. 157-174.
- Kuptsova L.V., 2016. *Srubnaya kul'tura Orenburgskogo Predural'ya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Srubnaya Culture of the Orenburg Cis-Urals (Based on Materials from Burial Sites). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 21 p.
- Lipeckiy kurgan – pamyatnik elity dono-volzhskoy abashevskoy kul'tury* [Lipetsk Kurgan – A Burial Site of the Elite of the Don-Volga Abashevo Culture], 2016. Voronezh, Novyy vzglyad Publ. 160 p.
- Litvinenko R.A., 1995. Pamyatniki pokrovskogo tipa na Severskom Dontse [Sites of the Pokrovsky Type on the Seversky Donets]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 4, pp. 73-82.
- Litvinenko R.O., 2006. Pohovannya kul'turnogo kola Babine z metalevimi nozhami [Burials of the Babino Cultural Circle with Metal Knives]. *Donetskiy arheologichnyy zbirnyk* [Donetsk Archeological Book], iss. 12. Donetsk, Donetsk State University, pp. 32-61.
- Litvinenko R.O., 2009. *Kul'turne kolo Babino (po materialam pohoval'nih pam'yatok): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Babino Cultural Circle (Based on the Materials of the Burial Sites). Dr. hist. sci. abs. diss.]. Kiev. 32 p.
- Litvinenko R.O., 2016. *Pizniy etap dnipro-dons'koyi babins'koyi kul'tury* [The Late Stage of the Dnepr-Don Babino Culture]. *Donetskiy arheologichnij zbirnyk* [Donetsk Archeological Collect], no. 20, pp. 7-43.
- Lopatin V.A., 2014. *Nachalo epohi pozdney bronzy na severe Nizhnego Povolzh'ya* [Beginning of the Late Bronze Age in the North of the Lower Volga Region]. Saratov, SSU. 293 p.
- Matveev Yu.P., 1998. Katakombno-abashevskoe vzaimodeystvie i formirovaniye srubnoy obshchnosti [Catacomb-Abashevo Interaction and the Formation of a Srubnaya Community]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi. Vyp. 11. Dono-Donetskiy region v epohu sredney i pozdney bronzy* [Archaeology of the Eastern European Forest Steppe. Iss. 1. Dono-Donetsk Region in the Middle and Late Bronze Age]. Voronezh, VSU, pp. 8-21.
- Mimohod R.A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [Lola Culture. North-Western Caspian at the Turn of the Middle and Late Bronze Age]. *Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovaniy*, vol. 16. Moscow, IA RAS. 568 p.
- Mimohod R.A., 2018. Vol'sko-lbishchenskaya keramika v pogrebal'nykh kompleksakh: kul'turnye markery ili markery v kul'turakh? [Vol'sk-Lbishche Ceramics in the Burial Complexes: Cultural Markers or Markers Inside Cultures?]. *Izvestiya Samar'skogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 20, no. 3, pp. 223-233.
- Mimohod R.A., 2021. «Zagadochnyye» sidyachie zahoroneniya bronzovogo veka v Volgo-Ural'e [“Mysterious” Seated Burials of the Bronze Age in the Volga-Ural Region]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 3, pp. 52-66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630016285-2>
- Mimohod R.A., Gak E.I., Homutova T.E., Ryabogina N.E., Borisov A.V., 2022. Paleokologiya – kul'turogenез – metalloproizvodstvo: prichiny i mekhanizmy smeny epoh v kul'turnom prostranstve yuga Vostochnoy Evropy v kontse sredney – nachale pozdney bronzy [Paleoecology – Culture Genesis – Metal Production: The Reasons and Mechanisms of the Change of Periods in the Cultural Space of the South of Eastern Europe at the Turn of the Middle and Late Bronze Ages]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 20-34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010159>
- Pryahin A.D., 1976. *Poseleniya abashevskoy obshchnosti* [Settlements of the Abashevo Community]. Voronezh, VSU. 167 p.
- Sergatskov I.V., Dyachenko A.N., Klepikov V.M., Krivosheev M.V., Balabanova M.A., Pererva E.V., Javorskaja L.V., Borisov A.V., Demkin A.V., Demkina T.S., Udal'cov S.N., Homutova T.Je. *Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arkheologicheskikh i yestestvennonauchnykh issledovaniy)* [The Bronze Age Mounds in the Bend of the Don (The Experience of Complex Archaeological and Natural Science Research)]. Volgograd, RANEPА Publ., 2012. 160 p.
- Sinyuk A.T., Matveev Yu.P., 2007. *Srednedonskaya katakombnaya kul'tura epohi bronzy (po dannym kurgannykh kompleksov)* [Middle Don Catacomb Culture of the Bronze Age (According to the Data of Kurgan Complexes)]. Voronezh, VSPU. 220 p.
- Tkachev V.V., 2007. *Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epoh sredney i pozdney bronzy* [Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Turn of the Middle and Late Bronze Ages]. Aktobe, Aktobe Regional Centre of History, Ethnography and Archaeology. 384 p.

- Chernykh E.N., 1976. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR* [Ancient Metalworking in the South-West of the USSR]. Moscow, Nauka Publ. 302 p.
- Chernykh E.N., 2013. Fenomen Zapadnoaziatskoy (Evraziyskoy) metallurgicheskoy provintsii [The Phenomenon of the West Asian (Eurasian) Metallurgical Province]. *Fundamental'nye problemy arheologii, antropologii i etnografii Evrazii* [Fundamental Problems of Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, pp. 386-400.
- Erlih V.R., Gak E.I., 2020. Drevnejshie olovyannye bronzy na Severo-Zapadnom Kavkaze. Novye dannye [The Most Ancient Tin Bronzes in the North-Western Caucasus. New Data]. *Vostok (Oriens)*, iss. 5, pp. 36-53. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080011449-0>

Information About the Author

Evgenii I. Gak, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, State Historical Museum, Red Sq., 1, 109012 Moscow, Russian Federation; Researcher, Laboratory of Archaeological Soil Science, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2a, 142290 Pushchino, Russian Federation, e.i.gak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9889-449X>

Информация об авторе

Евгений Игоревич Гак, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2а, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, e.i.gak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9889-449X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.5>

UDC 903*182.1(470.324)

LBC 63.442.6(235.4)-1

Submitted: 29.06.2022

Accepted: 26.09.2022

PALEOECOLOGICAL CONDITIONS IN THE STEPPE ZONE OF THE EASTERN EUROPEAN PLAIN AT THE POST-CATACOMB TIME ¹

Alexandr V. Borisov

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Puschino, Russian Federation

Natalia N. Kashirskaya

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Puschino, Russian Federation

Daria A. Yurshenas

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Puschino, Russian Federation

Tatiana E. Khomutova

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Puschino, Russian Federation

Anush A. Petrosyan

Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Puschino, Russian Federation

Roman A. Mimokhod

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to reconstruction of paleoecological conditions of the steppe zone of the Eastern European Plain in the late Middle Bronze Age. The buried soils of the Kurgan of the Babinskaya culture in the Bogucharsky district of the Voronezh region were studied. It is shown that chemical properties of soil are determined by winter precipitation, while the state of its microbial community reflects the moisture content in the warm season. Annual precipitation trend in the steppe zone in the post-Catacomb period was reconstructed on the basis of findings of a comparative analysis of the chemical and biological properties of soils. It has been established that soils at the end of the 3rd millennium BC showed obvious signs of aridization, which led to a change in soils properties and types causing Southern Chernozems (rich black soils) formation in areas where Ordinary Chernozems is currently located. At the same time, microbial biomass in the buried soils significantly exceeded the current values, and the structure of soil microbial community was dominated by microorganisms involved in plant litter decomposition, which indicates favorable summer conditions and intense summertime precipitation. The research data do not relate to the crisis narrative regarding the paleoecological conditions of the late Middle Bronze Age in the steppe zone of the Eastern European Plain. Furthermore, results obtained do not support the idea of crisis as some kind of comprehensive complex of negative natural and social phenomena. It is more correct to speak of an asynchronous change in the annual course of moisture supply with a decrease in winter and an increase in summer precipitation against the background of general climatic cooling. The article raises the question of the specifics of global climate change manifestation and consequences in the steppe zone generally referred to the “4.2-ka BP aridification event”, which caused drought in the lower latitudes and an increase in precipitation in high latitudes while undergoing a general cooling trend. It is suggested that, under those conditions, climatic fluctuation scale in the steppe zone, located intermediately between the boreal and tropical belts, was not so high. Thus, the steppe remained attractive for communities which managed to adjust their economic model to new conditions.

Key words: steppe, kurgans, buried soils, Post-Catacomb time, paleoecological conditions, summer and winter precipitation.

Citation. Borisov A.V., Kashirskaya N.N., Yurshenas D.A., Khomutova T.E., Petrosyan A.A., Mimokhod R.A., 2022. Paleoeekologicheskie usloviya v stepnoy zone Vostochno-Evropeyskoy ravniny v postkatakombnoe vremya [Paleoecological Conditions in the Steppe Zone of the Eastern European Plain at the Post-Catacomb Time]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskyy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 82-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.5>

УДК 903*182.1(470.324)
ББК 63.442.6(235.4)-1

Дата поступления статьи: 29.06.2022
Дата принятия статьи: 26.09.2022

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В СТЕПНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ В ПОСТКАТАКОМБНОЕ ВРЕМЯ¹

Александр Владимирович Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Наталья Николаевна Каширская

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Дарья Александровна Юршенас

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Татьяна Эдуардовна Хомутова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Ануш Андриковна Петросян

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Роман Алексеевич Мимоход

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реконструкции палеоэкологических условий в финале средней бронзы в степной зоне Русской равнины. Исследованы погребенные почвы кургана бабинской культуры в Богучарском районе Воронежской области. Показано, что химические свойства почв определяются осадками зимнего периода, в то время как состояние почвенного микробного сообщества отражает влагообеспеченность теплого времени года. На основании сравнительного анализа химических и биологических свойств почв реконструирован годовой ход осадков в степной зоне в посткатакомбное время. Установлено, что почвы в конце III тыс. до н.э. имели явные признаки аридизации, что обусловило изменение почв на уровне типа и формирование ареалов черноземов южных на месте современных черноземов обыкновенных. В то же время микробная биомасса в погребенных почвах значительно превышала современные показатели, а в структуре почвенного микробного сообщества преобладали микроорганизмы, участвующие в разложении растительного опада, что говорит о благоприятных условиях летнего периода и высоких нормах летних осадков. Полученные данные не соответствуют известному кризисному нарративу в отношении палеоэкологических условий финала средней бронзы в степной зоне Восточно-Европейской равнины и не дают оснований говорить о кризисе как некоем всеобъемлющем комплексе негативных явлений природного и социального характера. Более корректно говорить об асинхронном изменении годового хода влагообеспеченности с сокращением зимних и увеличением летних осадков на фоне общего похолодания. В статье поднимается вопрос о специфике проявления в степной зоне последствий глобальных климатических изменений, известных как «4.2-ka BP aridification event», которые вызвали засуху в нижних широтах и увеличение осадков в высоких широтах на фоне повсеместного похолодания. Высказано предположение, что в этой ситуации

масштаб климатических флуктуаций в степи, занимающей промежуточное положение между бореальной и тропической зонами, был не столько велик и степь оставалась привлекательной для обществ, сумевших адаптировать свою хозяйственную модель к новым условиям.

Ключевые слова: степь, курганы, погребенные почвы, посткатакомбное время, палеоэкологическое условия, осадки летнего и зимнего периодов.

Цитирование. Борисов А. В., Каширская Н. Н., Юршенас Д. А., Хомутова Т. Э., Петросян А. А., Мимоход Р. А., 2022. Палеоэкологические условия в степной зоне Восточно-Европейской равнины в посткатакомбное время // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.5>

Введение

Грунтовые погребальные памятники (курганы) сохраняют под насыпями погребенные палеопочвы, свойства которых могут быть использованы для выявления динамики увлажнения климата, и поэтому могут рассматриваться как памятники природы [Демкин, 1997, с. 213]. В почвенных свойствах находят отражение все климатические параметры, сложившиеся в период создания кургана. На этой основе реконструируются среднегодовая температура и среднегодовое количество осадков, а также еще ряд параметров, позволяющих представить себе облик окружающей среды.

В итоге перед исследователем возникает некая общая интегрированная картина состояния природной среды в тот или иной момент в прошлом. Этого, безусловно, вполне достаточно для палеоклиматических реконструкций, когда в фокус исследований попадает биогеоценоз в целом и почва как его неотъемлемая часть. Однако, когда в центре внимания оказывается конкретный древний социум, этих общих сведений оказывается явно недостаточно. Это связано с тем, что среднегодовая норма осадков или среднегодовая температура – практически неинформативны при палеоэкологических реконструкциях. Будучи чрезвычайно пластичным видом с очень высоким уровнем адаптационных способностей, человек может выживать практически в любых условиях. Однако изменения климатических условий играют определяющую роль по отношению к экономике древних обществ. Именно соответствие природных условий той хозяйственной модели, которая традиционно сложилась в обществе, определяет процветание социума. И напротив, резкое изменение природных условий приводит к ситуации, когда экономи-

ческая модель общества становится неэффективной, что ведет к угасанию общества и его уходу с исторической сцены [Кривошеев, Борисов, 2019]. Поэтому зачастую палеоклиматического инструментария оказывается недостаточно для реконструкции и понимания причин социально-исторических процессов в древности. Очевидно, выходом из этой ситуации должен стать поиск новых инструментов для более детальных палеоклиматических реконструкций. На наш взгляд, таким инструментом может стать отдельный анализ климатических показателей двух контрастных периодов года – зимнего и летнего, оценивая которые можно составить полное представление об условиях обитания древних социумов.

Применительно к степной зоне важнейшим климатическим фактором является уровень осадков. Поэтому далее речь будет идти в первую очередь об этом показателе. Следует отметить, что во всем многообразии почвенных свойств есть признаки, которые определяются преимущественно зимними осадками, и есть признаки, изменения которых продиктованы влагообеспеченностью теплого времени года. Так, например, основные химические свойства степных почв – засоленность, формы и содержание карбонатов, гипса и др. определяются прежде всего зимними осадками. Чем выше влагообеспеченность холодного времени года, тем глубже промачивается почва, вымываются токсичные соли, снижается глубина вскипания, появляются сегрегационные формы карбонатов. Эти признаки будут указывать на гумидные условия [Борисов, Мимоход, 2017].

Летние осадки в степной зоне выпадают малыми суточными нормами и незначительно изменяют почвенные свойства, так как промачивают почву не более чем на 30 см и не оказывают влияния на солевой профиль [Роде, 1963; Афанасьева, 1980, с. 116]. В пус-

тынно-степной зоне глубина промачивания светло-каштановых почв и солонцов в летний период еще меньше [Ковда, Большаков, 1937; Базыкина, 1974]. Естественно, при таком режиме увлажненности не изменяется содержание солей, карбонатов, гипса, а также магнитная восприимчивость и другие параметры. И в целом химические свойства почв, погребенных в этот период, будут демонстрировать признаки аридизации [Борисов, Мимоход, 2017]. Однако летние осадки способствуют поддержанию фитоценозов, предотвращают «выгорание» степи и обеспечивают поступление в почву больших объемов растительных остатков. Это, в свою очередь, вызывает увеличение микробной биомассы и доли микроорганизмов, потребляющих легкодоступное органическое вещество [Демкина и др., 2004; 2017]. Таким образом, сравнительный анализ химических (как индикатора зимних осадков) и биологических (как индикатора летних осадков) свойств почв позволяет реконструировать влагообеспеченность холодного и теплого времени года. Получаемые при этом реконструкции позволяют на качественно новом уровне судить о палеоэкологических условиях, существовавших на момент сооружения памятника.

Впервые такой подход к реконструкции палеоэкологических условий был реализован при изучении погребенных почв эпохи бронзы в пустынно-степной зоне Сальско-Маньчской гряды [Khomutova et al., 2019]. Тогда было показано, что на протяжении ранней и средней бронзы имел место выраженный тренд на усиление аридности климата, что проявлялось в увеличении засоленности и окарбоначивания почв с максимумом в конце III тыс. до н.э. Но в это же время в почвах возрастала микробная биомасса и увеличивалась доля микроорганизмов, ответственных за разложение растительных остатков. Это позволило предположить, что во второй половине III тыс. до н.э. в пустынной степи сложились специфические климатические условия с холодными малоснежными зимами и относительно мягкими летами с периодическими осадками [Khomutova et al., 2019].

Однако до сегодняшнего дня не было проведено сопряженного анализа химических и биологических свойств почв для финала средней бронзы степной зоны. В этой связи

особую важность приобретают представленные в данной статье материалы по изучению химических свойств и биологической активности погребенных почв кургана днепро-донской бабинской культуры (далее – ДДБК) в южной части лесостепной зоны.

Объект исследования

Объектом исследования является один из самых крупных курганов эпохи бронзы в Среднем Подонье, раскопанный в 2021 г. Сочинской экспедицией Института археологии РАН. Он располагался к северу от с. Филоново Богучарского района Воронежской области (рис. 1). Его высота составляла около 5 м, диаметр – 60 м. Неординарность кургана для региона заключается не только в его размерах, но и в том, что он дал достаточно подробную стратиграфическую картину, которая охватывает относительно короткий хронологический отрезок в пределах 2100–1800 cal BC. В кургане были выявлены погребения, которые относятся к четырем стратиграфическим горизонтам финала средней – начала поздней бронзы.

Первая насыпь была сооружена над погр. 2 ДДБК. В захоронении обнаружена узко датированная категория инвентаря – костяная пряжка, плоская в сечении, с двумя разновеликими отверстиями (рис. 2, I). В эту насыпь было впущено погр. 1, которое относится тоже к Днепро-Донскому Бабино (рис. 2, II). Оно сопровождалось досыпкой (насыпь 2), в которую было впущено захоронение 3 ранней покровской культуры начала поздней бронзы (рис. 2, III). Над ним была сооружена самая мощная насыпь, центральная часть которой была сложена из грунтовых блоков (насыпь 3). Четвертый стратиграфический горизонт представлен погр. 5 также покровского периода, которое было впущено в насыпь 3 и также сопровождалось досыпкой (насыпь 4) (рис. 2, IV). К сожалению, два последних погребения были частично разрушены: погр. 3 – окопом времен Великой Отечественной войны, погр. 5 – деятельностью землеройных животных. От этих погребений сохранились только нижние части скелетов (рис. 2, III, IV).

Отличия между погр. 1 и 2 ДДБК и покровскими погр. 3 и 5 показательны. В пер-

вых двух случаях скелеты находились в средне- и сильноскорченном положении и были ориентированы черепами в южный сектор (рис. 2, I, II). В захоронениях 3-го и 4-го стратиграфических горизонтов, судя по сохранившимся остаткам скелетов, умершие находились в слабоскорченной позиции и были ориентированы в северный сектор (рис. 2, III, IV). В насыпях, которые были возведены над этими погребениями, обнаружены фрагменты керамики с расчесами и примесью толченой раковины в тесте. Иными словами, обрядовые и инвентарные характеристики комплексов 1-го и 2-го стратиграфических горизонтов однозначно указывают на принадлежность их к культурному кругу Бабино финала средней бронзы, а погребений 3-го и 4-го горизонтов – к раннему этапу покровской культуры начала позднего бронзового века.

Если расположить исследованные захоронения на шкале восточноевропейской хронологической системы памятников конца средней – начала поздней бронзы, которая насчитывает три фазы посткатакомбного блока (ПКБ) [Мимоход, 2021, ил. 13], то они займут время фаз ПКБ II и ПКБ III. Пряжка, которая была обнаружена в погр. 2 ДДБК (рис. 2, Л), является четким индикатором фазы ПКБ II [Мимоход и др., 2022, рис. 6]. В рамках пятиступенчатой хронологии Днепро-Донского Бабино, которую разработал Р.А. Литвиненко [Мимоход и др., рис. 1], погр. 2 с прямой в сечении пряжкой и двумя разновеликими отверстиями, с бортиком вокруг центрального (рис. 2, Л), будет относиться к периоду ПБ, то есть к позднему этапу фазы ПКБ II, непосредственно предшествующей появлению колесничных культурных образований фазы ПКБ III, к которой в Филоновском кургане относятся захоронения 3-го и 4-го стратиграфических горизонтов (рис. 2, III, IV).

Для нас наибольший интерес имеет погр. 2 и связанная с ним погребенная почва. Это погребение соответствует фазе ПКБ II, то есть периоду расцвета посткатакомбного блока (~2100–2000 cal BC). Согласно имеющимся на настоящий момент представлениям, это был переходный период от резкой аридизации (фаза ПКБ I – 2200–2100 cal BC) ко времени гумидизации климата (фаза ПКБ III – 2000–1800 cal BC) начала поздней бронзы,

которая завершилась климатическим оптимумом в эпоху развитой поздней бронзы [Мимоход, 2018; 2021]. Однако эти наблюдения были сделаны на основе данных, полученных по палеопочвам курганов лопатинской культуры, основной ареал которой расположен южнее – в пустынных степях.

Методы исследования

Определение гранулометрического состава почв проводили пипеточным методом [Теории и методы ... , 2007]. Химические анализы выполнены в ЦКП ИФХиБПП РАН.

Оценка величины микробного пула (живой биомассы) проведена на основании учета количества фосфолипидов, которые являются обязательными компонентами живых клеток и после их гибели быстро разрушаются. Величина микробной биомассы представляет собой интегративный показатель, отражающий обеспеченность микробного сообщества источниками питания [Демкина и др., 2017].

Качество микробного пула оценивалось по его метаболической и трофической структуре. Ранее выявлены микробиологические параметры, дающие контрастные характеристики состояния микробных сообществ в степных палеопочвах в аридные и гумидные климатические периоды. Это активная биомасса микроорганизмов и ее доля от C_{org} почвы, эколого-трофическая структура микробного сообщества (ПА : НА : БС), характеризующаяся соотношением микроорганизмов, растущих на почвенном агаре и использующих элементы питания из рассеянного состояния (ПА), на нитритном агаре и потребляющих гумус (НА), на богатой органической среде и разлагающих растительные остатки (БС) (% от суммарной численности всех групп микроорганизмов). Информативным является и соотношение численности микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество – растительные остатки и труднодоступное – гумус: БС/НА [Демкина и др., 2017]. Индекс олиготрофности (ПА / БС × 100) характеризует способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния зольные элементы питания, то есть чем больше его значение, тем к более бедным условиям питания приспособлены почвенные

микроорганизмы и, наоборот, чем ниже, тем богаче условия, связанные с большим поступлением в почву растительных остатков. Значительная биомасса активных микроорганизмов и их высокая доля в общем органическом углероде почвы, преобладание в экологотрофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности – все это дает основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы, что в засушливых регионах, к которым относится исследованная территория, обусловлено повышением увлажненности климата.

Результаты и обсуждение

Морфологические свойства почв. Разрез погребенной почвы в Филоновском кургане заложен в центральной бровке под выкидом из основного погребения. Погребенная почва – чернозем дисперсно-карбонатный на лессовидных отложениях. В профиле почвы выделяются следующие горизонты.

AU 0–60 см – темно-серый легкий суглинок комковато-порошистой структуры. Свежий, уплотнен. Встречаются норы землероев. В нижней части заметно появление буроватых тонов в окраске. Нижняя граница ровная, переход постепенный по цвету и структуре.

BCA1 60–100 см – палево-серый, с буроватыми тонами в окраске, средний суглинок комковато-глыбистой структуры. Карбонаты в виде выцветов и налета на стенках хорошо заметны при подсыхании профиля. Единично встречается белоглазка, предположительно реликтовой природы.

Cca 100–180 см – однородный, без карбонатных новообразований, палево-серый суглинок глыбистой структуры.

Cca, s – с глубины 180 см единичные вкрапления кристаллов гипса.

Разрез современной почвы был заложен в 200–300 м от кургана на залежном поле в условиях однотипного рельефа. В профиле выделяются следующие горизонты.

PU 0–16 см – однородный черный средний суглинок комковато-глыбистой структуры,

свежий, уплотнен. Нижняя граница хорошо выделяется по плужной подошве.

AU 16–70 см – гумусово-аккумулятивный горизонт почвы. Однородный, темно-серый до черного средний суглинок комковато-зернистой структуры. Свежий, уплотнен. Нижняя граница ровная, переход заметный по цвету и структуре.

BCA1 70–130 см – постепенное изменение цвета от черного до палево-серого, средний суглинок глыбисто-призматической структуры. Карбонаты в виде пропитки. Нижняя граница волнистая, переход ясный по появлению сегрегационных форм карбонатов.

BCA2 130–180 см – палево-серый суглинок глыбистой структуры. Карбонаты в виде крупной, хорошо оформленной белоглазки. Нижняя граница ровная, переход заметный по исчезновению сегрегационных форм карбонатов.

С глубины 180 см почвообразующая порода – лессовидный суглинок.

Таким образом, современные почвы представлены черноземами сегрегационными, в то время как погребенная под курганом почва является черноземом дисперсно-карбонатным. Эти изменения на уровне типа отражают более аридные условия, существовавшие на момент сооружения памятника.

Химические свойства почв. Гранулометрический состав почв практически идентичный (рис. 3, А, Б), что позволяет исключить возможность различий химических свойств вследствие исходной литологической неоднородности. Некоторое сокращение содержания ила в пахотном горизонте современных почв при одинаковом содержании физической глины является результатом распашки.

При однотипном гранулометрическом составе химические свойства почв различались весьма значительно и подтверждают общее представление о более аридных условиях бабинского времени. Так, в частности, содержание карбонатов в погребенной почве было значительно выше современных аналогов. Профиль современной почвы выщелочен от карбонатов на глубину до 70 см, при этом в погребенной почве в верхней части гумусового горизонта содержание карбонатов составляет 6–7 %, а с глубины 30–40 см этот показатель превышает 10 % (рис. 3, В).

Наличие новообразований гипса с глубины 180 см также указывает на выраженные аридные условия, существовавшие в бабинское время.

Таким образом, если анализировать традиционные палеопочвенные показатели, то можно констатировать значительно более низкие нормы зимних осадков в конце III тыс. до н.э.

Микробиологические свойства почв.

При анализе биологической активности почв (рис. 4) была получена строго обратная картина. В верхней части профиля общая численность колониеобразующих единиц (КОЕ) микроорганизмов, растущих на почвенном агаре, снижалась вниз по профилю, как в современной, так и в погребенной почве. При этом доля актиномицетов под курганом была в 7–30 раз выше, чем в фоновой почве, и с глубиной увеличивалась. Доля бактерий, растущих на богатой среде и ответственных за разложение растительного опада, в верхней части профиля погребенной почвы была сопоставима с современными показателями. При этом доля бактерий, растущих на богатой среде, в профиле погребенной почвы в большей части случаев превышала современный уровень. Индекс олиготрофности как показатель адаптации микробного сообщества к недостатку доступных источников питания был заметно выше в современной почве (рис. 5).

По результатам, полученным нами ранее для светло-каштановых почв, максимальные значения доли микроорганизмов, растущих на богатой среде (33–39 %), были выявлены в палеопочве под курганами финала катакомбного времени и лолинской культуры [Khomutova et al., 2019; Демкина и др., 2017]. Высокая доля численности микроорганизмов, способных использовать в качестве источника питания растительные остатки, может указывать на высокие нормы осадков в весенне-летние периоды эпохи средней бронзы.

Однако наиболее информативными оказались изменения микробной биомассы почв (рис. 6). Как было отмечено выше, величина микробной биомассы в интегративной форме отражает степень обеспеченности микробного сообщества элементами питания, поступающими с растительными остатками. Чем больше осадков выпадает в течение вегетационного периода, тем больше растительных

остатков поступает в почву, вызывая увеличение биомассы микроорганизмов, способных к их разложению [Khomutova et al., 2019].

В нашем случае микробная биомасса в верхних горизонтах погребенной почвы оказалась в 4–5 раз выше, чем в современной почве. И даже на глубине 50 см этот показатель выше, чем в поверхностном слое современных почв. Столь высокие значения микробной биомассы свидетельствуют о больших объемах растительного опада, поступавших в почву.

Заключение

Таким образом, по микробиологическим характеристикам погребенной почвы мы можем предполагать достаточно благоприятные условия для почвенного микробного сообщества и относительно большие объемы растительного материала, поступавшего в почвы в конце III тыс. до н.э. Это ставит под сомнение известный кризисный нарратив в отношении палеоэкологических условий финала средней бронзы в степной зоне. В данном случае уместно вспомнить, что само понятие палеоэкологического кризиса возникло на основе резко выраженных аридных свойств подкурганых почв, погребенных во время позднего этапа культур катакомбного круга и в посткатакомбное время [Демкин и др., 2002; 2010; Демкина и др., 2017]. Действительно, погребенные почвы рубежа III–II тыс. до н.э. были сильно засолены, вскипали с поверхности, имели признаки эрозии и дефляции. Но еще раз отметим, что эти палеопочвенные реконструкции были построены на анализе морфологических и химических свойств погребенных почв, которые, как было показано позднее, отражают количество осадков в холодное время года [Борисов, Мимоход, 2017]. Так или иначе вот уже несколько десятилетий природные условия рубежа III–II тыс. до н.э. прочно ассоциируются с палеоэкологическим кризисом.

Отметим, что формированию кризисного нарратива во многом способствовали хорошо изученные и подтвержденные факты коллапса и гибели западноазиатских земледельческих цивилизаций [Weiss et al., 1993; Weiss, 2016; Staubwasser, Weiss, 2006; Liu, Feng,

2012], известные как «4.2-ka BP aridification event» [Menocal et al., 2001; Ran, Chen, 2019]. Драматическая аура ближневосточного кризиса сельскохозяйственных культур периода 2200 cal BC легко перешла и на наши степные реалии после выявления аридных палеопочв с синхронным временем погребения [Демкин и др., 2002]. Отметим, что механизмы аридизации, как в области плодородного полумесяца, так и в прикаспийских степях, были однотипны – усиление зимнего антициклона, блокирующего поступление влаги с атлантическими и средиземноморскими циклонами. Все это способствовало укоренению понятия палеоэкологического кризиса рубежа III–II тыс. до н.э. в степной зоне. При этом не акцентировалось внимание на том, что памятники в степи в период палеоэкологического кризиса не исчезают и пустынные степи становятся весьма востребованными для обществ скотоводов, приходящих сюда из других регионов, в частности с Кавказа [Мимоход, 2019]. Авторами было сделано предположение, что древних скотоводов привлекали холодные и малоснежные зимы как следствие усиления азиатского антициклона, что обеспечивало содержание скота на подножном корму в холодное время года [Борисов, Мимоход, 2017]. Однако то обстоятельство, как выживало население в летний период, оставалось невыясненным.

Новой страницей в палеоэкологических реконструкциях стала оценка влагообеспеченности летнего периода на основе микробиологических характеристик почв [Хомутова и др., 2017]. Биомасса и структура почвенного микробного сообщества степных почв не зависят от зимних осадков, но отражают количество растительных остатков, поступающих в почву, что, в свою очередь, определяется осадками теплого времени года. Для условий пустынных степей нами ранее было показано синхронное усиление признаков аридности по химическим свойствам почв при одновременном возрастании биологической активности почв на протяжении ранней и средней бронзы [Khomutova et al., 2019]. Тогда было высказано предположение, что во второй половине III тыс. до н.э. в пустынной степи сложились специфические климатические условия с холодными малоснежными зимами и относитель-

но мягкими летами с периодическими осадками [Khomutova et al., 2019]. Полученные данные позволили предположить асинхронность хода влагообеспеченности по сезонам года – снижение зимних и увеличение летних осадков. Наши новые данные по Филатовскому кургану подтверждают выявленную закономерность и расширяют территориальные рамки данного феномена. Более того, мы можем говорить, что в степной зоне указанные особенности годового хода осадков были даже более выраженными, чем в пустынно-степной зоне.

Однако отсутствие зимних осадков все же весьма существенно отражалось на экосистемах региона. И в первую очередь это проявлялось, по-видимому, в сокращении доли весенних эфемероидов в составе фитоценоза. Эти растения могут развиваться лишь при высоком запасе продуктивной влаги в почве, который, в свою очередь, зависит напрямую от зимних осадков. В такой ситуации едва ли правомерно ожидать превращения степи в цветущий ковер в апреле, но, тем не менее, не было и полного выгорания степи в конце лета.

В связи со сказанным выше, очевидно, назревает необходимость пересмотра условий использования терминов «аридизация» и «палеоэкологический кризис» для событий финала III тыс. до н.э. в сухо- и пустынно-степной зонах. Ранее мы уже предлагали под аридизацией понимать исключительно сокращение зимних осадков [Борисов, Мимоход, 2017], так как именно зимние осадки и условия снеготаяния определяют основные химические свойства степных почв.

С учетом вновь получаемой информации о биологических свойствах погребенных почв поздне- и посткатакомбного времени настало время внести ясность и в термин «палеоэкологический кризис». По всей видимости, применительно к степной зоне Восточно-Европейской равнины нет оснований говорить о кризисе как некоем всеобъемлющем комплексе негативных явлений природного и социального характера. В природном плане имело место лишь заметно возросшее засоление и окарбоначивание почв, возможно с активизацией эрозионных процессов. При этом растительный покров не претерпел существенных изменений.

В данном контексте уместно отметить, что смягчение летних условий на рубеже III–II тыс. до н.э. было выявлено по данным палинологических исследований для соседнего региона – степной зоны Предкавказья. Здесь в период 4.1–3.9 ка ВР в условиях трансгрессивной фазы Каспия и его локального увлажняющего влияния в летний период сухие степи сменяются разнотравно-злаковыми [Ryabogina et al., 2022, p. 280]. Очевидно, в случае с Филоновским курганом снижение суровости летней засухи объясняется иными климатообразующими факторами, которые еще предстоит установить, но в целом это составные части одной общей картины палеоэкологических условий посткатакомбного времени.

Что касается социальных аспектов кризиса, то и здесь нет оснований для явно алармистских настроений. Жизнь в степи не прекращается, хотя количество памятников посткатакомбного времени заметно меньше, чем в предшествующий этап катакомбной культуры. Очевидно, общие условия в степи стали более жесткими, что предполагало сокращение до минимума возможных вариантов систем жизнеобеспечения. В таких условиях преимущество получали те общества, хозяйственная модель которых была ориентирована на разведение мелкого рогатого скота как наиболее неприхотливого и выносливого. Поэтому для тех социумов, которые смогли перейти на эту экономическую модель, степь в финале III тыс. до н.э. становилась весьма привлекательной.

В более общем плане можно предположить, что экологические условия степной зоны в меньшей степени «пострадали» в результате глобальных палеоклиматических перестроек в финале III тыс. до н.э. [Geirsdóttir et al., 2019; Pleskot et al., 2020]. Ранее было установлено, что в разных частях Евразии климатические подвижки были неравнозначными: засуха фиксируется в нижних широтах, а в высоких широтах, напротив, более влажные условия; хотя похолодание отмечается повсеместно [Roland, 2012; Roland et al., 2014]. В этой ситуации масштаб климатических флуктуаций в степи, занимающей промежуточное положение между бореальной и тропической зонами,

был не столько велик, по сравнению с более северными и южными регионами.

Однако это не отменяет того, что для ряда других территорий понятие «палеоэкологический кризис» достаточно точно отражает суть явлений. Например, события 4.2 ка ВР привели к тому, что для скотоводов Кавказа показатели зимнего периода оказались экстремальными. Если в степи основными и определяющими выживание древних обществ факторами были количество и годовой ход осадков, то в горной зоне таким критическим фактором является температура. Для периода 4.2 ка ВР доказано резкое похолодание, связанное с изменением солнечной активности [Perry, Hsu, 2000]. В горной зоне в этот период отмечалось опускание границы ледников [Grove, 2004], исчезновение озер [Соломина, 1999], нисходящее смещение растительных поясов и накопление морен [Серебряный и др., 1984]. По всей видимости, именно похолодание привело к миграции части населения в предкавказскую степь, что привело к формированию культурного круга Лола [Мимоход, 2018].

Так или иначе мы предлагаем с осторожностью оперировать термином «палеоэкологический кризис» применительно к климатическим и социальным событиям поздне- и посткатакомбного времени в степной зоне юга Восточно-Европейской равнины. Более корректно говорить об асинхронном изменении годового хода влагообеспеченности с сокращением зимних и увеличением летних осадков на фоне общего похолодания.

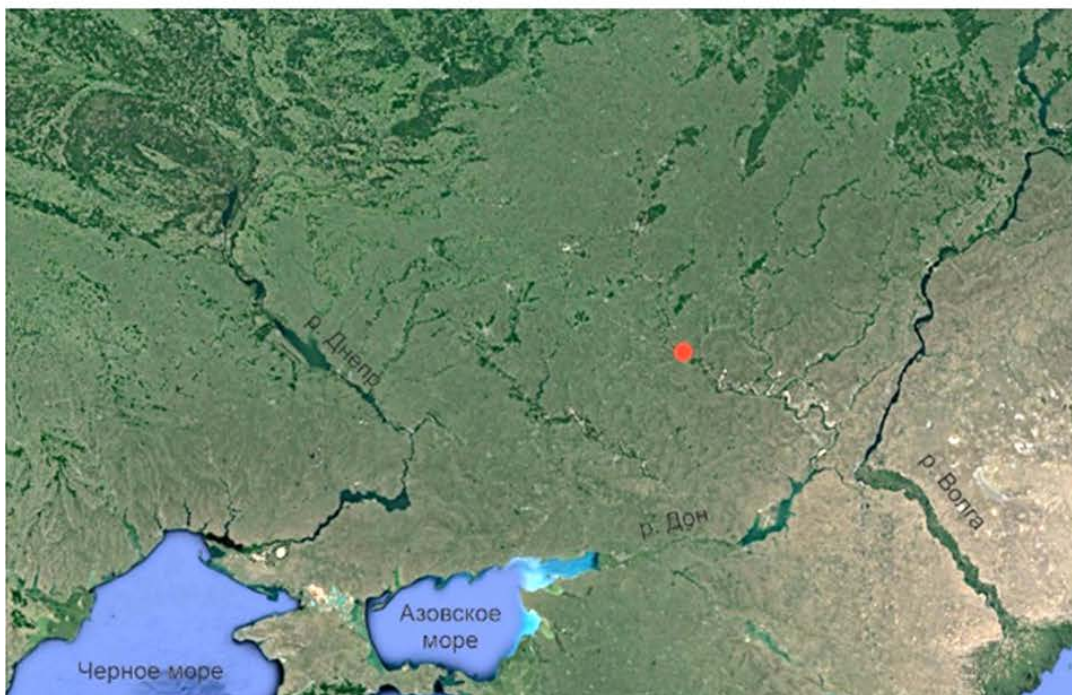
ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00406 «Палеоэкология – металлургия – культурогенез: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Восточной Европы на рубеже средней и поздней бронзы»

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No 19-18-00406 “Paleoecology – metallurgy – cultural genesis: causes and mechanisms of the change of epochs in the cultural space of Eastern Europe at the turn of the Middle and Late Bronze Ages”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А

Б

Рис. 1. Расположение объектов исследования (А) и вид на курган до начала раскопок (Б)
Fig. 1. Location (А) and Pre-excavation photo (Б) of the Kurgan studied area

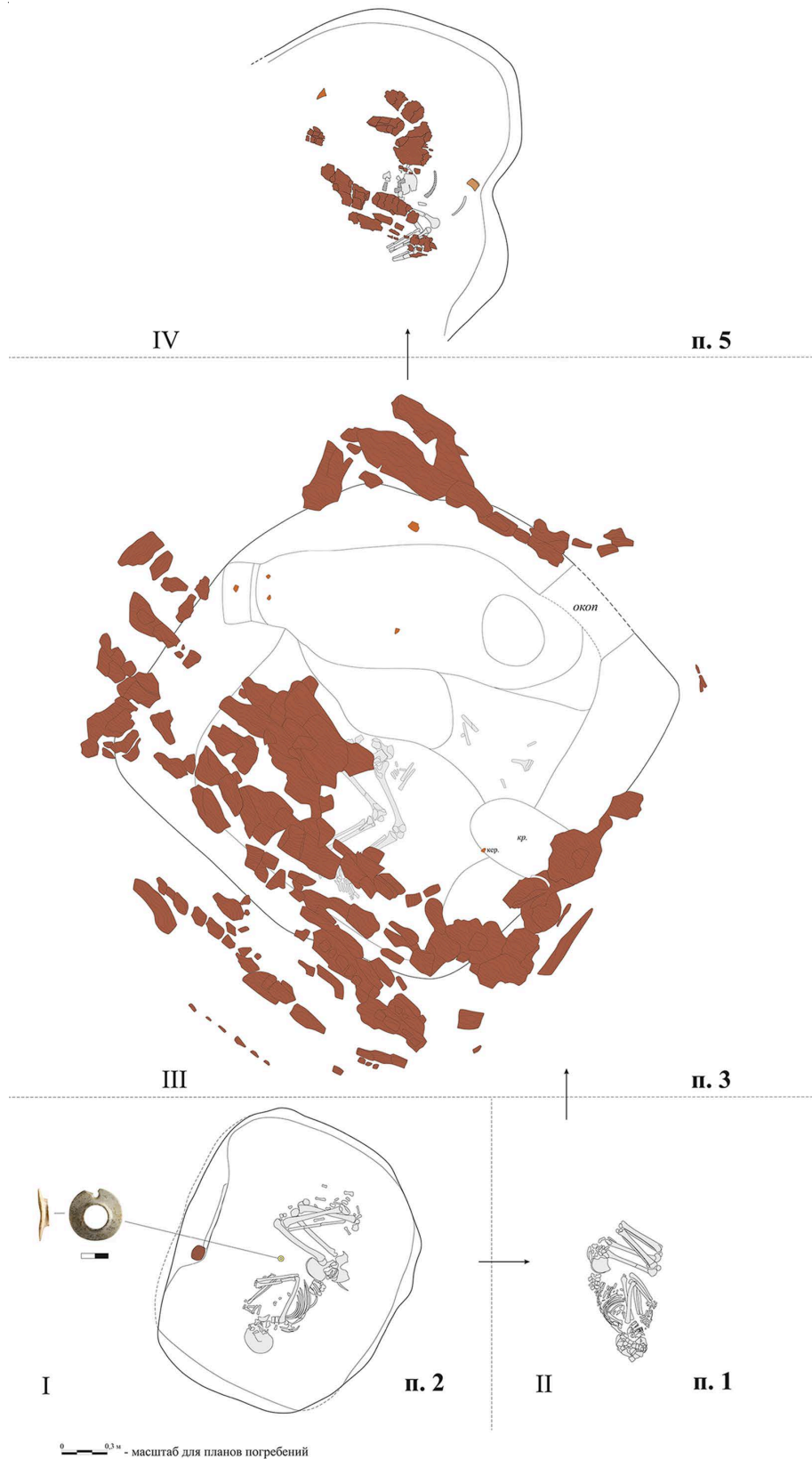

Рис. 2. Стратиграфические горизонты Филоновского кургана:

I – погребение 2; *II* – погребение 1; *III* – погребение 3; *IV* – погребение 5

Fig. 2. Stratigraphic horizons of the Filonovskiy kurgan:

I – burial 2; *II* – burial 1; *III* – burial 3; *IV* – burial 5

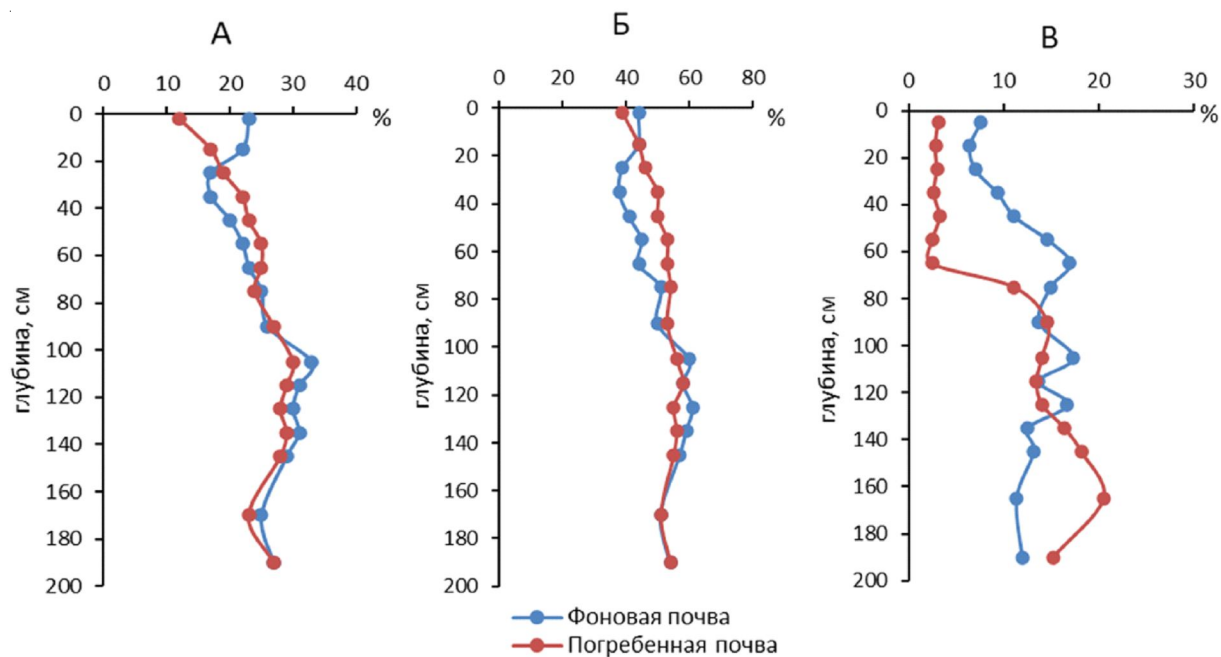

Рис. 3. Содержание ила (А), физической глины (Б) и карбонатов (В) в профиле современной и погребенной почвы

Fig. 3. Composition of sediment in modern and buried soils: silt fraction (A), physical clay (Б), carbonates (B)

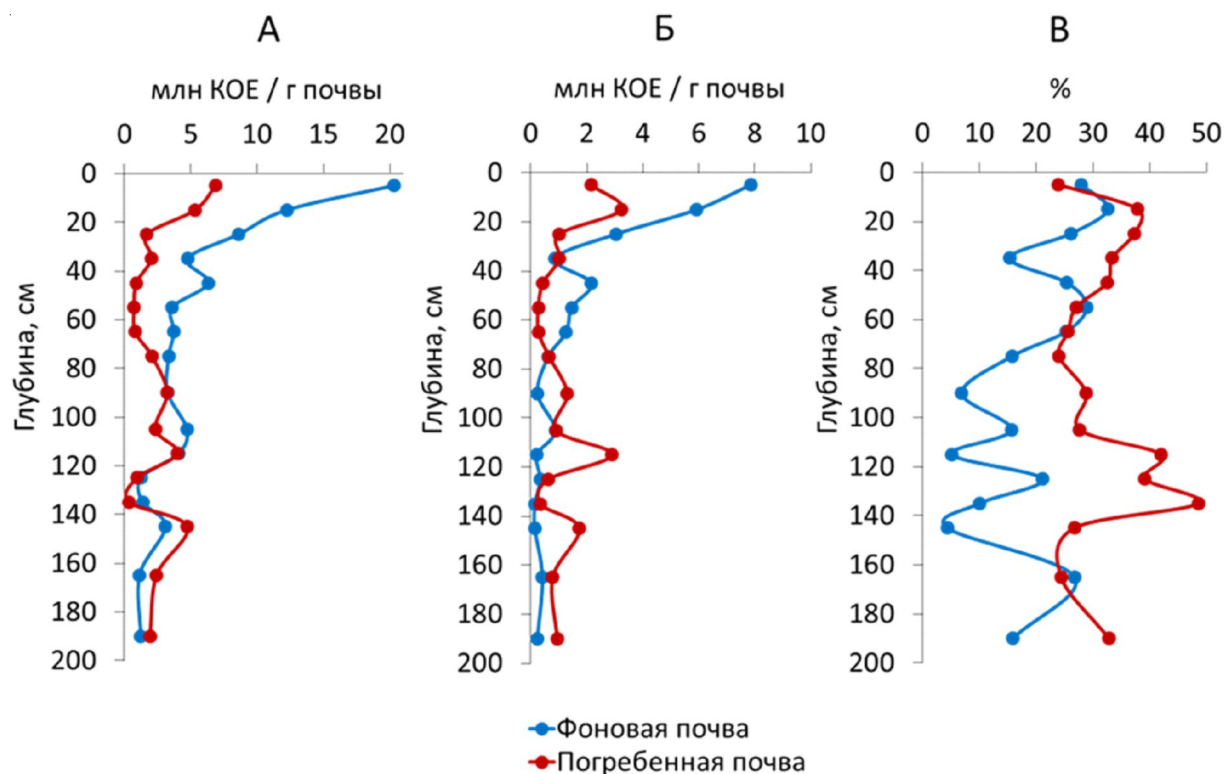

Рис. 4. Численность олиготрофных микроорганизмов, растущих на почвенном агаре (А), численность (Б) и доля в микробном сообществе почвы (В) микроорганизмов, участвующих в разложении легкодоступного органического вещества, растущих на богатой среде

Fig. 4. Number of oligotrophic microorganisms growing on soil extract agar (A), number (Б) and share (B) of the soil microbial community on the easily decomposable organic matter

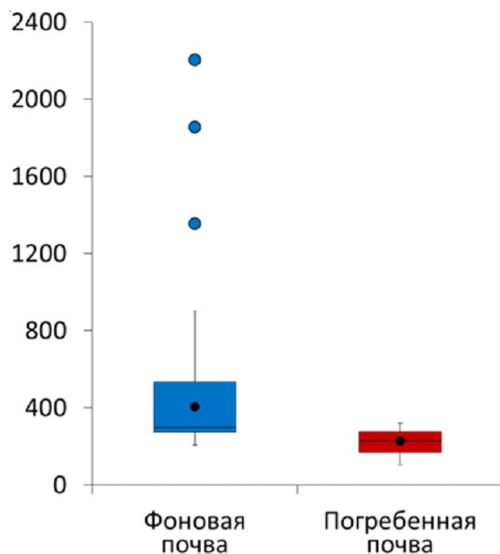

Рис. 5. Индекс олиготрофности в погребенной и современной почве

Fig. 5. Oligotrophy index values of microbial communities in buried and modern soils

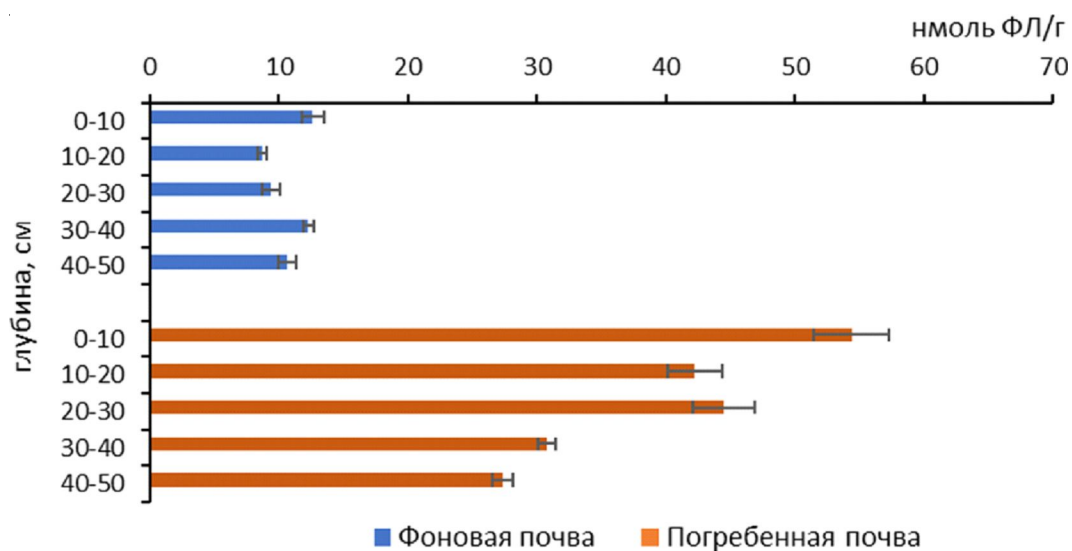

Рис. 6. Микробная биомасса в погребенной и современной почве

Fig. 6. Microbial biomass in buried and modern soils

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева Е. А., 1980. Водно-солевой режим обыкновенных и южных черноземов Юго-Востока европейской части СССР. М. : Наука. 216 с.
- Базыкина Г. С., 1974. Водный режим и баланс мелиорируемых почв в культурных биогеоценозах // Биогеоэкологические основы освоения полупустыни Северного Прикаспия. М. : Наука. 359 с.
- Борисов А. В., Мимоход Р. А., 2017. Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // Российская археология. № 2. С. 48–60.
- Демкин В. А., 1997. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушкино : ОНТИ НЦБИ АН СССР. 213 с.
- Демкин В. А., Борисов А. В., Удальцов С. Н., 2010. Палеопочвы и климат юго-востока Среднерусской возвышенности в эпохи средней и поздней бронзы (XXV–XV вв. до н.э.) // Почвоведение. Т. 43, № 1. С. 7–17.
- Демкин В. А., Демкина Т. С., Борисова М. А., Шишлина Н. И., 2002. Палеопочвы и природная среда Южных Ергеней в конце IV – III тыс. до н.э. // Почвоведение. № 6. С. 645–653.
- Демкина Т. С., Борисов А. В., Демкин В. А., 2004. Микробиологические исследования подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение. № 7. С. 853–859.
- Демкина Т. С., Борисов А. В., Демкин В. А., Хомутова Т. Э., Кузнецова Т. В., Ельцов М. В., Удальцов С. Н., 2017. Палеоэкологический кризис в степях Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы (рубеж III–II тыс. до н.э.) // Почвоведение. Т. 50, № 7. С. 799–813. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0032180X17070012>
- Ковда В. А., Большаков А. Ф., 1937. Водно-солевой режим почв центральной части Каспийской равнины // Труды конференции по почвоведению и физиологии растений. Саратов. Т. 1. С. 144–166.
- Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2019. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных кочевников в IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 3. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Мимоход Р. А., 2018. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // Российская археология. № 2. С. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869606318020046>
- Мимоход Р. А., 2019. Культурно-генетические процессы на востоке посткатакомбного мира // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб. : ИИМК РАН. С. 39–41.
- Мимоход Р. А., 2021. Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 9. Самара : Слово. С. 69–91.
- Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В., 2022. Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы // Российская археология. № 1. С. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010159>
- Роде А. А., 1963. Водный режим и баланс целинных почв полупустынного комплекса // Водный режим почв полупустыни. М. : Изд-во АН СССР. С. 5–83.
- Серебряный Л. Р., Голодковская Н. А., Орлов А. В., Малясова Е. С., Ильвес Э. О., 1984. Колебания ледников и процессы моренонакопления на Центральном Кавказе. М. : Наука. 216 с.
- Соломина О. Н., 1999. Горное оледенение Северной Евразии в голоцене. М. : Научный мир. 254 с.
- Теории и методы физики почв, 2007. М. : Гриф и К. 616 с.
- Хомутова Т. Э., Демкина Т. С., Борисов А. В., Шишлина Н. И., 2017. Состояние микробных сообществ подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны эпохи средней бронзы (XXVII–XXVI вв. до н.э.) в связи с динамикой увлажненности климата // Почвоведение. № 2. С. 239–248. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0032180X1702006X>
- Geirsdóttir Á., Miller G. H., Andrews J. T., Harning D. J., Anderson L. S., Florian C., Larsen D. J., Thordarson T., 2019. The Onset of Neoglaciation in Iceland and the 4.2 ka Event // Climate of the Past. Vol. 15, iss. 1. P. 25–40. DOI: <https://doi.org/10.5194/cp-15-25-2019>
- Grove J. M., 2004. Little Ice Ages: Ancient and Modern. New York : Routledge. 498 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0016756805400771>
- Khomutova T. E., Kashirskaya N. N., Demkina T. S., Kuznetsova T. V., Fornasier F., Shishlina N. I., Borisov A. V., 2019. Precipitation Pattern During Warm and Cold Periods in the Bronze Age (Around 4.5–3.8 ka BP) in the

- Desert Steppes of Russia: Soil-Microbiological Approach for Palaeoenvironmental Reconstruction // *Quaternary International*. Vol. 507. P. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.02.013>
- Liu F., Feng Z., 2012. A Dramatic Climatic Transition at ~ 4000 cal. yr BP and its Cultural Responses in Chinese Cultural Domains // *The Holocene*. Vol. 22, iss. 10. P. 1181–1197. DOI: <https://doi.org/10.1177/0959683612441839>
- Menocal P. B. de, 2001. Cultural Responses to Climate Change During the Late Holocene // *Science*. Vol. 292, iss. 5517. P. 667–673. DOI: <http://dx.doi.org/10.1126/science.1059287>
- Perry C. A., Hsu K. J., 2000. Geophysical, Archaeological, and Historical Evidence Support a Solar-Output Model for Climate Change // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 97. P. 12433–12438. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.230423297>
- Pleskot K., Apolinarska K., Kołaczek P., Suchora M., Fojutowski M., Joniak T., Kotrysh B., Kramkowski M., Słowiński M., Woźniak M., Lamentowicz M., 2020. Searching for the 4.2 ka Climate Event at Lake Spore, Poland // *CATENA*. Vol. 191. Art. 104565. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.catena.2020.104565>
- Ran M., Chen L., 2019. The 4.2 ka BP Climatic Event and its Cultural Responses // *Quaternary International*. Vol. 521. P. 158–167. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.05.030>
- Roland T., 2012. Was There a 4.2 kyr Event in Great Britain and Ireland? Evidence from the Peatland Record. PhD thesis. University of Exeter. 292 p.
- Roland T. P., Caseldine C. J., Charman D. J., Turney C. S., Amesbury M. J., 2014. Was There a ‘4.2 ka event’ in Great Britain and Ireland? Evidence from the Peatland Record // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 83. P. 11–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2013.10.024>
- Ryabogina N. E., Idrisov I. A., Yuzhanina E. D., Borisov A. V., 2022. Peat Palaeorecords from the Arid Caspian Lowland in Russia : Environmental and Anthropogenic Effects During the Second Half of the Holocene // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 280. Art. 107417. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2022.107417>
- Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene Climate and Cultural Evolution in Late Prehistoric – Early Historic West Asia // *Quaternary Research*. Vol. 66, iss. 3. P. 372–387. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.yqres.2006.09.001>
- Weiss H., Courty M. A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // *Science*. Vol. 261, № 5124. P. 995–1004. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.261.5124.995>
- Weiss H., 2016. Global Megadrought, Societal Collapse and Resilience at 4.2–3.9 ka BP across the Mediterranean and West Asia // *PAGES*. Vol. 24. P. 62–63. DOI: <https://doi.org/10.22498/pages.24.2.62>

REFERENCES

- Afanasyeva E.A., 1980. *Vodno-solevoy rezhim obyknovennykh i yuzhnykh chernozemov Yugo-Vostoka evropeyskoy chasti SSSR* [Water-Salt Regime of Ordinary and Southern Chernozems of the South-East of the European Part of the USSR]. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Bazykina G.S., 1974. *Vodnyy rezhim i balans melioriruyemykh pochv v kulturnykh biogeotsenozakh* [Water Regime and Balance of Reclaimed in Cultural Biogeocenoses]. *Biogeotsenoticheskiye osnovy osvoyeniya polupustyni Severnogo Prikaspiya* [Biogeocenotic Bases for the Development of the Semi-Desert of the Northern Caspian Sea]. Moscow, Nauka Publ. 359 p.
- Borisov A.V., Mimokhod R.A., 2017. Aridizatsiya: formy proyavleniya i vliyanie na naseleniye stenoy zony v bronzovom veke [Aridity: Forms of Manifestation and Influence on the Steppe Zone Population in the Bronze Age]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 48–60.
- Demkin V.A., 1997. *Paleopochvovedeniye i arkheologiya: integratsiya v izuchenii istorii prirody i obshchestva* [Paleopedology and Archeology: Integration in Studying the History of Nature and Society]. Pushchino, ONTI NTsBIAN SSSR. 213 p.
- Demkin V. A., Borisov A. V., Udal'tsov S.N., 2010. Paleopochvy i klimat yugo-vostoka Srednerusskoy vozvysheynosti v epohi sredney i pozdney bronzy (XXV–XV vv. do n.e.) [Paleosols and Climate in the Southeast of the Central Russian Upland During the Middle and Late Bronze Ages (the 25th– 15th Centuries BC)]. *Pochvovedenie* [Eurasian Soil Science], vol. 43, no. 1, pp. 7–17.

- Demkin V.A., Demkina T.S., Borisova M.A., Shishlina N.I., 2002. Paleopochvy i prirodnaya sreda Yuzhnykh Ergeney v kontse IV – III tys. do n. e. [Paleosols and the Natural Environment of the Southern Ergeni at the End of the 4th–3rd Millennium BC]. *Pochvovedenie* [Eurasian Soil Science], no. 6, pp. 645-653.
- Demkina T.S., Borisov A.V., Demkin V.A., 2004. Mikrobiologicheskiye issledovaniya podkurgannykh paleopochv pustynno-stepnoy zony Volgo-Don'skogo mezhdurechia [Microbiological Studies of Paleosols under Mounds in the Desert-Steppe Zone of the Volga-Don Interfluve]. *Pochvovedeniye* [Eurasian Soil Science], no. 7, pp. 853-859.
- Demkina T.S., Borisov A.V., Demkin V.A., Khomutova T.E., Kuznetsova T.V., Eltsov M.V., Udaltsov S.N., 2017. Paleoekologicheskiy krizis v stepyakh Nizhnego Povolzhia v epokhu sredney bronzy (rubezh III–II tys. do n. e.) [Paleoecological Crisis in the Steppes of the Lower Volga Region in the Middle of the Bronze Age (III–II Centuries BC)]. *Pochvovedeniye* [Eurasian Soil Science], vol. 50, no. 7, pp. 799-813. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0032180X17070012>
- Kovda V.A., Bolshakov A.F., 1937. Vodno-solevoy rezhim pochv tsentralnoy chasti Kaspiyskoy ravniny [Water-Salt Regime of Soils in the Central Part of the Caspian Plain]. *Trudy konferentsii po pochvovedeniyu i fiziologii rasteniy* [Proceedings of the Conference on Soil Science and Plant Physiology], vol. 1. Saratov, pp. 144-166.
- Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2019. Klimaticheskiy optimum kak faktor krizisa ekonomiki stepnykh nomadov v IV v. n.e. [Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Mimokhod R.A., 2018. Paleoklimat i kulturogenез v Vostochnoy Evrope v kontse III tys. do n.e. [Paleoclimate and Cultural Genesis in Eastern Europe at the End of the 3rd Millennium BC]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 33-48. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869606318020046>
- Mimohod R.A., 2019. Kul'turno-geneticheskie protsessy na vostoке postkatakombnogo mira [Cultural and Genetic Processes in the East of the Post-Catacomb World]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Central'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)* [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Connections and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts)]. Saint Peterburg, IIMK RAN, pp. 39-41.
- Mimohod R.A., 2021. Hronologiya i periodizatsiya volgo-donskoy babinskoy kul'tury [Chronology and Periodization of the Volga-Don Baba Culture]. *Voprosy arheologii Povolzh'ya* [Issues of Archaeology of the Volga Region], iss. 9. Samara, Slovo Publ., pp. 69-91.
- Mimohod R.A., Gak E.I., Khomutova T.E., Ryabogina N.E., Borisov A.V., 2022. Paleoekologiya – kul'turogenез – metalloproizvodstvo: prichiny i mekhanizmy smeny epokh v kul'turnom prostranstve yuga Vostochnoy Evropy v kontse sredney – nachale pozdney bronzy [Paleoecology – Culture Genesis – Metal Production: The Reasons and Mechanisms of the Change of Periods in the Cultural Space of the South of Eastern Europe at the Turn of the Middle and Late Bronze Ages]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 20-34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010159>
- Rode A.A., 1963. Vodnyy rezhim i balans tselinnykh pochv polupustynnogo kompleksa [Water Regime and Balance of Virgin Soils of the Semi-Desert Complex]. *Vodnyy rezhim pochv polupustyni* [Water Regime of Semi-Desert Soils]. Moscow, AS USSR, pp. 5-83.
- Serebryanyy L.R., Golodkovskaya N.A., Orlov A.V., Malyasova E.S., Il'ves E.O., 1984. *Kolebaniya lednikov i processy morenonakopleniya na Central'nom Kavkaze* [Glacier Fluctuations and Moraine Accumulation Processes in the Central Caucasus]. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Solomina O.N., 1999. *Gornoe oledeneniye Severnoy Evrazii v golotsene* [Mountain Glaciation of Northern Eurasia in the Holocene]. Moscow, Nauchnyy mir Publ. 254 p.
- Teorii i metody fiziki pochv*, 2007 [Theories and Methods of Soil Physics]. Moscow, Grif i K Publ. 616 p.
- Khomutova T.E., Demkina T.S., Borisov A.V., Shishlina N.I., 2017. Sostoyanie mikrobynykh soobshchestv podkurgannykh paleopochv pustynno-stepnoy zony epokhi sredney bronzy (XXVII–XXVI vv. do n. e.) v svyazi s dinamikoy uvlazhnennosti klimata [The State of Microbial Communities of Paleosols under Barrows in the Desert-Steppe Zone of the Middle Bronze Age (XXVII–XXVI Centuries BC) in Connection with the Dynamics of Climate Humidity]. *Pochvovedenie* [Eurasian Soil Science], no. 2, pp. 239-248. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0032180X1702006X>

- Geirsdóttir Á., Miller G.H., Andrews J.T., Harning D.J., Anderson L.S., Florian C., Larsen D.J., Thordarson T., 2019. The Onset of Neoglaciation in Iceland and the 4.2 ka Event. *Climate of the Past*, vol. 15, iss. 1, pp. 25-40. DOI: <https://doi.org/10.5194/cp-15-25-2019>
- Grove J.M., 2004. *Little Ice Ages: Ancient and Modern*. New York, Routledge. 498 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0016756805400771>
- Khomutova T.E., Kashirskaya N.N., Demkina T.S., Kuznetsova T.V., Fornasier F., Shishlina N.I., Borisov A.V., 2019. Precipitation Pattern During Warm and Cold Periods in the Bronze Age (Around 4.5-3.8 ka BP) in the Desert Steppes of Russia: Soil-Microbiological Approach for Palaeoenvironmental Reconstruction. *Quaternary International*, vol. 507, pp. 84-94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.02.013>
- Liu F., Feng Z., 2012. A Dramatic Climatic Transition at ~4000 cal. yr BP and its Cultural Responses in Chinese Cultural Domains. *The Holocene*, vol. 22, iss. 10, pp. 1181-1197. DOI: <https://doi.org/10.1177/0959683612441839>
- Menocal P.B. de, 2001. Cultural Responses to Climate Change During the Late Holocene. *Science*, vol. 292, iss. 5517, pp. 667-673. DOI: <http://dx.doi.org/10.1126/science.1059287>
- Perry C.A., Hsu K.J., 2000. Geophysical, Archaeological and Historical Evidence Support a Solar-Output Model for Climate Change. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 97, pp. 12433-12438. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.230423297>
- Pleskot K., Apolinarska K., Kołaczek P., Suchora M., Fojutowski M., Joniak T., Kotrysh B., Kramkowski M., Słowiński M., Woźniak M., Lamentowicz M., 2020. Searching for the 4.2 ka Climate Event at Lake Spore, Poland. *CATENA*, vol. 191, art. 104565. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.catena.2020.104565>
- Ran M., Chen L., 2019. The 4.2 ka BP Climatic Event and its Cultural Responses // *Quaternary International*, vol. 521, pp. 158-167. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.05.030>
- Roland T., 2012. *Was there a 4.2 kyr Event in Great Britain and Ireland? Evidence from the peatland record. PhD thesis*. University of Exeter. 292 p.
- Roland T.P., Caseldine C.J., Charman D.J., Turney C.S., Amesbury M.J., 2014. Was There a '4.2 ka Event' in Great Britain and Ireland? Evidence from the Peatland Record. *Quaternary Science Reviews*, vol. 83, pp. 11-27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2013.10.024>
- Ryabogina N.E., Idrisov I.A., Yuzhanina E.D., Borisov A.V., 2022. Peat Palaeorecords from the Arid Caspian Lowland in Russia: Environmental and Anthropogenic Effects during the Second Half of the Holocene. *Quaternary Science Reviews*, vol. 280, art. 107417. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2022.107417>
- Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene Climate and Cultural Evolution in Late Prehistoric – Early Historic West Asia. *Quaternary Research*, vol. 66, iss. 3, pp. 372-387. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.yqres.2006.09.001>
- Weiss H., Courty M. A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization. *Science*, vol. 261, no. 5124, pp. 995-1004. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.261.5124.995>
- Weiss H., 2016. Global Megadrought, Societal Collapse and Resilience at 4.2–3.9 ka BP Across the Mediterranean and West Asia. *PAGES*, vol. 24, pp. 62-63. DOI: <https://doi.org/10.22498/pages.24.2.62>

Information About the Authors

Alexandr V. Borisov, Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, a.v.borisovv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>

Natalia N. Kashirskaya, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Daria A. Yurshenas, Postgraduate Student, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, dasha_ometova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9934-1144>

Tatiana E. Khomutova, Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, khomutova-t@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9856-3025>

Anush A. Petrosyan, Postgraduate Student, Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, alisa_mayakovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0839-5217>

Roman A. Mimokhod, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ul'anova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, mimokhod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4584-4747>

Информация об авторах

Александр Владимирович Борисов, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, a.v.borisovv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>

Наталья Николаевна Каширская, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Дарья Александровна Юршенас, аспирант, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, dasha_ometova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9934-1144>

Татьяна Эдуардовна Хомутова, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, khomutova-t@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9856-3025>

Ануш Андраниковна Петросян, аспирант, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, alisa_mayakovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0839-5217>

Роман Алексеевич Мимоход, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, mimokhod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4584-4747>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.6>

UDC 903'1(470.5):611.7

LBC 63.442.6(235.55)-427

Submitted: 11.04.2022

Accepted: 19.09.2022

PATHOLOGICAL CHANGES ON SKELETONS FROM THE BRONZE AGE NEPLYUEVSKY CEMETERY (KURGAN 1)¹

Marina K. Karapetian

Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Svetlana V. Sharapova

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Currently, the picture characterizing the health status of the population, inhabiting the Southern Urals during the Bronze Age, is fragmentary due to the unsystematic nature of paleopathological studies and the often small sizes or poor preservation of the analyzed skeletal samples. This paper contributes new data to the overall discussion of the topic by presenting the results of a paleopathological study of materials from the Neplyuevsky kurgan cemetery, kurgan 1, located in the southern Chelyabinsk region and excavated between 2016 and 2017. The sample includes the remains of 14 adults (aged 18 and older) and 23 subadults (<18 years old). *Methods.* The skeletons were assessed for macroscopically detectable pathologies and markers of physiological stress. Pathological lesions were scored base on the recommendations given in specialized literature. *Analysis.* *Cribra orbitalia*, dental enamel hypoplasia and various traumatic injuries were common in the sample. As in other Srubnaya and Srubnaya-Alakul series of the region, the skeletons from kurgan 1 show no changes consistent with specific infections, though incidences of nonspecific infections are not excluded. *Results.* In general, the sample from kurgan 1 of the Neplyuevsky kurgan cemetery demonstrates similarity with materials from other synchronous sites of the Southern Urals and the Samara valley region. A distinguishing feature of the Neplyuevsky series is the relatively high frequency of bone fractures and their predominance in women.

Key words: Srubnaya-Alakul cultural type, Southern Trans-Urals, markers of physiological stress, traumatic injuries, signs of inflammation, developmental anomalies.

Citation. Karapetian M.K., Sharapova S.V., 2022. Patologicheskie izmeneniya na skeletah iz Neplyuevskogo mogil'nika epohi pozdney bronzy (kurgan 1) [Pathological Changes on Skeletons from the Bronze Age Neplyuevsky Cemetery (Kurgan 1)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 100-119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.6>

УДК 903'1(470.5):611.7

ББК 63.442.6(235.55)-427

Дата поступления статьи: 11.04.2022

Дата принятия статьи: 19.09.2022

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СКЕЛЕТАХ ИЗ НЕПЛЮЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (КУРГАН 1)¹

Марина Кареновна Карапетян

НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Светлана Владимировна Шарпова

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В настоящий момент палеопатологические исследования материалов эпохи бронзы Южного Урала не отличаются систематичностью и зачастую сталкиваются с проблемой малочис-

ленности или плохой сохранности анализируемых серий. В итоге картина, характеризующая это население, вырисовывается не полно. Данная работа вносит свой вклад, представляя результаты палеопатологического изучения материалов из кургана 1 Неплюевского могильника (раскопки 2016–2017 гг.), расположенного на юге Челябинской области. В исследование вошли останки 14 взрослых (>18 лет) и 23 детей и подростков (<18 лет). *Методы.* Скелеты оценивались на предмет макроскопически определяемых патологий, а также маркеров физиологического стресса с опорой на специализированную литературу. *Анализ.* В выборке довольно распространены гипоплазия эмали зубов и *cribra orbitalia*, а также различные травматические повреждения, вероятно, бытового характера. Как и в других срубных и срубно-алакульских сериях степных и лесостепных областей, скелеты из данного кургана не обнаруживают изменений, которые могли бы указывать на заболеваемость специфическими инфекциями, в то же время заболеваемость неспецифическим инфекциями не исключается. *Результаты.* В целом рассматриваемая выборка демонстрирует сходство с материалами из других синхронных памятников Южного Урала и Самарского Поволжья. Некоторой отличительной чертой неплюевской серии является относительно высокая частота переломов костей и их преобладание у женщин.

Ключевые слова: срубно-алакульский культурный тип, Южное Зауралье, маркеры физиологического стресса, травматические повреждения, следы воспаления, аномалии развития скелета.

Цитирование. Карапетян М. К., Шарапова С. В., 2022. Патологические изменения на скелетах из Неплюевского могильника эпохи поздней бронзы (курган 1) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 100–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.6>

Введение

Палеопатологические исследования материалов эпохи бронзы Южного Урала и прилегающих к нему регионов начались сравнительно недавно. Среди первых публикаций на эту тему можно отметить работу А.П. Бужиловой, посвященную анализу скелетных останков людей из широко известных каргалинских некрополей [Бужилова, 2005]. На момент выхода в свет этого исследования сравнительных данных по региону практически не существовало, а результаты масштабного изучения памятников эпохи бронзы бассейна р. Самары, осуществленного А. Мерфи в 1999 г., оставались неопубликованными [Murphy, Khokhlov, 2016].

В последнее время интерес к палеопатологической тематике «здоровья» начал возрастать. В частности, вышли статьи, посвященные изучению материалов из ряда могильников Нижнего Поволжья [Перерва, Капинус, 2019], Приуралья [Куфтерин, Карапетян, 2021; Karapetian et al., 2021], Зауралья [Куфтерин, Нечвалода, 2016; Луайе, Шарапова, 2017; Karapetian et al., 2021], Северного Казахстана [Ventresca Miller et al., 2014]. Обособленно стоят работы, посвященные анализу травматизма в разные периоды эпохи бронзы Волго-Уральского региона [Кузнецов, Хохлов, 1998; Хохлов, Китов, 2019; Перерва, 2020]. В отдельную группу стоит выделить публикации, сфо-

кусированные на анализе детских и подростковых скелетов [Луайе, Шарапова, 2017; Куфтерин, Карапетян, 2021; Karapetian et al., 2021], что связано как с общими тенденциями в биоархеологии (см., например: [Медникова, 2017]), так и с преобладанием останков незрелых индивидов в изучаемых памятниках. Все еще редки публикации, синтезирующие результаты палеопатологического изучения скелетных останков и археологический контекст их обнаружения. Хорошо представлен в литературе и проанализирован в максимальном объеме могильник Каменный Амбар 5, содержащий синташтинские материалы и материалы срубного времени [Ражев, Епимахов, 2005; Judd et al., 2018; Hanks et al., 2018].

В настоящий момент картина, характеризующая население эпохи поздней бронзы региона, вырисовывается не полно, что связано как с несистематичностью палеопатологических работ (по многим памятникам представлены лишь краниологические и одонтологические данные), так зачастую и с малочисленностью или плохой сохранностью анализируемых серий. Определенную роль играют и межисследовательские расхождения в диагностике и интерпретации патологических состояний на скелете. В целом во всех выборках достаточно широко распространены *cribra orbitalia* и гипоплазия эмали зубов (ГЭЗ), при этом большинством авторов подчеркивается отсутствие в сериях случаев цин-

ги, рахита и специфических инфекций, при общей редкости случаев воспалительных проявлений на скелете.

По мнению А. Мерфи и А.А. Хохлова, население срубной культуры Самарского Поволжья жило в более благоприятных условиях в сравнении с населением ямной или потаповской культур, что, возможно, связано с его большей оседлостью. При этом представители срубной культуры обнаруживают сравнительно большее разнообразие характера травм посткраниального скелета, что может говорить о более широком спектре их хозяйственной деятельности [Murphy, Khoklov, 2016, p. 206, 208].

В настоящей работе приведены результаты палеопатологического исследования скелетных останков из кургана 1 Неплюевского могильника в Южном Зауралье. Погребальные комплексы датируются эпохой поздней бронзы: в керамическом инвентаре и обрядности доминировали традиции срубной культуры при заметном присутствии алакульских элементов [Шарапова, 2017]. Впрочем, такая ситуация характерна и для аналогичных некрополей Южного Приуралья (см., например: [Файзуллин и др., 2021]). Полевые работы на памятнике проводились в междисциплинарной парадигме, что создало условия для всестороннего анализа материалов, постепенно вводимых в научный оборот.

Курган 1 – третий раскопанный курган в могильнике, который, в отличие от первых двух (курганы 5 и 9), представляет собой многомогильный комплекс с большим количеством захоронений, кенотафов и жертвенных ям. Именно многочисленность погребенных (около 44 индивидов) позволяет нам не только описать отдельно встречающиеся в выборке патологии, но и охарактеризовать некоторые из них статистически. Палеопатологический анализ материалов курганов 5 и 9 был опубликован ранее [Луайе, Шарапова, 2017], а выборка из кургана 1 была предварительно и далеко не полно охарактеризована в первой публикации материалов [Карпетян и др., 2019]. В частности, представленные частоты по некоторым признакам (например, *cribra orbitalia* и ГЭЗ) являлись результатом первичных полевых / камеральных наблюдений без подробной оценки этих

изменений. Разнообразие отмеченных нами патологических состояний требует более пристального внимания и обсуждения возможных диагнозов.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили останки 14 взрослых (>18 лет) и 23 детей и подростков (<18 лет). Состав индивидов, включенных в разные анализы, варьировал в зависимости от изучаемой патологии и степени сохранности. Раскопки кургана проводились с 2016 по 2017 г. под руководством одного из авторов статьи (С.В. Шараповой). На протяжении обоих сезонов в полевых работах принимали участие палеоантропологи (Ж. Луайе – 2016 г.; М.К. Карпетян – 2017 г.), что позволило уточнить факторы, влияющие на целостность скелета, еще на стадии раскопок.

Скелеты оценивались на предмет всех возможных макроскопически определяемых патологий, а также маркеров физиологического стресса. Однако в силу ограниченности объема статьи в работе намеренно не обсуждаются зубные патологии (за исключением ГЭЗ), тесно связанные с рационом питания, а также дегенеративно-дистрофические изменения суставов, анализ которых осмыслен только в их возрастной динамике. Специально не обсуждаются и маркеры физической активности (occupational stress markers).

Пол взрослых индивидов оценивался по стандартным рекомендациям [White, Folkens, 2005, p. 385–398] при наличии таза и/или черепа. Если они отсутствовали или были сильно фрагментированы, пол оценивался по размерам длинных трубчатых костей [Синева, 2013] с учетом наблюдаемых для изучаемой выборки различий между мужчинами и женщинами. Возраст взрослых индивидов оценивался комплексно по морфологическим изменениям лобкового симфиза, ушковидной поверхности тазовой кости, степени облитерации швов черепа и стертости коронок зубов [White, Folkens, 2005, p. 369–371, 378–379, 382–383]. Возраст детских и подростковых останков определялся по степени развития зубной системы и скелетной зрелости [Schaefer et al., 2009].

Регистрация признаков и дифференциальная диагностика осуществлялись с использованием специализированной литературы [Ortner, 2003; Mann, Hunt, 2005; Lewis, 2018]. Рентгенография выполнялась в случаях, когда это было необходимо для подтверждения диагноза (например, при переломах). Рентгенографические исследования проведены в НИИ и Музее антропологии МГУ (г. Москва) на микрофокусном рентгеновском аппарате ПРДУ-02.

Анализ

В выборке зафиксированы патологии, относящиеся к следующим категориям: маркеры физиологического стресса, травматические повреждения, следы воспаления и аномалии развития скелета.

Маркеры физиологического стресса

В таблице 1 представлены частоты ряда признаков, включенных в данную категорию. Наиболее часто встречающимся маркером физиологического стресса в группе была линейная ГЭЗ. На передних зубах она встречалась примерно у 50 % обследованных, причем с одинаковой частотой у взрослых и невзрослых. На втором месте по частоте встречаемости ожидаемо находилась *cribra orbitalia* в детской и подростковой выборках. Следует заметить, что поротические изменения в глазницах наблюдались с гораздо большей частотой (46 % случаев), чем приведенные в таблице частоты *cribra orbitalia*. Однако отнесение некоторых из них к *cribra orbitalia* было под сомнением, а у взрослых часть поротических изменений может представлять остаточные следы перенесенного в детстве состояния (рис. 1). После исключения всех сомнительных случаев активная *cribra orbitalia* наблюдалась у трех индивидов – все на черепахах детей старше 4 лет. Изученная выборка по частоте *cribra orbitalia* ближе к синхронным группам Самарского Поволжья (38 % у невзрослых и 18 % у взрослых [Murphy, Khokhlov, 2016]), а по частоте гипоплазии – к детям и подросткам Приуралья (наблюдалась у 56 % индивидов [Karapetian et al., 2021]).

Явных случаев поротического гиперостоза свода черепа в анализируемых материалах не отмечено². В то же время у ребенка (0–1,5 года), чьи немногочисленные фрагментированные останки были расчищены в одном из сосудов в яме 9, наблюдались изменения на эктокране, по локализации и внешнему виду согласующиеся с этим диагнозом. В частности, у него выявлены поротические изменения на поверхности левой теменной (правая сильно фрагментирована), верхней части лобной и затылочной костей (рис. 2). К сожалению, ни лицевые кости, ни кости посткраниального скелета не сохранились, что не позволяет исключить другие патологические состояния, также способные приводить к поротическим изменениям на черепе (например, инфекцию) [Ortner, 2003, p. 102, 370; Lewis, 2018, p. 198].

Наиболее примечательным случаем в категории маркеров физиологического стресса является ребенок в возрасте около 6 месяцев из ямы 6. На его костях определяются признаки системного заболевания в виде периостальной реакции (череп и посткраниальный скелет), увеличения обхватов длинных трубчатых костей, а также характерное расширение и «рыхлость» метафизов и грудных концов ребер (rachitic / scorbutic rosary). На рентгенограмме (рис. 3) видно разрежение кортикального слоя плечевой кости при одновременном его утолщении по сравнению с близким по возрасту ребенком из этого же кургана без признаков патологии. Видно также некоторое искривление диафиза пораженной кости и «опущение» верхнего метафиза. Аналогичная картина в той или иной степени характерна и для других длинных трубчатых костей. Хотя некоторые из наблюдаемых признаков встречаются и при цинге, в совокупности характер изменений в наибольшей степени согласуется с диагнозом рахит (см.: [Brickley, Ives, 2008, p. 41–150]).

Травматические повреждения

В изучаемой группе зафиксировано несколько переломов со следами заживления. Большинство из них наблюдались на посткраниальном скелете. Череп затронут только в одном случае – это перелом носовых костей

у молодой женщины из погребения 2А (инд. 2). Насколько можно судить по небольшой выборке, у женщин процент травм в целом выше, чем у мужчин, как по индивидуальному счету (табл. 2), так и по элементам скелета (табл. 3), причем у женщин травмы обнаруживают большее разнообразие. Интересно также, что у женщин наблюдается тенденция к более частой травматизации костей верхних конечностей (табл. 3). Три из четырех женщин со следами переломов имели более чем одну травмированную кость. Наиболее яркий случай – это вышеупомянутая женщина из погребения 2А, у которой обнаружены помимо перелома носовых костей также переломы акромиона (с несращением), пятой пястной кости и второй плюсневой (со следами воспаления). Как у мужчин, так и у женщин практически все переломы костей посткраниального скелета наблюдались с левой стороны (8 из 10).

В группе детей небольшое число переломов было сосредоточено на туловище (на ребре и на левой ключице). Все они зажившие и, скорее всего, имеют случайный характер. Так, у младенцев переломы ключиц – это часто встречающаяся травма при родах [Karlan et al., 1998]. У одного подростка – девушки 14–16 лет из погребения 26 – отмечен отрывной перелом правой медиальной лодыжки с несращением, что согласуется с более высоким процентом травматизации посткраниального скелета у женщин в этой выборке.

В литературе неоднократно отмечалось преобладание (и в целом невысокая частота) травм «бытового» характера на посткраниальном скелете и низкий процент боевых травм черепа в группах срубной культуры Самарского Поволжья и Южного Урала, что отличает их от представителей ряда предшествующих культур эпохи бронзы [Кузнецов, Хохлов, 1998; Бужилова, 2005; Хохлов, Китов, 2019; Murphy, Khokhlov, 2016]. По данным А.А. Хохлова и Е.П. Китова [2019, с. 277], в материалах срубной культуры среди травм черепа, интерпретируемых как результат межличностной агрессии, численно преобладают травмы носовых костей. По данным А. Мерфи и А.А. Хохлова, наиболее высокая частота переломов костей конечностей приурочена к

сериям полтавкинской культуры (14,7%), наиболее низкая – срубной культуры (4,6%). В отличие от более ранних культур, где все травмы наблюдались на мужских скелетах, в объединенной серии срубной культуры процент травм у обоих полов был практически идентичен (4,5 и 4,9% соответственно). В большинстве выборок эпохи бронзы наиболее травмируемыми были кости предплечья [Murphy, Khokhlov, 2016].

Помимо переломов в неплюевской выборке довольно распространены и другие изменения, ассоциированные с травматическим воздействием. В частности, наблюдается довольно высокая частота рассекающего остеохондрита (*osteochondritis dissecans*), спондилолиза (43% взрослых костяков, при размахе изменчивости этого показателя в группах с территории Европы и Азии в 0–22% [D'Angelo del Campo et al., 2017, p. 9–12]) и грыж межпозвоночного диска (у всех взрослых индивидов и у 2 подростков). Все эти изменения наблюдаются как на мужских, так и на женских скелетах, а некоторые и на скелетах индивидов до 18 лет. Основная масса дефектов, связанных с рассекающим остеохондритом, сосредоточена на костях стопы (4 из 6 случаев), что отличает эту выборку от синхронной детской и подростковой серии Приуралья, в которой все дефекты приходились на коленный сустав [Куфтерин, Карапетян, 2021].

Заметим, что помимо обычных узлов Шморля, как правило множественных, у многих индивидов наблюдались крупные передние межпозвоночные грыжи (рис. 4). На наш взгляд, большинство грыж межпозвоночного диска в этой выборке имеют травматическое происхождение, а не являются манифестацией болезни Шейермана. На это указывает совместное появление таких изменений со спондилолизом и признаками спондилолистеза (погр. 2А инд. 2, погр. 5, погр. 30), деформирующим спондилезом (погр. 25), рассекающим остеохондритом (погр. 2Б, погр. 26), травмами посткраниального скелета (погр. 2А инд. 2, погр. 2Б, погр. 25, погр. 26) и кортикальными деструкциями (*stress lesions*) в области прикрепления мышц / связок пояса верхних конечностей и плеча (погр. 2А инд. 1, погр. 5, погр. 26).

Следы воспаления (инфекции?)

Поражений, характерных для специфических инфекций, в данной выборке не зафиксировано, также как и других изменений, однозначно трактуемых как проявления инфекций. Однако в ряде случаев отмечались периостальные реакции и следы воспаления, которые могут указывать как на инфекционный процесс, так и на травматическое воздействие на мягкие ткани (табл. 4). Отметим, что диагностика неспецифических инфекций на детских скелетах крайне затруднительна ввиду отсутствия критериев, отличающих «физиологический» периостит, связанный с активным процессом роста, от периостита, имеющего патологический характер [Lewis, 2018, p. 132–133]. Нами в подсчет включены только те изменения, которые по своему характеру выбивались из общей массы наблюдений.

Среди взрослых васкулярная реакция («порозные» изменения) на эктокрае наблюдалась только у двух наиболее возрастных мужчин (35–45 и старше 50 лет из погр. 28 инд. 1 и погр. 32 инд. 1 соответственно). На черепной коробке пожилого индивида, помимо выраженной васкулярной реакции на лобной, теменных и затылочной костях, наблюдалось заметное утолщение костей свода черепа. На сломе теменных и лобных костей в области наиболее выраженной пористости эктокрая видно, что свод утолщен за счет наружной пластинки. Не исключено, что наблюдаемые изменения могли быть следствием хронической инфекции. У этого же индивида наблюдаются следы инфекционного процесса зубочелюстного аппарата (абсцесс, пародонтит) и хронического воспаления в лобном и максиллярном синусах. Можно предположить, что инфекция, начавшаяся в зубочелюстном аппарате, распространилась и привела к воспалению перикраниума.

Периостальная реакция на костях посткраниального скелета отмечена только в детской выборке (до 8 лет). В основном это были длинные трубчатые кости, в одном случае – лопатка. В этой выборке также отмечены остеобластические изменения на внутренней поверхности затылочных костей – отложения грубоволокнистой костной ткани (тип В – fiber

bone) и скопление пор (тип А – inflammatory pitting [Lewis, 2018, p. 143]).

Аномалии развития скелета

Из данной категории в выборке наблюдались аномалии зон оссификации, краниосиностоз и аномалии развития зубочелюстной системы. При этом такая часто встречающаяся аномалия, как *spina bifida* (расщепление дуги позвонков), в группе взрослых не встретилась. Почти все аномалии представляют собой индивидуальные случаи. Различные вариации строения черепа, включенные в программу дискретно варьирующих признаков, обсуждались в другой публикации [Куфтерин, 2020] и здесь не затрагиваются.

Среди аномалий зон оссификации можно отметить акромиальную кость правой лопатки у женщины (инд. 2) из погребения 9 и раздвоенные медиальные клиновидные кости в стопах мужчины из погребения 28. У женщины из погребения 11 наблюдалась двусторонняя таранно-пяточная коалиция. Область сращения по периметру передних и средних суставных поверхностей гладкая, признаков предшествующего артроза, воспаления или инфекции не наблюдается ни при визуальном осмотре, ни на рентгенограмме. Все это свидетельствует в пользу врожденного характера данного дефекта, представляющего собой аномалию сегментации на эмбриональном этапе развития [Mann, Hunt, 2005].

Краниосиностоз наблюдался на черепе молодого мужчины (18–22 года) из погребения 30, заключающийся в частичном синостозе левого чешуйчатого и сагиттального шва и синостозе левого затылочно-сосцевидного шва. Данный индивид отличался также заметной асимметрией лицевого отдела черепа, некоторым смещением сагиттального шва влево относительно медианной плоскости лобной кости, асимметрией посткраниального скелета (левая плечевая кость на 7 мм длиннее правой, окружность ее головки больше на 10 мм; лопатки визуальны асимметричны).

В серии наблюдалось два случая агенезии вторых премоляров с ретенцией соответствующих молочных моляров. Это молодой мужчина из погребения 2А (инд. 1) (агенезия правого Р₂) и девушка-подросток из по-

гребения 26 (агенезия правого P₂, P² и левого P₂). В обоих случаях отсутствие закладок вторых премоляров подтверждено рентгенографически.

Еще одна аномалия, вероятно врожденного характера, наблюдалась на черепе молодой женщины из погребения 8 (инд. 1). У нее прослеживается стеноз (сужение) обоих наружных слуховых проходов (см.: [Lewis, 2018, p. 28]).

Обсуждение

В целом выборка из кургана 1 Неплюевского могильника демонстрирует сходство с материалами из других синхронных памятников Южного Урала и Самарского Поволжья [Бужилова, 2005; Куфтерин, Нечвалода, 2016; Перерва, Капинус, 2019; Куфтерин, Карапетян, 2021; Murphy, Khokhlov, 2016]. В частности, в ней довольно распространены такие маркеры физиологического стресса, как ГЭЗ и *cribra orbitalia*. Как и в других срубных и срубно-алакульских сериях региона, скелеты из данного кургана не обнаруживают изменений, характерных для специфических инфекций. В то же время на некоторых скелетах встречаются периостальные изменения, не исключаящие заболеваемость неспецифическими инфекциями, что было отмечено и на других синхронных сериях региона [Murphy, Khokhlov, 2016]. Некоторой отличительной чертой неплюевской серии является относительно высокая частота переломов костей и явное их преобладание у женщин.

В палеопатологической литературе *cribra orbitalia* и поротический гиперостоз традиционно рассматриваются как маркеры анемии в детском возрасте, вызванные такими состояниями, как дефицит железа, витамина В12, паразитарные инфекции, инфекции желудочно-кишечного тракта, наследственные формы анемии (серповидноклеточная, талассемия), и некоторыми другими [Ortner, 2003, p. 363–364; Lewis, 2018, p. 196]. Маловероятно, что среди населения срубной и алакульской культур обсуждаемого региона столь часто встречались наследственные формы анемии, которые в основном приурочены к южным регионам, где распространена малярия [Ortner, 2003, p. 364–365, 367].

Относительно высокая частота *cribra orbitalia* среди обитателей степных и лесостепных областей в позднем бронзовом веке может быть связана с употреблением этими группами в пищу рыбы – частого источника паразитарных инфекций [Walker, 1986]. В частности, присутствие рыбы в качестве одного из компонентов белковой диеты установлено в ходе исследований почвенных слоев из заполнения объектов синташтинского и срубно-алакульского времени поселения Каменный Амбар, расположенного, так же как и могильник Неплюевский, в долине р. Карагайлы-Аят. В макроостатках доминирует чешуя, в меньших количествах определяются мелкие кости и позвонки [Stobbe et al., 2013, p. 235–236, fig. 1–2]. Обогащение пищи пресноводной рыбой не исключается и по результатам изотопного анализа материалов эпохи средней и поздней бронзы региона [Ventresca Miller et al., 2014; Hanks et al., 2018].

С другой стороны, употребление преимущественно молочной продукции, а не мяса – важнейшего источника железа в рационе [Bothwell et al., 1989] могло приводить к развитию анемичных состояний, обусловленных недостатком этого микроэлемента в пище. Ее обогащение коровьим молоком само по себе могло приводить к анемичным состояниям у маленьких детей, так как, попадая в незрелую пищеварительную систему ребенка, последнее способно вызывать внутренние кровотечения [Lewis, 2018, p. 197]. Повсеместное употребление молочных продуктов в пищу у населения бронзового века степных регионов было показано недавними исследованиями содержания молочных протеинов в образцах зубного камня, в том числе на материалах Неплюевского могильника [Scott et al., 2022].

Судя по литературным данным, такие состояния, как цинга или рахит, для населения эпохи поздней бронзы Южного Урала и Самарского Поволжья не характерны [Бужилова, 2005; Куфтерин, Нечвалода, 2016; Куфтерин, Карапетян, 2021; Murphy, Khokhlov, 2016]. Лишь в одной из публикаций по материалам могильника Красносамарский IV Самарской области отмечается, что «признаки... пороза костей свода и лицевого отделов черепа, указывающие на развитие такого заболевания, как цинга... характерны для выбор-

ки непополовозрелых индивидов» [Перерва, Капинус, 2019, с. 148]. В исследованных нами материалах признаков, однозначно указывающих на цингу, не отмечено. Что касается рахита, то изменения, согласующиеся с этим диагнозом, зафиксированы только на одном скелете ребенка грудного возраста. Наблюдаемая патология у данного ребенка, скорее всего, является результатом стечения неблагоприятных обстоятельств: рождение в период низкой инсоляции, дефицит витамина D в организме матери в период внутриутробного развития, наличие у ребенка врожденных нарушений метаболизма и т. п. [Lewis, 2018, p. 209–210]. Отсутствие убедительно диагностированных случаев цинги на материалах эпохи бронзы изучаемого региона указывает на то, что питание обсуждаемых групп, скорее всего, дополнялось растительными (дикорастущими?) продуктами, богатыми витамином С. Практически полное отсутствие явных случаев рахита может быть связано, в том числе, с постоянным употреблением молочных продуктов с высоким содержанием кальция, способного частично компенсировать сезонную нехватку в витамине D [Козлов, Вершубская, 2017], и, возможно, употреблением в пищу пресноводной рыбы, в жире которой содержится определенное количество этого витамина [Козлов, Вершубская, 2019].

Интересно, что ни в одной из работ, посвященных исследованию материалов эпохи бронзы региона, не отмечено изменений, характерных для специфических инфекций [Бужилова, 2005; Ражев, Епимахов, 2005; Куфтерин, Нечвалода, 2016; Перерва, Капинус, 2019; Куфтерин, Карапетян, 2021; Murphy, Khokhlov, 2016], в том числе зоонозных – таких как бруцеллез или туберкулез³, распространенность которых ожидаема в скотоводческих группах, тесно контактирующих с одомашненными животными и употребляющих в пищу продукты животноводства. Связано ли это с низкой плотностью соответствующих патогенов в изучаемых группах, с низкой или, наоборот, высокой адаптированностью групп к взаимодействию с ними, с эффективной термической обработкой пищи – вопрос, требующий дальнейших и более углубленных исследований. Учитывая предполагаемую высокую детскую смертность, в этих коллективах, веро-

ятно, циркулировали остропротекающие или вирусные инфекции, не оставляющие следов на костях. Ранее такое допущение было сделано при анализе детских скелетов из курганов 5 и 9 могильника Неплюевский [Луайе, Шарапова, 2017, с. 105, 109]. Это подтверждается обнаружением ДНК возбудителя чумы [Spyrou et al., 2018] и вируса гепатита В [Kocher et al., 2021] в образцах зубов из памятников срубной культуры. Д.И. Ражев и А.В. Епимахов [2005], обсуждая феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы региона, не исключают распространенность в этих группах ящура – зоонозного заболевания вирусной природы, которое преимущественно поражает детей.

По характеру травм рассмотренная серия из Неплюевского могильника, с одной стороны, обнаруживает такие типичные для населения срубного времени черты, как отсутствие боевого травматизма, наличие перелома носовых костей и, скорее всего, бытовой характер травм посткраниального скелета. Наиболее часто травмируемой частью скелета оказались кости верхних конечностей, что согласуется с данными по другим синхронным выборкам. Однако в неплюевской серии процент переломов заметно выше, чем в целом по памятникам эпохи поздней бронзы Волго-Уралья, при этом большинство переломов сосредоточено на женских скелетах, что также является отличительной чертой серии. В то же время такие маркеры физического стресса (нагрузки?), как *osteochondritis dissecans*, спондиллиз и грыжи межпозвоночного диска, встречаются как на мужских, так и на женских скелетах. Отметим, что интерпретация некоторых переломов на женских скелетах неоднозначна и не исключает межличностную агрессию. В частности, травма локтевой кости у женщины из погребения 25 представляет собой типичный случай парирующего перелома [Judd et al., 2018], травма носовых костей у женщины из погребения 2А (инд. 2), скорее всего, получена при ударе в лицо, перелом угла среднего ребра у, вероятно, женщины из погребения 9 мог быть следствием как падения, так и травмы от удара тупым предметом, включая умышленный удар [Sirmali et al., 2003]. К сожалению, небольшой объем изуча-

емой выборки взрослых не позволяет говорить о том, насколько достоверны различия в характере распределения травм между мужчинами и женщинами и чем отличается эта группа от групп Волго-Уральского региона – образом жизни или более низким социальным статусом женщин.

Заключение

Приведенные результаты палеопатологического изучения индивидов из кургана 1 могут оказаться значимыми в плане гипотетических предположений появления такого кургана-кладбища. Микростратиграфия и планиграфия объектов позволяют допустить, что временной разрыв между разными захоронениями не был большим. Нами не зафиксированы случаи наложения или нарушения контуров могильных ям при возведении новых, а некоторые погребения имели общие надмогильные конструкции [Карапетян и др., 2019]. Установленные антропологическими исследованиями возможные родственные связи внутри курганной выборки [Куфтерин, 2020] также согласуются с археологическими данными об относительной синхронности исследованных погребальных комплексов.

В кургане преобладают одиночные захоронения [Карапетян и др., 2019]. Это отличает рассматриваемую выборку от материалов, например, синташтинского времени долины р. Карагайлы-Аят (Каменный Амбар 5), где велика доля коллективных детских захоронений, что может указывать на социальную селективность и существование «сакральных» эпидемий [Ражев, Епимахов, 2005]. В то же время количественное преобладание детей в изучаемой нами группе и возможные родственные связи между погребенными позволяют предположить, что одной из основных причин смертности были инфекции. Следующим зве-

ном в цепочке рассуждений является отсутствие признаков межгрупповых конфликтов, что не исключает их внутри коллектива.

Основой существования изучаемого населения являлось комплексное животноводство [Рассадников, 2016] с сопутствующими ему зоонозными инфекциями, которые, однако, на исследованных скелетах достоверно не выявляются. Реконструируемые среда обитания и система расселения позволяют полагать сравнительно высокую плотность населения [Епимахов, 2009; Булакова, Костомаров, 2020], что также может быть ассоциировано с повышенной патогенной нагрузкой среды. Археологическим проявлением этого стало возникновение больших некрополей, среди которых могильник Неплюевский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания № АААА-А19-119013090163-2 НИИ и Музея антропологии МГУ «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (М.К. Карапетян) и № 121102500121-8 Института истории и археологии УрО РАН «Древние и средневековые культуры Урала: региональные особенности в контексте глобальных процессов» (С.В. Шапарова).

The study was conducted in accordance with Russian state assignment (Grant) № АААА-А19-119013090163-2 of the Research Institute and Museum of Anthropology Lomonosov MSU (M.K. Karapetian), and № 121102500121-81 of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS (S.V. Sharapova).

² Напомним, что диагностика этого состояния требует подтверждения наличия расширения диплоэ и истончения наружной пластинки [Ortner, 2003, p. 102].

³ Речь идет о туберкулезе, вызываемом *Mycobacterium bovis*, способным преодолевать межвидовой барьер от скота к человеку и вызывать у него схожую с *M. tuberculosis* инфекцию [O'Reilly, Daborn, 1995].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Частоты встречаемости маркеров физиологического стресса на скелетах из кургана 1 Неплюевского могильника

Table 1. Frequencies of markers of physiological stress on skeletons from Neplyuevsky kurgan 1

Патологические изменения	0–18 лет		>18 лет		Всего	
	%	N	%	N	%	N
<i>Cribra orbitalia</i>	21,4	14	0,0	10	12,5	24
Другие поротические изменения в глазницах	28,6	14	40,0	10	33,3	24
ГЭЗ (I&C)	50,0	10	55,0	9	52,6	19
Цинга	0,0	14	0,0	10	0,0	24
Рахит (активный / перенесенный)	6,7	15	0,0	10	4,0	25

Таблица 2. Частоты встречаемости повреждений травматического характера на скелетах из кургана 1 Неплюевского могильника (индивидуальный счет)

Table 2. Frequencies of lesions of traumatic origin on skeletons from Neplyuevsky kurgan 1 (crude prevalence)

Локализация	<18 лет		>18 лет				Всего	
	%	N	Мужчины		Женщины		%	N
			%	N	%	N		
Прижизненные переломы костей								
Череп	0,0	14	0,0	5	20,0	5	4,2	24
Посткраниальный скелет	25,0	12	40,0	5	57,1	7	37,5	24
Другие изменения травматического характера								
<i>Osteochondritis dissecans</i>	30,0	10	40,0	5	16,0	6	28,6	21
Спондилолиз	0,0	12	33,3	3	50,0	4	15,7	19
Грыжи межпозвоночного диска	16,7	12	100,0	5	100,0	5	54,5	22
Осифицированные поднадкостничные гематомы	7,1 *	14	20,0 **	5	0,0	7	7,7	26

Примечание. * – один случай – на левой лобковой кости ребенка 3–4 лет; ** – один случай – на внутренней поверхности правой ветви нижней челюсти мужчины 18–22 лет.

Таблица 3. Частоты встречаемости переломов костей постраниального скелета на материалах из кургана 1 Неплюевского могильника (поэлементный счет)

Table 3. Frequencies of postcranial bone fractures on skeletons from Neplyuevsky kurgan 1 (true prevalence)

Локализация	<18 лет		>18 лет				Всего	
	%	N	Мужчины		Женщины		%	N
			%	N	%	N		
Ребра	0,5	194	0,0	55	1,6	61	1,0	310
Ключица	4,2	24	0,0	8	0,0	11	2,3	43
Лучевая	0,0	17	0,0	7	11,1	9	2,9	35
Локтевая	0,0	23	0,0	8	33,3	6	5,4	37
Пястные кости	0,0	52	0,0	36	8,0	25	1,8	113
Тазовые кости (<i>ilium</i>)	0,0	27	11,1	9	0,0	7	2,3	43
Большая берцовая	3,7	27	0,0	8	0,0	8	2,3	43
Кости стопы	0,0	39	3,4	28	2,9	34	1,9	105

Таблица 4. Встречаемость изменений, интерпретируемых как следы воспаления, на скелетах из кургана 1 Неплюевского могильника

Table 4. Frequencies of inflammatory lesions on skeletons from Neptyuevsky kurgan 1

Тип изменений	<18 лет		>18 лет				Всего	
	%	N	Мужчины		Женщины		%	N
			%	N	%	N		
Васкулярная реакция на черепе	7,1 *	14	40,0	5	0,0	5	12,5	24
Периостальная реакция на костях посткраниального скелета	33,3	12	0,0	5	0,0	7	12,5	24
Изменения на внутренней поверхности затылочной кости	14,3	14	0,0	5	0,0	5	8,3	24

Примечание. * – в подсчет включен случай, описанный в разделе «Маркеры физиологического стресса» и, возможно, представляющий поротический гиперостоз.

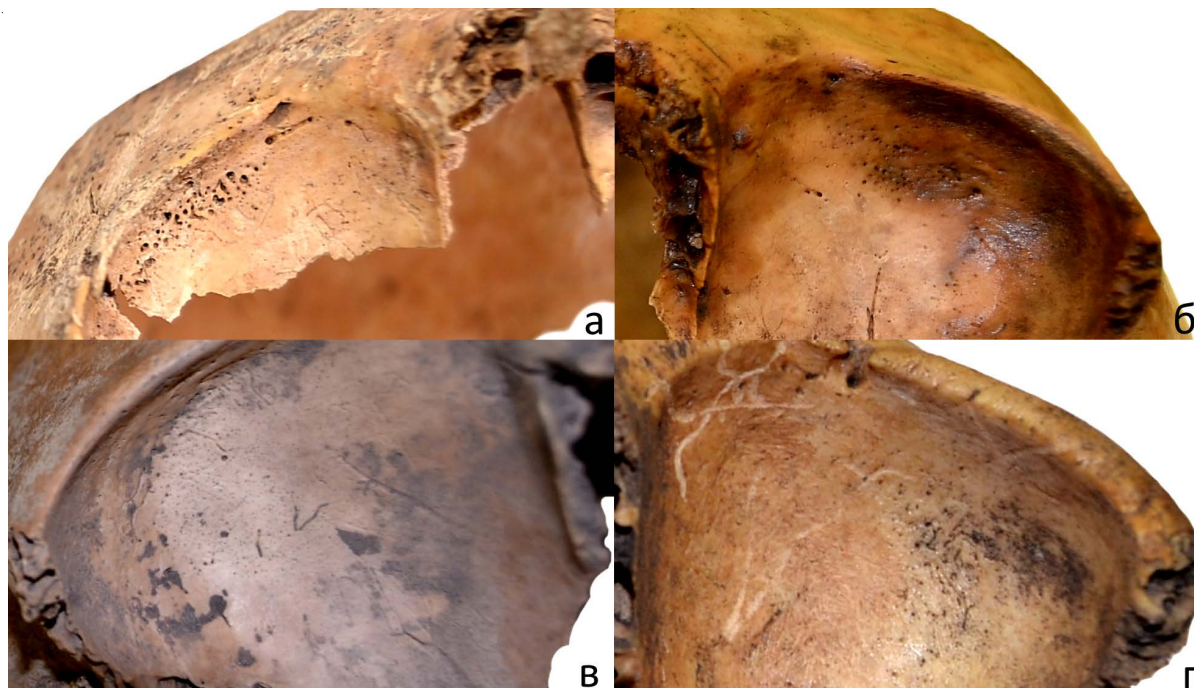

Рис. 1. Примеры поротических изменений на верхних стенках глазниц у индивидов из кургана 1 Неплюевского могильника (фото М.К. Карапетян):

- a, б – изменения, определенные как *cribra orbitalia* (балл 2 и 1 соответственно);
 в – изменения, возможно представляющие собой периостальную реакцию;
 г – изменения неустановленного характера (остаточная *cribra orbitalia* или следы от сосудов)

Fig. 1. Examples of porotic changes on the upper orbital roof in individuals from the Neptyuevsky kurgan 1 (photo by M.K. Karapetian):

- a, б – changes diagnosed as *cribra orbitalia* (score 2 and 1 respectively);
 в – possible periosteal reaction;
 г – changes of unspecified origin (healed *cribra orbitalia* or traces from vessels)

Рис. 2. Возможный случай поротического гиперостоза на эктокране ребенка 0–1,5 лет из ямы 9
(фото М.К. Карапетян)

Fig. 2. Possible case of porotic hyperostosis on the ectocranial surface of a 0–1.5 year-old child from pit 9
(photo by М.К. Karapetian)

Рис. 3. Сравнение рентгенограмм плечевых костей ребенка из ямы 6 с признаками патологического состояния (слева) и близкого по продольным размерам костей ребенка из ямы 15 (индивид 1) без признаков патологический изменений (справа).

Рентгенограммы выполнены М.К. Карапетян

Fig. 3. An X-ray of a child from pit 6 showing signs of pathological condition (to the left) compared to an X-ray of a child (skeleton 1) with similar bone dimensions from pit 15 (to the right) with no signs of pathological changes.

X-ray performed by M.K. Karapetian

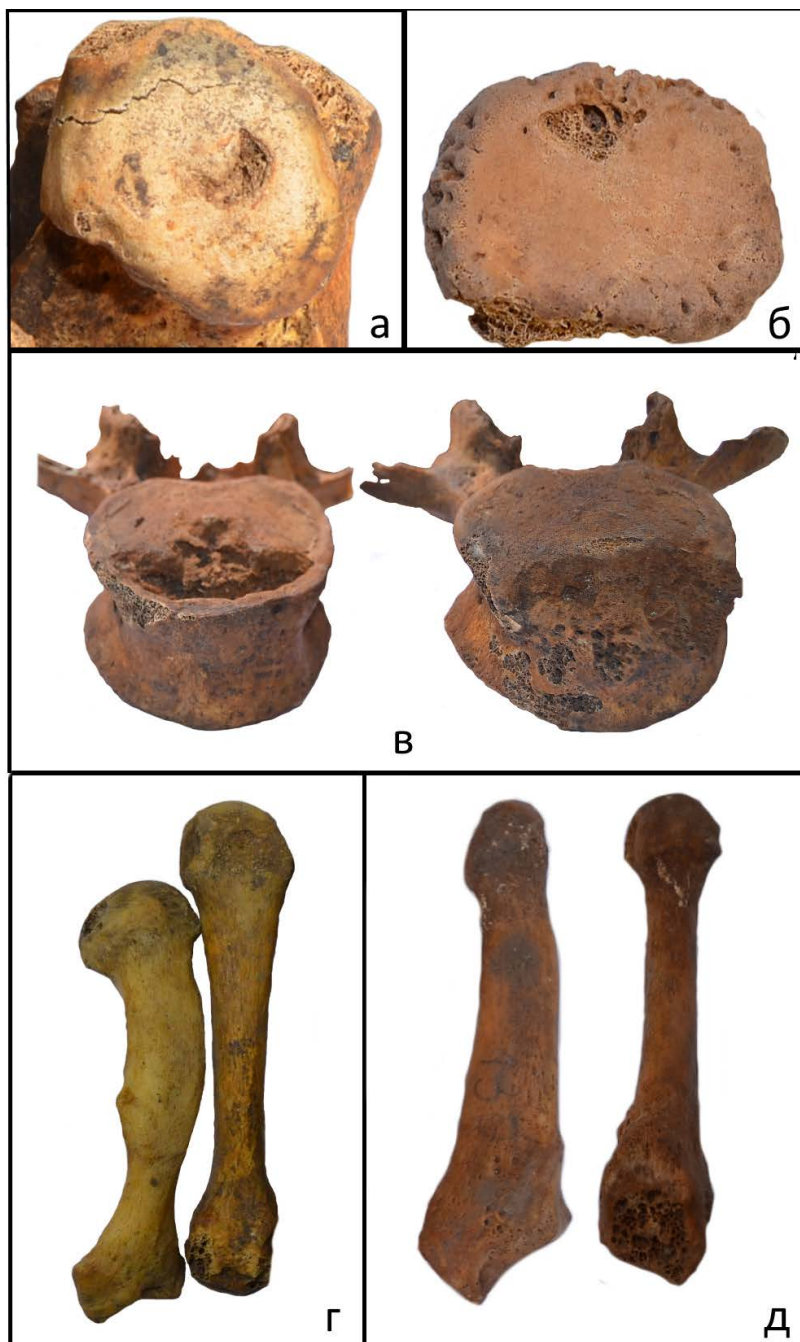

Рис. 4. Примеры изменений травматического характера на скелетах из кургана 1 Неплюевского могильника:

- а* – рассекающий остеохондрит на таранной кости мужчины 35–45 лет из погр. 28;
б – рассекающий остеохондрит на дистальном эпифизе большой берцовой кости ребенка около 5 лет из погр. 6;
в – крупные передние грыжи межпозвоночного диска на поясничных позвонках мужчины 20–30 лет из погр. 2Б;
г – следы перелома левой V пястной кости у женщины 25–35 лет из погр. 25;
д – отрывной перелом бугристости левой V плюсневой кости у мужчины 18–22 лет из погр. 30.

Фото М.К. Карапетян

Fig. 4. Examples of lesions of traumatic origin on skeletons from the Nepluyevsky kurgan 1:

- a* – *osteochondritis dissecans* on the left talus of a 35–45 year-old male from grave 28;
b – *osteochondritis dissecans* on the distal epiphysis of the tibia in a 5 year-old child from grave 6;
в – traces of large anterior intervertebral disc hernia on lumbar vertebrae of a 20–30 year-old male from grave 2Б;
г – a healed fracture of the 5th left metacarpal in a 25–35 years old female from grave 25;
д – an avulsion fracture of the 5th left metatarsal in an 18–22 year-old male from grave 30.

Photos by M.K. Karapetian

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бужилова А. П., 2005. Характеристика здоровья населения // Черных Е. Н. Некрополи на Каргалах. Население Каргалов : Палеоантропологические исследования. М. : Языки славянской культуры. С. 171–176.
- Булакова Е. А., Костомаров В. М., 2020. Структура расселения в долине р. Карагайлы-Аят в эпоху бронзы (по материалам археологических памятников) // Уральский исторический вестник. Т. 67, № 2. С. 35–44. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2\(67\)-35-44](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2(67)-35-44)
- Епимахов А. В., 2009. Бронзовый век Южного Урала: экономическая стабильность и социальная динамика // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (23). С. 180–202.
- Карапетян М. К., Шарапова С. В., Якимов А. С., 2019. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. Т. 62, № 1. С. 28–37. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-28-3](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-28-3)
- Козлов А. И., Вершубская Г. Г., 2017. D-витаминный статус и персистенция лактазы в европейских популяциях (обзор литературы с элементами мета-анализа) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 68–75.
- Козлов А. И., Вершубская Г. Г., 2019. 25-гидроксивитамин D в различных группах населения севера России // Физиология человека. Т. 45, № 5. С. 125–136.
- Кузнецов П. Ф., Хохлов А. А., 1998. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона (возможности анализа и интерпретации) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе : материалы Междунар. конф. СПб. : Гос. Эрмитаж. С. 31–33.
- Куфтерин В. В., 2020. Дискретные признаки на черепках из кургана 1 Неплюевского могильника и некоторые проблемы внутригруппового анализа фенетических данных // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 1. С. 123–136.
- Куфтерин В. В., Карапетян М. К., 2021. Палеопатологические индикаторы «качества жизни» детей срубного времени Южного Приуралья // Уральский исторический вестник. Т. 70, № 1. С. 150–159. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-150-159](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-150-159)
- Куфтерин В. В., Нечвалода А. И., 2016. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Т. 35, № 4. С. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089>
- Луайе Ж., Шарапова С. В., 2017. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // Уральский исторический вестник. Т. 54, № 1. С. 103–112.
- Медникова М. Б., 2017. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М. : Ин-т археологии РАН. 223 с.
- Перерва Е. В., 2020. Травматизм населения бронзового века Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 236–255. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.16>
- Перерва Е. В., Капинус Ю. О., 2019. Палеопатологические особенности населения эпохи поздней бронзы по антропологическим материалам из могильников в окрестностях села Красносамарское Самарской области // Самарский научный вестник. Т. 29, № 4. С. 144–153.
- Ражев Д. И., Епимахов А. В., 2004. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 5. С. 107–113.
- Рассадников А. Ю., 2016. Система мясного питания древнего населения позднего бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим материалам) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 16, № 1. С. 110–115.
- Синева И. М., 2013. Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности : дис. ... канд. биол. наук. М. 185 с.
- Файзуллин И. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., 2021. Гончарное производство срубной культуры Предуралья по материалам курганного могильника I у села Твердилово // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.1>
- Хохлов А. А., Китов Е. П., 2019. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // Stratum plus. № 2. С. 267–280.

- Шарпаова С. В., 2017. Отчет о раскопках могильника Неплюевский в Карталинском районе Челябинской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. P. 1.
- Bothwell T. H., Baynes R. S., Macfarlane B. J., Macphail A. P., 1989. Nutritional Iron Requirements and Food Iron Absorption // *Journal of Internal Medicine*. Vol. 226, № 5. P. 357–365.
- Brickley M., Ives R., 2008. *The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease*. San Diego : Elsevier Academic Press. 350 p.
- D'Angelo del Campo M. D., Suby J. A., García-Laborde P., Guichón R. A., 2017. Spondylolysis in the Past: A Case Study of Hunter-Gatherers from Southern Patagonia // *International Journal of Paleopathology*. Vol. 19. P. 1–17. DOI : <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2017.07.001>
- Hanks B. K., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K., 2018. Bronze Age Diet and Economy : New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 97. P. 14–25.
- Judd M. A., Walker J. L., Ventresca Miller A., Razhev D., Epimakhov A. V., Hanks B. K., 2018. Life in the Fast Lane: Settled Pastoralism in the Central Eurasian Steppe During the Middle Bronze Age // *American Journal of Human Biology*. Vol. 30, № 4. P. e23129. DOI: 10.1002/ajhb.23129
- Kaplan B., Rabinerson D., Avrech O.M., Carmi N., Steinberg D. M., Merlob P., 1998. Fracture of the Clavicle in the Newborn Following Normal Labor and Delivery // *International Journal Gynaecology & Obstetrics*. Vol. 63, № 1. P. 15–20
- Karapetian M. K., Kufterin V. V., Chaplygin M. S., Starodubtsev M. V., Bakhshiev I. I., 2021. Exploring Dietary Practices in Non-Adults of the Late Bronze Age Southern Urals: A Perspective from Dental Attributes // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 31, № 6. P. 1046–1056. DOI: <https://doi.org/10.1002/oa.3017>
- Kocher A., Papac L., Barquera R., Key F. M., Spyrou M. A. et al., 2021. Ten Millennia of Hepatitis B Virus Evolution // *Science*. Vol. 374, № 6564. P. 182–188. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.abi5658>
- Lewis M., 2018. *Paleopathology of Children: Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. London : Academic Press. 300 p.
- Mann R. W., Hunt D. R., 2005. *Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton*. Springfield : Charles C. Thomas Publ. 297 p.
- Murphy E. M., Khokhlov A. A., 2016. A Bioarchaeological Study of the Prehistoric Populations from the Volga Region // Anthony D. W., Brown D. R., Mochalov O. D., Khokhlov A. A., Kuznetsov P. F. *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes: The Samara Valley Project*. Los Angeles : Cotsen Institute of Archaeology Press, UCLA. P. 149–216.
- O'Reilly L. M., Daborn C. J., 1995. The Epidemiology of Mycobacterium Bovis Infections in Animals and Man: A Review // *Tubercle and Lung Disease*. Vol. 76, Suppl. 1. P. 1–46. DOI: [http://doi.org/10.1016/0962-8479\(95\)90591-x](http://doi.org/10.1016/0962-8479(95)90591-x)
- Ortner D. J., 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego : Academic Press. 664 p.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. *Juvenile Osteology: A Laboratory and Field Manual*. London : Academic Press. 384 p.
- Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A., Belinskiy A. et al., 2022. Emergence and Intensification of Dairying in the Caucasus and Eurasian Steppes // *Nature Ecology & Evolution*. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41559-022-01701-6>
- Sirmali M., Türüt H., Topçu S., Gülhan E., Yazici U., Kaya S., Taştepe I., 2003. A Comprehensive Analysis of Traumatic Rib Fractures: Morbidity, Mortality and Management // *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*. Vol. 24, № 1. P. 133–138. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1010-7940\(03\)00256-2](https://doi.org/10.1016/S1010-7940(03)00256-2)
- Spyrou M. A., Tuxhatova R. I., Wang C. C., Valtuena A. A., Lankapalli A. K., Kondrashin V. V., Tsybin V. A., Khokhlov A., Kühnert D., Herbig A., Bos K. I., Krause J., 2018. Analysis of 3800-year-old Yersinia Pestis Genomes Suggests Bronze Age Origin for Bubonic Plague // *Nature Communications*. Vol. 9, art. 2234. DOI: <http://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-9>
- Stobbe A., Rühl L., Nekrasov A., Kosintsev P., 2013. Fish – an Important Dietary Component in the Settlement of Kamennyi Ambar // Krause R., Koryakova L. N. *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 233–237.
- Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M., 2014. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of

Populations Spanning the Bronze Age Transition // Journal of Archaeological Science. Vol. 42. P. 525–538.
DOI: <https://doi.org/10.1016/J.JAS.2013.11.012>

Walker P. L., 1986. Porotic Hyperostosis in a Marine-Dependent California Indian Population // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 69, № 3. P. 345–354. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.1330690307>

White T. D., Folkens P. A., 2005. The Human Bone Manual. Burlington : Elsevier Academic Press. 488 p.

REFERENCES

Buzhilova A.P., 2005. Kharakteristika zdorov'ya naseleniya [Health Level Reconstruction]. Chernykh E.N. *Nekropoli na Kargalakh. Naselenie Kargalov: Paleoantropologicheskie issledovaniia* [Kargaly' Necropolis. Kargaly Population: Paleoanthropological Investigations]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., pp. 171-176.

Bulakova E.A., Kostomarov V.M., 2020. Struktura rasseleniya v doline r. Karagaily-Ayyat v epokhu bronzy (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov) [Settlement Structure of the Kargaily-Ayat River Valley in the Bronze Age (on the Materials of Archaeological Sites)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], vol. 67, no. 2, pp. 35-44. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2\(67\)-35-44](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2(67)-35-44)

Epimakhov A.V., 2009. Bronzovy vek Yuzhnogo Urala: ekonomicheskaya stabil'nost' i sotsial'naya dinamika [Bronze Age of the Southern Trans-Urals: Economic Stability and Social Dynamics]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], vol. 1 (23), pp. 180-202.

Karapetian M.K., Sharapova S.V., Yakimov A.S., 2019. Materialy k kharakteristike naseleniya epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya [New Data on Lifestyle of the Population During the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], vol. 62, no. 1, pp. 28-37. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-28-37](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-28-37)

Kozlov A.I., Vershubskaya G.G., 2017. D-vitaminnyy status i persistentsiya laktazy v evropejskikh populiatsiyakh (obzor literatury s elementami meta-analiza) [D-Vitamin Status and Lactase Persistence in European Populations (Review with the Elements of Meta-Analysis)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin. Series XXIII. Anthropology], no. 3, pp. 68-75.

Kozlov A.I., Vershubsky G.G., 2019. 25-gidroksivitamin D v razlichnykh gruppakh naseleniya severa Rossii [Systematic Review of Vitamin D Levels in Various Populations of the Russian North]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], vol. 45, no. 5, pp. 125-136.

Kuznetsov P.F., Khokhlov A.A., 1998. Sledy travmaticheskikh povrezhdeniy ludej po materialam pogrebenij epokhi bronzy Volgo-Ural'skogo regiona (vozmozhnosti analiza i interpretatsii) [Traces of Traumatic Injuries Based on the Human Bronze Age Materials from Volga-Ural Region (Possibilities of Analysis and Interpretation)]. *Voennaya arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsial'noy perspektive: materialy Mezhdunar. konf.* [Military Archaeology. Weapons and Military Affairs in Historical and Social Perspective. Proceedings of the International Conference]. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum, pp. 31-33.

Kufterin V.V., 2020. Diskretnye priznaki na cherepakh iz kurgana 1 Nepliyevskogo mogil'nika i nekotorye problemy vnutrigruppovogo analiza feneticheskikh dannyx [Non-Metric Traits in Cranial Sample from Nepliyevsky Cemetery (Kurgan 1) and Some Aspects of Intra-Group Analysis of Phenetic Data]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin. Series XXIII. Anthropology], no. 1, pp. 123-136.

Kufterin V.V., Karapetian M.K., 2021. Paleopatologicheskie indikatory «kachestva zhizni» detej srubnogo vremeni Yuzhnogo Priural'ya [Paleopathology and “Quality of Life” of Non-Adults from the Srubnaya Culture Cemeteries of Southern Ural]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], vol. 70, no. 1, pp. 150-159. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-150-159](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-150-159)

Kufterin V.V., Nechvaloda A.I., 2016. Antropologicheskoe issledovanie skeletov iz srubno-alakul'skogo kurgana Selivanovskogo II mogil'nika [Bioanthropological Research of Human Skeletal Remains from the Srubno-Alakul Mound at Selivanovka II Cemetery (Southern Trans-Urals)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Archaeology, Anthropology and Ethnography Bulletin], vol. 35, no. 4, pp. 79-89. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089>

Loyer J., Sharapova S.V., 2017. Paleopatologii detej iz pogrebenij bronzovogo veka (na primere mogil'nika Nepliyevskiy) [Paleopathological Study of the Bronze Age Children's Burials (the Nepliyevsky Case Study)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], vol. 54, no. 1, pp. 103-112.

- Mednikova M.B., 2017. *Bioarkheologiya detstva v kontekste rannezemel'del'cheskikh kul'tur Balkan, Kavkaza i Blizhnego Vostoka* [Bioarchaeology of Infancy in Context of the Early Agricultural Cultures of Balkans, Caucasus and Near East]. Moscow, IAS RAS. 223 p.
- Pererva E.V., 2020. Travmatizm naseleniya bronzovogo veka Nizhnego Povolzh'ia [Injury Rate of the Bronze Age Population from the Lower Volga Area]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 236-255. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.16>
- Pererva E.V., Kapinus Yu.O., 2019. Paleopatologicheskie osobennosti naseleniya epokhi pozdnej bronzy po antropologicheskim materialam iz mogil'nikov v okrestnostiakh sela Krasnosamarskoe Samarskoy oblasti [Paleopathological Features of the Late Bronze Age Population: Anthropological Skeletal Materials Excavated from Burial Grounds near the Village of Krasnosamarskoye, Samara Region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 29, no. 4, pp. 144-153.
- Razhev D.I., Epimakhov A.V., 2004. Fenomen mnogochislennosti detskikh pogrebeniy v mogil'nikakh epokhi bronzy [Phenomenon of Multiplicity of Children's Burials in Burial Grounds of the Bronze Age]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 5, pp. 107-113.
- Rassadnikov A.Yu., 2016. Sistema myasnogo pitaniya drevnego naseleniya pozdnego bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya (po akheozoologicheskim dannym) [Meat Supply System of the Late Bronze Age Population of the Southern Trans-Urals (by Archaeozoological Materials)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnyye nauki»* [Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and the Humanities], vol. 18, no. 1, pp. 110-115.
- Sineva I.M., 2013. *Opredelenie polovoy prinadlezhnosti v paleoantropologicheskikh issledovaniyakh kostey verkhney i nizhney konechnosti: dis. ... kand. biol. nauk* [Sex Estimation in Bioarchaeological Studies of Bones of Upper and Lower Extremities. Cand. biol. sci. diss.]. Moscow. 185 p.
- Fayzullin I.A., Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I., 2021. Goncharnoe proizvodstvo srubnoy kul'tury Predural'ya po materialam kurgannogo mogil'nika I u sela Tverdilovo [The Ceramics Production of the Cis-Ural Srubnaya Culture: A Case Study of the Kurgan Cemetery I Near Tverdilovo Village]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 8-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.1>
- Khokhlov A.A., Kitov E.P., 2019. Defekty travmaticheskogo proiskhozhdeniya na paleoantropologicheskikh materialakh epokhi rannego metalla Volgo-Ural'ya [Traumagenic Defects in the Early Metal Age Human Osseous Sample from the Volga-Urals Region]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 267-280.
- Sharapova S.V., 2017. Otchet o raskopkah mogil'nika Neplyueskiy v Kartalinskom rayone Chelyabinskoy oblasti v 2017 g. [Report on Archaeological Excavation of the Neplyuevsky Cemetery in Kartaly District of Chelyabinsk Region in 2017]. *Arkhiv IA RAN*. P-1.
- Bothwell T.H., Baynes R.S., Macfarlane B.J., Macphail A.P., 1989. Nutritional Iron Requirements and Food Iron Absorption. *Journal of Internal Medicine*, vol. 226, no. 5, pp. 357-365.
- Brickley M., Ives R., 2008. *The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease*. San Diego, Elsevier Academic Press. 350 p.
- D'Angelo del Campo M.D., Suby J.A., Garcia-Laborde P., Guichón R.A., 2017. Spondylolysis in the Past: A Case Study of Hunter-Gatherers from Southern Patagonia. *International Journal of Paleopathology*, vol. 19, pp. 1-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2017.07.001>
- Hanks B.K., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K., 2018. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC). *Journal of Archaeological Science*, vol. 97, pp. 14-25.
- Judd M.A., Walker J.L., Ventresca Miller A., Razhev D., Epimakhov A.V., Hanks B.K., 2018. Life in the Fast Lane: Settled Pastoralism in the Central Eurasian Steppe During the Middle Bronze Age. *American Journal of Human Biology*, vol. 30, no. 4, p. e23129. DOI: [10.1002/ajhb.23129](https://doi.org/10.1002/ajhb.23129)
- Kaplan B., Rabinerson D., Avrech O.M., Carmi N., Steinberg D.M., Merlob P., 1998. Fracture of the Clavicle in the Newborn Following Normal Labor and Delivery. *International Journal Gynaecology & Obstetrics*, vol. 63, no. 1, pp. 15-20
- Karapetian M.K., Kufterin V.V., Chaplygin M.S., Starodubtsev M.V., Bakhshiev I.I., 2021. Exploring Dietary Practices in Non-Adults of the Late Bronze Age Southern Urals: A Perspective from Dental Attributes. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 31, no. 6, pp. 1046-1056. DOI: <https://doi.org/10.1002/oa.3017>

- Kocher A., Papac L., Barquera R., Key F.M., Spyrou M.A. et al., 2021. Ten Millennia of Hepatitis B Virus Evolution. *Science*, vol. 374, no. 6564, pp. 182-188. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.abi5658>
- Lewis M., 2018. *Paleopathology of Children: Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. London, Academic Press. 300 p.
- Mann R.W., Hunt D.R., 2005. *Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton*. Springfield, Charles C. Thomas Publ. 297 p.
- Murphy E.M., Khokhlov A.A., 2016. A Bioarchaeological Study of the Prehistoric Populations from the Volga Region. Anthony D.W., Brown D.R., Mochalov O.D., Khokhlov A.A., Kuznetsov P.F. *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes: The Samara Valley Project*. Los Angeles, Cotsen Institute of Archaeology Press, UCLA, pp. 149-216.
- O'Reilly L.M., Daborn C.J., 1995. The Epidemiology of Mycobacterium Bovis Infections in Animals and Man: A Review. *Tubercle and Lung Disease*, vol. 76, suppl. 1, pp. 1-46. DOI: [http://doi.org/10.1016/0962-8479\(95\)90591-x](http://doi.org/10.1016/0962-8479(95)90591-x)
- Ortner D.J., 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego, Academic Press. 664 p.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. *Juvenile Osteology: A Laboratory and Field Manual*. London, Academic Press. 384 p.
- Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A., Belinskiy A. et al., 2022. Emergence and Intensification of Dairying in the Caucasus and Eurasian Steppes. *Nature Ecology & Evolution*. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41559-022-01701-6>
- Sirmali M., Türüt H., Topçu S., Gülhan E., Yazici U., Kaya S., Taştepe I., 2003. A Comprehensive Analysis of Traumatic Rib Fractures: Morbidity, Mortality and Management. *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*, vol. 24, no 1, pp. 133-138. URL: [https://doi.org/10.1016/S1010-7940\(03\)00256-2](https://doi.org/10.1016/S1010-7940(03)00256-2)
- Spyrou M.A., Tikhbatova R.I., Wang C.C., Valtuena A.A., Lankapalli A.K., Kondrashin V.V., Tsybin V.A., Khokhlov A., Kühnert D., Herbig A., Bos K.I., Krause J., 2018. Analysis of 3800-year-old Yersinia Pestis Genomes Suggests Bronze Age Origin for Bubonic Plague. *Nature Communications*, vol. 9, art. 2234. DOI: <http://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-9>
- Stobbe A., Rühl L., Nekrasov A., Kosintsev P., 2013 Fish – an Important Dietary Component in the Settlement of Kamennyi Ambar. Krause R., Koryakova L. N. *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, pp. 233-237.
- Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M., 2014. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of Populations Spanning the Bronze Age Transition. *Journal of Archaeological Science*, vol. 42, pp. 525-538. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.JAS.2013.11.012>
- Walker P.L., 1986. Porotic Hyperostosis in a Marine-Dependent California Indian Population. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 69, no. 3, pp. 345-354. DOI: <http://doi.org/10.1002/ajpa.1330690307>
- White T.D., Folkens P.A., 2005. *The Human Bone Manual*. Burlington, Elsevier Academic Press. 488 p.

Information About the Authors

Marina K. Karapetian, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Research Institute and Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11/1, 125009 Moscow, Russian Federation, marishkakar@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1886-8943>

Svetlana V. Sharapova, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Информация об авторах

Марина Кареновна Карапетян, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11/1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, marishkakar@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1886-8943>

Светлана Владимировна Шарпова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург, Российская Федерация, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.7>

UDC 903'1:903.227

LBC 63.442.7(235.7)-411

Submitted: 21.01.2022

Accepted: 26.09.2022

A NEW FIND OF A LONG SCYTHIAN SWORD WITH A GOLDEN HILT LINING¹

Sergey I. Lukyashko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. In 2019, a long iron sword with a golden hilt was found in a kurgan near the village of Vysochino, near the city of Azov. On the pommel of the sword hilt was a stylized image of a bird of prey. This type of sword was named the Solokha type, after the first find in the Solokha mound. The published find is confidently dated by the five amphorae found in the burial to the early 4th century BC. Swords with eagle-headed finials appear as early as the 6th century BC in the Central Asian region. Here they are made in a realistic manner. In the 5th–4th centuries BC, this type of products penetrated into European Scythia. At the same time, realism is lost, images of bird heads are schematized. The characteristic detail of the image of a large round eye is lost. The pommel turns into a claw-like one. The change of the semantic meaning of the finial: in the archaic period of the Scythian culture, which had a phallic expression to an ornithomorphic one, indicates a change in ideological ideas. New ideas were brought with them by a new wave of migrants from Central Asia at the turn of the 6th–5th centuries BC.

Key words: Scythians, armament, sword, handle lining, semantics.

Citation. Lukyashko S.I., 2022. Novaya nahodka dlinnogo skifskogo mecha s zolotoy obkladkoy rukoyati [A New Find of a Long Scythian Sword with a Golden Hilt Lining]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 120–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.7>

УДК 903'1:903.227

ББК 63.442.7(235.7)-411

Дата поступления статьи: 21.01.2022

Дата принятия статьи: 26.09.2022

НОВАЯ НАХОДКА ДЛИННОГО СКИФСКОГО МЕЧА С ЗОЛОТОЙ ОБКЛАДКОЙ РУКОЯТИ¹

Сергей Иванович Лукьяшко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В 2019 г. в кургане у с. Высочино близ г. Азова в погребении воина был обнаружен длинный железный меч с золотой обкладкой рукояти. На навершии рукояти меча было стилизованное изображение хищной птицы. Этот тип меча получил название тип Солоха, по первой находке в кургане Солоха. Публикуемая находка уверенно датируется по пяти амфорам, обнаруженным в погребении, ранним IV в. до н.э. Мечи с орлиноголовыми навершиями появляются еще в VI в. до н.э. в центральноазиатском регионе. Там они изготовливались в реалистической манере. В V–IV вв. до н.э. этот тип изделий проникает в Европейскую Скифию. При этом утрачивается реализм, изображения птичьих голов схематизируются. Утрачивается характерная деталь образа – крупный круглый глаз. Навершие превращается в когтевидное. Смена семантического значения навершия, в архаический период скифской культуры имевшее фаллическое выражение, на орнитоморфное свидетельствует об изменении мировоззренческих идей, которые принесла с собой новая волна мигрантов из Центральной Азии на рубеже VI–V вв. до н.э.

Ключевые слова: скифы, вооружение, меч, обкладка рукояти, семантика.

Цитирование. Лукьяшко С. И., 2022. Новая находка длинного скифского меча с золотой обкладкой рукояти // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 120–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.7>

В погребении скифского времени у с. Высочино (мог. Высочино-IX, кург. 1, погр. 4) был обнаружен хорошей сохранности длинный меч с антенным навершием, ложно-треугольным перекрестием в деревянных ножнах и с рукоятью, обложенной золотыми пластинами (рис. 1,1). Погребение уверенно датируется пятью амфорами и расписным греческим лекифом ранним IV в. до н.э.²

Мечи такого облика были выделены в самостоятельный тип (тип Солоха) Д.А. Топалом [Топал, 2015, с. 198–207], сравнительно недавно охарактеризованы, датированы и представлены в репрезентативной выборке. Рассматриваемый экземпляр уточняет детали технологии изготовления и семантики художественного оформления рукояти.

Рассматриваемый железный меч имеет узкое бабочковидное перекрестие и антенное навершие. Рукоять плакирована золотом. По золотой обкладке нанесен геометрический орнамент. Золотом обложена и верхняя часть клинка.

Клинок равномерно суживается к окончанию, клиновидный, линзовидный в сечении. Ширина у пяты 6,9 см, длина клинка 75 см, длина рукояти 16,5 см. Ширина рукояти в средней части 4,7 см, ширина перекрестия 10 см, навершие 7,8 см. Меч находился в деревянных ножнах. Клинок плоско раскован у рукояти, толщина 1,5 см. В центральной части клинок утолщается до 2 см, вероятно, за счет сохранившихся остатков деревянных ножен.

Железное перекрестие, ложно-треугольное, вероятно, изготовлено отдельно от меча по выкройке, затем согнуто по одному краю, надето на рукоять и пяту. Место стыка выкройки соединено методом кузнечной сварки. В результате у таких перекрестий один край округлый, а прокованный уплощен и отличается угловатостью. Этот технологический прием наблюдался автором данной статьи на мечах из Елизаветовского могильника [Лукьяшко, 2014, с. 243].

Навершие отковано вместе с клинком и рукоятью. При этом волютам изначально придавалась орлиноголовая форма. Волюты соединялись, касаясь друг друга. Никакой перекладины между ними не было.

Рукоять меча обложена двумя золотыми пластинами с обеих сторон. Обе пласти-

ны выкроены по форме рукояти (рис. 2). Края были загнуты на середине торца рукояти, обжимая ее. Размеры: ширина на рукояти 3,5 см. Обкладка навершия и перекрестия выкроены вместе с полосой рукояти. Одна из пластин выкроена с большим напуском на торцы. Она перекрывала вторую пластину и обжимала ее. На перекрестии в месте стыка золотых пластин заметны следы пайки (рис. 3,1). Орнамент на накладках был оттиснут и доработан чеканом. На тыльную сторону пластин была нанесена клейкая паста, заполнившая пустоты. Затем золотые пластины были наложены на рукоять и обжаты напусками. Таким образом, пластины накладки были обжаты по профилю рукояти и спаяны между собой, что обеспечивало плотность посадки.

На плоскостях клинков мечей типа Солоха фиксировались нервюры [Топал, 2017, рис. 20, 21,10, 22,1,3,4,6,7]. На представляемом экземпляре из Высочино нервюры обозначены на золотой накладке у пяты (рис. 3).

Навершие представляет собой сильно стилизованные головы грифонов, обращенные клювами друг к другу (рис. 2). Очень выразительно переданы глаза кругами с точкой в центре. Между кругами глаз оттиснута полоса, соединяющая их. В этой ситуации использован собственно скифский прием изображения объекта в фас, через спаренные профильные изображения.

Аналогичное оформление наверший рукояти известно в Скифии. В качестве примера можно привести навершие меча из Великой Белозерки (рис. 1,2) [Топал, 2015, рис. 2,3]. А.И. Мелюкова отличала мечи с орлиноголовыми навершиями от мечей с когтевидным навершием [Мелюкова, 1964, с. 55]. К сожалению, этот принцип повсеместно нарушается. Закругленные волюты на сильно измененных коррозией экземплярах часто произвольно относятся к солохинскому типу. Вероятно, здесь должен быть установлен жесткий критерий. При наличии круглых значков, обозначающих глаза птицы, можно говорить о орлиноголовости. Отсутствие глазниц может переводить навершие в разряд когтевидных наверший. Это семантически близкие детали, но при этом следует видеть процесс переосмысления выражения идеи. Появление птицы на навершии может соотноситься с вертикаль-

ной проекцией мира, где птица на вершине мирового древа маркировала пространство верхнего мира.

Принципиальным представляется тема возникновения этого типа наверший. На раннем этапе изучения явления «антенных наверший» Э. Ленц [Ленц, 1905, с. 62], Э. Миннс [Minns, 1913, p. 70], а позднее М.И. Ростовцев [Ростовцев, 1918, с. 58] и В. Гинтерс [Ginters, 1928, S. 40] обращали внимание на удивительную схожесть этих наверший с образцами эпохи поздней бронзы и гальштата в Средней Европе. Из этого посыла возникла гипотеза, что антенное или когтевидное оформление навершия – производное от гальштатских образцов и, таким образом, имеет своими истоками западноевропейские идеи.

Недавнее специальное исследование темы Д.А. Топалом [Топал, 2017] привело к противоположным выводам. Результаты наблюдений ученого, которые автор данной статьи полностью разделяет, сводятся к следующему:

1. Время появления антенных наверший – VII в. до н.э., но широкого распространения этот вид оформления рукояти не получил и был забыт до тех пор, пока не проявилось влияние восточного очага культурогенеза, принесшего с собой орлиноголовое оформление наверший.

2. «Суммируя хронологические наблюдения можно заключить, что “грифовые” кинжалы появляются на широких пространствах скифского мира не ранее середины VI в. до н.э. и известны еще около столетия. При этом самые поздние экземпляры, датированные V или даже IV в. до н.э. оказываются парадными формами, для которых обычно характерно некоторое запаздывание. Парадные формы, что интересно, связаны с тремя регионами: Волго-Уральским, Семиреченским и Южно-Сибирским» [Топал, 2017, с. 310].

3. «...Определить источник такой инновации как “грифовые” навершия непросто. ...решить вопрос с китайской прародиной... не представляется возможным. Крайнюю западную периферию в виде Волго-Уралья можно рассматривать как источник дальнейшей эволюции грифовых кинжалов и их последующего проникновения в Причерноморье и Подунавье. Семиречье... также отпадает.

Вероятнее всего, роль исходной территории, где формировались каноны изображения и морфология грифового кинжала, более всего подходит центральноазиатскому источнику культурогенеза, включающего Алтай, Туву и Хакасско-Минусинскую котловину» [Топал, 2017, с. 310–311].

Исследовавший мечи этого типа в Западной Сибири Я.В. Фролов обратил внимание на распространение их в Обь-Иртышском междуречье. При этом здесь навершия такого типа встречаются на экземплярах с архаичным почковидным перекрестием, то есть они древнейшие в серии [Фролов, 2016]. В восточном регионе сохраняется линия реалистичного исполнения наверший, в то время как на западе прослеживается стилизация и схематизация, которая приводит к деградации образа и превращению орлиноголовых наверший в «когтевидные» и «когтевидные с перекладиной». Таким образом, по мнению исследователя, навершия с ушастым орлиноголовым грифоном имеют восточное происхождение, а смещаясь к западу, идея деградирует, утрачивается ее содержание, и происходит превращение навершия в когтевидное, а затем и в антенное.

Представляемый тип меча предложили называть типом Солоха по эпонимной первой находке меча в кургане Солоха. Термин закрепился и, хотя он не отражает сути явления, с ним можно согласиться.

Исследование этого типа привело к установлению датировки его существования в рамках конца V – начала IV в. до н.э. Д.А. Топал считает, что этот тип навершия сформировался на рубеже VI–V вв. до н.э. и существовал до конца IV в. до н.э.

Существует мнение, что так называемые парадные мечи с рукоятями, обложенными золотыми пластинами, плакировались для погребения, так как практического смысла в плакировке не было, плакировка не держалась прочно на рукояти, следов потертости и эксплуатации такие рукояти не имеют.

Однако можно не согласиться с этим мнением. Данные выводы не обязательно будут распространяться на весь круг изделий этого типа, но применительно к донскому предмету этот вывод не относится. Следует отметить, что при реставрации золотые наклад-

ки снимались, и под ними удалось проследить следующие особенности:

1. Навершие не накладное, а отковано вместе с рукоятью.

2. Перекрестие было накладным. Оно оборачивало пята и основание стержня рукояти и сваривалось методом кузнечной сварки по одному краю.

3. Золотые накладки – это не фольга, это пластины толщиной 0,5–0,8 мм, которые были посажены на пасту и плотно обжимали рукоять. Общий вес золота 40 г.

Все это позволяет утверждать, что меч, может быть, и не был боевым, но как парадный, знаковый, функционировал. Обращает на себя внимание то, что в ряде эпизодов такие мечи находили воткнутыми в пол или стену могильной ямы (см., например: южную нишу второй гробницы кургана Чертомлык [Алексеев и др., 1991; Болтрик, 1978]). Вонзенный меч имеет символическое значение. Вспомним легендарный Эскалибур – меч короля Артура, вонзенный в камень. Для того чтобы обладать таким мечом, его необходимо было добыть, то есть доказать свое право на обладание вещью.

Необходимо отметить, что такие знаковые предметы, за которыми закреплялись даже собственные имена, были фетишами и после смерти владельца так же умерщвлялись. Тот же Эскалибур заброшен в озеро. В нашей ситуации несколько грифоноголовых мечей были обнаружены согнутыми. Помещение сакрального атрибута – меча в погребение может рассматриваться как ритуальное умерщвление. Эти наблюдения касаются всего круга мечей с золотыми рукоятями. Безусловная, знаковая природа этих предметов выделяла владельца из окружения и служила символом принадлежности к определенной социальной или воинской категории.

Мечи типа Солоха встречаются и на савроматской территории. К.Ф. Смирнов считал, что они поступали на Волгу из Нижнего Дона [Смирнов, 1961, с. 21].

«Погребения с мечами типа Солоха тяготеют к двум основным районам: междуречью Днестра и Северского Донца и Приуралья» [Топал, 2017, с. 322]. Центром их производства И.Б. Шрамко считала Бельское городище [Шрамко, 1992, с. 222].

Древнейшие образцы мечей типа Солоха фиксируются в Левобережной лесостепной Украине и Прикубанье, где известны и изображения мечей этого типа на стелах. В среднескифский период ареал их распространения широкий. Это отражает общескифскую традицию, возникновение которой не было связано с ранними кинжалами с антенными навершиями, и было распространено от Северного Китая до Волго-Уралья. Продвижение на запад в Европейскую Скифию сопровождается схематизацией и отходом от канона архетипа.

Представляемый экземпляр яркая, но не единственная находка на Нижнем Дону. Мечи этого типа известны в находках из курганного могильника Елизаветовского городища на Дону. Здесь известно 5 мечей этого типа, происходящие из Ушаковского кургана, а также курганов 10 (1909), 4 (1910), 6 и 34 (1911). Меч из Ушаковского кургана имел очень близкую рукоять, но перекрестие на нем шире и ближе к бабочковидному, к тому же и навершие отличается. Хотя схема, безусловно, общая. Глаз передан кругом с точкой на правой стороне. На левой, судя по фотографии, спираль.

Из этого следует, что елизаветовские кузницы владели техникой производства мечей типа Солоха и, самое главное, понимали символическое значение орлиноголового образа. Рассматриваемый экземпляр, по-видимому, происходит из елизаветовских мастерских. Из этого же центра в погребение попали амфоры и лекиф. Все эти предметы не могли быть военными атрибутами и иллюстрируют мирный характер отношений между населением донского левобережья и торговым центром в дельте Дона в начале IV в. до н.э.

А.Ю. Алексеевым выделен исходный тип скифского меча, в оформлении которого заложена фаллическая символика [Алексеев, 1991]. Этот вывод принят современным научным сообществом. Отталкиваясь от этого, нельзя не обратить внимание на то, что в V в. до н.э., а в Центральной Азии уже с VI в. до н.э., происходит замена фаллической идеи воспроизводства, жизни и смерти, соотносимыми со скифским Ареем, на новую идеологию. Орнитоголовые навершия могут соотноситься с идеей мирового древа, соеди-

няющего основные сферы мироздания в представлениях древних народов. Эти представления возникают на Востоке, в Центральной Азии, как это наблюдается на примере орлиноголовых наверший мечей, и проникают в скифскую среду. В V в. до н.э. они еще мирно сосуществуют с идеей фаллического единства мира, а к IV в. до н.э. вытесняют раннюю мифологию и становятся всеобщей для всего кочевого мира Евразии. При этом ее выражение постепенно деградирует и обретает когтевидное и, в конечном счете, антенное выражение, демонстрируя непонимание символики населением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

The publication was prepared as part of the implementation of the UNCRAS project No. gr. АААА-А20-120122990111-9.

² Выражаю большую признательность автору отчета О.В. Кладченко «Отчет об исследовании кургана 1 гр. Высочино-IX в Азовском районе в 2020 г.» за возможность работать с материалами и С.Ю. Монахову за консультации и определение амфор, реставратору Азовского музея С.Е. Рычагову за качественную реставрацию материала.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Мечи типа Солоха:

1 – меч из кургана 1 группы Высочино-IX; 2 – меч из кургана Великая Белозерка

Fig. 1. Swords of the Solokha type:

1 – the sword from the kurgan No 1 group Vysochino-IX; 2 – the sword from the kurgan of the Velikaya Belozerka

Рис. 2. Рукоять меча из кургана 1 группы Высочино-IX
Fig. 2. The hilt of the sword from the kurgan No 1 group Vysochino-IX

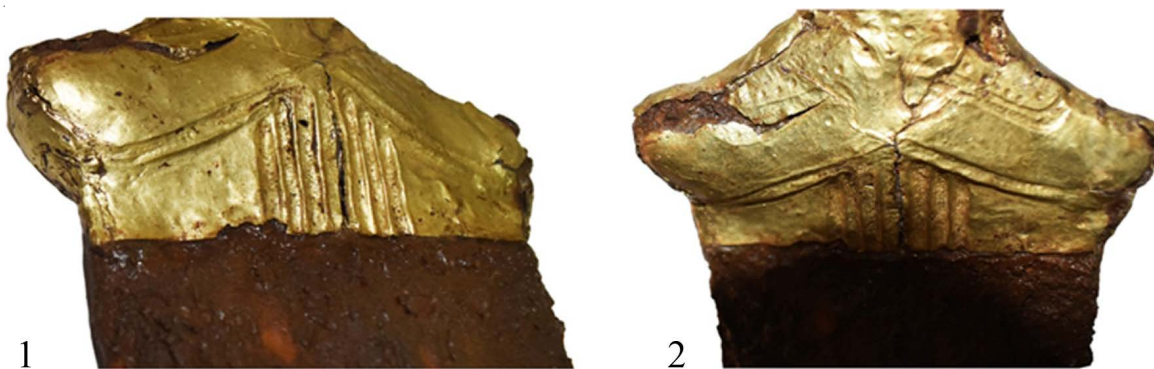

Рис. 3. Обкладка перекрестия меча из кургана 1 группы Высочино-IX со следами пайки
Fig. 3. The lining of the crosshair of the sword from the kurgan the kurgan No 1 group Vysochino-IX with traces of soldering

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю., 1991. Этюд об акинаках // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. : ЛФ ЦНТД, ЛНИАО. С. 271–280.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев : Наукова думка. 416 с.
- Болтрик Ю. В., 1978. Святылище Арея в урочище Носаки // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 г. : тез. докл. на XVII конф. ИА НАНУ (Ужгород, апр. 1978). Ужгород : [б. и.]. С. 61–62.
- Ленц Э. Э., 1905. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки, Киевской губернии // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 14. СПб. С. 54–68.
- Лукьяшко С. И., 2014. Мечи и кинжалы скифского времени Нижнего Дона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 237–256.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов // САИ Д1-4. М. : Наука. 90 с.
- Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград : [б. и.]. 124 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М. : АН СССР. 162 с.
- Топал Д. А., 2015. Акинаки классической Скифии. Тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апр., 2014 г.). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 198–211.
- Топал Д. А., 2017. Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция // Археология Евразийских степей. № 3. С. 299–345.
- Фролов Я. В., 2016. Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44, № 3. С. 56–62.
- Шрамко И. Б., 1992. Об одном типе мечей скифской эпохи // История и археология слободской Украины. Харьков : ХГУ. С. 221–223.
- Ginters W., 1928. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Sьdrussland. Berlin : W. de Gruyter. 94 S.
- Minns E. H., 1913. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge : University Press. 806 p.

REFERENCES

- Alekseev A.Yu., 1991. Etiud ob akinakach [Study of Akinakai]. Klein L.S. *Archeologicheskaya tipologiya* [Archaeological Typology]. Leningrad, LB CSTA LSAS, pp. 271-280.
- Alekseev A.Yu., Murzin V.Yu., Rolle R., 1991. *Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e.* [Chertomlyk. Scythian Imperial Kurgan of IVth Century BC]. Kiev, Naukova dumka Publ. 416 p.
- Boltrik Yu.V., 1978. Sviatilishe Arey a v urochishe Nosaki [Sanctuary Arey a in the tract Nosaki]. *Arheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1976–1977 g.: tez. docl. na XVII konf. IA NANU (Uzhgorod, apr. 1978)* [Archaeological Research in Ukraine in 1976–1977. Abstracts of Reports at the XVII Conference of the IA NASU (Uzhgorod, April 1978)]. Uzhgorod, s. n., pp. 61-62.
- Lenz E.E., 1905. Zаметki o predmetah vooruzhenia iz raskopok 1903 g. bliz s. Zhurovki, Kievskoy gubernii [Notes on Weapons from Excavations in 1903 Near the Village Zhurovka, Kyiv Province]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [News of Imperial Archaeological Commission], iss. 14. Saint Petersburg, pp. 54-68.
- Lukyashko S.I., 2014. Mechi i kinzhaly skifskogo vremeni Nizhnego Dona [Swords and Daggers of Scythian Time of Lowert Don Region]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire* [War and Warfare in Scythian-Sarmatian World]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publ., pp. 237-256.
- Melykova A.I., 1964. *Vooruzhenie skifov* [Armament of the Scythians]. SAI D1-4. Moscow, Nauka Publ. 90 p.
- Rostovtsev M.I., 1918. *Kurgannye nahodki Orenburgskoy oblasti epohi rannego i pozdnego ellinizma* [Kurgan Finds of the Orenburg Region of the Era of Early and late Hellenism]. Petrograd, s. n. 124 p.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Weapons of the Sauromatians]. Moscow, AS SSSR. 162 p.

- Topal D. A., 2015. Akinaki klassicheskoy Scifii. Tip Soloha [Akinakai of Classical Scythia. Type Solokha]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyash. pamyati A.I. Melykovoy (Kagalnik, 26–29 apr. 2014 g.)* [The War and the Military in the Scythian-Sarmatian World. Proceedings of International Scientific Conference in Tribute to the Memory of A.I. Melyokova (Kagalnik, 26–29 April 2014)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 198-211.
- Topal D. A., 2017. Antenny skifskih akinakov. Istoki i evolutsiya [Antennae Pommels of Scythian Akinakai. Origins and Evolution]. *Arkheologiya Evraziyskih stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 299-345.
- Frolov Ya.V., 2016. Mech skifskogo vremeni – novaya nahodka s territorii lesostepnogo Altaya [A Scythian Age Sword from the Forest-Steppe Altai]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 44, no. 3, pp. 56-62.
- Shramko I.B., 1992. Ob odnom tipe mechey skifskoy epohi [On the One Type Swords Of Scythian Era]. *Istoria i arkheologiya slobodskoy Ukrainy* [History and Archaeology of Sloboda Ukraine]. Kharkiv, KhSU, pp. 221-223.
- Ginters W., 1928. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin, W. de Gruyter. 94 S.
- Minns E.H., 1913. *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge, University Press. 806 p.

Information About the Author

Sergey I. Lukyashko, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Archaeology and History of Culture, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation; Head of the Laboratory of Archaeology, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, sciphica@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8085-4652>

Информация об авторе

Сергей Иванович Лукьяшко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории культуры, Донской государственной технической университет, площадь Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; заведующий лабораторией археологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, sciphica@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8085-4652>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.8>

UDC 930.26 (470+571)
LBC 63.48(2)

Submitted: 14.02.2022
Accepted: 19.09.2022

MAEOTIAN VASES AND LEKANES¹

Natalya Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The paper examines a small series of two-handled gray-clay vases and lekanes from the Maeotian sites of the Kuban region. All the vessels were made on rapidly rotating pottery wheels. Greek amphorae, found together with the vessels in the same burials, allow us to determine precise chronological framework for each complex and vessel type. The main common specific feature of the vases type is two vertical arched handles located on the rim. These vessels were produced under the influence of ancient pottery and come in two types: type 1 – on a high hollow pallet; type 2 – on a low ring pallet. Vases of type 1 date back to the end of the first quarter to the second quarter of the 4th century BC. The chronology of vases of the second type is limited to the end of the first quarter – the end of the 4th century BC. The two double-handled bowls that in details repeat the exact shape of the Greek lekane of the late 5th – early 4th century BC belong to a specific type of the studied tableware. The Maeotian lekanes come from burials of the first quarter of the 4th century BC. The established time frame of the gray-clay vases and lekanes of the Maeotian culture enables their use in determining chronology of the burials which contain no amphorae or other material suitable for precise dating.

Key words: Kuban region, Maeotians, subsoil burial ground, vase, lekane, amphora, typology, chronology.

Citation. Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2022. Meotskie vazy i lekany [Maeotian Vases and Lekanes]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 129-141. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.8>

УДК 930.26(270+571)
ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 14.02.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

МЕОТСКИЕ ВАЗЫ И ЛЕКАНЫ¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается небольшая серия сероглиняных двуручных ваз и лекан из меотских памятников Прикубанья. Все сосуды изготовлены на быстровращающемся гончарном круге. Взаимовстречаемость в погребениях с греческими амфорами позволяет для каждого комплекса и вида сосудов установить узкие хронологические рамки. Основным видовым признаком ваз являются две, как правило вертикальные, арочные ручки на венчике. Эти сосуды, выполненные под влиянием античной керамики, представлены двумя типами: тип I – на высоком полом поддоне; тип II – на низком кольцевом поддоне. Вазы первого типа датируются концом первой – второй четвертью IV в. до н.э. Хронология ваз второго типа ограничивается в рамках конца первой четверти – конца IV в. до н.э. К отдельному виду столовой керамики относятся две двуручные чаши, которые в точности повторяют форму, включая детали, греческих лекан конца V – начала IV в. до н.э. Меотские леканы происходят из погребений первой четверти IV в. до н.э. Установленные временные рамки бытования сероглиняных ваз и лекан у меотов позволяют использовать их

для определения хронологии погребений, в которых не было амфор или другого материала, пригодного для узкой датировки.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, ваза, лекана, амфора, типология, хронология.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2022. Меотские вазы и леканы // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.8>

В меотских памятниках правобережья Кубани представлена небольшая серия сероглиняных двуручных ваз и лекан. Для этих сосудов, изготовленных на быстровращающемся круге, как и для всей гончарной меотской керамики IV в. до н.э., характерна серо-голубая глина с малозаметными серебристыми блестками слюды. Большинство сосудов связано с Прикубанским могильником (далее – ПК), отдельные экземпляры были найдены в погребениях могильников Лебеди III, Марьянского и Старокорсунского № 2 (далее – СК-2). Почти все сосуды сопровождалась в погребениях амфорами, что и определяет их хронологию.

Основным видовым признаком ваз, явно выполненных под влиянием античной керамики, являются две, как правило вертикальные, арочные ручки на венчике. По форме поддона вазы делятся на два типа: **тип I** – на высоком полом поддоне; **тип II** – на низком кольцевом поддоне.

Вазы **типа I** на высоком полом поддоне (8 экз.) представлены чашами с округленными стенками и широким плоским венчиком. Непосредственно к венчику, сверху, крепятся две арочные ручки, по бокам которых обычно расположены конические выступы. По конструктивным особенностям поддона можно выделить два *варианта*: *1* – поддон конический; *2* – поддон с высоким выделенным стволом и расширенным основанием. При общей морфологии типа вазы имеют индивидуальные отличительные признаки, которые отмечены в описании каждого сосуда.

Вазы *варианта 1* были найдены в четырех погребениях Прикубанского могильника.

Ваза из ПК № 61 (рис. 1,1, 3,1) имеет неглубокую чашу без выделенного бортика и венчик с сильно выступающей внутрь заостренной закраиной. Ручки гладкие, круглые в сечении, отклонены наружу, имеют по три ряда небольших выступов сверху и по одному выступу по сторонам, у основания. Поддон с

вогнутыми стенками и заостренным краем, опорная плоскость ровно срезана. Высота – 16,1 см, высота поддона – 5,4 см, диаметр венчика – 33,7 см, диаметр основания поддона – 14 см.

В погребении не было амфоры, а формы местных сероглиняных и привозных красноглиняных сосудов характерны в целом для IV в. до н.э. Только сероглиняная кружка с ребром в придонной части, имеющая прототипы в раннемеотской чернолощевой керамике [Лимберис, Марченко, 2012, с. 32–33, рис. 16,1–8], позволяет сузить датировку. Изгиб и способ крепления ее ручки характерен для сероглиняных кружек, встречающихся в погребениях первой половины IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 235, хронол. табл.].

Ваза из погребения ПК № 336 (рис. 1,2, 3,2) имеет неглубокую чашу со слабовыделенным бортиком, венчик выступает наружу в виде заостренной закраины. Ручки гладкие, овальные в сечении, отклонены наружу, имеют по одному маленькому выступу сверху и по сторонам, у основания. Поддон слабопрофилированный, с валикообразным краем. Высота – 15,9 см, высота поддона – 5,1 см, диаметр венчика – 29,8 см, диаметр основания поддона – 13,8 см.

Ваза была найдена в сопровождении двух амфор. Первая, мендейская, по своим параметрам и профилировке является стандартным образцом *мелитопольского* варианта (II-C). Вторая амфора, неустановленного центра производства, имеет овоидное тулово, невысокое горло и небольшую ножку с расширением. Взаимовстречаемость этих сосудов позволила отнести данное погребение ко второй четверти IV в. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 75, рис. 111,1,2].

Более крупная по размерам, но чрезвычайно близкая по морфологии, ваза из погребения ПК № 384 (рис. 1,3) имеет широкую, неглубокую чашу без выделенного бортика и

венчик с выступающей наружу заостренной закраиной. Край чаши ниже венчика орнаментирован несколькими горизонтальными желобками. Ручки гладкие, овальные в сечении, отклонены наружу, с одним маленьким выступом сверху, более крупные выступы расположены по сторонам ручек. Поддон гладкий, с округленным краем и ровной опорной плоскостью. Высота – 17,3 см, высота поддона – 6,8 см, диаметр венчика – 33,7 см, диаметр основания поддона – 15,1 см.

Находки амфор Менды варианта *портичелло* (II-B) и неустановленного центра производства, а также краснофигурного скифоса беглого стиля, позволили датировать комплекс 380-ми – началом 370-х гг. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 39–40, рис. 51,1,2, 52].

Из погребения ПК № 7 кургана 2 (рис. 1,4, 3,3) происходит ваза с широкой, неглубокой чашей с коротким вертикальным бортиком и плоским венчиком, внутренний край которого скошен, а внешний, выступающий, заострен. Две ложновитые ручки крепятся вертикально к венчику и имеют выступы по бокам. Кроме того, на венчике между ручками диаметрально расположены два вертикальных конусовидных налета. Поддон с выпуклыми стенками и валикообразным краем. Высота – 20,3 см, высота поддона – 7,5 см, диаметр венчика – 39,8 см, диаметр основания поддона – 14,7 см.

Сероглиняные сосуды, сохранившиеся в этом ограбленном в древности погребении, типичны для IV в. до н.э.

Вазы *варианта 2* представлены тремя экземплярами из Прикубанского могильника и одним из могильника Лебеди III.

Ваза из погребения ПК № 157 (рис. 1,5, 3,4) имеет глубокое вместилище. Бортик не выделен, венчик – с выступающей внутрь массивной заостренной закраиной. Ручки ложновитые, вертикально поставленные, с шипообразными выступами у основания. Поддон с цилиндрической верхней частью и отделенным узким уступом расширенным основанием. Край поддона зауженный, округлен. Высота – 21,6 см, высота поддона – 8,2 см, диаметр венчика – 32,5 см, диаметр основания поддона – 14,4 см.

В этом погребении были найдены две мендейские амфоры: одна – варианта *портичелло* (II-B), другая – *мелитопольского* (II-C).

Анализ морфологии амфор и их полные аналогии, которые встречаются в комплексах с гераклейской и фасосской клейменной тарой из этого же некрополя, позволили датировать погребение № 157 не позднее 380-х гг. до н.э. [Монахов и др. 2021, с. 36, рис. 46,1,2].

У самой большой (из всей серии) по размерам вазы из погребения ПК № 375 (рис. 1,6) с очень широкой, но неглубокой чашей короткий вертикальный бортик выделен слабовыраженным ребром. Венчик скошен внутрь, с выступающей наружу заостренной закраиной. Ручки ложновитые, овальные в сечении, немного приподняты, по сторонам – по два шипообразных выступа на венчике. Два вертикальных конических выступа расположены на венчике диаметрально между ручками. Поддон цилиндрический, с расширенным профилированным основанием, опорная плоскость ровная. Высота – 26 см (графическая реконструкция), высота бортика – 3,3 см, высота поддона – 12,2 см, диаметр венчика – 41,6 см, диаметр основания поддона – 16 см.

Хронология погребения определяется двумя амфорами. Одна из них, фасосская неклеменная, относится к *развитой* серии *биконического* варианта (II-B-2). Если опираться на серию аналогичной тары с магистратскими клеймами, данная амфора может быть датирована 360-ми – началом 350-х гг. до н.э. Вторая амфора, центр производства которой пока не установлен, имеет пифоидное тулово, короткое цилиндрическое горло, небольшой, клювовидный, слегка отогнутый венчик и низкую острореберную ножку с глубокой выемкой. Единственная близкая ей амфора найдена в погребении № 336 Прикубанского некрополя. В целом погребение № 375 следует датировать в пределах 360 – 350-х годов. [Монахов и др., 2021, с. 75–76, рис. 112,1,2].

Ваза с глубокой чашей из погребения ПК № 394 (рис. 1,7, 3,5) имеет невысокий вертикальный бортик, выделенный узким желобком. Венчик скошен внутрь, выступающая закраина округлена. Ручки витые, скручены из трех округлых в сечении жгутов, крепятся вертикально к венчику, с коническими выступами по сторонам. Между ручками, на венчике, также расположено по одному коническому выступу. Поддон в верхней части цилиндрический, с расширенным профилированным

основанием, опорная плоскость ровно срезана. Высота – 24,2 см, высота бортика – 3,2 см, высота поддона – 8,6 см, диаметр венчика – 39,8 см, диаметр основания поддона – 14,1 см.

Датируется данный комплекс по находкам амфор (Менды *мелитопольского* варианта и уникальной греко-италийской) и рыбному чернолаковому блюду 360 – 350-ми гг. до н.э. [Монахов, 2021, с. 220, рис. 1,1,2; Монахов и др., 2021, с. 61–62, рис. 86, 87,1,2].

Подобная ваза (рис. 1,8) была найдена и в погребении № 4 могильника Лебеди III (раскопки экспедиции И.С. Каменецкого, 1979 г.). Чаша без выделенного бортика, в верхней части стенки орнаментированы тремя узкими желобками. Венчик горизонтально срезан, с выступающей внутрь заостренной закраиной, внешний край скошен. Ручки вертикальные, ложновитые (верхняя часть утрачена). В отличие от других сосудов этого типа, выступы у основания ручек отсутствуют. Поддон отличается от других экземпляров сложной профилировкой: стенки в верхней части вогнутые, с несколькими узкими желобками на переходе ко дну чаши; нижняя, расширенная, часть поддона – с резким изломом. Опорный край поддона утрачен. Сохранившаяся высота – 17,3 см, высота чаши – 11, 2 см, диаметр венчика – 32,1 см.

В состав комплекса, кроме сероглиняных сосудов, входили две амфоры (косская или круга Коса и гераклеяская) IV в. до н.э., типы которых, в силу плохой сохранности, установить невозможно.

К **типу 2** относятся вазы на низком кольцевом поддоне (5 экз.), с глубокой чашей, широким венчиком и двумя арочными ручками, по способу крепления которых выделяется два *варианта*: 1 – ручки крепятся сверху к венчику; 2 – ручки крепятся к бортику.

Вариант 1 представлен четырьмя сосудами из трех разных памятников.

В погребении СК-2 № 294з (рис. 2,2) была найдена глубокая ваза с высоким коническим туловом и слегка выпуклой плоскостью венчика, заостренные края которого выступают внутрь и наружу. Ручки, свитые из трех округлых в сечении жгутов, поставлены практически вертикально. Выступы по сторонам отсутствуют. Поддон гладкий, расширяется к основанию, подошва ровно срезана.

на. Высота – 19 см, диаметр венчика – 40 × 42,5 см, диаметр поддона – 13,6 см.

Хронология комплекса по двум кидским амфорам вариантов *елизаветовского* (I-A) и *чередникового* (I-D) [Монахов, 2003, с. 102, 104, 110, табл. 71,3, 72,7] и чернолаковым сосудам (скифосу и кубковидному канфару) определяется в пределах конца второй – начала третьей четверти IV в. до н.э., или серединой столетия [Лимберис, Марченко, 2015, с. 233, рис. 3,25; Лимберис, Марченко, 2017, с. 188–189, рис. 7,25]. Третья, гераклеяская, амфора варианта I-4 относится еще к первой четверти IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 128–131], но она явно была использована в погребении вторично: у этого сосуда отсутствуют верхняя часть горла, ручки и ножка, отбитые в древности. Справедливости ради отметим, что в первой публикации погребение было датировано нами второй четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 220].

Глубокая ваза из погребения СК-2 № 238в (рис. 2,3, 3,7) имеет довольно высокий вертикальный бортик и скошенный наружу венчик с массивным остроугольным выступом. Ручки ложновитые, с глубокими подрезами, вертикальные, с круглыми пальцевыми вдавлениями у основания. Опорный край поддона – валикообразный, с ровной подошвой. Высота – 18,5–19 см, высота бортика – 5–6 см, диаметр венчика – 37 × 40 см, диаметр поддона – 12 см.

В комплексе были встречены две амфоры (одна – косская, вторая в то время была отнесена к неустановленному средиземноморскому центру), по которым мы датировали погребение концом IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, рис. 10–15]. Позднее С.Ю. Монахов по амфоре Коса серии I-B-1, «позднего» варианта I-B и унгвентариям предложил уточнить датировку до 20-х гг. столетия [Монахов, 2014, с. 204, рис. 4,14]. Другая амфора (без горла и ручек, утраченных в древности), происхождение которой сейчас достаточно надежно связывается с Икосом, относится ко второй морфологической группе середины – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов, Федосеев, 2013, с. 260]. Возможно, эта амфора, с признаками вторичного использования, немного «запаздывает» в погребении.

Ваза из погребения ПК № 209 (рис. 2,1, 3,6) неглубокая, с сильно округленным стен-

ками, без выделенного бортика (полусферическая). Венчик горизонтально срезан, с выступающими внутрь и наружу заостренными краями. Вертикальные арочные ручки свиты из трех жгутов. Между ручками на венчике диаметрально расположены два высоких вертикальных конусовидных налета. Поддон гладкий, расширяется к основанию, подошва ровно срезана. Высота – 12 см, диаметр венчика – 32,8 см, диаметр поддона – 13 см.

По синопской амфоре варианта I-A конического типа и амфоре Менды *ранней* серии *мелитопольского* варианта (II-C) датировка комплекса может быть ограничена концом первой – началом второй четверти IV в. [Монахов и др., 2021, с. 40–41, рис. 43, 44, I].

Из могильника Марьянского поселения I происходит ваза (рис. 2,4, 3,8), найденная в погребении № 24 (раскопки В.Ю. Кононова, 2013 г.). Чаша широкая, неглубокая, с округленными стенками, без бортика. Венчик срезан практически горизонтально, с остроугольным выступом внутри и округленной краем снаружи. Ручки крепятся к венчику с наклоном наружу: одна из них – ложновитая, другая – прямоугольная в сечении, с продольным глубоким желобком сверху и продольными прорезями на боковых сторонах. По бокам ручек расположены конические налеты. Поддон гладкий, вертикальный, с ровно срезанной подошвой. Высота – 13,5 см, диаметр венчика – 39,5 см, диаметр поддона – 10 см.

В этом погребальном комплексе присутствовала гераклейская амфора типа I-A с магистратским клеймом Стифона. В.И. Кац включил этого магистрата в группу II-B, отнеся его деятельность к 380–370-м гг. до н.э. [Кац, 2007, с. 313, 431].

К *варианту 2* пока можно отнести всего один сосуд из погребения ПК № 79 (рис. 2,5). Чаша широкая, неглубокая, с коротким вертикальным бортиком, орнаментированным узкими горизонтальными желобками. Такие же желобки есть и на плоскости венчика, слегка выступающего наружу. К бортику крепятся две ложновитые ручки, поднятые вверх. Поддон гладкий, вертикальный, с ровно срезанной подошвой. Высота – 12,4 см, высота бортика – 2,6 см, диаметр венчика – 35,4 см, диаметр поддона – 10 см.

Амфору неустановленного средиземноморского центра с двустольными ручками и кубаревидной ножкой из этого погребения С.Ю. Монахов датировал последней третью IV в. до н.э., хотя аналогии ей найти не удалось [Монахов и др., 2021, с. 217, Un.7]. Полной уверенности в предлагаемой хронологии нет, тем не менее дату комплекса придется ограничить этими рамками, пока не появятся новые данные для датировки.

Ранее мы писали, что вазы с витыми ручками на высоких конических и кольцевых поддонах встречаются на протяжении всего IV в. до н.э., но период их наибольшего распространения приходится на вторую – третью четверти этого столетия [Лимберис, Марченко, 2005, с. 235]. Сейчас благодаря уточненной хронологии амфор появилась возможность узко продатировать большинство погребений с сероглиняными вазами. Оба выделенных нами типа сосудов появились у меотов практически одновременно, вероятно, ближе к концу первой четверти IV в. до н.э., о чем свидетельствуют комплексы с амфорной тарой 380–370-х годов. Узкая хронология комплексов с вазами типа I не выходит за пределы первой половины IV в. до н.э., поэтому и погребения, в которых не было материала для точной датировки, скорее всего, нужно отнести к этому же периоду. Вазы типа II, судя по датировкам амфорной тары, просуществовали дольше – возможно, до конца IV в. до н.э.

Конструкция ваз типа I совпадает по основным морфологическим признакам с блюдами на высоком полове поддоне (*eschaga*), часто с приподнятыми арочными ручками, прикрепленными сверху на венчике, представленными в материалах из раскопок Афинской агоры с V в. до н.э. и широко распространенными в IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 234–235, no. 2030, 2038, 2039; Rotroff, 2006, p. 103–105, no. 199, chart 27]. Однако, если греческие эсхары, как полагают исследователи, служили для приготовления пищи и подачи ее на стол, а высокий массивный поддон помогал удерживать тепло, то предназначение похожих меотских сосудов, по-видимому, было иным.

Что касается ваз типа II, то аналогичные по форме сероглиняные чаши на кольцевом поддоне, с темным покрытием и лощени-

ем известны в Ольвии. По версии В.В. Крапивинной, они являются «фруктовницами», в которых фрукты подавали на стол или подносили богам, о чем, по ее мнению, свидетельствует их «парадный» вид и характер ручек, удобных для переноски. Исследовательница выделила два типа таких сосудов по форме тулова и высоте поддона. По ее наблюдениям, «фруктовницы», появившиеся во второй половине VI в. до н.э., широко распространились в V в. до н.э., а позднее их находки неизвестны. Однако ни контекста находок, ни конкретной аргументации их хронологии исследовательница в своей статье не привела [Крапивіна, 2007, с. 103–104, рис. 8,3,4, 9]. По морфологическим и размерным параметрам ольвийские «фруктовницы» во многом совпадают с меотскими вазами, но ручки у них гладкие, с продольным желобком, а витые, судя по всему, не отмечены. Других прямых аналогий мы пока не знаем. В материалах из раскопок Афинской агоры и Истрии известны леканы VI–V вв. до н.э., полусферические и с выделенным бортиком, с гладкими вертикальными арочными ручками на плоском венчике [Sparkes, Talcott, 1970, p. 215, no. 1839, 1840; Alexandrescu, 1978, p. 107–109, no. 700–707, pl. 70], форма которых близка вазам / фруктовницам на кольцевом поддоне.

Похоже, что меотские вазы представляют собой переработанную, синкретичную форму, которая сложилась под влиянием античных керамических традиций. Как бы нам ни хотелось, эта форма вряд ли была сконструирована самими меотами, так как сероглиняная керамика, изготовленная на быстром гончарном круге, стала появляться на их городищах только около середины V в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 6, 167–169]. Находки же «фруктовниц» из Ольвии, если полагаться на предлагаемые датировки, могут предположительно свидетельствовать, что эта форма зародилась в греческой среде Северного Причерноморья еще в архаический период. Меоты восприняли эту идею уже в готовом виде позднее, где-то в первой четверти IV в. до н.э., и стали копировать понравившиеся им сосуды, достигнув к этому времени соответствующего уровня в технологии производства сероглиняной керамики. Однако витые и ложновитые ручки, столь характер-

ные для меотских vaz, не встречаются на греческих леканах. По-видимому, этот прием оформления ручек (*gope handle*) появился довольно поздно в греческой керамике и особенно характерен для эллинистических чернолаковых столовых амфор и ойнохой, орнаментированных в стиле *West Slope*, начиная со второй четверти III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 120, no. 409, 460 *ect.*]. Наиболее ранний известный нам пример – простые кувшины с витой ручкой из объекта, относящегося к дренажной системе Коринфа, который именно по ручкам кувшинов был датирован концом IV – началом III в. до н.э. [McFee, Pemberton, 2012, p. 146, fig. 29, V-42, V-43]. Вероятно, к этому промежутку времени и следует отнести возникновение данного способа изготовления ручек в мастерских древней Греции. До уточнения времени появления витых ручек на греческой или иной керамике, что могло бы повлиять на предлагаемую нами хронологию сероглиняных vaz, нужно отдать пальму первенства меотам в изобретении подобных ручек, которыми они украшали свои чаши уже в первой четверти IV в. до н.э. В этом плане примечательна ваза из могильника Марьянского поселения (кстати, расположенного недалеко от Прикубанского некрополя), у которой одна ручка – гладкая, с продольным желобком, а вторая – ложновитая, видимо, по «меотской моде».

К отдельному виду столовой меотской керамики нужно отнести двуручные чаши, являющиеся местной репликой греческих лекан.

Чаша леканы из погребения ПК № 32 (рис. 2,б) – глубокая, стенки почти ровные, бортик высокий, округленный. Ниже края по бортику проходит горизонтальный заостренный выступ (под крышку). Ручки, овальные в сечении, крепятся горизонтально под венчиком, слегка приподняты, с плоскими вертикальными налечами по сторонам. Дно снизу выпуклое, на гладком кольцевом поддоне, расширяющемся к основанию. Подошва поддона ровно срезана. Высота – 11,6 см, высота бортика – 3 см, диаметр венчика – 24,8 см, диаметр поддона – 11,1 см.

В комплексе представлены амфоры двух центров. Гераклеяская амфора варианта I-4 «пифоидного» типа имеет на горле двустороннее английское клеймо редкого штампа, вероятнее всего, Дионисий I, имя которого

дано в сокращении. В.И. Кац деятельность этого магистрата относит к 380-м гг. [Кац, 2007, с. 429], а Н.Ф. Федосеев – к 390-м гг. [Федосеев, 2016, с. 130]. Вторая, мендейская, амфора относится варианту *портичелло* (II-B). Хронология амфорной тары позволяет датировать данный комплекс в пределах конца 390-х – начала 380-х гг. [Монахов и др., 2021, с. 34, рис. 43, 1,2].

Из погребения ПК № 167 (рис. 2,7, 3,9) происходит лекана с практически полусферической чашей. По расширенному краю венчика проходит широкий, глубокий желобок для крышки. Бортик выделен тремя горизонтальными узкими каннелюрами. Ручки широкие, уплощенные в сечении, крепятся горизонтально ниже венчика, с остроконечными выступами по сторонам. Кольцевой поддон слегка расширяется к основанию, с выпуклым краем и ровной подошвой. В дне преднамеренно пробито круглое отверстие. Высота – 12,8 см, диаметр венчика – 30,5 см, диаметр поддона – 13,2 см.

В этом погребальном комплексе также встречены две амфоры разных центров. Гераклейская амфора относится к варианту I-4 «пифоидного» типа с энглифическим клеймом раннего фабриканта Евридама, который работал в начале IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 429]. Вторая амфора – мендейская, варианта *портичелло*. В целом комплекс продатирован в пределах 390-х гг., может быть, первой половины 380-х гг. [Монахов и др., 2021, с. 30, рис. 36,1,2].

Меотские двуручные чаши, найденные в этих погребениях, в точности повторяют форму, включая детали, греческих лекан конца V – начала IV в. до н.э., как чернолаковых, так и для повседневного использования [Sparkes, Talcott, 1970, p. 166, 197, no. 1217–1221, 1554–1557]. В меотских памятниках правобережья Кубани известна всего лишь одна находка маленькой чернолаковой леканы из погребения

№ 8 кургана 3 Прикубанского могильника, которое датируется по амфорам Гераклеи и Синопы началом второй четверти IV в. до н.э., а по уточненной хронологии амфор – 370-ми гг. [Лимберис, Марченко, 2010, с. 338, № 44, рис. 5,16; Монахов и др., 2021, с. 45–46, рис. 62, 63]. Профилировка венчика лекан предполагает, что сосуды накрывали крышкой. Однако у лекан из Прикубанского могильника (и сероглиняных, и чернолаковой) крышки отсутствовали. Ручки лекан крепятся ниже венчика и имеют по сторонам выступы, конусовидные в плане, что характерно для лекан не только аттического, но и коринфского производства, мало менявшихся на протяжении архаического и классического периодов [Edwards, 1975, p. 95, pl. 18, no. 555]. Две коринфские леканы (с крышками) были найдены на ритуальной площадке кургана-святилища № 5 Уляпского некрополя, датированного исследователями по клейменым фасосским амфорам первой половиной IV в. до н.э. [Лесков и др., 2013, с. 49, рис. 52]. Несмотря на это, меотских погребений с леканами местного производства, кроме двух описанных комплексов из Прикубанского могильника, нам пока не известно.

Таким образом, благодаря совместно встреченным амфорам для обоих видов описанных нами меотских сосудов устанавливаются вполне конкретные узкие временные рамки бытования, что позволяет использовать их для определения хронологии комплексов, в которых не было амфор или другого материала, пригодного для датировки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134).

The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-00134).

ПРИЛОЖЕНИЯ

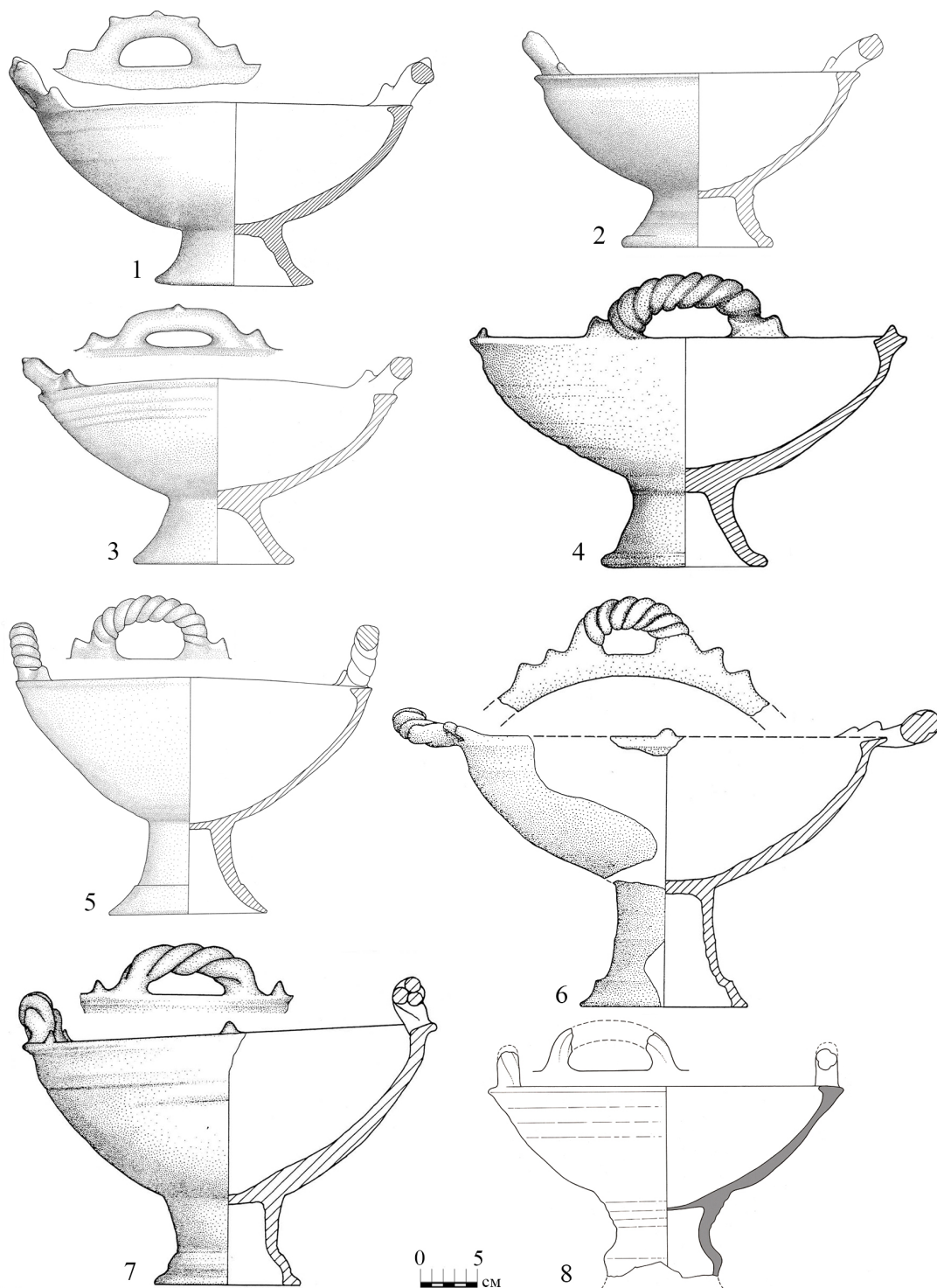

Рис. 1. Меотские сероглиняные вазы типа I:

1–7 – Прикубанский могильник (1 – погребение № 61; 2 – погребение № 336; 3 – погребение № 384; 4 – курган 2, погребение № 7; 5 – погребение № 157; 6 – погребение № 375; 7 – погребение № 394); 8 – могильник Лебеди III, погребение № 4

Fig. 1. Maeotian gray-clay vases of type 1:

1–7 – Prikubansky burial ground (1 – burial no. 61; 2 – burial no. 336; 3 – burial no. 384; 4 – barrow 2, burial no. 7; 5 – burial no. 157; 6 – burial no. 375; 7 – burial no. 394); 8 – burial ground of Lebedi III, burial no. 4

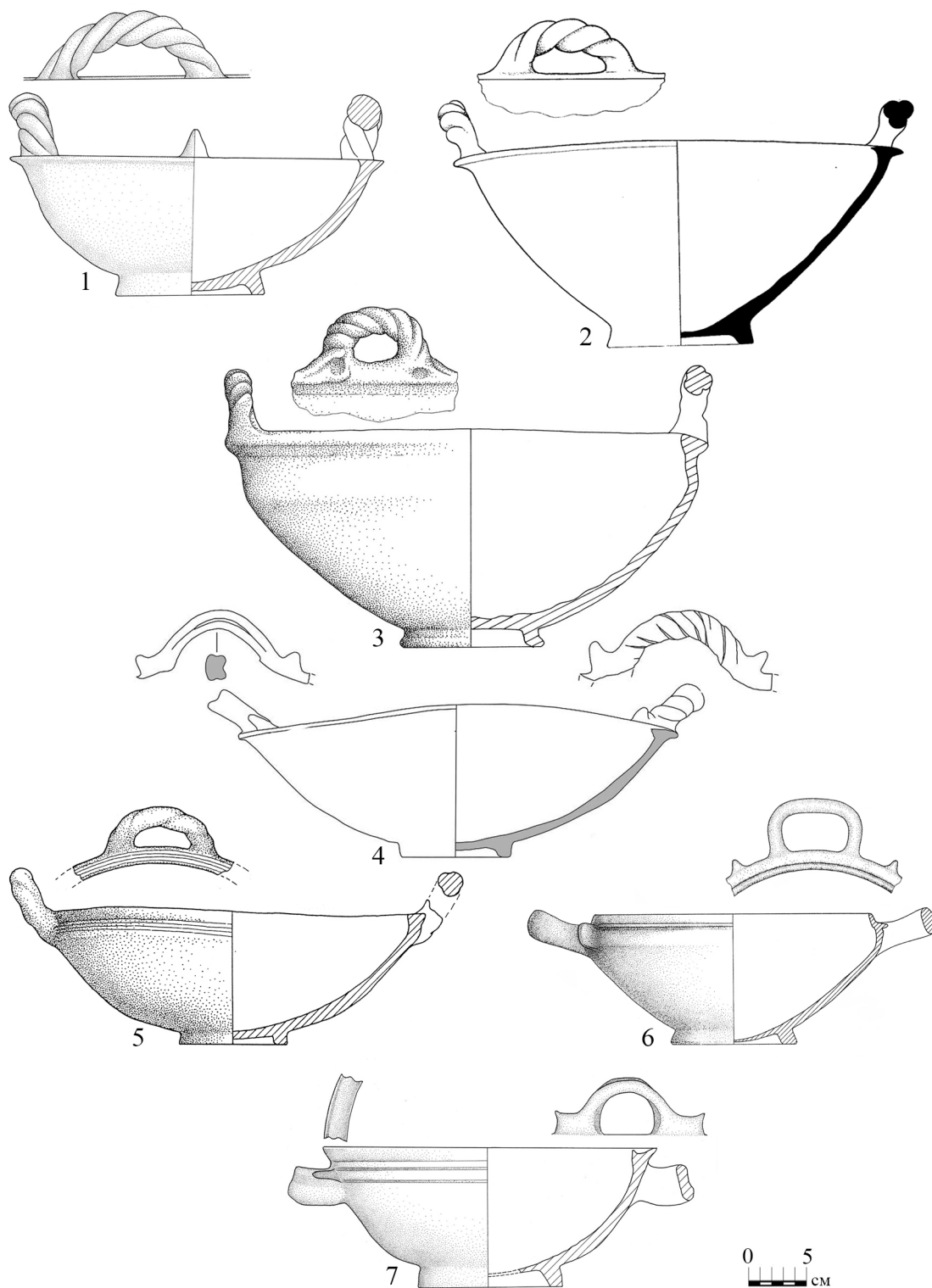

Рис. 2. Меотские сероглиняные вазы типа II (1–5) и леканы (6, 7):

1 – Прикубанский могильник, погребение № 209; 2, 3 – могильник Старокорсунского городища № 2 (2 – погребение № 294з; 3 – погребение № 238в); 4 – могильник Марьянского поселения I, погребение № 24; 5–7 – Прикубанский могильник (5 – погребение № 79; 6 – погребение № 32; 7 – погребение № 167)

Fig. 2. Maeotian gray-clay vases of type 2 (1–5) and lekane (6, 7):

1 – Prikubansky burial ground, burial no. 209; 2, 3 – burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 2 (2 – burial no. 294z; 3 – burial no. 238v); 4 – burial ground of the Maryanskaya settlement I, burial no. 24; 5–7 – Prikubansky burial ground (5 – burial no. 79; 6 – burial no. 32; 7 – burial no. 167)

Рис. 3. Меотские вазы (1–7) и лекана (9):

1–6 – Прикубанский могильник (1 – погребение № 61; 2 – погребение № 336; 3 – курган 2, погребение № 7; 4 – погребение № 157; 5 – погребение № 394; 6 – погребение № 209);
7 – могильник Старокорсунского городища № 2, погребение № 238в;
8 – могильник Марьянского поселения I, погребение № 24; 9 – Прикубанский могильник, погребение № 167

Fig 3. Maeotian vases (1–7) and lekane (9):

1–6 – Prikubansky burial ground (1 – burial no. 61; 2 – burial no. 336; 3 – barrow 2, burial no. 7; 4 – burial no. 157; 5 – burial no. 394; 6 – burial no. 209);
7 – burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 2, burial no. 238в;
8 – burial ground of the Maryanskaya settlement I, burial no. 24; 9 – Prikubansky burial ground, burial no. 167

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь ; Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ : Центр археолог. исслед. «Деметра». 480 с.
- Крапівіна В. В., 2007. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI–V ст. до н.э. // Археологія. № 1. С. 98–106.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М. : Гос. музей искусства народов Востока. 184 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 7. Краснодар : КубГУ. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Т. 14. М. : ИА РАН. С. 322–356.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар : Традиция. 316 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2015. Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // Древности Боспора. Т. 19. М. : ИА РАН. С. 226–255.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2017. Атрибуция и хронология черно-лаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus. № 3. С. 181–198.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. : Киммериды ; Саратов : Саратов. ун-т. 352 с.
- Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. № 3. С. 195–222.
- Монахов С. Ю., 2021. Уникальная находка греко-италийской амфоры в Причерноморье // История и культура античного мира (к 100-летию со дня рождения проф. В.Г. Боруховича). Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т. С. 212–223.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов : Ипполит. 324 с.
- Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф., 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // Античный мир и археология. Вып. 16. Саратов : Саратов. ун-т. С. 255–266.
- Федосеев Н. Ф., 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Т. 2. Керчь : Соло-Рич. 320 с.
- Alexandrescu P., 1978. La ceramique d'epoque archaïque et classique (VII–IV s.). Histria. Vol. IV, no. 4. Bucuresti : ed. Academiei Republicii Socialiste România. 143 p. : 71 pl.
- Edwards R. G., 1975. Corinthian Hellenistic pottery. Corinth. Vol. VII. P. III. Princeton, New Jersey : The American School of Classical Studies at Athens. 254 p. : 86 pl.
- McFee I., Pemberton E. C., 2012. Late Classical Pottery from Ancient Corinth. Drein 1971-1 in the Forum Southwest. Corinth. Vol. VII. 6. Princeton : The American School of Classical Studies at Athens. 319 p. : 52 pl.
- Rotroff S., 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton : The American School of Classical Studies at Athens. 979 p.
- Rotroff S., 2006. Hellenistic Pottery. The Plane Wares. The Athenian Agora. Vol. XXXIII. Princeton : The American School of Classical Studies at Athens. 439 p. : 98 fig., 90 pl.
- Sparkes B. A., Tallcot L., 1970. Black and Plain Pottery of VIth–Vth and IVth Centuries BC. The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton : The American School of Classical Studies at Athens. 472 p. : 25 fig., 98 pl.

REFERENCES

- Kats V.I., 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)* [Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (A Complex Study)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan

- Studies], vol. XVIII. Simferopol, Kerch, Crimean branch of the Institute of Oriental Studies of the NASU, Center for Archaeological Research "Demetra". 480 p.
- Krapivina V.V., 2007. Siroglinyana keramika Ol'vii VI–V st. do n.e. [Grey-Clay Olbian Ceramics of 6th–5th cc. BC]. *Arkheologiya* [Archaeology], no. 1, pp. 98-106.
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlih V.R., 2013. *Meoty Zakuban'ya IV–III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the 4th–3rd Centuries BC. The Necropoleis near the Aul of Ulyap. Shrines and Ritual Places]. Moscow, The State Museum of Oriental Art. 184 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of the Ceramics Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 219-324.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [Excavations of the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement no. 2 in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, KubSU, pp. 70-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2010. Raspisnye i chernolakovye sosudy iz Prikubanskogo mogil'nika (atributsiya i hronologiya) [Painted and Black-Glazed Vessels from the Prikubanskiy Burial Ground (Attribution and Chronology)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 14. Moscow, IA RAS, pp. 322-356.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. *Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e. (po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani)* [Maeotian Antiquities of the 6th–5th Centuries BC (Based on Materials from Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban)]. Krasnodar, Traditsiya Publ. 316 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2015. Chernolakovye skifosy iz meotskikh pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Black-Glaze Skyphoi from the Maeotian Sites on the Right Bank of the Kuban River]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 19. Moscow, IA RAS, pp. 226-255.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I. 2017. Atributsiya i hronologiya chernolakovykh kanfarov iz meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Attribution and Chronology of Black Glazed Kantharoi from Maeotian Monuments of the Kuban Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 181-198.
- Monahov S.Yu., 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushhih centrov-eksportyrov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Pontic Region. Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers. Catalog and Guide]. Moscow, Kimmerida Publ., Saratov, Saratov SU. 352 p.
- Monachov S.Yu., 2014. Koskiye i psevdokoskiye amfory i kleyma [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 195-222.
- Monahov S.Yu., 2021. Unikal'naya nahodka greko-italiyskoy amfory v Prichernomor'e [A Unique Find of a Greco-Italian Amphora in the Black Sea Region]. *Istoriya i kul'tura antichnogo mira (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.G. Boruhovicha)* [History and Culture of the Ancient World (to the 100th Anniversary of the Birth of Professor V.G. Borukhovich)]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University, pp. 212-223.
- Monahov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznecova E.V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna)* [Amphorae of the Prikubanskiy Necropolis of the 4th– Early 3rd Century BC (From the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]. Saratov, Ippolit Publ. 324 p.
- Monakhov S.Yu., Fedoseev N.F., 2013. Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary'. IV: amfory' Ikosa [Notes on the Localization of Ceramic Containers. IV: Amphorae of Ikos]. *Antichny'y mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology], vol. 16. Saratov, SSU, pp. 255-266.
- Fedoseev N.F., 2016. *Keramicheskije kleyma. Gerakleya Pontiyskaya* [Ceramic Stamps. Heraclea Pontica], vol. 2. Kerch, Solo-Rich Publ. 320 p.
- Alexandrescu P., 1978. *La ceramique d'epoque archaïque et classique (VII–IV s.)*. Hestia. Vol. IV, no. 4. Bucuresti, ed. Academiei Republicii Socialiste România. 143 p., 71 pl.
- Edwards R.G., 1975. *Corinthian Hellenistic Pottery. Corinth*. Vol. VII. P. III. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens. 254 p., 86 pl.

- McFee I., Pemberton E.C., 2012. *Late Classical Pottery from Ancient Corinth. Drein 1971-1 in the Forum Southwest Corinth*. Vol. VII. 6. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens. 319 p., 52 pl.
- Rotroff S., 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens. 979 p.
- Rotroff S., 2006. *Hellenistic Pottery. The Plane Wares*. The Athenian Agora. Vol. XXXIII. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens. 439 p., 98 fig., 90 pl.
- Sparkes B.A., Tallcot L., 1970. *Black and Plain Pottery of VIth – Vth and IVth Centuries BC*. The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens. 472 p., 25 fig., 98 pl.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.9>

UDC 903'«04/14»:666.3
LBC 63.442.6(2)-415

Submitted: 19.07.2022
Accepted: 19.09.2022

**AMPHORAE COLLECTION OF THE KRASNODAR STATE
HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MUSEUM-PRESERVE
NAMED AFTER E.D. FELITSYN¹**

Sergey Yu. Monakhov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Elena V. Kuznetsova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Nataliya B. Churekova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The Krasnodar Museum presents one of the largest amphora collections in the world. Materials from the Maeotian necropolises of the Region near the farms of Prikubanskiy, Lenin, the village of Starokorsunskaya, etc. are stored here. Almost half of the collection consists of vessels from the excavations of the Prikubanskiy necropolis – 324 amphorae and 101 complexes. Based on the analysis of imports (amphorae and black-glazed pottery) from the burials of this necropolis, we can talk about almost a twofold reduction in the supply of products to the settlement after the middle of the 4th century BC, with a tendency to further decline by the beginning of the 3rd century BC. The materials of the the Prikubanskiy necropolis are characterized by the absence of amphorae of Chios and Peparethos. The containers of these large production centers are represented by a minimum number in the second part of the Krasnodar collection, which includes 349 vessels originating from excavations at least 30 other archaeological sites of the Kuban Region. The existing individual Chios amphorae originate mainly from excavations on the Taman Peninsula. The article discusses several fragmented Chios amphorae with englyphic stamps “A”. At the same time, the Krasnodar collection contains a large number of amphorae of Hellenistic time (in particular Rhodes and the so-called “Prikubanskiy” series), which in other museums are represented by single copies. At the same time, stamped Rhodian vessels from Kuban Region give new, previously unknown combinations of names of eponyms and fabricants.

Key words: Amphorae museum collection, Greek amphorae, Maeotian necropolises, Kuban Region, Classical and Hellenistic epochs.

Citation. Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2022. Kolleksiya amfor Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna: obshchiy obzor [Amphorae Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Preserve named after E.D. Felitsyn]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 142-157. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.9>

УДК 903'«04/14»:666.3
ББК 63.442.6(2)-415

Дата поступления статьи: 19.07.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

**КОЛЛЕКЦИЯ АМФОР КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ИМ. Е.Д. ФЕЛИЦЫНА: ОБЩИЙ ОБЗОР¹**

Сергей Юрьевич Монахов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Елена Владимировна Кузнецова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Наталья Борисовна Чурекова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В Краснодарском музее представлена одна из наиболее крупных амфорных коллекций мира. Здесь хранятся материалы из меотских некрополей региона у хут. Прикубанский, Ленина, ст-цы Старо-корсунская и др. Практически половина коллекции приходится на сосуды из раскопок Прикубанского некрополя – 324 амфоры и 101 комплекс. На основании анализа импорта (амфор и чернолаковой керамики) из погребений этого некрополя мы можем говорить практически о двукратном сокращении поступления продукции на городище после середины IV столетия, с тенденцией дальнейшего спада к началу III в. до н.э. Для материалов Прикубанки характерно отсутствие амфор Хиоса и Пепарета. Тара этих крупных производственных центров представлена минимальным количеством и во второй части краснодарской коллекции, которая насчитывает 349 сосудов, происходящих из раскопок как минимум 30 других археологических памятников Кубани. Имеющиеся отдельные хиосские амфоры происходят преимущественно из раскопок на Таманском полуострове. В статье рассматриваются несколько фрагментированных хиосских амфор с энглифическими клеймами «А». В то же время краснодарское собрание содержит большое количество амфор эллинистического времени (в частности, Родоса и так называемой «прикубанской» серии), которые в других музеях представлены единичными экземплярами. При этом клейменные родосские сосуды из Прикубанья дают новые, неизвестные ранее сочетания имен эпонимов и фабрикантов.

Ключевые слова: амфорные музейные коллекции, греческие амфоры, меотские некрополи, Прикубанье, эпохи классики и эллинизма.

Цитирование. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2022. Коллекция амфор Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына: общий обзор // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 142–157. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.9>

Научный коллектив Саратовского государственного университета уже восьмой год ведет планомерную работу по изданию амфорных коллекций крупнейших музеев России. Первоначально наш проект был поддержан Российским гуманитарным научным фондом, а затем Российским фондом фундаментальных исследований². Тогда наши усилия были направлены на обработку музейных собраний в Керчи, Севастополе, Симферополе, Феодосии, Евпатории, Ялте и п. г. т. Черноморское. Результаты исследований были частично опубликованы в виде двух монографий, посвященных собраниям Керченского и Херсонесского музеев [Монахов и др., 2016; 2017]. Материалы остальных крымских музеев пока ждут своей публикации. В дальнейшем, при поддержке Российского научного фонда, удалось изучить и издать амфорные коллекции Государственного Эрмитажа и Пушкинского музея [Монахов и др., 2019; 2020]. Параллельно велась обработка колоссального собрания Краснодарского го-

сударственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Не будет преувеличением сказать, что даже без учета фондов его филиалов (Таманского и Анапского археологических и Темрюкского историко-археологических музеев) – это одно из крупнейших хранений амфор, по крайней мере в России.

Первые поступления в музей тарных сосудов относятся еще к дореволюционному периоду. К примеру, три амфоры были обнаружены летом 1903 г. при земляных работах на кирпичном заводе, функционировавшем при Екатеринодарской тюрьме [Анфимов, 1951, с. 125, рис. 2, 3]. Два сосуда «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» были обнаружены в 1913 г. в ст-це Тамань [Чурекова, 2021, с. 339, рис. 1, 10]. К сожалению, в большинстве случаев информация об обстоятельствах находки сосудов из ранних поступлений попросту не сохранилась.

Впоследствии коллекция пополнялась в первую очередь благодаря археологическим

исследованиям меотских и греческих некрополей, расположенных преимущественно в Прикубанье. Наиболее значительные и масштабные раскопки проводились на могильниках городищ у хут. Прикубанский и Ленина, а также у ст-ц Старокорсунская, Елизаветинская, Марьянская, Пашковская, Воронежская, Тамань, пос. Виноградный, Таманский и Приморский, хут. Лебеди, Двубратский, г. Усть-Лабинска, курганного некрополя у городища Фуружан, некрополей в черте г. Краснодара и др. Кроме того, в коллекции присутствуют отдельные находки из других районов, в частности из Тузлинского некрополя, но их количество невелико [Чурекова, 2021, с. 339; Монахов и др., 2021, с. 11]. Амфорное собрание Краснодарского музея не только крупнейшее в стране, оно насчитывает не один десяток уникальных сосудов, зачастую не имеющих аналогов или представленных единичными экземплярами.

Как и многие другие музеи, Краснодарский сталкивается с большим количеством трудностей: не только с нехваткой площадей для экспонирования, но и с отсутствием фондохранилищ для обеспечения сохранности музейных предметов. В настоящее время археологическая коллекция распределена между главным зданием, а также арендуемым помещением на Кубанской набережной и хранением в ст-це Старокорсунская. В предыдущие же годы фонды не раз затапливались, экспонаты приходилось часто перевозить [Монахов и др., 2021, с. 12]. Большой ущерб коллекции наносит и нехватка реставраторов в штате. Значительная часть сосудов из фондов Краснодарского музея была в свое время (в 1990–2000-е гг.) атрибутирована, зачерчена, сфотографирована С.Ю. Монаховым и И.И. Марченко³ и опубликована [Монахов, 1999, с. 446, 547–550; Лимберис, Марченко, 2005; 2019], благодаря чему эти амфоры, по крайней мере, были введены в научный оборот, что очень важно для археологического источниковедения.

На сегодняшний день работа с собранием находится на завершающем этапе. За рамками данной статьи мы оставляем амфорные коллекции филиалов Краснодарского музея в Анапе, Тамани и Темрюке, так как они сами по себе весьма представительны и являются предметом отдельного исследования.

По предварительным подсчетам фонды краснодарского музея насчитывают 671 тарный сосуд (включая опубликованную Прикубанскую коллекцию) из раскопок как минимум 30 археологических памятников. Это в два с лишним раза больше, чем в Эрмитаже, и почти в семь раз больше, чем в ГМИИ. Основная масса материалов (больше 85 %) относится к периоду с рубежа V–IV вв. до н.э. до начала III в. до н.э. Меньше двух десятков сосудов датируются архаическим и раннеклассическим временем. Более 70 экземпляров приходится на тару эллинистического периода [Чурекова, 2021, с. 339; Монахов и др., 2021, с. 11].

Фактически половина всего амфорного хранения (324 экземпляра и 101 комплекс) приходится на материалы из раскопок Прикубанского меотского некрополя у хут. Прикубанский в Красноармейском районе Краснодарского края, работы на котором велись в 1998–2001 гг. И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис и В.В. Бочковым. Исследования данного памятника дали не только огромное количество образцов самих тарных сосудов, но и представили нашему вниманию исключительное количество хорошо датированных комплексов, включающих или несколько тарных амфор (69 комплексов), или, наряду с амфорами, импортную чернолаковую керамику (32 комплекса)⁴. Очевидно, что благодаря нахождению в комплексе амфор, в том числе клейменых, вместе с чернолаковыми сосудами, датировка может быть более узкой [Кузнецова и др., 2021, с. 149–165].

Анализ комплексов позволил уточнить датировки отдельных серий тары. Так, удалось доказать, что производство амфор Менды «мелитопольского» варианта началось еще в 380-х гг. и до 350-х гг. их выпуск продолжался одновременно с тарой варианта «портичелло» [Монахов, Кузнецова, 2022, с. 145 и след.]. Кроме того, была прослежена эволюция синопской тары в период до начала систематического клеймения [Монахов, Кузнецова, 2021б, с. 261 и след.]. Привлечение дополнительных материалов из других меотских некрополей дало возможность скорректировать представления о датировке и типологическом развитии амфор Книда и Коса [Монахов, Кузнецова, 2021а; Mandrykina et al., 2021]. В

Прикубанском некрополе также найдены четыре амфоры Аканфа, две из которых неклеяемые [Monakhov, 2021]. Учитывая количество тарных сосудов и многочисленность комплексов, материалы из Прикубанского некрополя опубликованы отдельным томом [Монахов и др., 2021], что избавляет нас от необходимости рассматривать эту часть коллекции детально.

Следует остановиться лишь на нескольких моментах. Во-первых, материалы Прикубанского могильника охватывают довольно узкий хронологический период – практически все сосуды относятся к IV в. до н.э., лишь отдельные экземпляры заходят в самое начало следующего столетия. Во-вторых, обращает на себя внимание полное отсутствие тары Хиоса и Пепарета, продукция которых была чрезвычайно популярна на северопричерноморском рынке в этот период⁵. В-третьих, тара основных экспортеров продукции представлена в выборке неравномерно. На данное обстоятельство после выхода монографии обратил наше внимание В.И. Кац, за что мы ему искренне признательны⁶. Он отметил, что практически все фасосские клейменные сосуды относятся к 350-м гг. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 119, 124, Th.29, Th.40]⁷, а гераклейские – к началу 340-х гг. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 246, 249, НР.39, НР.46]. Кроме того, наблюдается разрыв и в поступлении синопской тары, которая очень хорошо представлена в период до появления практики систематического клеймения в этом центре, далее следует некий разрыв и клейменные синопские сосуды вновь появляются только в последней четверти IV в. до н.э. [Кузнецова, 2021, с. 171 и след.; Монахов и др., 2021, с. 258–275]. Очевидно, имеет место наличие нескольких периодов спада в поступлении импортной продукции.

При этом о прекращении импорта речи не идет. В выборке присутствуют неклеяемые амфоры указанных центров, изготовление которых можно датировать в широких рамках середины – третьей четверти IV в. до н.э. Однако их количество значительно меньше, чем для второй четверти столетия. К примеру, количество амфор *Фасоса* 370–350-х гг. до н.э. достигает 30, тогда как на следующую четверть приходится лишь 4 экземпляра. При

этом еще 14 сосудов датируются 350-ми–340-ми годами⁸. Не столь масштабное сокращение импорта фиксируется для *гераклейской* и *синопской* продукции, однако следует отметить, что для обоих центров характерно большее количество сосудов с широкой датировкой (за исключением экземпляров из комплексов). Кроме того, в третьей четверти IV в. до н.э. сходит на нет поступление *мендейского* вина – самый поздний сосуд из данной выборки датируется 330-ми гг. [Монахов и др., 2021, с. 171, Мд.71]. Даже количество амфор *Книда* уменьшается после середины столетия.

Однако тенденция сокращения импорта фиксируется не для всех центров. К примеру, амфор *Икоса* третьей четверти столетия в 1,5 раза больше, чем для предыдущего периода. В этот отрезок времени увеличивается также и объем *косской* продукции, что, впрочем, можно объяснить и поздним включением Коса в торговлю в Причерноморье. В целом же, с учетом сосудов всех центров, чья тара представлена в Прикубанском некрополе (за исключением тары *неустановленных центров производства*, датировка которых затруднительна), мы можем говорить практически о двукратном сокращении импорта на городище после середины IV столетия, с тенденцией дальнейшего спада к началу III в. до н.э. Примечательно, что при совокупном анализе материалов меотских некрополей В.В. Улитин в свое время получил другой результат: «...наибольшие темпы развития торговли приходятся на вторую четверть IV в. до н.э., а возможный пик поступления товаров в керамической таре в Прикубанье приходится на третью четверть того же столетия. Однако утверждать последнее мы не можем, поскольку разница в объемах продукции, поставленной во второй и в третьей четвертях не столь значительна. Более правильным будет говорить о второй – третьей четвертях IV в. до н.э. как о времени наивысшего подъема торговли» [Улитин, 2006, с. 15] (см. также: [Кошеленко и др., 2010, с. 273–278; Завойкин, 2021, с. 67]).

Не следует забывать, что несмотря на довольно представительную выборку, мы все-таки имеем дело с материалами некрополя, что не может не накладываться свой отпеча-

ток на репрезентативность выводов. Заметим, что из 387 исследованных меотских захоронений из этого Прикубанского некрополя амфоры содержались в 234 (или 60,5 %), 191 сосуд из этого числа происходит из узко датированных комплексов. При этом подавляющее число погребений (71!) с тарными амфорами датируется первой половиной IV в. до н.э., еще 12 – серединой столетия. На вторую половину столетия приходится всего 17 захоронений. Примерно ту же картину мы наблюдаем и в погребениях, которые содержат из импорта лишь чернолаковые сосуды (как правило, фрагментированные). Из 13 таких комплексов 8 относятся к первой половине IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2010, с. 322–354]⁹. При этом основная часть погребений и с амфорами и с черным лаком приходится на конец первой – вторую четверти столетия. На наш взгляд, очевидно, что подобный расклад может служить существенным аргументом в пользу вышеизложенного утверждения о значительном росте торговли именно в этот хронологический отрезок. Постепенное увеличение числа импортных изделий в погребальном инвентаре явно свидетельствует о росте благосостояния местного населения, которое было крайне заинтересовано в расширении торговли с Боспорским царством. Исходя из материалов Прикубанского некрополя, можно говорить о том, что в начале третьей четверти IV в. до н.э. намечается некоторый спад торговой активности. Не исключено, что большая часть погребений, не содержащих импорта, приходится именно на вторую половину столетия.

Вместе с тем, принимая во внимание полученные на данных материалах результаты, следует помнить, что по оценкам авторов раскопок, ими было исследовано не более 2 % (!) памятника. Не исключено, что в случае полного изучения некрополя выводы будут совершенно иными.

Вторая, чуть большая часть коллекции Краснодарского музея (349 экз.) также содержит материалы преимущественно из раскопок меотских могильников в регионе Прикубанья. Значительное количество амфор происходит из меотских могильников у ст-цы Старокорсунская – более 90 экземпляров и у хут. Ленина – 65 амфор. Всего же в коллекции хра-

нятся материалы из раскопок около 30 памятников, много случайных находок (полученных при осмотре разрушающихся памятников или переданных в дар музею местными жителями). К сожалению, из-за отсутствия строгого учета на протяжении нескольких (по всей видимости) десятилетий, в настоящее время утрачена информация о происхождении около 20 % сосудов. Сейчас сотрудники-хранители ведут активную работу по сверке описей, книг приема, архивов и прочей документации для возможного восстановления обстоятельств находки предметов. Надеемся, что наша работа поможет им в этом нелегком труде, так как в отдельных случаях нам удалось произвести идентификацию амфор по отчетам¹⁰.

По центрам производства амфоры из второй части коллекции распределяются следующим образом: *Средиземноморье* (неустановленные центры) – 43, *Гераклея* – 41, *Синопа* – 32, *Родос* – 32, *Книд* – 31, *Менда* – 29, «прикубанская» серия – 27, *Фасос* – 26, *Икос* – 18, *Эрифры* – 17, *Кос* – 17, *Хиос* – 14, «протофасосские» – 7, *Херсонес* – 3, *Лесбос* – 3, тип «Муригиоль» и тип «с раздутым горлом» – по 2, *Клазомены*, *Теос*, *Коринф*, *Колхида* и *Пепарет* – по 1 экземпляру.

Самые ранние амфоры в коллекции Краснодарского музея – это сосуды позднеархаического и классического времени, их, правда, не так много, чуть больше 3 %. Большая их часть происходит с территории Таманского полуострова, но есть и редкие находки из Прикубанья. В первую очередь речь идет об уникальной амфоре Теоса конца VII – начала VI в. до н.э., обнаруженной в погребении № 8 кургана № 11 могильника Лебеди V (рис. 1,1) [Монахов, 1996, табл. 1,1; 2003, с. 54–55, табл. 32,1; Пьянков и др., 2019, с. 219–221, рис. 11,1; Чурекова, 2021, с. 339, рис. 1,1]. В насыпи кургана № 9 этого же некрополя было обнаружено горло лесбосской амфоры третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 1,2) [Чурекова, 2021, с. 339, рис. 1,3]. Последней третью этого столетия датируется горло клазоменского сосуда, найденное при исследовании могильника «Марьянское 1» (рис. 1,3) [Чурекова, 2021, с. 339, рис. 1,2]. Самая ранняя мендейская амфора из краснодарской коллекции обнаружена в погребении № 295 могильника Старокорсунского городища № 3 (рис. 1,4)

[Чурекова, 2021, с. 339, рис. 2, 18]. Остальные сосуды раннеклассического времени происходят из раскопок памятников на Таманском полуострове, отдельные экземпляры которых паспортных данных не имеют [Чурекова, 2021, с. 341].

Как мы отмечали выше, собрание Краснодарского музея Филицына разительно отличается от прочих музейных коллекций практически полным отсутствием хиосской тары. За все годы раскопок меотских могильников была найдена только одна (!) амфора Хиоса в погребении № 24/1980 года некрополя городища № 2 у хут. Ленина (рис. 1,5). Она относится к типу «конических амфор с колпачковой ножкой» и датируется последней четвертью IV – рубежом IV–III вв. до н.э. [Монахов, 2003, с. 23, табл. 13]. К сожалению, этот сосуд хоть и был сдан в свое время на хранение, в коллекции не сохранился. Большая же часть хиосских амфор из краснодарской коллекции не имеет точных паспортов. Пополнение собрания образцами хиосской тары произошло совсем недавно по результатам раскопок поселения № 6 у ст-цы Старотитаровская (опять на Тамани)¹¹. Особо стоит отметить горло хиосской амфоры из раскопок этого поселения с *англифическим* клеймом под венцом в виде буквы «А» (рис. 1,6). Практически такое же горло с *англифическим* клеймом «А» иного штампа происходит из раскопок Н.В. Анфимовым Семибратнего городища в 1949 г. (рис. 1,7) [Кац, 2015, № 2006]. Такие морфологические характеристики этих амфор, как высокие горла, уплощенные венцы и небольшие ручки свидетельствуют о том, что мы имеем дело с фракционными сосудами «прямогорлого» типа варианта «ботрос» 420–410-х гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 239, табл. 9,5–7]. Интересно, что практически идентичное клеймо, стоящее на *нижнем прилепе* ручки амфоры более раннего «нимфейского» варианта (440–430-е гг. до н.э.), зафиксировано в Никонии в 1975 г. [Монахов, 2003, с. 20, табл. 8,5]. Оттиск явно выполнен иным штампом – буква (А) уже и меньшего размера (рис. 1,8). Более того, в Патрее в комплексе № 61 было найдено горло хиосской амфоры «позднепухлогорлого» варианта (рис. 1,9), в нижней части которого также стоит оттиск «А» в круглой рамке, но уже *рельефный* [Аб-

рамов, 2020, рис. 171,5]. Следовательно, подобные клейма, состоящие из одной буквы и выполненные двумя разными способами, использовались в хиосском амфорном производстве (возможно, в рамках одной мастерской) на протяжении, как минимум, тридцати лет. В своде IOSPE III приведено несколько разновидностей подобных клейм, в том числе рельефных, хотя не исключена вероятность, что не все они хиосские.

Большая часть сосудов второй части коллекции Краснодарского музея датируется IV – началом III в. до н.э. и относится к производству *Гераклеи Понтийской, Менды, Фасоса, Книда, Синопы, Коринфа, Икоса, Эрифр и неустановленных центров, в том числе типов «Муригиоль» и «Солоха I»*. Единственная на весь Прикубанский регион амфора Пепарета была обнаружена экспедицией под руководством М.Ю. Лунева в погребении № 4 могильника селища «Пашковское-3» в 2021 году¹². Единственная амфора *Колхиды* датируется первой половиной III в. до н.э.

К этому же хронологическому периоду (IV – начало III в. до н.э.) относится и большая часть комплексов погребений, содержавших в некоторых случаях, помимо амфор, импортную чернолаковую керамику. Практически все они были опубликованы ранее авторами раскопок [Либерис, Марченко, 2005; 2016; 2019, с. 322–325], но имеются и новые материалы.

В 2010 г. экспедицией Южного регионального центра археологических исследований под руководством А.В. Иванова был исследован курган № 2 группы «Фурожан-3» в 1 км к юго-западу от хут. Трудовой Крымского района Краснодарского края (западная часть Синдики). В исследованных погребениях, помимо меотской посуды, было обнаружено значительное количество импорта, включавшего 16 амфор, разнообразную чернолаковую керамику и стеклянный сосуд. Материалы могильника были детально опубликованы А.В. Ивановым [Иванов, 2020], что избавляет нас от необходимости останавливаться на этом.

В 2013 г. экспедиция того же центра под руководством В.Ю. Кононова проводила полевые охранные исследования селища «Ма-

рьянское-1» и его могильника, расположенного в Красноармейском районе Краснодарского края. Полной публикации материала на данный момент нет, но материалы оттуда поступили на хранение в музей¹³.

Основную часть сосудов эллинистического времени составляют амфоры *Книда*, *Родоса*, *Эрифр*, *Коса* и неустановленного центра (так называемой «*прикубанской*» серии).

Именно материалы меотских могильников позволили значительно уточнить датировки и проследить эволюцию тары *Книда* и *Коса* [Монахов, 2014; Монахов, Кузнецова, 2021a]. В частности было отмечено, что поступление книдской продукции в Прикубанский регион началось еще во второй четверти IV в. до н.э., причем в довольно значительном объеме. Ближе к середине столетия появляется и косский импорт. Примечательно, что в собрании Краснодарского музея наиболее поздние амфоры этих двух центров датируются самым началом III в. до н.э. Есть только один книдский сосуд, датирующийся началом II в. до н.э., но он происходит не из Прикубанья, а из Тузлинского некрополя [Монахов, 2003, с. 109, 307, табл. 77, 3]. При этом в других регионах Северного Причерноморья поздние сосуды этих двух центров встречаются достаточно часто.

Для более позднего времени (III – начала I в. до н.э.) характерно абсолютное преобладание *родосской* тары. При этом подавляющее большинство сосудов клейменные. Примечательно, что в отдельных случаях встречаются неизвестные ранее сочетания магистратских и фабрикантских клейм. Приведем лишь один пример. В погребении № 6 могильника № 3 у хут. Ленина экспедицией под руководством Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко в 1983 г. была обнаружена амфора с двумя клеймами [Лимберис, Марченко, 2005, с. 227, рис. 47, 7; Лимберис, Марченко, 2019, с. 324, рис. 13, 7]: 1) ἐπὶ Τεῖσαμένου | Ἀγριανίου; 2) Ζωίλου (рис. 1, 10). Деятельность эпонима Τεῖσαμένος относится к периоду Vb и датируется 125–121 гг. до н.э. [Finkielsztejn, 2001, p. 156, 195, tabl. 12, 21] или 124–122 гг. до н.э. [Sankardeş-Şenol, 2016, p. 19]. При этом клейма фабриканта Ζωίλος (причем того же штампа, что и на данной амфоре) традиционно связывают с эпонимами периода III (198–161 гг. до н.э.)¹⁴.

Сейчас же очевидно, что это не совсем так (рис. 1, 10). Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с омонимом. Это не единственный случай подобного расхождения, поэтому родосские клейменные сосуды из собрания Краснодарского музея требуют отдельного детального анализа.

Как уже отмечалось, в Краснодарской коллекции второй группы (помимо Прикубанского некрополя) широко представлены амфоры так называемой «*прикубанской*» серии. В основном они происходят из раскопок некрополей у хут. Ленина и ст-цы Старокорсунская, наиболее ранние датируются второй четвертью II в. до н.э., а поздние доходят до I в. до н.э. Сосуды этой группы подробно рассмотрены в серии публикаций, поэтому мы не будем останавливаться на этом. Отметим лишь, что из собраний других музеев нам известны только две (!) такие амфоры – из раскопок Нимфея [Монахов и др., 2016, с. 186, Un. 5] и поселения Юбилейное I [Монахов и др., 2020, с. 173, Un. 6]. В Краснодарском же музее они представлены 27-ю (!) экземплярами. Центр производства этих сосудов пока остается неизвестным.

Часть амфор, составляющих коллекцию Краснодарского музея, происходят из археологических комплексов. Подавляющее их число приходится на погребения из раскопок меотских некрополей у хут. Ленина, ст-ц Старокорсунская, Марьянская и курганной группы Фурожан-3.

В большинстве своем эти комплексы датируются периодом с рубежа V–IV вв. до н.э. до начала III в. до н.э. Другая часть, прежде всего, с родосскими амфорами и амфорами так называемой «*прикубанской*» серии, относится к более позднему времени. Самый ранний объект происходит из раскопок поселения № 6 у ст-цы Старотитаровская на Тамани. Он включал «протофасосскую» амфору последней четверти VI в. до н.э. и нижнюю часть тулова хиосского сосуда «раннего» варианта «пухлогорлого» типа с энглифическим колечком на ножке (рис. 2, 1, 2).

Основная же часть комплексов относится к IV – первой трети III в. до н.э. В них представлена тара практически всех производственных центров, чья продукция поставлялась в Прикубанье. В некоторых погребениях помимо амфор и меотской лепной и кружал-

ной керамики были обнаружены чернолаковые сосуды [Лимберис, Марченко, 2015]. К примеру, в погребении № 17 некрополя у ст-цы Марьянская, о котором мы уже упоминали выше, помимо лепной и сероглиняной керамики, железных копий, дротиков, наконечников стрел, ножей, бронзового браслета и стеклянных бус, найдены чернолаковый скифос и две *мендейские* амфоры [Кононов, 2013, т. 4, с. 64–66, рис. 619–621]. Обе амфоры (рис. 2,3,4) относятся к «мелитопольскому» варианту П-С, у одной из них на ручке рельефное клеймо – буква «Ц» в ромбовидной рамке (рис. 2,4). Такие оттиски зафиксированы в Горгииппии и в ее округе [Кац, 2015, № 377, 2135]. Аналогии этому варианту амфор известны в большом числе и уверенно датируются в пределах середины – начала третьей четверти IV столетия [Monachov, 1997, p. 35, fig. 5; Монахов, 1999, с. 211, 220, 303, 372, 379, 381, табл. 87, 92, 128, 163–168; Монахов, 2003, с. 92–93, табл. 63,4–6, 64; Монахов и др., 2017, с. 90–92; Монахов и др., 2019, с. 58, 145]. В большом числе мендейские амфоры этого варианта встречены в комплексах того же времени Прикубанского некрополя, в частности в погребениях № 53, 86, 405 [Монахов и др., 2021, с. 77, 174, 175, Md.44, Md.46, Md.47, Md.50]. Аттический чернолаковый *скифос* типа «А» из погребения № 17 некрополя у ст-цы Марьянская имеет заметно прогнутые в придонной части стенки и отогнутый заостренный венчик (рис. 2,5). Материалы комплекса датируются 350–340-ми гг. до н.э.

Самый поздний комплекс этой подгруппы (с иным импортом) содержал редкий для региона стеклянный скифос, который датируется достаточно поздним временем – серединой I в. до н.э. [Бочковой и др., 2005, с. 180–182, рис. 8–10]. Вместе с ним находилась уникальная гераклеяская (псевдо-косская) амфора редкой формы, красно-коричневой глины, с массой коричневых и черных включений, явно южно-понтийской (гераклеяской) [Монахов, 2014, с. 217, 219, рис. 13,64].

Ко второй условной подгруппе комплексов можно отнести археологические объекты, в которых содержались две или более амфор и не было иного импорта. В комплексах этой подгруппы присутствуют сосуды *Икоса*, *Менды*, *Эрифр*, а также неизвестных

средиземноморских центров, наибольшее число отдельных амфор относится к продукции *Коса* и *Родоса*. Самый ранний комплекс в этой подгруппе датируется третьей четвертью IV в. до н.э. – это погребение 86в Старокорсунского восточного могильника [Лимберис, Марченко, 2005, с. 221, 248–249, 282, рис. 11], самый поздний – началом последней трети III в. до н.э. – погребение 99в того же могильника [Монахов, 1999, с. 548–550, табл. 230; Лимберис, Марченко, 2005, с. 225, 252, 284, рис. 13,15–21; Лимберис, Марченко, 2019, 321, 330, рис. 4].

В целом амфорная коллекция Краснодарского музея является действительно крупнейшим собранием и содержит редкие или даже уникальные экземпляры амфор. При этом ее отличают довольно узкие хронологические рамки. В некоторой степени уникален и состав коллекции, в которой практически отсутствуют сосуды прославленных винодельческих центров – Хиоса и Пепарета. Имеющиеся отдельные хиосские амфоры происходят преимущественно из раскопок памятников, расположенных на Таманском полуострове. В то же время краснодарское собрание содержит большое количество амфор эллинистического времени (в частности, Родоса и так называемой «прикубанской» серии), которые в других музеях представлены единичными экземплярами. Данный обзор предваряет публикацию второй части амфорной коллекции Краснодарского музея, которую мы планируем подготовить и издать в ближайшее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00096).

² Проект РГНФ/РФФИ № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI–II вв. до н.э. из собраний музеев Крыма».

³ Мы выражаем искреннюю признательность Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, которые любезно предоставили нам возможность обработать и опубликовать материалы из своих экспедиций. Следует отметить, что амфоры из их раскопок составляют большую часть коллекции Краснодарского музея.

⁴ Для сравнения отметим, что в монографии С.Ю. Монахова, посвященной керамическим комплексам [Монахов, 1999], анализируется около 200 археологических объектов более широкого хронологического диапазона.

⁵ Забегая вперед, отметим, что данная особенность характерна для всей краснодарской коллекции.

⁶ Письмо В.И. Каца от 14.03.2022 г. из личного архива С.Ю. Монахова.

⁷ Лишь одна клейменная амфора датируется последней четвертью IV в. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 133, Th.59].

⁸ Подобная датировка не позволяет уверенно разделить их по четвертям столетия, но общая тенденция снижения фасосского импорта после середины IV в. до н.э. очевидна.

⁹ При этом авторы особо подчеркивают, что чернолаковые сосуды по сравнению с амфорами хронологически не запаздывают.

¹⁰ Работа непосредственно с коллекцией была завершена совсем недавно, анализ информации и подготовка карточек сосудов на момент написания статьи еще ведется. Мы выражаем благодарность сотрудникам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына за оказанную помощь в работе с материалами.

¹¹ Мы благодарим автора раскопок Н.Ф. Шевченко за любезное разрешение опубликовать эти материалы.

¹² Мы весьма признательны М.Ю. Луневу за предоставленную возможность анонсировать данную находку. Материалы его работ на момент подготовки статьи еще не были сданы на хранение в Краснодарский музей.

¹³ Тезисная информация: [Кононов 2014; Кононов, Бейлина 2016]. Мы благодарны автору за разрешение использовать материалы его раскопок.

¹⁴ RF-ZΩIΛOΣ-002 [Matrices of Stamps ...].

ПРИЛОЖЕНИЯ

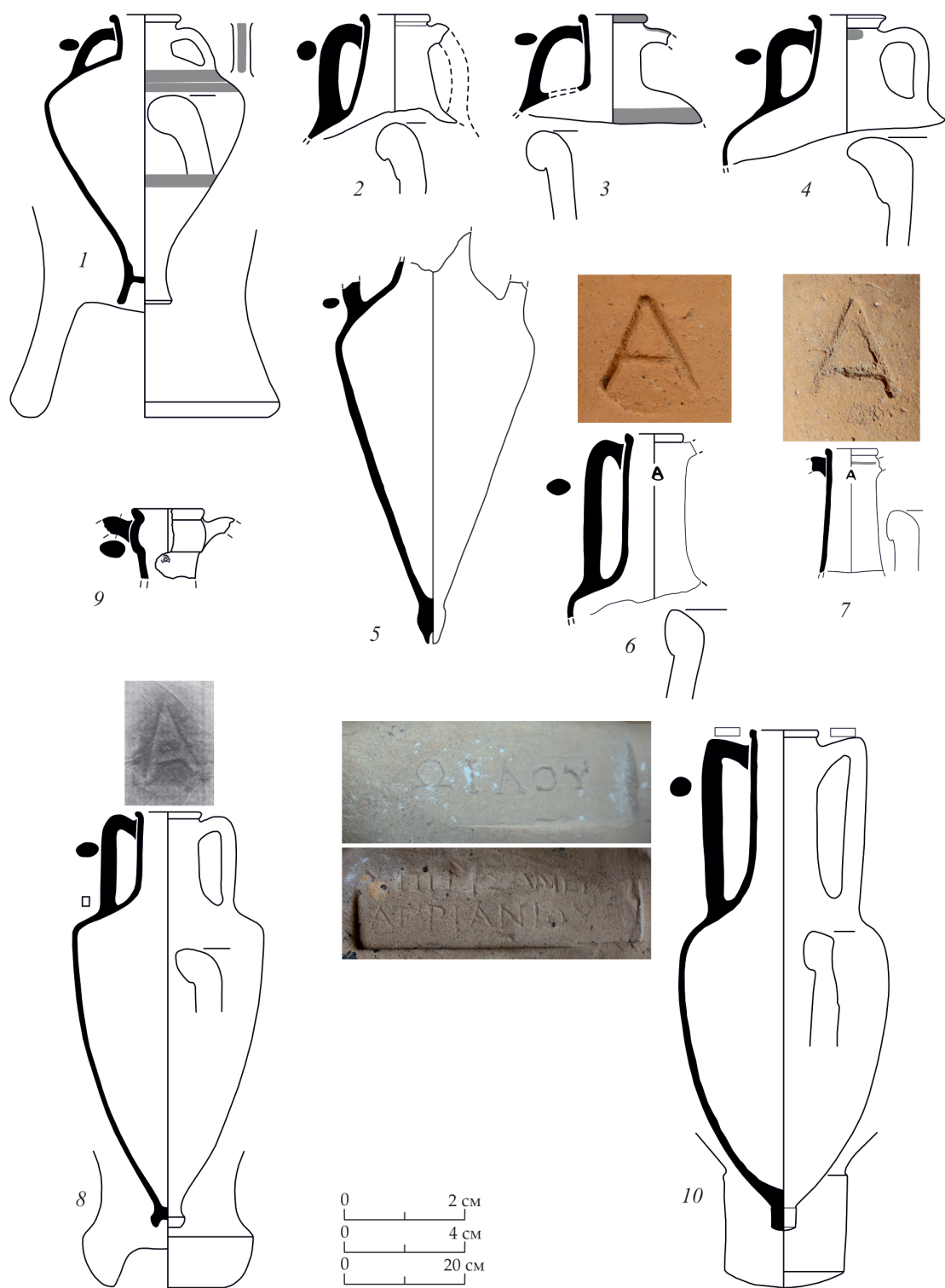

Рис. 1. Амфоры из коллекции Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына:

1 – Теос; 2 – Лесбос; 3 – Клазомены; 4 – Менда; 5–9 – Хиос; 10 – Родос
 (1–4, 6–10 – чертежи авторов; 5 – амфора не сохранилась, чертёж по: [Аптекарев, 1980, л. 33, рис. 167])

Fig. 1. Amphorae from the collection of the Krasnodar State museum-preserve named after E.D. Felitsyn:

1 – Teos; 2 – Lesbos; 3 – Klazomenae; 4 – Mende; 5–9 – Chios; 10 – Rhodes
 (1–4, 6–10 – drawings by the authors; 5 – after: [Aptekarev, 1980, list 33, fig. 167])

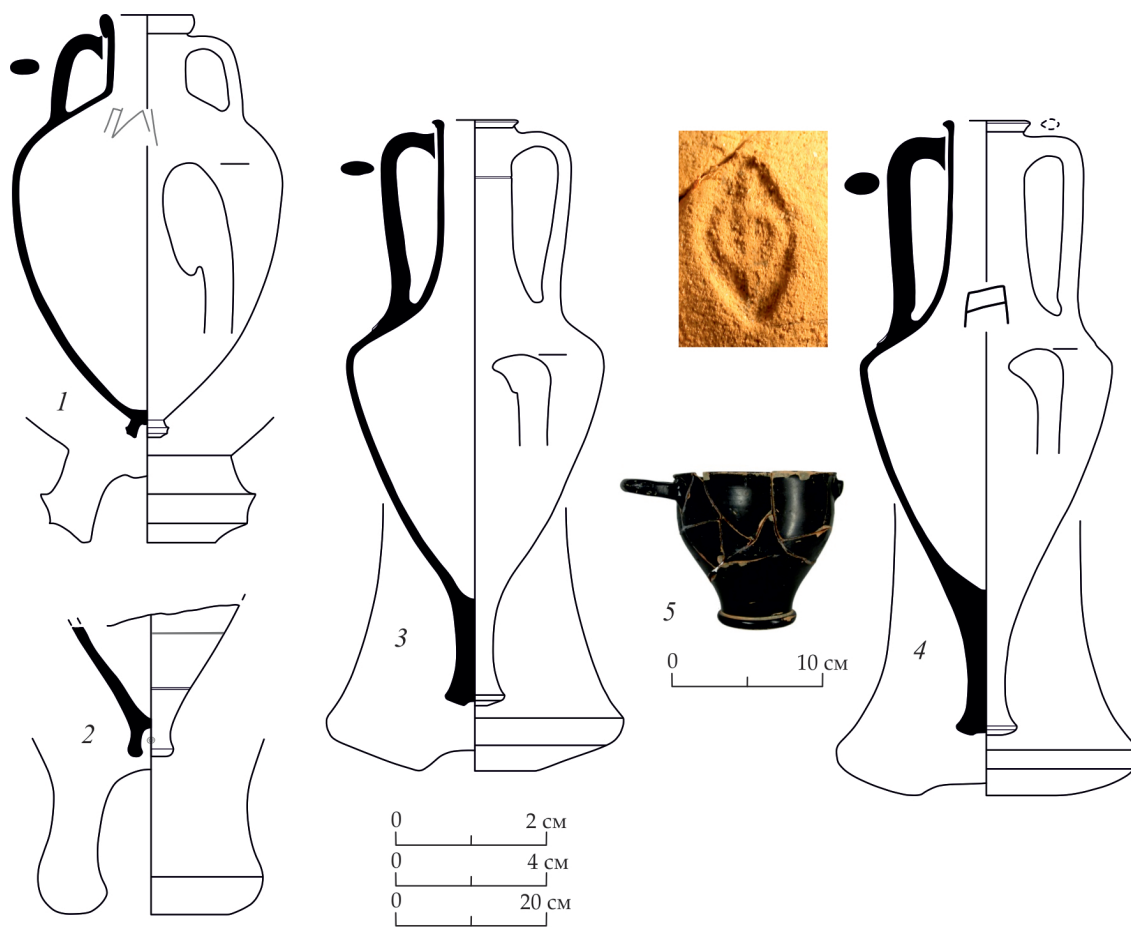

Рис. 2. Амфоры из коллекции Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына:

1 – «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне»; 2 – Хиос; 3, 4 – Менда; 5 – скифос
(1–4 – чертежи авторов; 5 – по: [Кононов, 2013, рис. 619,9])

Fig. 2. Amphorae from the collection of the Krasnodar State museum-preserve named after E.D. Felitsyn:

1 – “on a double-beveled toe”; 2 – Chios; 3, 4 – Mende; 5 – Skyphos
(1–4 – drawings by the authors; 5 – after: [Kononov, 2013, fig. 619,9])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А. П., 2020. Греческие амфоры 6–5 вв. до н.э. в Северном Причерноморье. М. : Русский фонд содействия образованию и науке. 248 с.
- Анфимов Н. В., 1951. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье // Вестник древней истории. № 1. С. 110–128.
- Аптекарев А. З., 1980. Могильник городища № 2 х. им. Ленина. Альбом I // Научный архив ИА РАН. Р-1, Д. № 8786а. 195 с.
- Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 172–218.
- Завойкин А. А., 2021. Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // *Nuropolis*. Vol. 3. С. 58–71.
- Иванов А. В., 2020. Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар : ИП Вольная Н.Н. 148 с. : ил.
- Кац В. И., 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище : каталог. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 180 с.
- Кононов В. Ю., 2013. Отчет о раскопках поселения и могильника «Марьянское 1» в Красноармейском районе Краснодарского края в 2013 году // Архив КГИАМЗ. Т. 1–4.
- Кононов В. Ю., 2014. «Марьянское-1» – новый памятник меотской археологической культуры в Прикубанье (предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. М. : ИА РАН. С. 166–167.
- Кононов В. Ю., Бейлина С. А., 2016. Торговые связи поселения Марьянское-1 (по материалам амфорной тары) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный : Чечен. гос. ун-т. С. 97–98.
- Кошеленко Г. А., Малышев А. А., Улитин В. В., 2010. Торговля // Античное наследие Кубани. Т. II. М. : Наука. С. 257–289.
- Кузнецова Е. В., 2021. Особенности работы с амфорным материалом Прикубанского некрополя // Античные реликвии Херсонеса : Открытия, Находки, Теории : материалы науч. конф. (Севастополь, 20–24 сент. 2021 г.). Севастополь : [б. и.]. С. 171–175.
- Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю., 2021. Хронология скифосов «беглого» стиля и амфор из Прикубанского некрополя // Вестник древней истории. № 81 (1). С. 149–165.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Т. 14. М. : ИА РАН. С. 322–356.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2015. Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // Древности Боспора. Вып. 19. М. : ИА РАН. С. 227–255.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2016. Лекифы в погребальном обряде меотов Правобережья Кубани // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М. : ГИМ. С. 64–70.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Погребения с родосскими амфорами из меотских могильников Краснодарской группы // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов : Техно-Декор. С. 318–341.
- Монахов С. Ю., 1996. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века : тез. VIII Междунар. науч. конф. Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та. С. 38–45.
- Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 679 с.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье : типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. : Киммериды ; Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 352 с.
- Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum Plus*. № 3. С. 195–222.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2021а. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани // *Stratum Plus*. № 6. С. 183–205.

- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2021б. Синопские амфоры первой половины IV в. до н.э. из Прикубанского меотского некрополя // *Античный мир и археология*. Вып. 20. Саратов : Техно-Декор. С. 261–294.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2022. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии // *Археологические вести*. Вып. 35. СПб. : ИИМК РАН. С. 145–158.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстикова В. П., Чурекова Н. Б., 2020. Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Саратов : Амирит. 218 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б., 2016. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника : каталог. Керчь ; Саратов : Тип. Новый проект. 222 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2017. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» : каталог. Саратов : Тип. Новый проект. 208 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б., 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. : каталог. Саратов : Амирит. 352 с. : ил.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов : Волга. 324 с.
- Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В., 2019. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // *Археологические вести*. Вып. 25. СПб. : ИИМК РАН. С. 206–228.
- Улитин В. В., 2006. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII–первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 26 с.
- Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры архаического и реннеклассического времени в собрании Краснодарского историко-археологического музея-заповедника // *Античные Реликвии Херсонеса : Открытия, Находки, Теории : материалы науч. конф. (Севастополь, 20–24 сент. 2021 г.)*. Севастополь : [б. и.]. С. 339–345.
- Cankardeş-Şenol G., 2016. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 4. Alexandria : Centre d'Études Alexandrines. 330 p.
- Finkielsztejn G., 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. Environ. Premier bilan*. BAR International Series 990. Oxford : Archaeopress. 260 p.
- Mandrykina A. V., Kvartalov V. B., Kuznetsova E. V., Monakhov S. Yu., Tereschenko E. Yu., Alekseeva O. A., 2021. Comparative Analysis of the Elemental Composition of Antique Ceramics from Knidos and Kos : Clarification of Localization // *Nanobiotechnology Reports*. Vol. 16, no. 5. P. 684–703.
- Matrices of Stamps of Rhodian Eponyms and Producers. URL: http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_ekon/affiche_GRF.php (accessed: 19.07.2022).
- Monachov S. J., 1997. La chronologie de quelques kourganes de la noblesse Scythe du IVe siècle av. n.è. du Littoral septentrional de la Mer Noire // *Il Mar Nero*. Vol. II, 1995/96. Bucuresti ; Roma ; Paris : Edizioni Quazar di Severino Tognon s.r.l. P. 29–59.
- Monakhov S. Yu., 2021. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae // *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 20, no. 2. P. 43–65. DOI : <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>

REFERENCES

- Abramov A.P., 2020. *Grecheskie amfory 6–5 vv. do n.e. v Severnom Prichernomor' e* [Greek Amphorae of the 6th–5th Cent. BC in the Black Sea Region]. Moscow, Rus. fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ. 248 p.
- Anfimov N.V., 1951. Sinopskie ostrodonnye amfory ellinisticheskoi epokhi v Prikuban' e [Sinopean Hellenistic Amphorae in Prikuban Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 110–128.
- Aptekarev A.Z., 1980. Mogil'nik gorodishcha № 2 kh. im. Lenina. Al'bom I [Necropolis of the Settlement No. 2 Near Khutor of the Lenin Name. Album I]. *Arkhir IA RAN*. P-1, Д. № 8786a. 195 p.
- Bochkovoy V.V., Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2005. Pogrebeniya s amforami iz mogil'nika gorodishcha Spornoe [Graves with Amphorae from the Necropolis of Spornoe]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches About Kuban Archaeology], iss. 5. Krasnodar, KubGU, pp. 172–218.

- Zavoykin A.A., 2021. Varvarskie plemena i ikh territorii pod vlast' u Spartokidov [Barbarian Tribes and Their Territories under the Rule of the Spartokid Dynasty]. *Hypanis*, vol. 3, pp. 58-71.
- Ivanov A.V., 2020. *Meotskiy mogil'nik «Furozhan» v Zapadnom Zakuban'e* [Maeotian Necropolis “Thurozhan” in the West Kuban Region]. Krasnodar, IB Volnaya N.N. Publ. 148 p., fig.
- Kats V.I., 2015. *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippia i ee khora, Semibratnee gorodishche: katalog* [Ceramic Stamps of Asiatic Bosphorus. Gorgippia and its Chora, Semibratnee Settlement. Catalogue]. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta. 180 p.
- Kononov V.Yu., 2013. Otchet o raskopkakh poseleniya i mogil'nika «Mar'yanskoe I» v Krasnoarmeyskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2013 godu [Report About the Excavation of Settlement and Necropolis “Mar'yanskoe I” in the Krasnoarmeysk Region in Krasnodar Kray in 2013]. *Arkhiv KGIAMZ*, vol. 1-4.
- Kononov V.Yu., 2014. «Mar'yanskoe I» – novyi pamyatnik meotskoy arkheologicheskoi kul'tury v Prikuban'e (predvaritel'noe soobshchenie) [“Maryanskoe I” is a New Monument of the Maeotian Archaeological Culture in Prikubanye (Preliminary Report)]. *E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [E.I. Krupnov and the Development of Archaeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnov Readings. Proceedings of International Scientific Conference]. Moscow, IA RAS, pp. 166-167.
- Kononov V.Yu., Beylina S.A., 2016. Torgovye svyazi poseleniya Mar'yanskoe-1 (po materialam amfornoy tary [Trade Relations of the Settlement of Maryanskoe-1 (Based on the Materials of the Amphora Containers)]. *Izucheniye i sokhraneniye arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya* [Study and Preservation of the Archaeological Heritage of the Peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov Readings]. Groznyy, CheSU, pp. 97-98.
- Koshelenko G.A., Malyshev A.A., Ulitin V.V., 2010. Torgovlya [Trade]. *Antichnoe nasledie Kubani* [The Ancient Heritage of Kuban], vol. II. Moscow, Nauka Publ., pp. 257-289.
- Kuznetsova E.V., 2021. Osobennosti raboty s amfornym materialom Prikubanskogo nekropolya [Features of Working with Amphorae Material of the Prikubansky Necropolis]. *Antichnye Relikvii Hersonesa: Otkrytiya, Nahodki, Teorii: materialy nauch. konf. (Sevastopol', 20–24 sent. 2021 g.)* [Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories. Materials of the Scientific Conference. Sevastopol, September 20–24, 2021]. Sevastopol, s. n., pp. 171-175.
- Kuznetsova E.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Monakhov S.Yu., 2021. Khronologiya skifosov «beglogo» stilya i amfor iz Prikubanskogo nekropolya [Chronology of the “Fat Boy Group” Skyphoi and Amphorae from the Prikubanskiy Burial Ground]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, iss. 81 (1), pp. 149-165.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of Ceramic Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Meotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archeology of the Kuban], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 219-324.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2010. Rapisnye i chernolakovye sosudy iz Prikubanskogo mogil'nika (atributsiya i khronologiya) [Painted and Black-Glazed Pottery from the Cemetery of Prikubanskiy (Attribution and Chronology)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosphorus], vol. 14. Moscow, IA RAS, pp. 322-356.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2015. Chernolakovye skifosy iz meotskikh pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Black-Glazed Skythos from Meotian Settlements of the Right Bank of the Kuban River]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosphorus], iss. 19. Moscow, IA RAS, pp. 227-255.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2016. Lekify v pogrebal'nom obryade meotov Pravoberezh'ya Kubani [Lekythos in Meotian Funeral Rites on the Kuban Right Bank]. *Aziatskiy Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya* [Asian Bosphorus and Kuban Region in PreRoman Time]. Moscow, SHM, pp. 64-70.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Pogrebeniya s rodosskimi amforami iz meotskikh mogil'nikov Krasnodarskoy gruppy [Burials with Rhodian Amphorae from the Meotian Burial Grounds of the Krasnodar Group]. *Antichnyy mir i arheologiya* [The Ancient world and archeology], iss. 19. Saratov, Tekhno-Dekor Publ, pp. 318-341.
- Monakhov S.Yu., 1996. Amfory Klazomen i «kruga Klazomen» [Amphorae of Klasomenae and “Klasomenae Circle”]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejnye Chernogo morya v drevnosti i srednie veka: tez. VIII Mezhdunar. nauch. konf.* [International Relations in the Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the VIII International Scientific Conference]. Rostov-on-Don, RSPU, pp. 38-45.

- Monakhov S.Yu., 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: komplekсы keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek Amphorae in Black Sea Area: Complexes of Ceramic Containers of the 7th – 2nd Cent. B.C.]. Saratov, SSU. 680 p.
- Monakhov S.Yu., 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor vedushchikh tsentrovekporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in Black Sea Area: The Typology of Amphorae of the Leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalogue]. Moscow, Kimmerida Publ., Saratov, SSU. 352 p.
- Monakhov S.Yu., 2014. Kosskie i psevdokosskie amfory i kleyma [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 195-222.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V. 2021a. Utochnennaya khronologiya knidskikh amphor IV – nachala III v. do n.e. po materialam keramicheskikh kompleksov Kubani [Specified Chronology of Knidian Amphorae of the 4th – Early 3rd Centuries BC Based on Materials from Ceramic Complexes of the Kuban]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 183-205.
- Monakhov S.J., Kuznetsova E.V., 2021b. Sinopskie amfory pervoy poloviny IV v. do n.e. iz Prikubanskogo nekropolya [Sinopean Amphorae from the Prikubanskiy Maeotian Necropolis]. *Antichnyi mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 20. Saratov, Tekhno-Dekor, pp. 261-294.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V. 2022. «Mendeskie» amfory iz Prikubanskogo nekropolya: voprosy khronologii [“Mendeian” Amphorae from the Prikubanskiy Necropolis: Questions of Chronology]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 35. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 145-158.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Tolstikov V.P., Churekova N.B., 2020. *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Amphorae of the 6th – 1st c. BC of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Saratov, Amirit Publ. 218 p.
- Monakhov S.J., Kuznetsova E.V., Fedoseev N.F., Churekova N.B., 2016. *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika: katalog* [Amphorae of the 6th–2nd Centuries BC. From the Collection of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve. Catalogue]. Kerch, Saratov, Printing House New Project. 222 p.
- Monakhov S.J., Kuznetsova E.V., Fedoseev N.F., Churekova N.B., 2017. *Amfory V–II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii»: katalog* [Amphorae of the 5th–2nd Century BC from From the Collection of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese». Catalogue]. Saratov, Printing House New Project. 208 p.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Chistov D.E., Churekova N.B., 2019. *Antichnaya amfornaya kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitaza VI–II vv. do n.e.: katalog* [Ancient Amphorae Collection of the State Hermitage of the 6th – 2nd Century BC. Catalogue]. Saratov, Amirit Publ. 352 p., fig.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna)* [Amphorae of the Prikubanskiy Necropolis of the 4th– Early 3rd Century BC (from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve Named after E.D. Felitsyn)]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- P'yankov A.V., Ryabkova T.V., Zelenskiy Yu.V., 2019. Kompleks ranneskijskogo vremeni kurgana № 11 mogil'nika Lebedi V v Prikuban'e [A Complex of the Early Scythian Period in Kurgan no. 11 at the Cemetery of Lebedi V in the Kuban River Region]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 25. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 206-228.
- Ulitin V.V., 2006. *Torgovye svyazi plemen Prikuban'ya s antichnym mirom v kontse VII – pervoi polovine I v. do n.e. (po dannym amfornoj tary): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Trade Relations of Tribes in the Prikuban with the Ancient World at the End of the 7th – First Half of the 1st Century BC: According to the Amphora Containers. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 26 p.
- Churekova N.B., 2021. Amfory arkhaicheskogo i renneklassicheskogo vremeni v sobranii Krasnodarskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika [Amphorae of Archaeological and Early Classical Times in the Collection of the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve]. *Antichnye Relikvii Hersonesa: Otkrytiya, Nahodki, Teorii: materialy nauch. konf. (Sevastopol', 20–24 sent. 2021 g.)* [Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories. Materials of the Scientific Conference Sevastopol, September 20–24, 2021]. Sevastopol', s.n., pp. 339-345.
- Cankardeş-Şenol G., 2016. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*, vol. 4. Alexandria, Centre d'Études Akexandrines. 330 p.

- Finkielsztejn G., 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. Environ. Premier bilan*. BAR International Series 990. Oxford, Archaeopress. 260 p.
- Mandrykina A.V., Kwartalov V.B., Kuznetsova E.V., Monakhov S.Yu., Tereschenko E.Yu., Alekseeva O.A. 2021. Comparative Analysis of the Elemental Composition of Antique Ceramics from Knidos and Kos: Clarification of Localization. *Nanobiotechnology Reports*, vol. 16, no. 5, pp. 684-703.
- Matrices of Stamps of Rhodian Eponyms and Producers*. URL: http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/affiche_GRF.php (accessed 19 July 2022).
- Monachov S. J., 1997. La chronologie de quelques kourganes de la noblesse Scythe du IVe siècle av. n.è. du Littoral septentrional de la Mer Noire. *Il Mar Nero*, vol. II, 1995/96. Bucuresti, Roma, Paris, Edizioni Quazar di Severino Tognon s.r.l., pp. 29-59.
- Monakhov S.Yu., 2021. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 20, no. 2, pp. 43-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>

Information About the Authors

Sergey Yu. Monakhov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Ancient World History, Director of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, monachs@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Elena V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (History), Custodian of the Collections of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

Nataliya B. Churekova, Candidate of Sciences (History), Deputy Head of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, nat-churekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8531-1032>

Информация об авторах

Сергей Юрьевич Монахов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, monachs@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Елена Владимировна Кузнецова, кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

Наталья Борисовна Чурекова, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, nat-churekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8531-1032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.10>

UDC 930.26(470.4)
LBC 63.48(235.47)

Submitted: 19.09.2022
Accepted: 27.10.2022

ANCIENT POPULATION OF THE LOWER VOLGA REGION ACCORDING TO CRANIOLOGY AND ANTHROPOLOGICAL FACIAL SCULPTURAL RECONSTRUCTION FROM A SKULL ¹

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Aleksey I. Nechvaloda

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. Human skulls study occupies a special place in anthropology due to a significant informational role of this part of the skeleton in determining both general (group) and individual features enabling restoration of individual physical topology and lifetime appearance. The paper provides the anthropological type description of the ancient population from the Lower Volga region according to the data of craniology and sculptural anthropological reconstruction of the face from the skull. In the course of the study, two female and two male skulls were craniologically analyzed using the typological approach. Sculptural anthropological reconstructions were obtained for three skulls: the two female and one male. Reconstruction of the external appearance of the face from the skull of the second male skull was carried out using a digital method. Anthropological type featuring of the two female skulls from the Srubna culture and the pre-Sauromatian time burials allows us to determine their type as a Long-headed Caucasoids, predominant among the Late Bronze Age population. The male skulls of the Early Iron Age are also characterized by Caucasoid features, but they have a brachycranial skull and a weakened horizontal profiling of the face. The presence of a long-headed Caucasoid complex on the female skull from the pre-Sauromatian burial, combined with a crouched on the left side funeral rite, suggests that the studied individuals had a partial continuity from the Bronze Age population. The morphological features of the Sauromatian and Early Sarmatian skulls have analogies in the synchronous population of Western Kazakhstan, Southern Urals and the Lower Volga region. Visualization of the bone structures of the facial skull gives an idea of how the population from the Lower Volga region looked like in different eras.

Key words: physical type, Srubna culture, Sarmatians, Sauromatians, craniology, sculptural reconstruction of a face from the skull, Lower Volga region, burial ground.

Citation. Balabanova M.A., Nechvaloda A.I., 2022. Ddrevnee naselenie Nizhnego Povolzh'ya po dannym kraniologii i antropologicheskoy skul'pturnoy rekonstruktsii litsa po cherepu [Ancient Population of the Lower Volga Region According to Craniology and Anthropological Facial Sculptural Reconstruction from a Skull]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 158-173. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.10>

УДК 930.26(470.4)
ББК 63.48(235.47)

Дата поступления статьи: 19.09.2022
Дата принятия статьи: 27.10.2022

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ ¹

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Алексей Иванович Нечвалода

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Исследование черепа занимает особое место в антропологии, что объясняется большой информативностью данной части скелета для определения как общих (групповых), так и индивидуальных особенностей, позволяющих судить о физическом типе человеке и о его прижизненном облике. В статье приводится описание антропологического типа древнего населения Нижнего Поволжья по данным краниологии и скульптурной антропологической реконструкции лица по черепу. В процессе исследования была дана индивидуальная краниологическая характеристика двух женских и двух мужских черепов типологическим методом. Скульптурные антропологические реконструкции были получены для трех черепов: двух женских и одного мужского. Реконструкция внешнего облика лица по черепу второго мужского черепа осуществлялась цифровым методом. Характеристика антропологического типа двух женских черепов: из погребения срубной культуры и погребения предсавроматского времени позволяет определить их длинноголовых европеоидов, преобладающий у населения эпохи поздней бронзы. Мужские черепа из погребений раннего железного века также характеризуются европеоидными чертами, но у них брахикранная форма и ослаблена горизонтальная профилировка лица. Наличие длинноголового европеоидного комплекса на женском черепе из погребения предсавроматского времени в сочетании с погребальным обрядом скорченно на левом боку позволяет говорить о частичной преемственности населения от эпохи бронзы. Морфологические особенности савроматского и раннесарматского черепов имеют аналоги у синхронного населения Западного Казахстана, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Визуализация костных структур лицевого черепа дает представление о том, как выглядело население Нижнего Поволжья в различные эпохи.

Ключевые слова: физический тип, срубная культура, сарматы, савроматы, краниология, скульптурная реконструкция лица по черепу, Нижнее Поволжье, могильник.

Цитирование. Балабанова М. А., Нечвалода А. И., 2022. Древнее население Нижнего Поволжья по данным краниологии и антропологической скульптурной реконструкции лица по черепу // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 158–173. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.10>

Введение

Физический тип древнего и средневекового населения реконструируют прежде всего по черепу, описав его индивидуальную характеристику. Визуально представить, как приблизительно выглядел человек еще при жизни, можно с помощью восстановления внешнего облика / лица по черепу. Обе реконструкции являются разными разделами краниологии и зависят как от научных интересов антропологов и археологов, так и от интенсивности раскопок того или иного могильника и сохранностью антропологического материала / черепов в погребениях.

Чаще всего индивидуальная характеристика черепов дается при публикации материалов могильника или отдельных уникальных находок. Графическую иллюстрацию цифровой информации в данном случае дают фотографии черепа. Что касается антропологической реконструкции внешности человека, то к ней прибегают либо для демонстрации скульптурных бюстов людей, кости которых были полу-

чены в уникальных и неординарных погребениях и впоследствии демонстрируются в музеях; либо же используют фотографию как иллюстративный материал при публикации материалов погребения, откуда происходит череп.

В связи с этим можно отметить, что скульптурные или графические реконструкции, визуализирующие облик древних этносов и культур разных географических регионов и эпох, встречаются не часто в научной литературе. Поэтому целью нашей работы является демонстрация физического типа древнего населения Нижнего Поволжья как методом индивидуальной диагностики морфологического типа, так и методом скульптурной и графической реконструкции лица по черепу.

Методика и материалы исследования

Прежде всего отметим, что характеристика морфологического типа черепов дается как их индивидуальная характеристика. Методика ее описания основана на положении цифровых значений различных размеров черепа в

системе среднемировых значений, которые приведены у В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964, табл. 4–11, с. 114–122] (табл. 1).

Пластическая реконструкция на основе черепа проводилась по общеизвестной методике, которая разрабатывалась как представителями советско-российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1949; 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Филиппов, 2015; Нечвалода, 2015], так и зарубежными исследователями [Stephan, Sc (Hons), 2002; Stephan, 2003; Stephan, Davidson, 2008; Henneberg, Sampson, 2003].

Для восстановления толщины мягких тканей в месте надлежащих структур (определенные точки на черепе) использовалась таблица измерений (табл. 2). Мягкие покровы, которые определяют черты лица человека, непосредственно связаны с костной основой, поэтому анализ черепа в зависимости от выраженности и развития рельефа позволяет ориентировочно оценить внешний вид человека при жизни [Le Quesne, Widden, 2020] (рис. 1, 2, 4).

Кроме того, применялся и метод цифрового восстановления лица по черепу. По этому методу было восстановлено лицо мужчины 25–30 лет из могильника Майеровский III. Для этого использовались фотографии черепа с разных ракурсов: лицевой (анфас) и профильной норм, чтобы интерпретировать положение мягких тканей лица и создать образ молодого мужчины (рис. 3, 4). Для проведения этих работ использовалась база данных антропологических фотографий по мужчинам-таджикам Южного Таджикистана², которые были обработаны и изменены в зависимости от маркеров, заданных черепом из могильника Майеровский III (ширина и высота лица, носа, разрез и направление глазной щели и т. д.), и скомбинированы вместе в программе PhotoShop.

Материалом исследования послужили мужские и женские черепа из могильников Нижнего Поволжья:

1) череп молодой женщины 20–25 лет из погр. 6 кург. 9 могильника Аксай I, эпоха поздней бронзы (срубная культурно-историческая общность);

2) череп женщины 35–45 лет из погр. 3 кург. 8 могильника Веселый I, предсавроматское время (IX–VII вв. до н.э.);

3) череп молодого мужчины (25–35 лет) хорошей сохранности из погр. 1А кург. 5 могильника Майеровский III, савроматское время (VI–V вв. до н.э.);

4) череп мужчины 40–55 лет из погр. 9 кург. 10 могильника Эльтон, раннесарматское время (IV в. до н.э.).

Анализ

Выраженность признаков полового диморфизма. Степень выраженности полового диморфизма на обоих мужских черепах выше средней. Оба черепа достаточно массивны, с хорошей развитостью макрорельефа в области глабеллы и надбровья. Несмотря на это, по баллам указанные части черепа не достигают максимальных значений, в отличие от сосцевидного отростка. Он очень массивный, с рельефной поверхностью и приотсрещенной вершиной. Места прикрепления мышц в области наружного затылочного бугра также хорошо развиты, особенно область верхних и нижних выйных линий, что является свидетельством сильного развития мышц шеи. Рельеф на развернутых углах нижней челюсти обоих черепов также максимально развит, хотя тело их не отличается массивностью. Подбородочный выступ оформлен по мужскому типу.

Степень экспрессии признаков полового диморфизма для мужчин в среднем составила величину +1,35: из погребения могильника Майеровский III: +1,3; из погребения могильника Эльтон соответственно: +1,4. Что касается женских черепов, то в целом весь комплекс признаков, присущий им, включая общую сглаженность рельефа, более высокие орбиты и более сильную выраженность лобных и теменных бугров, присутствует. Интенсивность проявления признаков у женщин в среднем составила величину – 1,5: из погребения могильника Аксай I – 0,3; из погребения могильника Веселый I – 1,2 (табл. 2).

Индивидуальная характеристика черепов. Могильник Аксай I, кург. 9, погр. 6 (срубная культурно-историческая общность) (табл. 1, рис. 1). Череп принадлежал молодой женщине (около 20–25 лет). Мозговой отдел длинный, узкий и высокий (табл. 1, рис. 1). По пропорциям череп укладывается в долихокран-

ные, ортокранные и метриокранные формы [Алексеев, Дебец, 1964, с. 118–122]. Размер длины основания черепа укладывается в большие значения, а ширины – в малые. Макрорельеф черепа ослаблен, кроме надпереносья и сосцевидных отростков, которые имеют среднюю протяженность. Форма черепа сверху – овоидная. Лобная кость узкая, имеет прямой вертикальный профиль по углу назион-метопион и резкий по углу поперечного изгиба. Хорда и дуга лобной кости небольших размеров, а хорда и дуга теменной кости средней длины. Затылочная кость узкая между точками астерион-астерион с короткой хордой и дугой.

Лицевой скелет узкий по верхней, скуловой и зиго-максиллярной ширине (43, 45 и 46 размеры по Мартину). Его верхняя высота средняя, горизонтальная профилировка резкая и на уровне глазниц, и на уровне скуловых костей. Лицо по общелицевому углу, определяющему вертикальный профиль, с тенденцией к прогнатизму. Альвеолярная дуга небольших размеров как по ширине, так и по длине. Нос низкий среднеширокий с инфантильной формой нижнего края грушевидного отверстия, платиринный по пропорции. Конфигурация и размеры орбит позволяют их характеризовать как средширокие и низкие и по абсолютным размерам, и по указателю (хамэконхная). Переносье высокое и среднеширокое, а носовые кости широкие и высокие и резко выводят нос к линии профиля.

Нижняя челюсть очень грацильная. Подбородочная часть хорошо выражена. Большая часть размеров попадает в очень малые и малые величины. К ним следует отнести мышечковую и угловую ширину, высоту симфиза и высоту тела. В категорию средних величин попали такие признаки, как передняя ширина и толщина тела кости.

Таким образом, выше приведенная характеристика черепа из погр. 6 кург. 9 могильника Аксай I позволяет диагностировать его краниологический тип как длинноголовый европеоидный. В связи с этим следует особо отметить, что в морфологии этого черепа присутствует весь комплекс, характерный для населения срубной культурно-исторической общности.

Могильник Веселый I, кург. 8, погр. 3 (табл. 1, рис. 2). Череп хорошей сохранности

принадлежал женщине, возраст которой определяется в пределах 35–45 лет. Комплекс признаков, характеризующий его морфологический тип, очень похож на описанный выше череп (табл. 1, рис. 2). Он очень грацильный с длинным узким и долихорканным мозговым отделом. Его свод от базион-брегма средневысокий с ортокранный и метриокранный пропорциями [Алексеев, Дебец, 1964, с. 118–122]. Основание черепа длинное и узкое. Рельеф на нем также сглажен, но почти все описательные признаки выражены средне. Сверху череп имеет овоидную форму. Лобная кость узкая и по наименьшей ширине, и по наибольшей. Его вертикальный профиль демонстрирует небольшой наклон по линии назион-метопион, а угол перегиба в области фронто-темпоральной линии резкий. Длина лобной хорды и дуги большая. Длина теменной хорды средняя, а дуги большая. Затылочная кость средней ширины и со средней длины хордой и дугой.

Значение тотальных широтных размеров лицевого скелета демонстрируют мезоморфность по ширине (45 и 43 размеры). На уровне скуловых костей лицо широкое (46 размер по Мартину). Его верхняя высота низкая, а горизонтальная профилировка резкая на обоих уровнях. Вертикальный профиль лица мезогнатный. Размеры альвеолярной дуги попадают в категорию малых размеров как по ширине, так и по длине, а небо длинное и среднеширокое. Строение костного скелета носа характеризуется низкой высотой, средней шириной по 55 и 54 размерам. По носовому указателю череп широконосый (платиринный), с антропной формой нижнего края грушевидного отверстия. Вертикальный и поперечные диаметры глазницы укладываются в значения средней ширины и низкие как по 52 размеру, так и по орбитному указателю (хамэконхная). Переносье высокое и среднеширокое, а носовые кости широкие и высокие, резко выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка средней глубины.

Нижняя челюсть очень грацильная. Подбородочная часть хорошо выражена.

Из патологий на этом женском черепе была обнаружена травма размерами 50 × 60 мм овальной формы, которая располагалась на правой теменной кости. На месте поврежде-

ния фиксируется костная мозоль, которая свидетельствует о заживлении [Перерва, 2018, с. 85]. Морфологический комплекс на этом черепе определяется как длинноголовый европеоидный с низким лицом.

Могильник Майеровский III, кург. 5, погр. 1, костяк «А» (табл. 1, рис. 3). Череп хорошей сохранности принадлежал молодому мужчине в возрасте 25–35 лет. Его мозговой отдел крупный, очень длинный и широкий мезокранный по черепному указателю со средневисоким сводом (от базион-брегма) (табл. 1, рис. 3, 4). По относительной высоте череп укладывается в хамекранные формы по высотно-продольному указателю и тапейнокранные формы по высотно-поперечному указателю [Алексеев, Дебец, 1964, с. 118–122]. Форма черепа в вертикальной норме ближе к сфеноидной. Макрорельеф на черепе развит хорошо. Об этом свидетельствует наличие крупных сосцевидных отростков и сильно выраженного наружного затылочного бугра (5 баллов). Надглазничный рельеф, область надбровья и надпереносья выражены умеренно. Основание черепа очень широкое и среднелинное по расстоянию между точками назион-базион. У лобной кости средняя ширина в наименьшей своей части и очень большая ширина в наибольшей. По значению угла поперечного изгиба кость хорошо профилирована, а по углу назион-метопион слегка наклонная. Лобная хорда длинная, а дуга средней длины. У теменной кости и хорда и дуга средней длины. Затылочная ширина большая с хордой средней длины и очень длинной дугой. К тому же область затылка сплюснута по типу «бешика».

Ширина лицевого скелета и по скуловому диаметру, и по средней ширине большая (45-й и 46-й размеры), по верхней ширине – средняя (43-й размер). Его вертикальный размер, верхняя высота лица (48-й размер), средняя. Значения углов горизонтальной профилировки лица, определяющие степень уплощенности его, позволяют констатировать плоский профиль как на уровне глазниц, так и на уровне скуловых костей. Вертикальный профиль лица слабо выступающий, ортогнатный. Альвеолярная дуга средних размеров по абсолютной длине и ширине, а небо длинное и широкое. Носовая область характеризуется не-

большой высотой и очень большой шириной как по значению 54-го размера, так и по носовому указателю (платиринный). Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Передненосовая ость слабо развита. Значения вертикального и поперечного диаметров глазничного отверстия небольшие – глазница узкая и низкая, по указателю средневысокая (мезоконхная). Область переносья по значениям дакриальной ширины и высоты широкая и высокая. Носовые кости также широкие и высокие, умеренно выводящие нос к линии профиля. Клыковая ямка средней глубины.

Нижняя челюсть очень крупная, ее углы развернуты, с хорошо выраженным выступанием подбородочной части. Часть признаков по своим значениям попали в категорию больших и очень больших величин: мышцелковая и угловая ширина, высота симфиза и тела нижней челюсти. Среднемировые значения имеют такие признаки, как передняя ширина и толщина тела нижней челюсти.

Могильник Эльтон, кург. 10, погр. 9 (табл. 1, рис. 4). Для исследования был представлен мужской череп хорошей сохранности. Возраст мужчины определяется в пределах 40–50 лет. Мозговая коробка по значениям тотальных размеров укладывается в параметры короткий, среднеширокий и низкий; по указателям череп брахикранный, ортокранный и метриокранный. Форма черепа сверху пентагоноидная. Места прикрепления мышц, определяющие макрорельеф на черепе, имеют умеренную выраженность. Хорошо развито надпереносье и сосцевидный отросток, у надбровных дуг средняя протяженность, а область наружного затылочного бугра сглажена.

Значения обоих широтных размеров лобной кости (9-й и 10-й размеры) большие. Ее профилировка в месте перегиба слегка уплощенная, а значение угла профиля лба от назион-метопион свидетельствует о том, что она наклонная. Хорда и дуга лобной кости короткие, а теменной – средней длины. Что касается затылочной кости, то она средней ширины между точками астрион-астрион с короткой хордой и дугой.

Широтные размеры лицевого отдела укладываются по скуловому диаметру (45-й раз-

мер) в средние значения, по верхней ширине (43-й размер) – в большие, а по средней ширине (46-й размер) – в малые. Верхняя высота лица находится в показателях средних величин. Его горизонтальная профилировка резкая по назо-малярному углу, ослабленная по зиго-максиллярному углу. Вертикальный профиль лица слабый, ортогнатный. Альвеолярная дуга и по ширине, и по длине имеет средние размеры, а оба размера неба характеризуются малыми значениями. Костный скелет носа высокий и узкий как по абсолютной ширине, так и по носовому указателю (лепторинный). Форма нижнего края грушевидного отверстия антропинная. Передненосовая ось имеет максимальную выраженность. Поперечный диаметр орбиты большой, а вертикальный – малый, по указателю они средневисокие (мезоконхные). Переносье по значениям дакриальных размеров узкое и высокое, а носовые кости по значениям симметрических размеров широкие и высокие. Угол выступания носа очень большой, а клыковая ямка глубокая.

Нижняя челюсть в основном небольших размеров с хорошим очертанием подбородочной части. Тем не менее ее мышечковая и передняя ширина малых размеров, как и высота симфиза и тела нижней челюсти. Угловая и наименьшая ширина средняя, а толщина тела большая.

Из патологических отклонений Е.В. Перерва [2020, с. 78] отмечает у этого мужчины деформацию носовых костей, а также S-образное искривление носовой перегородки, которое, вероятнее всего, возникло в результате фронтального удара в носовую область.

Обсуждение и основные выводы

Представленная выше индивидуальная характеристика черепов демонстрирует изменение антропологического типа древнего населения от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железного века, что не раз отмечалось и ранее.

Известно, что преобладающим антропологическим типом населения срубной культурно-исторической общности является тип длинноголовых европеоидов средиземноморского облика [Фирштейн, 1967; Хохлов, 2017]. Изученный нами череп из погр. 6 кург. 9 могиль-

ника Аксай I полностью сочетает набор признаков, диагностирующий этот тип.

Что касается второго черепа, полученного из погр. 3 кург. 8 могильника Веселый I предсавроматского времени, то его тип также определяется как тип длинноголовых европеоидов средиземноморского облика. Сходство этих двух черепов не только типологически, но и по цифровым значениям признаков очевидно (табл. 1).

Раннее изученная серия предсавроматского времени, куда входил и исследуемый череп, продемонстрировала внутригрупповую неоднородность, которая коррелирует с погребальным обрядом [Балабанова, 2005, с. 160]. Третий из компонентов, который представлен типом длинноголовых европеоидов с резкой горизонтальной профилировкой лица встречается на женском черепе из погр. 3 кург. 8 могильника Веселый I (рис. 2). Результаты межгруппового анализа показали его связь с позднесрубным субстратом. Кроме того, костяк из этого погребения в сильно скорченном положении лежал на левом боку, что является обрядом населения поздней бронзы, в отличие от погребального обряда с вытянутым положением на спине. Серия, полученная из этой группы погребений, коррелирует с еще одним компонентом, который характеризует тип широкоголовых европеоидов, и он преобладает у населения савромато-раннесарматского времени [Балабанова, 2005, с. 160].

Савроматское время представлено черепом из кург. 5, погр. 1А могильника Майеровский III. Погребение парное, в котором при раскопках были обнаружены скелеты двух молодых мужчин с воинским набором инвентаря [Скворцов, 2010]. Оба черепа характеризуются похожим набором признаков, только исследуемый здесь с более длинной мозговой коробкой и умеренно выступающим носом (24°), в отличие от второго черепа, у которого очень большой угол выступания носа (43°). Не исключается их близкое родство. Раннее изученная нами серия савроматского времени также показала внутригрупповую неоднородность [Балабанова, 2000, с. 53–55]. Одним из компонентов, который образует структуру этого населения, является массивный брахикранный европеоидный тип, у которого ослаблен горизонтальный профиль лица

либо только на уровне глазниц, либо на обоих уровнях. В свое время мы его идентифицировали с типом савромато-раннесарматского населения, оставившего могильники, локализованные на Илеке. Этот тип встречается на обоих черепах из парного погребения могильника Майеровский III.

Кроме выше перечисленных признаков и их значений в этот набор входит и скуловая ширина, которая зачастую находится в пределах монголоидных значений, больше 140 мм, а иногда больше 150 мм [Балабанова, 2000, с. 53]. К тому же, как выше отмечалось, параметры, определяющие горизонтальный лицевой профиль, также указывают на сдвиг в сторону монголоидности (табл. 1).

Тип широкоголовых европеоидов демонстрирует и череп из погр. 9 кург. 10 могильника Эльтон. Весь набор признаков, который характеризует этот череп, отличается от предыдущего черепа из могильника Майеровский III в сторону грацильности. У него более короткий и менее широкий череп, более резкая горизонтальная профилировка и сильнее выступает угол носа к линии профиля (33° против 24°). Тем не менее этот набор признаков также встречается в савроматскую эпоху как на черепах Южного Приуралья, так и Нижнего Поволжья [Балабанова, 1999; 2000, с. 38]. Следует отметить, что еще один череп, полученный из другого, синхронного погр. 1 кург. 10 могильника Эльтон, имеет аналогичный набор признаков. Два других черепа из этого же кургана, погребения 3 и 4 более массивные и по набору признаков очень напоминают выше описанный череп из погребения савроматского времени могильника Майеровский III.

Таким образом, результаты изучения четырех черепов, которые впоследствии использовались для пластической и компьютерной реконструкции лица по черепу, позволяют отметить ряд важных обстоятельств, которые не являются новацией, а были обнаружены ранее.

1. Морфологический тип черепа из погребения срубной культурно-исторической общности отличается от черепов эпохи раннего железного века савроматского (VI–IV вв. до н.э.) и раннесарматского (IV–III вв. до н.э.) времени в рамках различных вариантов европеоидной расы: тип длинноголовых и тип широкоголовых европеоидов.

2. Очевидно, при формировании населения предсавроматского времени Нижнего Поволжья участвовал субстратный компонент срубной культуры, о чем свидетельствует набор признаков на исследуемом черепе из погребения могильника Веселый I.

3. Оба черепа из погребений савроматского и раннесарматского времени характеризуются антропологическим типом мезо-брахикранных европеоидов, с уплощением лицевого скелета в горизонтальной плоскости и имеют аналогии с компонентом, который впервые появляется в предсавроматское время [Балабанова, 2005, с. 167, 168; 2010, с. 69]. Происхождение его связано с населением эпохи поздней бронзы Южной Сибири. В советской антропологии он получил название «сарматский тип», позднее нами этот термин был заменен на тип древних восточных европеоидов [Гинзбург, 1959; Акимова, 1968; Фирштейн, 1970; Балабанова, 2010; и др.].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-29-01020 «Генетическая структура савромато-раннесарматских популяций Южного Приуралья и Нижнего Поволжья».

The article was prepared with the support of the RFBR grant, project No. 20-29-01020 “Genetic structure of the Savromatian – Early Sarmatian population in the Southern Cis-Urals and the Lower Volga region”.

² Антропологическая съемка была проведена одним из авторов, А.И. Нечвалодой, в кишлаке Гелот Восейского р-на Кулябской области Таджикистана в двух нормах: анфас и профиль.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Индивидуальные размеры и указатели черепов

Table 1. Individual sizes and indexes of the skulls

Признак, № по Мартину	Акса́й I 9/6	Веселый I 8/3	Майеровский III-5/1/A	Эльтон 10/9
Пол	Жен.	Жен.	Муж.	Муж.
Возраст (лет)	20–25	35–45	25–35	40–50
Инв. номер ВолГУ	30–101	24–24	5–11	4–10
1. Продольный диаметр черепа	178,0	175,0	195,0	175,0
1b. Продольный диаметр от <i>opf</i> .	–	–	187,0	–
5. Длина основания черепа	99,0	98	100,0	106,0
8. Поперечный диаметр черепа	133,0	131	154,0	142,0
9. Наименьшая ширина лба	86,0	91	96,0	100,0
УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	125,4°	136,0°	136,4°	138,0°
10. Наибольшая ширина лба	109,0	110	135,0	121,0
11. Ширина основания черепа	112,0	114	137,0	127,0
12. Ширина затылка	93,0	104	118,0	111,0
17. Высотный диаметр о <i>ba</i>	131,0	127	135	131,0
26. Лобная дуга	118	127	130,0	115
27. Теменная дуга	124	128	126	127
28. Затылочная дуга	102	110	130	107
29. Лобная хорда	107,0 (?)	111	116	103
30. Теменная хорда	110 (?)	106	115	113
31. Затылочная хорда	85	92	99	93
40. Длина основания лица	94,0	97	99	99
43. Верхняя ширина лица	95,0	100	106	107,0
45. Скуловой диаметр	120,0 (?)	123	143,0 (?)	132 (?)
46. Средняя ширина лица	88,0	84	100	91,0
48. Верхняя высота лица	65,0	57	68,3	70,0
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	39,0	40	40,0	44,0
52. Высота орбиты	29,0	30	31,8	33,0
54. Ширина носа	24,0	23	29,0	24,0
55. Высота носа	45,5	45	48,0	54,0
60. Длина альвеолярной дуги	49,0	48	54,0	54,0
61. Ширина альвеолярной дуги	58,0	58	63,0	61,0
62. Длина нёба	48,0	50	50,0	41,0
63. Ширина нёба	38,0	37	44,0	34,0
75 ₍₁₎ . Угол выступания носа	30,7°	34°	24°	33°
77. Назомалярный угол	128,6°	137°	147,2°	137,7°
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	123,4°	124,9°	140,8°	133,9°
F. Глубина клыковой ямки	5,0	4	4,9	6,2
32. Угол профиля лба от назиона	90	86	85	86
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	88°	83°	81°	80°
72. Общий лицевой угол	82°	80°	86°	87°
73. Средний лицевой угол	83°	87°	88°	89°
74. Угол альвеолярной части	78°	52°	80°	–
SS. Симотическая высота	4,8	5	5,5	6,6
SC. Симотическая ширина	9,7	10	10,3	11,7
<S. Симотический угол	90,5°	–	82,3°	75,9°
DS. Дакриальная высота	11,7	12,7	12,4	12,0
DC. Дакриальная ширина	20,7	16,4	21,7	18,2
<D. Дакриальный угол	82,9°	–	83,4°	–
MS. Максиллофронтальная высота	19,0	15,5	8,9	7,6
MC. Максиллофронтальная ширина	9,5	5,8	18,9	18,8

Окончание таблицы 1

End of Table 1

Признак, № по Мартину	Акса́й I 9/6	Веселый I 8/3	Майеровский III-5/1/A	Эльтон 10/9
Нижняя челюсть				
70. Высота ветви нижней челюсти	–	–	–	–
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	–	–	–	33,0
65. Мышечковая ширина	102,0	103,0	128,0	113,0
66. Угловая ширина	85,0	90,0	115,0	100,0
67. Передняя ширина	44,0	44,0	46,0	44,0
69. Высота симфиза	25,0	27,0	36,0	24,0
69 ⁽¹⁾ . Высота тела	27,0	29,0	33,0	28,0
69 ⁽³⁾ . Толщина тела	11,0	13,0	12,0	15,0
Указатели				
8:1. Черепной	74,5	74,9	79	81,1
17:1. Высотно-продольный	73,6	72,6	69,2	74,9
17:8. Высотно-поперечный	98,5	96,9	87,7	92,25
9:8. Лобно-поперечный	64,7	69,5	62,3	70,4
9:45. Лобно-скуловой	71,7	74,0	67,1	75,8
40:5. Выступания лица	94,9	99	99	93,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный	90,2	93,9	92,9	93,0
48:17. Вертикальный фацио-церебральный	48,9	44,9	50,6	53,4
48:45. Высотно-скуловой	54,2	46,3	47,8	53,0
52:51. Орбитный	74,4	75	79,5	75
54:55. Носовой	52,7	51,1	60,4	44,4
61:60. Альвеолярный	118,4	120,8	116,7	113,0
63:62. Небный	79,2	74	88,0	82,9
SS:SC. Симотический	49,5	50	53,4	56,4
DS:DC. Дакриальный	56,5	77,4	57,1	65,9
MS:MC. Максиллофронтальный	50	37,4	47,1	40,4
Форма черепа сверху	<i>Ovoid</i>	<i>Ovoid</i>	<i>Sphaenoid</i>	<i>Pentagonoid</i>
Надпереносье (1–6)	2,0	2,5	3	4,0
Надбровные дуги	0,5	2	2	2
Наружный затылочный бугор (0–5)	0,0	3	5	1,0
Сосцевидный отросток (1–3)	2,0	2,5	3	3,0
Нижний край грушевидного отверстия	<i>Infantilis</i>	<i>Anthropina</i>	<i>Anthropina</i>	<i>Anthropina</i>
Передне носовая ость (1–5)	3,0	3	2	5,0

Таблица 2. Выраженность / экспрессия признаков полового диморфизма на черепе

Table 2. Intensity / expression of cranial sexual dimorphism signs

Признаки	Акса́й I 9/6	Веселый I 8/3	Майеровский III-5/1/A	Эльтон 10/9
1. Tuber frontale	0	0	+1	0
2. Glabella / arcus superciliaris	-1	-1	+2	+2
3. Processus mastoideus	-1	-1	+2	+2
4. Protuberantia occipitalis externa	0	0	+1	+2
5. Occipital surface	0	0	+2	+2
6. Margo supraorbitalis	-1	-2	+1	+1
7. Arcus zygomaticus	0	-2	+1	+1
8. Facieszygomaticus	+1	-2	+2	+1
9. Corpusmandibulare	0	-2	+2	+1
10. Mentum	0	-1	0	0
11. Gonion region	-1	-2	+1	+1
12. Caput mandibulare	0	-1	+1	+1
Weighed average	-0,3	-1,2	+1,3	+1,4

Рис. 1. Этапы скульптурного восстановления внешнего облика молодой женщины из могильника Аксай I, кург. 9, погр. 6 (лицевая норма):

1 – использование фильерных гребней в моделировании левой половины лица;
2 – моделирование нижней части лица – губ и подбородка; 3 – смоделированная левая часть лица

Fig. 1. Stages of sculptural restoration of the appearance of a young woman from the Aksay I cemetery, kurgan 9, burial 6 (facial norm):

1 – use of spunbond ridges in modeling the left half of the face;
2 – modeling of the lower part of the face – lips and chin; 3 – modeled left side of the face

Рис. 2. Скульптурная реконструкция внешнего облика зрелой женщины из могильника Веселый I, кург. 8, погр. 1 (лицевая норма)

Fig. 2. Sculptural reconstruction of the physical appearance of a mature woman from the Veseliy I cemetery, kurgan 8, burial 1 (facial norm)

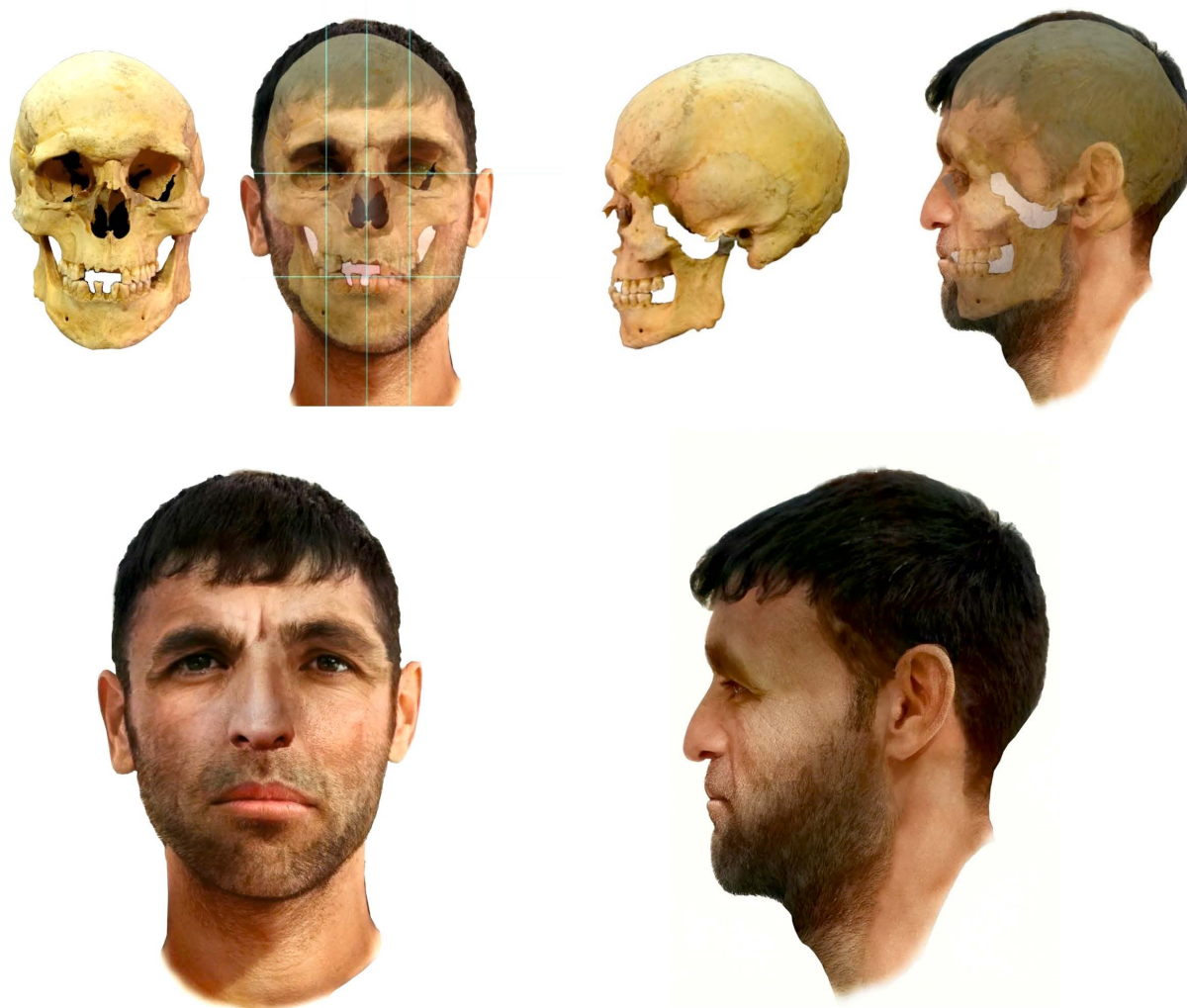

Рис. 3. Цифровая реконструкция / композитный портрет молодого мужчины из могильника Майеровский III, кург. 5, погр. 1А (лицевая и боковая нормы)

Fig. 3. Digital reconstruction / composite portrait of a young man from the Mayerovsky III cemetery, kurgan 5, burial 1A (facial and lateral norms)

Рис. 4. Реконструкция по черепу зрелого мужчины (40–50 лет)
из могильника Эльтон, кург. 10, погр. 9:

- 1 – этап восстановления облика по левой стороне черепа;
2 – совмещение черепа и выполненной реконструкции в норме анфас;
3 – реконструкция по черепу мужчины раннесарматской культуры без волосяного покрова (лицевая норма);
4 – фото черепа (профильная норма); 5 – совмещение черепа и выполненной реконструкции в профильной норме;
6 – реконструкция по черепу мужчины раннесарматской культуры без волосяного покрова (профильная норма)

Fig. 4. Reconstruction based on the skull of a mature male (40–50 years old)
from the Elton cemetery, kurgan 10, burial 9:

- 1 – the stage of restoration of the appearance on the left side of the skull;
2 – combination of the skull and the performed reconstruction in the norm from the front;
3 – reconstruction from the skull of the man of the early Sarmatian culture without hairline (facial norm);
4 – photo of the skull (lateral norm); 5 – combination of the skull and the performed reconstruction in lateral norm;
6 – skull reconstruction of the male of the early Sarmatian culture without hairline (lateral norm)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М. С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М. : Наука. 119 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Балабанова М. А., 1999. Антропология сарматских погребальных памятников Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 54–72.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука. 133 с.
- Балабанова М. А., 2005. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время // ПГородцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. М. : ГИМ. С. 156–170.
- Балабанова М. А., 2010. Новые данные об антропологическом типе сарматов // Российская археология. №2. С. 67–77.
- Герасимов М. М., 1949. Основы восстановления лица по черепу. М. : Сов. наука. 190 с.
- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). Труды Института Этнологии. Новая серия. Т. 28. М. : Наука. 285 с.
- Гинзбург В. В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. Т. I. М. : Изд-во АН СССР. С. 524–594.
- Лебединская Г. В., 1998. Реконструкция лица по черепу. М. : Старый Сад. 122 с.
- Нечвалода А. И., 2015. Лицом к Лицу. Альбом скульптурных и графических антропологических реконструкций. М. : Старый Сад. 115 с.
- Никитин С. А., 2009. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. Т. 1. М. : Изд-во музеев Московского кремля. С. 137–167.
- Перерва Е. В., 2018. Антропология населения предсавроматского времени из подкурганых захоронений с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Genesis: исторические исследования. № 8. С. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.8.26917>
- Перерва Е. В., 2020. Ранние сарматы IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья по данным палеопатологии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 74–91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>
- Скворцов Н. Б., 2010. Новые памятники савроматской культуры в степном Волгоградском Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 322–334.
- Филиппов В. К., 2015. Определение центра радужной оболочки глаза при графической реконструкции лица по черепу // Судебная медицина. Т. 1, № 2. С. 106–107.
- Фирштейн Б. В., 1967. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев : Наукова думка. С. 100–140.
- Фирштейн Б. В., 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л. : Наука. С. 69–201.
- Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара : СГСПУ. 386 с.
- Henneberg M., Sampson W., 2003. Predicting Nose Projection and Pronasale Position in Facial Approximation: A Test of Published Methods and Proposal of New Guidelines // American Journal of Physical Anthropology. № 122 (3). P. 240–250. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.10300>
- Le Quesne R., Widden T., 2020. The Girl from St Lawrence : The Facial Reconstruction of a Medieval Burial // Société Jersiaise Annual Bulletin. P. 779–789.
- Stephan C. N., 2003. Facial Approximation : An Evaluation of Mouth-Width Determination // American Journal of Physical Anthropology. № 121. P. 48–57.
- Stephan C. N., 2002. Facial Approximation : Globe Projection Guideline Falsified by Exophthal-Mometry Literature // Journal Forensic Science. Vol. 47, № 4. P. 1341–1346.
- Stephan C. N., Davidson P. L., 2008. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification // Journal Forensic Science. Vol. 53, № 3. P. 612–619.

REFERENCES

- Akimova M.S., 1968. *Antropologiya drevnego naseleniya Priuralya* [Anthropology of the Ancient Population of the Urals]. Moscow, Nauka Publ. 119 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Balabanova M.A., 1999. Antropologiya sarmatskih pogrebal'nyh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya IV–III vv. do n.e. [The Anthropological Analysis of the Lower Volga Sarmatian Materials Dating of the 4th – 3rd BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 54-72.
- Balabanova M.A., 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 133 p.
- Balabanova M.A., 2005. Antropologiya naseleniya Vostochno-evropeyskikh stepey v predskifskoe vremya [Anthropology of the Population of the East European Steppes in the Pre-Scythian Time]. *II Gorodtsovskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya* [2nd Gorodtsovskie Readings. Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov at the State Historical Museum. Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow, SHM, pp. 156-170.
- Balabanova M.A., 2010. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New Data on the Anthropological Type of the Sarmatians]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 67-77.
- Gerasimov M.M., 1949. *Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu* [Basics of Facial Reconstruction on the Skull]. Moscow, Sov. nauka Publ. 190 p.
- Gerasimov M.M., 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyy chelovek)* [Restoration of the Face by the Skull (Modern and Fossil Man)]. *Trudy instituta etnographii AN SSSR. Novaya Seriya, vol. XXVIII* [Proceedings of the Institute of Ethnography. N. N. Miklukho-Maclay. New Series, vol. 28]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR. 285 p.
- Ginzburg V.V., 1959. Etnogeneticheskie svyazi drevnego naseleniya Stalingskogo Zavolzhya (po materialam Kalinovskogo mogilnika) [Ethnogenetic Connections of the Ancient Population of the Stalingrad Trans Volga Region (Based on Materials of the Kalinovskiy Burial Mound)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology], no. 60, vol. 1. Moscow, AS USSR, pp. 524-594.
- Lebedinskaya G.V., 1998. *Rekonstruktsiya litsa po cherepu* [Reconstruction of the Face on the Skull]. Moscow, Staryy Sad Publ. 125 p.
- Nechvaloda A.I., 2015. *Litsom k Litsu. Al' bom skul' p'turnyh i graficheskikh antropologicheskikh rekonstruktsiy* [Face-to-Face. Album of Sculptural and Graphic Anthropological Reconstructions]. Moscow, Staryy Sad Publ. 115 p.
- Nikitin S.A., 2009. Plasticheskaya rekonstruktsiya portreta po cherepu [Plastic Reconstruction of the Portrait on the Skull]. *Nekropol' russkikh velikih knyagin' i tsarits v Voznesenskom sobore Moskovskogo Kremlya* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarinas in the Voznesenskiy Cathedral of the Moscow Kremlin], vol. 1. Moscow, Moscow Kremlin, pp. 137-167.
- Pererva E.V., 2018. Antropologiya naseleniya predsavromatskogo vremeni iz podkurgannyh zahoroneniij s territorii Nizhnego Povolzh'ya (paleopatologicheskij aspekt) [Anthropology of the Population of the Pre-Sauromatic Time from Underground Burial Sites from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], no. 8, pp. 81-93. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.8.26917>
- Pererva E.V., 2020. Rannie sarmaty IV–III vv. do n.e. s territorii Nizhnego Povolzh'ya po dannym paleopatologii [Paleopathology Data on the Early Sarmatians of 4th – 3rd Centuries BC from the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 74-91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>
- Skvortsov N.B., 2010. Novye pamyatniki savromatskoy kul'tury v stepnom Volgogradskom Zavolzh'e [New Sarmatian Monuments in the Steppe Area of Transvolga]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 322-334.
- Filippov V.K., 2015. Opredelenie centra raduzhnoy obolochki glaza pri graficheskoy rekonstruktsii litsa po cherepu [The Iris Centre Definition in the Graphic Facial Reconstruction on the Skull]. *Sudebnaya meditsina* [Forensic Medicine], vol. 1, no. 2, pp. 106-107.

- Firshteyn B.V., 1967. Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya Nizhnego Povolzhya v epokhu bronzy [Anthropological Characteristics of the Population of the Lower Volga in the Bronze Age]. *Pamyatniki epokhi bronzy yuga evropeyskoy chasti SSSR* [Monuments of the Bronze Age of the South of the European Part of the USSR]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 100-140.
- Firshteyn B.V., 1970. Sarmaty Nizhnego Povolzhya v antropologicheskom osveshchenii [Sarmatians of the Lower Volga Region in the Anthropological Illumination]. Tot T.A., Firshteyn B.V., eds. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty* [Anthropological Data on the Peoples' Great Migration]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 69-201.
- Khokhlov A.A., 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Uralye v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzovogo veka)* [Morphogenetic Processes in the Volga-Urals During the Early Holocene (Based on Craniological Materials of the Mesolithic-Bronze Age)]. Samara, SGSPU. 386 p.
- Henneberg M., Sampson W., 2003. Predicting Nose Projection and Pronasale Position in Facial Approximation: A Test of Published Methods and Proposal of New Guidelines. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 122 (3), pp. 240-250. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.10300>
- Le Quesne R., Widden T., 2020. The Girl from St Lawrence: the Facial Reconstruction of a Medieval Burial. *Société Jersiaise Annual Bulletin*, pp. 779-789.
- Stephan C.N., 2003. Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 121, pp. 48-57.
- Stephan C.N., 2002. Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthal-Mometry Literature. *Journal Forensic Science*, vol. 47, no. 4, pp. 1341-1346.
- Stephan C.N., Davidson P.L., 2008. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification. *Journal Forensic Science*, vol. 53, no. 3, pp. 612-619.

Information About the Authors

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Aleksey I. Nechvaloda, Researcher, Department of Ethnology, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, striwolf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9904-7284>

Информация об авторах

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Алексей Иванович Нечвалода, научный сотрудник отдела этнологии, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, striwolf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9904-7284>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.11>

UDC 902(652)
LBC 63.443-427.1

Submitted: 31.07.2022
Accepted: 26.09.2022

REVISITING THE ORIGIN TIME OF THE SARMATIANS IN THE CRIMEAN STEPPE ¹

Viktor V. Kropotov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Irina V. Rukavishnikova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Denis V. Beilin

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. The study deals with the question of determining time of the first appearance of the Sarmatians in the Crimean Steppe. Discrepancy between scientific interpretations of ancient written sources and dating by archaeological researches can be observed: while the former admit that the Sarmatians inhabited the Crimean peninsula in 3rd – 2nd centuries BC, the later assume the origin time to be the late 1st century BC. The monument considered in the article is burial 80 of kurgan Ungut-1 which partially helps to overcome this discrepancy. The studied monument is a single burial of a male positioned on his back with his head oriented to the north accompanied by a moulded pot, a fibula, a knife and a bead. These grave goods and, the first of all, fibula date back the burial to the early 1st century BC, and allow this Sarmatian complex to be considered the earliest precisely dated one in the Crimea. This fact indicates the presence of the nomads on the peninsula during the reign of Mithradates VI Eupator. At the same time, the examined monument does not mitigate completely discrepancies existing between ancient written sources and massive archaeological material regarding their timing. The only indisputable fact is that the nomads were there during the events of the Diophantine wars. However, their presence on the Crimean peninsula in earlier periods, especially in the late 4th – early 3rd centuries BC, remains disputable.

Key words: Sarmatians, burial, kurgan, Crimean Steppe, Late Hellenistic period, Mithradates VI Eupator, Diophantine wars.

Citation. Kropotov V.V., Rukavishnikova I.V., Beylin D.V., 2022. K voprosu o vremeni poyavleniya sarmatov v Stepnom Krymu [Revisiting the Origin Time of the Sarmatians in the Crimean Steppe]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 174-183. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.11>

УДК 902(652)
ББК 63.443-427.1

Дата поступления статьи: 31.07.2022
Дата принятия статьи: 26.09.2022

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ САРМАТОВ В СТЕПНОМ КРЫМУ ¹

Виктор Валерьевич Кротов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Ирина Викторовна Рукавишникова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Денис Владиславович Бейлин

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В работе затрагивается вопрос времени появления сарматов в Степном Крыму. Отмечается несоответствие между научными трактовками древних письменных источников и данными археологических исследований. Если первые допускают присутствие сарматов на Крымском полуострове в III–II вв. до н.э., то вторые не позволяют говорить об этом событии ранее второй половины I в. до н.э. Рассмотренный в статье памятник – погр. 80 из кург. «Унгут-1» – частично снимает это противоречие. Объект представляет собой одиночное погребение мужчины, совершенное вытянуто на спине головой на север, сопровождавшееся лепным горшком, фибулой, ножом и бусиной. Указанный инвентарь, и в первую очередь фибула, датирует комплекс началом – первой половиной I в. до н.э., что позволяет считать его наиболее ранним узко датированным сарматским захоронением в Крыму, несомненно, свидетельствующим о пребывании кочевников на полуострове в период правления понтийского царя Митридата VI Евпатора. Вместе с тем указанный памятник не закрывает полностью временную лауну между самыми древними письменными свидетельствами и массовым археологическим материалом. Бесспорным остается лишь факт участия кочевников в событиях периода Диофантовых войн. Однако их пребывание на полуострове в предшествующее время, в особенности в конце IV – начале III в. до н.э., по-прежнему остается дискуссионным.

Ключевые слова: сарматы, погребение, курган, Степной Крым, поздний эллинизм, Митридат VI Евпатор, Диофантовые войны.

Цитирование. Кропотов В. В., Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., 2022. К вопросу о времени появления сарматов в Степном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 174–183. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.11>

Время появления кочевых сарматских племен в степной части Крымского полуострова представляет собой важный и до сих пор дискуссионный вопрос, то или иное решение которого влечет за собой далеко идущие выводы относительно реконструкции и интерпретации исторических событий, протекавших в этой части Циркумпонтийского региона. Базой для этого являются, во-первых, письменные источники, во-вторых, накопленные к настоящему времени археологические данные, а они противоречивы. Так, научная трактовка древних письменных свидетельств допускает присутствие сарматов в Крыму уже в начале III в. до н.э. (декрет о «несении Диониса»), во второй половине этого столетия (легенда об Амаге) и в самом конце II в. до н.э. (декрет в честь Диофанта, сообщение Страбона) [Виноградов, 1997, с. 108–123; Ростовцев, 1915, с. 58–63; Соломоник, 1977, с. 53–63]. Вместе с тем данные полевых археологических исследований, накопленные в XX – начале XXI в., до последнего времени не позволяли говорить об этом ранее рубежа нашей эры [Симоненко, 1994, с. 45; 2012, с. 198]. Несмотря на то что недавно удалось выделить на полуострове погребальные комплексы сарматов, узко датированные в пределах второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. [Кропотов, 2015, с. 22; 2016, с. 29; 2018, с. 116], временной разрыв не менее чем в столетие между письменными сведениями древности и установленными археологическими фактами по-прежнему сохраняется.

Цель данной статьи – ввести в научный оборот результаты новых исследований, которые частично снимают указанное противоречие.

Представляемые материалы были получены в 2019 г. в ходе охранно-археологических работ отряда Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством И.В. Рукавишниковой на кург. «Унгут-1», расположенном в 0,2 км к северо-западу от районного центра пгт. Кировское Республики Крым. Курган представлял собой одиночную насыпь высотой 1,5 м, диаметром 50 м, возведенную в эпоху бронзы и перекрытую в XVI–XVII вв. н.э. золистым грунтом (мусорным слоем) толщиной до 0,4 метра. Под насыпью открыты 113 археологических объектов – разновременных погребений и хозяйственных ям, большинство из которых являлись безынвентарными захоронениями нового времени [Рукавишникова и др., 2020, с. 347].

В контексте вопроса, рассматриваемого в данной статье, особый интерес представляет комплекс ранней хронологической группы, которому в полевой документации был присвоен № 80. Этот объект являлся погребением мужчины 30–40 лет², совершенным вытянуто на спине головой на север, выявленным в слое погребенной почвы на глубине 1,6 м от вершины кургана, в 3 м к юго-востоку от его центра. Погребальное сооружение – предположительно простая подпрямоугольная в плане могила длиной около 2,3 м и шириной

до 0,85 м – оказалось практически полностью разрушенным перекрытыми его погр. 30, 77 и 78 Нового времени. Последние находились всего на 0,1 м выше уровня расположения погр. 80.

В рассматриваемом захоронении обнаружены: за головой – лепной горшок (рис. 1,1) и кость животного (лопатка барана) с железным ножом (рис. 1,2), у шейных позвонков – бронзовая фибула (рис. 1,3), близ левого локтя – стеклянная бусина (рис. 1,4). Кроме того, в нарушенной поздними погребениями части заполнения могилы выявлен каменный оселок, только предположительно связываемый с данным комплексом [Руквишникова и др., 2020, с. 347, рис. 7,1].

Найденный в погребении лепной горшок имеет округлое тулово, чуть уплощенное дно и короткое горло с плавно отогнутым наружу венчиком. Керамический материал сосуда рыхлый, темно-серого цвета, с большим количеством включений, поверхность слегка залощена. Высота изделия 14,4–14,5 см, диаметр венчика 9,8 см, диаметр дна 5,6 см, максимальный диаметр тулова 13,1 см (рис. 2,1).

В могиле найден обломок серповидно изогнутого лезвия со следами деревянной рукоятки на черенке. Длина фрагмента 6,9 см, ширина режущей части 1,5 см, толщина 0,5 см (рис. 2,2).

Обнаруженная в захоронении бусина – двудольчатая пронизь из глухого синего стекла – относится к типу 155 по классификации Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1978, с. 72]. Ее длина и ширина 0,9 см, высота 1,5 см (рис. 2,4).

Каменный оселок, происходящий из нарушенной перекопом части могилы, имеет вытянутую брусковидную форму с сильно сглаженными углами и ребрами, придающими ему плавные очертания. Почти в центре, с небольшим смещением к верхнему краю в изделии просверлено округлое отверстие для подвешивания. Длина оселка 8,5 см, ширина и высота 1,3 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 2,5). Следует отметить, что, хотя данный предмет отнесен к рассматриваемому комплексу условно, близкие ему по форме и размеру образцы хорошо известны в сарматских погребальных памятниках Северного Причерноморья (см., например: [Симоненко, 1993, рис. 6,1д, 8,3г, 9,4в, 14,1г; Супруненко, Шерстюк, 2011, рис. 254,4; Безуглов, Глебов, 2015, рис. 1,б; Кропотов, Скворцов, 2020, рис. 5,3; и др.]).

поэтому его связь с описываемым комплексом представляется вполне вероятной.

Несомненно, самой интересной находкой в погр. 80 кург. «Унгут-1» является бронзовая застежка-фибула. Изделие сильно корродированно и разломано на несколько частей, однако его форма восстанавливается. Застежка изготовлена из одного куска проволоки и имеет среднелатенскую конструкцию. Ее низкий резко изогнутый корпус под прямым углом переходит в короткую ножку, от бокового края которой отогнут узкий приемник-«плодочка». Свободный конец ножки, загнутый вверх и назад к дужке, закреплен на ней с помощью четырехвитковой завязки. Симметричная шестивитковая пружина намотана на короткую железную ось и снабжена невысокой поднятой вверх тетивой. Примерная длина изделия 7,6–7,7 см, высота корпуса 2,4 см, ширина пружины 1,5 см (рис. 2,3).

По внешним отличительным признакам, таким как вытянутый приземистый корпус, угловатые очертания, наличие завязки, намотанной на дужку слева направо, и прочее, фибулу следует соотносить с ранними надвязными застежками так называемого «неапольского» варианта (группа 2, подгруппа 3, «неапольский» вариант по классификации А.К. Амброза; группа 2, серия II, вариант 1 по типологии В.В. Кропотова), датировка которых определяется в пределах второй половины или последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22, табл. 2,12; Михлин, 1980, с. 200, рис. 4,1–3; Кропотов, 2010, с. 50, рис. 21,1–6]. Однако нехарактерная для «неапольских» образцов короткая шестивитковая пружина сближает находку с ранними фибулами среднелатенской схемы скрепленной конструкции (группа 2, подгруппа 3, «проволочные среднелатенские фибулы Северного Причерноморья (со скрепой)» по классификации А.К. Амброза; группа 2, серия I, вариант 1 по типологии В.В. Кропотова), бытовавшими в то же время [Амброз, 1966, с. 21, табл. I,15; Михлин, 1980, с. 197–200, рис. 2; Кропотов, 2010, с. 44, рис. 19,1–4]. Короткая четырех- или пятивитковая пружина известна также и у более поздних надвязных фибул «беляусского» варианта, но последние резко отличаются от публикуемого образца как более высоко и плавно изогнутой дужкой, так и завязкой, всегда намотанной в обратном направлении – спра-

ва налево [Михлин, 1980, с. 200–201, рис. 4, 4–9; Кропотов, 2010, с. 48–50, рис. 21, 7–10].

В связи с этим фибулу из погр. 80 кург. «Унгут-1», скорее всего, следует рассматривать как своеобразный гибрид между ранними скрепленными и надвязными «неапольскими» образцами, отнеся ее, как и весь содержащий ее комплекс, ко второй половине / последней четверти II – первой половине I вв. до н.э. При этом следует отдавать предпочтение поздней части указанного периода, то есть началу – первой половине I в. до н.э., в виду наличия в облике изделия отдельных поздних элементов, в частности небольших общих размеров, относительно короткого приемника и наклоненной в сторону дужки тетивы, не типичных для ранних экземпляров [Кропотов, 2010, с. 43, 48, рис. 19, 1–4, 21, 1, 5]. Кроме того, на I в. до н.э., как на наиболее вероятную датировку комплекса, указывает стеклянная пронизь [Алексеева, 1978, с. 72]. Остальной инвентарь узких определений не предусматривает.

Этнокультурная принадлежность рассматриваемого погребения надежно устанавливается по таким особенностям погребального обряда, как ориентировка покойного в северный сектор, размещение заупокойной пищи у головы усопшего, использование для погребения простой подпрямоугольной в плане могилы, впущенной в насыпь более древнего кургана и т. д. Все эти черты обычны для ранних сарматских захоронений как степной части Крымского полуострова, так и всего Северного Причерноморья в целом [Симоненко, 1994, с. 34–38; 2012, с. 190–193; Кропотов, 2016, с. 24; 2019, с. 155–158]. Крымские комплексы, как правило, датируются широко в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. [Кропотов, 2016, с. 30], и только отдельные из них допускают более узкие определения в рамках второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. или более позднего времени [Кропотов, 2015, с. 22; 2016, с. 29; 2018, с. 116]. Датировка рассматриваемого погребения началом – первой половиной I в. до н.э. позволяет признать его наиболее ранним узко датированным сарматским погребальным памятником в Степном Крыму, наличие которого, бесспорно, свидетельствует о присутствии сарматов на полуострове в период правления понтийского царя Митридата VI Евпатора и косвенно подтверждает их участие в событиях периода Диофан-

товых войн, хорошо известных нам по письменным источникам.

При этом нельзя не отметить ограниченное число зафиксированных в настоящее время в регионе сарматских захоронений – всего 21, включая комплекс, описываемый в данной работе (рис. 3). Эти погребения расположены узкой цепочкой вдоль северной границы региона по побережью Черного моря и Сиваша – от Перекопского перешейка до мыса Тарханкут на западе и Керченского полуострова на востоке. Их погребальный инвентарь достаточно беден и практически не содержит оружия и каких-либо иных вещей, указывающих на воинский статус погребенных. Все это резко контрастирует со свидетельством Страбона об участии в войне против Диофанта многочисленной сарматской армии в 50 тыс. всадников-роксолан. Видимо, роль в этих событиях сарматов, описанная древним автором, сильно преувеличена.

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря захоронения 80 из кург. «Унгут-1» позволяет интерпретировать его как наиболее древний известный на сегодняшний день в Степном Крыму сарматский погребальный комплекс, свидетельствующий о присутствии кочевников на полуострове в начале – первой половине I в. до н.э.

Вместе с тем этот памятник полностью не закрывает временную лауну между самыми древними письменными свидетельствами и массовым археологическим материалом. Бесспорным остается лишь факт участия кочевников в событиях периода Диофантовых войн. Однако их пребывание на полуострове в предшествующее время, в особенности в конце IV – начале III вв. до н.э. (см., например: [Виноградов, 1997, с. 122–123; Виноградов и др., 1997, с. 96–103; Шелов-Коведяев, 2018, с. 364–369; 2020, с. 204–209]), по-прежнему дискуссионно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке программы «Приоритет-2030» Севастопольского государственного университета (проект № 5).

The work was supported by the program «Priority-2030» of the Sevastopol State University (project No. 5).

² Определение А.М. Юдиной и М.А. Самородовой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

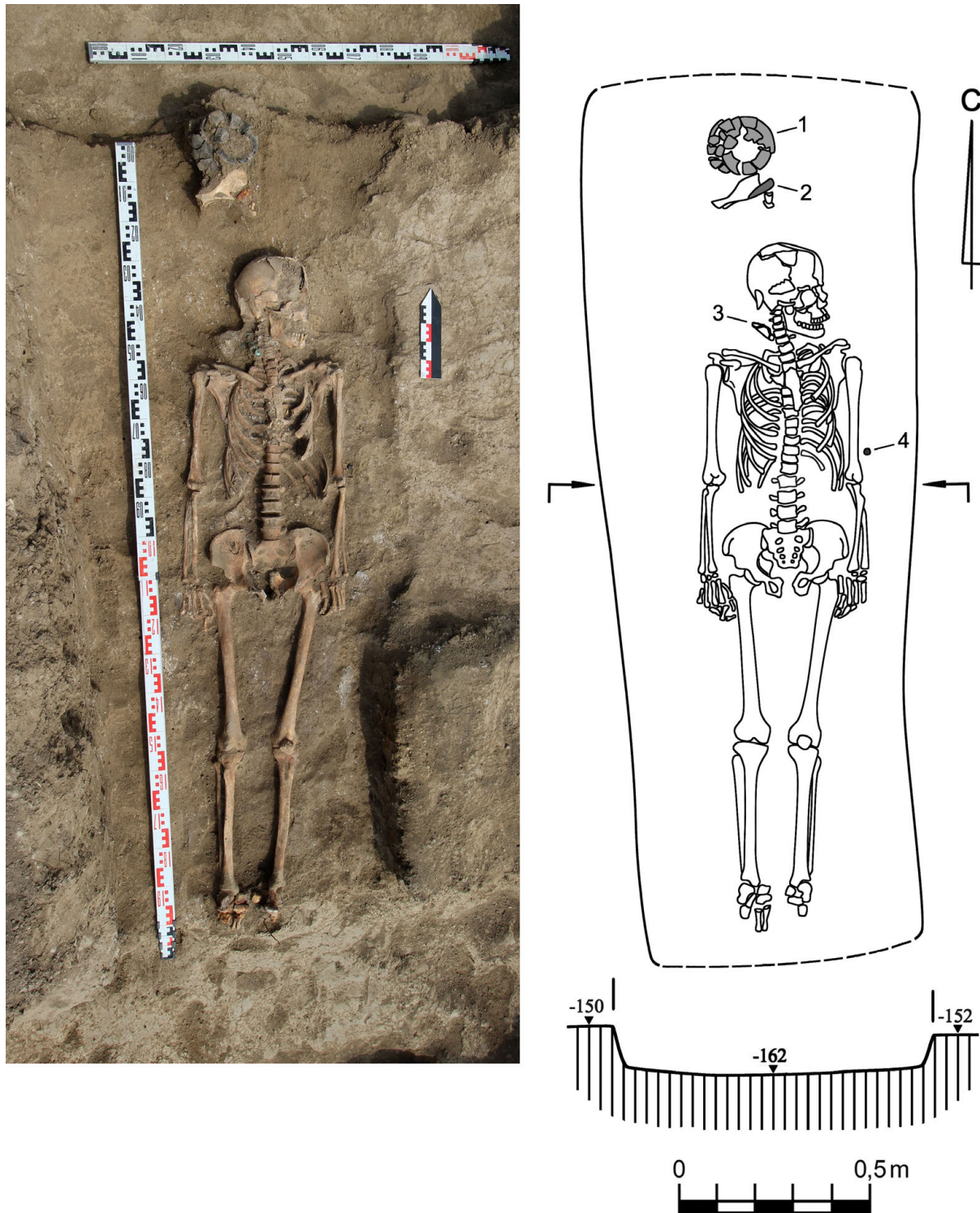

Рис. 1. План и разрез погр. 80 кург. «Унгут-1»:

1 – лепной горшок; 2 – железный нож; 3 – бронзовая фибула; 4 – стеклянная пронизь

Fig. 1. Plan and section of burial 80 of kurgan “Ungut-1”:

1 – a moulded pot; 2 – an iron knife; 3 – a bronze fibula; 4 – a glass thread

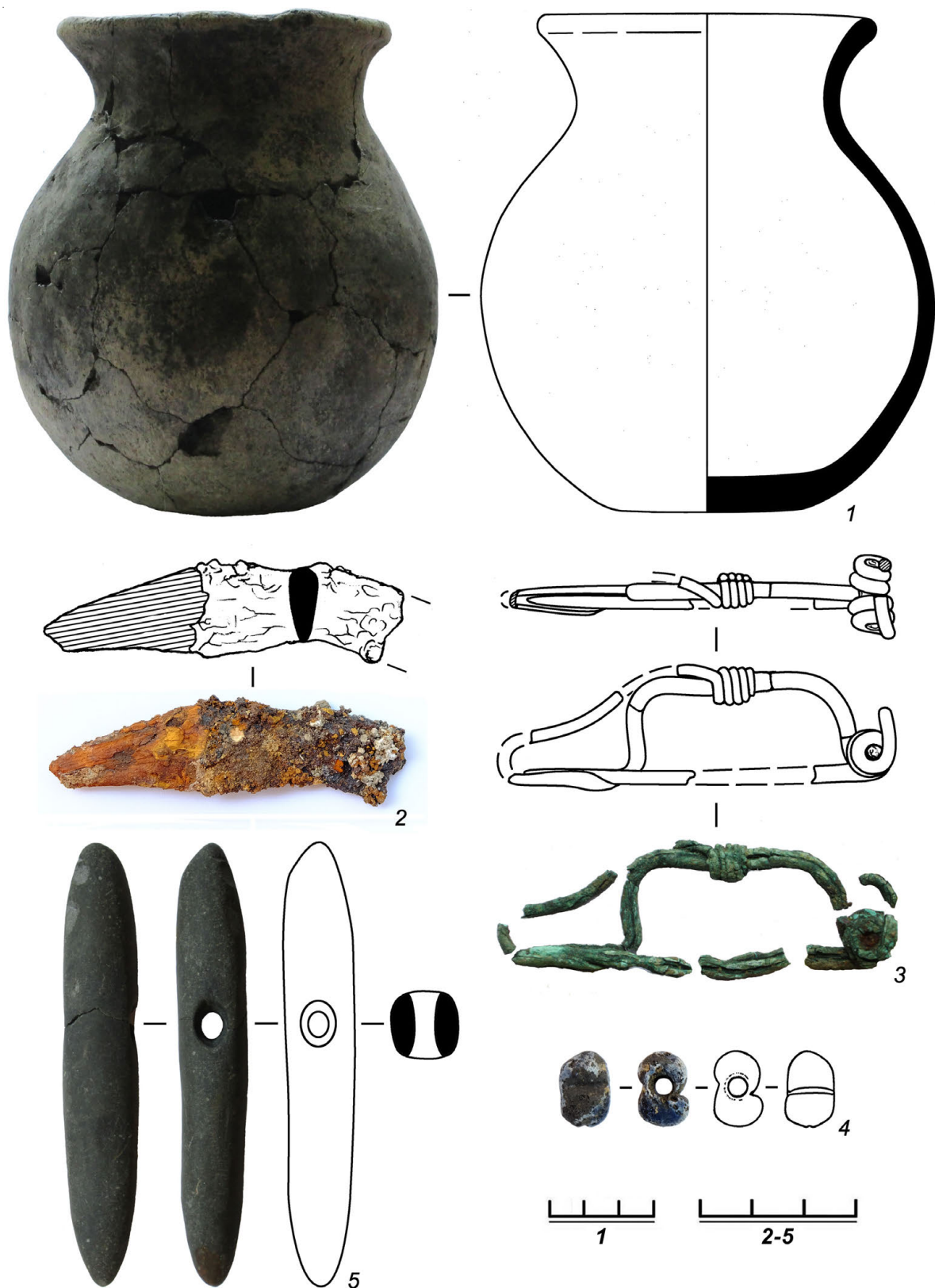

Рис. 2. Инвентарь погр. 80 кург. «Унгут-1»:

1 – лепной горшок; 2 – железный нож; 3 – бронзовая фибула; 4 – стеклянная пронизь; 5 – каменный оселок

Fig. 2. Grave goods of burial 80 of kurgan “Ungut-1”:

1 – a moulded pot; 2 – an iron knife; 3 – a bronze fibula; 4 – a glass thread; 5 – a grinding stone

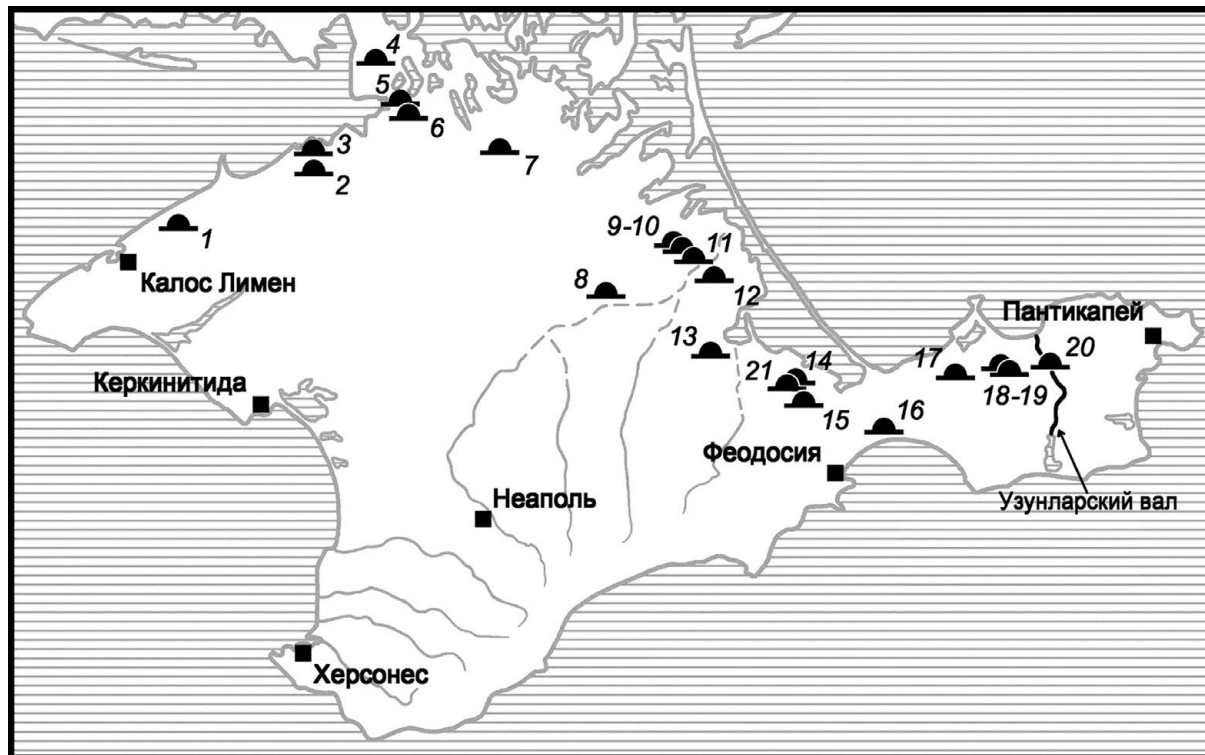

Рис. 3. Сарматские погребальные памятники в Степном Крыму:

- 1 – Владимировка, кург. 2/1988 г., погр. 21; 2 – Кропоткино, кург. 5, погр. 2;
 3 – Портовое (ур. Сары-Булат), кург. 2, погр. 7; 4 – Рисовое, кург. 5, погр. 61; 5 – Красноперекопск, кург. 15, погр. 3;
 6 – Ишунь, кург. 22, погр. 2; 7 – Источное, кург. 1, погр. 2; 8 – Червоное, кург. 5 (Ногайчинский), погр. 18;
 9, 10 – Чкалово, кург. 1, погр. 1 и 2; 11 – Заливное, кург. 1931 г., выпускное погребение; 12 – Емельяновка, кург. 1,
 погр. 15; 13 – Советский, кург. 1, погр. 8; 14 – Кировское, кург. 1, погр. 1; 15 – Яркое Поле, кург. 1, погр. 5;
 16 – Дальние Камыши, кург. 3, погр. 1; 17 – Ильичево, кург. 1, погр. 3;
 18, 19 – Астанино, кург. 3, погр. 1 и кург. 23, погр. 1; 20 – Горностаевка, погр. 4;
 21 – Кировское, кург. «Унгут-1», погр. 80

Fig. 3. Sarmatian burial complexes in the Steppe Crimea:

- 1 – Vladimirovka, kurgan 2/1988, burial 21; 2 – Kropotkino, kurgan 5, burial 2;
 3 – Portovoe (Sary-Bulat), kurgan 2, burial 7; 4 – Risovoe, kurgan 5, burial 61; 5 – Krasnoperekopsk, kurgan 15, burial 3;
 6 – Ishun, kurgan 22, burial 2; 7 – Istochnoe, kurgan 1, burial 2; 8 – Chervonoe, kurgan 5 (Nogaychinsky), burial 18;
 9, 10 – Chkalovo, kurgan 1, burials 1 and 2; 11 – Zalivnoye, kurgan of 1931, inlet burial; 12 – Emel'yanovka, kurgan 1, burial 15;
 13 – Sovetsky, kurgan 1, burial 8; 14 – Kirovskoye, kurgan 1, burial 1; 15 – Yarkoe Pole, kurgan 1, burial 5;
 16 – Dalnie Kamyshe, kurgan 3, burial 1; 17 – Il'ichevo, kurgan 1, burial 3;
 18, 19 – Astanino, kurgan 3, burial 1 and kurgan 23, burial 1; 20 – Gornostaevka, burial 4;
 21 – Kirovskoye, kurgan "Ungut-1", burial 80

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М. : Наука. 120 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М. : Наука. 150 с.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., 2015. Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Сухо-Дюдеревский II // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 28–31.
- Виноградов Ю. Г., 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // Вестник древней истории. № 3. С. 104–124.
- Виноградов Ю. Г., Марченко К. К., Рогов Е. Я., 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Вестник древней истории. № 3. С. 93–103.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., 2015. Сарматские погребения близ села Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 20, № 2. С. 18–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.2>
- Кропотов В. В., 2016. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 22–39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>
- Кропотов В. В., 2018. Раннесарматские захоронение в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 114–125. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.10>
- Кропотов В. В., 2019. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Т. V. Симферополь : Салта ЛТД. С. 154–160.
- Кропотов В. В., Скворцов Н. Б., 2020. Сарматские погребения из курганного могильника «Попов-1» на Дону // Археологическое наследие : Античность. Скифы. Сарматы. № 1 (3). С. 351–359.
- Михлин Б. Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // Советская археология. № 3. С. 194–213.
- Ростовцев М. И., 1915. Амага и Тиргатао // Записки императорского Одесского Общества истории и древностей. Т. XXXII. Одесса. С. 58–77.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Волошинов А. А., 2020. Исследование погребальных памятников в Кировском районе в 2019 году // История и археология Крыма. № 13. С. 345–354.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 144 с.
- Симоненко О. В., 1994. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 1. С. 32–48.
- Симоненко А. В., 2012. Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Золото, конь и человек. Киев : Скиф. С. 187–206.
- Соломоник Э. И., 1977. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // Вестник древней истории. № 3 (141). С. 53–63.
- Супруненко О. Б., Шерстюк В. В., 2011. Кургани Нижнього Прип'їлля. Киев : Гротеск. 472 с.
- Шелов-Коведяев Ф. В., 2018. Об обстоятельствах гибели Елизаветовского поселения в 270-е годы до Р.Х. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. В.П. Копылова. Вып. 2. Ростов н/Д. С. 364–370.
- Шелов-Коведяев Ф. В., 2020. Рейды ранних сарматов в Северном Причерноморье по данным эпиграфики и материальной культуры // Stratum Plus. № 6. С. 203–211.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomoria* [Antique Beads from the Northern Pontic Region]. Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. Г1-12. Moscow, Nauka Publ. 120 p.

- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South of European Part of USSR of 2nd cent. BC – 4th cent. AD]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 150 p.
- Bezuglov S.I., Glebov V.P., 2015. Rannesarmatskoe pogrebenie s dvumya mechami iz mogilnika Sukho-Dyuderevskiy II [Early Sarmatian Burial with Two Swords from the cemetery Sukho-Dyuderevskiy II]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. pamiati A.I. Melyukovoy* [War and Military Affairs in the Scythian-Sarmatian World. The Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of M.I. Melyukova]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 28-31.
- Vinogradov Yu.G., 1997. Khersonesskiy dekret o «nesenii Dionisa» I² 343 i vtorzheniye sarmatov v Skifiyu [The Chersonesian Decree on “Carrying Dionysos” IOSPE I2 343 and the Sarmatian Invasion to Scythia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 104-124.
- Vinogradov Yu.G., Marchenko K.K., Rogov E.Ya. 1997. Sarmaty i gibel «Velikoy Skifii» [Sarmatians and the Destruction of Great Scythia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 93-103.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Brooches of the Sarmatian Age]. Kyiv, ADEF-Ukraina Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., 2015. Sarmatskie pogrebeniya bliz sela Astanino v Vostochnom Krymu [Sarmatian Burials Near the Astanino Village in the Eastern Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 20, no. 2, pp. 18-24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.2>
- Kropotov V.V., 2016. Sarmatskie pogrebalnye pamyatniki Stepnogo Kryma [Sarmatian Burial Monuments of the Steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 22-39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>
- Kropotov V.V., 2018. Rannesarmatskiye zakhoroneniye v Vostochnom Krymu [The Early-Sarmatian Burial in the East Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 3, pp. 114-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.10>
- Kropotov V.V., 2019. K probleme vydeleniya rannesarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [On the Question of the Determination of the Early Sarmatian Sites in the Northern Black Sea Area]. *Krym v sarmatskuyu epokhu: materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of the Sarmatian Archaeology and History”], iss. 5. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 154-160.
- Kropotov V.V., Skvortsov N.B., 2020. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogilnika «Popov-I» na Donu [Sarmatian Burials from the Burial Mound Cemetery Popov-I on the Don]. *Arkheologicheskoe nasledie: Antichnost'. Skify. Sarmaty* [Archaeological Heritage: Antiquity. Scythians. Sarmatians], no. 1 (3), pp. 351-359.
- Mikhlin B.Yu., 1980. Fibuly Belyausskogo mogilnika [Fibulae of the Belyaussky cemetery]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 194-213.
- Rostovtsev M.I., 1915. Amaga i Tirtatao [Amaga and Tirtatao]. *Zapiski imperatorskogo Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities], vol. 32. Odessa, pp. 58-77.
- Rukavishnikova I.V., Beilin D.V., Voloshinov A.A., 2020. Issledovanie pogrebalnykh pamyatnikov v Kirovskom rayone v 2019 godu [Study of the Funerary Monuments in the Kirovsky District in 2019]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History & Archeology of the Crimea], iss. 13, pp. 345-354.
- Simonenko A.V., 1993. *Sarmaty Tavrii* [The Sarmatians of Tauria]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 144 p.
- Simonenko O.V., 1994. Rann'osarmatskiy period u Pivnichnomu Prychornomoriy [The Early Sarmatian Period in the North Pontic Region]. *Arkheologiya* [Archaeology], no. 1, pp. 32-48.
- Simonenko A.V., 2012. Rannesarmatskiy period v Severnom Prichernomor'e [The Early Sarmatian period in the North Pontic Region]. *Zoloto, kon'i chelovek* [The Gold, the Horse and the Man]. Kyiv, Skif Publ., pp. 187-206.
- Solomonik E.I., 1977. Sravnitelnyy analiz svidetelstva Strabona i dekreta v chest' Diofanta o skifskikh tsaryakh [The Evidence of Strabo and of the Decree Honouring Diophantos on the Reign of Two Scythian Kings]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3 (141), pp. 53-63.
- Suprunenko O.B., Sherstyuk V.V., 2011. *Kurhany Nyzhn'oho Prypsillya* [Kurgans of the Lower Psel]. Kyiv, Grotesk Publ. 472 p.

- Shelov-Kovedyaev F.V., 2018. Ob obshchey gibel' Elizavetovskogo poseleniya v 270-ye gody do R.Kh. [To the Destruction of the Elizavetovskoe Settlement in 270s BC]. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya: sb. nauch. tr., posvyasch. 70-letiyu prof. V.P. Kopylovu* [The Black Sea Region in Antiquity and Early Middle-Ages. Papers Presented to V.P. Kopylov on the Occasion of his 70th Birthday], iss. 2, pp. 364-370.
- Shelov-Kovedyaev F.V., 2020. Reydy rannikh sarmatov v Severnom Prichernomor'e po dannym epigrafiki i materialnoy kultury [The Raids of Early Sarmatians in North Black Sea Region: Epigraphical and Archaeological Evidence]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 203-211.

Information About the Authors

Viktor V. Kropotov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Irina V. Rukavishnikova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, rukavishnikovairina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2034-8659>

Denis V. Beilin, Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Vernadskogo, 2, 295053 Simferopol, Russian Federation, denis-beylin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5701-9402>

Информация об авторах

Виктор Валерьевич Кропотов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Ирина Викторовна Рукавишникова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, rukavishnikovairina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2034-8659>

Денис Владиславович Бейлин, научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Вернадского, 2, 295053 г. Симферополь, Российская Федерация, denis-beylin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5701-9402>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.12>

UDC 902:576.8
LBC T51(0)32

Submitted: 07.09.2022
Accepted: 27.10.2022

RESULTS OF ARCHAEOPARASITOLOGICAL AND PALYNOLOGICAL RESEARCH CONDUCTED ON CULTURAL LAYERS OF THE ARTESIAN ANCIENT SETTLEMENT (EASTERN CRIMEA)¹

Sergey M. Slepchenko

Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tyumen, Russian Federation

Nikolai I. Vinokurov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Anna N. Babenko

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander V. Khrustalev

All-Russian Scientific Research Institute for Fundamental and Applied Parasitology of Animals and Plant,
Moscow, Russian Federation

Sergey N. Ivanov

Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tyumen, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of archaeoparasitological and palynological research of the cultural layers located in the ancient Artesian settlement in the Eastern Crimea. The study revealed the species composition of parasites and palynological spectrum in the cultural layers. Parasite eggs distribution over the layers indicates high content of eggs in almost all periods of the citadel's existence. High abundance of geohelminth eggs in the studied samples, which might belong to both humans and domestic animals, indicates the unsatisfactory sanitary state of the settlement and the constant risk of infection with geohelminthiasis and intestinal infections possessing the same fecal-oral route of transmission. Features of the studied spore-pollen spectra do not allow a detailed reconstruction of the vegetation dynamics in the vicinity of the Artesian fortress at the turn of the millennium. The major reason is complexity of spectra formation: in addition to pollen deposited from the air (pollen rain), a significant proportion consists of pollen grains brought from other sources. Furthermore, interpretation of the spore-pollen spectra is complicated by presence of a large number of microcharcoals and burnt pollen grains. Despite the above-mentioned challenges in the study of samples from the cultural layers of the Artesian archaeological site using spore-pollen method, we have determined that the inhabitants of the settlement probably used animal dung as fuel, and that at the turn of the millennium, forestless open landscapes covered with steppe vegetation were predominant around the settlement. An important result of the study is the demonstration of unexplored opportunities to investigate cultural layers by archaeoparasitological and palynological methods and of the obtained data use as a source of bioarchaeological information.

Key words: archaeoparasitology, helminths, palynology, cultural layer, spore-pollen spectra, Eastern Crimea, antiquity.

Citation. Slepchenko S.M., Vinokurov N.I., Babenko A.N., Khrustalev A.V., Ivanov S.N., 2022. Rezul'taty arheoparazitologicheskogo i palinologicheskogo issledovaniya kul'turnykh sloev antichnogo poseleniya Artesian (Vostochnyy Krym) [Results of Archaeoparasitological and Palynological Research Conducted on Cultural Layers of the Artesian Ancient Settlement (Eastern Crimea)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 184-207. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.12>

УДК 902:576.8
ББК Т51(0)32

Дата поступления статьи: 07.09.2022
Дата принятия статьи: 27.10.2022

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОПАРАЗИТОЛОГИЧЕСКОГО И ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ АРТЕЗИАН (ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ)¹

Сергей Михайлович Слепченко

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН,
г. Тюмень, Российская Федерация

Николай Игоревич Винокуров

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Анна Николаевна Бабенко

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александр Валерьевич Хрусталеv

Всероссийский научно-исследовательский институт фундаментальной и прикладной паразитологии
животных и растений им. К.И. Скрябина, г. Москва, Российская Федерация

Сергей Николаевич Иванов

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН,
г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты археопаразитологического и палинологического изучения культурных слоев античного поселения Артезиан, расположенного в восточном Крыму. В рамках проведенного исследования удалось определить видовой состав паразитов и палинологический спектр культурных напластований. Распределение яиц паразитов по слоям показывает их обсемененность практически во все периоды существования цитадели. Обилие в исследуемых пробах яиц геогельминтов, которые могут принадлежать как человеку, так и домашним животным, свидетельствует о неудовлетворительном санитарном состоянии поселения и постоянном риске заражения геогельминтозами и кишечными инфекциями, имеющими одинаковый фекально-оральный путь передачи. Особенности изученных спорово-пыльцевых спектров не позволяют провести детальную реконструкцию динамики растительности, окружавшую городище Артезиан на рубеже тысячелетий. Основной причиной является сложность формирования спектров – помимо пыльцы, оседающей из воздуха (пыльцевого дождя), значительную долю составляют пыльцевые зерна, привнесенные из других источников. Интерпретация спорово-пыльцевых спектров, кроме того, осложняется и наличием большого количества микроуглей и обожженных пыльцевых зерен. Несмотря на вышеизложенные трудности изучения образцов из культурных слоев археологического памятника Артезиан, спорово-пыльцевым методом удалось определить, что обитатели городища, вероятно, применяли навоз животных в качестве топлива и что на рубеже тысячелетий вокруг поселения преобладали безлесные открытые ландшафты, покрытые степной растительностью. Немаловажным результатом исследования является демонстрация нераскрытых возможностей исследования культурных слоев археопаразитологическим и палинологическим методами и использование полученных данных в качестве источника биоархеологической информации.

Ключевые слова: археопаразитология, гельминты, палинология, культурный слой, спорово-пыльцевые спектры, Восточный Крым, античность.

Цитирование. Слепченко С. М., Винокуров Н. И., Бабенко А. Н., Хрусталеv А. В., Иванов С. Н., 2022. Результаты археопаразитологического и палинологического исследования культурных слоев античного поселения Артезиан (Восточный Крым) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 184–207. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.12>

Введение

Способность оболочек яиц кишечных паразитов длительное время противостоять агрессивным воздействиям окружающей среды и возможность идентификации многих из них до рода / вида с помощью обычной световой микроскопии делает их важным источником информации о различных сторонах жизни древнего населения, таких как диета, хозяйственно-культурный тип, состояние здоровья, контакты, миграции древних популяций [Reinhard, 1992].

Яйца кишечных паразитов могут содержаться во многих образцах грунта, полученных при археологических раскопках. При этом обнаружение останков паразитов в кишечном содержимом мумифицированных останков человека, грунте с поверхности крестца и т. д. будет отражать индивидуальную зараженность человека кишечными паразитами [Slepchenko et al., 2015; 2019]. Исследование проб содержимого туалетов и канализационных стоков может показать видовой состав кишечных паразитов, характерных для группы людей [Неделькин и др., 2021; Ledger et al., 2021].

Сложности как методического, так и интерпретационного характера возникают при исследовании культурных слоев городов и многослойных поселений. С одной стороны, наличие яиц эндопаразитов может указывать на присутствие фекалий в грунте и свидетельствовать о зараженности гельминтами популяции людей [Reinhard, 1992; Campbell et al., 2011, p. 23]. С другой стороны, низкие концентрации яиц (так называемая «городская фоновая фауна») могут быть следствием перетотленности из ранее засыпанных выгребных ям, переноса с пылью или насекомыми и свидетельствовать лишь о присутствии человека [Reinhard, 1992; Kenward, 2009, p. 25]. Кроме того, при анализе грунта с поселения значительной проблемой является определение видовой принадлежности останков паразитов – далеко не всегда удается отличить яйца паразитов человека от паразитов животных [Kenward, 2009, p. 25]. Таким образом, часто остается непонятным, что же в точности отражает видовой состав паразитов, обнаруженный при исследовании напластований.

На ряд поставленных вопросов можно получить ответы с помощью археоботанических исследований [Kenward, 2009]. Идентификация в культурном слое индикаторов пищи человека или травоядных животных иногда позволяет различить их экскременты.

Цель исследования – дать характеристику культурным слоям археопаразитологическим и палинологическим методами, определить возможности и ограничения их использования при анализе культурных напластований, попытаться реконструировать динамику растительности, окружавшей городище Артезиан в древности, определить факторы риска развития паразитозов и желудочно-кишечных заболеваний, дать характеристику санитарно-го состояния поселения.

Городище Артезиан. Античное городище Артезиан расположено в степной зоне Крымского Приазовья, на территории царской хоры Боспорского царства, в центре *урочища Артезиан* (Салын). От столицы Боспора Пантикапея городище отстояло на 30 км, от побережья Казантипского залива Азовского моря – на 5 км (рис. 1). Исследуется с 1986 г. [Винокуров 1998; 2012a]. На раскопках I–IV были выявлены слои и сопряженные с ними строительные остатки античного и средневекового времени. На раскопе I были вскрыты кварталы плотной античной застройки, северная часть цитадели «0» времени Митридата Евпатора Диониса и северо-восточный угол поздней цитадели; на раскопе II – южная часть кварталов цитадели «0», «казарменные» постройки времени Митридата Евпатора, уничтоженные в ходе землетрясения 63 г. до н.э., а также многочисленные хозяйственные и жилищные комплексы первых веков нашей эры. На раскопе III открыты преимущественно оборонительные сооружения и десять помещений ранней цитадели, погибшей в 46/47 г. в начальной фазе боспоро-римской войны 44/34–49 гг.; двор, внутренние помещения и башни 2–5 поздней цитадели второй половины I в. н.э. – III в. н.э. На раскопе IV обнаружены остатки хозяйственно-жилой застройки первых веков н.э. [Винокуров 2005; 2008; 2009; 2010a; 2010б; 2012a; 2012б; 2013; 2014; 2018]. Сохранность открытых античных и средневековых строительных остатков памятника чрезвычайно плохая, отдельные не потребо-

женные перекопами участки незначительной площади выявлены только на дне раскопов.

Не исключено, что на месте городища располагался древний город Пароста, упомянутый римским автором Плинием и греческим географом Клавдием Птолемеем. Название Пароста в переводе с древнеиранского – «стоящая впереди», а с индоарийского – «расположенная у устья, у гавани». Действительно, этот пункт был передовым форпостом в сложнейшей системе боспорских укреплений – валов и рвов, усиленных крепостями и фортами, оберегавших жизненно важные центры Боспорского царства от кочевников, вторгавшихся в Крым со стороны Перекопа.

Городище «Артезиан» представляет собой одну из крупных крепостей Крымского Приазовья со сложной планировкой разновременных жилых кварталов и оборонительных сооружений, имеет большое значение как эталонный стратиграфический объект для изучения центральных поселений царской хоры Боспора первых веков нашей эры. Городище контролировало «царскую» дорогу вдоль северного склона Артезианского урочища – от Азовского моря к Пантикапею и собственно урочище – значительную по площади естественную локально-территориальную зону Боспора. Важное стратегическое значение этого поселения было несомненным.

Центральное положение Артезиана обеспечивало его доминанту над другими поселениями урочища в торговом, сырьевом, ремесленном и оборонном значениях. Этот населенный пункт был удобен для сбора налогов или контроля за поселениями указанной территории, так как находился на равновеликом удалении от морского побережья и ведущих укрепленных поселений соседних территориально-хозяйственных зон. На городище были размещены представители государственной администрации и царский военный контингент. Возможно, здесь находились люди, занимавшиеся профессионально торговлей, собирающие и реализующие излишки сельскохозяйственной и ремесленной продукции населения урочища.

В прямой видимости от городища находятся высоты, на которых в древности располагались укрепленные поселения, входившие в единую оборонительную систему Боспорского царства (Ново-Отраденское, Либкнехтов-

ское, Багерово-Северное и др.). С цитадели городища хорошо просматриваются побережье Казантипского залива с доминирующим над местностью городищем Ново-Отрадное, устье реки Аджиэль, а также полуостров Казантип.

Городище неоднократно горело и разрушалось вследствие варварских штурмов и мощных землетрясений, но всегда восстанавливалось. В ходе исследования памятника обнаружены крепостные и жилые сооружения, уникальные артефакты, надписи, сотни граффити и дипинти, терракотовые фигурки, тысячи монет, многочисленные жилые, хозяйственные и производственные комплексы, а также реперные для боспорской истории слои пожара периода боспоро-римской войны 46/47 г. [Винокуров 2010а; 2010б; 2013; 2018; 2020].

Материалы и методы

Культурный слой городища Артезиан мощностью от 1,20 до 2,80 м (во рву «Цитадели» – до 5,80 м) разделяется на два горизонта: античный первой половины IV в. до н.э. – начала IV в. н.э. и салтовский VIII–IX веков. Более ранние культурные напластования переотложены в античный период.

Непосредственно во время проведения археологических раскопок был зачищен западный борт раскопа III с культурными напластованиями и строительными остатками ранней и поздней цитаделей городища Артезиан (античный горизонт). В борту выделено 13 слоев:

Слой 1. Переотложенная погребенная почва горизонта «В». Связана с устройством террас эпохи эллинизма – рубежа нашей эры.

Слой 2. Слой строительного отеса и желтой глины связан с первичной перепланировкой городища в эпоху эллинизма.

Слои 3–8. Нижний античный горизонт сформировался в период от 370–235/220 гг. до н.э. до начала строительства ранней цитадели.

Слои 9–10. Время строительства, бытования ранней цитадели от середины I в. до н.э. – 46/47 н.э.

Слои 11–12. Нивелировочные слои, связанные с периодом строительства поздней цитадели 49–54 гг. н.э. Образованы из переотложенных напластований периода бытования и слоя разрушения ранней цитадели.

Слой 13. Верхний нивелировочный слой под постройки поздней цитадели середины – второй половины I в. н.э.

Для археологического и спорово-пыльцевого анализа с каждого слоя со всей толщи борта в индивидуальные пакеты было отобрано 13 проб грунта (по количеству слоев) весом от 150 до 350 грамм.

Археопаразитологический анализ.

В лабораторных условиях к сухой пробе, предварительно помещенной в химический стакан объемом 800 мл, добавлялся 0,5%-ный раствор тринатрий фосфата (Na_3PO_4). Химические стаканы с пробами накрывались фильтровальной бумагой, через одну неделю сливалась надосадочная жидкость. Осадок пропускать через сито с диаметром ячеек 200 мкм. Сепарацию проб проводили в центрифужных пробирках. Осадок собирали многократным центрифугированием в течение 7 мин. (1500 оборотов в минуту). После этого к пробам добавлялся глицерин [Callen, Cameron, 1960].

При обработке промеров длины яиц нематод рода *Trichuris* применяли поправочный коэффициент, равный 1,1, на отсутствие полярных пробочек. Для яиц трихурисов с деградированными оболочками с целью получения сравнимых данных также применяли поправочные коэффициенты: 1,1 по длине и 1,04 по ширине для яиц с сильно деградированными оболочками и 1,05 по длине и 1,02 по ширине для умеренно деградированных яиц. Поправочные коэффициенты были высчитаны путем промеров яиц на фотографиях из публичных источников. Измерение длины яиц трематод с несохранившейся крышечкой проводили, как если бы они были с крышечкой. Явно уродливые, деформированные и поврежденные яйца для промеров не применяли.

В качестве описательных статистик для измеряемых признаков яиц использовали показатели абсолютного размаха размера (минимальный – min; максимальный – max), среднее арифметическое (mean – M) со стандартным отклонением (standard deviation – SD). Для вычислений числовых параметров и построения диаграмм применяли программу MS Excel из состава MS Office 2019.

Для определения видовой принадлежности яиц паразитов человека использовали руководство [Ash, Orihel, 2007; Гаевская, 2015],

также материалы сайта CDC DPDx – Laboratory Identification of Parasites of Public Health Concern. Яйца гельминтов животных идентифицировали по следующим материалам [Foreyt, 2001; Zajac, Conboy, 2021].

Спорово-пыльцевой анализ. Пробоподготовка для спорово-пыльцевого анализа 13 образцов с городища Артезиан проводилась по стандартной методике с использованием тяжелой жидкости (KJ + CdJ2). Кроме спор и пыльцы высших растений учитывались и непольцевые палиноморфы (микроугли, споры грибов, водоросли). В каждом образце подсчитано 300–500 пыльцевых зерен и не менее 500 микроуглей. При расчете доли таксонов в спектре за 100 % принята сумма пыльцы древесных и травянистых растений. Концентрация пыльцевых и непольцевых палиноморф определялась с помощью добавленных (перед обработкой соляной кислотой – HCl) в каждый образец таблеток, содержащих споры *Lycopodium clavatum* (batch № 140119321). Построение диаграммы проводилось с применением программы Tilia 2.0.41 [Grimm, 2019]. Палинозоны выделялись на основании стратиграфически ограниченного кластерного анализа (CONISS) [Grimm, 1987, pp. 13–35]. За функцию расстояния принято евклидово расстояние.

Результаты

Археопаразитологический анализ.

Наиболее широко в образцах были представлены яйца нематод рода *Trichuris*. Яйца имели характерную удлиненную бочонковидную форму, сужающуюся к полюсам с устьями; скорлупа яиц толстая с двойным контуром. Пробочки на полюсах у всех яиц отсутствовали, большое количество яиц было с деградированной наружной оболочкой (рис. 2, a, b). При анализе распределения линейных размеров яиц по длине и ширине были выявлены две четко разграниченные неравные по объему группы (рис. 3).

Более мелкие яйца значительно преобладали в образцах, их общее количество превышало 92 %. Частотные и размерные характеристики обеих групп яиц *Trichuris* приведены в таблице.

Также в образцах регулярно обнаруживались яйца трематод рода *Brachylaima*. Они

имели характерную для брахилаймид эллипсоидную асимметричную форму и толстую, темно-коричневую оболочку с утолщением на противоположном от крышечки конце. Большинство яиц было с отпавшими крышечками, многие яйца были деформированы (рис. 2,с). Размеры яиц довольно сильно варьировали по длине от 27,2 до 40,6 (в среднем $32,9 \pm 2,7$) мкм и по ширине от 17,3 до 25,6 (в среднем $20,4 \pm 1,5$) мкм (рис. 4).

Яйца аскарид рода *Ascaris* в образцах были менее многочисленны и присутствовали не во всех слоях. Они имели коричневый цвет, округлую или овальную форму с толстой бугристой оболочкой и аморфным содержанием (рис. 2,д). Их размеры варьировали от 46,4 до 61,2 мкм в длину и от 35,2 до 46,6 мкм в ширину, в среднем $54,6 \pm 4,1 \times 41,9 \pm 3,5$ мкм.

Количество и соотношение яиц гельминтов разных родов в исследованных слоях было очень неравномерным (рис. 5).

Дифференциальная диагностика яиц паразитов. Яйца различных видов нематод рода *Trichuris* имеют хорошо узнаваемую, но очень сходную между собой морфологию. Благодаря гостальной специфичности их идентификация может быть проведена по виду хозяина, а также по размерам, которые, однако, у разных видов могут значительно перекрываться.

Учитывая археологический контекст материала и размерные характеристики яйца *Trichuris* sp. I типа могут быть отнесены как к человеческому (*T. trichiura*), так и свиному (*T. suis*) видам власоглавам. Оба этих вида практически неразличимы морфологически. Общепринятые референтные значения размеров *T. trichiura* составляют $49-65 \times 20-29$ мкм, в среднем 54 мкм \times 22 мкм [DPDx, 2016], хотя некоторые авторы указывают на более широкий размах размеров, в частности от 47, 45 и даже 43 мкм в длину [Meng et al., 1986, p. 20; Yoshikawa et al., 1989; Areekul et al., 2010; Jaeger et al., 2016]. Примечательно, что в целом (по средним значениям) яйца в нашем материале оказались несколько мельче по длине и одновременно шире по сравнению с референтными значениями. Этот факт, вероятно, связан с тафономическими изменениями яиц, при которых деградация оболочки сопровождается также изменением их формы.

Яйца *Trichuris* sp. II типа по мерным и морфологическим признакам соответствуют *T. muris*. Окончательными хозяевами власоглава этого вида являются синантропные грызуны (мыши, крысы).

Яйца брахилаймидных трематод, учитывая географическое положение места исследований и возможный круг хозяев, могут быть отнесены к роду *Brachylaima*. Широкий размах в размерах, а также вариабельность деталей морфологии заставляют предположить наличие в материале яиц нескольких видов брахилайм. Среди них наиболее вероятны виды, паразитирующие в синантропных грызунах (*B. recurva* и др.) и свиньях (*B. suis*).

Обнаруженные яйца аскарид могут принадлежать аскаридам человека (*A. lumbricoides*) или свиней (*A. suum*). Их дифференциация до вида практически невозможна ввиду чрезвычайно морфологического и морфометрического сходства [Ash, Orihel, 2007].

Спорово-пыльцевой анализ. Доля пыльцы древесных пород в изученных образцах не превышает 11 %, хотя и представлена десятью таксонами: сосной (*Pinus*), ольхой (*Alnus*), грабинником / березой (*Carpinus orientalis / Betula*), грабом обыкновенным (*Carpinus betulus*), лещиной (*Corylus*), буком (*Fagus*) ивой (*Salix*), липой (*Tilia*), дубом (*Quercus*) и вязом (*Ulmus*) (рис. 6). Кроме сосны пыльца всех пород встречается единично (менее 1,5 %). Доля пыльцы *Pinus* варьирует от 1 до 5 % и лишь в слое № 6 достигает 10 %.

Основу (46–85 %) спорово-пыльцевых спектров составляют злаки (Poaceae), маревые (Chenopodiaceae) и астровые (Asteroideae и Cichorioideae). Исключение составляет образец из слоя № 12, спектр которого можно охарактеризовать как монодоминантный, то есть основная часть подсчитанных пыльцевых зерен (97 %) приходится на один таксон (*Echium/Onosma*, Boraginaceae). Для понимания того, как распределены доли остальных таксонов, на диаграмме представлен и спектр этого образца без *Echium/Onosma* (№ 126). В семи из тринадцати образцов доминирует пыльца злаков, в трех (№ 8, 9 и 13) – маревые, в других двух (№ 4, 12) – астровые. В слое № 5 концентрация пыльцы очень низкая (265 шт/г), что не позволило рассчитать доли

пыльцы таксонов в этом спектре; на диаграмме присутствие встреченной в этом образце пыльцы отмечено «+». Несмотря на довольно большое таксономическое разнообразие (45 таксонов), пыльца большей части таксонов в образцах представлена единично и составляет 1 % и менее (рис. 6). Практически во всех образцах присутствуют пыльцевые зерна культурных злаков (*Cerealia t.*) (рис. 7,а).

На диаграмме выделены две палинозоны (рис. 6). Кластерный анализ проводился без образца № 12а. Зоны имеют незначительные отличия. Можно лишь отметить, что в спорово-пыльцевых спектрах палинозоны А, в отличие от Б, меньшее разнообразие древесных пород, чуть больше пыльцы сосны (*Pinus*), полыни (*Artemisia*), капустных (*Brassicaceae*) и злаков (*Poaceae*). Доля последних в зоне А варьирует от 22 до 70 %, лишь в образце № 4 снижаясь до 16 %, а в зоне Б – от 8 до 35 %.

Общая концентрация пыльцы и спор невысокая, максимальных значений достигает в образцах № 7 и 12 (146 900 и 102 600 шт/г соответственно). В большинстве образцов концентрация низкая и не превышает 20 000 шт/г.

Все образцы насыщены микроглем, хотя визуально присутствие зола отмечено только в слоях № 4, 5, 6, 8, 10 и 11. Концентрация микроглей значительно варьирует в образцах – от 12 000 до более двух миллионов шт/г в зольных слоях (рис. 6). В четырех образцах присутствуют споры копрофильных грибов. Среди непыльцевых палиноморф в образце № 13 также отмечены ценобии водоросли педиаструма (*Pediastrum*). В связи с низкой концентрацией спор грибов и ценобий на диаграмме отмечено лишь их присутствие (рис. 6).

Кроме спор, пыльцы и непыльцевых палиноморф в образцах подсчитывалось количество комков пыльцы, встреченных при учете пыльцевых зерен и спор. Большая часть комков представляет собой группы недозревших не разлетевшихся пыльцевых зерен одного таксона. В двух образцах (№ 5, 10) встречены большие фрагменты пыльников и даже целые пыльники (рис. 7,б,с), а также комки пыльцы, состоящие из пыльцевых зерен разных таксонов (№ 11, 12, 13), наибольшее их количество в образце № 12 (рис. 6).

Обсуждение

Археопаразитологический анализ.

Осадконакопление, приводящее к формированию культурных слоев на археологических памятниках, происходит неравномерно и зависит от воздействия ряда природных и антропогенных факторов [Karkanias, Goldberg, 2019, pp. 21–148]. При обнаружении в образцах грунта яиц гельминтов не всегда удается точно определить их принадлежность паразитам человека и/или животных. Ситуация осложняется еще и тем что яйца некоторых гельминтов человека и животных практически не имеют морфологических и морфометрических отличий. Таким образом, контекст отбора образцов и наличие сравнительного материала с других памятников очень важен для проведения археопаразитологических реконструкций.

Археопаразитологические исследования на территории Северного Причерноморья пока немногочисленны. В то же время по видовому составу паразитов результаты исследования культурных слоев поселения Артезиан во многом сходны с полученными из других памятников, расположенных на территории Северного Причерноморья.

Так яйца аскарид, власоглавы и брахиляямид в достаточном количестве были обнаружены при анализе проб грунта из водостоков хазарского периода города Фанагория VIII–IX вв. н.э. и в пробах содержимого канализационного стока Чоргунской башни расположенной в Юго-западном Крыму и датированной XV в. н.э. [Неделькин и др., 2021].

Однако соотношение яиц указанных выше видов паразитов в изученных образцах с этих археологических памятников несколько разнится. При исследовании образцов из водостока Фанагории выявлено минимальное число мышинных / крысиных *Trichuris muris* в сравнении со значительным количеством яиц человеческого / свиного власоглавы и яиц аскарид. При этом в содержимом канализационного стока Чоргунского донжона выявлено обратное соотношение – несколько большее количество яиц человеческого / свиного и мышинных / крысиных власоглавы, при минимальном количестве яиц аскарид.

Интерпретация подобного соотношения яиц паразитов может указывать на то, что в водоток средневековой Фанагории попадали в основном яйца власоглавы и аскарид человека и/или свиней при минимальном участии синантропных грызунов, в то время как отложения канализационного стока сформировались при участии только человека и грызунов (крыс и мышей).

Яйца брахиляямид, обнаруженные в образцах из этих памятников, отличались размерами. Более крупные яйца, обнаруженные в образцах из Фанагории, вероятно, принадлежали паразитам свиней, в то время как брахиляямидные яйца из проб канализации Чоргунской башни были от мышинных / крысиных трематод.

Ввиду близости видового состава паразитов и их соотношения в образцах культурных напластований цитадели поселения Артезиан к пробам грунта из водотока средневековой Фанагории можно предположить и схожесть формирования культурных напластований. Вероятно, их генез проходил в условиях относительно открытых пространств с участием в большей степени человека и, возможно, свиней и минимальном вкладе грызунов.

Спорово-пыльцевой анализ. Динамику тех или иных таксонов в спорово-пыльцевых спектрах культурных слоев археологических памятников часто связывают с изменениями в растительном покрове или даже с динамикой климатических условий. Однако подобного рода интерпретации не всегда могут быть корректными. Состав спорово-пыльцевых спектров культурных слоев сильно зависит от типа источника, откуда поступают пыльца и споры. В случае преобладания пыльцевого дождя, то есть пыльцы, переносимой от цветущих растений по воздуху, образцы из культурных слоев в действительности могут отражать изменения окружающей растительности подобно естественным разрезам (болотным и озерным отложениям, например). В случае же приноса пыльцы человеком (строительство, заготовка пищи растительного происхождения, лекарственных трав и т. п.) или животными (экскременты, содержащие пыльцу съеденных цветущих растений) спорово-пыльцевые спектры в большей степени отражают хозяйствен-

ную деятельность человека или состав пищи животного нежели фитоценоз окружающий памятник [Бабенко, Сергеев, 2019; Малышев и др., 2021; Сергеев и др., 2022]. Для понимания присутствия того или иного источника пыльцы при изучении археологических памятников крайне необходимо знать, откуда отобраны образцы: открытые контексты, где накапливался культурный слой без нарушений; открытые или закрытые объекты (хозяйственные ямы, полы построек, отхожие места, колодцы и др.), строительные слои или слои, сформировавшиеся в результате разрушения стен конструкций [Deforce 2017; Brown et al., 2017; van Amerongen, 2020; Аleshинская и др., 2021].

Присутствие в спорово-пыльцевых спектрах изученных образцов комков пыльцы и большой доли насекомоопыляемых растений (рис. 6) может свидетельствовать о наличии в слоях, откуда отобраны образцы, экскрементов травоядных животных [Carrion, 2002; Бабенко и др., 2007; Florenzano, 2019]. Комки пыльцы, или даже целые пыльники, в навозе указывают на поедание животными растений в период цветения и/или бутонизации. Нередко спорово-пыльцевые спектры такого навоза являются монодоминантными [Babenko et al., 2015; Бабенко и др., 2021].

Наиболее ярко рассмотренные признаки навоза выражены в образце № 12 – огромное количество комков пыльцы и абсолютное доминирование пыльцы растений – представителей семейства бурачниковые (Boraginaceae) (рис. 7, c, d). К сожалению, возможности спорово-пыльцевого анализа ограничены, и невозможно определить, пыльца конкретно какого вида преобладает. Учитывая современное распространение видов Boraginaceae на Керченском полуострове [Рубцов, 1972, с. 381–393], морфологию оболочки и размеры их пыльцевых зерен [Veug, 2004, с. 160–161, с. 338–339], можно предположить, что наиболее вероятными представителями семейства являются синяк (*Echium*) и онозма (*Onosma*) (рис. 7, e). Представители этих родов неохотно, но могут поедаться травоядными [Орлова, 1990, с. 116–117, с. 125–127; Шабанова и др., 2012, с. 120–121]. В этом же образце, но в спектре без участия пыльцы *Echium/Onosma* (№ 12б), можно отметить увеличенную, по

сравнению с другими образцами, долю пыльцы бобовых Fabaceae (16,6 %). Высокий процент присутствия этой пыльцы в спектре легко объяснить наличием комков пыльцы Fabaceae. Этими же причинами (наличие комков пыльцы) можно объяснить и высокую долю злаков в слое № 10, астровых в слоях № 4 и 12, капустных в слое № 4 и маревых (слой № 13) в изученных образцах (рис. 7, *f,g,h,i*). Так, в рассмотренных образцах большая доля таксонов, вероятнее всего, не свидетельствует об изменениях в растительном покрове, а на самом деле отражает присутствие экскрементов травоядных животных в образцах.

Наличие в спектрах комков пыльцы, состоящих из пыльцевых зерен не только одного, но и разных таксонов, также может являться свидетельством поступления навоза в культурный слой [Florenzano, 2019]. В трех из 13 изученных образцов (№ 11, 12, 13) присутствуют комки такого рода (рис. 7, *j*).

Еще одним доказательством того, что культурные слои городища содержат экскременты травоядных животных, являются споры копрофильных грибов: *Chaetomium t.*, *Coniochaeta t.*, *Gelasinospora t.*, *Podospora t.*, *Sordaria t.*, *Sporormiella t.* (рис. 8, *a,b,c*) [Lee et al., 2022]. Небольшое количество аскоспор в образцах, возможно, связано с климатическими условиями (недостаточная влажность [Lee et al., 2022]) и/или отсутствие периода времени, необходимого для развития грибов (2–4 недели [Lee et al., 2022]). Наибольшим количеством и разнообразием аскоспор характеризуется образец № 13. В нем же обнаружена и зеленая водоросль (*Pediastrum*) (рис. 8, *d*), обитающая в пресных водоемах (озеро, пруд или болото) [Komarek, Jankovska, 2001, p. 16–19] и единично присутствует пыльца рогоза (*Typha*). Отличия этого образца по составу непыльцевых палиноморф, вероятно, связано с особенностями формирования культурного слоя. Можно предположить, что слой, описанный как верхний нивелировочный, какое-то время был в доступе для посещения травоядными животными, в экскрементах которых успели развиваться копрофильные грибы. Наличие ценобий педиаструма в таком случае указывает на то, что у животных в доступе для питья был пресный водоем (пруд или озеро).

Другое возможное объяснение – присутствие в слое сырца, для производства которого использовали несвежий навоз и воду и/или ил / глину из пресного водоема [Сергеев, Лебедева, 2018; Малышев и др., 2021].

Еще одной отличительной чертой (кроме наличия комков пыльцы) изученных образцов с городища Артезиан является присутствие большого количества микроугля. Следует отметить, что один из источников микроуглей на памятнике – жженный навоз, о чем свидетельствует обгоревшие пыльцевые зерна и комки пыльцы (рис. 7, *g,h,i*, рис. 8, *e,f,g,h,i*). Пыльца под воздействием высоких температур сгорает, а при 200 °C теряет прозрачность [Brooks, Shaw, 1972, pp. 69–87], что затрудняет ее определение и увеличивает долю неопределенных пыльцевых зерен (рис. 8, *f*). Особенно ярко это проявилось в образцах № 4 и 5, где концентрация микроуглей достигает максимальных значений. Доля неопределенной обгоревшей пыльцы в первом образце достигает 12,8 % (рис. 6), а во втором – пыльца практически отсутствует. Найденные в образце из слоя 5 обгоревшие пыльцевые зерна и пыльники (рис. 8, *e*) указывают на то, что очень низкая концентрация пыльцы в этом образце является следствием именно выгорания при высоких температурах. Систематическую принадлежность пыльцевых зерен некоторых таксонов все же можно установить даже в обожженном состоянии (рис. 8, *g,h,i*). Разная концентрация микроуглей в образцах и, видимо, разная степень выгорания органики затрудняют анализ общей концентрации пыльцы и спор.

Присутствие комков пыльцы, копрофильных спор, обожженных пыльцевых зерен и большого количества микроугля в образцах может указать на использование на памятнике навоза в качестве топлива при нехватке древесины.

Спорово-пыльцевые спектры изученных образцов с городища Артезиан (по указанным выше причинам), к сожалению, не дают возможности проследить динамику окружающей растительности. Можно лишь предполагать о преобладании в окрестностях памятника открытых ландшафтов, покрытых разнотравно-злаковыми степными сообществами. Значительная доля пыльцы представителей маревых

(Chenopodiaceae) и присутствие пыльцевых зерен семейства свинчатковые (Plumbaginaceae) в спектрах могут указывать на засушливые климатические условия в регионе на рубеже тысячелетий. Высказанное предположение не противоречит как современным условиям Ленинского района, так и результатам спорово-пыльцевого анализа донных отложений Азовского моря [Cordova et al. 2011; Матишов и др., 2018; Дюжова, 2019].

Заключение

Распределение яиц паразитов по слоям показывает их обсемененность практически во все периоды существования цитадели. Наибольшее видовое разнообразие приходится на античный горизонт за счет постоянного присутствия в образцах яиц аскарид. В период существования ранней цитадели яйца последнего гельминта попадают только в одном слое, в минимальном количестве. В период существования поздней цитадели, яиц аскарид не выявлено.

Переотложение грунта во время проведения перестроек на территории цитадели, на наш взгляд, не позволяет однозначно судить о сходстве / различии видового состава паразитов в культурных напластованиях поселения Артезиан. Можно лишь сказать, что загрязненность почвы яйцами кишечных паразитов присутствовали практически во все периоды существования цитадели.

Таким образом, обилие в исследуемых пробах яиц геогельминтов, которые могут принадлежать как человеку, так и домашним животным, свидетельствует о неудовлетворительном санитарном состоянии поселения и постоянном риске заражения геогельминтозами и кишечными инфекциями, имеющими одинаковый, фекально-оральный путь передачи.

Особенности изученных спорово-пыльцевых спектров не позволяют провести детальную реконструкцию динамики растительности, окружавшую городище Артезиан на рубеже тысячелетий. Основной причиной является сложность формирования спектров –

помимо пыльцы, оседающей из воздуха (пыльцевого дождя), значительную долю составляют пыльцевые зерна из других источников. Сохранившиеся пыльники, комки пыльцы и споры копрофильных грибов указывают на присутствие в культурных слоях экскрементов животных, что согласуется с результатами археопаразитологического анализа. Однако ни по таксономическому составу, ни по соотношению различных таксонов невозможно установить, фекалии каких именно животных попали в культурные слои памятника. Единственное, можно отметить, что если в грунт и поступали экскременты человека, то, вероятнее всего, в небольших количествах. Интерпретация спорово-пыльцевых спектров, кроме того, осложняется и наличием большого количества микроуглей и обожженных пыльцевых зерен. Последнее приводит к нецелесообразности анализа динамики концентрации пыльцы в профиле и увеличению количества неопределенных пыльцевых зерен.

Несмотря на вышеизложенные трудности изучения образцов из культурных слоев археологического памятника Артезиан спорово-пыльцевым методом, можно сформулировать два основных вывода: 1) обитатели городища, возможно, использовали навоз животных в качестве топлива; 2) на рубеже тысячелетий вокруг поселения преобладали безлесные открытые ландшафты, покрытые степной растительностью.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 21-18-00263 «Археопаразитологические спектры древнего и средневекового населения Северного Причерноморья и юга Русской равнины: новый подход в биоархеологических реконструкциях».

¹ Research supported by the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00263 “Archaeoparasitological spectra of the ancient and medieval population of the Northern Black Sea region and the south of the Russian Plain: a new approach in bioarchaeological reconstructions”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица. Размеры и встречаемость двух типов яиц *Trichuris*

Table. Size and frequency of two types of *Trichuris* eggs

Параметры		<i>Trichuris</i> sp. I	<i>Trichuris</i> sp. II
Размеры, среднее \pm SD (размах)	длина	51,8 \pm 3,1 (45,5 – 59,9)	64,9 \pm 3,1 (61,3 – 67,2)
	ширина	25,1 \pm 1,8 (19,3 – 29,9)	33,5 \pm 1,8 (29,6 – 35,9)
Доля ($n = 285$, 100 %)		92,3 %	7,7 %

Примечание. Размеры приведены с поправкой на отсутствующие пробочки и деградировавшую наружную оболочку.

Note. Dimensions are adjusted for missing plugs and degraded outer shell.

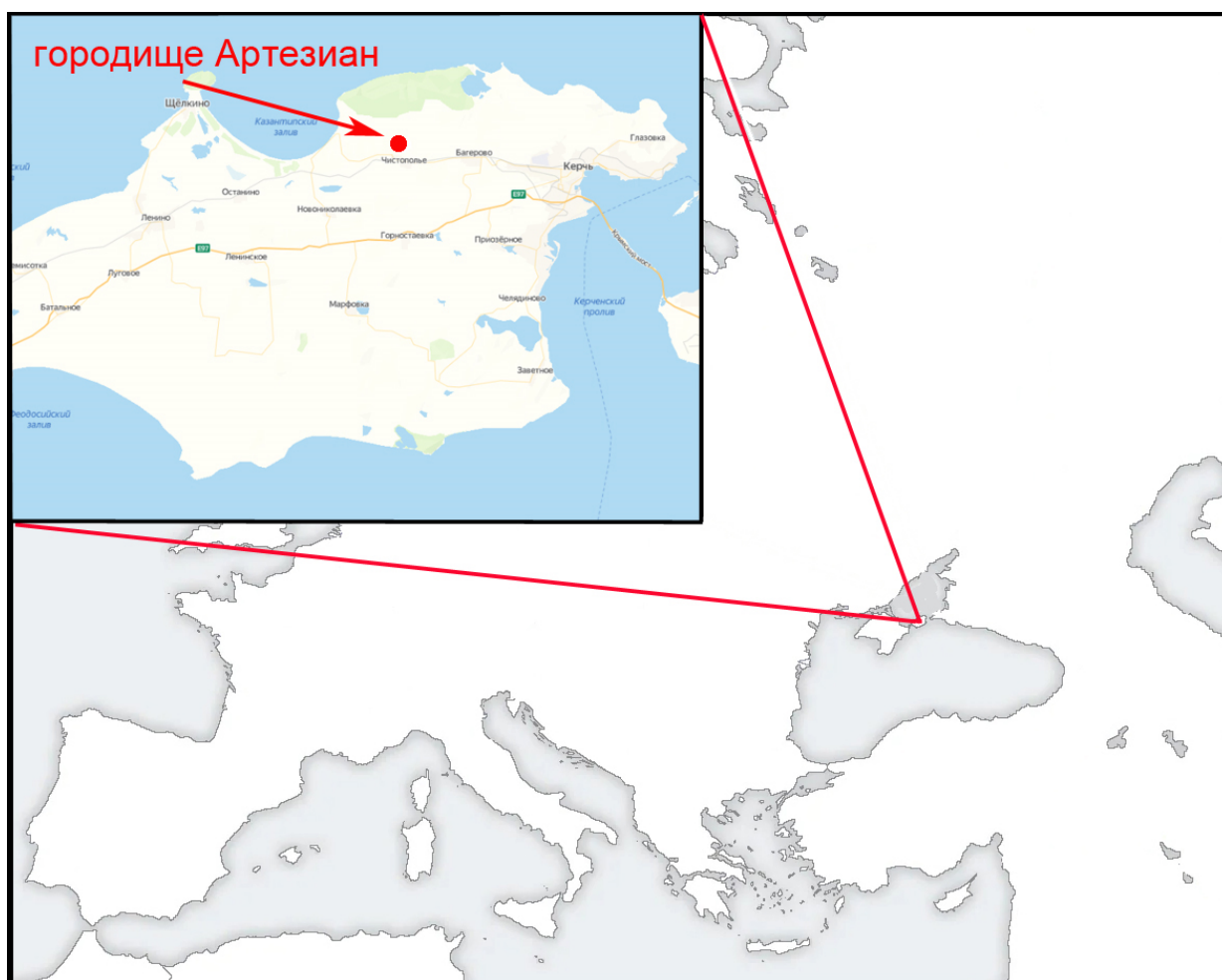

Рис. 1. Расположение городища Артезиан на полуострове Крым

Fig. 1. Location of the ancient Artesian settlement on the Crimean Peninsula

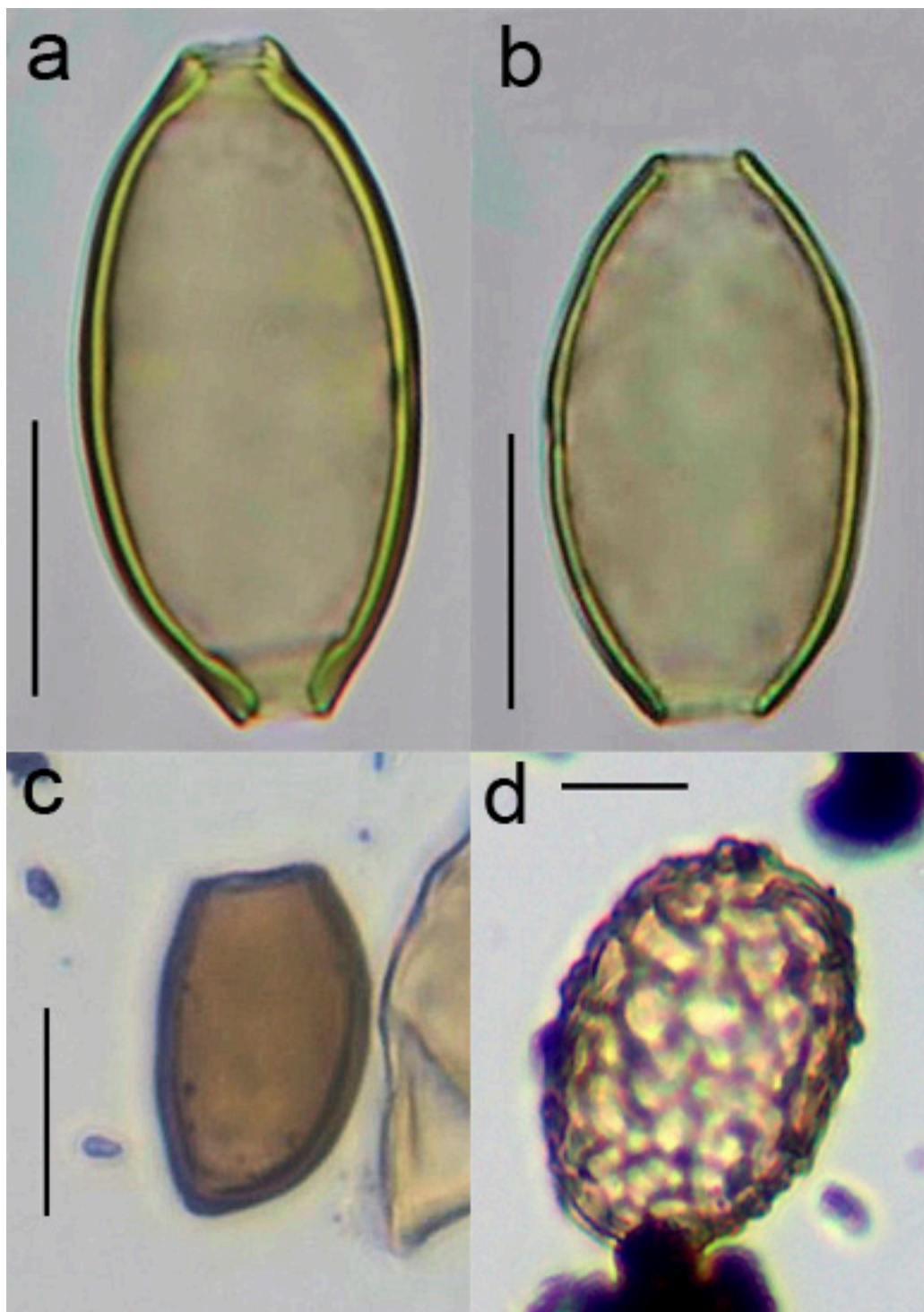

Рис. 2:

a – яйцо *Trichuris* с сохранившейся оболочкой; *b* – яйцо *Trichuris* с деградированной оболочкой;
c – яйцо *Brachylaima*; *d* – яйцо *Ascaris*

Fig. 2:

a – *Trichuris* egg with a preserved shell; *b* – *Trichuris* egg with a deteriorated shell;
c – *Brachylaima* egg; *d* – *Ascaris* egg

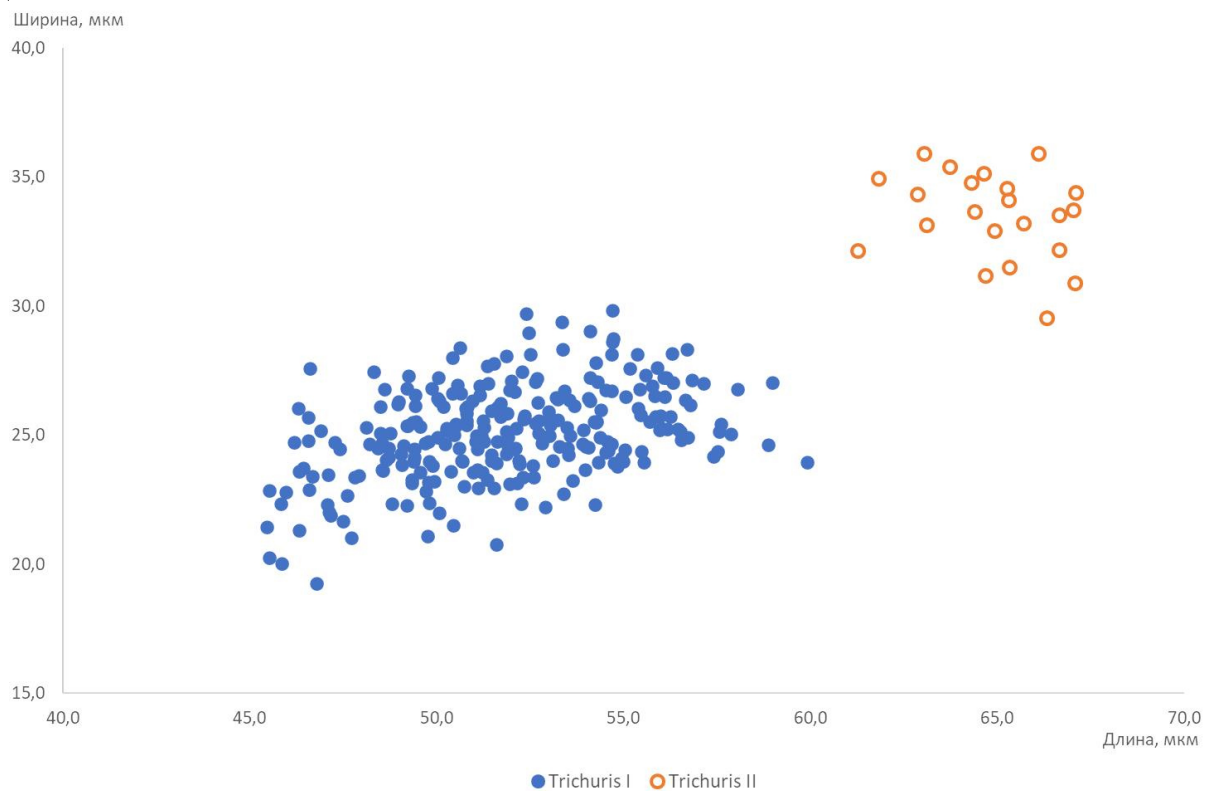

Рис. 3. Диаграмма рассеяния размеров яиц *Trichuris* по длине и ширине
 Fig. 3. Scatter diagram of the *Trichuris* eggs size by length and width

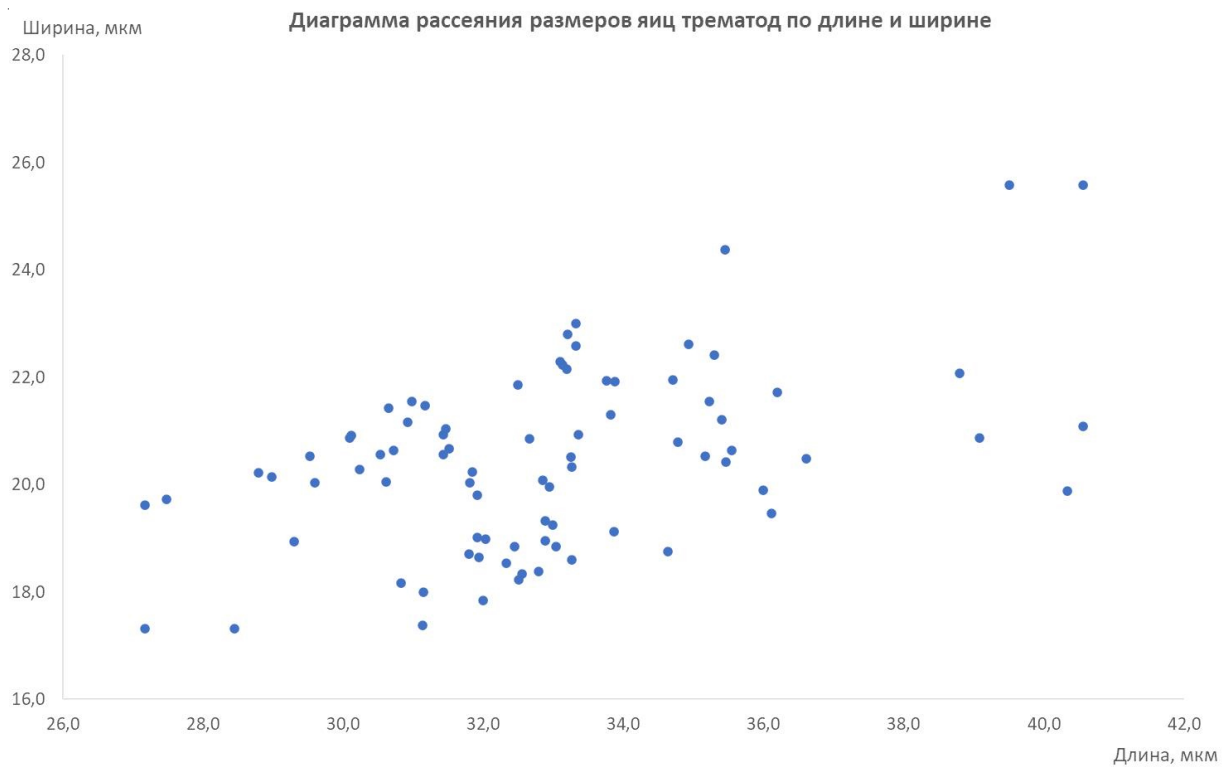

Рис. 4. Диаграмма рассеяния размеров яиц трематод по длине и ширине
 Fig. 4. Scatter diagram of trematode eggs size by length and width

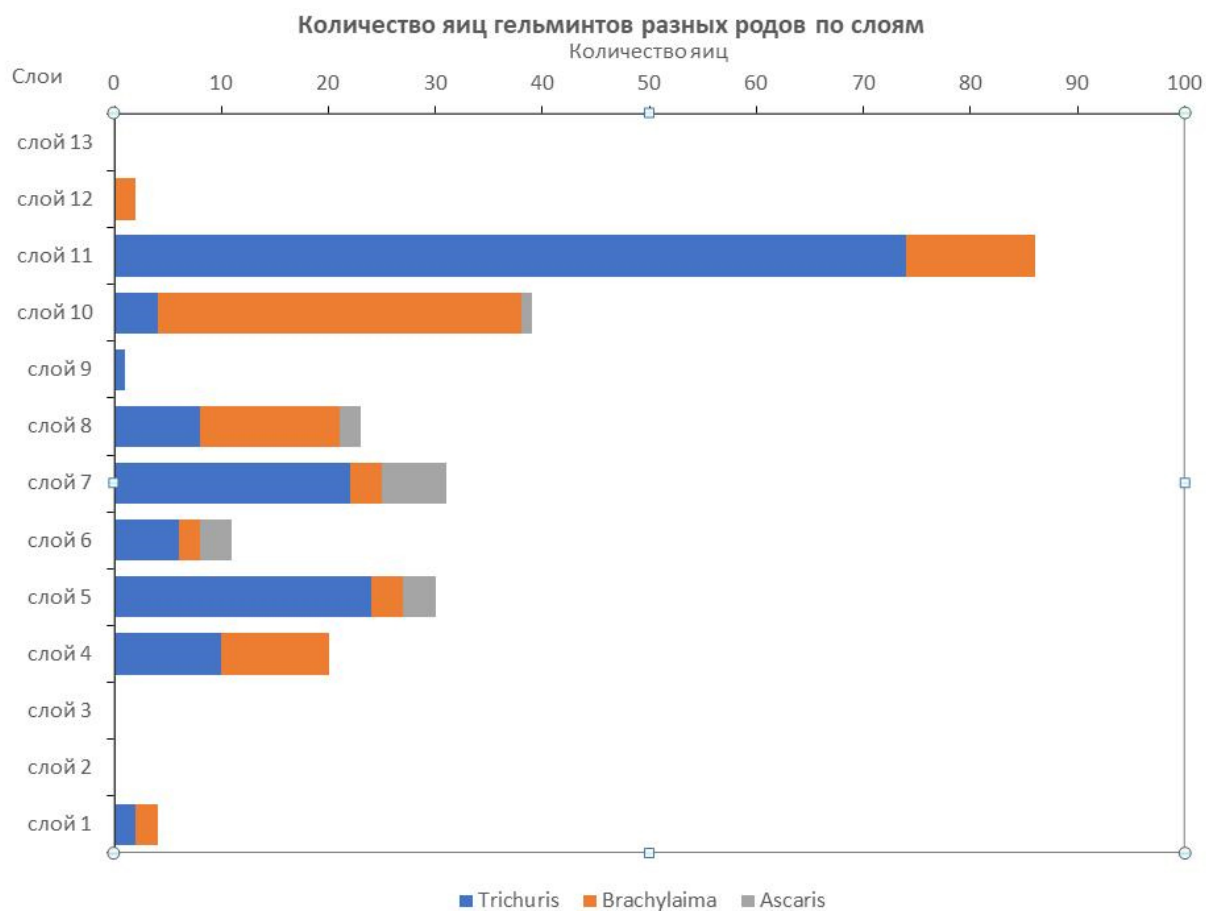

Рис. 5. Количество яиц гельминтов разных родов по слоям
Fig. 5. Layer distribution of helminth eggs of different genera

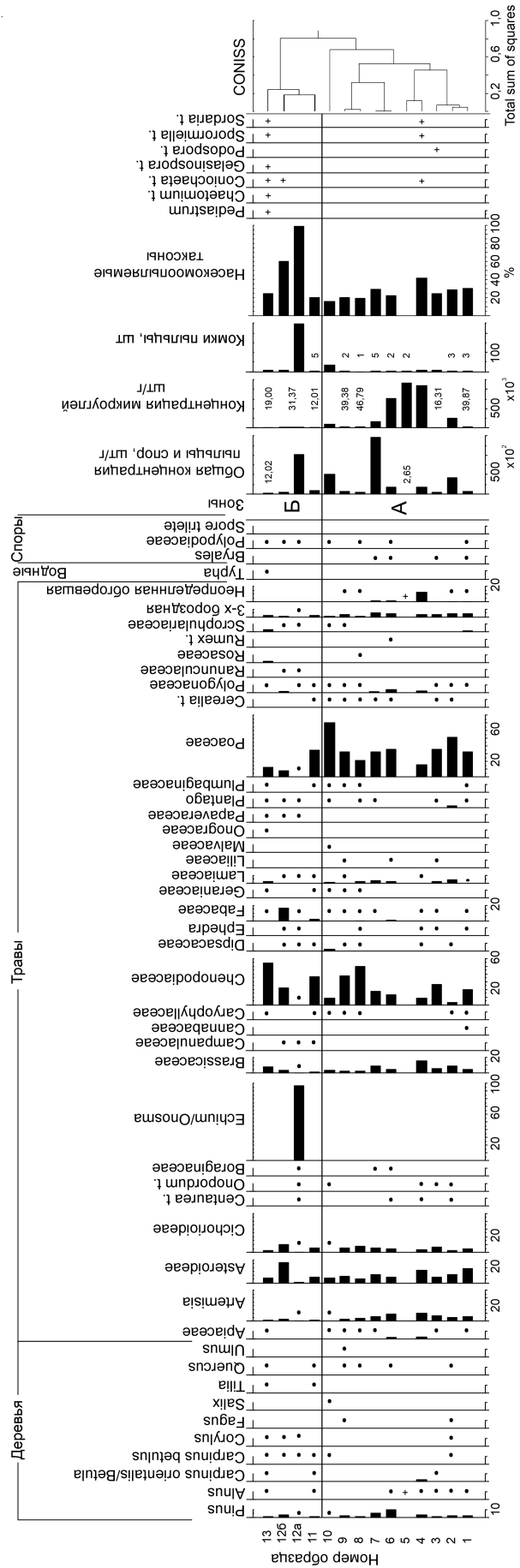

Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма западного борта раскопа III городища Артезиан.

Fig. 6. Pollen and spore diagram of the western side of excavation III in the Artezian site:

● — ≤ 1 %; + — присутствие таксона

● — ≤ 1 %; + — taxon presence

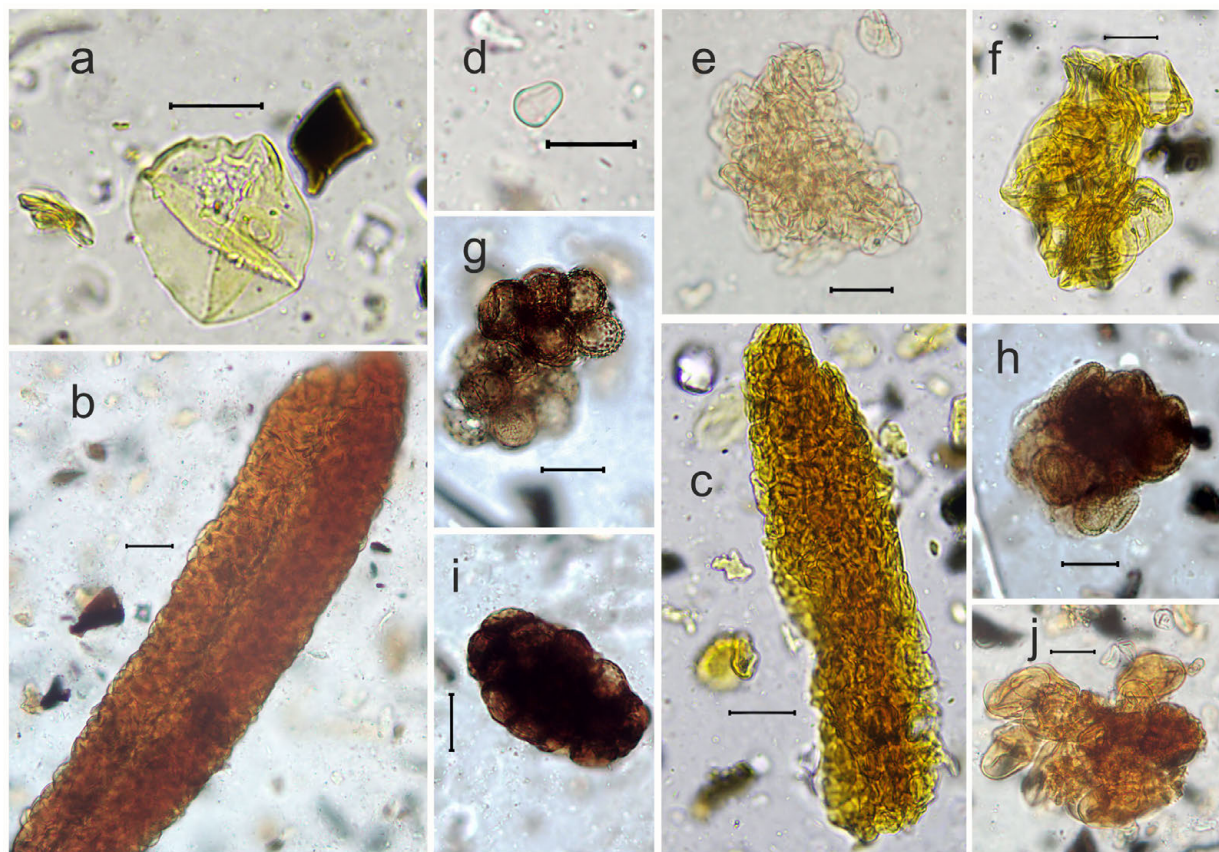

Рис. 7. Пыльцевые зерна некоторых травянистых растений и комки пыльцы (масштабная линейка = 20 мкм):

a – *Cerealia t.*; *b* – пыльник; *c* – фрагмент пыльника; *d* – *Echium/Onosma*; *e* – комок пыльцы *Echium/Onosma*;
f – комок пыльцы *Poaceae*; *g, h, i* – обожженные комки *Asteroideae, Brassicaceae, Chenopodiaceae*;
j – комок пыльцы разных таксонов

Fig. 7. Pollen grains of some herbaceous plants and pollen clumps (scale bar = 20 µm):

a – *Cerealia t.*; *b* – anther; *c* – anther fragment; *d* – *Echium/Onosma*; *e* – *Echium/Onosma* clump; *f* – *Poaceae* clump;
g, h, i – *Asteroideae, Brassicaceae, Chenopodiaceae* burnt clumps; *j* – a clump of different pollen taxa

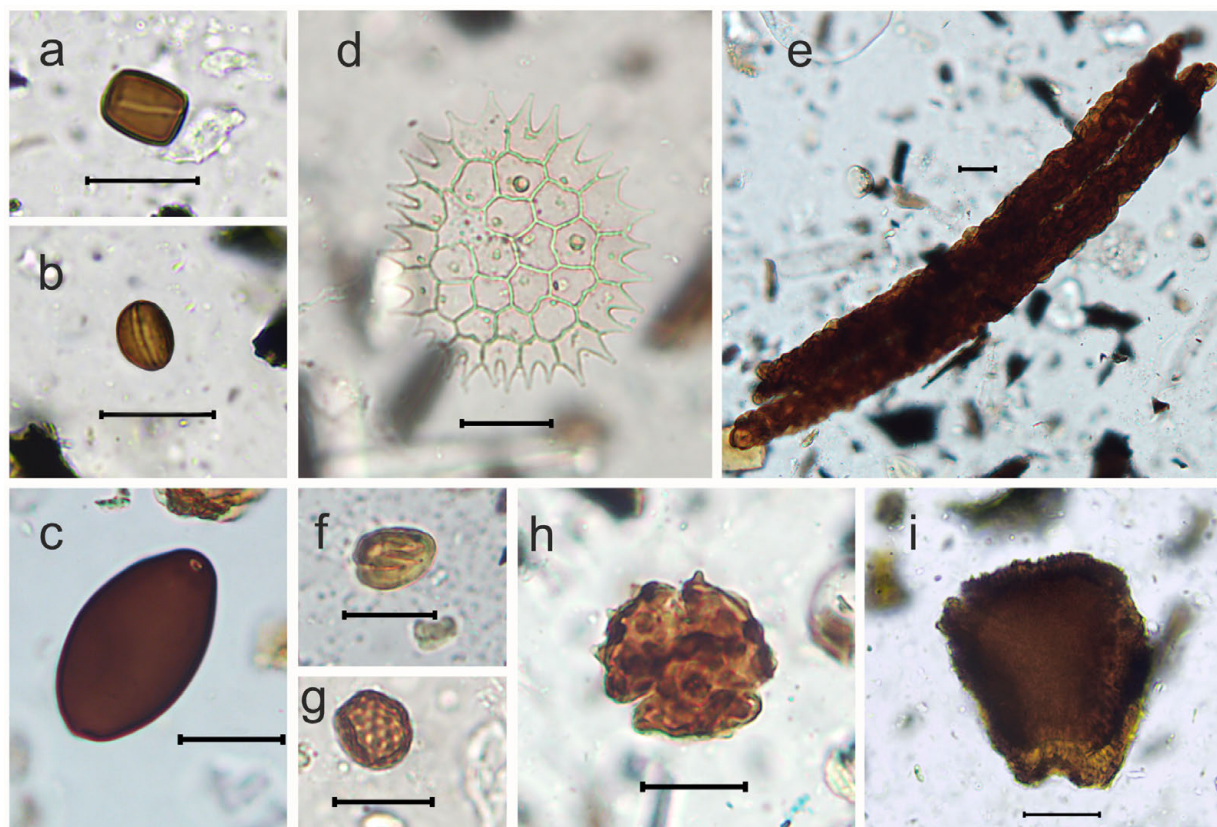

Рис. 8. Непыльцевые палиноморфы и обожженные пыльцевые зерна (масштабная линейка = 20 мкм):

a – *Sporormiella t.*; *b* – *Coniochaeta t.*; *c* – *Podospora t.*; *d* – *Pediastrum*;
e – обгоревший пыльник; *f* – обожженное неопределимое пыльцевое зерно;
g, h, i – обожженные пыльцевые зерна *Chenopodiaceae*, *Asteroideae*, *Dipsacaceae*

Fig. 8. Non-pollen palynomorphs and burnt pollen grains (scale bar = 20 µm):

a – *Sporormiella t.*; *b* – *Coniochaeta t.*; *c* – *Podospora t.*; *d* – *Pediastrum*;
e – burnt anther; *f* – burnt unidentifiable pollen grain;
g, h, i – *Chenopodiaceae*, *Asteroideae*, *Dipsacaceae* burnt pollen grains

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешинская А. С., Бабенко А. Н., Кочанова М. Д., Трошина А. А., 2021. Возможности и особенности применения палинологического анализа на археологических объектах разного типа // *Stratum Plus*. № 6. С. 361–376. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp216361376>
- Бабенко А. Н., Албегова З. Х., Успенский П. С., 2021. Палинологические исследования артефактов из катакомб № 97 и 98 Даргавского могильника: анализ и интерпретация // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 263. С. 91–104. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.91-104>
- Бабенко А. Н., Киселева Н. К., Плахт И., Розен С., Савинецкий А. Б., Хасанов Б. Ф., 2007. Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут // *Экология*. № 6. С. 417–426.
- Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю., 2019. Археоботанические исследования городища Маджары // *Поволжская археология*. № 4 (30). С. 161–170. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.161.170>
- Винокуров Н. И., 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М. : Акад. наук СССР. Ин-т археологии. 152 с.
- Винокуров Н. И., 2005. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // *Периоды дестабилизации и катастроф. Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : материалы VI Междунар. конф. Керчь : ИП Литвиненко Е.А.* С. 50–60.
- Винокуров Н. И., 2008. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // *Militaria. Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : материалы IX Междунар. конф. Керчь : ИП Литвиненко Е.А.* С. 67–77.
- Винокуров Н. И., 2009. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // *Para Bellum*. № 31. С. 9–16.
- Винокуров Н. И., 2010а. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // *СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки*. Вып. I. М. ; К. : Ин-т археологии РАН. С. 38–44.
- Винокуров Н. И., 2010б. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // *Древности Боспора*. Т. 14. М. : Ин-т археологии РАН. С. 46–65.
- Винокуров Н. И., 2012а. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген : LAP LAMBERT Academic Publishing. 632 с.
- Винокуров Н. И., 2012б. Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н.э. // *Древности Боспора*. Т. 16. С. 51–76.
- Винокуров Н. И., 2013. Городище Артезиан во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. // *Российский научный журнал*. № 1 (32). С. 30–40.
- Винокуров Н. И., 2014. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // *Таврические студии. Исторические науки*. № 6. С. 98–105.
- Винокуров Н. И., 2018. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // *Древности Боспора*. Т. 22. С. 56–72.
- Винокуров Н. И., 2020. Исследование пространства между крепостными стенами и рвом ранней цитадели городища Артезиан : первые результаты раскопок 2019 года // *Таврические студии*. № 22. С. 31–46.
- Гаевская А. В., 2015. Мир паразитов человека. I. Трематоды и трематодозы пищевого происхождения. Севастополь : ЭКОСИ-Гидрофизика. 410 с.
- Гаевская А. В., 2017. Мир паразитов человека. III. Цестоды и цестодозы пищевого происхождения. Севастополь : ЭКОСИ-Гидрофизика. 358 с.
- Дюжова К. В., 2019. Ландшафтно-климатические изменения в Приазовье в среднем и позднем голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа) // *Матишов Г. Г. Палеогеография Приазовья в голоцене*. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 112–124.
- Мальшев А. А., Бабенко А. Н., Спиридонова Е. А., 2021. Городище Гечепсин: опыт комплексных исследований // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 26. С. 407–421. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.264.407-421>

- Матишов Г. Г., Дюжова К. В., Новенко Е. Ю., 2018. Изменение ландшафтно-климатических условий Приазовья в среднем и позднем голоцене // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 67–78. DOI: <https://doi.org/10.7868/S2587556618030081>
- Неделькин Е. В., Хрусталев А. В., Бабенко А. Н., Слепченко С. М., 2021. Результаты археопаразитологического и палинологического анализов содержимого канализационного стока Чоргунской башни (Юго-Западный Крым) // Stratum Plus. № 6. С. 377–389. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp216377389>
- Пыльцевой анализ, 1950. М. : Госгеолиздат. 572 с.
- Растительные ресурсы СССР. Цветковые растения, их химический состав, использование : Семейства Caprifoliaceae – Plantaginaceae, 1990 / сост. Т. А. Орлова [и др.] ; отв. ред. П. Д. Соколов ; АН СССР, Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова. Л. : Наука. 325 с.
- Рубцов Н. И., 1972. Определитель высших растений Крыма. Л. : Наука. 550 с.
- Сергеев А. Ю., Бабенко А. Н., Куприянов Д. А., Коробов Д. С., 2022. Археологический навоз как источник в системе питания сельскохозяйственных животных на Северном Кавказе во II–IV вв. н.э. (по материалам Киевского городища) // Российская археология. № 4. С. 64–77.
- Сергеев А. Ю., Лебедева Е. Ю., 2018. Сырец как источник растительных макроостатков в культурном слое археологических памятников // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия : материалы Междисциплинар. науч. конф. М. : КМК. С. 148–154.
- Шабанова Г. А., Изверская Т. Д., Гендов В. С., 2012. Дикорастущие хозяйственно-ценные растения заповедника «Ягорлык». Кишинев : Есо-TIRAS. 264 с.
- Areekul P., Putaporntip C., Pattanawong U., Sitthicharoenchai P., Jongwutiwes S., 2010. Trichuris vulpis and T. trichiura infections Among Schoolchildren of a Rural Community in Northwestern Thailand: The Possible Role of Dogs in Disease Transmission // Asian Biomedicine. Vol. 4 (1). P. 49–60. DOI : <https://doi.org/10.2478/abm-2010-0006>
- Ash L. R., Orihel T. C., 2007. Atlas of Human Parasitology. Chicago : ASCP Press. 540 p.
- Babenco A. N., Kuzmicheva E. A., Khasanov B. F., Rosen S., Kiseleva N. K., Savinetsky A. B., 2015. Chapter 15 : Dung Deposits as Archives of Environmental Change // Lucke B., Bäumler R., Schmidt M. Soils and Sediments as Archives of Environmental Change. Geoarchaeology and Landscape Change in the Subtropics and Tropics. Erlanger Geographische Arbeiten. Bd. 42. P. 201–217.
- Beug H. J., 2004. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. München : Verlag Dr. Friedrich Pfeil. 542 S.
- Brooks J., Shaw G., 1972. Geochemistry of Sporopollenin // Chemical Geology. Vol. 10. P. 69–87.
- Brown A., Badura M., King G., Gos K., Cerina A., Kalnina L., Pluskowski A., 2017. Plant Macrofossil, Pollen and Invertebrate Analysis of a mid-14th Century Cesspit from Medieval Riga, Latvia (The Eastern Baltic) : Taphonomy and Indicators of Human Diet // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 11. P. 674–682. DOI : <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2017.01.016>
- Callen E. O., Cameron T. W. M., 1960. A Prehistoric Diet Revealed in Coprolites // New Scientist. Vol. 7. P. 35–40.
- Campbell G., Moffett L., Straker V., 2011. Environmental Archaeology. A Guide to the Theory and Practice of Methods, from Sampling and Recovery to Post-Excavation. 2nd ed. Swindon : English Heritage. 48 p.
- Carrion J. S., 2002. A Taphonomic Study of Modern Pollen Assemblages from Dung and Surface Sediments in Arid Environments of Spain // Review of Palaeobotany and Palynology. Vol. 120. P. 217–232.
- Cordova C. E., Gerasimenko N. P., Lehman P. H., Kliukin A. A., 2011. Late Pleistocene and Holocene Paleoenvironments of Crimea: Pollen, Soils, Geomorphology and Geoarchaeology // Geological Society of America Special Papers. Vol. 473. P. 133–164. DOI: [https://doi.org/10.1130/2011.2473\(09\)](https://doi.org/10.1130/2011.2473(09))
- Deforce K., 2017. The Interpretation of Pollen Assemblages from Medieval and Post-Medieval Cesspits: New Results from Northern Belgium // Quaternary International. Vol. 460. P. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2016.02.028>
- DPDx – Laboratory Identification of Parasites of Public Health Concern. Stool Specimens – Intestinal Parasites : Comparative Morphology Tables, 2016. URL: <https://www.cdc.gov/dpdx/diagnosticprocedures/stool/morphcomp.html> (date of access: 03.10.2022).
- Florenzano A., 2019. The History of Pastoral Activities in S. Italy Inferred from Palynology : A Long-Term Perspective to Support Biodiversity Awareness // Sustainability. Vol. 11. P. 404–424. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11020404>

- Foreyt W. J., 2001. *Veterinary Parasitology Reference Manual*. Ames : Wiley-Blackwell. 235 p.
- Grimm E. C., 1987. CONISS : A FORTRAN 77 Program for Stratigraphically Constrained Cluster Analysis by the Methods of Incremental Sum of Squares // *Computers and Geosciences*. Vol. 13 (1). P. 13–35.
- Grimm E. C., 2019. TILIA 2.6.1 Version (Computer Software). Springfield : Illinois State Museum.
- Jaeger L. H., Gijón-Botella H., del Carmen del Arco-Aguilar M., Martín-Oval M., Rodríguez-Maffiotte C., del Arco-Aguilar M., Iñiguez A.M., 2016. Evidence of Helminth Infection in Guanche Mummies: Integrating Paleoparasitological and Paleogenetic Investigations // *The Journal of Parasitology*. Vol. 102 (2). P. 222–228. DOI: <https://doi.org/10.1645/15-866>
- Karkanias P., Goldberg P., 2019. *Reconstructing Archaeological Sites: Understanding the Geoarchaeological Matrix*. Oxford : Wiley-Blackwell. 296 p.
- Kenward H., 2009. Northern Regional Review of Environmental Archaeology: Invertebrates in Archaeology in the North of England // Northern Regional Review of Environmental Archaeology, Research Department Report Series. No 12/2009. Portsmouth : English Heritage. 625 p.
- Komarek J., Jankovska V., 2001. Review of the Green Algal Genus *Pediastrum* ; Implication for Pollen Analytical Research // *Bibliotheca Phycologica*. Vol. 108. 127 p.
- Ledger M. L., Micarelli I., Ward D., Prowse T. L., Carroll M., Killgrove K., Mitchell P. D., 2021. Gastrointestinal Infection in Italy During the Roman Imperial and Longobard Periods: A Paleoparasitological Analysis of Sediment from Skeletal Remains and Sewer Drains // *International Journal of Paleopathology*. Vol. 33. P. 61–71.
- Lee C. M., van Geel B., Gosling W. D., 2022. On the Use of Spores of Coprophilous Fungi Preserved in Sediments to Indicate Past Herbivore Presence // *Quaternary*. Vol. 5. P. 30–53. DOI: <https://doi.org/10.3390/quat5030030>
- Meng X., Wang S., Zhou W., Wang B., Han W., Wang L., 1986. The Operculum-Plug Area and Membranous Structure of the Eggs of *Trichuris Trichiura* // *Scanning Electron Microscopy*. Vol. 3. P. 1015–1018.
- Reinhard K. J., 1992. Parasitology as an Interpretive Tool in Archaeology // *American Antiquity*. Vol. 57, iss. 2. P. 231–245.
- Slepchenko S. M., Gusev A. V., Ivanov S. N., Svyatova E. O., 2015. Opisthorchiasis in Infant Remains from the Medieval Zeleniy yar Burial Ground of XII–XIII centuries AD // *Memorias do Instituto Oswaldo Cruz*. Vol. 110 (8). P. 974–980. DOI: <https://doi.org/10.1590/0074-02760150156>
- Slepchenko S. M., Pererva E. V., Ivanov S. N., Klepikov V. M., 2019. Archaeoparasitological Analysis of Soil Samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd–1st Centuries BCE, Russia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 26. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.101874>
- Stockmarr J., 1972. Determination of Spore Concentration with an Electronic Particle Counter // *Geological Survey of Denmark Yearbook*. P. 87–89.
- van Amerongen Y. F., 2020. All's Well? Comparing On- and Off-Site Pollen Samples and Exploring the Potential of Pollen from Man-Made Contexts // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 29. P. 125–131. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00334-019-00759-w>
- Yoshikawa H., Yamada M., Matsumoto Y., Yoshida Y., 1989. Variations in Egg Size of *Trichuris Trichiura* // *Parasitology Research*. Vol. 75 (8). P. 649–654. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00930964>
- Zajac A. M., Conboy A. M., 2021. *Veterinary Clinical Parasitology*. Ames : Wiley-Blackwell Publ. 365 p.

REFERENCES

- Aleshinskaya A.S., Babenko A.N., Kochanova M.D., Troshina A.A., 2021. Vozmozhnosti i osobennosti primeneniya palinologicheskogo analiza na arkheologicheskikh obektakh raznogo tipa [Opportunities and Features of the Palynological Analysis Application on Various Types of Archaeological Sites]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 361–376. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp216361376>
- Babenko A.N., Albegova Z.Kh., Uspenskiy P.S., 2021. Palinologicheskie issledovaniya artefaktov iz katakomb № 97 i 98 Dargavskogo mogilnika: analiz i interpretatsiya [Palynological Studies of Artifacts from Catacombs no. 97 and no. 98 from the Dargavs Cemetery: Analysis and Interpretation]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 263, pp. 91–104. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.91-104>

- Babenko A.N., Kiseleva N.K., Plakht I., Rozen S., Savinetskiy A.B., Khasanov B.F., 2007. Rekonstruktsiya rastitelnogo pokrova tsentralnoy chasti pustyni Negev (Izrail) v golotsene po dannym pyltseвого analiza zoogenogo otlozheniya Atsmaut [Reconstruction of the Vegetation Cover of the Central Negev Desert (Israel) in the Holocene According to Pollen Analysis of Zoogenic Deposits of Atsmaut]. *Ekologiya* [Russian Journal of Ecology], no. 6, pp. 417-426.
- Babenko A.N., Sergeev A. Yu., 2019. Arheobotanicheskie issledovaniya gorodishcha Madzhary [Archaeobotanical Investigations of Madzhar Settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (30), pp. 161-170. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.161.170>
- Vinokurov N.I., 1998. *Arheologicheskie pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e* [Archaeological Monuments of the Artesian Site in the Crimean Cis-Azov Region]. Moscow, USSR Academy of Sciences, Archaeology Institute. 152 p.
- Vinokurov N.I., 2005. Gibel' ranney «Tsitadeli» gorodishcha Artezian [The Demise of the Early “Citadel” of the Artesian Settlement]. *Periody destabilizatsii i katastrof. Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: materialy VI Mezhdunar. konf.* [Periods of Destabilization and Catastrophes. Materials 6th International Conference “Bosporan Readings. Cimmerian Bosporos and Barbarian World in the Period of Antiquity and Middle Ages”]. Kerch, SP Litvinenko E.A. Publ., pp. 50-60.
- Vinokurov N.I., 2008. Voyna, pozhar ili prirodnyaya katastrofa: arheologicheskie kriterii otsenok posledstviy katastrof na pamyatnikah antichnoy arheologii v Krymskom Priazov'e [War, Fire or Natural Catastrophe: Archaeological Criteria for Assessing the Consequences of Catastrophes at Ancient Archaeological Sites in the Crimean Cis-Azov Region]. *Militaria. Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: materialy IX Mezhdunar. konf.* [Militaria. Materials 9th International Conference “Bosporan Readings. Cimmerian Bosporos and Barbarian World in the Period of Antiquity and Middle Ages”]. Kerch, SP Litvinenko E.A. Publ., pp. 67-77.
- Vinokurov N.I., 2009. Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i pervaya nahodka gladiusa v Krymskom Priazov'e [The Bosporan-Roman War of 44/45–49 and the First Finding of the Gladius in the Crimean Cis-Azov Region]. *Para Bellum*, no. 31, pp. 9-16.
- Vinokurov N.I., 2010a. Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel' ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [The Bosporan-Roman War of 44/45–49 and the Destruction of the Early Citadel of Artesian Settlement (Based on Materials from Excavations 2004–2008)]. *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie otkrytiya i nahodki* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea Region. The Latest Discoveries and Findings], vol. 1. Moscow; Kiev, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 38-44.
- Vinokurov N.I., 2010b. Novye nahodki vremeni nachala bosporo-rimskoy voyny na gorodishche Artezian v Krymskom Priazov'e v 2009 godu [New Findings of the Early Bosporan-Roman War on the Artesian Settlement in the Crimean Cis-Azov Region in 2009]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], vol. 14. Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 46-65.
- Vinokurov N.I., 2012a. *Arheologicheskie pamyatniki v Krymskom Priazov'e (po materialam AAE 1988–2011)* [Archaeological Monuments in the Crimean Cis-Azov Region (based on AAE materials from 1988–2011)]. Tubingen, LAP LAMBERT Academic Publishing. 632 p.
- Vinokurov N.I., 2012b. Hozyaystvenno-zhilye kvartaly gorodishcha Artezian pervoy poloviny pervogo veka n.e. [Commercial and Residential Quarters of the Artesian Settlement in the First Half of the First Century A.D.]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], vol. 16, pp. 51-76.
- Vinokurov N.I., 2013. Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n.e. – pervoy polovine I v. n.e. [Artesian Settlement in the Second Half of the First Century BC – First Half of the First Century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian Scientific Journal], no. 1 (32), pp. 30-40.
- Vinokurov N.I., 2014. Raskopki pomeshcheniya 10 (2009, 2011, 2013 gg.) ranney tsitadeli gorodishcha Artezian [Excavations of Premise 10 (2009, 2011, 2013) of the Early Citadel of Artesian Settlement]. *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* [Taurian Studios. Historical Sciences], no. 6, pp. 98-105.
- Vinokurov N.I., 2018. Dva sloya pozhara bosporo-rimskoy voyny 44/45–49 gg. na gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu [Two Layers of the Fire from the Bosporan-Roman War of 44/45–49 at the Settlement of Artesian in the Eastern Crimea]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], vol. 22, pp. 56-72.
- Vinokurov N.I., 2020. Issledovanie prostranstva mezhdru krepostnymi stenami i rvom ranney citadeli gorodishcha Artezian: pervye rezul'taty raskopok 2019 goda [Exploring the Space Between the Fortress Walls and the

- Ditch of the Early Citadel of Artesian Settlement: First Results of the 2019 Excavations]. *Tavrisheskie studii* [Taurian Studios], no. 22, pp. 31-46.
- Gaevskaya A.V., 2015. *Mir parazitov cheloveka. I. Trematody i trematodozy pishchevogo proiskhozhdeniya* [The World of Human Parasites. I. Food-Borne Trematodes and Trematodoses]. Sevastopol', EKOSI-Gidrofizika Publ. 410 p.
- Gaevskaya, A.V., 2017. *Mir parazitov cheloveka. III. Cestody i cestodozy pishchevogo proiskhozhdeniya* [The World of Human Parasites. III. Food-Borne Cestodes and Cestodoses]. Sevastopol', EKOSI-Gidrofizika Publ. 358 p.
- Gladkova A.N., Grichuk V.P., Zaklinskaya E.D., 1950. *Pyl'cevoy analiz* [Pollen Analysis]. Moscow, Gosgeolizdat Publ. 572 p.
- Dyuzhova K.V., 2019. *Landshaftno-klimaticheskie izmeneniya v Priazovye v srednem i pozdnem golotsene (po dannym sporovo-pyl'tsevoogo analiza)* [Landscape-Climatic Changes in the Azov Sea Area in the Middle and Late Holocene (According to Spore-pollen Analysis)]. Matishov G.G., ed. *Paleogeografiya Priazovya v golotsene* [Paleogeography of the Sea of Azov Region in the Holocene]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 112-124.
- Malyshev A.A., Babenko A.N., Spiridonova E.A., 2021. *Gorodishche Gehepsin: opyt kompleksnykh issledovaniy* [The Gehepsin Fortified Settlement: Experience of Comprehensive Excavations]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 26, pp. 407-421. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.264.407-421>
- Matishov G.G., Dyuzhova K.V., Novenko E.Yu., 2018. *Izmenenie landshaftno-klimaticheskikh usloviy Priazovya v srednem i pozdnem golotsene* [Changing of Landscape-Climatic Condition of Coasts of the Azov Sea in the Middle and Late Holocene]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series], iss. 3, pp. 67-78. DOI: <https://doi.org/10.7868/S2587556618030081>
- Nedelkin E.V., Khrustalev A.V., Babenko A.N., Slepchenko S.M., 2021. *Rezultaty arheoparazitologicheskogo i palinologicheskogo analizov sodержimogo kanalizatsionnogo stoka Chorgunskoy bashni (Yugo-Zapadnyy Krym)* [Results of Archaeoparasitological and Palynological Analyzes of the Contents of the Sewage Drain of the Chorgun Tower (South-Western Crimea)]. *Stratum Plus*, vol. 6, pp. 377-389. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp216377389>
- Pyl'tsevoy analiz* [Pollen Analysis], 1950. Moscow, Gosgeolizdat Publ. 572 p.
- Orlova T.A., Sokolov P.D., eds., 1990. *Rastitel'nye resursy SSSR. Cvetkovye rasteniya, ih himicheskiy sostav, ispol'zovanie: Semeystva Caprifoliaceae – Plantaginaceae* [Plant Resources of the USSR. Floriferous Plants, their Chemical Composition and Usage: Caprifoliaceae – Plantaginaceae Families]. Leningrad, Nauka Publ. 325 p.
- Rubtsov N.I., 1972. *Opredelitel vysshikh rasteniy Kryma* [Crimean Higher Plants Identifier]. Leningrad, Nauka Publ. 550 p.
- Sergeev A.Yu., Babenko A.N., Kupriyanov D.A., Korobov D.S., 2022. *Arheologicheskiy navoz kak istochnik o sisteme pitaniya sel'skokozyaystvennykh zhivotnykh na Severnom Kavkaze vo II–IV vv. n.e. (po materialam Kievskogo gorodishcha)* [Archaeological Dung as a Source in the System Of Feeding Farm Animals in the North Caucasus in the 2nd – 4th Centuries AD (Based on the Materials of the Kiev Site)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 64-77.
- Sergeev A.Yu., Lebedeva E.Yu., 2018. *Syrets kak istochnik rastitel'nykh makroostatkov v kul'turnom sloe arheologicheskikh pamyatnikov* [Raw Materials as a Source of Plant Macroresidue in the Cultural Layer of Archaeological Sites]. *Arheologiya i estestvennye nauki v izuchenii kul'turnogo sloya ob'ektov arheologicheskogo naslediya: materialy mezhdisciplinarnykh nauch. konf.* [Proceedings of the Interdisciplinary Scientific Conference “Archaeology And Natural Sciences In The Research of the Cultural Layer of Archaeological Heritage Objects”]. Moscow, KMK Scientific Press Ltd, pp. 148-154.
- Shabanova G.A., Izverskaya T.D., Gendov V.S., 2012. *Dikorastushchie hozyajstvenno-cennyye rasteniya zapovednika «Yagorlyk»* [Wild Economically Valuable Plants of the “Yagorlyk” Reserve]. Kishinev, Eco-TIRAS Publ. 264 p.
- Areekul P., Putaporntip C., Pattanawong U., Sitthicharoenchai P., Jongwutiwes S., 2010. *Trichuris vulpis and T. trichiura Infections Among Schoolchildren of a Rural Community in Northwestern Thailand: The Possible Role of Dogs in Disease Transmission.* *Asian Biomedicine*, vol. 4 (1), pp. 49-60. DOI: <https://doi.org/10.2478/abm-2010-0006>
- Ash L.R., Orihel T.C., 2007. *Atlas of Human Parasitology*. Chicago, ASCP Press. 540 p.
- Babenko A.N., Kuzmicheva E.A., Khasanov B.F., Rosen S., Kiseleva N.K., Savinetsky A.B., 2015. Chapter 15: *Dung Deposits as Archives of Environmental Change.* Lucke B., Bäumler R., Schmidt M., eds. *Soils and Sediments as Archives of Environmental Change. Geoarchaeology and Landscape Change in the Subtropics and Tropics. Erlanger Geographische Arbeiten.* Bd. 42, pp. 201-217.

- Beug H.J., 2004. *Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete*. München, Verlag Dr. Friedrich Pfeil. 542 S.
- Brooks J., Shaw G., 1972. Geochemistry of Sporopollenin. *Chemical Geology*, vol. 10, pp. 69-87.
- Brown A., Badura M., King G., Gos K., Cerina A., Kalnina L., Pluskowski A., 2017. Plant Macrofossil, Pollen and Invertebrate Analysis of a Mid-14th Century Cesspit from Medieval Riga, Latvia (The Eastern Baltic): Taphonomy and Indicators of Human Diet. *Journal of Archaeological Science: Reports*, vol. 11, pp. 674-682. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2017.01.016>
- Callen E.O., Cameron T.W.M., 1960. A Prehistoric Diet Revealed in Coprolites. *New Scientist*, vol. 7, pp. 35-40.
- Campbell G., Moffett L., Straker V., 2011. *Environmental Archaeology. A Guide to the Theory and Practice of Methods, from Sampling and Recovery to Post-Excavation*. 2nd ed. Swindon, English Heritage. 48 p.
- Carrion J.S., 2002. A Taphonomic Study of Modern Pollen Assemblages from Dung and Surface Sediments in Arid Environments of Spain. *Review of Palaeobotany and Palynology*, vol. 120, pp. 217-232.
- Cordova C.E., Gerasimenko N.P., Lehman P.H., Kliukin A.A., 2011. Late Pleistocene and Holocene Paleoenvironments of Crimea: Pollen, Soils, Geomorphology and Geoarchaeology. *Geological Society of America Special Papers*, vol. 473, pp. 133-164. DOI: [https://doi.org/10.1130/2011.2473\(09\)](https://doi.org/10.1130/2011.2473(09))
- Deforce K., 2017. The Interpretation of Pollen Assemblages from Medieval and Post-Medieval Cesspits: New Results from Northern Belgium. *Quaternary International*, vol. 460, pp. 124-134. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2016.02.028>
- DPDx – Laboratory Identification of Parasites of Public Health Concern. Stool Specimens – Intestinal Parasites: Comparative Morphology Tables, 2016. URL: <https://www.cdc.gov/dpdx/diagnosticprocedures/stool/morphcomp.html> (accessed 3 October 2022).
- Florenzano A., 2019. The History of Pastoral Activities in S. Italy Inferred from Palynology: A Long-Term Perspective to Support Biodiversity Awareness. *Sustainability*, vol. 11, pp. 404-424. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11020404>
- Foreyt W.J., 2001. *Veterinary Parasitology Reference Manual*. 5th ed. Ames, Wiley-Blackwell. 235 p.
- Grimm E.C., 1987. CONISS: a FORTRAN 77 Program for Stratigraphically Constrained Cluster Analysis by the Methods of Incremental Sum of Squares. *Computers and Geosciences*, vol. 13 (1), pp. 13-35.
- Grimm E.C., 2019. *TILIA 2.6.1 Version (Computer Software)*. Springfield, Illinois State Museum.
- Jaeger L.H., Gijón-Botella H., del Carmen del Arco-Aguilar M., Martín-Oval M., Rodríguez-Maffiotte C., del Arco-Aguilar M., Iñiguez A.M., 2016. Evidence of Helminth Infection in Guancho Mummies: Integrating Paleoparasitological and Paleogenetic Investigations. *The Journal of Parasitology*, vol. 102 (2), pp. 222-228. DOI: <https://doi.org/10.1645/15-866>
- Karkanis P., Goldberg P., 2019. *Reconstructing Archaeological Sites: Understanding the Geoarchaeological Matrix*. Oxford, Wiley-Blackwell. 296 p.
- Kenward H., 2009. Northern Regional Review of Environmental Archaeology: Invertebrates in Archaeology in the North of England. *Northern Regional Review of Environmental Archaeology, Research Department Report Series*, no. 12. Portsmouth, English Heritage. 625 p.
- Komarek J., Jankovska V., 2001. Review of the Green Algal Genus *Pediastrum*; Implication for Pollen Analytical Research. *Bibliotheca Phycologica*, vol. 108. 127 p.
- Ledger M.L., Micarelli I., Ward D., Prowse T.L., Carroll M., Killgrove K., Mitchell P.D., 2021. Gastrointestinal Infection in Italy During the Roman Imperial and Longobard Periods: A Paleoparasitological Analysis of Sediment from Skeletal Remains and Sewer Drains. *International Journal of Paleopathology*, vol. 33, pp. 61-71.
- Lee C.M., van Geel B., Gosling W.D., 2022. On the Use of Spores of Coprophilous Fungi Preserved in Sediments to Indicate Past Herbivore Presence. *Quaternary*, vol. 5, pp. 30-53. DOI: <https://doi.org/10.3390/quat5030030>
- Meng X., Wang S., Zhou W., Wang B., Han W., Wang L., 1986. The Operculum-Plug Area and Membranous Structure of the Eggs of *Trichuris trichiura*. *Scanning Electron Microscopy*, vol. 3, pp. 1015-1018.
- Reinhard K.J., 1992. Parasitology as an Interpretive Tool in Archaeology. *American Antiquity*, vol. 57, iss. 2, pp. 231-245.
- Slepchenko S.M., Gusev A.V., Ivanov S.N., Svyatova E.O., 2015. Opisthorchiasis in Infant Remains from the Medieval Zeleniy yar Burial Ground of XII–XIII Centuries AD. *Memorias do Instituto Oswaldo Cruz*, vol. 110 (8), pp. 974-980. DOI: <https://doi.org/10.1590/0074-02760150156>
- Slepchenko S.M., Pererva E.V., Ivanov S.N., Klepikov V.M., 2019. Archaeoparasitological Analysis of Soil Samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd–1st Centuries BCE, Russia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, vol. 26. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.101874>

- Stockmarr J., 1972. Determination of Spore Concentration with an Electronic Particle Counter. *Geological Survey of Denmark Yearbook*, pp. 87-89.
- van Amerongen Y.F., 2020. All's Well? Comparing On- and Off-Site Pollen Samples and Exploring the Potential of Pollen from Man-Made Contexts. *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 29, pp. 125-131. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00334-019-00759-w>
- Yoshikawa H., Yamada M., Matsumoto Y., Yoshida Y., 1989. Variations in Egg Size of *Trichuris trichiura*. *Parasitology Research*, vol. 75 (8), pp. 649-654. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00930964>
- Zajac A.M., Conboy A.M., 2021. *Veterinary Clinical Parasitology*. Ames, Wiley-Blackwell. 365 p.

Information About the Authors

Sergey M. Slepchenko, Candidate of Sciences (Biology), Lead Researcher, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chervishevsky Trakt, 13, 625008 Tyumen, Russian Federation, s_slepchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Nikolai I. Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of the History of the Ancient World and Middle Ages named after V.F. Semenov, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1/1, 119435 Moscow, Russian Federation, vinokurovn@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7787-6527>

Anna N. Babenko, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanov St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, mnemosina_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6805-5476>

Alexander V. Khrustalev, Researcher, All-Russian Scientific Research Institute for Fundamental and Applied Parasitology of Animals and Plants named after K.I. Skryabin, Bolshaya Cheremushkinskaya St, 28, 117218 Moscow, Russian Federation, akhrustalev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4526-8719>

Sergey N. Ivanov, Researcher, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chervishevsky Trakt, 13, 625008 Tyumen, Russian Federation, ivasenik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8566-0080>

Информация об авторах

Сергей Михайлович Слепченко, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Червишевский тракт, 13, 625008 г. Тюмень, Российская Федерация, s_slepchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Николай Игоревич Винокуров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1/1, 119435 г. Москва, Российская Федерация, vinokurovn@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7787-6527>

Анна Николаевна Бабенко, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, mnemosina_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6805-5476>

Александр Валерьевич Хрусталеv, Научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт фундаментальной и прикладной паразитологии животных и растений им. К.И. Скрябина, ул. Большая Черемушкинская, 28, 117218 г. Москва, Российская Федерация, akhrustalev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4526-8719>

Сергей Николаевич Иванов, научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, Червишевский тракт, 13, 625008 г. Тюмень, Российская Федерация, ivasenik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8566-0080>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

UDC 930.26(470.323):903.22
LBC 63.48(2Рос-4Кyc)-411

Submitted: 09.09.2022
Accepted: 11.11.2022

BURIAL WITH WEAPONS AT THE BURIAL GROUND OF THE CHERNYAKHOV CULTURE DAL'NIY (VYDRIN) IN THE KURSK REGION

Oleg A. Radyush

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A. Vasil'ev

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract. For the first time, the article introduces into scientific circulation the materials obtained during the excavations of the Dal'niy (Vydrin) soil burial ground in the Bolshesoldatsky district of the Kursk region (the upper reaches of the Sudzha River – the left-bank basin of the Dnieper). In the course of research in 2021, a burial of a man of 35–40 years old was discovered, accompanied by a large amount of pottery, a glass goblet and weapons. The article provides a detailed description of the burial and grave goods, which included 16 vessels (pots, bowls, a jug, a vase, pottery and glass goblets, two brass buckles, a brass fibula, an armchair, an amber mushroom-shaped pendant, a whip part, a cutout blade in a sheath with a belt ring. The data of the anthropological examination of the remains carried out by Irina Reshetova (the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences) demonstrating a physically developed male subjected to regular physical exertion and constant horse riding, which formed a complex of individual signs and features. The blade was placed at the head of the buried individual; due to preservation of the organic matter it was possible to identify it as a dagger in a wooden sheath made from a fragment of a Damascus steel sword with a complex pattern on the blade, the scabbard was suspended using a simple ring with a bracket. These observations introduce new important data into the discussion about the functional purpose of a category of finds widespread in Europe mainly related to the 4th – 5th centuries. Taking into account the traditions of the Chernyakhov funeral rite, the buried individual can be attributed to representatives of the military nobility. As a result of a detailed typological analysis of chronological indicators from the burial, and primarily buckles and a glass goblet, the authors have come to conclusion that the burial date is later relative to the chronology of Chernyakhov antiquities, most likely within late 4th century – early 5th century. The representative of the tribal nobility, as well as some other individuals buried in the burial ground, could have been serving in the court of highest nobility representatives in the barbarian society of the area. In the immediate vicinity of the necropolis, there is a unique single “princely” burial in the village of Bol'shoy Kamenets (known in the literature as the so-called “Starosudzhansky (Old Sudzha) treasures” of 1918/1927). For the present, the discovery of a military burial of such level with weapons and rich inventory is unique for the Dnieper left-bank area of the Chernyakhov culture.

Key words: Chernyakhov culture, weapons, late antique glass, late Roman times, great migration period, funeral rite, burial ground.

Citation. Radyush O.A., Vasil'ev A.A., 2022. Pogrebenie s oruzhiem na mogil'nike chernyahovskoy kul'tury Dal'niy (Vydrin) v Kurskoy oblasti [Burial with Weapons at the Burial Ground of the Chernyakhov Culture Dal'niy (Vydrin) in the Kursk Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 208-242. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

УДК 930.26(470.323):903.22
ББК 63.48(2Рос-4Кyc)-411

Дата поступления статьи: 09.09.2022
Дата принятия статьи: 11.11.2022

ПОГРЕБЕНИЕ С ОРУЖИЕМ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНИЙ (ВЫДРИН) В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Олег Александрович Радюш

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александр Александрович Васильев

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе раскопок грунтового могильника Дальний (Выдрин) в Большесолдатском районе Курской области (верховья реки Судже – левобережный бассейн Днепра). В результате исследований в 2021 г. было открыто погребение мужчины 35–40 лет, сопровождаемого большим количеством гончарной посуды, стеклянным кубком, оружием. В статье приводится подробное описание погребения и погребального инвентаря, включавшего 16 сосудов (горшки, миски, кувшин, вазу, гончарный и стеклянный кубки, две латунные пряжки, латунную фибулу, кресало, янтарную грибовидную подвеску, деталь от нагайки, клинок с вырезами в ножнах с деталью подвеса). Публикуются данные антропологического обследования останков, проведенного И.К. Решетовой (ИА РАН), которые демонстрируют физически развитого мужчину, подвергавшегося регулярным физическим нагрузкам и постоянной езде на коне, сформировавшей комплекс признаков всадника. Клинок, размещенный в изголовье, благодаря сохранности органики позволяет реконструировать его как кинжал в деревянных ножнах, изготовленный из обломка меча из дамаскированной стали со сложным узором на лезвии. Подвешивание ножен осуществлялось с помощью простого кольца со скобой. Эти наблюдения вносят новые важные данные в дискуссию о функциональном предназначении широко распространенной в Европе категории находок, относящейся в основном к IV–V векам. Учитывая традиции черняховского погребального обряда, погребенного можно отнести к представителям воинской знати. В результате подробного типологического анализа хроноиндикаторов из погребения, в первую очередь пряжек и стеклянного кубка, авторы приходят к выводу о поздней дате захоронения относительно хронологии черняховских древностей, по всей видимости в рамках конца IV – рубежа IV/V веков. Представитель племенной знати, как и некоторые другие погребенные на могильнике люди, мог быть связан с обслуживанием двора представителей высшей знати варварского общества в регионе. В непосредственной близости от некрополя расположено уникальное одиночное «Княжеское» погребение в д. Большой Камень (в литературе известное как так называемые Старосуджанские клады 1918/1927 гг.). Для днепровского левобережного ареала черняховской культуры находка воинского погребения подобного уровня с оружием и богатым инвентарем является на данный момент уникальной.

Ключевые слова: черняховская культура, оружие, позднеантичное стекло, позднеримское время, переселение народов, погребальный обряд, грунтовый могильник.

Цитирование. Радюш О. А., Васильев А. А., 2022. Погребение с оружием на могильнике черняховской культуры Дальний (Выдрин) в Курской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 208–242. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>

На значительной части лесостепного левобережья Днепра и в верховьях Северского Донца помимо многочисленных поселений выявлены и десятки могильников черняховской культуры (рис. 1), известны более 70 могильников и отдельных погребений. За последние 20 лет были введены в научный оборот крупные могильники, исследованные в 1960–1980-х гг. (Успенка, Боромля, Компанийцы) [Некрасова, 2006]; проводились раскопки на новых могильниках Шишаки, Зачепиловка на левобережье Днепра, в Сумской, Полтавской и Харьковской областях [Любичев, Мызгин, 2014, с. 64–67; Гейко и др., 2016, с. 140–147]. Наиболее исследованным памятником в настоящее время (более 250 погребений) является могильник Войтенки в Валковском районе Харьковской области, исследования которого продолжает Германно-Славянская экспедиция М.В. Любичева (ХГУ им. В.Н. Каразина).

Исследования погребального обряда второй четверти I тыс. н.э. на северо-восточной окраине черняховской культуры до недавнего времени находились на начальном этапе. Поиски могильников этого периода специально велись начиная с послевоенного времени, но значимых результатов в регионе до 2010-х гг. не было получено¹.

При работах на поселении Головино 1 в Белгородской области в 1980-х гг. была открыта зона с несколькими довольно богатыми находками кремациями и одной разрушенной ингумацией, относящимися к черняховскому периоду [Обломский, 2001–2002]. После 2005 г. были открыты многочисленные крупные черняховские долговременные поселения в Посеймье, продемонстрировавшие активное освоение населением черняховской культуры северных рубежей днепровской лесостепи [Радюш, 2010; 2015; 2017; 2018]. С этого же времени на-

чался систематический поиск связанных с ними погребальных памятников. В 2008–2013 гг. обнаружены первые погребения могильника у поселения Пены (пос. им. К. Либкнехта) [Радюш, 2011]. В 2017 г. найдены следы кремаций у поселений Дальний (Выдрин) и Заломное в Большесолдатском районе, а также у поселения Дичня в Курчатовском районе Курской области [Радюш, 2019, с. 121].

Таким образом, всего на территории Белгородской и Курской областей выявлено 6 могильников (Головино, Пены, Выдрин, Дичня, Замощанская дюна, Заломное)². Большинство погребений, содержащих датирующий инвентарь, определяются временем развитой черняховской культуры, то есть второй – четвертой четвертью IV в., в отдельных случаях заходя в начало V в. (фазы C3–D1, начало D2 в принятой системе центральноевропейской хронологии) [Любичев, 2019, Т. 1, с. 184–190]. Географическое расположение известных черняховских могильников на левобережье Днепра позволяет отнести их к двум типам: наиболее распространены расположенные на склоне коренного берега на поселении либо в редких случаях в пойменной части вблизи поселения (Зачепилровка, Дичня, возможно Замощанская дюна). Известные могильники в регионе обычно биритуальные.

Несомненно, следует также отметить сравнительно плотное скопление погребений высшей знати, относящихся к финалу черняховской культуры и началу эпохи Великого переселения народов в Курском Посемье (Обоянский клад 1849 г. (Паники), «Старосуджанские клады» 1918/1927 гг. (Большой Каменец), Волниковский «клад» 2010 г.). Все они представляют собой одиночные погребения, совершенные скрытно, вдали от обычных некрополей, и сопровождающиеся престижными предметами [Мацулевич, 1934; Радюш, 2014a]. Именно в связи с наиболее близким расположением к богатейшему из этих захоронений в Большом Каменце были начаты исследования на поселении Дальний (Выдрин). Оно расположено в 1,3 км от места обнаружения склепа на берегу того же ручья Каменец при впадении в реку Суджа в верхнем ее течении. В 2013–2021 гг. была исследована значительная площадь (более 4 000 кв. м), обнаружены объекты, связанные с несколькими

горизонтами освоения территории, начиная со срубной культуры эпохи позднего бронзового века [Радюш, 2015, с. 18–25]. На поселении выявлен слой и находки, относящиеся к так называемой киевской культуре и связанные с вещами круга выемчатых эмалей, ряд заглубленных построек относится к раннечерняховскому горизонту второй половины III – начала IV в. [Любичев, 2019, т. 1, с. 182–184]. Значительная часть объектов и находок относятся к развитому этапу черняховской культуры – второй – четвертой четверти IV века. На основном раскопе найдены постройки и горны, связанные с ювелирным производством этого периода [Радюш, 2019], что позволило отнести памятник к нерядовым поселениям.

В ходе регулярных наблюдений за распаханым полем в 2017 г. были найдены обломки вторично обожженной круговой посуды, пережженные сердоликовые бусины, оплавленные обломки фибул и поясных пряжек, шильца, ножи. Площадь распространения вещей на поверхности составила около 1 га. В 2017–2019 гг. В.Г. Бездудным и М.Я. Кацем было выполнено геофизическое обследование района выявления остатков кремаций на площади до 2 га, были прослежены аномальные участки в нижней части поля. В 2019 г. по их результатам заложен раскоп площадью до 132 кв. м, в котором были обнаружены первые два заглубленные в материк погребения. В 2020 г. работы продолжились на площади до 240 кв. м, где были открыты еще 6 захоронений по обряду трупоположения. Последние на данный момент раскопки прошли в 2021 г., открыты 12 погребений с трупоположениями.

В общей сложности в 2019–2021 гг. была вскрыта площадь 1 564 кв. м (рис. 2). Все открытые погребения совершены по обряду трупоположения и отличаются деталями и набором погребального инвентаря. Наиболее бедными являются неглубокие погребения, располагавшиеся фактически под пахотным слоем и в ряде случаев разрушенные при распахке. Они сопровождалась одним-тремя сосудами, фибулами, пряжками. Среди погребенных есть как взрослые мужчины и женщины (погр. 9, 11, 20), так и дети (погр. 5, 10)³. К следующей группе можно отнести захоронения в слабо заглубленных в материк ямах, сопровождающиеся несколькими (5–7) гончарными сосудами, гребнями, фи-

булами, бусами, ножами, встречались останки жертвенных животных. К этим захоронениям относятся женские (погр. 2, 3) и детское (погр. 7). В третьей группе – захоронения в ямах овальной формы средней глубины (до 1 м от материковой поверхности). Обычно они содержали большое количество сосудов (7–9), гребни, фибулы, пряжки, бусы, ножи, кресала. К ним относятся мужские (погр. 8, 15, 19) и женские (погр. 16, 18) погребения. Погр. 16 выделяется редкой разновидностью обряда, где погребенная лежала на боку в «идущей» позе. Четвертую группу составляют наиболее заглубленные ямы с несколькими «ступеньками», обычно с восточной стороны. Это женские могилы (погр. 1, 6, 14), а также мужские (погр. 4, 12). Для этих погребений характерна сложная конструкция ям, которые близки к прямоугольной форме и имеют значительные размеры. Погребенные сопровождалась полным «пиршественным» сервизом от 9 до 16 сосудов. Особые ритуалы, связанные с «вторичными» погребальными обрядами, выявлены в двух погребениях, вскрытых и разрушенных после захоронения. В одном случае (погр. 13) от захоронения, совершенного в очень большой по размеру яме, на дне найдены лишь два пряслица, во втором (погр. 17) сохранились кости правой руки *in situ* и часть черепа с многочисленными обломками различных круговых сосудов (в том числе фрагментом венчика вазы типа Лепесовка), гребнем, пряжками. Практически все погребенные были ориентированы головой на север или северо-запад. В целом планиграфия исследованного участка могильника демонстрирует определенную рядность захоронений и группировку наиболее «богатых» из них в центральной части. Погр. 12, публикуемое в настоящей статье, расположено практически в самом центре исследованной площади (рис. 3).

Погр. 12, открытое в 2021 г., было совершено в большой яме сложной конструкции с размерами по верхнему контуру 240 × 210 см (рис. 4, 5). В восточном и северо-восточном углах расположена широкая ступенька высотой до 80 см. Общая глубина ямы от материковой поверхности 165 см, от современной дневной поверхности до 220 см. Форма ямы подпрямоугольная, с большим выступом в северо-восточном углу. В западной стенке ближе к полу выкопан небольшой подбой, в котором находились некоторые вещи.

Кости скелета располагались в анатомическом порядке, голова ориентирована на север – северо-запад. Погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Череп откинут назад, нижняя челюсть сместилась к левой ключице (рис. 4). Сохранность костей средняя и выше среднего, скелет представлен всеми отделами. Согласно антропологическому определению, в погр. 12 захоронен мужчина 35–40 лет. Кости массивные, очень крупные, акцентированы места прикрепления мышц. Выявлены энтезопатии мышц пояса верхних конечностей; заживший диагональный перелом левой большеберцовой кости; периостальные реакции на диафизах костей голени; дополнительные фасетки в области шейки бедренных костей. Часть этих признаков следует отнести к комплексу всаднических травм. Кроме того, выявлены и другие прижизненные патологии: остеофиты бедренной и большеберцовой костей (в области коленного и голеностопного суставов); остеофиты поясничного отдела позвоночника, двусторонние хрящевые грыжи (узлы Шморля) 11-го и 12-го грудных позвонков.

В целом антропологическая характеристика позволяет говорить о погребенном как о крупном высоком мужчине с очень хорошо развитой мускулатурой, комплексом признаков всадника, регулярно испытывающем значительные физические (двигательные) нагрузки⁴.

Сопровождающий инвентарь многочисленный и включал различные категории: круговую и стеклянную посуду, личные вещи, оружие, кавалерийское снаряжение. К востоку от левой плечевой кости находились останки жертвенного животного (практически полный скелет) с железным ножом, очевидно воткнутым при помещении в могилу в мясо. Под костями животного были найдены два кубка – обломки кругового чернолощеного и целый стеклянный, а также круговая миска. Остальные круговые сосуды в основном стояли к востоку от скелета. Две миски и горшок – в изголовье, на небольшой материковой ступеньке. Под левой стороной тела в районе таза и лучевых костей руки под скелетом находилась крупная чернолощенная миска, рядом с ней – развал массивной чернолощеной вазы диаметром около 50 см. Ниже, рядом с ней, расположены три миски и горшок. Под берцовыми

костями находилась еще одна миска. Возле пяточных костей левой ноги в подбое находился массивный широкогорлый кувшин. Всего покойного сопровождали 15 круговых сосудов (1 ваза, 1 кувшин, 1 кубок, 8 мисок, 4 горшка) и 1 стеклянный кубок⁵:

А. Горшок округлобокий на плитчатом кольцевом поддоне с расширением тулова в верхней части и коротким, почти вертикальным венчиком (рис. 8,А). Высота 15,2 см, диаметр тулова 17 см, венчика – 12 см. Изготовлен из грубого теста с примесью песка.

Б. Миска закрытого профиля с коротким вертикальным венчиком на кольцевом поддоне. Поверхность чернолощенная. Выраженное ребро декорировано косыми каннелюрами (рис. 8,Б). Диаметр тулова 20 см, венчика – 17 см, высота 8,2 см.

В. Горшок округлобокий, на плитчатом поддоне, с расширением тулова в средней части и коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 8,В). Высота 17,5 см, диаметр тулова 16,5 см, венчика – 12,8 см. Изготовлен из грубого теста с примесями песка.

Г. Миска закрытого профиля, с коротким, слабо отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 8,Г). Поверхность чернолощенная. Выраженное ребро украшено косыми каннелюрами, под венчиком неглубокая широкая канавка. Диаметр тулова 24,5 см, венчика – 2,15 см, высота 10,5 см.

Д. Миска открытого профиля с коротким венчиком, отогнутым под 45° наружу, на кольцевом поддоне. Тулово цилиндрическое, нижняя часть выпуклая (рис. 8,Д). Поверхность серолощенная. Диаметр тулова 16,8 см, высота 4,3 см.

Е. Миска с открытым профилем тюльпановидного типа (рис. 8,Е), венчик удлиненный высокий, слабо отогнутый наружу, ребро тулова небольшое, округлое в профиле, на кольцевом поддоне. Поверхность чернолощенная. Диаметр тулова 20,5 см, венчика – 20 см, высота 7,8 см.

Ж. Миска с закрытым S-видным профилем, коротким, слабо отогнутым наружу венчиком, на плитчатом поддоне (рис. 8,Ж). Поверхность черно- и серолощенная. Диаметр тулова 20,5 см, венчика – 18,5 см, высота 7,8 см.

З. Миска с открытым S-видным остро-реберным профилем, венчик короткий, отогну-

тый под 45° наружу, поддон кольцевой (рис. 8,З). Поверхность серолощенная. Диаметр 24 см, высота 9,7 см.

И. Горшок округлобокий на плитчатом кольцевом поддоне с расширением тулова в средней части и коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 8,И). Высота 15,5 см, диаметр тулова 17,5 см, венчика – 12,2 см. Изготовлен из грубого теста с примесью песка.

К. Горшок округлобокий на плитчатом кольцевом поддоне с расширением тулова в средней части и коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 8,К). Высота 14,5 см, диаметр тулова 15 см, венчика – 11 см. Изготовлен из грубого теста с примесью песка.

Л. Кубок пиаловидной формы с небольшим отгибом короткого венчика наружу (рис. 7,Л). Поверхность чернолощенная, декорирована точечным орнаментом в виде многолучевой розетки. Найден в мелких фрагментах. Реконструируемый диаметр около 12 см, высота 6,8 см.

М. Кувшин с высоким широким горлом и биконическим корпусом на кольцевом поддоне (рис. 7,М). Рукоять Г-образная, прямоугольная в сечении, крепится на тулово и к венчику. Венчик короткий, сильно отогнутый наружу. Поверхность неравномерно серо- или чернолощенная, декорирована линейным орнаментом в виде треугольников, разделяющих 11 фасеток по тулову и ребру. Ниже венчика на уровне крепления рукояти декоративный валик, украшенный мелкими косыми каннелюрами. Диаметр тулова 27,5 см, венчика – 12 см, высота 32,5 см.

Н. Миска с открытым профилем, коротким, сильно отогнутым наружу венчиком, на кольцевом поддоне. Тулово цилиндрическое, нижняя часть корпуса выпуклая (рис. 7,Н). Поверхность серолощенная. Диаметр 24 см, высота 9,8 см.

О. Миска с закрытым, слабо выраженным S-видным профилем, венчик короткий, слабо отогнутый наружу, тулово слабо расширено по ребру, поддон кольцевой (рис. 7,О). Поверхность серолощенная. Диаметр тулова 12 см, венчика 11,7 см, высота 6,1 см.

П. Ваза с закрытым профилем, с коротким вертикальным венчиком, на плитчатом поддоне. Поверхность чернолощенная. Выраженное ребро декорировано косыми каннелю-

рами (рис. 9). Диаметр тулова 45 см, венчика 35 см, высота 30 см.

Р. Кубок стеклянный, изготовлен из прозрачного стекла желтовато-зеленого цвета (рис. 7,Р). Имеет короткий венчик, отделенный от корпуса узкой неглубокой декоративной канавкой. Стенки плавно сужаются к нижней четверти формы, где переходят в полукруглое дно. Поверхность украшена двумя рядами овалов, по шесть в каждом, верхний состоит из более крупных вытянутых вертикально овалов, нижний – из меньших по размеру и более округлых. Диаметр кубка 8,5 см, высота 8,5 см.

Индивидуальные находки. С правой стороны от шейных позвонков найдена янтарная грибовидная подвеска с отверстием для подвешивания в верхней части. Высота 2 см, ширина 1,1 см, толщина 0,4 см (рис. 5,5). К востоку от черепа был найден железный клинок «с вырезами», лежавший на невысоком материковом выступе острием на север. Сечение лезвия шестигранное уплощенное с двумя парными симметричными вырезами, сделанными у основания черена. Длина 38,5 см (из них черен 8,5 см), ширина клинка 4,3 см, ширина черена 1,5 см у основания, глубина вырезов 1 см, ширина 0,4 см (рис. 6). Недалеко от него, на склоне выступа, найдено латунное кольцо со скобой, вероятно относящееся к креплению ножен. Кольцо диаметром 2,8 см, в сечении $0,3 \times 0,1$ см. На корпусе его располагалась небольшая омеговидная скобка из тонкой латунной пластины размером $1,5 \times 1,5$ см (рис. 5,10).

К западу от черепа у стенки подбоя находился костяной гребень. Конструкция его составная трехслойная с небольшой полукруглой выделенной спинкой. Изготовлен из 6 роговых пластин с зубцами и двух наружных накладок из кости, скрепленных между собой 6 заклепками из латунных трубочек (рис. 5,1). Ширина 9,5 см, сохранившаяся высота 4,5 см (реконструируемая – 5,5 см), толщина 1,2 см. Наружная поверхность накладок по нижней кромке декорирована двумя неглубокими продольными канавками. В районе локтя правой руки найдены фрагменты от костяной игольницы из трубчатой кости и две бронзовые иглы длиной 5 и 4 см (рис. 5,6,7). По обе стороны от правой лучевой кости находились две латунные калачевидные пряжки, рядом с ними

прослеживались следы тлена в виде небольшой полосы, вероятно относящиеся к кожаной основе ремня. Пряжки несколько отличались в деталях оформления. Одна из них овальная «калачевидная», в сечении наружные поверхности рамки были подграненные. Язычок клювовидный, сужающийся к окончанию, сильно загнутый. Размер рамки $2,5 \times 2,1$ см, диаметр до 0,7 см (рис. 5,2). Вторая пряжка овальная по форме с «калачевидной» рамкой, округлой в сечении. Язычок клювовидный, сильно загнутый. Размер рамки $2,5 \times 2$ см, толщина 0,6 см (рис. 5,3).

К западу от руки также найдены кусок кремневого отщепа размером $3 \times 3,5 \times 1,2$ см (рис. 5,8) и железное кресало. Кресало железное пластинчатое с небольшой петлей для подвешивания. Длина 8,5 см, сечение $0,8 \times 0,5$ см (рис. 5,9). Почти у стенки подбоя найдена небольшая фибула. Застежка «воинского» типа миниатюрных размеров, изготовлена из латунного сплава. Спинка короткая слабоизогнутая, подтреугольная в сечении, ножка-иглоприемник с двумя подквадратными площадками, на поверхности которых слабо прослеживается сетчатый орнамент. Длина 3,2 см, ширина 3 см, ширина спинки 0,5 см (рис. 5,4). Возле правой пяточной кости обнаружена железная обойма от плети. Находка имела биконическую форму, наружный диаметр 2,1 см, внутренний 1,1 см, высота 2,1 см (рис. 5,11).

Среди костей жертвенного животного найдены небольшой железный нож с коротким пластинчатым хвостовиком, на котором сохранились следы деревянной рукоятки. Длина 13 см, ширина 2 см, толщина обушка 0,3 см (рис. 5,12).

Датировка погребального инвентаря

Рассматривая вопрос с хронологией комплекса, необходимо в первую очередь обратиться к редкой находке стеклянного кубка со шлифованными овалами.

В настоящий момент нам известно 10 достаточно близких аналогий данному кубку (рис. 11), которые, по выражению Гюнтера Рау, образуют «небольшую, но важную группу археологических форм» [Рау, 1975b, S. 140]. Это кубки из Боррбю (Borrby, регион Сконе, Швеция, случайная находка), Родал (Rådal, Остфолд, Норвегия, случайная находка), Миор-

кань, погр. 1 (Miorgani, Запрутская Молдова, Румыния), Текуч, погр. 8 (Тесусі, Запрутская Молдова, Румыния), Барча, погр. 23 (Варсеа, Запрутская Молдова, Румыния), Никитень, погр. 18 (Nichiteni, Запрутская Молдова, Румыния), Лазо, погр. 36 (Молдавия), Оселивка (Буковина, Украина), Войтенки, погр. 86/2, а также неопубликованная находка из погр. 271 (2021 г.)⁶ того же могильника (Харьковская обл.).

Для всех этих сосудов характерно прозрачное стекло с желтовато-зеленым (оливковым) оттенком. Стенки толщиной 3–5 мм по венчику и от 11 мм у дна. Под венчиком шлифована, как правило, одна горизонтальная линия (реже – две), а ниже по корпусу размещается ряд вертикальных и отдельно стоящих овальных фасеток, ниже которого – ряд небольших круглых (реже – горизонтально расположенных овальных) фасеток. Еще одна круглая фасетка шлифована на дне и образует кольцевой поддон, на котором сосуд может стоять на ровной поверхности.

Эти массивные сосуды имеют сравнительно небольшую высоту, которая колеблется в основном в пределах 7,5–9,6 см, диаметр устья 8–8,6 см. Несколько меньшими размерами (h – 6,6 см) отличается экземпляр из Никитень. Высота может равняться диаметру устья (как у представленного экземпляра из хут. Дальнего и сосуда из Родал), несколько превосходить (например, Боррбю, Лазо) либо, напротив, также незначительно уступать диаметру (например, Миоркань, Оселивка).

Таким образом, помимо пары скандинавских находок (возможно, в регионе есть и другие аналогии, но степень их близости нуждается в уточнении), выделяется зона концентрации в Пруто-Днестровском регионе (по два экземпляра на севере и юге правобережья Прута, один на левобережье Прута и находка из прилегающей территории из Буковины) и на Слобожанщине (3 экземпляра, включая 2 на одном могильнике).

Датировки этих кубков, приведенные в специальных исследованиях Г. Рау [Rau, 1972; 1975a; 1975b; 2008], Э. Штрауме [Straume, 1987] и У. Лунд Хансен [Lund Hansen, 1987], предложены, исходя из общих оснований, без детального рассмотрения непосредственно данной категории находок и сопровождающего их инвентаря. Во многом это объясняется

тем, что на момент публикации этих обобщающих работ находки подобных сосудов были единичны. Однако за последующие десятилетия ситуация в этом отношении изменилась.

Точную датировку этих сосудов затрудняет, во-первых, неясное до конца типологическое соотношение с кубками из княжеских погребений Сакрау / Закшув II и Варпелев А, а также аналогичными по форме тонкостенными сосудами, а во-вторых, отрывочность сведений о составе большинства комплексов, в которых они были найдены.

Рассмотрим типологические определения известных на сегодня кубков и сопровождающий их инвентарь, выразительный в хронологическом отношении.

Боррбю (рис. 10,1). Кубок был найден вне контекста. Как уже говорилось, его отличают более вытянутые пропорции (высота превышает диаметр устья), тулово сосуда цилиндрическое. Эти морфологические особенности сближают экземпляр из Боррбю с кубками Е 230 (особенно с толстостенными экземплярами – ср.: [Rau, 1972, S. 122, fig. b, c]).

У. Лунд Хансен отнесла данный кубок к группе Е 228-30 и датировала в рамках С2–С3 (260–350/360 гг.) [Lund Hansen, 1987, S. 449]. Е. Штрауме благодаря вытянутым пропорциям отнесла сосуд из Боррбю к кубкам типа ІВ3. Тип І соответствует типу 230 по номенклатуре Эггерса, а вариант В объединяет сосуды с тщательно нанесенными, более глубокими фасетками, как правило более толстостенные. Датировается он в рамках С3–D1 (325–410 гг.) [Straume, 1987, S. 30, Abb. 5, Pl. 4, Kat. 59].

В работе 2008 г. Г. Рау включает кубок из Боррбю в тип Варпелев, который, согласно автору, датировается первой половиной IV в., а в середине века сменяется типом Ковалк, существующим во второй половине столетия [Rau, 2008, S. 222]. В каталоге находок этот кубок помещен под № 8 и датирован серединой IV века [Rau, 2008, S. 226].

Родал (рис. 10,9). Кубок найден вне контекста. Е. Штрауме отнесла сосуд из Боррбю к кубкам типа ІВ3 [Straume, 1987, S. 30, Kat. 152], однако учитывая, что диаметр по венчику равен высоте, то по своим пропорциям он должен занимать промежуточное место между собственно кубками и чашами, то есть сосудами, у которых диаметр превышает высоту.

К тому же типу IV3 исследовательница отнесла еще один кубок – случайную находку из Химлингое (Himlingøje, о. Зеландия, Дания). Однако он заметно отличается от довольно монолитной группы рассматриваемых сосудов – это более высокий кубок, тулово которого украшено не двумя, а тремя рядами фасеток. Прямых аналогий ему нам не известно, и, вероятно, он занимает промежуточное положение между собственно кубками IV и рассматриваемыми сосудами.

Миоркань, погр. 1 (рис. 10,2). В 1966 г. во время проведения строительных работ (благодаря которым памятник был обнаружен) найдено разрушенное погребение, материалы которого до сих пор в полной мере не введены в научный оборот.

В краткой обзорной статье о могильнике Миоркань И. Ионица опубликовал пряжку и фибулу из этого погребения и лишь упомянул стеклянный кубок без привязки к погребению [Ionița, 1974, p. 74].

Фибула массивная, так называемого воинского типа, со сплошным приемником иглы, дуговидной, треугольной в сечении дужкой и ромбическими щитками на ножке и головке. Головка фибулы увенчана биконической кнопкой. Длина застежки 4,5 см [Ionița, 1974, p. 86, fig. 1,7]. Фибула подобного облика может быть датирована этапом С3 (325–350/360 гг.). Ближайшая аналогия этой фибуле, отличающаяся лишь незначительными деталями, была найдена в слое того же могильника.

Пряжка из погр. 1 имеет округлую форму рамки с сильным утолщением переднего края (так называемую калачевидную), трапециевидный, расширяющийся к тыльному краю щиток и массивный, круглый в сечении язычок, кончик которого опущен за середину сечения рамки [Ionița, 1974, p. 86, fig. 2,3]. Эти признаки позволяют датировать ее этапом D1.

Сочетание фибулы и пряжки может датировать погребение временем пересечения хронологических фаз, но может иметь и другое объяснение – вещи происходят из разрушенного погребения, а материалы памятника опубликованы лишь выборочно, поэтому быть абсолютно уверенным в достоверности закрытого комплекса не приходится. К тому же, согласно описанию Г. Рау, в погребении находились 2 бронзовые фибулы с подвязной ножкой.

Текуч, погр. 8 (рис. 10,3). Девять погребений были открыты во время строительных работ в 1970–1971 годах. Фотографию кубка из этого памятника впервые опубликовал Г. Рау (кат. № 76) в известной статье 1972 г., посвященной находкам стеклянных сосудов из погребений Висло-Одерского региона. Была дана краткая информация о кубке (указана высота 8 см) и обстоятельства находки: «из разрушенных погребений (1970)» [Rau, 1972, S. 128, fig. 19]. Кубок включен в тип Сакрау II – Ганцков, который датируется началом – серединой IV века. Единственный прямой выход на абсолютную хронологию сосудов этого типа дает ауреус императора Проба (276–283) из погребения в Варпелеве. Однако использование этой монеты в качестве подвески, по мнению Рау, говорит о ее запаздывании [Rau, 1972, S. 128–129].

В 1974 г. Г. Рау изучил находки в румынских музеях и по итогам опубликовал короткую заметку, посвященную непосредственно кубкам из Текуч и Миоркань. Исследователь отнес их к типу Сакрау II и датировал первой половиной (возможно, ближе к середине) IV века. В статье было указано, что сосуд происходит из погр. 8, в котором был найден вместе с гончарной сероглиняной посудой и двупластинчатой фибулой («серебряная фибула с полукруглой головкой и ромбической ножкой»), а высота сосуда составляет 7,6 см. Был указан даже инвентарный номер музея, где сохраняется сосуд. Оба кубка упоминались и в развернутой статье о находках позднеантичных стеклянных сосудов в Карпатском регионе [Rau, 1975a, S. 474].

И наконец, в статье 2008 г. Г. Рау включил отдельным пунктом в каталог находок только сосуд из Миоркань, а в описании в качестве аналогии привел кубок из Текуч, при этом было указано, что он происходит из погр. 3 [Rau, 2008, S. 230].

В 2013 г. материалы могильника Текуч были опубликованы, однако кубок в статье даже не упоминался. Погр. 3 представляет собой трупосожжение, в котором в качестве урны и крышки использовались лепные сосуды, а инвентарь составлял единственный гончарный двуручный кувшин. Богаче оказался инвентарь погр. 8, в котором были найдены две прогнутые подвязные фибулы, пряслице и

6 целых и фрагментированных сосудов [Ciobotaru, 2013, p. 277–278, 280, pl. 4, 8]. Обе фибулы фасетированные, варианта Б по Гороховскому, одна из узкой заготовки, другая из заготовки средней ширины. Фибулы Б1 появляются в черняховской культуре уже на рубеже III и IV вв., а затем в «развитом» IV в. сосуществуют с фибулами Б2 [Гороховский, 1988; Шаров, 1992, с. 197–198].

Резюмируя историю публикаций кубков из Миоркань и Текуч, можно сделать осторожное предположение о первоначальном составе инвентаря этих погребений. Возможно, в описание Г. Рау закралась путаница и упомянутые им две подвязные фибулы из Миоркань, о которых умалчивает Ионица, на самом деле были найдены в погр. 8 могильника Текуч, а фибула, которая по Г. Рау сопровождала кубок из этого погребения, на самом деле является воинской щитковой фибулой из Миоркань, опубликованной И. Ионицей. Хотя настаивать на такой интерпретации, конечно же, не приходится.

Никитень, погр. 18 (рис. 10,4). Могильник был обнаружен при строительных работах и исследовался в первой половине 1960-х годов. Среди открытых комплексов богатством и разнообразием инвентаря выделяется погр. 18, опубликованное в 2011 г., в котором помимо стеклянного кубка были также найдены керамические сосуды, украшения, пара двупластинчатых фибул, костяной гребень и пряжка [Şovan, 2011].

Автор публикации относит кубок к типу IB3 по Э. Штрауме, а само погребение датирует второй половиной IV – возможно, началом V в. [Şovan, 2011].

К датирующим находкам из комплекса относится округлая пряжка со значительным расширением переднего края рамки и спрямленной тыльной частью («калачевидная»). Язычок из четырехугольной в сечении заготовки загнут за край рамки и достигает середины ее сечения. Такие пряжки появляются в черняховских погребениях «развитого IV века» [Гороховский, 1988, с. 39, рис. 62; Шаров, 1992, с. 176, табл. IV,70; Гопкало, 2011, рис. 30,30,31].

Две практически идентичные фибулы длиной 5,5 см. Пластина над приемником иглы ассиметричная ромбическая, с продольным

ребром. Спинка пластинчатая фасетированная, напоминает спинку черняховских прогнутых подвязных фибул. Пластина над пружиной сегментовидная, украшенная чеканным орнаментом по дуговидному контуру – полукругами и набегающей волной. По ширине она значительно превосходит ширину пластины над приемником.

Малые черняховские двупластинчатые фибулы А.К. Амброз считал синхронными прогнутым подвязным 3-го варианта и воинским и датировал IV веком. Я. Тейрал фактически принял предложенное А.К. Амброзом членение двупластинчатых фибул на малые (4–6 см) и крупные (свыше 6 см). Малые фибулы следует датировать предгуннским временем (С3), а крупные – уже эпохой переселения народов [Tejral, 1992, S. 234, Abb. 5,10,11,15,17,18,21, S. 236, Abb. 5,6,7,9,10, 7,13,16,18].

По форме и декору фибула может быть отнесена к образцу «Спанцов» (С4) по А. Коковскому [Kokowski, 1996], распространенному в основном в западной части ареала культуры Черняхов-Сынтана-де-Муреш. В погр. 4 могильника Курники на Южном Буге подобные фибулы были найдены с кубком типа Ковалк [Магомедов, 1999, с. 105], что наряду с небольшими размерами фибул (50 и 49 мм, у А. Коковского ошибочно указано 68 мм) позволяет датировать их этапом С3.

Костяной гребень с высокой полукруглой спинкой и двумя небольшими выемками принадлежит к типу, характерному для западной части ареала культуры Черняхов-Сынтана-де-Муреш на протяжении всего IV – начала V в. параллельно с бытованием гребней с выделенной спинкой типа III. В качестве примера можно привести погр. 21 могильника Михэлэшень с массивной калачевидной пряжкой, погр. 138 с овальнорамчатой пряжкой с язычком с уступом у основания, погр. 297 и 353 с парами двупластинчатых фибул и т. д. [Şovan, 2005, Pl. 14,2, 15,3, 78B,2, 79,3, 163,1,2, 164,3].

Таким образом, это погребение может датироваться в рамках этапа С3 (325–350/360 гг.).

Барча, погр. 23 (рис. 10,5). Определяя типологическую принадлежность кубка из этого погребения, авторы публикации, с одной стороны, назвали в качестве аналогий ему сосуды из Варпелева и Сакрау II, а с другой – отнесли к варианту IB3 по Э. Штрауме, хотя

норвежская исследовательница, как уже говорилось, различала кубки, объединенные в тип I, и чаши, подобные по пропорциям сосуду из Варпелева. В итоге хронологическая позиция кубка была определена в рамках этапа СЗ [Țau, Nicu, 2013, p. 62–63].

Материалы этого могильника опубликованы выборочно (по категориям находок), но некоторое представление о хроноиндикаторах, сопровождавших кубок, они дают.

В погр. 23 помимо кубка была найдена как минимум одна прогнутая подвязная фибула. Авторы отмечают, что у фибул из погр. 20 и 23 фасетки нанесены на спинку и ножку [Țau, Nicu, 2010, p. 100]. В публикации приведена [Țau, Nicu, 2010, pl. 2,6] соответствующая описанию застежка с широким корпусом (Гороховский Б3), но происходит ли она из погр. 23 или второго комплекса с аналогичной фибулой, сказать невозможно. Пряжка из этого погребения овальнорамчатая, с расширением переднего края и язычком средней длины с уступом у основания (типа: [Țau, Nicu, 2012, pl. 2,2.1]). Также в погребении найден костяной гребень с высокой полукруглой спинкой и двумя небольшими полукруглыми вырезами по бокам [Țau, Nicu, 2011, p. 68], практически идентичный рассмотренному выше экземпляру из Никитень.

Суммарно эти индикаторы указывают, вероятнее всего, на хронологический этап СЗ.

Лазо (Слобозия-Кишкэрень), погр. 36 (рис. 10,6) [Левинский, 1999, с. 149, 151, рис. 31,1–3]. Погребение с западной ориентировкой помимо кубка содержало лишь краснолаковый кувшин [Левинский, 1999, с. 151, рис. 31,3]. Сосуд, вероятно, принадлежит к тому же кругу изделий, что и импортные кувшины из причерноморских черняховских могильников Викторовка II и Коблево, а также их крымские аналогии, которые суммарно могут датировать комплекс в рамках большей части IV – начала V в. [Магомедов, Диденко, 2009, с. 331–332, рис. 4].

Автор публикации А. Левинский не нашел этому сосуду аналогий в черняховской культуре и высказал предположение, что в типологическом отношении он является «промежуточной формой между поздними “Kowalk” и кубками, исходящими из типа “Sakrau II”». Исходя из этого построения, была предложена да-

тировка «где-то в начале последней трети IV в. н.э.» [Левинский, 1999, с. 162].

В статье Г. Гомолки-Фукс, посвященной стеклу черняховской культуры из Румынии и Молдавии, место находки данного сосуда фигурирует как Chișcăreni (Кишкарены или Кишкэрень, кат. № 47). Исследовательница отнесла кубок к типу IB3 по Э. Штрауме [Gomolka-Fuchs, 1999, S. 137].

О.В. Гопкало в статье, посвященной периодизации могильника Лазо, следующим образом определяет хронологические позиции кубка из погр. 36: «Толстостенные кубки с шлифованными овалами, часто вогнутыми, напоминающие сосуды типа Ковалк по Г. Рау, датируются, по мнению Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988, с. 38–41, 44], более поздним временем, чем классические тонкостенные, в пределах “косановской” (325–375) фазы [Гопкало, 2010, с. 213]. Далее киевская коллега называет «стеклянный толстостенный кубок с шлифованными овалами» (единственный на могильнике) в качестве индикатора 2-й хронологической группы погребений, дата которой «вторая четверть – середина IV в.» [Гопкало, 2010, с. 218].

Что касается ссылки на Е.Л. Гороховского, то ее нельзя признать корректной, поскольку Евгений Леонардович вообще не рассматривал низкие массивные кубки с одним рядом крупных овалов на корпусе (как в погр. 36), а говорил о кубках, описанных Э. Штрауме как тип IB. И хотя аналогичный кубок из Боррбю, как уже говорилось, норвежская исследовательница отнесла к этому типу (отметив и своеобразие формы), такая формальная атрибуция представляется ошибочной.

В отношении рассматриваемых сосудов более оправданным выглядит подход Г. Рау, который все низкие массивные сосуды с одним рядом крупных овалов на корпусе относит к типу Варпелев, не разделяя их на чаши и кубки в зависимости от незначительных колебаний пропорций.

Оселивка, погр. 86 (рис. 10,7) [Никитина, 1988, с. 79–80, табл. 48,1]. Г.Ф. Никитина относит этот кубок к «классическому типу Варпелев А» и со ссылкой на Г. Рау датирует первой половиной IV в. [Никитина, 2008, с. 80]. Сосудом «абсолютно аналогичной формы» автор назвала кубок из Текуч [Никитина, 1995, с. 77].

Вместе с кубком была найдена серия черняховских гончарных сосудов и узкогорлая светлоглиняная амфора [Никитина, 1988, с. 79–80, табл. 48,5]. Она может быть отнесена к поздним формам типа Шелов D [Диденко, 2014, с. 35–41], которые, вероятно всего, продолжают бытовать вплоть до начала IV в. включительно [Васильев, Дзиговский, 2001–2002, с. 315–317].

Войтенки, погр. 86/2 (рис. 10,8). В статье, посвященной хронологии могильника (по материалам раскопок 2005–2009 гг.), авторы исследований Э. Шульце и М. Любичев отнесли кубок из этого погребения к варианту IV3 по Э. Шульце и в качестве аналогий назвали сосуды из Боррбю, Текуч и Миоркань. Что касается соотношения с кубками из Варпелева и Сакрау, то исследователи отметили, что их экземпляр по пропорциям и схеме декора имеет с ними «определенную типологическую связь» [Шульце, Любичев, 2012, с. 410, рис. 4,2].

Помимо кубка из погр. 86/2 была опубликована небольшая округлая пряжка с выраженным расширением переднего края («калачевидная») и длинным язычком, опускающимся несколько ниже среднего сечения рамки, свободно свисая и не прижимаясь к ней [Шульце, Любичев, 2012, рис. 10,2]. Этот признак характерен для ременных застежек эпохи переселения народов и в черняховской культуре встречается у экземпляров из комплексов финальной фазы.

Погр. 86/2 перекрывает погр. 86/1, в котором были найдены две серебряные прогнутые подвязные фасетированные фибулы со спинками средней ширины (Гороховский Б26) [Шульце, Любичев, 2012, с. 411, 415].

По результатам сериации авторы выделили две фазы существования могильника. Погр. 86/1 относится к первой фазе, которая соответствует четвертой (Масловской) стадии могильников черняховской культуры по Е.Г. Гороховскому, а вторая фаза – пятой (Журавской) стадии, или ступеням C3/D1 (325–400 гг.) и D1 (325–400 гг.) по Я. Тейралу соответственно [Шульце, Любичев, 2012, с. 415].

Можно отметить, что неопубликованный кубок из погр. 271 (2021) этого же могильника является абсолютно идентичным по форме, орнаментации и размерам с находкой из

могильника Дальний. Более точное сравнение и уточнение его хронологической позиции можно будет сделать после полной публикации нового комплекса из Войтенков.

Проведенный анализ хроноиндикаторов, сопровождающих интересующие нас стеклянные кубки, позволяет наметить предварительные закономерности. Уточнить датировку погребений из Миоркань и Текуч затруднительно до полноценной публикации их инвентаря.

Наиболее ранней находкой следует признать кубок из Оселивки, который может относиться еще к этапу C2/C3 (260–325 гг.), затем следуют находки этапа C3 (325–350/360) из Барчи и Никитень. И наконец, находка из Войтенков (погр. 86 и 271) относится уже к периоду D1 (3550/360–400 гг.). Таким образом, находки из Слобожанщины и Посемья выглядят более поздними, чем экземпляры (по крайней мере, некоторые) из бассейнов Прута и Днестра.

Для дальнейшего уточнения хронологии рассматриваемых кубков (помимо уточнения состава всех комплексов погребального инвентаря) требуется более детальное типологическое исследование, которое может выявить тенденции в эволюции формы сосудов и прояснить их соотношение с кубками из Сакрау и Варпелева. На уровне тенденции можно говорить об эволюции от приземистых к более вытянутым сосудам.

Среди набора круговой посуды можно также довольно уверенно датировать высокий широкогорлый кувшин «левобережного типа» (тип A1-1-1 по Б.В. Магомедову), который автор типологии и другие исследователи отнесли к позднейшим экземплярам конца IV – начала V в. [Магомедов, 1973, с. 81; Рейда, Гейко, 2014, с. 382]. Глиняный чернolощеный кубок также датируется поздним этапом черняховских древностей, схожая форма встречена в погр. 1 Кантемировских курганов, которое датируется также началом эпохи переселения народов [Gorokhovsky, 1992, p. 147, fig. 1,24].

По мнению современных исследователей, проникновение янтарных подвесок грибовидной формы на территорию Восточной Европы связано с продвижениями восточных германцев. В ареале черняховской культуры они известны на могильниках от Подунавья

до востока Днепровского левобережья. После III в. подобные украшения попадают во многие соседние общности Северного Причерноморья и Кавказа. Для черняховской культуры предполагается широкая дата от второй трети III в. практически до ее финала в конце IV в. (С1b-D1) [Мастыкова, 1999, с. 171; Гопкало, 2008, с. 68]

Важное значение для определения датировки погр. 12 имеют традиционные для черняховских древностей следующие хроноиндикаторы.

Фибулы «воинского» типа (тип 7 по О.В. Петраускасу) распространяются в основном в лесостепной зоне между Южным Бугом и Северским Донцом, большинство находок сделано на Среднем Днепре. Подобные миниатюрные застёжки могут быть датированы финалом черняховских древностей второй половины IV – рубежа IV–V веков. Комплексы сопровождалась гребнями с высокими спинками и калачевидными пряжками – Успенка, погр. 1654; Маслово, погр. 87; Косаново, погр. 4-1961; Каборга, погр. 8; Городок [Петраускас, 2010, с. 197–198].

Овальнорамчатые пряжки со значительным расширением переднего края рамки отличаются друг от друга незначительными деталями. У одной пряжки рамка в сечении восьмигранная, а язычок округлый в сечении (рис. 5,2). У другой круглая в сечении рамка и сегментовидный в сечении язычок, изготовленный из прямоугольной в сечении заготовки (рис. 5,3). Эти различия хронологического значения не имеют, демонстрируя лишь стилистические особенности оформления пряжек.

Язычки обеих пряжек широкие – более 6 мм в основании, с выраженными уступами у основания. Язычок первой пряжки по длине достигает среднего сечения переднего края рамки, но не плотно к ней прилегает. Кончик язычка притуплен, оформлен в виде небольшой, ровно срезанной площадки. У второй пряжки кончик язычка опускается ниже среднего сечения и плотно прилегает к рамке. В данном случае эти различия также не несут хронологического значения, оба варианта формы язычка являются хронологически поздними признаками.

Е.Л. Гороховский, автор наиболее детальной и универсальной типологии пряжек черняховской культуры, по форме рамки раз-

личает серии: «В – овальные утолщенные пряжки диаметром в сечении передней части рамки 5 мм и более; Г – округлые толстые “калачевидные” пряжки» [Гороховский, 1988, с. 42]. В нашем случае грань между ними довольно условна. Рамки обеих пряжек хоть и имеют форму овала, но их высота лишь незначительно превосходит ширину и они ближе к круглым калачевидным пряжкам, чем собственно к овальным серии В. Варианты серий различаются по сечению и ширине язычков. В нашем случае это 1в и 3в, где «в» означает ширину язычка.

По Е.Л. Гороховскому пряжки серии Г характерны для IV (Масловской) фазы могильников Черняховской культуры, которая датируется второй половиной IV в. [Гороховский, 1988, с. 44]. Рассматриваемые экземпляры, учитывая морфологию язычков, могут относиться к поздней части этой фазы или уже к началу финальной V фазы черняховской культуры, в которой калачевидные пряжки тоже встречаются (например, очень близкая нашему экземпляру пряжка Г1в в Кантемировке).

Гребни с плечиками относятся к типу III по Томас / Никитиной. Пропорции нашего экземпляра позволяют отнести его к поздним вариантам, датируемым не раньше середины IV в. и вплоть до гуннского времени [Гороховский, 1988, рис. 1; Шишкин, 2002, с. 244].

К редким видам инвентаря для погребального обряда черняховской культуры относятся клинок с вырезами. Сведения, имеющиеся на данный момент, указывают на то, что «клинки с вырезами» были распространены практически на всей территории черняховской культуры, как на правом, так и на левом берегу Днепра, за исключением Западной Украины, где они совершенно неизвестны. Находки «клинков с вырезами» были сделаны на поселениях Пены, Сквородиновка, Ясы-Николина, в погребениях-кремациях (Будешты, погр. 196; Дрегенешть-Олт, погр. 9), в ингумациях могильников Городок / Николаевка, Тыргшору, Петроаселе, в кладе ремесленного инструмента из Калиновки (Одесская обл.), отдельные вещи происходят из зоны черняховской культуры (Картамышево, Карашина, Матронинское, Пастырское, Флерковка, Хотень, Чилиене, Сенча). Большинство таких предметов было обнаружено случайно. На-

ходки к северу в ареале киевской культуры и на Дону единичны и известны в бассейне Десны (Седнев, Севский р-н Брянской обл.) и Дона (Ефремовский р-н Тульской обл. на р. Красивая Меча) [Левада, 2006, с. 195; Радюш, 2014б, с. 232]. Более массовая концентрация «клинков с вырезами» фиксируется в основном в районе Крыма, Северного Кавказа и северо-восточного побережья Черного моря, некоторое их количество, помимо зоны черняховской культуры, найдено в Карпатской котловине. Отдельные экземпляры такого оружия также были обнаружены в Словении, во Франции, на Верхнем и Нижнем Дону, Средней Волге и в Кемеровской области России [Левада, 2006, рис. 4; 2013, рис. 2; Иштванович, Кульчар, 2009, рис. 3] – всего не менее 85 пунктов (рис. 12).

На рукояти клинка почти по всей длине и на самом лезвии сохранились многочисленные следы деревянного тлена. Такие же остатки дерева толщиной до 0,8 см прослеживались практически по всей поверхности оружия во время его расчистки, а также под ним после его снятия со дна погребения. Это, по нашему мнению, указывает на явное наличие ножен при помещении оружия в могилу. Расположение среза дерева в верхней части клинка аналогично фиксируемым в разных погребениях следам дерева, которые демонстрируют довольно длинную рукоять. На экземплярах кинжалов из Крыма и Северо-Восточного Причерноморья часто сохраняется след от узкой полоски дерева, на 3–4 см заходящей на лезвие клинка, но следы какого-бы то ни было перекрестия и заклепок ни разу не были отмечены. Таким образом, верхняя часть лезвия на рассматриваемых клинках никак не закрывалась. Только в двух случаях – в кладе из Лимбарк над Велико Рачно (Словения) и в Чилиене (Румыния) [New Archeological ... , 2003, no. 103] – в хвостовике имелось отверстие для закрепления рукояти. Второе отверстие находилось на 3–4 см ниже перекрестия уже на лезвии, как раз в том месте, где оканчивались деревянные планки у находок из крымских погребений [Храпунов, 2010, рис. 4–7; Контны, Савеля, 2006, с. 146–147, рис. 2, 3, 5, 7].

Недалеко от рукояти клинка найдено плоское латунное кольцо, сомкнутое на концах. Прямая аналогия миниатюрному кольцу

с проволочной скобой для крепления к органической основе происходит из выразительного богатого комплекса финального этапа черняховской культуры – погр. 5 могильника Гавриловка [Сымонович, 1955, с. 300, рис. 14, 1].

Новая находка, учитывая наличие ножен с элементом подвеса, позволяет вновь обратиться к давно продолжающейся дискуссии о функциональном предназначении такого оружия.

Помимо находки в погр. 12 могильника Дальний для черняховских труположений можно отметить и короткий клинок, лежавший вверх острием, из могилы 444 черняховского могильника Тыргшор⁷. Подобный обряд погребения в первую очередь характерен для причерноморских могильников: Дружное, погр. 3 и 87 [Храпунов, 2002, рис. 4, 62, 66], Лучистое, погр. 55, 168 [Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 82], Сувлу-Кая, погр. 6, склеп 10 [Волошинов, Масякин, 2016, рис. 1], Суворово, склеп 30 [Зайцев, 1997, рис. 64], Дюрсо, погр. 500 [Дмитриев, 1979, рис. 9], и др. Отметим и еще ряд фактов, не позволяющих однозначно относить эти клинки к древковому оружию. В погр. 75 могильника Рождественский V [Старостин, 2009, с. 57, рис. 16, 6] клинок лежит возле бедра вниз острием, в обычном для мечей положении. Вдоль плечевой кости вниз острием к ногам клинок был положен в склепе 88 могильника Лучистое [Хайрединова, 1999, рис. 4]. Размещение коротких клинков в могилах эпохи переселения народов, по всей видимости, варьировалось и, скорее, связано с некими ритуалами. Вверх острием лежали лонгсаксы в алеманском погребении Нидерштоцинген [Левада, 2006, рис. 1].

На то, что клинки следует считать именно кинжалами, также указывают и несколько находок, сопровождавшихся «магическими» бусинами-навершиями, найденными рядом или закрепленными на самом черене: в склепе 3 могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 15–16, рис. 72], в погр. 136 могильника Чонград-Кендерфелдек [Иштванович, Кульчар, 2009, с. 144], в могильнике Лехч-Корт [Виноградов, Петренко, 1971, с. 173–174], в склепе в Керчи (1902) [Сокольский, 1954, табл. VIII, 1]. Клинки с вырезами в этих случаях сопровождались бусинами так же, как в ряде случаев они идут в комплекте к длинным мечам. В то же время уже в комплексах конца IV – нача-

ла V в. в Крыму и Северо-Восточном Причерноморье короткие клинки с вырезами часто помещают в погребениях вместе с длинными мечами. Весьма показательно в этом смысле погр. 6 склепа 10 из могильника Сувлу-кая, где обнаружен полный набор вооружения, состоявший из массивного копья и двушипного дротика, длинного меча, умбона щита [Масякин, 2016, рис. 1], в связи с чем наличие в составе комплекса также «клинки с вырезами» в качестве древкового оружия нам представляется крайне сомнительным.

Рубящие удары для клинков длиной 20–35 см с предлагаемым примитивным способом крепления неэффективны. Эксперименты на модели клинка также показали, что при колющих и режущих ударах ладонь, держащая такой «кинжал», может получить серьезные повреждения [Радюш, 2014б, с. 236]. Для боевого древкового оружия также неэффективно и черешковое крепление при значительной длине лезвия, как в случае с экземплярами из Чатыр-Дага и Кишпека. Использование большинства коротких клинков рассматриваемого типа эффективно только в ближнем бою, в рукопашной схватке. Кавалеристам использовать их крайне неудобно [Левада, 2013, с. 181–185].

После расчистки лезвия клинка из погр. 12 могильника Дальний на нем был выявлен дамаскированный орнамент в виде двух параллельных волнистых линий, между ними пара линий, составленных из многочисленных N-образных элементов (рис. 6). Подобный рисунок дамаска встречается на мечах из германского Барбарикума. Изученные хорошо сохранившиеся экземпляры с территории Поднепровья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволяют заключить, что многие из них изготавливались из обломков длинных мечей [Радюш, 2014б, с. 235–236]. Клинок, найденный в погр. 12 могильника Дальний, подтверждает такие наблюдения. Переделка обломков мечей в эпоху переселения народов фиксируется и в других целях. В гуннское время они, например, использовались для изготовления древкового оружия. Подобные предметы вооружения обычно довольно массивны. В их конструкции используется массивная втулка, часто богато декорированная. Лезвия, в ряде случаев изготовленные из обломков длинных мечей, закреп-

лялись в ней глубоко при помощи заклепок. К. Чарнецкая выделила группу так называемых копий-мечей IV–V вв. [Czarnecka, 2010, S. 111–126], которые известны от Приуралья (Лебедевка) до территории пшеворской культуры в Польше. Подобные экземпляры зафиксированы также на территории Дагестана, Воронежской и Белгородской областей России и в Среднем Поднепровье [Радюш, 2014б, рис. 3].

Оснований датировать кинжалы с вырезами на черняховских памятниках ранним периодом до сих пор нет. Наиболее древними признаются подобные находки из погребений рубежа III–IV вв. в западном Прикаспии [Левада, 2013, с. 174]. Вероятно, традиция использования таких клинков изначально появляется локально не ранее конца III в. и затем широко распространяется по Кавказу и другим территориям лишь в IV веке. Попадание их на территорию черняховской культуры и распространение далее на север может быть связано с ситуацией второй половины IV – начала V в., когда письменные источники фиксируют тесный контакт германцев и народов, живущих к востоку и юго-востоку от них. За пределами Северного Кавказа традиция использования таких клинков прекращается не позднее первой половины V в., однако на ряде могильников на Северо-Западном Кавказе она известна позднее, а в районе от Анапы до Туапсе фиксируется вплоть до VII в., где известны находки в комплексах с геральдической гарнитурой [Левада, 2006, с. 194].

Учитывая вышеописанные факты и новые данные о конструкции находки из могильника Дальний, версия о том, что кинжалы с вырезами были древковым оружием, представляется еще менее доказательной. И, конечно, появилось больше оснований для атрибуции данного типа вооружения именно как кинжалов. По всей вероятности, их помещение в могилы черняховского населения связано с некими ритуалами или этнокультурными особенностями, возможно пришедшими с северокавказским населением во второй половине IV века. Клинок же в нашем случае символизирует, скорее всего, оружие в целом, заменяя полный его набор.

Выводы

Рассмотрев материалы исследованного погребального комплекса, можно достаточно

надежно датировать его финалом черняховской культуры, то есть концом IV – началом V века. Функционирование могильника в это время подтверждается и материалами других погребений, где встречаются «воинские» фибулы, калачевидные пряжки с вытянутым язычком. Погребенный в могиле мужчина вполне мог быть военным предводителем не самого высокого ранга. Однако, учитывая крайнюю редкость случаев помещения оружия в захоронения черняховской культуры, изученное погребение на данное время является уникальным для левобережья Днепра по совокупности признаков: могильная яма глубиной свыше 2 м, сложная конструкция, предметы вооружения, большое количество сопровождающих сосудов, использование целого животного в качестве жертвы, наличие стеклянного кубка. Необходимо отметить и несомненную хронологическую синхронность погр. 12 и расположенного чуть более, чем в километре от могильника «княжеского» погребения в Большом Каменце (так называемые Старосуджанские клады 1918/1927 гг.). Наличие высокостатусных погребений на могильнике, «вождеское» погребение в составе некрополя, непосредственная близость синхронного «княжеского» погребения высшего порядка, находки на поселении, связанные с ювелирным производством, в том числе изделий из серебра и золота, – все это позволяет предполагать нерядовой характер поселения Дальний (Выдрин) и его населения, вероятнее всего связанного с обслуживанием двора одного из предводителей варварского общества на северной окраине черняховского ареала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди причин слабой исследованности погребального обряда на северной границе можно назвать сложности с выявлением грунтовых безурганных некрополей на местности, так как даже распахиваемая поверхность не всегда позволяет с первого раза обнаружить следы погребений. Подобные памятники обычно обнаруживаются во время строительных или сельскохозяйственных работ либо локализуются по остаткам кремационных погребений на поверхности. Вторым фактором является то, что долгое время в научной среде существовало сложившееся в 1960–1990-х гг. неверное представ-

ление о характере местных памятников поздне римского времени – как преимущественно «раннеславянских», «киевских» либо «киевских с черняховским влиянием». Исходя из этого, поиски могильников велись в поймах рек, на донных возвышениях, оставались без внимания удаленные от рек участки террас. Так, были найдены несколько отдельных погребений и небольших могильников, относящихся ко II–III векам. В 1909 г. Д.Я. Самоквасовым был открыт могильник на дюне у д. Шмырево на Сейме в современном Обоянском районе (Курская обл.) [Самоквасов, 1915], а в 1978 г. Е.А. Горюнов исследовал 2 погребения по обряду кремации на этом же памятнике, после чего констатировал отсутствие объектов, относящихся к черняховскому периоду [Горюнов, 1978, с. 21]. В 1963 г. на Замощанской дюне на р. Суджа в Суджанском районе Ю.А. Липкингом были раскопаны три погребения и прослежены следы еще четырех погребений [Липкин, 1979]. Эти раскопки были плохо документированы, но во всяком случае два комплекса с черняховской круговой посудой на могильнике представлены. В 1960–1970-х гг. в Курской области предпринимались попытки систематического целенаправленного обнаружения могильника, но поиск велся в пойменной части долин, ориентируясь на «раннеславянский» погребальный обряд, аналогичный позднезарубинецко-киевской традиции.

² Следы могильников с кремациями поздне римского времени отмечались на некоторых памятниках, известных по разведкам в Курской и Белгородской областях, однако их достоверное определение как могильников возможно только после более тщательных обследований. Возможно, к черняховскому периоду относились и кремации в урнах с монетами императора Коммода, найденные в Рыльске на горе Синайка до революции [Кропоткин, 1961, с. 45].

³ Половозрастные определения выполнены кандидатом исторических наук И.К. Решетовой (ИА РАН) в рамках комплексного антропологического исследования коллекции.

⁴ А.В. Рассказовой (Центр физической антропологии ИЭА РАН) выполнена антропологическая реконструкция по сохранившемуся черепу (готовится к печати).

⁵ Все они имеют обозначения буквами от А до Р (на плане и в таблицах).

⁶ Выражаем искреннюю благодарность доктору исторических наук М.В. Любичеву (ХГУ им. В.Н. Каразина) за информацию о данной неопубликованной находке.

⁷ Вырезы в кинжале в публикации не прослежены, но, судя по фотографии и характеру расположения находки в погребении, их наличие нельзя исключить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

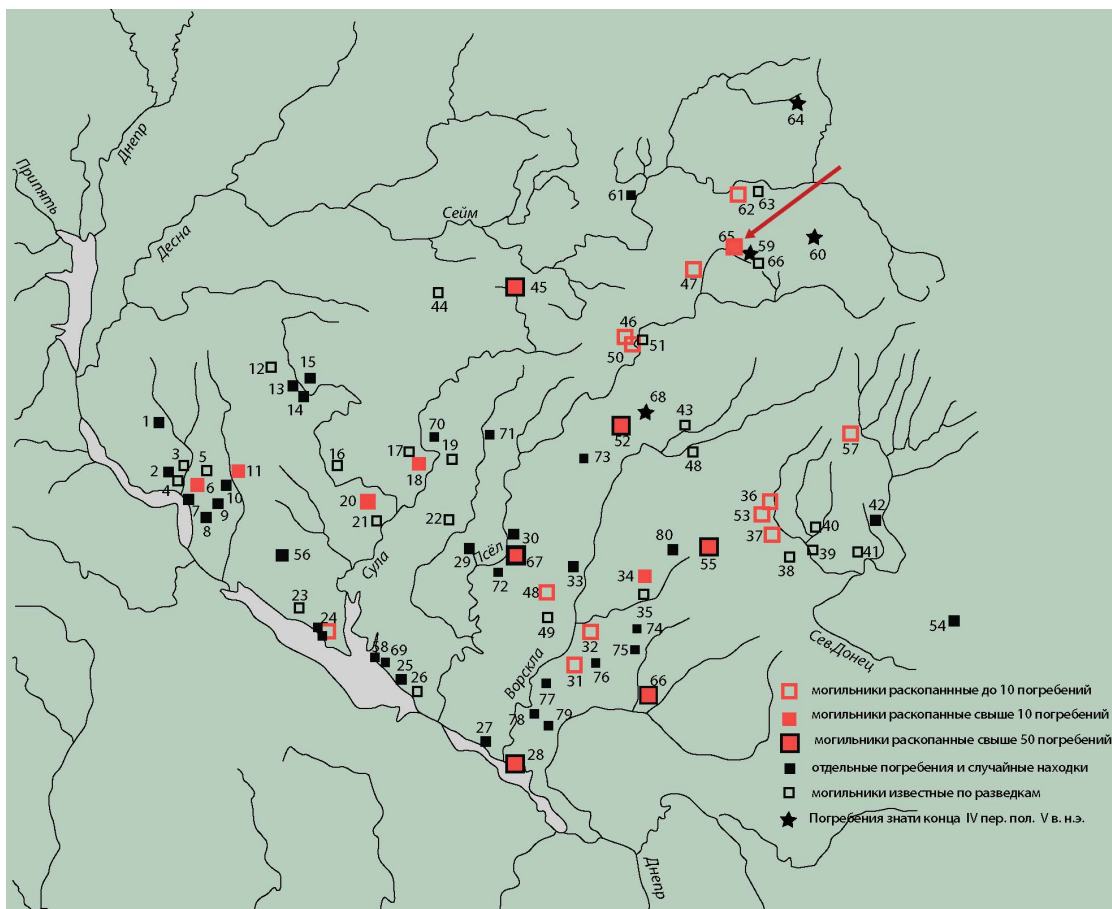

Рис. 1. Могильники и отдельные погребения черняховской культуры и погребения знати раннего этапа эпохи Великого переселения народов на левобережье Днепра и в верховьях Северского Донца:

- 1 – Барышевка; 2 – Цибли; 3 – Гречаники; 4 – Чубуки; 5 – Виненцы; 6 – Переяславль-Хмельницкий; 7 – Стопьяги; 8 – Денисы; 9 – Хоцки; 10 – Малая Каратул'; 11 – Соснова; 12 – Иржево; 13 – Гурбинцы; 14 – Клещи; 15 – Малая Девица; 16 – Белоцерковцы; 17 – Беребинцы; 18 – Лохвица; 19 – Снитин; 20 – Волчек; 21 – Савинский; 22 – Клепачи; 23 – Васютинцы; 24 – Жовнин; 25 – Градизжск; 26 – Максимовка; 27 – Яременки; 28 – Компанийцы; 29 – Ковали; 30 – Барановка; 31 – Писаревка; 32 – Новоселовка; 33 – Ступы; 34 – Кантемировка; 35 – Водяное; 36 – Павлюковка; 37 – Пересечное; 38 – Буды; 39 – Ново-Покровка; 40 – Большая Даниловка; 41 – Мечебелово; 42 – Прелестный; 43 – Березовка; 44 – Великий Самбор; 45 – Успенка; 46 – Сумы; 47 – Замощанская дюна; 48 – Большая Писаревка; 49 – Свинковка; 50 – Сумы (сад); 51 – Сумы; 52 – Боромля; 53 – Родной край 1; 54 – Воронцовка; 55 – Войтенки; 56 – Воронинцы; 57 – Головино 1; 58 – Шушваловка; 59 – Большой Каменец; 60 – Паники; 61 – Рыл'ск (Синайка); 62 – Пены 3; 63 – Дичня; 64 – Волниковка; 65 – Дальний (Выдрин); 66 – Зачепиловка; 67 – Шишаки; 68 – Жигайловка; 69 – Кагамлык; 70 – Зирка; 71 – Ручки; 72 – Ярьски; 73 – Дубяги; 74 – Варваровка; 75 – Климовка; 76 – Огуевка; 77 – Дубина; 78 – Марковка; 79 – Гали (Былки); 80 – Коломак

Fig. 1. Burial grounds and individual burials of the Chernyakhov culture and burials of the nobility of the early stage of the Great Migration of Peoples era on the left bank of the Dnieper and in the upper reaches of the Seversky Donets:

- 1 – Baryshevka; 2 – Tsibli; 3 – Grechaniki; 4 – Chubuki; 5 – Vinentsy; 6 – Pereyaslavl'-Hmel'nitskiy; 7 – Stovpyagi; 8 – Denisy; 9 – Hotski; 10 – Malaya Karatul'; 11 – Sosnova; 12 – Irzhevo; 13 – Gurbintsy; 14 – Kletsy; 15 – Malaya Devitsa; 16 – Belotserkovtsy; 17 – Berebintsy; 18 – Lohvitsa; 19 – Snitin; 20 – Volchek; 21 – Savinskiy; 22 – Klepachi; 23 – Vasyutintsy; 24 – Zhovnin; 25 – Gradizhsk; 26 – Maksimovka; 27 – Yaremenki; 28 – Kompaniytsy; 29 – Kovali; 30 – Baranovka; 31 – Pisarevka; 32 – Novoselovka; 33 – Stupy; 34 – Kantemirovka; 35 – Vodyanoe; 36 – Pavlyukovka; 37 – Peresechnoe; 38 – Budy; 39 – Novo-Pokrovka; 40 – Bol'shaya Danilovka; 41 – Mechebelovo; 42 – Prelestnyy; 43 – Berezovka; 44 – Velikiy Sambor; 45 – Uспенka; 46 – Sumy; 47 – Zamoshchanskaya dyuna; 48 – Bol'shaya Pisarevka; 49 – Svinkovka; 50 – Sumy (sad); 51 – Sumy; 52 – Boromlya; 53 – Rodnoy kray 1; 54 – Vorontsovka; 55 – Voytenki; 56 – Voronintsy; 57 – Golovino 1; 58 – Shushvalovka; 59 – Bol'shoy Kamenets; 60 – Paniki; 61 – Ryl'sk (Sinayka); 62 – Peny 3; 63 – Dichnya; 64 – Volnikovka; 65 – Dal'niy (Vydrin); 66 – Zachepilovka; 67 – Shishaki; 68 – Zhigaylovka; 69 – Kagamlyk; 70 – Zirka; 71 – Ruchki; 72 – Yares'ki; 73 – Dubyagi; 74 – Varvarovka; 75 – Klimovka; 76 – Oguevka; 77 – Dubina; 78 – Markovka; 79 – Gali (Byliki); 80 – Kolomak

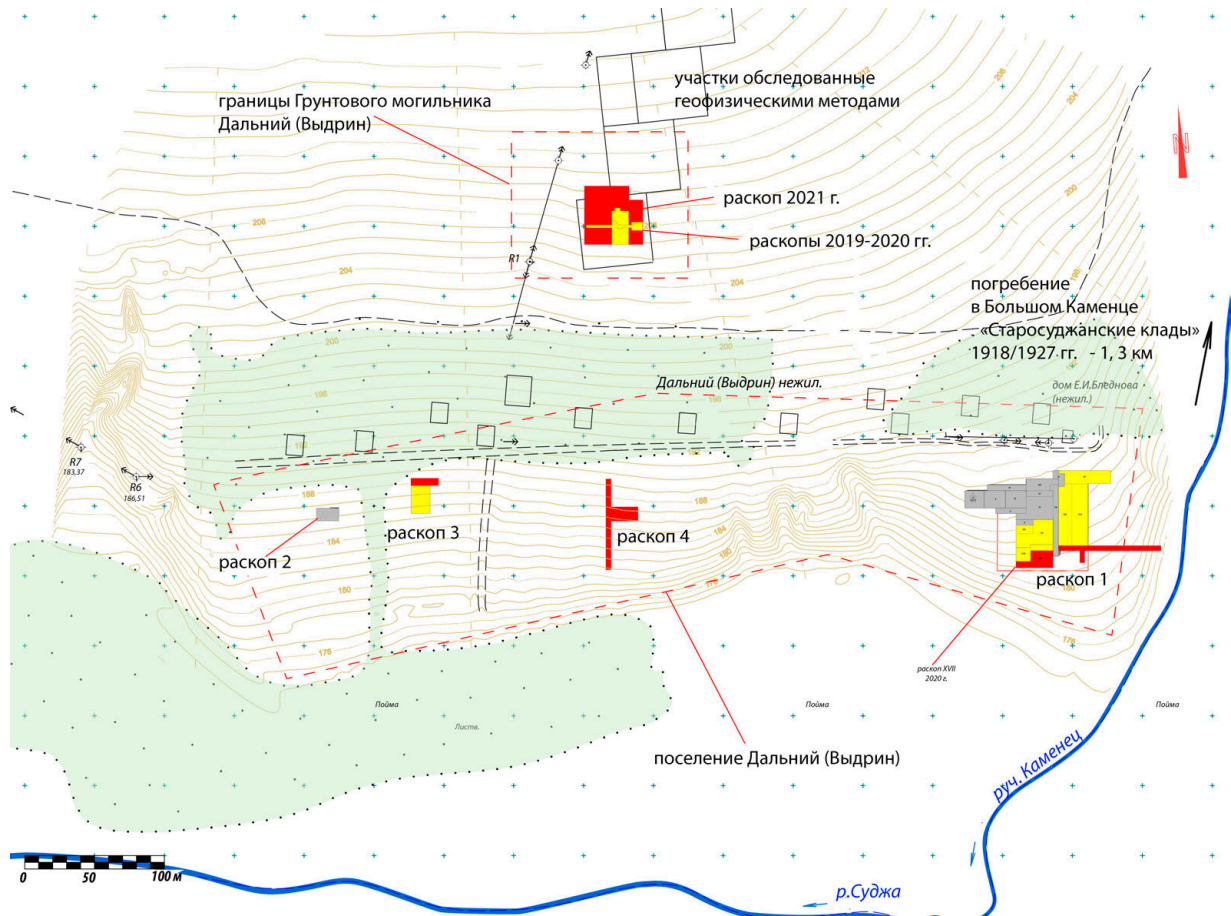

Рис. 2. План поселения и могильника Дальний (Выдрин)
Fig. 2. Plan of the settlement and burial ground Dal'niy (Vydrin)

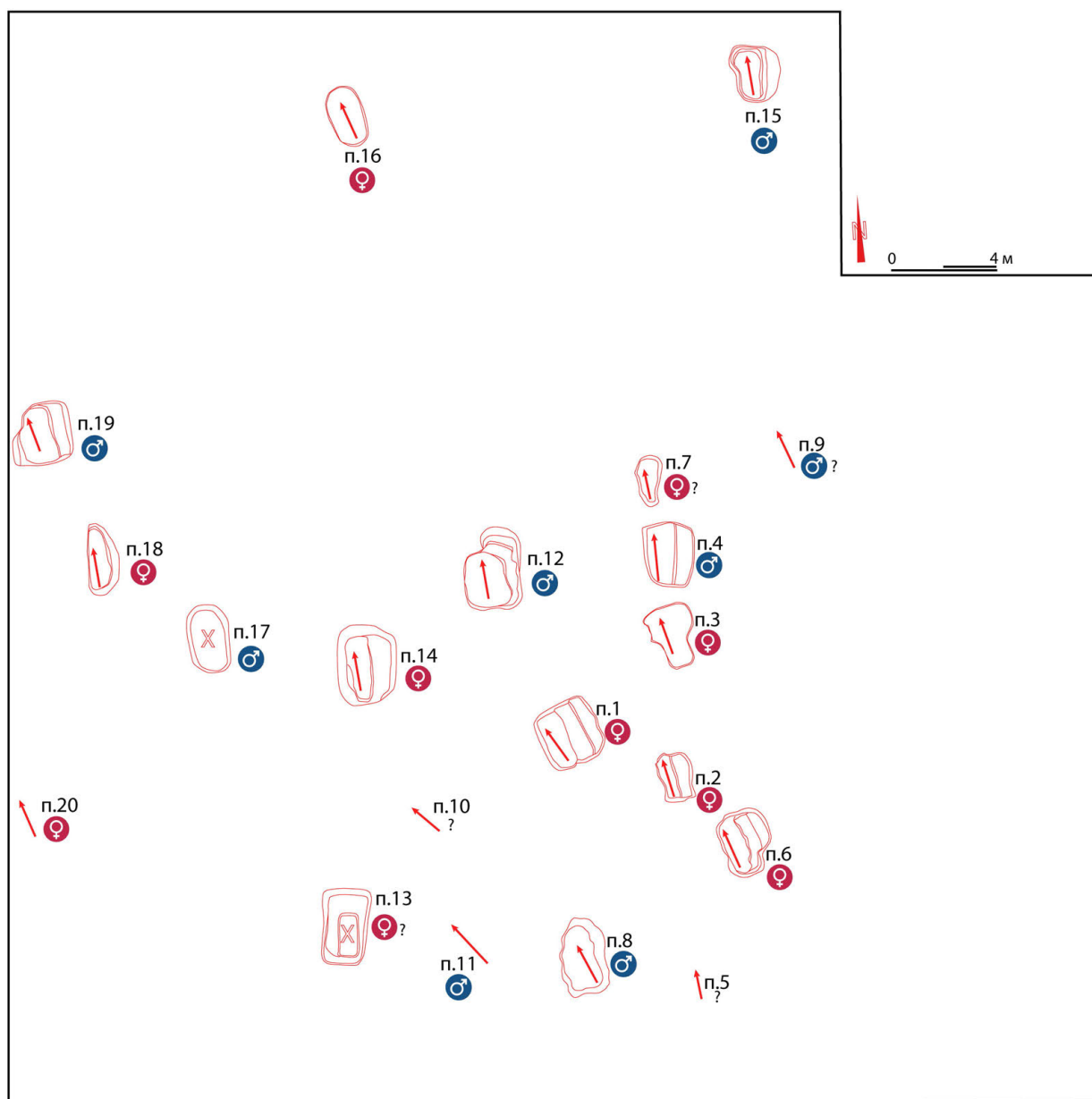

Рис. 3. План раскопанного в 2019–2021 гг. участка могильника Дальний

Fig. 3. Plan of the burial ground Dal'niy excavated in 2019–2021

Рис. 4. Погребение 12:

A–П – керамические сосуды, изготовленные на гончарном круге; *P* – стеклянный кубок; *1* – нож; *3, 4* – иголки; *5* – обоймица от нагайки; *6* – кресало; *7* – фрагмент камня; *8* – янтарная бусина; *9* – гребень; *10* – фибула; *11, 12* – пряжки; *13* – клинок с вырезами; *14* – кольцо для подвешивания ножен

Fig. 4. Burial 12:

A–P – ceramic vessels made on a potter's wheel; *P* – a glass cup; *1* – knife; *3, 4* – needles; *5* – clip from a whip; *6* – fire striker; *7* – fragment of a stone; *8* – amber bead; *9* – comb; *10* – fibula; *11, 12* – buckles; *13* – cutout blade; *14* – ring for hanging the scabbard

Рис. 5. Сопровождающий инвентарь из погребения 12:

1 – гребень (кость, рог); 2, 3 – пряжки; 4 – фибула; 5 – бусина (янтарь); 6, 7 – иглы; 8 – обломок камня; 9 – кресало; 10 – кольцо для крепления ножен (сплав цветного металла); 11 – обоймица от нагайки; 12 – нож (железо)

Fig. 5. Accompanying inventory from burial 12:

1 – comb (bone, horn); 2, 3 – buckles; 4 – fibula; 5 – bead (amber); 6, 7 – needles; 8 – stone fragment; 9 – fire striker; 10 – ring for fastening the scabbard (non-ferrous alloy); 11 – clip from the whip; 12 – knife (iron)

Рис. 6. Клинок с вырезами из погребения 12

Fig. 6. Cutout Blade with from burial 12

Рис. 7. Сосуды, изготовленные на гончарном круге (H, O – миски; M – кувшин, Л – кубок) и стеклянный кубок (P) из погребения 12

Fig. 7. Vessels made on a potter's wheel (H, O – bowls; M – jug; Л – cup) and the glass cup (P) from burial 12

Рис. 8. Сосуды, изготовленные на гончарном круге (А, В, И, К – горшки; Б, Г, Д, Е, Ж, З – миски) из погребения 12

Fig. 8. Vessels made on a potter's wheel (A, B, I, K – pots; B, G, D, E, Ж, З – bowls) from burial 12

Рис. 9. Ваза, изготовленная на гончарном круге из погребения 12
Fig. 9. The vase made on a potter's wheel from the burial 12

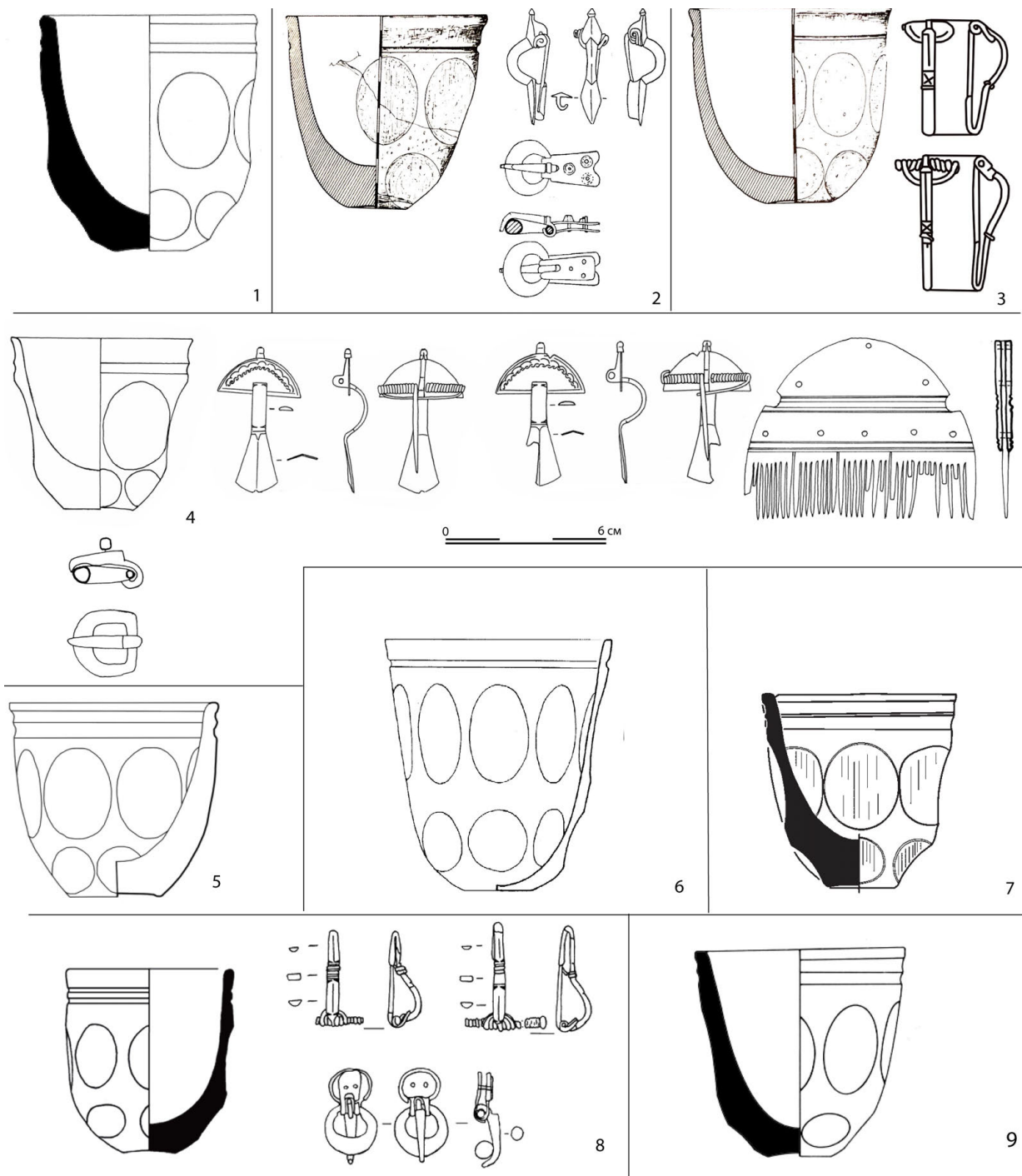

Рис. 10. Аналогии кубку из погребения 12:

1 – Боррбю; 2 – Миоркань (погр. 1); 3 – Текуч (погр. 8); 4 – Никитень (погр. 18); 5 – Барча (погр. 23);
6 – Лазо (погр. 36); 7 – Оселивка (погр. 86); 8 – Войтенки (погр. 86/2); 9 – Родал

Fig. 10. Analogies to the glass cup from burial 12:

1 – Borrby; 2 – Miorcani (burial 1); 3 – Tecuci (burial 8); 4 – Nichiteni (burial 18); 5 – Barcea (burial 23);
6 – Lazo (burial 36); 7 – Oselivka (burial 86); 8 – Voytenki (burial 86/2); 9 – Rådal Rolvsoy

Рис. 11. Находки кубков:

1 – Боррбю; 2 – Миоркань; 3 – Текуч; 4 – Никитень; 5 – Барча; 6 – Лазо; 7 – Оселивка; 8 – Войтенки;
9 – Дальний (Выдрин); 10 – Родал

Fig. 11. Areas of the cups discovery:

1 – Borby; 2 – Miorcani; 3 – Tecuci; 4 – Nichiteni; 5 – Barcea; 6 – Lazo; 7 – Oselivka; 8 – Voytenki;
9 – Dal'niy (Vydrin); 10 – Rådal Rolvsøy

Рис. 12. Находки клинков с вырезами (по: [Левада, 2013, рис. 2,4; Радюш, 2014б, рис. 2, с доп.]):

- 1 – Горбуновка; 2 – Городок / Николаевка; 3 – Дрегенешть; 4 – Калиновка; 5 – Каменские Кучугуры; 6 – Карашина; 7 – Галушино (Пастырское); 8 – Картамышево / Каменка; 9 – Виноградовка / Курчи; 10 – Мотронинское; 11 – Пены; 12 – Рудь; 13 – Сенча; 14 – Сквородиновка; 15 – Флерковка; 16 – Ясы-Николина; 17 – Хотень; 18 – Чилиене; 19 – Петроаселе; 20 – Южноукраинск / Грибова скала; 21 – Красивая Меча; 22 – Рождественский V; 23 – Седнев; 24 – Сувлу-Кая; 25 – Алма-Кермен; 26 – Килен-Балка; 27 – Совхоз-10; 28 – Инкерман; 29 – Вишневое; 30 – Суворово; 31 – Озерное; 32 – Ай-Тодор; 33 – Лучистое; 34 – Чатыр-Даг; 35 – Заречье; 36 – Дружное; 37 – Опушки; 38 – Нейзац; 39 – Феодосия; 40 – Заморское; 41 – Сиреневая Бухта; 42 – Керчь-Глинище; 43 – Керчь; 44 – Новокорсунская; 45 – Пашковский; 46 – Сопка Героев; 47 – Молдовановское; 48 – Дюрсо; 49 – Борисово; 50 – Бжид; 51 – Сопино; 52 – Агой-Карповка; 53 – Туапсе; 54 – Курджипский; 55 – Вольный Аул; 56 – Кишпек; 57 – Моздок; 58 – Черноречье-1; 59 – Лехч-Корт; 60 – Харачой; 61 – Большой Буйнакский; 62 – Дербент; 63 – Северо-Восточный; 64 – Рим-Гора; 65 – Лимберк над Велико Рачно; 66 – Кестхей-Фенекпушта; 67 – Веспрем; 68 – Дунай; 69 – Ясберень-Селедюле; 70 – Ясберень; 71 – Чонград-Кендерфолдек; 72 – Миция; 73 – Новочеркасск; 74 – Сент-Ливрад-сюр-Ло; 75 – Флан-сюр-Сен; 76 – Кемеровская обл.; 77 – Лимаревка; 78 – Бельбек IV; 79 – Терновка 2; 80 – Динской; 81 – Деметра II; 82 – Севский район; 83 – Биляр; 84 – Змейское; 85 – Дальний (Выдрин)

Fig. 12. Areas of cutout blades discovery (after: [Levada, 2013, fig. 2,4; Radyush, 2014b, fig. 2, with add.]):

- 1 – Gorbunovka; 2 – Gorodok / Nikolaevka; 3 – Drăgănești; 4 – Kalinovka; 5 – Kamenskie Kuchugury; 6 – Karashina; 7 – Galushchino (Pastyrskoe); 8 – Kartamyshevo / Kamenka; 9 – Vinogradovka / Kurchi; 10 – Motroninskoe; 11 – Peny; 12 – Rud'; 13 – Sencha; 14 – Skovorodinovka; 15 – Flerkovka; 16 – Yasy-Nikolina; 17 – Hoten'; 18 – Chiliene; 19 – Petroasele; 20 – Yuzhnoukrainsk / Gribova skala; 21 – Krasivaya Mecha; 22 – Rozhdestvenskiy V; 23 – Sednev; 24 – Suvlu-Kaya; 25 – Alma-Kermen; 26 – Kilen-Balka; 27 – Sovhoz-10; 28 – Inkerman; 29 – Vishnevoe; 30 – Suvorovo; 31 – Ozernoe; 32 – Ay-Todor; 33 – Luchistoe; 34 – Chatyr-Dag; 35 – Zarech'e; 36 – Druzhnoe; 37 – Opushki; 38 – Neyzats; 39 – Feodosiya; 40 – Zamorskoe; 41 – Sirenevaya Buhta; 42 – Kerch'-Glinishche; 43 – Kerch'; 44 – Novokorsunskaya; 45 – Pashkovskiy; 46 – Sopka Geroev; 47 – Moldovanovskoe; 48 – Dyurso; 49 – Borisovo; 50 – Bzhid; 51 – Sopino; 52 – Agoy-Karpovka; 53 – Tuapse; 54 – Kurdzhipskiy; 55 – Vol'nyy Aul; 56 – Kishpek; 57 – Mozdok; 58 – Chernorech'e-1; 59 – Lekhch-Kort; 60 – Harachoy; 61 – Bol'shoy Buynakskiy; 62 – Derbent; 63 – Severo-Vostochnyy; 64 – Rim-Gora; 65 – Limberk nad Veliko Rachno; 66 – Keszthely-Fenekpuszta; 67 – Veszprém; 68 – Dunay; 69 – Jászberény-Seledyule; 70 – Jászberény; 71 – Csongrád-Kenderfoldek; 72 – Miciya; 73 – Novochoerkassk; 74 – Sainte-Livrade-sur-Lot; 75 – Flins-sur-Seine; 76 – Kemerovskaya obl.; 77 – Limarevka; 78 – Bel'bek IV; 79 – Ternovka 2; 80 – Dinskoy; 81 – Demetra II; 82 – Sevskiy rayon; 83 – Bilyar; 84 – Zmeyskoe; 85 – Dal'niy (Vydrin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1999. Боспорские исследования. Supplementum 14. Симферополь ; Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ. 400 с.
- Васильев А. А., Дзиговский А. Н., 2001–2002. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // *Stratum plus*. № 4. С. 315–334.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1971. Могильники сарматской эпохи на горе Лехч-Корт // *Советская археология*. № 1. С. 171–180.
- Волошинов В. В., Масыкин В. В., 2016. Германские элементы из некрополя Сувлука // XVI Боспорские чтения : Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь : Науч.-исслед. центр истории и археологии Крыма Крымского ФУ им. В.И. Вернадского. С. 119–126.
- Гейко А. В., Рейда Р. М., Сапегін С. В., 2016. Науково-рятгівні розкопки Шишацького могильника // *Старожитності Лівобережного Подніпров'я* – 2016. Київ : ЦП НАНУ. С. 140–149.
- Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев : ИА НАНУ. 251 с.
- Гопкало О. В., 2010. К периодизации могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии // *Stratum plus*. № 4. С. 211–222.
- Гопкало О. В., 2011. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // *Черняхівська культура : матеріали і дослідження*. ОІУМ. № 1. Київ ; Луцьк : ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 66–96.
- Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев : Наукова думка. С. 36–46.
- Горюнов Е. А., 1978. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1978 году // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 7183.
- Диденко С. В., 2014. Хронология светлоглиняных узкогорлых амфор типов Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов) // *Черняхівська культура : до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова*. ОІУМ. № 4. Київ : ІО НПУ Драгоманова. 236 с.
- Дмитриев А. В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // *Советская археология*. № 4. С. 212–231.
- Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // *Археологические исследования в Крыму*. 1994 год. Симферополь : Крым. фил. ИА. С. 102–116.
- Иштванович Э., Кульчар В., 2009. Мечи / кинжалы с боковыми вырезами в карпатском бассейне // *Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 143–151.
- Контны Б., Савеля Д. Ю., 2006. Вооружение из могильника в Килен-балке // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XII, ч. 1. Симферополь : Крым. отд-ние ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского. С. 129–160.
- Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. САИ. Вып. Г4-4. М. : Изд-во АН СССР. 119 с.
- Левада М. Е., 2006. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. VII Боспорские чтения. Керчь : Керченська міська друкарня. С. 192–199.
- Левада М. Е., 2013. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // *Крым в сарматскую эпоху*. II в. до н.э. – IV в. н.э. Т. 1. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 171–187.
- Левинский А. Н., 1999. Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове // *Stratum plus*. № 4. С. 121–166.
- Липкинг Ю. А., 1979. Замощанская дюна под Суджей // *Могильники черняховской культуры*. М. : Наука. С. 5–8.
- Любичев М. В., 2019. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков : в 2 т. Харьков : Естет-принт. Т. 1. – 268 с. ; Т. 2. – 368 с.
- Любичев М. В., Мызгин К. В., 2014. Южная граница ареала черняховской культуры в Днепро-Донецкой лесостепи: современные представления // *Черняхівська культура*. ОІУМ. № 4. Київ : ІА НАНУ. С. 58–71.
- Магомедов Б. В., 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // *Археологія*. Вып. 12. С. 80–87.

- Магомедов Б. В., 1999. Черняховский могильник Курники на Южном Буге // *Stratum plus*. № 4. С. 102–120.
- Магомедов Б. В., Диденко С. В., 2009. Краснолаковая керамика в черняховской культуре // *Боспорские исследования*. Вып. XXI. Симферополь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». С. 320–349.
- Мастыкова А. В., 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // *Сто лет черняховской культуре*. Киев : Т-во Археології та Антропології. С. 171–202.
- Масякин В. В., 2016. Германские элементы из некрополя Сувлу-Кая // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь : НИЦ истории и археологии Крыма ; ЦАИ БФ «Деметра». С. 119–126.
- Мацулевич Л. А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. Известия ГАИМК. Вып. 118. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во. 131 с.
- Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского левобережья // *Готы и Рим*. Киев : Стилюс. С. 87–200.
- Никитина Г. Ф., 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // *Могильники черняховской культуры*. М. : Наука. С. 5–97.
- Никитина Г. Ф., 1995. Анализ археологических источников могильника Черняховской культуры у села Оселивка. М. : Наука. 230 с.
- Никитина Г. Ф., 2008. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М. : ТАУС. 448 с.
- Обломский А. М., 2001–2002. Новый черняховский памятник на территории России // *Stratum plus*. № 5. С. 27–52.
- Петраускас О. В., 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // *Археологія і давня історія України*. Вип. 2. Киев : ІА НАНУ. С. 191–208.
- Радюш О. А., 2010. Поселение черняховской культуры у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) // *Germania-Sarmatia*. Vol. II. Курск ; Калининград : КГОМА – КОИХМ. С. 111–145.
- Радюш О. А., 2011. Могильник у пос. им. К. Либкнехта // *Черняхівська культура : матеріали досліджень*. ОІУМ. № 1. Киев : ІА НАНУ. С. 233–242.
- Радюш О. А., 2014а. «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Верхнем Поднепровье: новые исследования и находки // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 234. С. 234–251.
- Радюш О. А., 2014б. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // *Stratum plus*. № 4. С. 231–245.
- Радюш О. А., 2015. Исследования памятников рубежа поздней античности и раннего средневековья (III–V вв. н.э.) в верховьях реки Суджа // *Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре*. Курск : КГУ. С. 18–39.
- Радюш О. А., 2017. Исследования у деревни Большой Каменец (Курская область) // *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований*. Вып. 19. М. : ИА РАН. С. 152–157.
- Радюш О. А., 2018. Львовско-Фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях р. Сейм (Курская обл., Россия) // *Studia Barbarica. Professorovi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin*. T. I. Lublin : UMCS. S. 570–591.
- Радюш О. А., 2019. Северо-восточное пограничье черняховской культуры в России // *Новые археологические проекты: воссоздавая прошлое*. М. : ИА РАН. С. 120–121.
- Рейда Р. Н., Гейко А. В., 2014. Кувшины «левобережного» типа // *Материалы межрегион. науч. конф. «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвящ. 125-летию первых археол. раскопок под эгидой ИАК в Липецком крае (б. Задонском уезде Воронежской губернии) (20–22 декабря 2013 г., г. Липецк)*. Липецк : ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 379–385.
- Самоковасов Д. Я., 1915. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М. : Синодальная тип. 40 с.
- Сокольский Н. И., 1954. Боспорские мечи // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. МИА. № 33. М. : Наука. С. 123–196.
- Старостин П. Н., 2009. Рождественский V могильник // *Археология Евразийских степей*. Вып. 9. Казань : Ин-т истории АН РТ. 144 с.

- Сымонович Э. А., 1955. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья // Советская археология. Вып. XXIV. С. 282–316.
- Хайрединова Э. А., 1999. Костюм варваров V в. по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев : Т-во Археології та Антропології. С. 203–231.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное. Lublin : UMCS. 314 s.
- Храпунов И. Н., 2010. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączuńskiej w 65. rocznicę urodzin. Łódz ; Warszawa : Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego ; Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego ; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica ; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. S. 535–555.
- Шаров О. В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Петербургский археологический вестник. Вып 1. СПб. : Ойум. С. 158–207.
- Шишкин Р. Г., 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Киев : ІА НАНУ. С. 244–245.
- Шульце Э., Любичев М., 2012. Хронология могильника черняховской культуры Войтенки 1 (Восточная Украина) (по материалам раскопок 2005–2009 гг.) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 407–463.
- Czarnecka K., 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich // Wiadomości Archeologiczne. T. LXI. Warszawa : Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. S. 111–135.
- Ciobotaru P., 2013. Necropola de la Tecuci, fabrica de ambale metalice // Danubius XXXI. Supliment. In Honorem Nicu Mircea Septuagenarii. Studii și Cercetări privind Arheologia Spațiului Nord-Vest Pontic. Galați : Muzeul de istoria Galați. P. 273–300.
- Gomolka-Fuchs G., 1999. Glaser der Sintana de Mureș-Cernjachov-Kultur aus Rumänien und der Republik Moldavien // Die Sintana de Mures-Cernjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Bonn : R.Habelt. S. 129–142.
- Gorokhovskiy E., 1992. The Nomad of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages // Death and Burial. Pre-printed Papers. Vol. 4. York. P. 145–150.
- Ionița I., 1974. Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani (jud. Botoșani) // Cercetări istorice. Vol. V. P. 81–97.
- Kokowski A., 1996. O tak zwanych blaszanych fidulach z polokragla plyta na glowce i rombowa nozka // Studia Gothica I. Lublin : UMCS. S. 153–184.
- Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. Nordiske Fortidsminder. Bd. 10. København : Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 488 S.
- New Archaeological Discoveries in South-Eastern Transylvania (Exhibition Catalogue), 2003. Covasna : ANGVSTIA. 88 p.
- Rau G., 1972. Körpergraber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 3. Berlin : Verlag Marie Leidorf. S. 109–214.
- Rau G., 1975a. Spätantike Glasfunde im Karpatenraum // Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Aufsätze und Forschungsberichte. Marburg-Lahn. S. 464–485.
- Rau G., 1975b. Spätkaiserzeitliche glasbecher vom typ Sakrau II aus der Moldau // Archaologisches Korrespondenzblatt. Vol. 5. Mainz am Rhein : RGZM. S. 139–141.
- Rau G., 2008. Spätantike Facettschliffgläser in Nord- und Osteuropa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 40. Berlin : Verlag Marie Leidorf. S. 221–240.
- Șovan O.L., 2005. Necropola de tip Sântana de Mureș – Černeachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani). Târgoviște : Cetatea de Scaun. 354 p.
- Șovan O.L., 2011. Necropola din secolele IV–V de la Nichiteni (com. Cotosca, jud. Botosani) // Acta Musei Tutovens. Vol. 6. P. 67–76.
- Straume E., 1987. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Universitetsförlaget. Serie B. Skrifter LXXIII. Oslo : Universitetsförlag. 158 S.
- Țau S., Nicu M., 2010. Accesorii vestimentare, fibule din necropola de la Barcea cultura Sântana de Mureș-Černjachov, secolul al IV-lea d. Chr. // Acta Musei Tutovens. Vol. V. P. 99–115.
- Țau S., Nicu M., 2011. Obiecte de toaletă. Piepteni din necropola birituală de secol IV D. Chr. De la Barcea // Acta Musei Tutovens. Vol. VI. P. 62–72.

- Țau S., Nicu M., 2012. Accesorii vestimentare catarama din necropola de tip Sântana de Mureș-Černeahov de la Barcea secolul al IV-lea d. Chr. Acta Musei Tutovensis. Vol. VII. Bârlad : Editura Sfera. P. 62–72.
- Țau S., Nicu M., 2013. Recipiente de sticlă. Necropola birituală de la Barcea (secolul IV d. Hr.) (jud. Galați) // Acta Musei Tutovensis. Vol. VIII. P. 62–72.
- Tejral J., 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frumittelalter. Krakov : Secesja. S. 227–247.

REFERENCE

- Aibabin A.I., Haireidinova E.A., 2014. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995*. [Cemetery near the Village of Luchistoe. Vol. II. Excavations 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Bosporskie issledovaniya. Supplementum 14. Simferopol', Kerch', Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine NANU. 400 p.
- Vasiliev A.A., Dzigovski A.N., 2001–2002. Eshchyo raz k hronologii pozdneyshih sarmatskih drevnostey Budzhaka [Another Approach Towards Chronology of the Latest Sarmatian Antiquities of Budjak]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 315-334.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1971. Mogil'niki sarmatskoy epohi na gore Lekhch-Kort [Cemeteries of the Sarmatian Era on Mount Lekhch-Kort]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 171-180.
- Voloshinov V.V., Masyakin V.V., 2016. Germanskie elementy iz nekropolya Suvlukaya [Germanic Elements from the Suvlu-kaya Necropolis]. *XVI Bosporskie chteniya: Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* [XVI Bosphorus Readings: Cimmerian Bosphorus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research]. Kerch', Research Center for the History and Archeology of the Crimea of the Vernadsky CFU, pp. 119-126.
- Geyko A.V., Reyda R.M., Sapegin S.V., 2016. Naukovo-ryativni rozkopki Shishac'kogo mogil'nika [Scientific and Rescue Excavations of the Shishatsky Cemetery]. *Starozhittnosti Livoberezhnogo Podniprov'ya 2016* [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper Region 2016]. Kiev, Center of National Academy of Sciences, pp. 140-149.
- Gopkalo O.V., 2008. *Busy i podveski chernyahovskoy kul'tury* [Beads and Pendants of the Chernyakhov Culture]. Kiev, IANANU. 251 p.
- Gopkalo O.V., 2010. K periodizatsii mogil'nika Sloboziya-Kishkeren' v Bessarabii [Towards Periodization of Slobozia-Chișcăreni Necropolis from Bessarabia]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 211-222.
- Gopkalo O.V., 2011. Otnositel'naya hronologiya muzhskih pogrebeniy chernyahovskoy kul'tury. K postanovke problemy [Relative Chronology of Male Burials of the Chernyakhov Culture. Formulation of the Problem]. *Chernyahivs'ka kul'tura: materialy i doslidzhennya* [Chernyakhov Culture: Materials and Research]. OIUM, no. 1. Kiev; Luts'k; IIO NPU im. M.P. Dragomanova, pp. 66-96.
- Gorohovskiy E.L., 1988. Hronologiya chernyahovskih mogil'nikov Lesostepnoy Ukrainy [Chronology of the Chernyakhov Cemeteries in the Forest-Steppe Ukraine]. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov-slavistov* [Proceedings of the 5th International Congress of Slavic Archaeologists], vol. 4. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 36-46.
- Goryunov E.A., 1978. *Otchet o rabote Dneprovskoy levoberezhnoy ekspeditsii Leningradskogo otdeleniya Instituta arheologii AN SSSR v 1978 godu* [Report on the Work of the Dnieper Left-Bank Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences in 1978]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 7183.
- Didenko S.V., 2014. Hronologiya svetloglinyanyh uzkororlyh amfor tipov Spelov D i F (po materialam pogrebal'nyh kompleksov) [Chronology of Light Clay Narrow-Necked Amphorae of Shelov D and F Types (Based on the Materials of Burial Complexes)]. *Chernyahivs'ka kul'tura: do 120-richchya vid dnya narodzhennya V.P. Petrova* [Chernyakhiv Culture: To the 120th Anniversary of the Birth of V.P. Petrova]. OIUM, no. 4. Kiev, IANANU. 236 p.
- Dmitriev A.V., 1979. Pogrebeniya vsadnikov i boevykh koney v mogil'nike epohi pereseleniya narodov na r. Dyurso bliz Novorossiyska [The Burials of Horsemen and Battle Horses in the Cemetery at the Durso River near Novorossiysk]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 212-231.
- Zaytsev Y.P., 1997. Ohrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bahchisarayskom rayonah [Security Research in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisaray Regions]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [Archaeological Research in the Crimea. 1994]. Simferopol, Crimean Branch of IA, pp. 102-116.

- Istvánovits E., Kulcsár V., 2009. Mechi / kinzhaly s bokovymi vyrezami v karpatskom basseyne [Swords/Daggers with Side Cuts in the Carpathian Basin]. *Gunny, goty, sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem* [Huns, Goths, Sarmatians Between the Volga and the Danube]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, pp. 143-151.
- Kontny B., Savelya D. Yu., 2006. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-balke [Armament from the Burial Ground in Kilenbalk]. *Materialy po istorii, archeologii i etnografii Tavrii* [Materials on the History of Archaeology and Ethnography of Tavria], iss. XII, pt. 1. Simferopol, Crimean Branch of Institute of Orient Science, pp. 129-160.
- Kropotkin V.V., 1961. *Klady rimskih monet na territorii SSSR* [Hoards of Roman Coins on the Territory of the USSR]. Svod Archeologicheskikh istochnikov, iss. Г4-4. Moscow, AS USSR. 119 p.
- Levada M.E., 2006. Kinzhaly tipa Hazanov-V v Srednem Podneprov'e [Daggers of the Khazanov-V Type in the Middle Dnieper]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. VII Bosporskie chteniya* [Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. VII Bosporan Readings]. Kerch, Kerchens'ka mis'ka drukarnya Publ., pp. 192-199.
- Levada M.E., 2013. O vliyani alanskikh voennykh traditsiy na vostochnogermanskije narody [On the Influence of the Alanian Military Traditions on the East German peoples]. *Krym v sarmatskuyu epohu. II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Crimea in the Sarmatian Era. II Century BC – IV Century AD], vol. 1. Simferopol, Bakhchisaray, Dolya Publ., pp. 171-187.
- Levinski A.N., 1999. Lazo – mogil'nik final'noy fazy chernyahovskoy kul'tury v Moldove [Lazo, a Cemetery of the Late Phase of the Chernyakhov Culture in Moldova]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 121-166.
- Lipking Y.A., 1979. Zamoshchanskaya dyuna pod Sudzhey [Zamoshchanskaya Dune near Sudzha]. *Mogil'niki chernyahovskoy kul'tury* [Cemeteries of the Chernyakhov Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-8.
- Lyubichev M.V., 2019. *Rannyyaya istoriya dnepro-doneckoy lesostepi I–V vekov* [Early History of the Dnieper-Donets Forest-Steppe of the 1st – 5th Centuries]. In 2 Vol. Kharkiv, Estet-Print Publ. Vol. 1, 268 p.; vol. 2, 368 p.
- Lyubichev M.V., Myzgin K.V., 2014. Yuzhnaya granitsa areala chernyahovskoy kul'tury v Dnepro-Donetsko-lesostepi: sovremennyye predstavleniya [The Southern Border of the Chernyakhiv Culture Area in the Dnieper-Donetsk Forest-Steppe: Modern Ideas]. *Chernyahivs'ka kul'tura* [Chernyakhov Culture]. OIUM, no. 4. Kiev, IANANU, pp. 58-71
- Magomedov B.V., 1973. Do vivchennya chernyahivs'kogo goncharnogo posudu [To the Study of Chernyakhiv Pottery]. *Arkheolohiya* [Archeology], iss. 12, pp. 80-87.
- Magomedov B.V., 1999. Chernyahovskiy mogil'nik Kurniki na Yuzhnom Buge [The Chernyakhov Cemeteries Kurniki on South Boug]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 102-120.
- Magomedov B.V., Didenko S.V., 2009. Krasnolakovaya keramika v chernyahovskoy kul'ture [Red-Lacquer Ceramics in the Chernyakhov Culture]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], vol. XXI. Simferopol, Crimean Branch of Institute of Orient Science, CAI of the Demetra Foundation, pp. 320-349.
- Mastykova A.V., 1999. O rasprostraneni yantarnykh gribovidnykh bus-podvesok pozdnerimskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy i v Zakavkaz'e [On the Distribution of Amber Mushroom-Shaped Beads-Pendants of the Late Roman Period in the South of Eastern Europe and in Transcaucasia]. *Sto let chernyahovskoy kul'ture* [One Hundred Years of Chernyakhov Culture]. Kiev, Association of Archaeologists and Anthropologists, pp. 171-202.
- Masyakin V.V., 2016. Germanskie elementy iz nekropolya Suvlu-Kaya [Germanic Elements from the Suvlu-Kaya Necropolis]. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* [XVII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research]. Kerch, Research Center for the History and Archeology of Crimea; CAI of the Demetra Foundation, pp. 119-126.
- Matsulevich L.A., 1934. *Pogrebenie varvarskogo knyazya v Vostochnoy Evrope. Novye nahodki v verhov'e reki Sudzhi* [Burial of a Barbarian Prince in Eastern Europe. New Finds in the Upper Reaches of the Sudzha River]. *Izvestiya GAIMK*, iss. 118. Moscow, Leningrad, Gos. soc.-ekon. izd-vo. 131 p.
- Nekrasova A.N., 2006. Pamyatniki chernyahovskoy kul'tury Dneprovskogo levoberezh'ya [Monuments of the Chernyakhov Culture of the Dnieper Left Bank]. *Goty i Rim* [Goths and Rome]. Kiev, Stylos Publ., pp. 87-200.
- Nikitina G.F., 1988. Mogil'nik u s. Oselivka Kel'menetskogo rayona Chernovitskoy oblasti [Graveyard in the Village Oselivka of the Kelmenets District of the Chernivtsi Region]. *Mogil'niki chernyahovskoy kul'tury* [Cemeteries of the Chernyakhov Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-97.

- Nikitina G.F., 1995. *Analiz arheologicheskikh istochnikov mogil'nika Chernyahovskoy kul'tury u sela Oselivka* [Analysis of the Archaeological Sources of the Burial Ground of the Chernyakhov Culture near the Village of Oselivka]. Moscow, Nauka Publ. 230 p.
- Nikitina G.F., 2008. *Chernyahovskaya kul'tura Podnestrov'ya (po rezul'tatam analiza arheologicheskikh istochnikov)* [Chernyakhov Culture of the Dniester Region (Based on the Analysis of Archaeological Sources)]. Moscow, TAUS Publ. 448 p.
- Oblomskii A.M., 2001–2002. Novyy chernyahovskiy pamyatnik na territorii Rossii [A New Chernyakhov Site in Russia]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 27-52.
- Petrauskas O.V., 2010. Fibuli «voins'kogo tipu» chernyahiv's'koi kul'turi (za materialami pam'yatok Ukraïni) [Fibulae of the “Warrior Type” of the Chernyakhiv Culture (Based on the Materials of Monuments of Ukraine)]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy* [Archeology and Ancient History of Ukraine], vol. 2. Kiev, IA NASU, pp. 191-208.
- Radyush O.A., 2010. Poselenie chernyahovskoy kul'tury u pos. im. Karla Libknekhta (Peny) [The Settlement of Chernyakhov Culture at the Karl Libknecht (Peny) Town in the Kursk Region]. *Germania-Sarmatia*, vol. II. Kursk, Kaliningrad, Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arheologii – Kaliningradskiy oblastnoy istoriko-khudozhestvennyy muzey, pp. 111-145.
- Radyush O.A., 2011. Mogil'nik u pos. im. K. Libknekhta [Burial Ground near the Village named after K. Libknecht]. *Chernyahiv's'ka kul'tura: materialy doslidzhen'* [Chernyakhiv Culture: Research Materials]. OIUM, no. 1. Kiev, IA NASU, pp. 233-242.
- Radyush O.A., 2014a. «Knyazheskaya» i «vozhdeskaya» kul'tura nachala V veka v Verhnem Podneprov'e: novye issledovaniya i nahodki [“Princely” and “Leadership” Culture of the Beginning of the 5th Century in the Upper Dnieper Region: New Research and Findings]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 234, pp. 234-251.
- Radyush O.A., 2014b. O severnoy granitse rasprostraneniya tak nazyvaemykh «kinzhalov s vyrezami» [On the Northern Extremity of So-Called Daggers with Cutouts]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 231-245.
- Radyush O.A., 2015. Issledovaniya pamyatnikov rubezha pozdney antichnosti i rannego srednevekov'ya (III–V vv. n.e.) v verhov'yah reki Sudzha [Studies of Monuments at the Turn of Late Antiquity and the Early Middle Ages (III–V Centuries AD) in the Upper Reaches of the Sudzha River]. *Sudzha i sudzhane v otechestvennoy i zarubezhnoy istorii i kul'ture* [Sudzha and Sudzhane in Domestic and Foreign History and Culture]. Kursk, KSU, pp. 18-39.
- Radyush O.A., 2017. Issledovaniya u derevni Bol'shoy Kamenets (Kurskaya oblast') [Research near the Village of Bolshoy Kamenets (Kursk Region)]. *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016* [Cities, Settlements, Necropolises. Excavations 2016]. Materialy spasatel'nykh arheologicheskikh issledovaniy [Materials of Rescue Archaeological Research], iss. 19. Moscow, IA RAS, pp. 152-157.
- Radyush O.A., 2018. L'govsko-Fatezhskaya gruppa pamyatnikov finala chernyahovskoy kul'tury v verhov'yah r. Seym (Kurskaya obl., Rossiya) [Lgovsko-Fatezhskaya Group of Sites of the Final Chernyakhov Culture in the Upper Reaches of the River Seim (Kursk Region, Russia)]. *Studia Barbarica. Professorovi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin*, vol. I. Lublin, UMCS, S. 570-591.
- Radyush O.A., 2019. Severo-vostochnoe pogranič'e chernyahovskoy kul'tury v Rossii [Northeastern Borderland of the Chernyakhov Culture in Russia]. *Novye arheologicheskie proekty: vossozdavaya proshloe* [New Archaeological Projects: Recreating the Past]. Moscow, IA RAS, pp. 120-121.
- Reyda R.N., Geyko A.V., 2014. Kuvshiny «levoberezhnogo» tipa [Jugs of the “Left-Bank” Type]. *Materialy mezhtregion. nauch. konf. «Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: poiski, nahodki, problemy», posvyashch. 125-letiyu pervykh arheol. raskopok pod egidoy IAK v Lipetskom krae (b. Zadonskom uezde Voronezhskoy gubernii) (20–22 dekabrya 2013 g., g. Lipetsk)* [Materials of the Interregional Scientific Conference “Archeology of the Eastern European Forest-Steppe: Searches, Finds, Problems”, dedicated 125th Anniversary of the First Archaeological Excavations Under the Auspices of the IAC in the Lipetsk Territory (Former Zadonsk District of the Voronezh Province) (December 20–22, 2013, Lipetsk)]. Lipetsk, LSPU, pp. 379-385.
- Samokvasov D. Ya., 1915. *Dnevnik raskopok v okrestnostyakh s. Gochevo Oboyanskogo uezda Kurskoy gubernii, proizvedenykh v avguste 1909 g.* [Diary of Excavations in the Vicinity of the Village of Gochevo, Oboyan District, Kursk Province, Carried out in August 1909]. Moscow, Sinodalnaya tip. 40 p.
- Sokol'skiy N.I., 1954. Bosporskie mechi [Bosporan Swords]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epohu* [Materials and Research on the Archaeology of the Northern Black

- Sea Region in Antiquity]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*, no. 33. Moscow, Nauka Publ., pp. 123-196.
- Starostin P.N., 2009. *Rozhdestvenskiy V mogil'nik* [Rozhdestvenskiy V Cemetery]. *Arkhologiya Evraziyskikh stepey*, iss. 9. Kazan, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 144 p.
- Symonovich E.A., 1955. Pamyatniki chernyahovskoy kul'tury Stepnogo Podneprov'ya [Monuments of the Chernyakhov Culture of the Steppe Dnieper Region]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], vol. XXIV, pp. 282-316.
- Hairedinova E.A., 1999. Kostyum varvarov V v. po materialam mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu [Costume of the Barbarians of the 5th Century Based on the Materials of the Burial Ground near the Village of Luchistoye in the Crimea]. *Sto let chernyahovskoy kul'ture* [One Hundred Years of Chernyakhov Culture]. Kiev, Association of Archaeologists and Anthropologists, pp. 203-231.
- Hrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe* [Druzhnoye Cemetery]. Lublin, UMCS. 314 p.
- Hrapunov I.N., 2010. Oruzhie iz mogil'nika Neyzats [Weapons from Neyzats Burial Ground]. *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Maczynskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź, Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, s. 535-555.
- Sharov O.V., 1992. Hronologiya mogil'nikov Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny i problema datirovki chernyahovskoy keramiki [Chronology of Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny Burial Grounds and the Problem of Dating Chernyakhov ceramics]. *Peterburskiy archeologicheskiy vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin], iss. 1, pp. 158-207.
- Shishkin R.G., 2002. Hronologicheskie priznaki trekhslonnykh grebney chernyahovskoy kul'tury [Chronological Signs of Three-Layered Ridges of the Chernyakhov Culture]. *Suchasni problemi arheologii* [Modern Problems of Archaeology]. Kiev, IANASU, pp. 244-245.
- Shultze E., Lyubichev M., 2012. Hronologiya mogil'nika chernyahovskoy kul'tury Voytenki 1 (Vostochnaya Ukraina) (po materialam raskopok 2005–2009 gg.). [Chronology of the Burial Ground of the Chernyakhov Culture Voytenki 1 (Eastern Ukraine) (Based on Excavations in 2005–2009)]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples. Conference 3]. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo field", pp. 407-463.
- Czarnecka K., 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich. *Wiadomości Archeologiczne*, T. LXI. Warszawa, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, s. 111-135.
- Ciobotaru P., 2013. Necropola de la Tecuci, fabrica de ambale metalice. *Danubius XXXI. Supliment. In Honorem Nicu Mircea Septuagenarii. Studii și Cercetări privind Arheologia Spațiului Nord-Vest Pontic*. Galați, Muzeul de istoria Galați, pp. 273-300.
- Gomolka-Fuchs G., 1999. Glaser der Sintana de Mureș-Cernjachov-Kultur aus Rumanien und der Republik Moldavien. *Die Sintana de Mures-Cernjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995*. Bonn, R. Habelt, S. 129-142.
- Gorokhovskiy E., 1992. The Nomad of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages. *Death and burial. Pre-printed Papers*, vol. 4. York, pp. 145-150.
- Ionița I., 1974. Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani (jud. Botoșani). *Cercetări istorice*, vol. V, pp. 81-97.
- Kokowski A., 1996. O tak zwanych blaszanych fidulach z polokragla plyta na glowce i rombowa nozka. *Studia Gothica I*. Lublin, UMCS, S. 153-184.
- Lund Hansen U., 1987. *Römischer Import im Norden. Nordiske Fortidsminder*. Bd 10. København, Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 488 S.
- New Archaeological Discoveries in South-Eastern Transylvania (Exhibition Catalogue)*, 2003. Covasna, ANGVSTIA. 88 p.
- Rau G., 1972. Körpergraber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, no. 3, S. 109-214.
- Rau G., 1975a. Spätantike Glasfunde im Karpatenraum. *Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Aufsätze und Forschungsberichte*. Marburg-Lahn, S. 464-485.
- Rau G., 1975b. Spät Kaiserzeitliche Glasbecher vom Typ Sakrau II aus der Moldau. *Archaeologisches Korrespondenzblatt*, vol. 5. Mainz am Rhein, RGZM, S. 139-141.

- Rau G., 2008. Spatantike Facettschliffgläser im Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, no. 40. Berlin, Verlag Marie Leidorf, S. 221-240.
- Șovan O.L., 2005. *Necropola de tip Sântana de Mureș – Černeachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani)*. Târgoviște, Cetatea de Scaun. 354 p.
- Șovan O.L., 2011. Necropola din secolele IV–V de la Nichiten (com. Cotusca, jud. Botosani). *Acta Musei Tutovensis*, vol. 6, pp. 67-76.
- Straume E., 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Universitetsforlaget. Serie B. Skrifter LXXIII. Oslo, Universitetsforlaget. 158 S.
- Țau S., Nicu M., 2010. Accesorii vestimentare, fibule din necropola de la Barcea cultura Sântana de Mureș-Černjachov, secolul al IV-lea d. Chr. *Acta Musei Tutovensis*, vol. V, pp. 99-115.
- Țau S., Nicu M., 2011. Obiecte de toaletă. Piepteni din necropola birituală de secol IV D. Chr. De la Barcea. *Acta Musei Tutovensis*, vol. VI, pp. 62-72.
- Țau S., Nicu M., 2012. Accesorii vestimentare cataramă din necropola de tip Sântana de Mureș-Černeachov de la Barcea secolul al IV-lea d. Chr. *Acta Musei Tutovensis*. Vol. VII. Bârlad, Editura Sfera, pp. 62-72.
- Țau S., Nicu M., 2013. Recipiente de sticlă. Necropola birituală de la Barcea (secolul IV d. Hr.) (jud. Galați). *Acta Musei Tutovensis*, vol. VIII, pp. 62-72.
- Tejral J., 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frumittelalter*. Krakov, Secesja, S. 227-247.

Information About the Authors

Oleg A. Radyush, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ul'yanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, radjush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

Aleksandr A. Vasil'ev, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, Editorial Chief Correspondent IAUkraine.ru, Pyatnickaya St, 25, Bld. 1, 115326 Moscow, Russian Federation, a.vasilev@ria.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6390-2085>

Информация об авторах

Олег Александрович Радюш, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, radjush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

Александр Александрович Васильев, кандидат исторических наук, независимый исследователь, шеф-корреспондент редакции Украина.ру, ул. Пятницкая, 25, стр. 1, 115326 г. Москва, Российская Федерация, a.vasilev@ria.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6390-2085>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14>

UDC 902.2/902.01
LBC 63.48(2)

Submitted: 12.04.2022
Accepted: 19.09.2022

ISHKULOVSKY II BURIAL MOUNDS, A 13th – 14th CENTURIES MONUMENT OF THE MONGOLIAN NOMADS IN THE SOUTHERN URALS ¹

Vladimir A. Ivanov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa, Russian Federation

Evgeny V. Ruslanov

Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Anton S. Protsenko

Republican Historical and Cultural Museum-Reserve “Ancient Ufa”, Ufa, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Mongol conquest of the Eastern European steppes implies the presence of the conquerors themselves in the occupied territories which should be reflected in the archaeological monuments. The Ishkulovsky II burial mound is one of these monuments consisting of stone kurgans with a diameter of 3–5 m and a height of 0.15–0.2 m left by the nomads of the Golden Horde time from the territory of the Ulus of Jochi. The purpose of the article is to publish the materials of the necropolis and the authors’ attempt to identify the burials of the Mongols themselves for whom one of the main signs of funeral rites, among others, was the northern body orientation of the buried individuals. In the context of the article, the fact of Islamization of the Mongols under the influence of the Kipchaks is of considerable importance, which was reflected in the material of Kurgan 5, as well as in the burial mounds 6, 7, 8, 10, 11, 12 where funeral things were not found. These burials can be considered Muslim with high certainty, if body orientation of the buried individuals is a western or north-western. *Methods.* The article uses the method of analogies and cross-dating to study the funeral rite and the material culture. The source of the study is 13 burials studied during the excavations of the 12 stone burial mounds of the Ishkulovsky II burial mound. *Discussion and results.* According to the funeral rite and clothing inventory, the burial mound was left by a mixed population of nomads, some of whom are associated with the Kipchaks, the other finds analogies among the burials of the Mongols. Thus, the dating of the necropolis fits into a narrow chronological period from the end of the 13th to the 14th century. A kind of confessional dualism can be observed in the rite in which both paganism and Islam were equally “legitimate” even within separate tribal divisions.

Key words: Jochi Ulus, Golden Horde, nomads, Mongols, funeral rite, stone kurgans, Islam.

Citation. Ivanov V.A., Ruslanov E.V., Protsenko A.S., 2022. Ishkulovskiy II kurgannyi mogil’nik – pamyatnik mongolskikh kochevnikov XIII–XIV vv. na Yuzhnom Urale [Ishkulovsky II Burial Mounds, a 13th – 14th Centuries Monument of the Mongolian Nomads in the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14>

УДК 902.2/902.01
ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 12.04.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ИШКУЛОВСКИЙ II КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК – ПАМЯТНИК МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ XIII–XIV ВВ. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ¹

Владимир Александрович Иванов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Российская Федерация

Евгений Владимирович Русланов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы,
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Антон Сергеевич Проценко

Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Монгольское завоевание Восточноевропейских степей, естественно, подразумевает присутствие и самих завоевателей на захваченных территориях, что должно иметь свое отражение в археологических памятниках. К одному из таких объектов относится Ишкуловский II курганный могильник, состоящий из каменных курганов диаметром 3–5 м и высотой 0,15–0,2 м, оставленный номадами золотоордынского времени с территории Улуса Джучи. Цель статьи заключается в публикации материалов некрополя и попытке авторов выделить погребения собственно монголов, для которых одним из основных признаков погребальной обрядности, в числе прочих, является северная ориентировка. Важным в контексте статьи является факт исламизации монголов под влиянием кыпчаков, что отразилось в материале кургана 5, а также в погребениях курганов 6, 7, 8, 10, 11, 12, где вещи не обнаружены. Очевидно, эти погребения при наличии западной или северо-западной ориентировки можно считать мусульманскими. *Методы.* В статье используется метод аналогий и перекрестного датирования для изучения погребального обряда и материальной культуры. Источником исследования являются 13 погребений изученных в ходе раскопок 12 каменных курганных насыпей Ишкуловского II курганного могильника. *Обсуждение и результаты.* По данным погребального обряда и вещевому инвентарю, могильник оставлен смешанной группой номадов, часть которых связана с кыпчаками, другая находит аналогии среди захоронений монголов. Таким образом, датировка некрополя укладывается в узкий хронологический период с конца XIII по XIV в., в обряде усматривается своеобразный конфессиональный дуализм, при котором и язычество, и ислам были одинаково «легитимны» даже внутри отдельных групп кочевников.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, кочевники, монголы, погребальный обряд, каменные курганы, ислам.

Цитирование. Иванов В. А., Русланов Е. В., Проценко А. С., 2022. Ишкуловский II курганный могильник – памятник монгольских кочевников XIII–XIV вв. на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14>

Введение

Предлагаемая статья продолжает серию работ по публикации кочевнических погребений золотоордынского времени, изученных в разные годы на территории Южного Урала экспедициями под руководством В.А. Иванова [Гарустович и др., 2014, с. 626–633; 2015, с. 28–34; Гарустович, Иванов, 2019, с. 95–104; Иванов и др., 2021, с. 94–107].

Мотивом, побудившим нас полностью ввести в научный оборот комплексы Ишкуловского II курганного могильника, которые уже были частично опубликованы [Матюшко, 2015, с. 173–176; Богалов и др., 2019, с. 272, 278, 279], является значимость полученных данных для понимания процессов взаимодействия монголов с местными номадами на фоне распространения в кочевой кыпчакской среде новой религии – ислама.

Некрополь расположен в горно-степной зоне хребта Ирэндык – крайнего восточного хребта Уральской горной страны, в узкой, протяженностью около 15 км, каменистой и остепненной долине р. Большой Кизил, ограни-

ченной с востока хребтами Курятмас и Бягода, с запада восточными предгорьями хребта Ирэндык [Савельев, 2012, с. 154, 156].

В ближайших окрестностях с. Ишкулово от д. Тал-Кускарово до д. Тепяново известно 25 археологических памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа, позднего Средневековья и Нового времени: это стоянки, одиночные и курганные могильники, селища, а также караксы (каменные пирамидки). Часть памятников раскопана и опубликована [Савельев, 2000, с. 17–48; 2012, с. 154, 156; 2019, с. 55–62; Рязанов, 2011, с. 24, 25; Рутто, 2003, рис. 54,9,10,12,13]. Применительно к теме статьи нас в первую очередь интересуют объекты раннего железа, позднего Средневековья и Нового времени, отражающие заинтересованность номадов в заселении узких и протяженных горных долин, ввиду чего памятники эпохи камня и бронзы остаются за скобками. Представленная карта (рис. 1, I) демонстрирует стабильный интерес кочевников, в том числе и башкир, к этой территории на протяжении тысячелетий, отразившийся в плотном наполнении памятниками исследуемой

территории. К ним были отнесены и нераскопанные курганы, часть из которых может быть датирована интересующим нас временем, то есть поздним Средневековьем.

Методика и материал исследования

Ишкуловский II курганный могильник обнаружен разведочным отрядом Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР под руководством Ю.А. Морозова в мае 1983 года. Памятник расположен в 2,2 км к северу от с. Ишкулово Абзелиловского района Республики Башкортостан, на краю пологой каменной террасы левого берега р. Большой Кизил, справа от дороги из д. Равилово в с. Ишкулово. По сведениям Ю.А. Морозова, курганы представляют собой выкладки из крупного камня диаметром 3–5 м, возвышающиеся над землей на 15–20 см [Морозов, 1984, л. 11–12]. Тогда же был раскопан курган 1² (всего могильник состоит из 14 курганов). Курганы 2–12 исследованы В.А. Ивановым в 1984 г. [Иванов, 1985, л. 2–9] (рис. 1,2, рис. 2,1).

Курган № 1. На задернованной поверхности были заметны выступающие камни, образовавшие после расчистки каменную кладку округлой формы, размерами 3,3 × 2,9 м (рис. 3,1,2).

Могильная яма выявлена ближе к центру кладки на глубине 0,52 м от современной поверхности. Яма прямоугольная с закругленными углами, размером 1,5 × 0,57 м, углублена в материк на 0,4 м. Длинной осью ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ–З–В. На дне выявлен хорошо сохранившийся костяк женщины, уложенный вытянуто на спине, головой на ЮЗ, череп завалился на левую сторону с поворотом лица на СЗ. Правая рука покойной вытянута вдоль тела, кисть находится у таза, левая рука согнута и уложена на тазовую кость, ноги сведены вместе. Слева на черепе находилась серебряная серьга в виде знака вопроса с провололочной обмоткой стержня и напускной бусиной на конце, длина серьги 5 см, диаметр кольца 2,3 см (рис. 2,15). У локтевой кости правой руки найдена стеклянная бусина, на фаланге безымянного пальца этой же руки выявлен перстень диаметром 2 см, с шириной щитка – 0,9 см.

Курган № 2. На задернованной поверхности были заметны выступающие камни, образовавшие после расчистки каменную кладку неправильной формы, напоминающую овал размерами 4,35 × 3,9 м, выложенную на уровне древней поверхности. В центре кладки камней нет (рис. 3,3,4).

Могильная яма выявлена в центре кладки на глубине 0,6 м от современной поверхности. Яма прямоугольная, размерами 2,2 × 0,7 м, углублена в материк на 0,4 м. Длинной осью ориентирована по линии З–В. На дне, ближе к северной стенке могилы, выявлен хорошо сохранившийся костяк женщины, уложенный вытянуто на спине, головой на З, с небольшим отклонением к С. Руки покойной вытянуты вдоль тела, правая кисть под тазом. Череп завалился на правую сторону, лицом к Ю, нижняя челюсть смещена. Слева от черепа, у шейных позвонков, лежала серебряная серьга в виде знака вопроса с провололочной обмоткой стержня и напускной бусиной на конце (рис. 2,12). Длина изделия 4,3 см, диаметр кольца – 2,4 см, толщина проволоки – 0,2 см.

Курган № 3. На задернованной поверхности были заметны выступающие камни, образовавшие после расчистки сплошную каменную выкладку высотой 0,15–0,2 м над уровнем современной поверхности. Выкладка трапециевидной формы со сторонами 6 × 4 м и высотой 0,45 м (рис. 3,5,6) ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Могильная яма выявлена под центром выкладки, на глубине 0,8 м от современной поверхности. Могила прямоугольная с закругленными углами, размером 2,25 × 0,8 м, углублена в материк на 0,6 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ.

Костяк погребенного лежал на дне могилы в деревянном ящике без дна и крышки, вытянуто на спине, головой на СЗ, череп повернут на правый висок, лицом к Ю, правая рука слегка согнута в локте, кисть под тазом, плечевая кость левой руки лежала возле левой стопы. От ящика вдоль стенок могилы прослеживался древесный тлен и куски дерева. Лицевые кости черепа раздавлены. Возле черепа, на левой ключице и верхних позвонках, найдены две бронзовые позолоченные нашивки в виде цилиндров, с тремя витыми скобами и вставками из голубого камня (рис. 2,10), размер изделия 2 × 1,5 см. Под черепом обна-

ружена золотая серьга в виде знака вопроса с проволочной обмоткой стержня и напускной белой бусиной. Длина изделия 2,9 см, диаметр кольца 1,6 см (рис. 2,13). В юго-западном углу ящика найдены крупная боченковидная бусина темно-синего стекла, украшенная белым волнистым орнаментом размером 3 × 3,3 см (рис. 2,9), и 5 фрагментов железных шарнирных ножниц – длина фрагментов от 2,8 до 6 см, ширина – от 1 до 2 см (рис. 2,4).

Курган № 4. На задернованной поверхности были заметны выступающие камни, образовавшие после расчистки сплошную каменную выкладку подпрямоугольной формы размерами 2,2 × 1,7 м, длинной осью ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Выкладка выложена на уровне погребенной почвы (рис. 3,7,8).

Могильная яма выявлена на глубине 0,6 м от современной поверхности. Яма овальной формы, размерами 1,4 × 0,4 м, углублена в материк на 0,25 м. Костяк подростка, вероятно, девочки, лежал на дне могилы, на спине, головой на запад. Череп раздавлен, руки согнуты в локтях, кисти уложены на таз.

На фалангах кисти правой руки найдены два серебряных перстня с плоскими орнаментированными щитками. Размеры первого перстня: диаметр 1,8 см, размер щитка 1 × 0,6 см (рис. 2,7). Второй перстень с растительным орнаментом на щитке имел следующие размеры: диаметр 1,7 см, размер щитка 0,9 × 0,6 см. На предплечье и кисти правой руки уложены железные шарнирные ножницы длиной 20 см (рис. 2,2). Вдоль позвоночника, на груди и поясе – 71 бусина синего стекла. Из них: 65 одинарных целых и во фрагментах размером 0,6–0,9 × 0,3–0,6 см, в том числе 2 крупные бусины размером 1 × 1 см; 2 тройных размером 1 × 0,9 см и 0,9 × 0,5 см; 4 двойных размерами 0,7 × 0,8 см.

Под костями черепа найдена золотая серьга в виде знака вопроса с проволочной обмоткой стержня, состоявшего из двух звеньев: длина изделия 5,9 см, диаметр кольца 2,1 см (рис. 2,11). Здесь же обнаружен фрагмент второй серьги в виде обломка кольца диаметром 2,5 см, толщиной проволоки 0,15 см (рис. 2,16).

Курган № 5. На задернованной поверхности были заметны выступающие крупные

камни, образовавшие после расчистки каменную выкладку неправильной формы размером 4 × 5 м (рис. 4,1,2). Могильная яма овальной формы выявлена под западной половиной выкладки на глубине 0,6 м от современной поверхности. Ориентирована длинной осью по линии С–Ю. Размеры могилы 1,75 × 0,8 м, углублена в материк на 0,3 м. Стенки ямы вертикальные, дно ровное. Хорошо сохранившийся костяк лежал на дне могилы, на спине, головой на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, кисть на тазовых костях, череп слегка повернут влево.

На черепе найдены две накладки в виде полусферических розеток, круглая размерами 2,1 × 1,8 × 0,3 см и шестиугольная размерами 2 × 1,9 × 0,4 см (рис. 2,5,6). У затылка обнаружены 5 пастовых бусин зеленоватого и белого цвета округлой формы размером 3 × 4 мм. Слева от черепа обнаружена серьга в виде знака вопроса, согнутая из медной проволоки, с заостренным стержнем, длина серьги – 3,8, диаметр кольца – 1,8 см (рис. 2,14). У левого плеча найдено ребро животного.

Курган № 6. На задернованной поверхности были заметны выступающие камни, образовавшие после расчистки каменную выкладку овальной формы размером 3 × 1,5 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, сооружена на древней поверхности (рис. 4,3,4). В центре, на глубине 0,6 м от современной поверхности, выявлена вытянутая могильная яма с сильно закругленными углами размерами 1,6 × 0,4 м, углублена в материк на 0,4 м, яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На дне могилы вытянуто на спине лежал костяк ребенка, головой на СЗ. Череп раздавлен, вещей нет.

Курган № 7. На задернованной поверхности были заметны выступающие камни, образовавшие после расчистки каменную выкладку трапециевидной формы размерами 3 × 1,5–2 м, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма вытянутой овальной формы с сильно закругленными углами размером 1,5 × 0,5 м выявлена на глубине 0,6 м. Яма углублена в материк на 0,13–0,15 м (рис. 4,5,6). Костяк ребенка с раздавленным черепом лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗ. Ноги слегка сдвинуты к южной стенке могилы, вещей нет.

Курган № 8. Каменная выкладка имела квадратную форму размером 2 × 2 м. Могильная яма выявлена на глубине 0,9 м от современной поверхности. Яма имела овальную форму, размеры 1,5 × 0,8 м, углублена в материк на 0,33 м. В центре ямы на дне лежал вытянуто на спине костяк ребенка, головой на ЗСЗ (рис. 4,7,8). Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и отставлена в сторону, ноги раздвинуты в коленях. Вещей нет.

Курган № 9. Каменная выкладка подквадратной формы размерами 3 × 2,75 м (рис. 5,1,2). Могильная яма прямоугольная, с закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии З–В, размерами 2 × 0,7 м, углублена в материк на 0,6 м.

Хорошо сохранившийся костяк лежал на дне могилы на спине, ближе к южной стороне, головой на З. Череп завалился на правый висок. Позвоночник в области груди нарушен, вероятно, землероями. Правая рука согнута в локте, кистью на поясе, левая чуть отставлена в сторону. Ноги слегка согнуты в коленях. У коленного сустава правой ноги найден железный нож длиной 13,7 см и шириной 1,4 см (рис. 2,3).

Курган № 10. Каменная выкладка овальной формы размерами 3,2 × 1,7 м (рис. 5,3,4). Могильная яма прямоугольная, с сильно закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии З–В, размерами 2 × 0,7 м, углублена в материк на 0,25 м.

Костяк хорошей сохранности лежал вытянуто на спине, головой на З, череп на левом виске, лицом к С. Кости грудной клетки потревожены. Правая рука отставлена в сторону. Вещей нет.

Курган № 11. Каменная выкладка имела трапециевидную форму с размерами сторон 3 × 2 × 3,4 × 2,5 м, вытянута по линии З–В (рис. 5,5,6).

Могильная яма овальной формы с сильно закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии З–В, размером 2,25 × 0,7 м, углублена в материк на 0,5 м. По всей длине южной стенки могилы, на одном уровне с дном, вырыт неглубокий подбой шириной 0,2 м и высотой 0,3 м.

Костяк лежал на дне могилы, ближе к ее северной стенке, вытянуто на спине, головой

на З, лицом на Ю. Кисти рук уложены под крыльями таза. Вещей нет.

Курган № 12. Каменная выкладка имела прямоугольную форму размерами 3 × 2,5 м и была ориентирована по линии З–В (рис. 5,7–9).

Под каменной выкладкой обнаружены 2 погребения. Ямы расположены параллельно, друг от друга на расстоянии не более 0,6 м и ориентированы по линии З–В.

Погребение 1 (рис. 5,7). Яма овальной формы, 2,1 × 0,8 м, углублена в материк на 0,5 м. Частично потревоженный костяк (позвоночник и грудная клетка) лежал на спине, головой на З. Руки слегка согнуты в локтях, кисти рук на тазе. Вещей нет.

Погребение 2 (рис. 5,9). Яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, размерами 2,2 × 0,7 м, углублена в материк на 0,55 м. Вдоль северной стенки, на глубине 0,3 м от материка, прослеживается сильно покатая ступенька шириной 0,25 м, спускающаяся ко дну ямы. Вдоль южной стенки на одном уровне с дном могилы вырыт подбой шириной 0,28 м, высотой 0,28 м.

Костяк погребенного лежал у входа в подбой, на спине, головой на З. Кости грудной клетки потревожены, кости левого предплечья отсутствовали. Правая рука согнута в локте, и кисть, вероятно, находилась на тазовых костях. Ноги согнуты в коленях и сдвинуты в районе стоп. Вещей нет.

Анализ материала

Погребальный инвентарь Ишкуловского II курганного могильника представлен украшениями из серебра, золота, меди, бусами и предметами быта (ножницы, нож). Предметов вооружения и конской упряжи не найдено.

Серьги в виде знака вопроса широко представлены в золотоордынских кочевнических памятниках Нижней Волги, Центрального и Восточного Казахстана, Южного Урала, Волжской Булгарии [Федоров-Давыдов, 1966, с. 38–41, рис. 6, с. 116–119; Гарустович и др., 2005, с. 110, рис. 20,4,5,9,7; Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 80, 305–306; Валеева, 2003, рис. 52; Недашковский, 2001, с. 41, рис. 7,4,6,18; Ефимова, 1974, с. 24–30]. Данные нумизматики, денежные и вещевые клады, закрытые комплексы позволяют говорить

о появлении серег в виде знака вопроса с конца XIII в., широкое распространение данные изделия получают в XIV в. [Каримова, 2012, с. 136–152; Мыськов, 2015, с. 162; Рябцева, 2019, с. 291–306].

Бусы из погребений курганов 1, 3, 4 и 5 относятся к различным типам и встречаются среди погребений кочевников XIII–XIV веков. Полосчатая боченковидная бусина (курган 3) из полупрозрачного синего стекла с накладной белой волнистой нитью относится к типу VAI по Г.А. Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, с. 74], типу VIA2 по Н.П. Курышовой [Курышова, 2012, с. 209, рис. 3,4], типу П.I.I.I по Р.Р. Каримовой [Каримова, 2013, с. 45, рис. 19,14], типу AIVb по Е.П. Мыськову [Мыськов, 2015, с. 168, табл. XXIX,5]. Рубленный бисер из непрозрачного стекла белого цвета, найденный в кургане 5, относится к типу II по Н.П. Курышовой [Курышова, 2012, с. 205, рис. 1,2], к этому же типу стоит отнести двух- и трехчленные бусины синего непрозрачного стекла из погребения под курганом 4 [Курышова, 2012, с. 207, рис. 1,11].

Железный нож размерами $12 \times 2 \times 0,6$ см, однолезвийный с прямой спинкой и узким треугольным черешком, имеет многофункциональное назначение. Опираясь на разные типологии, его можно отнести к черешковым ножам типа I, с прямым клиновидным в сечении лезвием по Г.А. Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, с. 85, рис. 12,6] и к типу АIIa1 по Е.П. Мыськову [Мыськов, 2015, с. 112, табл. XVIII]. Датировка широкая – в пределах VII–XV веков.

Железные шарнирные ножницы из погребения под курганом 3 состоят из двух удлиненных клинообразных однолезвийных режущих полотен с несомкнутыми овальными кольцами на завершении. Подобное изделие, только с одной обломанной рукоятью, найдено в кургане 4. Шарнирные ножницы широко представлены в кочевнических погребениях второй половины XIII – XIV в. Крыма, Подонья, Среднего Приднестровья и Южного Урала, в слоях городских центров Поволжья [Березуцкий, 1989, с. 154–156, рис. 2,6; Город Болгар, 1996, с. 35; Гарустович, Иванов, 2014, с. 54, 57, 62, 63; Чхаидзе и др., 2021, с. 116–129].

Результаты и основные выводы

Несмотря на кажущееся однообразие погребального обряда Ишкуловского II могильника, для составляющих его захоронений можно выделить некоторые специфические черты. Так, по надмогильным сооружениям выделяется группа погребений, перекрытых каменными выкладками явно прямоугольной формы – курганы 3, 4, 9, 11 (рис. 3,5,7, 5,1,5). К этой же группе следует отнести и курган 12, содержащий два погребения. Восточная половина перекрывающих их каменных выкладок имеет прямоугольную форму (рис. 5,8).

Два захоронения – в курганах 6 и 10 – совершены под выкладками отчетливо овальной формы (рис. 4,3, 5,3). Выкладка над погребением в кургане 2 представляет собой каменное кольцо. О том, что это кольцо было сооружено первоначально, а не является грабительским колодцем, свидетельствует отличная сохранность погребения, содержащего серебряную серьгу (рис. 3,3). Каменные выкладки в курганах 1, 5, 7 и 8 отчетливой формы не имеют.

В могиле кургана 3 прослеживаются остатки дощатого гроба, внутри которого в изголовье найден самый богатый для всего памятника набор вещей – ножницы, бусина, 2 нашивки, серебряная серьга. Сама каменная выкладка над погребением выделяется своими размерами, что наводит на мысль о том, что индивид в этом кургане занимал, очевидно, не последнее место в иерархии общины, оставившей рассматриваемый могильник. Равно как и усопший в кургане 4, так же снабженный набором украшений.

Если учесть, что курганы 1, 2, 3, 4 Ишкуловского II могильника, содержавшие погребальный инвентарь, расположены несколько особняком от остальных курганов (рис. 1), можно предположить, что в них захоронены члены одной и, очевидно, не бедной семьи.

Таким образом, датировка могильника укладывается в хронологический период с конца XIII по XIV в., с возможным уточнением, на основании серег в виде знака вопроса, не ранее второй трети XIV века. Эта дата не противоречит предложенной авторами раскопок, относившими материалы изученных захоронений ко второй половине XIII – первой

половине XIV в. (золотоордынского языческого периода) в Урало-Волжском регионе [Иванов, Обыденнова, 1986, с. 120–130; Иванов, Кригер, 1988, с. 29; Иванов, 1996, с. 55–56].

Первоначально, в контексте этнической принадлежности кочевников, оставивших Ишкуловские II курганы, этот памятник рассматривался, как кыпчакский, входящий в так называемую группу «каменных курганов» Южного Предуралья [Иванов, Кригер, 1988, с. 68].

Позже, по мере расширения эмпирических данных по морфологии кыпчакских курганов Степной Евразии, этот вывод подвергся сомнению [Иванов и др., 2014, с. 143]. Сейчас же можно считать установленным, что рассматриваемый памятник, как и «каменные курганы» Южного Предуралья в целом, по морфологическим признакам погребального обряда, ассортименту и типам погребального инвентаря обнаруживает практически полную идентичность с каменными курганами XII–XIV вв. восточных территорий степной Евразии. Население, их оставившее, однозначно идентифицируется как монгольское [Иванов, 2019, с. 646].

Монголы, как известно, особой приверженности к исламу не проявляли. Однако погребение под курганом 11 Ишкуловского II могильника обнаруживает признаки, позволяющие отнести его к мусульманским: камен-

ная выкладка овальной формы (мастаба), могила с подбоем в южной стенке (ляхед), западная ориентировка погребенного с поворотом лица на юг (кыбла), отсутствие вещей (рис. 5,5,6).

Таким образом, судя по материалу Ишкуловского II могильника, в XIV в. в погребальной обрядности кочевников Золотой Орды язычество продолжало сохранять свои позиции. Можно даже допустить, что в это время в кочевой степи сложился своеобразный конфессиональный дуализм, при котором и язычество, и ислам были одинаково «легитимны» даже внутри отдельных родовых подразделений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00815 “Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern times (socio-cultural and natural transformations)”.

² Благодарим Ю.А. Морозова за предоставленную возможность публикации материалов кургана № 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

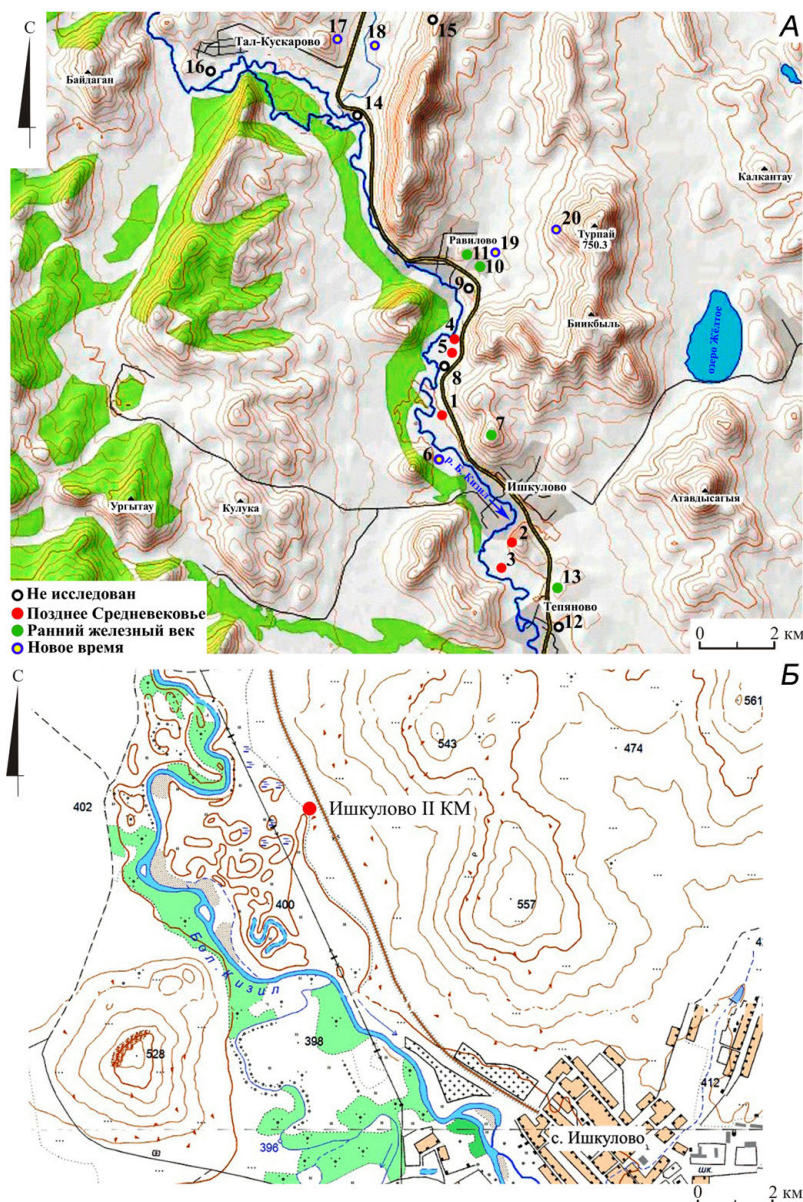

Рис. 1. Археологические памятники долины реки Большой Кизил:

А – памятники в окрестностях с. Ишкулово:

- 1 – Ишкуловский II курганный могильник; 2 – Ишкулово-5, курганный могильник; 3 – Ишкуловское селище;
 4 – Атранды-1, курганный могильник; 5 – Атранды-2, каменная выкладка; 6 – Селище Имсяк тау;
 7 – Мунтаевский I одиночный курган; 8 – Равиловский I курган; 9 – Равиловский II курган;
 10 – Равиловский III одиночный курган; 11 – Равиловский IV одиночный курган; 12 – Тепяновские I курганы;
 13 – Тепяновский курган; 14 – Идыш-Кускаровские I курганы; 15 – Идыш-Кускаровские II курганы;
 16 – Тал-Кускаровские курганы; 17, 18 – Караксы у д. Идыш-Кускарово; 19, 20 – Караксы у д. Равилово;

Fig. 1. Archaeological sites of the valley of the Bol'shoy Kizil river:

A – monuments in the vicinity of Ishkulovo village:

- 1 – Ishkulovo II burial mounds; 2 – Ishkulovo-5, burial mounds; 3 – Ishkulovskoye settlement;
 4 – Atrandy-1 burial mounds; 5 – Atrandy-2 stone paving; 6 – Imsyak tau settlement; 7 – Muntaevsky I kurgan;
 8 – Ravilovsky I kurgan; 9 – Ravilovsky II kurgan; 10 – Ravilovsky III kurgan; 11 – Ravilovsky IV kurgan;
 12 – Tepyanovsky I kurgans; 13 – Tepyanovsky kurgan; 14 – Idyash-Kuskarovsky I kurgans;
 15 – Idyash-Kuskarovsky II kurgans; 16 – Tal-Kuskarovskie kurgans; 17, 18 – Karaksy near the village of Idyash-Kuskarovo;
 19, 20 – Karaksy near the village of Ravilovo;
 Б – location of the Ishkulovsky II burial mounds

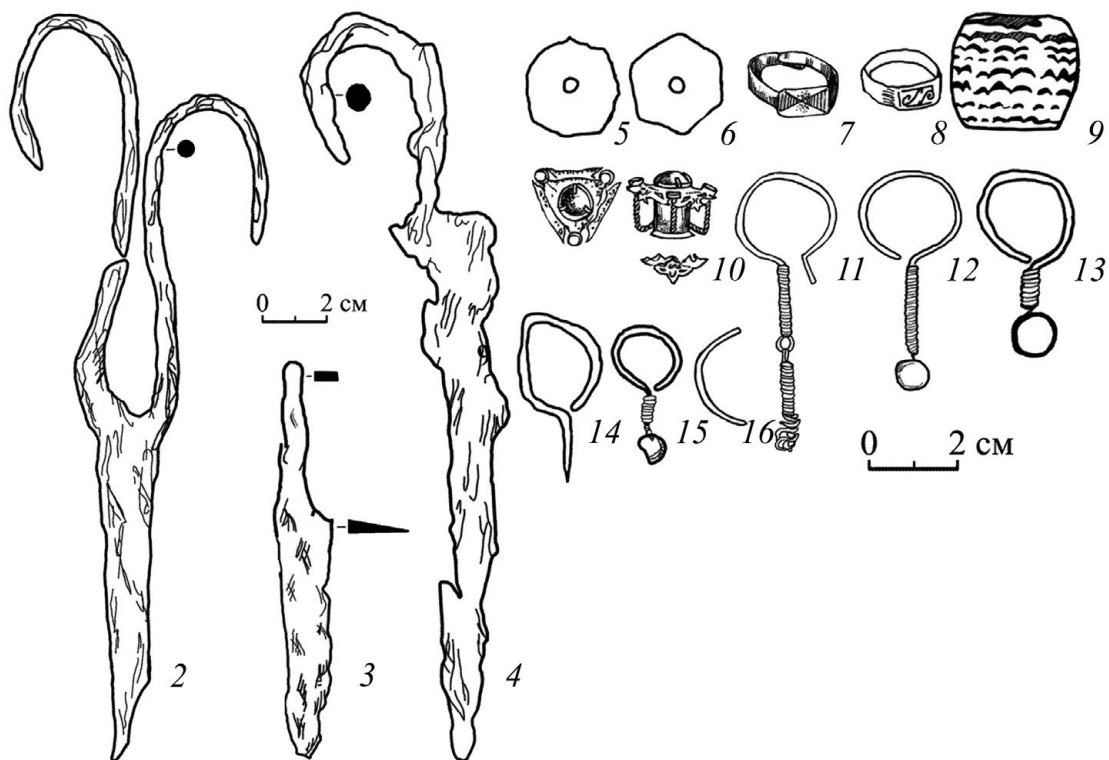
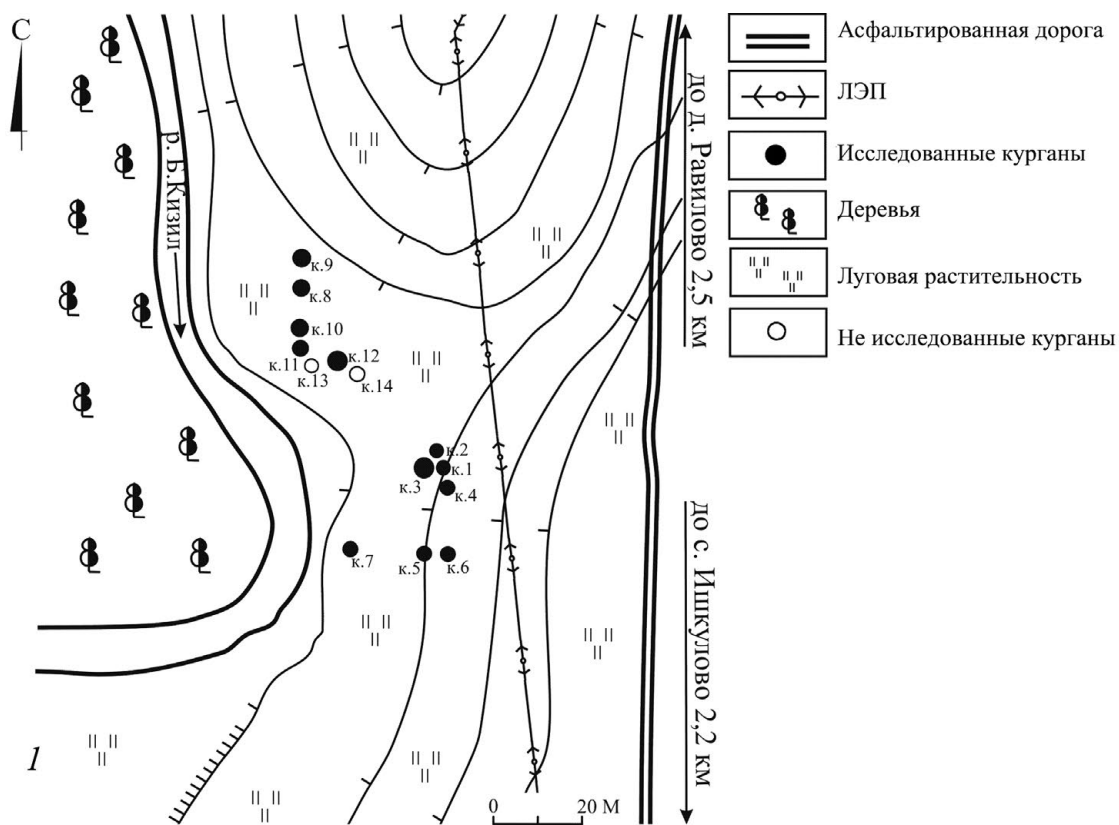

Рис. 2. Ишкуловский II курганный могильник:

1 – план Ишкуловского II курганного могильника; 2, 7, 8, 11, 16 – курган 4; 3 – курган 9; 4, 9, 10, 13 – курган 3; 5, 6, 14 – курган 5; 12 – курган 2; 15 – курган 1. Автор прорисовок Т.К. Сурина

Fig. 2. Ishkulovo II burial kurgan (drawings by T.K. Surina):

1 – the layout of the Ishkulovsky II burial mounds; 2, 7, 8, 11, 16 – kurgan 4; 3 – kurgan 9; 4, 9, 10, 13 – kurgan 3; 5, 6, 14 – kurgan 5; 12 – kurgan 2; 15 – kurgan 1. Drawings by T.K. Surina

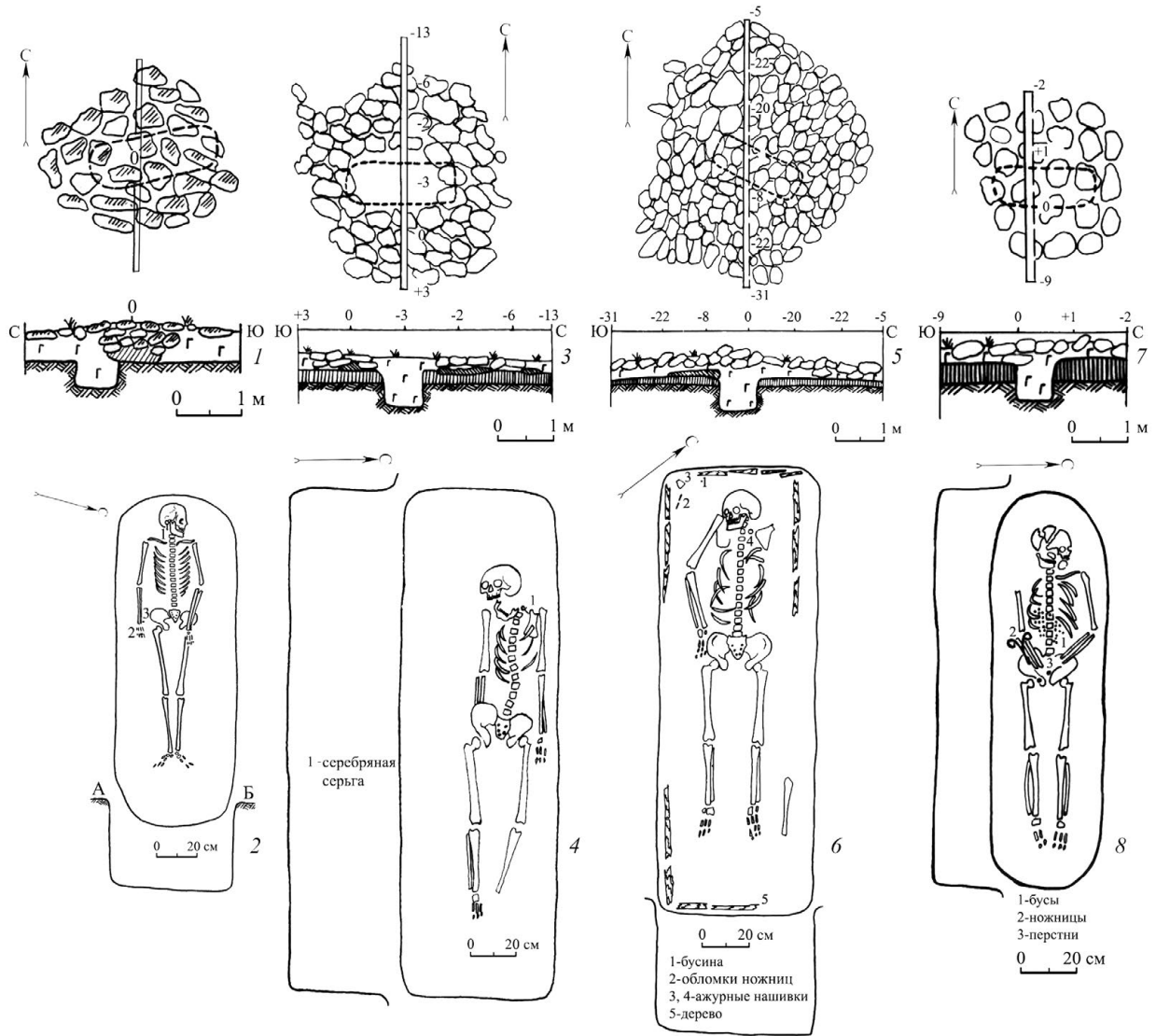

Рис. 3. Ишкульовский II курганный могильник:

1, 2 – курган 1; 3, 4 – курган 2; 5, 6 – курган 3; 7, 8 – курган 4. Автор прорисовок Т.К. Сурина

Fig. 3. Ishkulovsky II burial mounds:

1, 2 – kurgan 1; 3, 4 – kurgan 2; 5, 6 – kurgan 3; 7, 8 – kurgan 4. Drawings by T.K. Surina

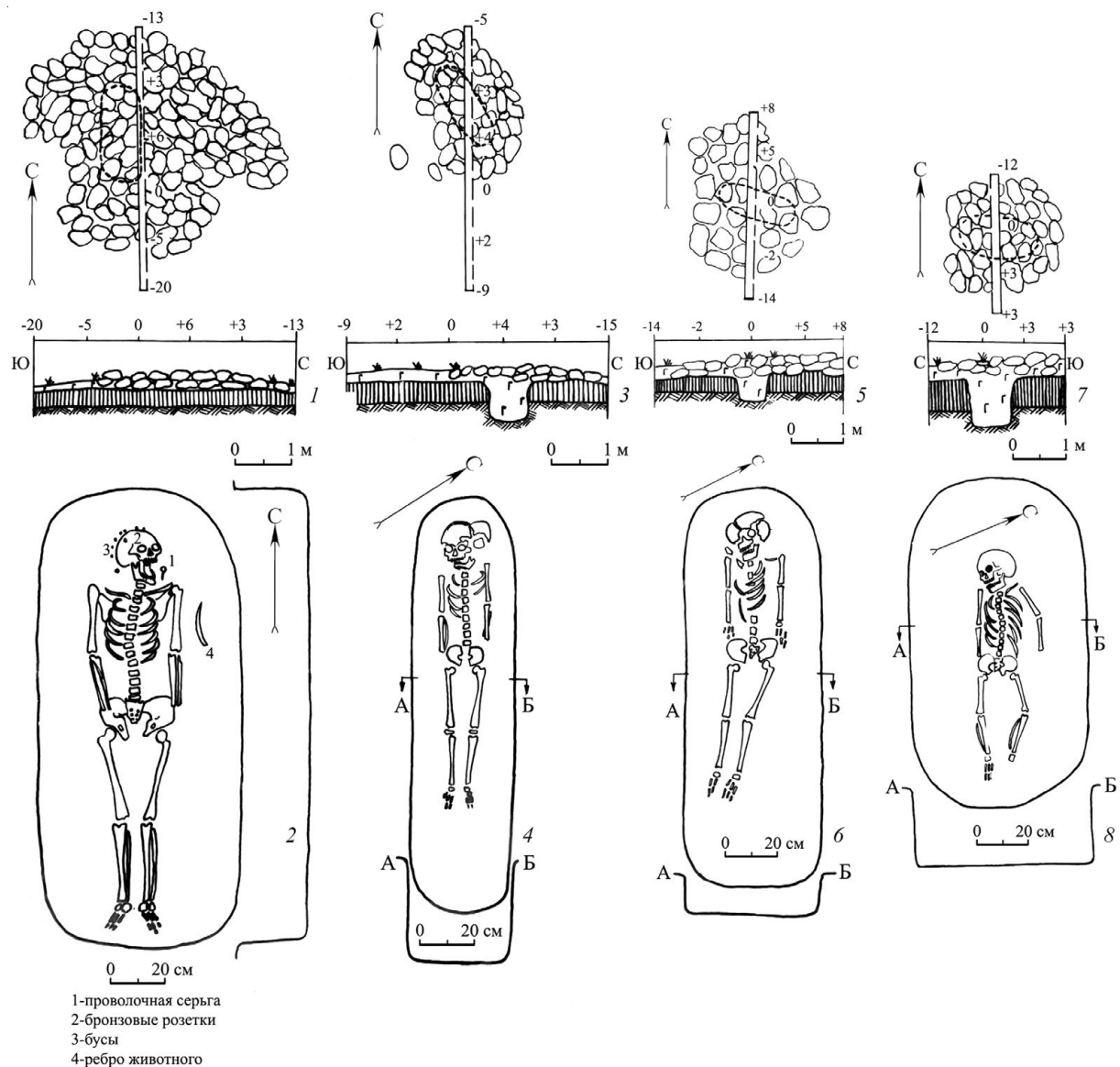

Рис. 4. Ишкуловский II курганный могильник:

1, 2 – курган 5; 3, 4 – курган 6; 5, 6 – курган 7; 7, 8 – курган 8. Автор прорисовок Т.К. Сурина

Fig. 4. Ishkulovsky II burial mounds:

1, 2 – kurgan 5; 3, 4 – kurgan 6; 5, 6 – kurgan 7; 7, 8 – kurgan 8. Drawings by T.K. Surina

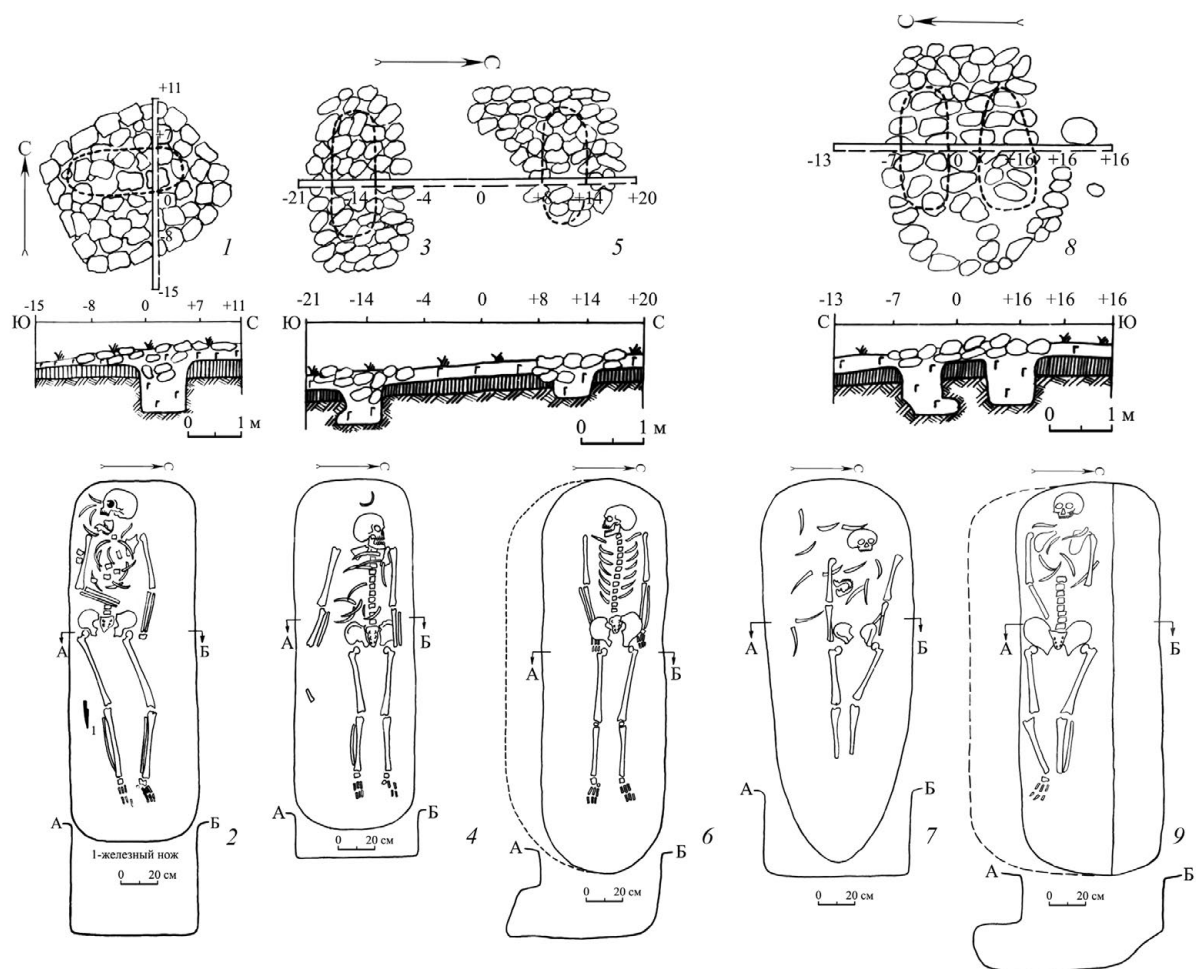

Рис. 5. Ишкулковский II курганный могильник:

1, 2 – курган 9; 3, 4 – курган 10; 5, 6 – курган 11; 7 – курган 12; 8 – курган 12, погребение 1;
9 – курган 12, погребение 2. Автор прорисовок Т.К. Сурина

Fig. 5. Ishkulovsky II burial mounds:

1, 2 – kurgan 9; 3, 4 – kurgan 10; 5, 6 – kurgan 11; 7 – kurgan 12; 8 – kurgan 12, burial 1;
9 – kurgan 12, burial 2. Drawings by T.K. Surina

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березуцкий В. Д., 1989. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж : ВГПИ. С. 152–165.
- Боталов С. Г., Маслюженко Д. Н., Миргалеев И. М., Парунин А. В., Русланов Е. В., Сорогин Е. И., 2019. История Южного Урала. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века). Т. 5. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ. 424 с.
- Валеева Д. К., 2003. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань : Фикер. 239 с.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2014. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). Уфа : Изд-во БГПУ. 328 с.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2019. Азнаевский-2 курганный могильник XIII века в лесостепной зоне Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 95–104. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.008>
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Проценко А. С., 2014. Погребения кочевников Улуса Шибана (XIII–XIV вв.) в верховьях р. Урал // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3-2. С. 626–633.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Проценко А. С., 2015. Колпаковский I курганный могильник // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (361). С. 28–34.
- Гарустович Г. Н., Рязанов С. В., Яминов А. Ф., 2005. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. Уфа : Тау. 151 с.
- Город Болгар : Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков, 1996. Казань : Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 300 с.
- Ефимова А. М., 1974. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. М. : Наука. С. 24–30.
- Иванов В. А., 1985. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1984 г. в БАССР и Оренбургской области // Научный архив Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 120.
- Иванов В. А., 1996. Курганы кочевников золотоордынского периода (XIII–XIV вв.) // Археологические памятники Башкортостана. Уфа : Гилем. С. 55–56.
- Иванов В. А., 2019. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. Т. 7, № 4. С. 636–651. DOI: <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651>
- Иванов В. А., Обыденнова Г. Т., 1986. Раскопки курганов в Южном Зауралье // Археологические открытия 1984 года. М. : Наука. С. 120–130.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука. 96 с.
- Иванов В. А., Гарустович Г. Н., Пилипчук Я. В., 2014. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа : Изд-во БГПУ. 396 с.
- Иванов В. А., Проценко А. С., Русланов Е. В., 2021. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. № 4 (38). С. 94–107. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2021.4.38.94.107>
- Каримова Р. Р., 2012. Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. С. 136–152.
- Каримова Р. Р., 2013. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань : Изд-во ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. 212 с.
- Курышова Н. П., 2012. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. № 1. С. 204–216.
- Матюшко И. В., 2015. Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург : ИПК «Университет». 211 с.
- Морозов Ю. А., 1984. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1983 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 45. 31 л.

- Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГ. 484 с.
- Недашковский Л. Ф., 2001. Золотоордынский город Укек и его округа. М. : Вост. лит. 224 с.
- Рутто Н. Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа : Гилем. 212 с.
- Рябцева С. С., 2019. О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII – начала XV в., связанных с золотоордынской традицией // В поисках сущности : сб. ст. в честь 60-летия Н.Д. Руссева. Кишинев : Stratum plus. С. 291–306.
- Рязанов С. В., 2011. Металлургия железа на Южном Урале в XIII–XIV вв. Уфа : Изд-во ИЭИ УНЦ РАН. 125 с.
- Савельев Н. С., 2000. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н. С., 2012. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 128–166.
- Савельев Н. С., 2019. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. № 1 (62). С. 55–62. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62)
- Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки, 2000. СПб. : Славия. 346 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ. 275 с.
- Чхаидзе В. Н., Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2021. Погребения средневековых кочевников из курганного могильника Новозаведенное III на юго-востоке Ставропольского края // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 19. С. 116–129.

REFERENCES

- Berezutskiy V.D., 1989. Novye dannye o pozdnikh kochevnikakh iz levoberezh'ya Srednego Dona [New Data on Late Nomads from the Left Bank of the Middle Don]. *Issledovanie pamyatnikov arkheologii Vostochnoy Evropy* [Study of the Archeological Monuments of Eastern Europe]. Voronezh, VSPI, pp. 152-165.
- Botalov S.G., Maslyuzhenko D.N., Mirgaleev I.M., Parunin A.V., Ruslanov E.V., Sorogin E.I., 2019. *Istoriya Yuzhnogo Urala. U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordy (IX – nachalo XV veka)* [The History of the Southern Urals. At the Origins of the South Ural Peoples. The Southern Urals in the Era of the Golden Horde (IX – Early XV Century)], vol. 5. Chelyabinsk, SUSU. 424 p.
- Valeeva D.K., 2003. *Iskusstvo volzhskikh bulgar perioda Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)* [Art of the Volga Bulgars of the Golden Horde Period (XIII–XV Centuries)]. Kazan', Fiker Publ. 239 p.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., 2014. *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. n.e.)* [Materials on the Archaeology of the Medieval Nomads of the Southern Urals (IX–XV Centuries AD)]. Ufa, BSPU. 328 p.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., 2019. Aznaevskiy-2 kurgannyi mogil'nik XIII veka v lesostepnoy zone Yuzhnogo Urala [Aznaevsky-2 – The Burial Mound of the 13th Century in the Forest-Steppe Zone of Southern Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 95-104. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.008>
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., Protsenko A.S., 2014. Pogrebeniya kochevnikov Ulusa Shibana (XIII–XIV vv.) v verkhov'yakh r. Ural [Burials of the Nomads from Ulus Shibana (13th – 14th Centuries) in the Upper Reaches of the Urals River]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 16, no. 3-2, pp. 626-633.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., Protsenko A.S., 2015. Kolpakovskiy I kurgannyi mogil'nik [Kolpakovsky I Burial Mound]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 6 (361), pp. 28-34.
- Garustovich G.N., Ryazanov S.V., Yaminov A.F., 2005. *Brik-Alginskoe mestonakhozhdenie XIV veka v Bashkirskom Priural'e* [Brik-Alga Locality of the XIV Century in the Bashkir Urals]. Ufa, Tau Publ. 151 p.
- Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov* [City of Bolgar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, Casters], 1996. Kazan', ILLH named after G. Ibragimov. 300 p.

- Efimova A.M., 1974. Kladbishche na okraine posada goroda Bolgara [Cemetery on the Outskirts of the Town of Bolgar]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 24-30.
- Ivanov V.A., 1985. Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkhеologicheskikh issledovaniy v 1984 g. v BASSR i Orenburgskoy oblasti [Scientific Report on the Results of Archaeological Research in 1984 in the BASSR and the Orenburg Region]. *Nauchnyy arkhiv Instituta etnologicheskikh issledovaniy im. R. G. Kuzeeva Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, f. 1, op. 6, d. 120.
- Ivanov V.A., 1996. Kurgany kochevnikov zolotoordynskogo perioda (XIII–XIV vv.) [Mounds of Nomads of the Golden Horde Period (XIII–XIV Centuries)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Bashkortostana* [Archaeological Monuments of Bashkortostan]. Ufa, Gilem Publ., pp. 55-56.
- Ivanov V.A., 2019. Mongoly v sostave kochevnikov Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy): po dannym arkhеologii [Mongolian Nomads in the Ulus of Jochi (Golden Horde) According to Archaeological Materials]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 7, no. 4, pp. 636-651. DOI: <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651>
- Ivanov V.A., Obydenova G.T., 1986. Raskopki kurganov v Yuzhnom Zaural'e [Excavations of Kurgans in the Southern Trans-Urals]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1984 goda* [Archaeological Discoveries in 1984]. Moscow, Nauka Publ., pp. 120-130.
- Ivanov V.A., Kriger V.A., 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Mounds of Kypchak Time in the Southern Urals (12th – 14th Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 96 p.
- Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk Ya.V., 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii* [Medieval Nomads on the Border of Europe and Asia]. Ufa, BSPU. 396 p.
- Ivanov V.A., Protsenko A.S., Ruslanov E.V., 2021. Pogrebeniya s priznakami musul'manskogo obryada u kochevnikov Zolotoy Ordyy [Burials with Signs of the Muslim Rite Among the Nomads of the Golden Horde]. *Povolzhskaya arkhеologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (38), pp. 94-107. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.4.38.94.107>
- Karimova R.R., 2012. Ser'gi kochevnikov Zolotoy Ordyy: tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya [Earrings of Nomads of the Golden Horde: Typology and Sociocultural Interpretation]. *Ufimskiy arkhеologicheskiiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 12, pp. 136-152.
- Karimova R.R., 2013. Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordyy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya) [Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Golden Horde Nomads (Typology and Sociocultural Interpretation)]. Kazan', Marjani IHTAS. 212 p.
- Kuryshova N.P., 2012. Klassifikatsiya bus iz kochevnicheskikh pogrebeniy zolotoordynskogo vremeni [Classification of Beads from Nomad Graves of the Golden Horde Period]. *Povolzhskaya arkhеologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1, pp. 204-216.
- Matyushko I.V., 2015. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Stepnogo Priural'ya IX–XIV vv.* [Funeral Rite of the Nomads in the Steppes of the Cis-Urals of the 9th – 14th Centuries]. Orenburg, Universitet Publ. 211 p.
- Morozov Yu.A., 1984. Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkhеologicheskikh issledovaniy za 1983 g. [Scientific Report on the Results of Archaeological Research for 1983]. *Nauchnyy arkhiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, f. 3, op. 2a, d. 45. 31 l.
- Mys'kov E.P., 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period]. Volgograd, Volgograd Branch of RANEP. 484 p.
- Nedashkovskiy L.F., 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde City of Ukek and Its Countryside]. Moscow, Vost. lit. Publ. 224 p.
- Rutto N.G., 2003. *Srubno-alakul'skie svyazi na Yuzhnom Urale* [Srubno-Alakul Connections in the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ. 212 p.
- Ryabtseva S.S., 2019. O nekotorykh predmetakh dekorirovki kostyuma i ukrasheniyyakh kontsa XIII – nachala XV v., svyazannykh s zolotoordynskoy traditsiey [On Some Elements of Costume Decoration and Adornments of the Late 13th Early 15th Centuries Associated with the Golden Horde Tradition]. *V poiskakh sushhnosti: sb. st. v chest' 60-letiya N.D. Russeva* [In Search of the Essence. Essays in Honour of Nicolai Russev on the Occasion of His 60th Birthday]. Kishinev, Stratum plus Publ., pp. 291-306.
- Ryazanov S.V., 2011. *Metallurgiya zheleza na Yuzhnom Urale v XIII–XIV vv.* [Metallurgy of Iron in the South Urals in the XIII–XIV Centuries]. Ufa, IER UNC RAS. 125 p.

- Savelev N.S., 2000. Kamennye kurgany vostochnykh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prokhorovskoy kul'tury [Stone Mounds of the Eastern Foothills of the Southern Urals and Some Issues of the Formation of the Prokhorovka Culture]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 2, pp. 17-48.
- Savelev N.S., 2012. Malye kul'tovye ob'ekty Yuzhnogo Urala: ot arheologii k etnograficheskoy sovremennosti [Minor Cult Objects of the Southern Urals: From Archaeology to Present-Day Ethnography]. *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevneyshih vremen do serediny XVI v.)* [History of the Bashkir People: Documents and Materials (Since the Earliest Times to the Mid-16th C.)]. Ufa, IHLL UNC RAS, pp. 128-166.
- Savelev N.S., 2019. Detskie pogrebeniya kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny I tys. do n.e. [Child Burials of the South Urals Nomad of the Mid First Millennium BC]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 1 (62), pp. 55-62. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62)
- Sokrovishcha Zolotoy Ordy. Katalog vystavki* [Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalog], 2000. Saint Petersburg, Slavia Publ. 346 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, Moscow State University. 275 p.
- Chkhaidze V.N., Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2021. Pogrebeniya srednevekovykh kochevnikov iz kurgannogo mogil'nika Novozavednoe III na yugo-vostoke Stavropol'skogo kraya [Burials of Medieval Nomads of the Novozavedennoye-III Kurgan Group in the South-East of the Stavropol Territory]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus], no. 19, pp. 116-129.

Information About the Authors

Vladimir A. Ivanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Oktyabr'skoy revolyutsii St, 3a, 450008 Ufa, Russian Federation, ivanov-sanych@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7243-2588>

Evgeny V. Ruslanov, Candidate of Sciences (History), Resercher, Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, Letter U, U1, 450054 Ufa, Russian Federation, butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

Anton S. Protsenko, Head of the Department of Archeology, Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa", Mustaya Karima St, 45, 450077 Ufa, Russian Federation, anton.procenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5152-8564>

Информация об авторах

Владимир Александрович Иванов, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской революции, 3а, 450008 г. Уфа, Российская Федерация, ivanov-sanych@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7243-2588>

Евгений Владимирович Русланов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, лит. У, У1, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

Антон Сергеевич Проценко, заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», ул. Мустая Карима, 45, 450077 г. Уфа, Российская Федерация, anton.procenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5152-8564>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.15>

UDC 930.1:069.1
LBC 63.012

Submitted: 15.09.2022
Accepted: 11.11.2022

REVISITING THE PROSPECTS OF ARCHAEOLOGICAL TOURISM DEVELOPMENT¹

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The purpose of the paper is to identify high-potential organizational forms and developmental prospects of archaeological tourism in the Russian Federation. Despite the obvious importance of archaeological tourism for cultural and educational touristic activities, it is still underdeveloped in Russia. The reason might be a vague doctrinal understanding of archaeological tourism features. Educational and protective essence of archeological tourism in the field of cultural heritage preservation seems to be underestimated. Furthermore, low involvement of the State in the development and promotion of archaeological heritage can be observed. Several forms of archaeological tourism development can be currently distinguished in the global tourist market, including Education and Research based Archaeological Tourism mainly non-profit oriented and Culture and Recreation based Archaeological Tourism commercial in its nature. The authors of the paper consider complex archaeological cultural sites in the form of Archaeological Parks to be one of the most effective forms of archaeological tourism development. Open Archaeological Funds are another high-potential organizational form aiming at preserving and promoting Russian cultural heritage. Government regulation and conceptualization of the archaeological tourism development are also required in order to specify means of archaeological tourism stimulation demand and mechanisms for facilitating interaction between subjects and removing existing obstacles.

Key words: heritage tourism, archaeological tourism, cultural heritage promotion, museification, open-air museums.

Citation. Zolotovskiy V.A., Krivosheev M.V., 2022. К вопросу о перспективных формах развития археологического туризма [Revisiting the Prospects of Archaeological Tourism Development]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 259-268. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.15>

УДК 930.1:069.1
ББК 63.012

Дата поступления статьи: 15.09.2022
Дата принятия статьи: 11.11.2022

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФОРМАХ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА¹

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – определить перспективные формы организации и возможности развития археологического туризма в РФ и те необходимые условия, которые этому могут способствовать. Несмотря на очевидную значимость археологического туризма в туристской культурно-познавательной деятельности, можно констатировать его неразвитость в России. Это может быть связано с неопределенным характером в

доктринальном понимании его специфики. Представляется недооцененной познавательная и охранительная сущность археотуризма в вопросах сохранения культурного наследия и необходимость участия государства в развитии наиболее доступных форм популяризации археологического наследия. Анализ современной ситуации на рынке туристских услуг позволяет выделить несколько направлений развития археологического туризма. Во-первых, следует отметить особое значение научно-образовательного подвида археологического туризма. Второе направление находит выражение в коммерческом подвиде археологического туризма культурно-познавательной и рекреационной направленности. Выявление и характеристика внешних по отношению к археологическому туризму факторов показало, что наиболее действенной формой его организации являются комплексные объекты археотуристской привлекательности в виде археологических парков. Вместе с тем перспективным механизмом развития археологического туризма следует признать специализированные открытые фонды, целевыми задачами которых является сохранение и популяризация культурного наследия России. Учитывая междисциплинарность и комплексный характер археологического туризма, необходимо подчеркнуть, что без формализации государственной политики, выраженной в определении программного развития этой деятельности и нормативного закрепления инструментов поддержки развития археотуризма, она так и будет носить частный характер. Во избежание крайней зарегулированности, считаем целесообразной разработку концепции развития археологического туризма, включающую в себя характеристику средств стимулирования археологического туризма, формализованные механизмы содействия координации субъектов взаимодействия и устранения препятствий в выработке наиболее эффективных методов сотрудничества в этом направлении.

Ключевые слова: туризм наследия, археологический туризм, популяризация культурного наследия, музеефикация, музеи под открытым небом.

Цитирование. Золотовский В. А., Кривошеев М. В., 2022. К вопросу о перспективных формах развития археологического туризма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 259–268. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.15>

Современная индустрия туризма имеет многочисленные векторы развития. Как потребители туристского продукта, так и организаторы туристской деятельности во многих развитых туристических центрах мира видят среди них археологический туризм, который в нашей стране находится на начальном этапе становления. Однако, опираясь на знание культурно-исторического наследия и интереса обывателя к истории страны и собственных регионов, можно с уверенностью говорить об огромном потенциале развития этого направления.

В статье мы попытаемся обозначить вопрос о возможностях развития археологического туризма в РФ и тех необходимых условиях, которые этому могут способствовать.

Взаимосвязь культурно-исторического наследия и туризма может показаться не очевидной. Однако культурно-историческое наследие нуждается в популяризации, социокультурный эффект от которой бывает значительно шире, чем это может показаться с первого взгляда. Туристская индустрия также нуждается в ресурсе, который может обеспечить богатейшее наследие нашей страны.

Удовлетворение культурных потребностей людей, в том числе посредством знаком-

ства с объектами наследия, является частью современной социокультурной среды. При этом памятники культуры как объекты познавательной практики представляют собой уникальный ресурс для приращения в обществе исторического знания. Туризм наследия и его подвиды, в том числе археологический туризм, существенно расширяют круг участников познавательной деятельности.

Несмотря на очевидную значимость археологического туризма в туристской культурно-познавательной деятельности, можно констатировать его неразвитость в нашей стране. Это может быть связано с неопределенным характером в доктринальном понимании его специфики. Очевидно, представляется недооцененной познавательная и охранительная сущность археотуризма в вопросах сохранения культурного наследия и необходимость участия государства в развитии наиболее доступных форм популяризации археологического наследия.

Под влиянием актуализации гуманитарной и экономической роли памятников культуры археологический туризм неоднократно попадал в поле зрения зарубежных и отечественных ученых [Kaminski et al., 2011; Lakiza,

2013; Hughes et al., 2013; Прохода, 2016; Melgarejo, López, 2017; Агеева, Погодина, 2018; Möller, 2019]. В этих исследованиях проработаны вопросы научного определения археологического туризма как вида туристской практики, которые сводятся к следующей формулировке – это специальный вид туризма, являющийся подвидом «туризма наследия» (Heritage Tourism). Основной целью археотуризма является знакомство с памятниками археологии (археологическими объектами и предметами) в исторических местах и музеях [Srivastava, 2015, p. 32], а также посещение археологических лабораторий, ведущихся полевых исследований и даже непосредственное участие в них путешественников [Kaminski et al., 2011; Hughes et al., 2013, p. 66; Melgarejo, López, 2017, p. 165; Möller, 2019].

Большинство авторов, работающих в этом направлении, делают акцент на обусловленности регионального археологического туризма спецификой ресурсной базы, а также выделяют его роль в региональной экономике туризма. Крайне схематично представлены вопросы специфики внутренних и внешних условий археологического туризма, особенностей содержания системы субъектов отношений в археологическом туризме, их роли и функциях, классификации и выделения роли объектов как факторов развития археологического туризма [Srivastava, 2015; Анисимова и др., 2016; Прохода, 2018; Ивлиева, Шмыткова, 2020].

Современная ситуация на рынке туристских услуг позволяет выделить несколько видов археологического туризма. В базовом проявлении археологический туризм следует рассматривать как вид гуманистической социокультурной практики, ориентированной в конечном счете на сохранение культурного наследия, в том числе посредством археологических полевых работ и сопряженных с ними в рамках познавательного туризма деятельности по профессиональной и бытовой популяризации.

Отметим, что вне зависимости от статуса и роли участников в полевых работах эта форма археологического туризма имеет в своей основе научное направление делового и образовательного туризма. Такой подход к развитию археологического туризма получил

массовое распространение в ряде регионов мира. Прежде всего речь идет о сложившейся мировой практике привлечения к работе в археологических экспедициях низкоквалифицированных сотрудников из числа представителей местного сообщества, а также молодых ученых-археологов и студентов профильных специальностей, участие которых в археологических экспедициях было продиктовано личным стремлением к повышению квалификации. Деятельность этого персонала археологических полевых экспедиций осуществлялась уже организованно, с обеспечением участников питанием и размещением.

С учетом соответствия статуса участников археологической экспедиции базовым характеристикам туриста, как субъекта, временно выехавшего с территории постоянного места жительства (преимущественного пребывания) с определенной целью путешествия, исключая занятие оплачиваемой деятельностью, такой вид практики в мировой литературе отнесен к волонтерскому туризму [Kaminski et al., 2011, p. 157–160]. По типу организации и целеполаганию это направление археологического туризма не является коммерческим.

В этой связи надо отметить отечественную советскую и современную практику археотуризма, реализуемого на безвозмездной основе в виде участия в раскопках молодых ученых, включая старшекурсников, мотивированных целью – профессионального компетентностного роста. Нормативная определенность института волонтерства в РФ делает более корректным наименование этого подвида археотуризма добровольческим. Факторами, определяющими территории его распространения и масштабы (с точки зрения временного и пространственного охвата), являются наличие соответствующих археологических объектов и постоянно действующих стационарных археологических экспедиций.

В первом случае перспективными характеристиками являются: комплексность объекта, требующая длительные по времени, возобновляемые неоднократно от сезона к сезону полевые работы, во втором – идейно-ценностная историческая значимость археологического памятника как объекта культурного наследия. Второй фактор является не менее весомым, поскольку в ряде случа-

ев внимание туристов привлекает не столько сам объект, сколько методика археологического исследования и конкретные участники формирования археологического академического знания.

Подчеркивая некоммерческий характер выделенного нами первого направления археологического туризма, нельзя отрицать его экономическую составляющую, представленную не только расходной частью, выделяемой на обеспечение деятельности (от перевозки, питания и размещения до санитарно-эпидемиологических мероприятий). Как показывает мировой опыт, такая форма организации может приносить доход. В частности, полученный от различных форм образовательной деятельности (развитие территорий с музеефицированными объектами, реализованными в перспективных формах живых музеев под открытым небом, организация интерактивных лекций, живых уроков и мастер-классов). Безусловно, с экономической стороны наибольший интерес представляет объединение интерактивных форм музейного показа с реконструируемыми объектами.

Поскольку археологические раскопки являются крайне формализованным научным процессом, любая инициатива по организации археотуров, а также любая форма участия туристов в археологической полевой экспедиции должны быть строго регламентированы в соответствии с рекомендациями лица, ответственного за раскопки. Как показывает практика, коммерциализация археологического туризма научно-образовательного направления может существенно облегчить проблему финансового обеспечения научных археологических экспедиций. При этом успешность и выгода привлечения к археологическим раскопкам туристов, посещающих археологические объекты с научно-образовательными целями, подтверждается распространением разнообразных гибких программ приема туристов.

Второе направление археологического туризма имеет исключительно коммерческую природу и ориентировано на соответствующий сегмент рынка. Речь идет о туристах, чей интерес к археологии сформировался под влиянием массовой культуры. Такой потребитель понимает археологическое исследование как

некое приключение, сопряженное с глубоким чувственным переживанием. Безусловно, в различных странах массовая культура, несмотря на влияние глобализма, имеет внутреннюю специфику, обусловленную собственной культурной традицией. Дух авантюризма в них также будет отличаться – от образа в формате «Индианы Джонса» [Прохода, Баранюк, 2016, с. 8] до участия в реконструкциях древних и средневековых обрядов на территории музеефицированных объектов культуры конкретного народа. Модели организации и набор услуг для таких туристов могут различаться в зависимости от покупательской способности и мотива участия в программных предложениях туристских услуг археологической направленности. В частности, именно это направление делает экономически оправданной комплексную музеефикацию объектов культурного наследия, например, в формате археологического музейного парка.

Проектируемый по типу музея под открытым небом, такой комплекс может включать не только инфраструктуру, обеспечивающую все процессы археологического полевого исследования, сопутствующие научной работе [Шелов, 1974; Paardekooper, 2014]. Он также предполагает создание объектов моделирования, исторических и этнокультурных реконструкций в форме аутентичных жилищ, бытовых, ремесленных и культовых сооружений, анимированных реконструкций быта, социокультурных традиций народов – носителей конкретных археологических культур [Херсонес Таврический, 2022; Атамань, 2022; Татарское городище, 2022; Томская Писаница, 2022]. Формирование объектов такого комплекса, очевидно, может быть рассчитано на разные возрастные категории туристов и не исключает реализации на его территории не только популяризационных, просветительских, но и образовательных услуг. В частности, очень уместными представляются практики организации мастер-классов и лекториев в местах археологических раскопок от лица археологов-полевиков (см. опыт экспериментальной археологии: [Paardekooper, 2012; Schöbel, 2015]).

В зависимости от проходимости таких археологических парков они могут быть рассчитаны не только на экскурсантов, но и на

туристов, получающих услуги по размещению на территории самого объекта [Затерянный мир, 2022]. Выбор формы размещения туристов чаще всего обусловлен правовым статусом объекта и режимом охраны территории объекта: от передвижного полевого лагеря до стационарных капитальных средств размещения.

Кроме внутренних по отношению к организации археологического туризма условий его развития, следует сделать акцент на внешних факторах, представляющих более существенными. Прежде всего, вне зависимости от направления развития туризма, определяющим является археологический потенциал конкретных территорий (региона, субъекта и т. д.). В частности, системно организованный археологический туризм возможен только при условии наличия на туристской территории большого количества сконцентрированных в условной и ли фактической близости археологических объектов высокого регионального, национального и международного значения. Речь идет о городищах, имеющих глубокий культурный слой, остатки каменных конструкций (как идеальные объекты для музеефикации). При этом наличие большого числа объектов, рассредоточенных по территории, обуславливает сложности в планировании реализации программ обслуживания, прежде всего в инфраструктурном отношении. В то же время концентрация объектов, даже без наличия среди них крупных и значимых в культурно-историческом аспекте, с долгосрочной перспективой ведения раскопок, позволяет делать программы археологического туризма циклическими и повышает окупаемость расходов на инфраструктурное обеспечение.

Еще одним внешним фактором развития археологического туризма являются погода и природные условия. В случае с первым очевидно, что мягкий и теплый климат позволяет увеличить продолжительность полевых археологических работ, а соответственно и организацию программы в сфере археологического туризма на период длительности трех сезонов (весна – лето – осень). То есть при совпадении погодных условий с рекреационными потребностями туристов и природными ресурсами спрос на услуги в сфере археологического туризма может коррелировать с высоким туристским сезоном как на терри-

тории курортов, так и на малопопулярных территориях. В таком случае именно археологический туризм для отдельных территорий с соответствующими показателями потенциала культурного наследия может стать точкой роста туризма и экономики в муниципальных районах.

Стоит остановиться на вопросе значимости роли коммерческого сектора в экономике археологического туризма (комплекса задействованных отраслей и секторов экономики) в лице туроператоров, турагентов, экскурсоводов. Согласно сложившейся в России правовой традиции, туроператоры и турагенты как посредники связаны с проектированием, созданием (формированием), распространением информации (продвижением) и реализацией (юридической и фактической) комплексных программ туристского обслуживания (турпродукта). При участии туристских посредников в формировании, продвижении и реализации комплексного турпродукта и отдельных услуг существенно расширяются коммерческие возможности исследуемого нами вида туризма.

В частности, если на конкретной территории размещены объекты, привлекательные с точки зрения туриста и имеющие соответствующие качественные признаки, раскопки которых ведутся силами профессионального сообщества археологов, именно турпосредники на основе договора возмездного оказания услуг могут сформировать программное предложение. Это позволит археологической экспедиции не отвлекаться от раскопок. Турпосредники обеспечат поиск потребителей, проектирование, создание (договорное оформление) и адаптацию предложений. При этом даже минимальные трудозатраты в виде организованных экскурсий по раскопу в той или иной форме позволяют выйти на коммерциализацию научных раскопок и в какой-то степени компенсировать организации-устроителю расходы на их проведение.

Наличие соответствующей инфраструктуры на территории объекта, или прилегающей к нему территории, позволит туроператору сформировать комплексную программу туристского обслуживания. В ином случае археологические объекты могут быть введены в программу экскурсионного обслуживания, в том числе в составе тура выходного

дня. Отметим, что согласно изменениям в ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», вступившим в силу 1 июля 2022 г., к экскурсионной практике на уровне субъекта допускаются только аттестованные экскурсоводы. Таким образом, учитывая профессиональную занятость археологов-полевиков, можно со всей очевидностью предположить, что их личное участие в экскурсионной практике в соответствии с требованиями юридически исключается. При этом следует ожидать выполнения действующих требований на территории археологических раскопок, музеефицированных археологических объектов, а также длительных и возобновляемых многолетних археологических экспедиций со сложившимся туристским потоком. Вместе с тем, на наш взгляд, проведение аттестации экскурсоводов по всей территории субъектов РФ предполагает участие в аттестационной комиссии представителей регионального профессионального научного сообщества археологов не только в формировании аттестационных заданий, но и участии в самой аттестации.

Несмотря на роль туристов, как основных участников реализации археотуристской практики, не менее важное воздействие на нее оказывают другие субъекты отношений. К их числу следует относить: органы государственной власти в сфере охраны и популяризации культурного наследия, органы местного самоуправления, региональные и местные национальные, культурные и религиозные сообщества, общественные организации, образовательные учреждения, располагающие профессиональным археологическим кадровым потенциалом, в лице представителей научных археологических школ и обучающихся по направлениям подготовки в сфере истории и музеологии; креативное профессиональное сообщество экскурсоводов и туристских посредников (турагентов и туроператоров).

Создание системной совокупности указанных нами субъектов археологического туризма не продуктивно без учета региональной специфики ресурсной базы. Вместе с тем необходимо обратить внимание на центральное место в этой совокупности субъектов органа по обеспечению государственной охраны и популяризации объектов культурного наследия.

Вне зависимости от предмета ведения, компетентный потенциал в вопросах археологического туризма представляется максимально широким именно у этого субъекта. Прежде всего это определяется конкретной формой его властных полномочий, в числе которых наибольший интерес представляют создание и развитие каналов популяризации культурного наследия, формирования к нему гражданского и потребительского интереса. Выполнение этой функции в целях патриотического воспитания, сохранения культурной идентичности, а также экономического развития территории в разрезе темы нашего исследования предполагает административное и финансовое участие органов по обеспечению государственной охраны культурного наследия в выборе и организации актуальных форм археологического туризма и объектов его реализации, а также развитие археологической туристской практики и ее инфраструктурного обеспечения в рамках межотраслевого взаимодействия.

Глубокое понимание роли популяризации культурного наследия в деятельности по его сохранению профильными органами исполнительной власти выражается в соответствующей разработке и реализации доступных форм и средств стимулирования развития археологического туризма среди определенных групп населения конкретного региона. В ряде случаев именно на региональный орган власти возлагается ответственность по созданию соответствующих форм организации детского и юношеского археологического туризма в форме соответствующих центров. В идеальном виде такие центры должны функционировать в рамках межведомственного взаимодействия региональных органов власти.

Реализуя профильные компетенции, региональные органы исполнительной власти могут возлагать на себя часть материальных и нематериальных расходов по организации археологического туризма, что, безусловно, может стать значительным вкладом в развитие экономики региона. Безусловно, такая форма организации археотуризма предполагает открытые партнерские взаимоотношения между региональными комитетами, а также вузами как центрами компетенций в сфере археологического туризма. Подтверждением

является многолетняя позитивная практика организации археологических центров и специализированных парков в России [Прохода, Баранюк, 2016, с. 6–7; Кирюшин и др., 2007].

Действенным механизмом развития археологического туризма также следует признать деятельность специализированных открытых фондов, целевыми задачами которых является сохранение и популяризация культурного наследия России. В качестве примера можно упомянуть работу фонда «История Отечества», который посредством конкурсных мероприятий на протяжении нескольких лет обеспечивает финансирование программ по привлечению молодежи в археологические экспедиции [Археологические экспедиции и исследования, 2022].

В завершение следует отметить, что позитивные явления в виде участия государственных органов и поддержки фондами являются свидетельством выработки актуальных направлений реализации мероприятий государственной политики в сфере популяризации археологического наследия. Однако полагаем, что без формализации государственной политики, выраженной в определении программного развития этой деятельности и нор-

мативного закрепления инструментов поддержки развития археологического туризма, она так и будет носить частный характер. Вместе с тем, во избежание крайней зарегулированности, считаем целесообразной разработку концепции развития археологического туризма, включающую в себя, в отличие от государственных программ, не механизмы финансового содействия, сопряженные с правовыми ограничениями и контролем инициатив, а характеристику средств стимулирования археологического туризма, формализованные механизмы содействия координации субъектов взаимодействия и устранения препятствий в выработке наиболее эффективных методов сотрудничества в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D-реконструкции исторических объектов».

The reported study is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, research project no. 0633-2020-0004 “Development of Methods of Virtual 3D Reconstruction of Historical Sites”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Т. Е., Погодина В. Л., 2018. Особенности организации археологического туризма // Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Чита : Забайкальский гос. ун-т. С. 7–14.
- Анисимова В. В., Романова И. А., Некрасова М. Л., 2016. Археологический туризм как перспективное направление развития туризма в Краснодарском крае // Инновации в науке. № 10 (59). С. 85–95.
- Археологические экспедиции и исследования, 2022 // Фонд «История Отечества». URL: <https://fond.historyrussia.org/arkheologicheskie-ekspeditsii-i-issledovaniya.html> (дата обращения: 01.09.2022).
- Атамань, 2022. ФГБУК Краснодарского края «Выставочный комплекс “Атамань”». URL: <http://www.atamani.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
- Затерянный мир, 2022. Этно-археологический комплекс «Затерянный мир». URL: <https://zatermir.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).
- Ивлиева О. В., Шмыткова А. В., 2020. Геоинформационная идентификация районов археологического туризма в Южном федеральном округе // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Т. 26, № 3. С. 380–390.
- Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Нехведавичюс Г. Л., 2007. Работы по музеефикации объектов археологического наследия туркомплекса «Бирюзовая Катунь» // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. № 7-2. С. 133–136.
- Прохода П. В., 2016. Археологический туризм – российский опыт европейских инноваций // Противоречия и тенденции развития современного российского общества : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. М. : МУ им. С. Ю. Витте. С. 156–167.

- Прохода П. В., 2018. Инновации в предпринимательстве – археологический туризм на юге России: проблемы и перспективы // Современное развитие России в условиях новой цифровой экономики : сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Диапазон-В. С. 465–469.
- Прохода П. В., Баранюк А. В., 2016. Перспективы развития археологического туризма в Краснодарском крае // Сфера услуг: инновации и качество. № 24. С. 6–16.
- Татарское городище, 2022. Заповедник «Татарское городище» // Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. URL: <https://stavmuseum.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
- Томская Писаница, 2022. Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница». URL: <https://tomskayapisanitsa.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
- Херсонес Таврический, 2022. ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». URL: <https://chersonesos-sev.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
- Шелов Д. Б., 1974. Опыт организации археологического заповедника «Танаис» // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М. : Знание. С. 33–41.
- Hughes K., Little B. J., Ballantyne R., 2013. Integrating Education and Entertainment in Archaeological Tourism: Complementary Concepts or Opposite Ends of the Spectrum? // *Tourism and Archaeology: Sustainable Meeting Ground*. Walnut Creek : Left Coast Pr. P. 65–90.
- Kaminski J., Arnold D., Benson A., 2011. *Volunteer Archaeological Tourism: An Overview* // *Volunteer Tourism: Theoretical Frameworks and Practical Applications*. London ; New York : Routledge. P. 157–174.
- Lakiza V., 2013. *Archeological Tourism: A Journey to the Past* // *Science and Innovations*. № 7 (125). P. 7–12.
- Melgarejo A. M., López I. S., 2017. Relationship Between Tourism and Archaeology: Archaeological Tourism, an Independent Tourism Typology // *Pasos. Revista de Turismo y Patrimonio Cultural*. Vol. 15, № 1. P. 163–180.
- Möller K., 2019. *Archaeologist for a Week: Voluntourism in Archaeology* // *Feasible Management of Archaeological Heritage Sites Open to Tourism*. Cham : Springer. P. 105–114.
- Paardekooper R. P., 2014. *The History and Development of Archaeological Open-Air Museums in Europe* // *Experiments Past. Histories of Experimental Archaeology*. Leiden : Sidestone Press. P. 147–166.
- Paardekooper R. P., 2012. *The Value of an Archaeological Open-Air Museum is in Its Use. Understanding Archaeological Open-Air Museums and Their Visitors*. Leiden : Sidestone Press. 342 p.
- Schöbel G., 2015. *The Earliest Prehistoric Lakeside Settlements of Southern Germany and the Reconstruction Activities in the Pfahlbaumuseum Unteruhldingen* // Conference Amindeon “Balkan and Central European Lakeside Settlements – Sharing Old and New Archaeological Data”, 28.02–01.03.2015. URL: https://www.pfahlbauten.de/wp-content/uploads/2020/06/Artikel_Amindeon_GB_V04.pdf (date of access: 01.09.2022).
- Srivastava S., 2015. *Archaeotourism: An Approach to Heritage Conservation and Area Development* // *Global Journal of Engineering, Science & Social Science Studies*. Vol. 1, iss. 2. P. 31–42.

REFERENCES

- Ageeva T.E., Pogodina V.L. 2018. Osobennosti organizatsii arheologicheskogo turizma [Features of the Organization of Archaeological Tourism]. *Problemy, opyt i perspektivy razvitiya turizma, servisa i sotsiokulturnoy deyatel'nosti v Rossii i za rubezhom: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf.* [Problems, Experience and Prospects for the Development of Tourism, Service and Socio-Cultural Activities in Russia and Abroad. Proceedings of the 5th International Internet Conference]. Chita, Transbaikal State University, pp. 7-14.
- Anisimova V.V., Romanova I.A., Nekrasova M.L., 2016. Arheologicheskiy turizm kak perspektivnoe napravlenie razvitiya turizma v Krasnodarskom krae [Archaeological Tourism as a Promising Direction of Tourism Development in the Krasnodar Region]. *Innovatsii v nauke* [Innovations in Science], no. 10 (59), pp. 85-95.
- Arheologicheskie ekspeditsii i issledovaniya, 2022 [Archaeological Expeditions and Research]. *Fond «Istoriya Otechestva»* [Foundation “History of the Fatherland”]. URL: <https://fond.historyrussia.org/arkheologicheskie-ekspeditsii-i-issledovaniya.html> (accessed 1 September 2022).
- Ataman, 2022. *FGBUK Krasnodarskogo kraya «Vystavochnyy kompleks “Ataman”»* [Exhibition Complex “Ataman”, FSBIK of Krasnodar Region]. URL: <http://www.atamani.ru> (accessed 1 September 2022).
- Zateryanny mir, 2022. *Etno-arheologicheskiy kompleks «Zateryanny mir»* [Ethno-Archaeological Complex “The Lost World”]. URL: <https://zatermir.ru/> (accessed 1 September 2022).

- Ivlieva O.V., Shmytkova A.V., 2020. Geoinformatsionnaya identifikatsiya rayonov arheologicheskogo turizma v Yuzhnom federalnom okruge [Geoinformation Identification of Archaeological Tourism Areas in the Southern Federal District]. *InterKarto. InterGIS* [InterCarto. InterGIS], vol. 26, no. 3, pp. 380-390.
- Kiryushin Yu.F., Kiryushin K. Yu., Nehvedavichyus G.L., 2007. Raboty po muzeifikatsii obektov arheologicheskogo naslediya turkompleksa «Biryuzovaya Katun» [Works on Museumification of Objects of Archaeological Heritage of the Tourist Complex “Turquoise Katun”]. *Vestnik Barnaulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University], no. 7-2, pp. 133-136.
- Prohoda P.V., 2016. Arheologicheskii turizm – rossiyskiy opyt evropeyskih innovatsiy [Archaeological Tourism – Russian Experience of European Innovations]. *Protivorechiya i tendentsii razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sb. nauch. st. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Contradictions and Trends in the Development of Modern Russian Society. Proceedings of the All-Russian Conference]. Moscow, MU named after S. Yu. Vitte, pp. 156-167.
- Prohoda P.V., 2018. Innovatsii v predprinimatelstve – arheologicheskii turizm na yuge Rossii: problemy i perspektivy [Innovations in Entrepreneurship – Archaeological Tourism in the South of Russia: Problems and Prospects]. *Sovremennoe razvitie Rossii v usloviyah novoy tsifrovoy ekonomiki: sb. tr. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Development of Russia in the Context of the New Digital Economy. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Diapazon-V Publ., pp. 465-469.
- Prohoda P.V., Baranyuk A.V., 2016. Perspektivy razvitiya arheologicheskogo turizma v Krasnodarskom krae [Prospects for the Development of Archaeological Tourism in the Krasnodar Territory]. *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo* [Sphere of Services: Innovations and Quality], no. 24, pp. 6-16.
- Tatarskoe gorodishe, 2022. Zapovednik «Tatarskoe gorodishe» [Reserve “Tatar Settlement”]. *Stavropolskiy gosudarstvennyy istoriko-kulturnyy i prirodno-landshaftnyy muzey-zapovednik im. G.N. Prozriteleva i G.K. Prave* [Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G.N. Prozritelev and G.K. Prave]. URL: <https://stavmuseum.ru> (accessed 1 September 2022).
- Tomskaya Pisanitsa, 2022. *Kuzbasskiy muzey-zapovednik «Tomskaya Pisanitsa»* [Kuzbass Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”]. URL: <https://tomskayapisanitsa.ru> (accessed 1 September 2022).
- Hersones Tavricheskii, 2022. *FGBUK «Gosudarstvennyy istoriko-arheologicheskii muzey-zapovednik “Hersones Tavricheskii”»* [FSBIK State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauride Chersonesos”]. URL: <https://chersonesos-sev.ru> (accessed 1 September 2022).
- Shelov D.B., 1974. Opyt organizatsii arheologicheskogo zapovednika «Tanais» [The Experience of Organizing the Archaeological Reserve “Tanais”]. *Voprosy ohrany, klassifikatsii i ispolzovaniya arheologicheskikh pamyatnikov* [Issues of Protection, Classification and Use of Archaeological Monuments]. Moscow, Znanie Publ., pp. 33-41.
- Hughes K., Little B. J., Ballantyne R., 2013. Integrating Education and Entertainment in Archaeological Tourism: Complementary Concepts or Opposite Ends of the Spectrum? *Tourism and Archaeology: Sustainable Meeting Ground*. Walnut Creek, Left Coast Pr, pp. 65-90.
- Kaminski J., Arnold D., Benson A., 2011. Volunteer Archaeological Tourism: An Overview. *Volunteer Tourism: Theoretical Frameworks and Practical Applications*. London, New York, Routledge, pp. 157-174.
- Lakiza V., 2013. Archeological Tourism: A Journey to the Past. *Science and Innovations*, no. 7 (125), pp. 7-12.
- Melgarejo A.M., López I.S., 2017. Relationship Between Tourism and Archaeology: Archaeological Tourism, an Independent Tourism Typology. *Pasos. Revista de Turismo y Patrimonio Cultural*, vol. 15, no. 1, pp. 163-180.
- Möller K., 2019. Archaeologist for a Week: VolunTourism in Archaeology. *Feasible Management of Archaeological Heritage Sites Open to Tourism*. Cham, Springer, pp. 105-114.
- Paardekooper R.P., 2014. The History and Development of Archaeological Open-Air Museums in Europe. *Experiments Past. Histories of Experimental Archaeology*. Leiden, Sidestone Press, pp. 147-166.
- Paardekooper R.P., 2012. *The Value of an Archaeological Open-Air Museum is in Its Use. Understanding Archaeological Open-Air Museums and Their Visitors*. Leiden, Sidestone Press. 342 p.
- Schöbel G., 2015. The Earliest Prehistoric Lakeside Settlements of Southern Germany and the Reconstruction Activities in the Pfahlbaumuseum Unteruhldingen. *Conference Amindeon “Balkan and Central European Lakeside Settlements – Sharing Old and New Archaeological Data”, 28.02–01.03.2015*. URL: https://www.pfahlbauten.de/wp-content/uploads/2020/06/Artikel_Amindeon_GB_V04.pdf (accessed 1 September 2022).
- Srivastava S., 2015. Archaeotourism: An Approach to Heritage Conservation and Area Development. *Global Journal of Engineering, Science & Social Science Studies*, vol. 1, iss. 2, pp. 31-42.

Information About the Authors

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Информация об авторах

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.16>

UDC 930.26(470.45):736.22
LBC 63.48(2P-4Vor)-417

Submitted: 02.10.2021
Accepted: 19.09.2022

**DOUBLE-SIDED GLASS GEMS FROM THE BURIAL No. 13
OF THE KURGAN No. 1 OF THE GROUP “BOGOMOL’NYE PESKI-I”¹**

Alexey A. Timofeev

Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Mikhail Yu. Treister

Independent Researcher, Bonn, Germany

Abstract. The article examines five double-sided glass gems found as elements of a bracelet on the left wrist of a child aged 2,5–3 years in the burial no. 13 of the kurgan no. 1 of the “Bogomol’nye peski-I” group near the village of Nikol’skoe, Enotaevskiy District, Astrakhan Region. The inventory of the burial gives grounds for its dating within a broad frame of the 1st – first half of the 2nd century AD. As in the Scythian burials of the Dnieper region, glass gems in the kurgan of the “Bogomol’nye peski-I” group were found in a child’s burial. They were considered by their owners as items of jewelry and amulets, and not as a means for imprinting images. It is worth noting that the images on the sides of the same gem are rarely semantically related to each other, but rather give the impression of a rather random choice of subjects. In many cases, the motives go back to gems of the late Classical and Hellenistic periods. Given the fact that the images on the glass gems were mechanically reproduced from intaglios, there is reason to suppose that these were works of glyptics from the late Hellenistic period, which could theoretically be used for making glass gems at a later period. The uniqueness of double-sided glass gems, on the one hand, and their distribution in the North Pontic region in the 6th–4th centuries BC, on the other hand, give grounds to suggest the possibility of the origin of finds originating from the Sarmatian burials of the Lower Volga region from the workshops of the North Black Sea region, possibly of the Bosporan Kingdom.

Key words: double-sided intaglios and glass gems, iconography of the Late Hellenistic gems, Sarmatian burials of the Lower Volga region, kurgan group “Bogomol’nye peski-I”.

Citation. Timofeev A.A., Treister M.Yu., 2022. Dvustoronnie gemmy-litiki iz pogrebeniya № 13 kurgana № 1 mogil’nika «Bogomol’nye peski-I» [Double-Sided Glass Gems from the Burial no. 13 of the Kurgan no. 1 of the Group “Bogomol’nye Peski-I”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 269-296. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.16>

УДК 930.26(470.45):736.22
ББК 63.48(2P-4Vor)-417

Дата поступления статьи: 02.10.2021
Дата принятия статьи: 19.09.2022

**ДВУСТОРОННИЕ ГЕММЫ-ЛИТИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 13
КУРГАНА № 1 МОГИЛЬНИКА «БОГОМОЛЬНЫЕ ПЕСКИ-I»¹**

Алексей Анатольевич Тимофеев

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Михаил Юрьевич Трейстер

Независимый исследователь, г. Бонн, Германия

Аннотация. В статье рассматриваются пять двусторонних стеклянных гемм, найденных в составе браслета на левом запястье ребенка в возрасте 2,5–3 лет из погребения № 13 кургана № 1 группы «Богомольные пески» около села Никольское Енотаевского района Астраханской области. Инвентарь захоронения дает основания для его датировки в широких рамках I – первой половины II в. н.э. Как и в скифских погребениях Приднепровья VI–IV вв. до н.э., стеклянные литики в кургане группы «Богомольные пески» были найдены в детском погребении. Они рассматривались их владельцами как украшения и амулеты, а не как средство для оттискивания изображений. Обращает на себя внимание тот факт, что изображения на сторонах одной и той же геммы редко смысловым образом связаны между собой, а скорее производят впечатление довольно случайного выбора сюжетов. Во многих случаях мотивы восходят к геммам позднеклассического и эллинистического времени. Учитывая тот факт, что изображения на литиках механически воспроизводились с инталий, есть основания для предположения о том, что это были произведения глиптики еще позднеэллинистического времени, которые теоретически могли использоваться для изготовления литиков и в более позднее время. Уникальность двусторонних литиков, с одной стороны, и распространение их в Северном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э., с другой стороны, позволяют предполагать возможность происхождения находок, сделанных в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, из мастерских Северного Причерноморья, возможно, Боспора.

Ключевые слова: двусторонние геммы и литики, иконография гемм позднеэллинистического времени, сарматские погребения Нижнего Поволжья, курганная группа «Богомольные пески-I».

Цитирование. Тимофеев А. А., Трейстер М. Ю., 2022. Двусторонние геммы-литики из погребения № 13 кургана № 1 могильника «Богомольные пески-I» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 269–296. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.16>

Введение

В мае 2019 г. во время спасательных раскопок кургана № 1 курганной группы «Богомольные пески-I» близ села Никольское Енотаевского района Астраханской области была выявлена могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, ориентированная по линии СВ–ЮЗ – погребение № 13 [Тимофеев и др., 2020, с. 284–286, рис. 11–15]. На дне могильной ямы, ближе к ее восточной стенке, был расчищен костяк ребенка 2,5–3 лет плохой сохранности. Скелет находился в положении «вытянуто на спине» и был ориентирован головой на ЗЮЗ (рис. 1, 2, 1).

Рассматриваемые двусторонние литики входили в состав браслета на левом запястье ребенка вместе с пронизью из коралла, бусами из стекла (рис. 1, позиция на плане погребения 1, 2, 2–4) [Тимофеев и др., 2020, с. 284, рис. 12].

Среди других находок в погребении отметим небольшую резную гагатовую пиксиду (рис. 3, 1–2) [Тимофеев и др., 2020, с. 284–285, рис. 13, 18], находящую ближайшую параллель в одном из погребений могильника Вербовский I в Волго-Донском междуречье [Мамонтов, Шинкарь, 2014, с. 135, рис. 2, 5, с. 136, № 8], а также серолощенный фигурный

сосуд в форме птицы [Тимофеев и др., 2020, с. 285–286, рис. 15], сопоставимый с находками из погребений «Золотого кладбища» в Прикубанье (рис. 3, 3) [Гущина, Засецкая, 1994, с. 28, рис. 10, с. 61, кат. 305, табл. 30, 305; Раев, 2018, с. 84, рис. 5, 1–3] и курганного могильника «Королева могила» в Нижнем Поволжье [Раев, 2018, с. 82–93, рис. 2–3].

Эти находки дают основания для датировки погребения в широких рамках I – первой половины II в. н.э. [Мамонтов, Шинкарь, 2014, с. 141, 143; Тимофеев и др., 2020, с. 286].

1. Двусторонние литики.

Общие замечания

Не позднее V в. до н.э. в античной глиптике появляются двусторонние геммы, значительную часть которых составляют скарабеиды, выполненные в греко-персидском стиле [Beazley, 2002, p. 48]. Впрочем, известны, пусть и редкие примеры, двусторонних гемм более позднего времени. Геммы из стекла, часто в русскоязычной литературе называемые литиками [Максимова, 1955, с. 442; Островерхов, 2006, с. 131, примеч. 1; 2009, с. 80, примеч. 1; 2010, с. 86–87, примеч. 14], реже – «суррогатами печатей» [Максимова, 1937, с. 255], отливались по оттискам в формах, сня-

тых с настоящих резных гемм, при этом цвет стекла часто подражал цвету камня оригинала. Хотя такие геммы появились еще в архаическую эпоху и изготавливались и в классическое время (например, [Cat. Thessaloniki, 2010, с. 193, ар. 37, с. 210, ар. 66–67, с. 211, ар. 69, с. 218–220, ар. 83–86, с. 234, ар. 108–109, с. 331, ар. 334, с. 370, ар. 419–420; Mitsopoulos-Leon, 2017, S. 172, Nr. 378, Taf. 63], их массовое производство началось в эпоху позднего эллинизма и продолжилось в первые века н.э. [AGD I, 2, 1970, Nr. 81–82; Zazoff, 1983, S. 270–274; Spier, 1992, p. 145; Krug, 1995, S. 182–183; von Saldern, 2004, S. 200; Zwierlein-Diehl, 2007, S. 326–329]², при этом геммы из стекла, по крайней мере, с августовского времени, начинают широко использоваться в целях политической пропаганды [Vollenweider, 1955, p. 99–101; Maderna-Lauter, 1988, S. 441–473; Guiraud, 1996, p. 127–133; Wagner, 2019, p. 40; Gołyźniak, 2020, p. 22–32]³. Двусторонние геммы-литики из стекла редки. Очевидно, что такие геммы вряд ли использовались для оттискивания изображений, а скорее рассматривались как красивые пронизи, элементы ожерелий или браслетов. Литик-скарабеид IV в. до н.э. с двусторонним изображением происходит из меотского погребения в Закубанье (в оправе, как медальон) [Берзина, 2010, с. 46–47, № 15; Беглова, Эрлих, 2018, с. 169–170, рис. 197, 14].

Всего в состав браслета погребенного в кургане могильника «Богомольные пески-1» входило 5 двусторонних стеклянных литиков (рис. 4–6). Геммы отлиты из полупрозрачного стекла красновато-фиолетового цвета (на просвет при подсветке фонариком – розоватые). Указанные ниже в тексте статьи номера – номера хранения Астраханского музея-заповедника. Внешне своим цветом (темно-красным) отличается гемма № КП 48947/17, А-22682 (рис. 4,3, 5,3, 6,3), остальные геммы имеют цвет ближе к фиолетовому. У всех гемм овальная форма с продольным сквозным цилиндрическим отверстием. Поперечное сечение имеет линзовидную форму. Углубленные изображения представлены на каждой из двух сторон овальной формы. Геммы имеют близкие, но не идентичные размеры: 1,9–2,3 × 15,5–2,0 × 0,52–0,60 см.

1.1. Гемма № КП 48947/15, А-22680⁴

(рис. 4,1, 5,1, 6,1)

1.1.1. Сторона А

В три четверти вправо (верхняя часть торса развернута *en face*) изображен обнаженный мужчина атлетического телосложения, стоящий в полный рост, слегка откинувшись назад.левой рукой, опущенной, согнутой в локте и поднятой вверх, он опирается на вертикально поставленное копье. Правая рука, опущенная вниз, опирается на изображенный сбоку вертикально поставленный щит. Голова утрачена.

В такой позе и с такими атрибутами в глиптике эллинистического и римского времени изображался Арес / Марс [Henig, 1978, p. 195–196, no. 78, pl. III]. Подобное изображение представлено на сердоликовой гемме из Туниса в Музее Гетти [Spier, 1992, p. 120, no. 312], на гемме из яшмы из Лома в Болгарии [Димитрова-Милчева, 1980, с. 94, № 272], на сердоликовой гемме второй половины I в. н.э. из сокровищницы Кельнского собора [Zwierlein-Diehl, 1998, S. 210, Nr. 72], стеклянной пасте I в. н.э. из Виндониссы [von Gonzenbach, 1952, S. 68, Nr. 8, Taf. 27], на стеклянной гемме в перстне из Алезии [Guiraud, 1996, p. 105, fig. 73], на празе из Аквилеи [Sena Chiesa, 1966, p. 316, no. 894, tav. XLV]. Чаше бог войны изображался в такой же позе, но в шлеме [6.I.J.8, *Nude Mars with a helmet, spear and shield*], или в доспехе и шлеме [Krug, 1981, S. 219, Nr. 248, Taf. 103; Platz-Horster, 1994, S. 73, Nr. 6, Taf. 1, S. 147, Nr. 201, Taf. 37; AGD IVa, 1996, S. 72, Nr. 89–90, Taf. 12; Guiraud, 1996, p. 85, fig. 56; Dembski, 2005, S. 66–68, Nr. 125–144, Taf. 14–15; Boardman et al., 2009, no. 141]. Изображения восходят к культовой статуе из храма Марса Ультора в Риме (см., например, статую Марса Ультора в Капитолинском музее [15896: *Panzerstatue des Ares / Mars Ultor*]). Овальная гемма синего стекла с подобным изображением происходит из Ирана [Bagherpour Kashani, 2011, p. 253, 289, no. ChG 1505, pl. 27].

1.1.2. Сторона Б

В профиль влево представлен лежащий гиппокамп с головой коня, гребнем на шее и вытянутыми вперед конечностями.

Как правило, в глиптике первых веков н.э. гиппокампы [Sagiv, 2018, p. 140–144] изображаются с выброшенными вперед передними конечностями и рыбьим хвостом [Vollenweider, 1984, S. 63, Nr. 90; Zwierlein-Diehl, 1986, S. 228, Nr. 636, Taf. 113; AGWien III, 1991, S. 252, Nr. 2541, Taf. 182; Krug, 1995, S. 201, Nr. 19, Taf. 47], в том числе дополнительно с трезубцем [Димитрова-Милчева, 1980, с. 69, № 158; Richter, 2006, p. 89, no. 396, pl. L], которые на этом изображении не прослеживаются. Точные аналогии представленному на стороне Б изображению мне не известны.

1.2. Гемма № КП 48947/16, А-22681⁵

(рис. 4,2, 5,2, 6,2)

1.2.1. Сторона А

В профиль влево изображен воин в коротком хитоне (в левой руке щит, представленный сбоку, на голове – шлем с султаном), опирающийся на согнутую в колене правую ногу и поставленную на землю левую. Правая нога, согнутая в колене, выставлена вперед. В правой вытянутой вперед руке персонаж держит шлем или отсеченную голову в шлеме.

В близкой позе изображался обнаженный Марс [6.I.J.10, Clean shaven Mars ...], в похожей коленопреклоненной позе представлен обнаженный воин, также со щитом в левой руке, но без шлема в правой руке, на сарде италийской работы II в. до н.э. из коллекции Л. Мерца [Vollenweider, 1984, S. 94, Nr. 148], без щита и шлема – на геммах второй половины I в. до н.э. из Ксантена [Platz-Horster, 1994, S. 85, Nr. 38–39, Taf. 7].

Чаще встречаются изображения обнаженного стоящего воина со скрещенными ногами, который рассматривает шлем, как на датированных II в. н.э. геммах из собрания Художественно-исторического музея в Вене [AGWien III, 1991, S. 51, Nr. 1627–1629, Taf. 4–5], или отрубленную голову в шлеме – как на геммах II в. до н.э. из сардера и сердолика в Нумизматическом собрании Мюнхена [AGD I, 2, 1970, S. 31, Nr. 717–718, Taf. 83], гемме из яшмы республиканского времени в Апостольской библиотеке в Риме [Zazoff, 1983, S. 266, Anm. 31, Taf. 73,5]. В некоторых случаях изображение атрибутируют как образ

Ахилла, как на геммах I–II вв. н.э. из Ксантена [Platz-Horster, 1987, S. 72, Nr. 131, Taf. 25, S. 112, Nr. 195–196, Taf. 40]⁶ и Карнунта [Dembski, 2005, S. 108–109, Nr. 567–573, Taf. 56–57] и из находок в Англии [Henig, 1978, p. 65–66, nos. 457, 458, 460, App. 39, pl. XV]. В тех случаях, когда сам воин также носит шлем, как на изображении на публикуемом литике, предполагается, что это трофей, захваченный в бою [AGD II, 1969, S. 133–134, Nr. 330, Taf. 62].

1.2.2. Сторона Б

Изображение сохранилось плохо. Вероятно, здесь была изображена фигура сидящего в профиль влево человека с тирсом за спиной, с вытянутыми вперед руками, протянутыми к подходящему (стоящему) в профиль вправо козлу (?).

Изображения подобного рода, буколические сцены с пастухом (или Сатиром) и козлом, представлены как в глиптике поздне-республиканского времени, так и императорского времени – чаще всего пастух изображен держащим козу, как на двусторонней гемме италийской работы I в. до н.э. – I в. н.э. из кургана № 6, группы IX у с. Подгородное [Костенко, 1984, с. 127–128, рис. 3–4; Трейстер, 2007, с. 300; Simonenko, 2008, S. 60, Nr. 33.2, Taf. 24,4; Симоненко, 2011, с. 125, рис. 75,1–2, с. 126] и других многочисленных примерах в глиптике I–III вв. н.э. [Sena Chiesa, 1966, p. 291–292, nos. 786–790, tav. 40; Maaskant-Kleinbrink, 1978, p. 340–341, nos. 1053–1055, pl. 165; Димитрова-Милчева, 1980, с. 72, № 171–173; AGWien III, 1991, S. 59, Nr. 1667–1672, Taf. 11–12; AGD III, 1970 (Kassel), S. 202, Nr. 29, Taf. 90; Krug, 1995, S. 210, Nr. 58, Taf. 52; Dembski, 2005, S. 105, Nr. 536, Taf. 52], но встречаются и изображения Сатира, почесывающего горло козленка [Sena Chiesa, 1966, p. 293–294, nos. 794, 796–797, tav. 40; AGD I, 2, 1970, S. 74, Nr. 994, Taf. 113 (II–I вв. до н.э.); AGD IV, 1975, S. 176–177, Nr. 873, 876, Taf. 113–114; Vollenweider, 1984, S. 119–120, Nr. 203 (сердина I в. до н.э.); Zwierlein-Diehl, 1986, S. 136–137, Nr. 250, Taf. 49] или держащего его за передние конечности [Sena Chiesa, 1966, p. 292–293, nos. 791, tav. 40; Zwierlein-Diehl, 1986, S. 136, Nr. 249, Taf. 48].

1.3. Гемма № КП 48947/17, А-22682⁷**(рис. 4,3, 5,3, 6,3)***1.3.1. Сторона А*

В профиль влево представлен стоящий юноша в хитоне до середины бедра. Обе его ноги согнуты в коленях. Он опирается на правую ногу, а левая – отставлена назад и поставлена на носок. В вытянутых вперед руках неопределенный предмет, возможно, лира. Перед ним – на уровне ног изображен стоящий на земле бюст (?).

В близкой позе изображался Сатир, играющий на лире, на гемме из сардера в Кельна второй половины I в. до н.э. [Krug, 1981, S. 231, Nr. 322, Taf. 112], и Аполлон, играющий на лире, на датируемой II в. до н.э. гемме из плазмы в Археологическом музее в Мадриде [Casal Garcia, 1990, p. 78, no. 6]. Близкая поза и особенно близкое положение рук представлены у фигуры, вырезанной на гемме, найденной в районе Ксантена и датируемой I в. до н.э. Предполагается, что изображен философ, предмет, расположенный между руками – свиток [Platz-Horster, 1987, S. 119, Nr. 209, Taf. 42]. Очень близки композиции датирующихся первой половиной III в. до н.э. этрусских гемм и литиков с изображением Гермеса с кирикейоном, склонившегося над стоящей на уровне земли бородатой головой – их интерпретируют как изображения Гермеса Психопомпа, вызывающего умершего (?) [AGD II, 1969, S. 126, Nr. 299, Taf. 58; IV, S. 32, Nr. 60, Taf. 19; Zwierlein-Diehl, 1986, S. 80, Nr. 85, Taf. 20; 2007, S. 96, 395, Abb. 362].

1.3.2. Сторона Б

Сфинкс в профиль влево. Задние лапы подогнуты, передние – поставлены вертикально. Крылья серповидной формы загнуты вверх, проработаны элементы оперения. Обозначен уровень земли.

Профильные изображения сидящего в подобной позе с аналогичным образом трактованными крыльями сфинкса известны в глиптике уже в архаическое время [AGD I, 1, 1968, S. 46–47, Nr. 201, Taf. 22 (скарабеоид из стеатита)]. Близкое изображение сидящего сфинкса в профиль влево вырезано на скара-

бее из горного хрусталя, хранящемся в Париже, которое Д. Бордман сопоставлял с образами на монетах Хиоса середины V в. до н.э., а П. Цацофф датировал ок. 420 г. до н.э. [Boardman, 2001, p. 194, 287, pl. 454; Zazoff, 1983, S. 141, Anm. 78, Taf. 33,8], а также на буллах из храмового архива Карфагена, датированных Д. Бергесом концом V – началом IV в. до н.э. [Berges, 1997, S. 83, Nr. 10–11, Taf. 8, 28]. Изображения сфинкса в близкой позе представлено на золотых бляшках: контурных – из Семибратнего кургана № 2 [Отчет ... , 1876, с. 122, № 28, с. 145, табл. 3,16; Artamonow, 1970, Taf. 108; Galanina, Grach, 1986, figs. 76–77; Kat. Bonn, 1997, S. 88, Nr. 15] и кургана № 17 некрополя Нимфея [Отчет ... , 1877, с. 235, № 11, табл. 3,23; Силантьева, 1959, с. 75, рис. 38,16] и прямоугольных – из Семибратнего кургана № 6 [Отчет ... , 1876, с. 128, № 7, с. 145, табл. 3,27], которые можно датировать временем около середины V в. до н.э., на серебряной бляшке из погребения V в. до н.э. некрополя Синдской Гавани [Сударев, 2010, с. 448, рис. 24; Новичихин, Галут, 2013, с. 87], а также на щитке бронзового перстня из Додоны, хранившегося в Берлине и утраченного [Berlin, Antikensammlung, inv. Nr.: Misc. 10777] и на щитках четырех бронзовых перстней из Олимпии [Philipp, 1981, S. 169–173, Nr. 624–627, Taf. 10]. Сидящий в профиль влево сфинкс, перед которым стоит амфора с гроздьем винограда на ней, появляется в качестве эмблемы на монетах Хиоса уже в 540-е гг. до н.э. [Baldwin, 1914, p. 4–5] и остается надолго монетной эмблемой этого центра [Baldwin, 1914, p. 4–5; Mattingly, 1981, p. 81–86, pl. 1; Kraay, 1976, p. 242–243, pl. 52, figs. 886–891; Lacroix, 1982, p. 79; Hardwick, 1993, p. 211; 2010, p. 217–245; Lagos, 1998, p. 556].

Сфинкс в аналогичной позе представлен на датирующейся концом I в. до н.э. гемме из агата в Археологическом музее Мадрида [Casal Garcia, 1990, p. 91, no. 59], пасте I в. до н.э. – I в. н.э. в Геттингене [AGD III, 1970, S. 124, Nr. 337, Taf. 57], сердоликовых геммах второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. из музеев Аквилеи [Sena Chiesa, 1966, p. 375, no. 1224, tav. LXII] и Гааги [Maaskant-Kleinbrink, 1978, p. 192, no. 431, pl. 82], геммах из яшмы и сердолика в музее Метрополитен [Richter, 2006, p. 88, nos. 390–391, pl. XLIX] (с широкой

датировкой от I в. до н.э. до первых веков н.э.); геммах из контекстов раннеимператорского времени в Британии [Henig, 1978, p. 265, no. 654, pl. XX; M52, Sphinx, groundline].

1.4. Гемма № КП 48947/18, А-22683⁸

(рис. 4,4, 5,4, 6,4, 7,1)

1.4.1. Сторона А

В профиль вправо представлена фигура стоящего обнаженного мужчины, опирающегося на прямую правую ногу, с левой ногой, согнутой в колене, отставленной на носок назад, в шлеме с султаном. Правая рука опущена и обмотана плащом.левой рукой, согнутой в локте и поднятой вверх, он опирается на вертикально поставленное копьё. Обозначен уровень земли.

Ближайшая параллель – на гемме из сардоникса в сокровищнице Кельнского собора – персонаж атрибутируется как «герой» (отличается тем, что на голове нет шлема), датирована III в. до н.э. [Zwierlein-Diehl, 1998, S. 181, Nr. 43]. Аналогичный мотив представлен на гемме из сердолика из Аквилеи [Sena Chiesa, 1966, p. 316, no. 898, tav. XLV]. В подобной позе в скульптуре изображались правители эллинистического времени. Среди известных статуарных изображений в бронзе сопоставима крупная фигурка в собрании Художественного музея Волтерса в Балтиморе, происходящая из Египта. Одной рукой персонаж опирается на копьё. Вокруг второй руки также обмотан плащ; статуетка опубликована как изображение Александра⁹ [Cat. San Francisco, 1982, no. S-8; Hellenistic Ruler ...].

1.4.2. Сторона Б

Изображена пантера влево с повернутой назад головой. В зубах зажат изображенный по диагонали тирс с развевающимися лентами, нижний конец которого пантера придерживает одной из лап. Обозначен уровень земли (рис. 7,1).

Близкое изображение представлено на двустороннем стеклянном литике из датированного I в. н.э. погребения № 3 кургана № 17/2003 могильника Вербовский I (рис. 7,2) [Мамонтов, Шинкарь, 2014, с. 137, рис. 3,8, с. 138, рис. 5,4,

с. 139–140, № 11, с. 142–143]¹⁰. Подробный анализ изображения будет представлен нами в специальной публикации¹¹. Аналогичные изображения самки пантеры с повернутой назад головой и с тирсом с лентами, который пантера придерживает лапой, имеются на монетах Филадельфии в Лидии конца II – I в. до н.э. (рис. 7,5) [Imhoof-Blumer, 1897, S. 114–115, Nr. 8; BMC Lydia, 1901, p. 189, no. 16; SNG von Aulock II, 1963, Nr. 3057; SNG Copenhagen 27.1, 1947, Nr. 340; Tanriöver, 2016, S. 185–186, Anm. 17–18]. Подобные изображения известны на датированных I в. до н.э. – I в. н.э. геммах (рис. 7,3–4) [Sagiv, 2018, p. 87–90]. Особенно близкое изображение (отличаются лишь тем, что пантера изображена не в прыжке, а стоящей) представлено на сердоликовой гемме в собрании Музея Торвальдсена, которую датируют римским республиканским временем, III–II вв. до н.э. (рис. 7,3) [Ubekendt, THM I 335 Panther with a thyrsus staff]).

1.5. Гемма № КП 48947/19, А-22684¹²

(рис. 4,5, 5,5, 6,5, 8,1–3)

1.5.1. Сторона А

Изображена стоящая в профиль влево Афина, слегка склонившаяся вперед. Богиня одета в длинный подпоясанный пеплос с вертикальными складками внизу. На голове – шлем с полусферическим куполом, широкими полями, с султаном. Левая рука согнута в локте и приподнята к плечу. В правой богиня держит копьё, изображенное по диагонали, наконечником вниз, который опирается на верхний край поставленного вертикально, несколько с наклоном вперед, изображенного сбоку щита.

Как правило, Афина (Минерва) изображалась со щитом и копьём вертикально стоящей, опираясь опущенной левой рукой на стоящий на земле щит, а правой, согнутой в локте и поднятой вверх рукой, опираясь на вертикально поставленное копьё. Такой образ Минервы часто использовался в качестве эмблемы на римских монетах республиканского и императорского времени, в скульптуре и глиптике.

Изображение на литике не находит точных параллелей в глиптике и вообще в избоб-

ражениях Афины в античном искусстве [Demargne, 1984; Villing, 2009]¹³. В какой-то степени близко изображение (поза) Минервы, сидящей на скале, со щитом, копьем и змеей в руках – на гемме из сердолика, хранящейся в Нюрнберге и датируемой I в. н.э. [AGD IVa, 1996, S. 91, Nr. 187, Taf. 26].

Поза богини и трактовка складок пеплоса (рис. 8, 1–3) находят довольно близкую параллель на гравированном изображении на щитке золотого перстня из погребения № 2 в Тилля-тепе (с надписью с именем Афины в зеркальном отображении): однако, в данном случае богиня опирается левой рукой, придерживающей вертикально поставленное копье, на щит, стоящий за ней, а правая рука – вытянута вперед (рис. 8, 4–5). Очень близко трактованы необычные для изображений Афины (вместо аттических или коринфских шлемов, наиболее популярных в архаическую и классическую эпоху [Villing, 1992, p. 62–66; Ritter, 1997, S. 21–57]) шлемы с полусферическим куполом, широким горизонтально отогнутым краем и спускающимся к затылку плюмажем [Sarianidi, 1985, S. 168, Taf. 108, S. 230, Nr. 2.1; Kat. Bonn, 2010, S. 166, Nr. 55; Stančo, 2012, p. 47–48, 57, fig. 12; Boardman, 1994, p. 119, fig. 4.56; 2015, p. 156, pl. XLIII]¹⁴, которые определяют как шлемы греко-бактрийского типа [Kat. Bonn, 2010, S. 166, Nr. 55]. Близкий шлем изображен на голове Афины, представленной стоящей со щитом и копьем еще на одной находке из Тилля-тепе – найденной в погребении № 3 золотой овальной печатке (также с надписью с именем Афины в зеркальном отображении), не исключено, что изначально вставке в перстень (рис. 8, 4–5) [Sarianidi, 1985, S. 127, Taf. 73, S. 246, Nr. 3.78; Kat. Bonn, 2010, S. 193, Nr. 105; Stančo, 2012, p. 48–49, 60, no. 22, fig. 54; Абдуллаев, 2016, с. 584–585, рис. 2; Abdullaev, 2017, p. 160, fig. 3, p. 161]. Учитывая датировки погребений некрополя с находками римских монет (в частности, погребения № 3), есть все основания относить перстень ко времени не позднее первой половины I в. н.э. Более того, нельзя исключать, что вставка в щиток с изображением, металл которой отличается по цвету от металла шинки, может быть еще более ранней и датироваться I в. до н.э. (ср.: [Stančo, 2012, p. 47–48]).

Можно с высокой долей уверенности предполагать, что поза богини восходит к изображениям Афродиты Оружной (*Aphrodite Enoplion*) со щитом и копьем, представленной, в частности, на гемме из граната с подписью резчика Гелона в золотом перстне, найденной в «гробнице Эротов» в Эретрии и датируемой третьей четвертью III в. до н.э. или ок. 200 г. до н.э. (рис. 8, 6–7) [Beazley, 1920, p. 85–86, no. 102; 2002, p. 65, no. 102, pl. 21; Flemberg, 1991, S. 58; 1995, p. 116–117, fig. 6; Plantzos, 1999, p. 68, 119, no. 165, pl. 29; Jackson, 2005, p. 301, 302, fig. 10; Zwierlein-Diehl, 2007, S. 76, 380, Abb. 284; Huguenot, 2008, vol. 1, p. 180–182; vol. 2, p. 2, 18, no. 69, pl. 32, 1–3; Budin, 2010, p. 92, 93, fig. 5.4; Spier, Ogden, 2015, p. 75, fig. 22; Spier, 2019, p. 34, fig. 5]. В свою очередь, предполагают, что такие изображения на геммах восходят к культовой статуе Арсинои II [Plantzos, 1999, p. 68; Spier, 2019, p. 34].

1.5.2. Сторона Б

В профиль влево изображена обнаженная женщина (?) с ногами, полусогнутыми в коленях, и наклоненным вперед туловищем. Руки вытянуты вперед. В правой руке – два наконечника копий (?). Перед ней на уровне земли – прямоугольный алтарь (?).

Изображение на стороне Б человека с двумя копьями в правой руке, наклонившегося и совершающего жертвоприношение (?) перед алтарем, находит параллель на халцедоновой гемме из погребения № 175 Охлебининского могильника [Кат. Уфа, 2007, с. 71]. Аналогичный сюжет представлен на стеклянных пастах в собрании Археологического музея в Мадриде, датирующихся III–II и II вв. до н.э. [Casal Garcia, 1990, p. 84, nos. 29–30], на италийской (?) стеклянной гемме II в. до н.э. в Гааге [Maaskant-Kleinbrink, 1978, p. 98, no. 70, pl. 17] и на сердоликовой гемме I в. до н.э. в Нумизматическом собрании в Мюнхене [AGD I, 2, 1970, S. 79, Nr. 1024, Taf. 116]. В похожих позах изображались обнаженные юноши, склонившиеся над цистой со змеей (на этих изображениях, как правило, видна змея и крышка цисты открыта), например, на геммах из Аквилеи I в. до н.э. [Sena Chiesa, 1966, p. 296, nos. 806–809, tav. XLI] и гемме, хранящейся в Ганновере [AGD IV, 1975, S. 33, Nr. 64 (с лит.)].

Taf. 19], над алтарем, приносящим в жертву голубя – на сардониксе II в. до н.э. в Вене [AG Wien I, 1973, S. 69, Nr. 128, Taf. 23], с ветвью над алтарем – на сердоликовой гемме I–II вв. н.э. в Вене [AG Wien III, 1991, S. 58, Nr. 1660, Taf. 10].

Заключение

Находка входящей в состав браслета группы двусторонних стеклянных литиков в погребении № 13 кургана № 1 группы «Богомольные пески-I», как и более ранние находки серий стеклянных скарабеоидов (как правило, односторонних) в скифских курганах Приднепровья IV в. до н.э. [Островерхов, 2006, с. 131–154; 2009, с. 93; 2010, с. 90, 92, рис. 5, с. 97; Болтрик, Фиалко, 2007, с. 82–87, рис. 10, 1–2, 5–7, 13; Фиалко, 2012, с. 235, рис. 11, 2; Синика, Тельнов, 2016, с. 489–490, № 1, рис. 1, 4, с. 493–495; Синика и др., 2018, с. 113, рис. 2, 5, с. 115–116; Болтрик, Шелехань, 2020, с. 104, рис. 17, 5, с. 106] и меотских – Закубанья [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 158–159, табл. IV, 6–9; Вахтина, 2016, с. 28–29, рис. 2, 2, 5, 10, 15; Берзина, 2010, с. 46–47, № 15; Беглова, Эрлих, 2018, с. 169–170, рис. 197, 14], свидетельствуют о том, что они рассматривались их владельцами как украшения и амулеты, а не как средство для отгискивания изображений. Как и в скифских погребениях Приднепровья, стеклянные литики в кургане группы «Богомольные пески-I» были найдены в детском погребении.

Обращает на себя внимание тот факт, что изображения на сторонах одной и той же геммы редко смысловым образом связаны между собой, а скорее производят впечатление довольно случайного выбора сюжетов. Изображения на двух сторонах одного и того же литика часто представлены в различных плоскостях (на одной стороне это может быть вертикальное изображение по оси отверстия, на другой – горизонтальное), в одном случае – вертикальные изображения развернуты по оси на 180 градусов. Во многих случаях сюжеты восходят к геммам позднеклассического и эллинистического времени. Учитывая тот факт, что изображения на литиках механически воспроизводились с инталий, есть основания для предположения о том, что это были

произведения глиптики еще позднеэллинистического времени, которые теоретически могли использоваться для изготовления литиков и в более позднее время. Заслуживает внимания редкий тип изображения Афины на одной из гемм – поза богини и трактовка складок пеплоса находят параллели на резном изображении щитка золотого перстня из Тилля-тепе. Обращает на себя внимание также использование мотива пантеры с повернутой назад головой с тирсом, связь которого с монетной эмблемой II–I вв. до н.э. Филадельфии в Лидии весьма вероятна.

Уникальность двусторонних литиков, с одной стороны, и распространение их в Северном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э., с другой стороны, позволяют предполагать возможность происхождения находок из сарматских погребений Нижнего Поволжья из мастерских Северного Причерноморья, возможно, Боспора, где в рассматриваемое время, как и в Сарматии [Трейстер, 2007, с. 299–302], геммы использовались в качестве украшений элементов ожерелий [Трейстер, 2015а, с. 132–134, рис. 30, 2–7; 2015б, с. 469–473, № 152–155, табл. 48] и гривен [Трейстер, 2007, с. 300–301, № В36.7, табл. 56, 79].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Введение и раздел 1 этой статьи подготовлены А.А. Тимофеевым, раздел 2 и выводы – М.Ю. Трейстером.

² О стеклянных геммах архаического времени с Родоса см.: [Triantafyllidis, 2003, p. 132].

³ Впрочем, известны и стеклянные геммы с изображением головы Александра Македонского эллинистического времени [Schulze, 2020, S. 237, Abb. 12].

⁴ Имеется скол у верхнего края геммы – утрачена голова фигуры на стороне А. Размеры: 1,9 × 1,55 × 0,55 см [Тимофеев и др., 2020, с. 284, рис. 12, 1].

⁵ 2,15 × 1,63 × 0,52 см [Тимофеев и др., 2020, с. 284, рис. 12, 2].

⁶ См. также атрибуцию геммы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина: [Финогенова, 1993, с. 36–37, № 48; Кат. Москва, 2012, с. 150, № 103].

⁷ 2,2 × 1,7 × 0,56 см [Тимофеев и др., 2020, с. 284, рис. 12, 3].

⁸ 2,5 × 2,0 × 0,55 см [Тимофеев и др., 2020, с. 284, рис. 12, 4].

⁹ Baltimore, Walters Art Museum, inv. no. 54.1045.

¹⁰ Гемма опубликована как сделанная предположительно из фиолетового оникса.

¹¹ Трейстер М. Ю., 2023. Двусторонние стеклянные литики из сарматских погребений Нижнего Поволжья // Вестник древней истории (в печати).

¹² 2,3 × 1,8 × 0,6 см [Тимофеев и др., 2020, с. 284, рис. 12,5].

¹³ Об изображениях Афины эпохи поздней классики и эллинизма см.: [Altripp, 2010].

¹⁴ Близкую позу демонстрирует богиня, держащая в руке щит перед собой – на бирюзовой гемме золотого перстня из того же погребения (рис. 8,8) [Kat. Bonn, 2010, S. 166, Nr. 56; Stančo, 2012, p. 47–48, 58, fig. 14].

ПРИЛОЖЕНИЯ

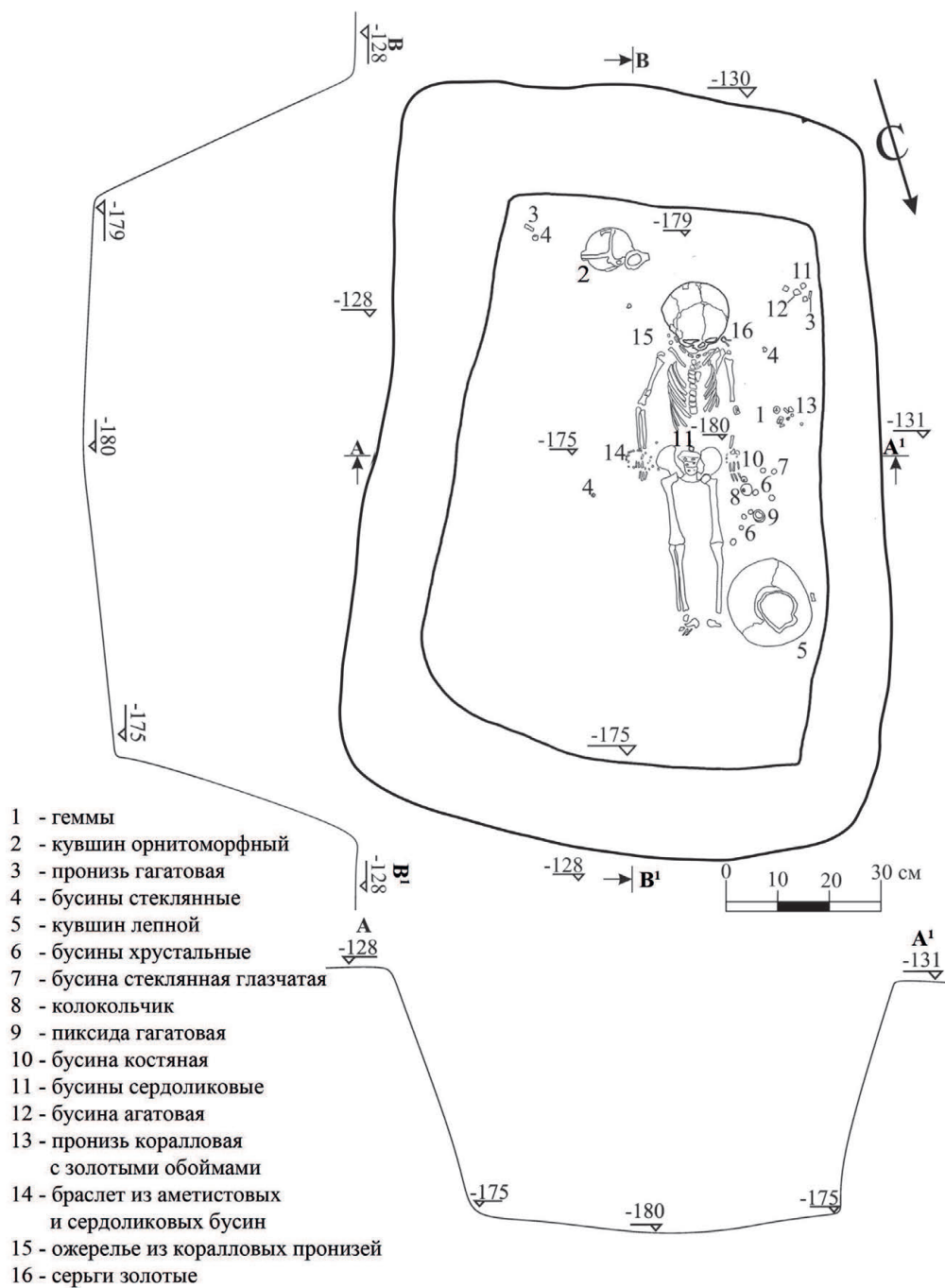

Рис. 1. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1. Погребение № 13. 1 – план погребения:

1 – геммы стеклянные; 2 – кувшин орнитоморфный глиняный; 3 – пронизь гагатова; 4 – бусины стеклянные; 5 – кувшин лепной; 6 – бусины хрустальные; 7 – бусина стеклянная глазчатая; 8 – колокольчик серебряный; 9 – пиксида гагатова; 10 – бусина костяная; 11 – бусины сердоликовые; 12 – бусина агатова; 13 – пронизь коралловая с золотыми обоями; 14 – браслет из аметистовых и сердоликовых бусин; 15 – ожерелье из коралловых пронизей; 16 – серьги золотые. Рисунки А.А. Тимофеева, 2019

Fig. 1. “Bogomol’nye peski-I” burial ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13. 1 – the plan of the burial:

1 – glass gems; 2 – ornithomorphic clay jug; 3 – jet bead; 4 – glass bead; 5 – hand-made clay jug; 6 – rock crystal beads; 7 – glass eye-bead; 8 – silver bell; 9 – jet pyxis; 10 – bone bead; 11 – cornelian beads; 12 – agate bead; 13 – coral bead with gold collars; 14 – bracelet of amethyst and cornelian beads; 15 – necklace of coral beads; 16 – gold earring. Drawing by A.A. Timofeev, 2019

1

2

3

4

Рис. 2. Могильник «Богомольные пески-І». Курган № 1. Погребение № 13:

1 – общий вид с севера; 2–4 – детали (стеклянные геммы *in situ*). Фото А.А. Тимофеева, 2019

Fig. 2. “Bogomol’nye peski-I” burial ground. Kurgan no. 1/2019. Burial no. 13:

1 – general view from the north; 2–4 – details (glass gems *in situ*). Photographs by A.A. Timofeev, 2019

Рис. 3. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1. Погребение № 13. Гагатовая пиксида (1–2) и глиняный орнитоморфный кувшин (3). Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник»:

1–2 – КП 48947/20, А-22685; 3 – КП 48947/38, А-22703. Фото А.А. Тимофеева, 2021

Fig. 3. “Bogomol’nye peski-I” burial-ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13. 1–2 – jet pyxis; 3 – ornitomorphic clay jug. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve:

1–2 – КП 48947/20, А-22685; 3 – КП 48947/38, А-22703. Photographs by А.А. Timofeev, 2021

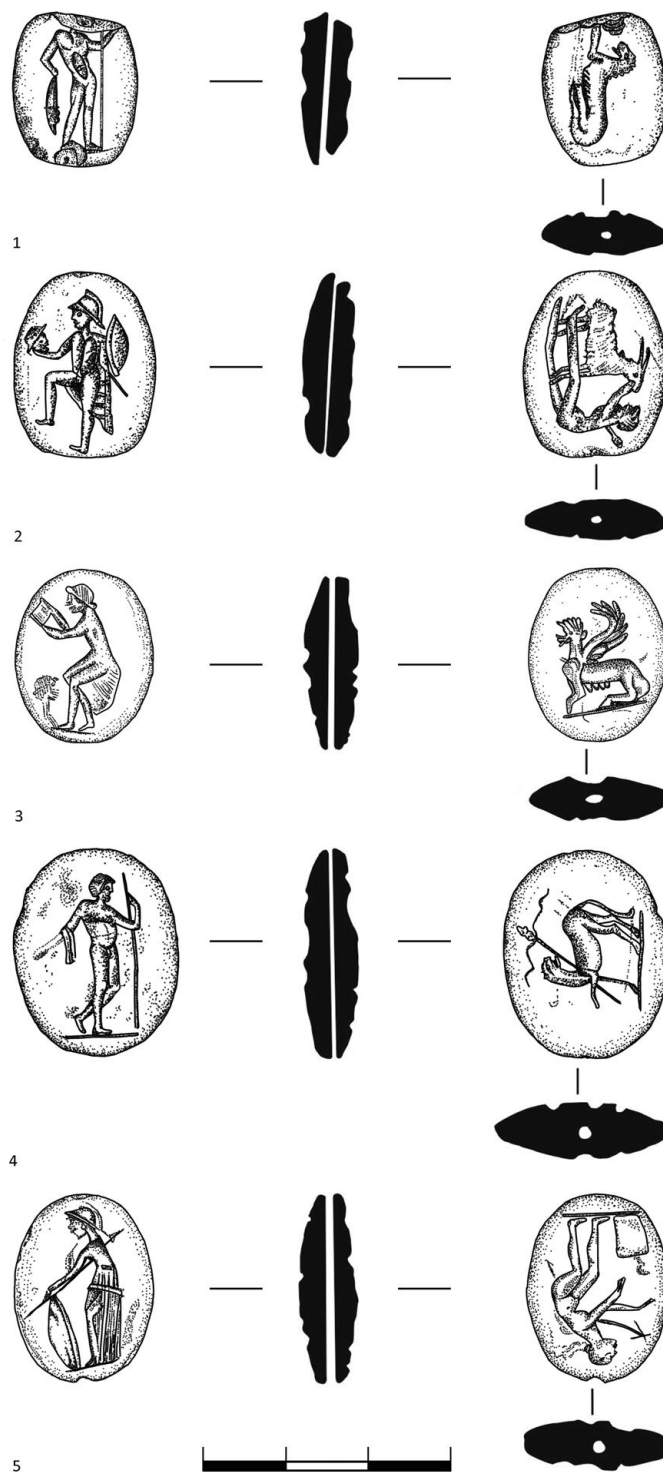

Рис. 4. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1. Погребение № 13.

Стеклянные двусторонние геммы. Общие виды и разрезы.

Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/15-19, А-22680–22684:

1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682;
4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Рисунки А.Г. Жировой, 2021

Fig. 4. “Bogomol’nye peski-I” burial-ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13.

Glass double-faced gems. General views and sections.

Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, 48947/15-19, А-22680–22684:

1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682;
4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Drawings by A.G. Zhirova, 2021

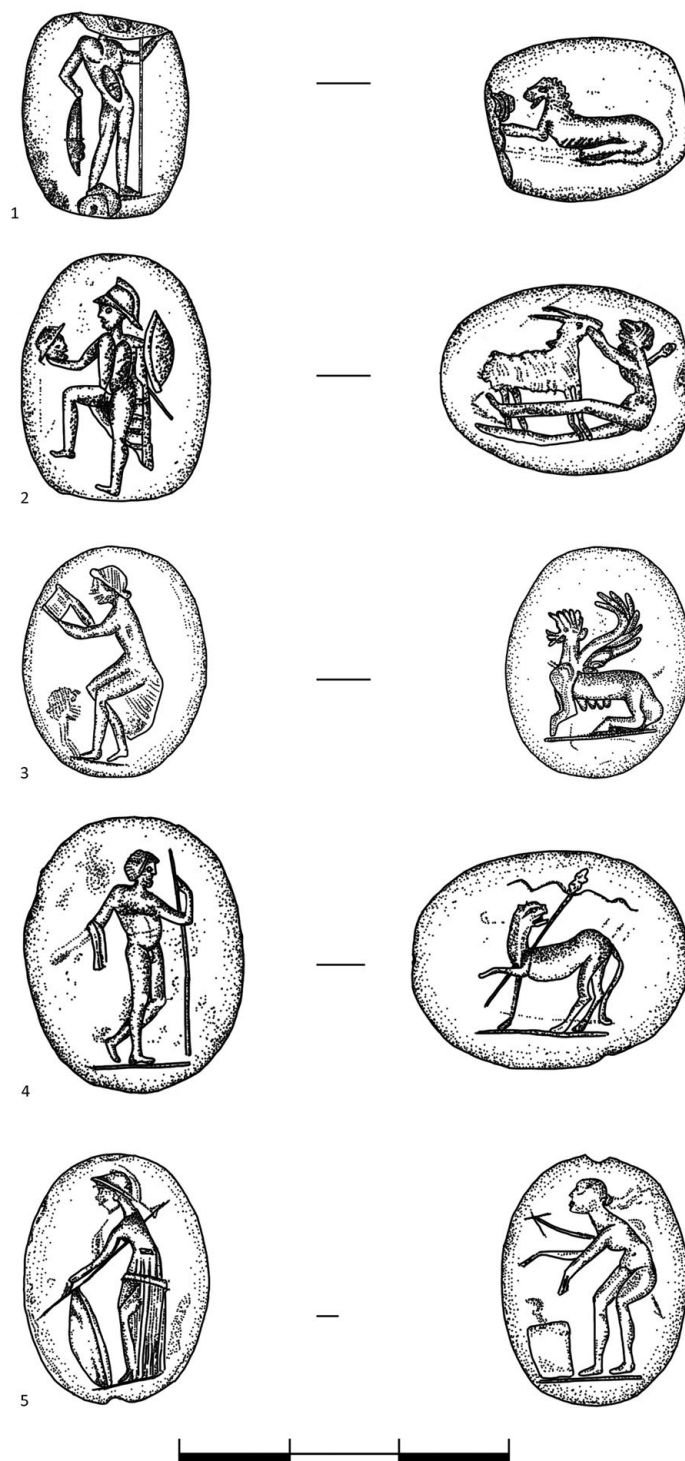

Рис. 5. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1. Погребение № 13.

Стеклянные двусторонние геммы. Общие виды (развернуты).

Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/15-19, А-22680–22684:

1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682;
4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Рисунки А.Г. Жировой, 2021

Fig. 5. “Bogomol’nye peski-I” burial-ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13.

Glass double-faced gems. General views (turned around).

Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, 48947/15-19, A-22680–22684:

1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682;
4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Drawings by A.G. Zhirova, 2021

Рис. 6. Могильник «Богомольные пески-I». Курган № 1. Погребение № 13.
Стеклянные двусторонние геммы. Общие виды (развернуты).
Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/15-19, А-22680–22684:
1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682;
4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Фото В.Э. Тамбаевой, 2021

Fig. 6. “Bogomol’nye peski-I” burial-ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13.
Glass double-faced gems. General views (turned around).
Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, 48947/15-19, A-22680–22684:
1 – КП 48947/15, А-22680; 2 – КП 48947/16, А-22681; 3 – КП 48947/17, А-22682;
4 – КП 48947/18, А-22683; 5 – КП 48947/19, А-22684. Photographs by V.E. Tambaeva, 2021

Рис. 7. Стеклянная гемма из могильника «Богомольные пески-I» и аналогии мотиву «пантера с тирсом»:

- 1 – «Богомольные пески-I». Курган № 1. Погребение № 13. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/18, А-22683; 2 – Вербовский I. Курган № 17. Погребение № 3. Волгоград, ВОКМ, инв. № 23808/21; 3 – Копенгаген, Музей Торвальдсена, инв. № I335; 4 – Копенгаген, Музей Торвальдсена, инв. № I334; 5 – монета Филадельфии в Лидии, I в. до н.э., магистрат Эрмипп. 1 – фото В.Э. Тамбаевой, 2021; 2 – фото М.Ю. Трейстера, 2015; 3 – по: [Ubekendt, THM I 335 Panther with a thyrsus staff]; 4 – по: [Ubekendt, THM I 334 Panther with a thyrsus staff]; 5 – по: [From Lydia, Philadelphia ...]

Fig. 7. Glass gem from “Bogomol’nye peski-I” burial ground and the parallels to the motif “a panther with a thyrsus”:

- 1 – “Bogomol’nye peski-I” burial ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, КП 48947/18, A-22683; 2 – Verbovskiy I. Kurgan no. 17. Burial no. 3. Volgograd, Volgograd Regional Local Lore Museum, inv. no. 23808/21; 3 – Copenhagen, Thorvaldsen Museum, inv. no. I335; 4 – Copenhagen, Thorvaldsen Museum, inv. no. I334; 5 – coin of Philadelphia, Lydia, 1st century BC. Ermippos, magistrate. 1 – photograph by V.E. Tambaeva, 2021; 2 – photograph by M.Yu. Treister, 2015; 3 – after: [Ubekendt, THM I 335 Panther with a thyrsus staff]; 4 – after: [Ubekendt, THM I 334 Panther with a thyrsus staff]; 5 – after: [From Lydia, Philadelphia ...]

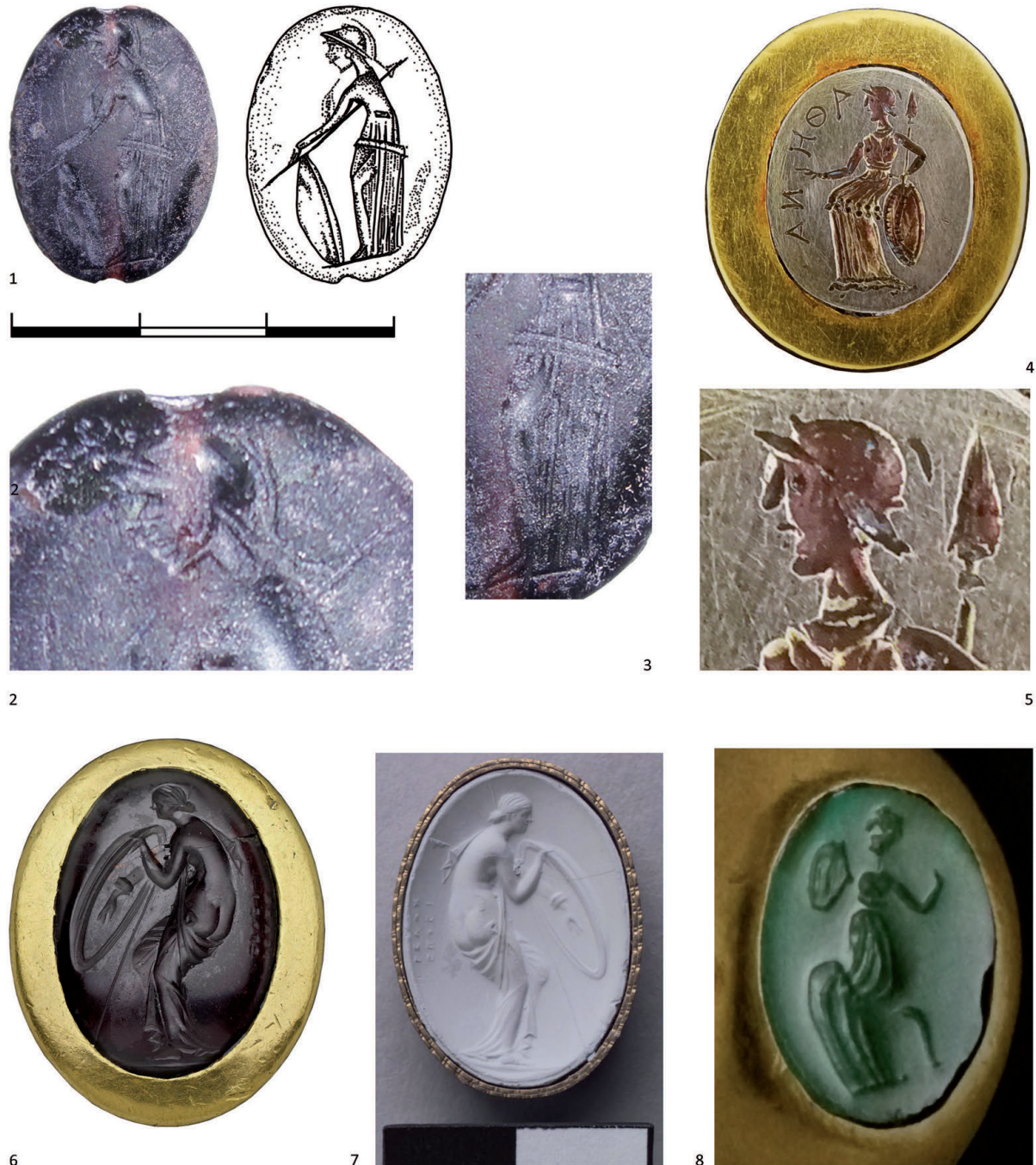

Рис. 8. Стекла́нная гемма из могильника «Богомольные пески-I» и аналогии изображению Афины:
 1-3 – «Богомольные пески-I». Кургaн № 1. Погребение № 13. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/19, А-22684; 4-5 – Тилля-тепе. Погребение № 2. Золотой перстень. Кабул, Национальный музей, инв. № МК 04.40.116; 6-7 – Эретрия, «гробница эротос». Бостон, Музей изящных искусств, инв. № 21.1213; 8 – Тилля-тепе. Погребение № 2. Золотой перстень с геммой из бирюзы. Кабул, Национальный музей, инв. № МК 04.40.117. 1-3 – фото В.Э. Тамбаевой, 2021; 4-5 – по: [Kat. Bonn, 2010, 166, Nr. 55]; 6-7 – Бостон, Музей изящных искусств, фото музея; 8 – по: [Kat. Bonn, 2010, 166, Nr. 56]

Fig. 8. Glass gem from “Bogomol’nye peski-I” burial ground and the parallels to the image of Athena:
 1-3 – “Bogomol’nye peski-I” burial ground. Kurgan no. 1. Burial no. 13. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, КП 48947/19, A-22684; 4-5 – Tillya-tepe. Burial no. 2. Gold finger ring. Kabul, National Museum, inv. no. МК 04.40.116; 6-7 – Eretria, “Tomb of Eroses”. Boston, Museum of Fine Arts, inv. no. 21.1213; 8 – Tillya-tepe. Burial no. 2. Gold finger ring with a turquoise gem. Kabul, National Museum, inv. no. МК 04.40.117. 1-3 – photograph by V.E. Tambaeva, 2021; 4-5 – after: [Kat. Bonn, 2010, 166, Nr. 55]; 6-7 – Boston, Museum of Fine Arts, Museum’s photograph; 8 – after: [Kat. Bonn, 2010, 166, Nr. 56]

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Абдуллаев К., 2016. Александр-Арес в Бактрии : (К вопросу об идентификации образа воина из Тиллятепа) // Вестник древней истории. № 76 (3). С. 579–596.
- Беглова Е. А., Эрлих В. А., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. М. : Нестор-История. 384 с.
- Берзина С. Я., 2010. Древние геммы Востока. М. : Памятники исторической мысли. 208 с.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., 2007. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вып. 14. Запоріжжя : Державний вищий заклад «Запорізький національний університет» МОН України. С. 51–93.
- Болтрик Ю. В., Шелехань О. В., 2020. Скіфські кургани між Чмиревою та Гаймановою Могилами (стєпова північна периферія Великої Білозерки) // Археологія і давня історія України. Вып. 1 (34). С. 80–112. DOI: <https://doi.org/10.37445/adiu.2020.01.06>
- Вахтина М. Ю., 2016. Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Таврические студии. Т. 10. С. 24–31.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Димитрова-Милчева А., 1980. Антични геми и камеи от Националния Археологически Музей в София. София : ДИ Септември. 187 с.
- Кат. Москва, 2012. Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М. : ГМИИ им. А.С. Пушкина. 239 с.
- Кат. Уфа, 2007. Музей археологии и этнографии. Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Уфа : ЦЭИ УНЦ РАН : Информреклама. 211 с.
- Костенко В. И., 1984. Сарматское погребение с инталией из могильника у с. Подгородное // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 124–130.
- Лаппо-Данилевский А. С., Мальмберг В. К., 1894. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб. 192 с.
- Максимова М. И., 1937. Античные печати Северного Причерноморья // Вестник древней истории. № 1. С. 251–261.
- Максимова М. И., 1955. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры. Т. 1. М., Л. : Изд-во АН СССР. С. 437–445.
- Мамонтов В. И., Шинкарь О. А., 2014. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I // Нижневожский археологический вестник. Т. 14. С. 132–144.
- Новичихин А., Галут О., 2013. Золото Горгиипии. Анапа ; Краснодар : Платонов. 110 с.
- Островерхов А. С., 2006. Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н.э.) // Вестник древней истории. № 2. С. 131–154.
- Островерхов А. С., 2010. Материалы к корпусу глиптики Ольвии Понтийской (VI–I вв. до н.э.) // Вестник древней истории. № 3. С. 85–112.
- Островерхов А. С., 2009. Раннеантичная глиптика Ольвии Понтийской как исторический источник (VI–I вв. до Р.Х.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 9. Одесса : Печатный дом «Фаворит». С. 79–102.
- Отчет императорской археологической комиссии за 1876 г. (публ. в 1879). СПб. 193 с.
- Отчет императорской археологической комиссии за 1877 г. (публ. в 1880). СПб. 265 с.
- Раев Б. А., 2018. Зооморфный кувшин из с. Сидоры (Нижнее Поволжье). К постановке проблемы керамического импорта из Прикубанья // Нижневожский археологический вестник. Т. 17, № 2. С. 82–93. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.7>
- Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 5–107.
- Симоненко А. В., 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Филол. фак. С.-Петербург. ун-та. 272 с.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2016. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // Стародавнє Причорномор'я. Вып. XI. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. С. 488–499.

- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартовского государственного университета. № 1. С. 111–119.
- Сударев Н. И., 2010. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. М. : Наука. С. 418–473.
- Тимофеев А. А., Соловьев Д. С., Стукалов Г. В., Васильев Д. В., Бочкарев В. Ю., 2020. Захоронения эпохи раннего железного века курганного могильника «Богомольные пески-1» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 279–305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.14>
- Трейстер М. Ю., 2007. Вставки гемм (за исключением перстней) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Т. I. Симферополь ; Бонн : Тарпан. С. 295–305.
- Трейстер М. Ю., 2015а. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории. М. : Ин-т археологии РАН. С. 77–181.
- Трейстер М. Ю., 2015б. Каталог. Институт археологии РАН // Золото Фанагории. М. : Ин-т археологии РАН. С. 391–534.
- Фиалко Е. Е., 2012. Скифский курган с античными импортами у с. Зеленое // Боспорские исследования. Т. XXVI. С. 218–254.
- Финогенова С. И., 1993. Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М. : Индрик. 222 с.
- Abdullaev K., 2017. The Image of Alexander the Great in Small-Form Art in Bactria (An Identification of the Depiction of a Warrior on the Gold Clasp from Tillya Tepe) // Ancient West and East. Vol. 16. P. 155–175.
- AGD I, 1, 1968. Brandt E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus. München : Prestel. 183 S.
- AGD I, 2, 1970. Brandt E., Schmidt E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Teil 2. München : Prestel. 366 S.
- AGD II, 1969. Zwierlein-Diehl E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. II. Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung Berlin. München : Prestel. 324 S.
- AGD III, 1970. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. III. Braunschweig, Göttingen, Kassel. Wiesbaden : Franz Steiner. 272 S.
- AGD IV, 1975. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. IV. Hannover, Kestner-Museum; Hamburg, Museum für Kunst und Gewerbe Wiesbaden : Franz Steiner. 287 S.
- AGD IVa, 1996. Weiß C. Die antiken Gemmen der Sammlung Friedrich Julius Rudolf Bergau im Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg. Nürnberg : Verlag des Germanischen Nationalmuseums. 175 S.
- AG Wien I, 1973. Zwierlein-Diehl E. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Bd. I. Die Gemmen von der minoischen Zeit bis zur frühen römischen Kaiserzeit. München : Prestel. 280 S.
- AG Wien III, 1991. Zwierlein-Diehl E. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Bd. III. München : Prestel. 362 S.
- Altripp I., 2010. Athenastatuen der Spätclassik und des Hellenismus. Köln : Böhlau. 368 S.
- Artamonow M. I., 1970. Goldschatz der Skythen. Prag : Artia. 154 S.
- Bagherpour Kashani N., 2011. Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran. Inagural Dissertation for the Award of the Degree of Doctor of Philosophy. Bochum : Ruhr Universität. 317 p.
- Baldwin A., 1914. The Electrum and Silver Coins of Chios // American Journal of Numismatics. Vol. 48. P. 1–60.
- Beazley J. D., 1920. The Lewes House Collection of Ancient Gems. Oxford : Clarendon Press. 124 p.
- Beazley J. D., 2002. The Lewes House Collection of Ancient Gems. Vol. 2. Oxford : BAR Publishing. 126 p.
- Berges D., 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv // Berges D., Ehrhardt W., Laidlaw A., Rakob F. Karthago II. Die deutschen Ausgrabungen in Karthago. Mainz : von Zabern. S. 10–214.
- Berlin, Antikensammlung, inv.-Nr.: Misc. 10777. URL: [http://emp-web-24.zetcom.ch/eMuseumPlus?service=direct/1/ResultLightboxView/result.t2.collection_lightbox.\\$TspTitleLink.link&sp=10&sp=Scollection&sp=SfieldValue&sp=0&sp=0&sp=3&sp=Slightbox_3x4&sp=0&sp=Sdetail&sp=0&sp=F&sp=T&sp=0](http://emp-web-24.zetcom.ch/eMuseumPlus?service=direct/1/ResultLightboxView/result.t2.collection_lightbox.$TspTitleLink.link&sp=10&sp=Scollection&sp=SfieldValue&sp=0&sp=0&sp=3&sp=Slightbox_3x4&sp=0&sp=Sdetail&sp=0&sp=F&sp=T&sp=0) (date of access: 31.07.2022).

- BMC Lydia, 1901. Head B. V. A Catalogue of Greek Coins in the British Museum, Lydia. London : Printed by Order of the Trustees. 440 p.
- Boardman J., 1994. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London : Thames and Hudson. 352 p.
- Boardman J., 2001. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London : Thames and Hudson. 480 p.
- Boardman J., 2015. The Greeks in Asia. London : Thames and Hudson. 240 p.
- Boardman J., Scarisbrick D., Wagner C., Zwierlein-Diehl E., 2009. The Marlborough Gems formerly at Blenheim Palace, Oxfordshire. Oxford : Oxford University Press. 360 p.
- Budin S. L., 2010. APHRODITE ENOPLION // Brill's Companion to Aphrodite. Leiden : R. J. Brill. P. 79–112.
- Casal Garcia R., 1990. Colección de Gliptica del Museo Arqueológico Nacional (Serie de entalles romanos). Madrid : Ministerio de Cultura, Dirección General de Bellas Artes y Archivos, Dirección General de los Museos Estatales. 360 p.
- Cat. San Francisco, 1982. The Search for Alexander. Supplement to the Catalogue. The Fine Arts Museums of San Francisco. M.H. de Young Memorial Museum. February 20 – May 16, 1982. San Francisco : The Fine Arts Museums of San Francisco. 16 p.
- Cat. Thessaloniki, 2010. Γυάλινος Κόσμος. Glass Cosmos. Thessaloniki : Έκδοση Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης. 424 σ.
- Demargne P., 1984. Athena // Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Bd. II. Zürich : Artemis. P. 955–1044.
- Dembski G., 2005. Die antiken Gemmen und Kameen aus Carnuntum. Wien : Phoibos-Verlag. 342 S.
- Flemberg J., 1991. Venus armata. Studien zur bewaffneten Aphrodite in der griechischen-römischen Kunst (Skrifter Utgivna av Svenska Institutet i Athen, 8.10). Stockholm : Paul Åström. 128 p.
- Flemberg J., 1995. The Transformations of the Armed Aphrodite // Greece & Gender. Bergen : Norwegian Institute at Athens. P. 109–122.
- From Lydia, Philadelphia: Dionysos and a Spotted "Panther". URL: <https://www.cointalk.com/threads/from-lydia-philadelphia-dionysos-and-a-spotted-panther.363050> (date of access: 31.07.2022).
- Galanina L., Grach N., 1986. Scythian Art. Leningrad : Aurora. 184 p.
- Golyźniak P., 2020. Engraved Gems and Propaganda in the Roman Republic and Under Augustus. Oxford : Archaeopress. 606 p.
- Guiraud H., 1996. Intailles et camées romains. Paris : Editions A&J Picard. 191 p.
- Hardwick N., 1993. The Coinage of Chios from the VIth to the IVth Century B.C. // Proceedings of the XIth International Numismatic Conference. Vol. 1. Louvain-la-Neuve : Séminaire de Numismatique Marcel Hoc. P. 211–222.
- Hardwick N., 2010. The Coinage of Chios 600–300 BC: New Research Developments 1991–2008 // Coins in the Aegean Islands: Mints, Circulation, Iconography, History : Proceedings of the Fifth Scientific Meeting, Mytilene, 16–19 September 2006. Vol. 1. Athens : Έκδοση των Φύλων του Νομισματικού Μουσείου. P. 217–245.
- Hellenistic Ruler. URL: <https://art.thewalters.org/detail/12507/hellenistic-ruler> (date of access: 31.07.2022).
- Henig M., 1978. A Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites. Oxford : British Archaeological Reports. 323 p.
- Huguenot C., 2008. La tombe aux Erotes et la tombe d'Amaryntbos. Architecture funéraire et présence macedonienne en Grèce centrale. Vols. I–II. Gollion : Infolio editions. Vol. I. 279 p. ; vol. II. 149 p.
- Imhoof-Blumer F., 1897. Lydische Stadtmünzen: neue Untersuchungen. Genf, Leipzig : Verlag der Schweizerischen Numismatischen Gesellschaft. 213 S.
- Jackson M., 2005. Jewellery Evidence for the Lowering of South Italian Ceramic Chronology // Ancient West and East. Vol. 3.2. P. 283–313.
- Kat. Bonn, 1997. Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn : Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. 267 S.
- Kat. Bonn, 2010. Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul. Bonn : Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. 288 S.
- Kraay C. M., 1976. Archaic and Classical Greek Coins. London : Methuen. 390 p.
- Krug A., 1981. Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 61. S. 153–260.

- Krug A., 1995. Römische Gemmen im Rheinischen Landesmuseum Trier // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 76. S. 160–218.
- Lacroix L., 1982. A propos du sphinx des monnaies de Chios // Revue Archéologique. Fasc. 1. P. 75–80.
- Lagos C., 1998. A Study of the Coinage of Chios in the Hellenistic and Roman Periods. Doctoral Thesis, Durham University. 655 p.
- M52, Sphinx, groundline. URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/EAD8E661-1DB2-4F97-BC88-30473B1EF4D1> (date of access: 31.07.2022).
- Maaskant-Kleinbrink M., 1978. Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet The Hague. Den Haag, Wiesbaden : Franz Steiner. 380 p.
- Maderna-Lauter C., 1988. Die Glyptik unter Augustus // Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Ausstellungskatalog Antikenmuseum Berlin, Staatliche Museen preußischer Kulturbesitz. Mainz : von Zabern. S. 441–473.
- Mattingly H. B., 1981. Coins and Amphoras. Chios, Samos and Thasos in the 5th Century BC // Journal of Hellenic Studies. Vol. 101. P. 78–86.
- Mitsopoulos-Leon V., 2017. Hellenistische Häuser in Lousoi. Keramik und Kleinfunde aus den Grabungen 1983–1994. Wien : Verlag Holzhausen GmbH. 256 S.
- Philipp H., 1981. Bronzeschmuck aus Olympia. Berlin : Walter de Gruyter. 403 S.
- Plantzos D., 1999. Hellenistic Engraved Gems. Oxford : Clarendon Press. 148 p.
- Platz-Horster G., 1987. Die Antiken Gemmen aus Xanten. Bd. I. Köln : Rheinland. 162 S.
- Platz-Horster G., 1994. Die Antiken Gemmen aus Xanten. Bd. II. Köln : Rheinland. 254 S.
- Richter G. M. A., 2006. Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman. Roma : L’Erma di Breitschneider. 188 p.
- Ritter S., 1997. Athenas Helme. Zur Ikonographie der Athena in der klassischen Bildkunst Athens // Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. Bd. 112. S. 21–57.
- Sagiv I., 2018. Representations of Animals on Greek and Roman Engraved Gems: Meanings and Interpretations. Oxford : Archaeopress Archaeology. 185 p.
- Sarianidi V.I., 1985. Baktrisches Gold. Leningrad : Aurora-Kunstverlag. 262 S.
- Schulze H., 2020. Die frühen Alexanderbildnisse // Portraits. 400 Years of Hellenistic Portraits = 400 Jahre hellenistische Portraits. München : Staatliche Münzsammlung. S. 231–246.
- Sena Chiesa G., 1966. Gemme del Museo nazionale di Aquileia. Aquileia : Associazione nazionale per Aquileia. 441 p.
- Simonenko A. V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz : von Zabern. S. 1–264.
- SNG Von Aulock II, 1963. Sylloge Nummorum Graecorum, Deutschland, Sammlung Hans Von Aulock. Vol. 2 : Caria, Lydia, Phrygia, Lycia, Pamphylia. Berlin : Gebr. Mann. 20 S.
- SNG Copenhagen 27.1, 1947. Sylloge Nummorum Graecorum, Copenhagen, The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Pt. 27.1 : Lydia. Copenhagen : E. Munksgaard, 1947. 12 p.
- Spier J., 1992. Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum. Malibu : The J. P. Getty Museum. 184 p.
- Spier J., 2019. Precious Gems and Poetry in the Hellenistic Royal Courts // Art of the Hellenistic Kingdoms: From Pergamon to Rome. New York, New Haven : Metropolitan Museum of Art. P. 31–37.
- Spier J., Ogden J., 2015. Rings of the Ancient World. Egyptian, Near Eastern, Greek, and Roman Rings from the Slava Yevdayev Collection. Wiesbaden : Reichert. 150 p.
- Stančo L., 2012. Hellenistic Iconographic Schemes in Central Asia. Greek Gods in the East. Prague : Karolinum Press. 261 p.
- Tanriöver A., 2016. Nur spielen, nicht fressen – Ein Panther und ein “Kitz” auf einer Münze aus Philadelphia (Lydien) // “Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!” Festschrift für Dieter Salzmann zum 65. Geburtstag. Bd. Marsberg, Padberg : Scriptorium. S. 183–192.
- Triantafyllidis P., 2003. Classical and Hellenistic glass workshops from Rhodes // Échanges et commerce du verre dans le monde antique: actes du colloque de l’Association Française pour l’Archéologie du Verre, Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001. Montagnac : Mergoïl. P. 131–138.

- Ubekendt, THM I 335 Panther with a thyrsus staff. URL: <https://kataloget.thorvaldsensmuseum.dk/en/I335> (date of access: 31.07.2022).
- Ubekendt, THM I 334 Panther with a thyrsus staff. URL: <https://kataloget.thorvaldsensmuseum.dk/en/I334> (date of access: 31.07.2022).
- Villing A. C., 1992. The Iconography of Athena in Attic Vase-painting from 440–370 BC. Thesis. Lincoln College, University of Oxford. 149 p.
- Villing A. C., 2009. Athena // *Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Supplementum*. Zürich : Artemis. P. 107–123.
- Vollenweider M.-L., 1955. Verwendung und Bedeutung der Porträtgemmen für das politische Leben der römischen Republik // *Museum Helveticum*. Bd. XII. S. 96–111.
- Vollenweider M.-L., 1984. *Deliciae Leonis*. Antike geschnittene Steine und Ringe aus einer Privatsammlung. Mainz : von Zabern. 321 S.
- von Gonzenbach V., 1952. Römische Gemmen von Vindonissa // *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. Bd. 13. S. 65–82.
- von Saldern A., 2004. *Antikes Glas (Handbuch der Archäologie)*. München : C. H. Beck. 708 S.
- Wagner C., 2019. Studying Gems: Collectors and Scholars // *Greek Art in Motion. Studies in Honour of Sir John Boardman on the Occasion of his 90th Birthday*. Oxford : Archaeopress Publishing. P. 37–45.
- Zazoff P., 1983. *Die antiken Gemmen (Handbuch der Archäologie)*. München : C. H. Beck. 446 S.
- Zwierlein-Diehl E., 1986. *Glaspasten im Martin-von-Wagner-Museum der Universität Würzburg*. Bd. 1. Abdrücke von antiken und ausgewählten nachantiken Intagli und Kameen. München : Prestel. 311 S.
- Zwierlein-Diehl E., 1998. *Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines*. Köln : Verlag Kölner Dom. 527 S.
- Zwierlein-Diehl E., 2007. *Antike Gemmen und Ihr Nachleben*. Berlin : Walter de Gruyter. 567 S.
- 6.I.J.8, Nude Mars with a Helmet, Spear and Shield. URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/091F6B33-1512-4BDC-A23B-BE445065DBCA> (date of access: 31.07.2022).
- 6.I.J.10, Clean Shaven Mars, Nude and Half Sitting Down. In his Right Hand he has a Shield, and in the Left is his Helmet. On the Floor is the Breastplate. URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/2948CAE9-6FB8-43D4-8F75-4B413D4AAB2F> (date of access: 31.07.2022).
- 15896: Panzerstatue des Ares / Mars Ultor. URL: arachne.dainst.org/entity/1075727 (date of access: 31.07.2022).

REFERENCES

- Abdullaev K., 2016. Aleksandr-Ares v Baktrii: (K voprosu ob identifikatsii obraza voina iz Tillyatepa) [Alexander-Ares in Bactria (Towards the Identification of the Warrior's Image from Tillatepa)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 76 (3), pp. 579-596.
- Beglova E.A., Erlikh V.A., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the Sarmatian Period. After the Materials from Tenginskiy Burial Ground]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ. 384 p.
- Berzina S. Ya., 2010. *Drevnie gemmy Vostoka* [Ancient Gems of the East]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ. 208 p.
- Boltrik Yu. V., Fialko E. E., 2007. Ukrasheniya iz skifskikh pogrebal'nykh kompleksov Rogachikskogo kurgannogo polya [Ornaments from the Scythian Burial Complexes of Rogachik Kurgan Field]. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu* [Antiquities of the Steppe Pontic Region and the Crimea], iss. 14. Zaporizhyya, Zaporizhsky National University, pp. 51-93.
- Boltrik Yu. V., Shelekhani O. V., 2020. Skifs'ki kurgani mizh Chmyrevoyu ta Gaymanovoyu Mogilami (stepova pivnichna periferiya Velikoï Bilozerki) [Scythian Barrows Between Chmyreva Mohila I Haimanova Mohila (Northern Steppe Periphery of Velyka Bilozerka)]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni* [Archaeology and Early History of the Ukraine], iss. 1 (34), pp. 80-112. DOI: <https://doi.org/10.37445/adiu.2020.01.06>
- Vakhtina M. Yu., 2016. Ob ukrashenyakh iz zhenskoy grobnitsy kurgana Karagodeuashkh (po materialam nauchnogo arkhiva IIMK RAN) [About the Ornaments from the Woman's Grave of the Karagodeuashkh Barrow (From the Scientific Archive of IHMC RAS)]. *Tavrisheskie studii* [Tauric Studies], vol. 10, pp. 24-31.

- Gushchina I.I., Zasetzkaya I.P., 1994. «*Zolotoe kladbishche*» rimskoy epokhi v Prikuban'ye [“Golden Cemetery” of the Roman Period in the Kuban Area]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Dimitrova-Milcheva A., 1980. *Antichni gemi i kamei ot Natsionalniya Arkheologicheski Muzey v Sofiya* [Ancient Gems and Cameos from the National Archaeological Museum in Sofia]. Sofiya, DI Septemvri Publ. 187 p.
- Cat. Moscow, 2012. *Mir v miniatyure. Gemmy iz sobraniya GMII im. A.S. Pushkina* [The World in Miniature. The Gems from the Collection of State Pushkin Museum of Fine Arts]. Moscow, State Pushkin Museum of Fine Arts. 239 p.
- Cat. Ufa, 2007. *Muзей arkheologii i etnografii. Katalog muzeynoy ekspozitsii Tsentra etnologicheskikh issledovaniy Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [The Museum of Archaeology and Ethnography. The Catalogue of the Museum Exposition of the Center of the Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center Russian Academy of Sciences]. Ufa, The Center of the Ethnological Studies of the Ufa Scientific Center Russian Academy of Sciences; Informreklama Publ. 211 p.
- Kostenko V.I., 1984. Sarmatskoe pogrebenie s intaliev iz mogil'nika u s. Podgorodnoe [The Sarmatian Burial with Intaglio from the Kurgan Necropolis near the Village of Podgorodnoe]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka Publ., pp. 124-130.
- Lappo-Danilevskiy A.S., Mal'mberg V.K., 1894. *Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Kurgan Karagodeuashkh* [The Antiquities of South Russia. Karagodeuashkh Kurgan]. Saint Petersburg. 192 p.
- Maksimova M.I., 1937. Antichnye pechaty Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Seals of the North Pontic Area]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 251-261.
- Maksimova M.I., 1955. Reznye kamni [Engraved Stones]. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Ocherki istorii kul'tury* [Ancient Cities of the North Pontic Region. Essays of the History of Culture], vol. 1. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, pp. 437-445.
- Mamontov V.I., Shinkar' O.A., 2014. Dva sarmatskikh pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika Verbovskiy I [Two Sarmatian Burials from Verbovsky I Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 14, pp. 132-144.
- Novichikhin A., Galut O., 2013. *Zoloto Gorgippii* [The Gold of Gorgippia]. Anapa, Krasnodar, Platonov Publ. 110 p.
- Ostroverkhov A.S., 2006. Antichnaya steklyannaya gliptika na yuge Vostochnoy Evropy (VI–II vv. do n.e.) [Ancient Glass Glyptics in South-Eastern Europe (4th–2nd cc. BC)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 2, pp. 131-154.
- Ostroverkhov A.S., 2010. Materialy k korpusu gliptiki Ol'vii Pontiyskoy (VI–I vv. do n.e.) [Materials for the Corpus of Glyptics of Olbia Pontica (6th–1st C. BC)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 85-112.
- Ostroverkhov A.S., 2009. Ranneantichnaya gliptika Ol'vii Pontiyskoy kak istoricheskiy istochnik (VI–I vv. do R. Ch.) [Early Antique Glyptics of Olbia Pontica as a Historical Source (6th–1st Centuries BC)]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Materials on Archaeology of the North Pontic Area], iss. 9. Odessa, Pechatnyy dom «Favorit», pp. 79-102.
- Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1876 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1876]. (Published in 1879). Saint Petersburg. 193 p.
- Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1877 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1877]. (Published in 1880). Saint Petersburg. 265 p.
- Raev B.A., 2018. Zoomorfnyy kuvshin iz s. Sidory (Nizhnee Povolzh'ye). K postanovke problemy keramicheskogo importa iz Prikuban'ya [Zoomorphic Jug from the Village Sidory (The Lower Volga Region). To the Problem of Ceramic Import from the Kuban Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 17, no. 2, pp. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.7>
- Silant'eva L.F., 1959. Nekropol' Nimfeya [The Necropolis of Nymphaion]. *Nekropoli bosporskikh gorodov* [Necropoleis of the Bosporan Cities]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, pp. 5-107.
- Simonenko A.V., 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area]. Saint Petersburg, Philological Faculty of the Sankt-Petersburg University. 272 p.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., 2016. Skifskoe pogrebenie s litikom-skarabeoidom s levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [A Scythian Burial with a Glass Scaraboid from the Left Bank of Lower Dniester]. *Starodavne Prichernomor'ya* [Ancient Pontic Region], iss. XI. Odessa, Odessa State University, pp. 488-499.
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018. Skifskie pogrebeniya kurgana 4 gruppy «Sad» na levoberezh'ye Nizhnego Dnestra [Scythian Graves from the Barrow 4 of the “Garden” Group on the Left Bank of the Lower Dniester].

- Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], no. 1, pp. 111-119.
- Sudarev N.I., 2010. Nekropoli i pogrebal'nye obryady [Necropoleis and Burial Rites]. *Antichnoe nasledie Kubani* [Kuban Ancient Heritage], vol. II. Moscow, Nauka Publ., pp. 418-473.
- Timofeev A.A., Soloviov D.S., Stukalov G.V., Vasiliev D.V., Bochkarev V.Yu., 2020. Zahoroneniya epohi rannego zheleznogo veka kurgannogo mogil'nika «Bogomol'nye peski-I» [Burials of the Early Iron Age of the Kurgans Cemetery "Bogomolnye Peski-I"]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 279-305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.14>
- Treister M.Yu., 2007. Vstavki gemm (za isklyucheniem perstney) [Inlays of Gems (Excluding Finger Rings)]. Mordvintseva V.I., Treister M.Yu. *Proizvedeniya torevniki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD], vol. I. Simferopol', Bonn, Tarpan Publ., pp. 295-305.
- Treister M.Yu., 2015a. Zoloto Fanagorii. Tipologicheskii, stilisticheskii i khronologicheskii analiz [Gold of Phanagoria. Typological, Stylistic and Chronological Analysis]. *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. Moscow, IA RAS, pp. 77-181.
- Treister M.Yu., 2015b. Katalog. Institut arkheologii RAN [The Catalogue. Institute of Archaeology RAS]. *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. Moscow, IA RAS, pp. 391-534.
- Fialko E.E., 2012. Skifskiy kurgan s antichnymi importami u s. Zelenoe [A Scythian Kurgan with Greek Imports]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], vol. XXVI, pp. 218-254.
- Finogenova S.I., 1993. *Katalog sobraniya antichnykh gemm Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Catalogue of the Collection of Ancient Gems of the State Pushkin Museum of Fine Arts]. Moscow, Indrik Publ. 222 p.
- Abdullaev K., 2017. The Image of Alexander the Great in Small-Form Art in Bactria (An Identification of the Depiction of a Warrior on the Gold Clasp from Tillya Tepe). *Ancient West and East*, vol. 16, pp. 155-175.
- AGD I, 1, 1968. Brandt E. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus. München, Prestel. 183 S.
- AGD I, 2, 1970. Brandt E., Schmidt E. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Teil 2. München, Prestel. 366 S.
- AGD II, 1969. Zwierlein-Diehl E. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. II. Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung Berlin. München, Prestel. 324 S.
- AGD III, 1970. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. III. Braunschweig, Göttingen, Kassel. Wiesbaden, Franz Steiner. 272 S.
- AGD IV, 1975. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. IV. Hannover, Kestner-Museum; Hamburg, Museum für Kunst und Gewerbe. Wiesbaden, Franz Steiner. 287 S.
- AGD IVa, 1996. Weiß C. *Die antiken Gemmen der Sammlung Friedrich Julius Rudolf Bergau im Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg*. Nürnberg, Verlag des Germanischen Nationalmuseums. 175 S.
- AG Wien I, 1973. Zwierlein-Diehl E. *Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien*. Bd. I. Die Gemmen von der minoischen Zeit bis zur frühen römischen Kaiserzeit. München, Prestel. 280 S.
- AG Wien III, 1991. Zwierlein-Diehl E. *Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien*. Bd. III. München, Prestel. 362 S.
- Altripp I., 2010. *Athenastatuen der Spätklassik und des Hellenismus*. Köln, Böhlau. 368 S.
- Artamonow M.I., 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prag, Artia. 154 S.
- Bagherpour Kashani N., 2011. *Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran*. Inagural Dissertation for the Award of the Degree of Doctor of Philosophy. Bochum, Ruhr Universität. 317 p.
- Baldwin A., 1914. The Electrum and Silver Coins of Chios. *American Journal of Numismatics*, vol. 48, pp. 1-60.
- Beazley J.D., 1920. *The Lewes House Collection of Ancient Gems*. Oxford, Clarendon Press. 124 p.
- Beazley J.D., 2002. *The Lewes House Collection of Ancient Gems*. Vol. 2. Oxford, BAR Publishing. 126 p.
- Berges D., 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. Berges D., Ehrhardt W., Laidlaw A., Rakob F. *Karthago II. Die deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz, von Zabern. S. 10-214.

- Berlin, Antikensammlung, inv.-Nr.: Misc. 10777. URL: [http://emp-web-24.zetcom.ch/eMuseumPlus?service=direct/1/ResultLightboxView/result.t2.collection_lightbox.\\$TspTitleLink.link&sp=10&sp=Scollection&sp=SfieldValue&sp=0&sp=0&sp=3&sp=Slightbox_3x4&sp=0&sp=Sdetail&sp=0&sp=F&sp=T&sp=0](http://emp-web-24.zetcom.ch/eMuseumPlus?service=direct/1/ResultLightboxView/result.t2.collection_lightbox.$TspTitleLink.link&sp=10&sp=Scollection&sp=SfieldValue&sp=0&sp=0&sp=3&sp=Slightbox_3x4&sp=0&sp=Sdetail&sp=0&sp=F&sp=T&sp=0) (accessed 31 July 2022).
- BMC Lydia, 1901. Head B.V. *A Catalogue of Greek Coins in the British Museum, Lydia*. London, Printed by Order of the Trustees. 440 p.
- Boardman J., 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London, Thames and Hudson. 352 p.
- Boardman J., 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London, Thames and Hudson. 480 p.
- Boardman J., 2015. *The Greeks in Asia*. London, Thames and Hudson. 240 p.
- Boardman J., Scarisbrick D., Wagner C., Zwierlein-Diehl E., 2009. *The Marlborough Gems Formerly at Blenheim Palace, Oxfordshire*. Oxford, Oxford University Press. 360 p.
- Budin S.L., 2010. APHRODITE ENOPLION. *Brill's Companion to Aphrodite*. Leiden, R. J. Brill, pp. 79-112.
- Casal Garcia R., 1990. *Colección de Gliptica del Museo Arqueológico Nacional (Serie de entalles romanos)*. Madrid, Ministerio de Cultura, Dirección General de Bellas Artes y Archivos, Dirección General de los Museos Estatales. 360 p.
- Cat. San Francisco, 1982. *The Search for Alexander. Supplement to the Catalogue. The Fine Arts Museums of San Francisco. M.H. de Young Memorial Museum. February 20 – May 16, 1982*. San Francisco, The Fine Arts Museums of San Francisco. 16 p.
- Cat. Thessaloniki, 2010. *Γβάλιος Κόσμος. Glass Cosmos*. Thessaloniki, Έκδοση Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης. 424 σ.
- Demargne P., 1984. Athena. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae*. Bd. II. Zürich, Artemis, pp. 955-1044.
- Dembski G., 2005. *Die antiken Gemmen und Kameen aus Carnuntum*. Wien, Phoibos-Verlag. 342 S.
- Flemberg J., 1991. *Venus armata. Studien zur bewaffneten Aphrodite in der griechischen-römischen Kunst (Skrifter Utgivna av Svenska Institutet i Athen, 8.10)*. Stockholm, Paul Åström. 128 p.
- Flemberg J., 1995. The Transformations of the Armed Aphrodite. *Greece & Gender*. Bergen, Norwegian Institute at Athens, pp. 109-122.
- From Lydia, Philadelphia: Dionysos and a Spotted “Panther”. URL: <https://www.cointalk.com/threads/from-lydia-philadelphia-dionysos-and-a-spotted-panther.363050> (accessed 31 July 2022).
- Galanina L., Grach N., 1986. *Scythian Art*. Leningrad, Aurora. 184 p.
- Gołyźniak P., 2020. *Engraved Gems and Propaganda in the Roman Republic and Under Augustus*. Oxford, Archaeopress. 606 p.
- Guiraud H., 1996. *Intailles et camées romains*. Paris, Editions A&J Picard. 191 p.
- Hardwick N., 1993. The Coinage of Chios from the VIth to the IVth Century BC. *Proceedings of the XIth International Numismatic Conference*. Vol. 1. Louvain-la-Neuve, Séminaire de Numismatique Marcel Hoc, pp. 211-222.
- Hardwick N., 2010. The Coinage of Chios 600–300 BC: New Research Developments 1991–2008. *Coins in the Aegean Islands: Mints, Circulation, Iconography, History: Proceedings of the Fifth Scientific Meeting, Mytilene, 16–19 September 2006*. Vol. 1. Athens, Έκδοση των Φίλων του Νομισματικού Μουσείου, pp. 217-245.
- Hellenistic Ruler. URL: <https://art.thewalters.org/detail/12507/hellenistic-ruler> (accessed 31 July 2022).
- Henig M., 1978. *A Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites*. Oxford, British Archaeological Reports. 323 p.
- Huguenot C., 2008. *La tombe aux Erotes et la tombe d'Amaryntbos. Architecture funéraire et présence macedonienne en Grece centrale*. Vols. I–II. Gollion, Infolio editions. Vol. I. 279 p.; vol. II. 149 p.
- Imhoof-Blumer F., 1897. *Lydische Stadtminzen: neue Untersuchungen*. Genf, Leipzig, Verlag der Schweizerischen Numismatischen Gesellschaft. 213 S.
- Jackson M., 2005. Jewellery Evidence for the Lowering of South Italian Ceramic Chronology. *Ancient West and East*, vol. 3.2, pp. 283-313.
- Kat. Bonn, 1997. *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn, Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. 267 S.

- Kat. Bonn, 2010. *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn, Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. 288 S.
- Kraay C.M., 1976. *Archaic and Classical Greek Coins*. London, Methuen. 390 p.
- Krug A., 1981. Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 61, S. 153-260.
- Krug A., 1995. Römische Gemmen im Rheinischen Landesmuseum Trier. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 76, S. 160-218.
- Lacroix L., 1982. A propos du sphinx des monnaies de Chios. *Revue Archéologique*, fasc. 1, pp. 75-80.
- Lagos C., 1998. *A Study of the Coinage of Chios in the Hellenistic and Roman Periods. Doctoral Thesis*. Durham University. 655 p.
- M52, Sphinx, groundline. URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/EAD8E661-1DB2-4F97-BC88-30473B1EF4D1> (accessed 31 July 2022).
- Maaskant-Kleinbrink M., 1978. *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet The Hague*. Den Haag, Wiesbaden, Franz Steiner. 380 p.
- Maderna-Lauter C., 1988. Die Glyptik unter Augustus. *Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Ausstellungskatalog Antikenmuseum Berlin, Staatliche Museen preußischer Kulturbesitz*. Mainz, von Zabern, S. 441-473.
- Mattingly H.B., 1981. Coins and Amphoras. Chios, Samos and Thasos in the 5th Century BC. *Journal of Hellenic Studies*, vol. 101, pp. 78-86.
- Mitsopoulos-Leon V., 2017. *Hellenistische Häuser in Lousoi. Keramik und Kleinfunde aus den Grabungen 1983–1994*. Wien, Verlag Holzhausen GmbH. 256 S.
- Philipp H., 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia*. Berlin, Walter de Gruyter. 403 S.
- Plantzos D. 1999. *Hellenistic Engraved Gems*. Oxford, Clarendon Press. 148 p.
- Platz-Horster G., 1987. *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. Bd. I. Köln, Rheinland. 162 S.
- Platz-Horster G., 1994. *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. Bd. II. Köln, Rheinland. 254 S.
- Richter G.M.A., 2006. *Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman*. Roma, L'Erma di Breitschneider. 188 p.
- Ritter S., 1997. Athenas Helme. Zur Ikonographie der Athena in der klassischen Bildkunst Athens. *Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts*, Bd. 112, S. 21-57.
- Sagiv I., 2018. *Representations of Animals on Greek and Roman Engraved Gems: Meanings and interpretations*. Oxford, Archaeopress Archaeology. 185 p.
- Sarianidi V.I., 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad, Aurora-Kunstverlag. 262 S.
- Schulze H., 2020. Die frühen Alexanderbildnisse. *Portraits. 400 Years of Hellenistic Portraits = 400 Jahre hellenistische Portraits*. München, Staatliche Münzsammlung. S. 231-246.
- Sena Chiesa G., 1966. *Gemme del Museo nazionale di Aquileia*. Aquileia, Associazione nazionale per Aquileia. 441 p.
- Simonenko A.V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz, von Zabern, S. 1-264.
- SNG Von Aulock II, 1963. *Sylloge Nummorum Graecorum, Deutschland, Sammlung Hans Von Aulock*. Vol. 2: Caria, Lydia, Phrygia, Lycia, Pamphylia. Berlin, Gebr. Mann. 20 S.
- SNG Copenhagen 27.1, 1947. *Sylloge Nummorum Graecorum, Copenhagen, The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Pt. 27.1: Lydia*. København, E. Munksgaard, 1947. 12 p.
- Spier J., 1992. *Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum*. Malibu, The J. P. Getty Museum. 184 p.
- Spier J., 2019. Precious Gems and Poetry in the Hellenistic Royal Courts. *Art of the Hellenistic Kingdoms: From Pergamon to Rome*. New York, New Haven, Metropolitan Museum of Art, pp. 31-37.
- Spier J., Ogden J., 2015. *Rings of the Ancient World. Egyptian, Near Eastern, Greek, and Roman Rings from the Slava Yevdayev Collection*. Wiesbaden, Reichert. 150 p.
- Stančo L., 2012. *Hellenistic Iconographic Schemes in Central Asia. Greek Gods in the East*. Prague, Karolinum Press. 261 p.

- Tanriöver A., 2016. Nur spielen, nicht fressen – Ein Panther und ein “Kitz” auf einer Münze aus Philadelphia (Lydien). “Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!” *Festschrift für Dieter Salzmann zum 65. Geburtstag*. Bd. Marsberg, Padberg, Scriptorium, S. 183-192.
- Triantafyllidis P., 2003. Classical and Hellenistic Glass Workshops from Rhodes. *Échanges et commerce du verre dans le monde antique: actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001*. Montagnac, Mergoïl, pp. 131-138.
- Ubekendt, THM I 335 Panther with a thyrsus staff. URL: <https://kataloget.thorvaldsensmuseum.dk/en/I335> (accessed 31 July 2022).
- Ubekendt, THM I 334 Panther with a thyrsus staff. URL: <https://kataloget.thorvaldsensmuseum.dk/en/I334> (accessed 31 July 2022).
- Villing A.C., 1992. *The Iconography of Athena in Attic Vase-painting from 440–370 BC*. Thesis. Lincoln College, University of Oxford. 149 p.
- Villing A.C., 2009. Athena. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Supplementum*. Zürich, Artemis, pp. 107-123.
- Vollenweider M.-L., 1955. Verwendung und Bedeutung der Porträtgemmen für das politische Leben der römischen Republik. *Museum Helveticum*, Bd. XII, S. 96-111.
- Vollenweider M.-L., 1984. *Deliciae Leonis. Antike geschnittene Steine und Ringe aus einer Privatsammlung*. Mainz, von Zabern. 321 S.
- von Gonzenbach V., 1952. Römische Gemmen von Vindonissa. *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*, Bd. 13, S. 65-82.
- von Saldern A., 2004. *Antikes Glas* (Handbuch der Archäologie). München, C.H. Beck. 708 S.
- Wagner C., 2019. Studying Gems: Collectors and Scholars. *Greek Art in Motion. Studies in Honour of Sir John Boardman on the Occasion of his 90th Birthday*. Oxford, Archaeopress Publishing, pp. 37-45.
- Zazoff P., 1983. *Die antiken Gemmen* (Handbuch der Archäologie). München, C. H. Beck. 446 S.
- Zwierlein-Diehl E., 1986. *Glaspasten im Martin-von-Wagner-Museum der Universität Würzburg. Bd. 1. Abdrücke von antiken und ausgewählten nachantiken Intagli und Kameen*. München, Prestel. 311 S.
- Zwierlein-Diehl E., 1998. *Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines*. Köln, Verlag Kölner Dom. 527 S.
- Zwierlein-Diehl E., 2007. *Antike Gemmen und Ihr Nachleben*. Berlin, Walter de Gruyter. 567 S.
- 6.I.J.8, Nude Mars with a Helmet, Spear and Shield. URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/091F6B33-1512-4BDC-A23B-BE445065DBCA> (accessed 31 July 2022).
- 6.I.J.10, Clean Shaven Mars, Nude and Half Sitting Down. In his Right Hand he has a Shield, and in the Left is his Helmet. On the Floor is the Breastplate. URL: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/2948CAE9-6FB8-43D4-8F75-4B413D4AAB2F> (accessed 31 July 2022).
- 15896: Panzerstatue des Ares / Mars Ultor. URL: arachne.dainst.org/entity/1075727 (accessed 31 July 2022).

Information About the Authors

Alexey A. Timofeev, Senior Researcher of the Depots Department, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St, 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, al-mahrusa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-2911>

Mikhail Yu. Treister, Doctor of Sciences (History), Independent Researcher, Bonn, Germany, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

Информация об авторах

Алексей Анатольевич Тимофеев, старший научный сотрудник отдела «Фонды», Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, al-mahrusa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-2911>

Михаил Юрьевич Трейстер, доктор исторических наук, независимый исследователь, г. Бонн, Германия, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.17>

UDC 930.1(091)
LBC 63.1

Submitted: 31.08.2022
Accepted: 27.09.2022

ON THE OCCASION OF SERGEY YU. MONAKHOV'S 70th ANNIVERSARY

Elena V. Kuznetsova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Vladimir A. Lopatin

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of Professor Sergei Yu. Monakhov, Doctor of Sciences (History), whose whole life has been connected with Saratov State University. Professor Monakhov has passed all the stages of the university career from a junior researcher at the archaeological laboratory to a professor at the Department of Ancient World History. Currently, he is the head of this department and the head of the Institute of Archeology and Cultural Heritage of Saratov State University. Several large-scale scientific projects have been implemented under his scientific leadership.

Key words: S. Yu. Monakhov, ancient ceramic containers, archaeology of the Volga region.

Citation. Kuznetsova E. V., Lopatin V. A., 2022. K 70-letiyu S. Yu. Monakhova [On the Occasion of Sergey Yu. Monakhov's 70th Anniversary]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 297-299. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.17>

УДК 930.1(091)
ББК 63.1

Дата поступления статьи: 31.08.2022
Дата принятия статьи: 27.09.2022

К 70-ЛЕТИЮ С.Ю. МОНАХОВА

Елена Владимировна Кузнецова

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Российская Федерация

Владимир Анатольевич Лопатин

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Заметка посвящена 70-летию юбилею доктора исторических наук, профессора С.Ю. Монахова, вся жизнь которого связана с Саратовским государственным университетом. Сергей Юрьевич прошел все ступени вузовской карьеры от младшего научного сотрудника археологической лаборатории до профессора кафедры истории древнего мира. В настоящее время является ее заведующим и руководителем Института археологии и культурного наследия СГУ. Под его началом реализованы несколько масштабных научных проектов.

Ключевые слова: С.Ю. Монахов, античная керамическая тара, поволжская археология.

Цитирование. Кузнецова Е. В., Лопатин В. А., 2022. К 70-летию С.Ю. Монахова // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 297–299. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.17>

Сергей Юрьевич Монахов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета является признанным авторитетом античного археологического источниковедения, крупным специалистом в области изучения древнегреческой керамической тары. Вся его научная и трудовая жизнь связана с Саратовским университетом.

Сергей Юрьевич закончил исторический факультет СГУ в 1974 г., специализировался на кафедре истории древнего мира под научным руководством В.И. Каца. Еще будучи студентом приобщился к античной археологии, которая началась для него в 1970 г. в Тарханкутской экспедиции ЛОИА на поселении Панское I, крупнейшей на тот момент античной «кузнице кадров». Именно здесь была выбрана область дальнейшей специализации – изучение античных тарных амфор. К работе в Саратовском университете С.Ю. Монахов приступил в 1977 г. и продолжает ее в настоящее время. Начиная с 1978 г. руководит археологическими практиками студентов, проходящими на различных античных памятниках: Панское I, Горгиппия, Гермонасса, Фанагория, Елизаветовское городище, Береговой 4, Тамань 3 и других. Именно благодаря его усилиям в Саратовском университете сохранилась четырехнедельная продолжительность практики, что является оптимальным сроком для акклиматизации и адаптации студентов в непривычных полевых условиях и достаточным для их приобщения к полевым археологическим работам во всем их многообразии.

В 1983 г. состоялась защита кандидатской диссертации «Керамическая тара эллинистического Херсонеса», которая после переработки и дополнения была опубликована в виде монографии «Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э.» в 1989 году. В дальнейшем Сергей Юрьевич основное внимание уделяет обработке амфорных коллекций различных музеев, сбору и систематизации керамических комплексов, из которых они происходят. Результатом титанического труда стала монография «Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.» (1999 г.), в которой собрана информация о почти 200 комплексах широкого хронологического диапазона. Их анализ позволил внести существенные уточнения, а в большинстве случаев предложить детальные типологические схемы и узкие датировки для тары многих известных на тот момент центров-производителей. Полученные результаты нашли отражение в очередном монументальном труде «Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель» (2003 г.). Последние две монографии являются частями докторской диссертации «Торговые связи в Причерноморье в VII–II вв. до н.э.», защита которой состоялась в 2000 г. в диссертационном совете Саратовского университета. Специальным решением ВАК она проходила по двум специальностям «Археология» и «Всеобщая история» с приглашением 5 официальных оппонентов.

Однако научные интересы С.Ю. Монахова не ограничиваются тарной керамикой. Начиная с 1978 г. он принимал участие, а зачастую осуществлял руководство работами по составлению Археологических карт районов Саратовской области. В результате были подготовлены карты Аткарского, Ново-Бурасского, Калининского, Петровского, Новоузенского и Вольского районов. Помимо разведок он занимался и археологическими раскопками памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. В 1978 г. отрядом под его руководством исследовалось городище городищевой культуры у с. Натальино и курган на возвышенности «Жареный бугор», в котором содержались материалы культуры многовазиковой керамики и абашевской. В 1979 г. на-

чались раскопки средневекового мордовского грунтового могильника возле г. Аткарска.

Однако античное источниковедение требовало сосредоточения больших сил и времени, поэтому карьере полевого археолога С.Ю. Монахов завершил в начале 1980-х годов. Однако он и сейчас живо интересуется ведущимися на территории региона археологическими исследованиями, принимает участие в разведках в Саратовской области.

Помимо научного поприща, Сергей Юрьевич реализовался и как прекрасный и грамотный руководитель, лучшим подтверждением чему является созданный в 2008 г. и активно работающий Институт археологии и культурного наследия Саратовского университета. На возглавляемой им кафедре регулярно издается научный сборник «Античный мир и археология», раз в два года проводятся конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Немало сил было отдано и совершенствованию родного университета. В 2004 г. С.Ю. Монахов стал проректором по развитию университетского комплекса и прослужил на этом посту до 2008 года. Благодаря усилиям возглавляемой им небольшой команды, университет выиграл престижный проект, получил весомое бюджетное финансирование, позволившее ему значительно обновить материально-техническую базу, повысить квалификацию профессорско-преподавательского и административно-управленческого персонала. Именно в

рамках этого проекта и был создан Музей археологии, ставший неотъемлемой частью Института археологии и культурного наследия.

Последние годы основные усилия исследователя и возглавляемого им небольшого научного коллектива направлены на обработку и введение в научный оборот гигантского пласта археологического источника – амфор – хранящихся в различных музейных собраниях России. Уже опубликованы коллекции Керченского музея, музея-заповедника «Херсонес Таврический», Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина и части коллекции Краснодарского музея, содержащей материалы из раскопок Прикубанского меотского некрополя. В настоящее время ведется работа по подготовке каталога второй части коллекции Краснодарского музея. Избрав для себя научную стезю в области археологического источниковедения, Сергей Юрьевич стал признанным во всем мире крупнейшим специалистом по античной таре. В настоящее время практически ни одна работа по античной археологии, в которой упоминаются греческие амфоры, не обходится без ссылок на его труды.

Друзья и коллеги от всей души поздравляют Сергея Юрьевича Монахова со столь знаменательной датой и желают ему крепкого здоровья, новых научных открытий и публикаций, талантливых и интересующихся учеников, которые станут продолжателями саратовской школы амфорологии и античной археологии!

Information About the Authors

Elena V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (History), Custodian of the Collections, Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

Vladimir A. Lopatin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History and Archaeology, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, srubnik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8055-6778>

Информация об авторах

Елена Владимировна Кузнецова, кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия, Саратовский государственный университет, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

Владимир Анатольевич Лопатин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский государственный университет, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, srubnik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8055-6778>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.18>

UDC 930.1
LBC 63.4(2)

Submitted: 08.09.2022
Accepted: 27.10.2022

BORIS FARMAKOVSKY IN THE MEMOIR OF LAVRENTIY MOISEEV HIS DISCIPLE AND FRIEND¹

Lyudmila O. Grinenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. 2023 will mark 95 years since the death of Boris Vladimirovich Farmakovsky (1870–1928), an outstanding scholar, researcher of ancient Olbia, art historian and a scientific leader, who did much for the development of archaeology in Russia, for its continuity in the era of change of political system. Archaeologist Lavrentiy A. Moiseev, who was one of B. V. Farmakovsky's disciples (1882–1946) and the director of the Chersonesos museum, wrote a text in December 1919 that remained unpublished. It is devoted to the 25th anniversary of Boris Vladimirovich's scholarly activity and is not only an example of an anniversary celebration genre commonly recognised in academic life, not only a document of the epoch reflecting the time when it was composed – “separation of the Crimea and Petrograd” period – but also a fragment of memoirs about the university life and the atmosphere in S.-Petersburg of the early 20th century. The proposed article is devoted to the publication of this text, and also concerns the relationship between the two scholars in the period of the Russian Civil War.

Key words: B.V. Farmakovsky, L.A. Moiseev, St. Petersburg University, Chersonesos Museum, history of archeology.

Citation. Grinenko L.O., 2022. B.V. Farmakovskiy v pamyati uchenika i druga – L.A. Moiseeva [Boris Farmakovsky in the Memoir of Lavrentiy Moiseev His Disciple and Friend]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 300-310. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.18>

УДК 930.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 08.09.2022
Дата принятия статьи: 27.10.2022

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ В ПАМЯТИ УЧЕНИКА И ДРУГА – Л.А. МОИСЕЕВА¹

Людмила Олеговна Гриненко

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В 2023 г. исполнится 95 лет со дня смерти Бориса Владимировича Фармаковского (1870–1928), выдающегося ученого, исследователя древней Ольвии, искусствоведа и организатора науки, много сделавшего для развития археологии в нашей стране, для осуществления ее преемственности в эпоху смены политического строя. Одним из учеников и друзей Б.В. Фармаковского, археологом Лаврентием Алексеевичем Моисеевым (1882–1946), потрудившимся также и на посту директора Херсонесского музея, в декабре 1919 г. был написан текст, оставшийся неопубликованным. Он посвящен 25-летию ученой деятельности Бориса Владимировича и представляет собой не только образец жанра юбилейного чествования, принятого в академической среде, не только документ эпохи, отразивший время, в которое он был составлен – время «разобщения Крыма с Петроградом», но и фрагмент мемуаров об университетской жизни и атмосфере начала XX века. Публикации этого текста, довольно яркого стилистически, посвящена предлагаемая статья, затрагивающая также взаимоотношения двух ученых на фоне одного из самых трудных периодов в истории России.

Ключевые слова: Б.В. Фармаковский, Л.А. Моисеев, Санкт-Петербургский университет, Херсонесский музей, история археологической науки.

Цитирование. Гриненко Л. О., 2022. Б.В. Фармаковский в памяти ученика и друга – Л.А. Моисеева // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 300–310. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.18>

В 2023 г. исполнится 95 лет со дня смерти Бориса Владимировича Фармаковского (1870–1928), выдающегося ученого, исследователя древней Ольвии, искусствоведа и организатора науки, много сделавшего для развития археологии в нашей стране, для осуществления ее преемственности в эпоху смены политического строя. Отечественная историческая наука всегда высоко ценила личность и деятельность Б.В. Фармаковского, литература о нем обширна. Недавно, по случаю 150-летия ученого, вышли обстоятельные труды о нем [Виноградов, 2020; Ананьев, Бухарин, 2020], снабженные внушительной библиографией, опирающиеся на архивные материалы.

Среди плеяды учеников Бориса Владимировича, при его жизни, выделялся Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), несомненно, подававший большие надежды в качестве археолога и искусствоведа (рис. 1). К сожалению, раскрытию его потенциала помешали обстоятельства эпохи, на которую пришла пора его профессиональной зрелости, по крайней мере, внешне его жизненный путь выглядит как череда печальных новелл, а его творческое наследие все еще ожидает внимательного исследования. К настоящему времени в общих чертах известна биография Л.А. Моисеева и некоторые этапы его работы в Херсонесском музее [Гриненко, 1999; 2005], а также подробно описан его вклад в становление музейного дела в г. Севастополе [Бойцова, Онучина, 2011, с. 41–57] и в исследованиях Северо-Западного Крыма [Кутайсов, 1990, с. 12–14]. Представляется тем не менее, что планомерную работу с архивом Лаврентия Алексеевича, хранящимся в Херсонесском государственном историко-археологическом музее-заповеднике, необходимо интенсифицировать. Роль этого человека в истории отечественной археологической науки должна быть оценена по достоинству.

Предметом этой публикации стал документ, составленный Л.А. Моисеевым в декабре 1919 г. и посвященный 25-летию юбилею его учителя, Б.В. Фармаковского [Статья Л.А. Моисеева ...]. Несмотря на то что он не содержит ранее неизвестных нам сведений о Борисе Владимировиче, автор сочла его интересным в качестве свидетельства не только об эпохе, в которую он был написан,

но и о более раннем времени – в нем довольно живо запечатлена атмосфера, в которой обучались будущие специалисты в области древней истории в Санкт-Петербурге начала XX века.

Документ представляет собой машинописный текст с авторскими правками, но большинство исправлений были сделаны много лет спустя, после смерти Б.В. Фармаковского. Очевидно, Лаврентий Алексеевич хотел превратить текст в некролог, значительно его сократив и заменив кое-где настоящее время глаголов на прошедшее. Пока не удалось установить, получил ли Б.В. Фармаковский этот поздравительный адрес после воссоединения Крыма с Россией, как и то, публиковался ли потом исправленный текст в качестве некролога. Известно, что Борис Владимирович деятельно участвовал в судьбе Л.А. Моисеева и в 1920-е годы.

Бумага, на которой напечатан текст, много говорит исследователю херсонесского архива, это «наследие» Императорской Археологической комиссии, Л.А. Моисеев использовал пустые листы ведомостей для финансовых отчетов. В архивном деле листы пронумерованы с обеих сторон, кроме листа 7.

Декабрь 1919 г. – это время, когда Лаврентий Алексеевич возвратился из длительной поездки на черноморское побережье Кавказа, куда был экстренно командирован в качестве временно исполняющего обязанности председателя Археологической Комиссии, для «изысканий по прокладке железнодорожной ветки Новороссийск – Туапсе» [Гриненко, 2005, с. 355].

В этот период в Петрограде уже формировалась Российская академия истории материальной культуры [Платонова, 1989] и Б.В. Фармаковский играл в этом процессе одну из главных ролей. До восстановления связей с оторванным Гражданской войной Крымом, где находились основные объекты классической археологии, оставалось чуть меньше года [Зарубин, 2004, с. 44]. Очевидно, что, будучи питомцем столичной научной школы, Лаврентий Алексеевич Моисеев остро ощущал свою оторванность от нее, поэтому в тексте, задуманном в качестве поздравительной речи любимому учителю, звучит «овидиевская» тональность.

При публикации орфография была изменена на современную, за исключением отдельных случаев, сохраняющих музыку старинной речи, восполнены сокращения, кроме списка литературы, составленного Моисеевым (рис. 2), не учтены карандаш-

ные правки, сделанные после смерти Б.В. Фармаковского. Примечания автора настоящей статьи в тексте публикуемого документа заключены в квадратные скобки, комментарии к отдельным пассажирам вынесены в поле примечаний.

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ.
(По поводу 25 летия ученой деятельности)
1893–1918

Двухлетнее трепетное ожидание окончания мучительных родов исстрадавшейся Матери-Родины, отрезанность от книжных и ученых центров, и вообще до крайности осложнившаяся наша запутанная жизнь, призывающая к участию в грубой политической борьбе, не дает возможности сосредоточиться на чем-либо одном, и зацемяет память.

Да простит дорогой юбиляр своему старейшему ученику его невольное запоздание. Сегодня, перебирая Записки Одесского Общества Истории и Древностей, в XVI томе я случайно открыл его статью «Три керамических фрагмента Одесского музея», помеченную 1893 г. и задумался – Последний труд, присланный мне Борисом Владимировичем, относится к 1918 году, а работ его до 1893 года я не знаю. Итак, полных 25 лет прошло, несомненно, и для меня они закончились последним известным мне его трудом: «Художественный идеал демократических Афин».

Из приводимого ниже, быть может, не вполне исчерпывающего, перечня его работ² можно видеть, что все эти двадцать пять лет отданы почти нераздельно изучению античной культуры, притом с некоторым уклоном к преломлению ее в местах нынешнего Юга России.

Первый печатный труд, определивший будущее молодого ученого, был посвящен им искусству классических Афин. Впоследствии Борис Владимирович не раз возвращался в специальных работах к художественному центру античной жизни и к искусству Афин, и не случайно, по-моему, чрез 25 лет он пишет свой хорошо продуманный и во всех смыслах совершенно зрелый труд, посвященный все тому же кумиру всех стран и художников, искусству Афин эпохи Перикла.

Несомненно, последствием его первой печатной работы было оставление его при Одесском университете, а затем и продолжительная командировка в Афины, результатом явилась в 1902 году его магистерская диссертация «Аттическая вазовая живопись» (См. отзыв о ней в Журнале Министерства Народного Просвещения проф. Э. фон-Штерна).

Временное отхождение в сторону искусства византийского было естественным в силу недолговременного пребывания Бориса Владимировича в Константинополе, в качестве ученого секретаря, после чего он получил назначение в Петрограде Членом Императорской Археологической Комиссии. Назначение на последнюю должность и поручение производства раскопок в Ольвии, вернуло его опять в область, в которой он продолжает работать со столь продуктивной напряженностью вот уже более двадцати пяти лет.

Достигнув соглашения с владельцем городища Ольвии гр. Мусиным-Пушкиным о производстве раскопок на его земле, Борис Владимирович приступает в 1904 году к раскопкам Ольвийского городища, а в 1906 году в 13 выпуске Известий Императорской Археологической Комиссии дает обстоятельное исследование о кампаниях 1902–1903 гг. – фундамент, заложенный им в создание своей будущей школы русских археологов.

В течение 15 лет, из которых добрых десять я был неразлучно в обществе Бориса Владимировича в Петербургском университете, на службе в Археологической Комиссии, у

него дома, а летом целыми днями на раскопках в Ольвии, я имел время присмотреться к нему, и быть свидетелем его духовного роста.

В обществе угнездились почему-то в основе неправильное умозаключение, что эрудиция сушит человека. Да, если «сушить» – понимать в смысле мыслимой имматериализации, т. е. увеличении в человеческом микрокосме объема духа за счет объема материи, тогда это так. Во всяком случае, Борис Владимирович принадлежал к тому разряду людей, у которых параллельно с эрудицией утончается мышление и весь духовный облик.

В жизни ученого внешние события, как и в жизни всякого человека, способны отражаться на всех сторонах его творческих способностей. Особенный подъем, которым жила Европа за год до Великой Европейской войны, и который я так живо чувствовал, живя тогда посменно во Франции, Германии и Италии, отразился и в трудах Бориса Владимировича. – Если просмотреть список его трудов и их даты, то, конечно, привлечет к себе внимание особенное обилие напечатанного им в 1914 году.

Значительнейшие из них и по объему, и по характеру произведения, завершающего «Архаический период в России», получили окончательную обработку после поездки автора в Западную Европу на Лондонский Конгресс и пребывания в Париже, пребывание в котором связывает меня еще более тесными узами с Борисом Владимировичем, благодаря совместным посещениям парижских музеев, выставок, театров и его окрестностей.

Началась война. Прошло три тяжелых года наших военных неудач, и Россия встала на пороге Новой Жизни. – Великий подъем при переустройстве нашей жизни [зачеркнуто: нашего затхлого строя] в 1917 г. Молодой, весенний [вставлено: февральский] трепет и грозный [зачеркнуто: буйный], хмельной своей молодостью, осенний [вставлено: октябрьский] праздник суславина, и вот новая работа Бориса Владимировича «Художественный идеал демократических Афин», поражающая нас своим совсем как-то особенным внутренним благоговением перед величайшей эпохой мировой жизни – веком Перикла.

Чувство, с которым подходит Борис Владимирович к изображаемой им эпохе – это чувство гражданина Афин середины V века до Р.Х. к событиям им самим тогда переживаемым, перевернувшим после персидского нашествия всю жизнь страны. Необычайный подъем творческих способностей всего афинского общества середины V века при инстинктивной сдержанности религиозно настроенной души народа – это канва для автора, на которой он расширяет узоры жизни, столь близкой к мыслимому идеалу того времени.

При постепенно нарастающем чувстве восторга, опьянения от созерцания Вечно-Прекрасного, когда в каждый момент вы боитесь потерять власть над собой и закричать в порыве религиозно-эстетического экстаза, та особенная, великая, страшная сдержанность, без которой немисливо никакое творчество, сдержанность не от недостатка, а от избытка впечатлений, сдержанность в голосе, движении, взоре, когда сердце колотится как безумное, все это так удалось автору перелить в читателя, в читателя, не одержимого, конечно, болезнью воловьей шкуры.

Перевоплощение в участника изображаемой эпохи автору книги удалось, несомненно, и в этом и есть, вероятно, какое-то магическое воздействие ее на читателя.

Не нужно, конечно, и говорить о том, что возможность такого перевоплощения само по себе плод художественной интуиции на почве глубокого изучения античности, тех новых ее откровений, которыми подарили мир успехи классической археологии, сделанные ею в течение двух последних десятилетий. Недаром Г[астон] Масперо в речи, произнесенной им в 1909 г. в Александрии к собравшимся членам 2-го международного археологического конгресса в Каире, сказал, что богатые открытия классических древностей на почве Египта создают теперь поистине эпоху нового Возрождения.

Возрождение классической древности в начале 20 века факт несомненный. И у нас в России, конечно, на Севере, в культурнейших центрах его симптомы могут быть отмечены.

Когда в 1904 году в выборе отделения филологического факультета я остановился на классическом, на всем отделении нас оказалось двое. Год революции 1905 г., некоторый перерыв университетской работы³, и новая картина!

Если правда, что молодежь – это барометр страны, то барометрическое давление античности сказалось, по восстановлению занятий в университете в 1907 году, необычайным наплывом молодых студентов на классическое отделение факультета, в обще же интеллигентской жизни Петрограда оно выявилося бурным каскадом во всех областях художественного творчества. – Художник Бакст пишет «*Terror Antiquus*», группы молодых поэтов, возглавляемые Вячеславом Ивановым и Иннокентием Анненским, захвачены античностью и ее преломлениями в современности, в концертных залах раздаются звуки Глазуновской «*Вакханалии*», театр мечтает о постановке Эсхиловой «*Орестейи*», и вместе нея на петроградских сценах одна за другой уже идут «*Электра*» Гофмансталия и Рихарда Штрауса, «*Орфей*» Глюка, для которых пишутся новые декорации и шьются костюмы под руководством специалистов по античному искусству. В то же время Макс Рейнгард привозит в Петроград свою постановку «*Царя Эдипа*» Софокла, поставленного им в цирке Чинизелли, наиболее соответствующем возможности создания иллюзии античной постановки. Но над всем царит Айседора Дункан и ее последовательницы, воскресившие образы античных танцовщиц⁴.

Пока город упивается всеми этими новшествами в искусстве, академический интерес молодого поколения к классицизму особенно ярко вывился в преобразовании секции классической филологии Историко-Филологического общества при С.-Петербургском Университете, ввиду громадного наплыва членов из слушателей высших учебных заведений, в самостоятельное Студенческое общество классической филологии под председательством профессора Ф.Ф. Зелинского.

В свою очередь, при этом Обществе не замедлила организовать секция археологии, председателем которой единогласно был выбран незадолго до того вступивший в академическую жизнь С.-Петербурга Б.В. Фармаковский.

На заседания Студенческого Общества классической филологии допускались гости, и как отрадно было нам, организаторам Общества, видеть наш «Музей Древностей» в Университете в вечера заседаний переполненным самыми разнообразными представителями тонкого, с культурными запросами, молодого, возрождающегося Петербурга. – Грудами на окнах, на полу наваленные шубы, пальто, кофточки, калоши, фуражки, шапки, шляпы, – за изогнутым столом и на стульях вдоль стен – юные, жизнепримлющие, трепетные, и вместе с тем серьезные лица, только что со школьной скамьи, и рядом почтенные фигуры профессоров, известных молодому Петербургу, художников, музыкантов, артистов, поэтов.

Совершался великий праздник античной культуры – к седой мудрости ее приобщались новые адепты.

Весь характер преподавательской деятельности Бориса Владимировича с самого начала обеспечил ему, по заслугам, то влияние на окружающую его молодежь, которое, полагаю, год за годом все возрастает. Основательное знание своего предмета и методов его преподавания, широта интересов в области искусств, неизменная доброжелательность, это все качества, которые чуткая молодежь схватывает сразу и навсегда.

Качества эти привлекли к Борису Владимировичу тот живой материал, из которого ему удалось создать немного спустя тесный кружок лиц, занимающихся античным искусством, а из кружка создалась первая настоящая школа русских археологов в настоящем смысле этого слова. Положение Бориса Владимировича не только как университетского преподавателя, но и как члена центрального учено-административного археологического учреждения, ему особенно в этом смысле благоприятствует. – Если теоретические основы и знание методов изучения древностей учениками его приобретаются на его лекциях и практических занятиях в университете, то прекрасные практические штудии по технике

ведения раскопок и музееведению – это участие в ежегодных летних археологических кампаниях в Ольвии, раскопками которой он руководит.

На моих глазах с 1905 года эта школа русских ученых археологов создавалась, теперь она создалась и ей, несомненно, принадлежит большое будущее. – В этом и есть важнейшая заслуга Бориса Владимировича перед Родиной и Наукой.

Теперь, когда в течение двух лет мы разобщены с Петроградом, хочется верить, что ждать осталось недолго, и этой надеждой живешь. Правда, заряда, полученного от всей университетской жизни и того удивительного подбора ученых сил, которыми наш Петербургский университет всегда отличался, еще пополненный недавним пребыванием на Западе в старинных центрах нашей науки, хватило бы надолго, но порой и в благословенной Тавриде чувствуешь одиночество и оторванность. Тем приятнее теперь на минуту отрешиться от действительности и со словами благодарности вспомнив Бориса Владимировича, пожелать ему многия многия лета.

Лаврентий Моисеев.

12 декабря 1919 г.

Херсонес.

СПИСОК УЧЕНЫХ ТРУДОВ Б.В. ФАРМАКОВСКОГО

1. Три керамических фрагмента Одесского музея, Записки Импер. Об-ва Истории и Древностей, т. XVI (1893 г.).
2. Стенная живопись Микенской эпохи, Записки Импер. Русск. Арх. Об-ва, т. IX (1897).
3. Гера Поликлета, Зап. Классич. Отд. Импер. Русск. Арх. Об-ва, т. 1 (1901).
4. Византийский пергаментный рукописный свиток с миниатюрами, Изв. Русск. Арх. Инст. в Конст., т. VI (1901).
5. Аттическая вазовая живопись, Зап. Импер. Русск. Арх. Об-ва, т. X, XII (1902).
6. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, Изв. Импер. Арх. Комм., вып. 3 (1902).
7. Памятники античной культуры на Юге России Изв. Импер. Арх. Комм., в. 8 (1903).
8. Дневник раскопок в Ольвии в 1901 г. Изв. Импер. Арх. Комм., в. 8 (1903).
9. Заметка о сосуде найденном в одной могиле с костяными тессерами, Изв. Импер. Арх. Комм., вып. 10 (1904).
10. Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. Изв. Импер. Арх. Комм., в. 13 (1906).
11. Раскопки в Ольвии в 1907 г. Гермес, в. 1,2,3. (1907).
12. Искусство Героической Греции, курс лекций, читанных в Импер. С.-Петербур. Унив. 1906–1907 гг. (1907).
13. Архаическая эпоха Греции в связи с искусством Востока и Египта. Курс лекций, читанных в Импер. С.-Петербур. Унив. в 1907–1908 гг. (1908).
14. А. Фуртвенглер /Некролог/ Гермес, вв. 5,6. (1908).
15. [в оригинале документа порядковый номер не проставлен] Профессор А.А. Павловский. Атлас и история древнего искусства. Одесса, 1907. Гермес, в. 1 (1909).
16. OLBIA. Fouilles et Trouvailles. 1901–1908. Communication faite au Congrès archaéologique du Caire le 1/14 avril 1909, Изв. Импер. Арх. Комм., в. 33 (1910).
17. Второй международный конгресс классической археологии в Каире, Журн. Мин.-Нар. Просв. (1910).
18. Обломки статуэтки сатира из Керчи. Зап. Импер. Об-ва Ист. и Древн., т. XXX /посв. проф. фон-Штерну/ (1912).
19. Предисловие и редакция перевода книги проф. Лихтенберга: Доисторическая Греция, изд. Сойкина (1913).

20. Новейшая датировка Карагодеуашского кургана, *Изв. Тавр. Ученой Арх. Комм.*, № 50 (1913).
21. Алексей Андреевич Павловский. Некролог. *Журн. Мин. Нар. Просв.* (1914).
22. Колонна Фидия. Сборник в честь Кареева. С.-Петербург (1914).
23. Милетские вазы из России
Древности, т. XXV, Москва (1914).
24. Архаический период в России, *Матер. Имп. Арх. Комм.*, № 34 (1914).
25. Аканфова ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова. Сборник Харьковского Историко-Филологического О-ва в честь проф. В.П. Бузескула (1914).
26. Памятники античной культуры, найденные в России, V. Судьба одного ольвийского памятника, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, в. 58 (1915).
27. Две мраморные стелы из Ольвии
Изв. Имп. Арх. Комм., в. 58 (1915).
28. Портрет из Фаюма
Собрание В.В. Голенищева № 4290, Музей Александра III [год не указан].
29. Ольвия. Историко-археологический очерк с илл. Изд. Левенсон, Москва (1915).
30. Пифагор Регийский. Отзыв о книге О.Ф. Вальдгауэра. *Журн. Мин. Нар. Просв.* (1916).
31. Художественный идеал демократических Афин
Изд. Огни, Петроград (1918).

Кроме перечисленных работ и тех, которые вследствие отсутствия под руками всех нужных периодических изданий за последние годы не получаемых здесь, остались непоименованными, Б.В. Фармаковский помещает ежегодные отчеты о раскопках в Ольвии в *Отчетах Имп. Арх. Комм.*, а с 1903 года общий обзор открытий на Юге России в *Archaeologischer Anzeiger*, ежегодниках Импер. Германского Археолог. Института. В большой энциклопедии Брокгауза под буквой «О» значится его статья об Ольвии.

Мы видим, что Л.А. Моисеев постарался составить «Список ученых трудов...» своего учителя, но специально оговорил, что он не может быть полным.

В распоряжении Лаврентия Алексеевича, конечно, были книги и оттиски статей из его собственной библиотеки и библиотеки Херсонесского музея, пополнению и систематизации которой он всегда уделял большое внимание [Гриненко, 2005, с. 339, 358], но отсутствие сообщений между Крымом и «большой Россией» в условиях Гражданской войны лишило его информации о деятельности коллег. Тем не менее Л.А. Моисеев решил соблюсти законы жанра и почтить научный юбилей своего учителя перечислением его ученых заслуг и печатных трудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement № 075-15-2022-1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

² Ср. библиографию Б.В. Фармаковского, составленную И.В. Тункиной [Тункина, 2017].

³ В 1905–1906 гг. Санкт-Петербургский университет был закрыт из-за студенческих волнений [Ростовцев, Сидорчук, 2015, с. 103].

⁴ Последовательницами были слушательницы Бестужевских курсов, участницы движения «Гептахор», вдохновленного Ф.Ф. Зелинским и основанного С.И. Рудневой. Из 7 «гептахорок» 2 – Стефанида Руднева и Камилла Тревер сотрудничали с ИАК и позже с РАИМК.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Портрет Лаврентия Алексеевича Моисеева
Fig. 1. Portrait of Lavrentiy Alexeyevich Moiseev

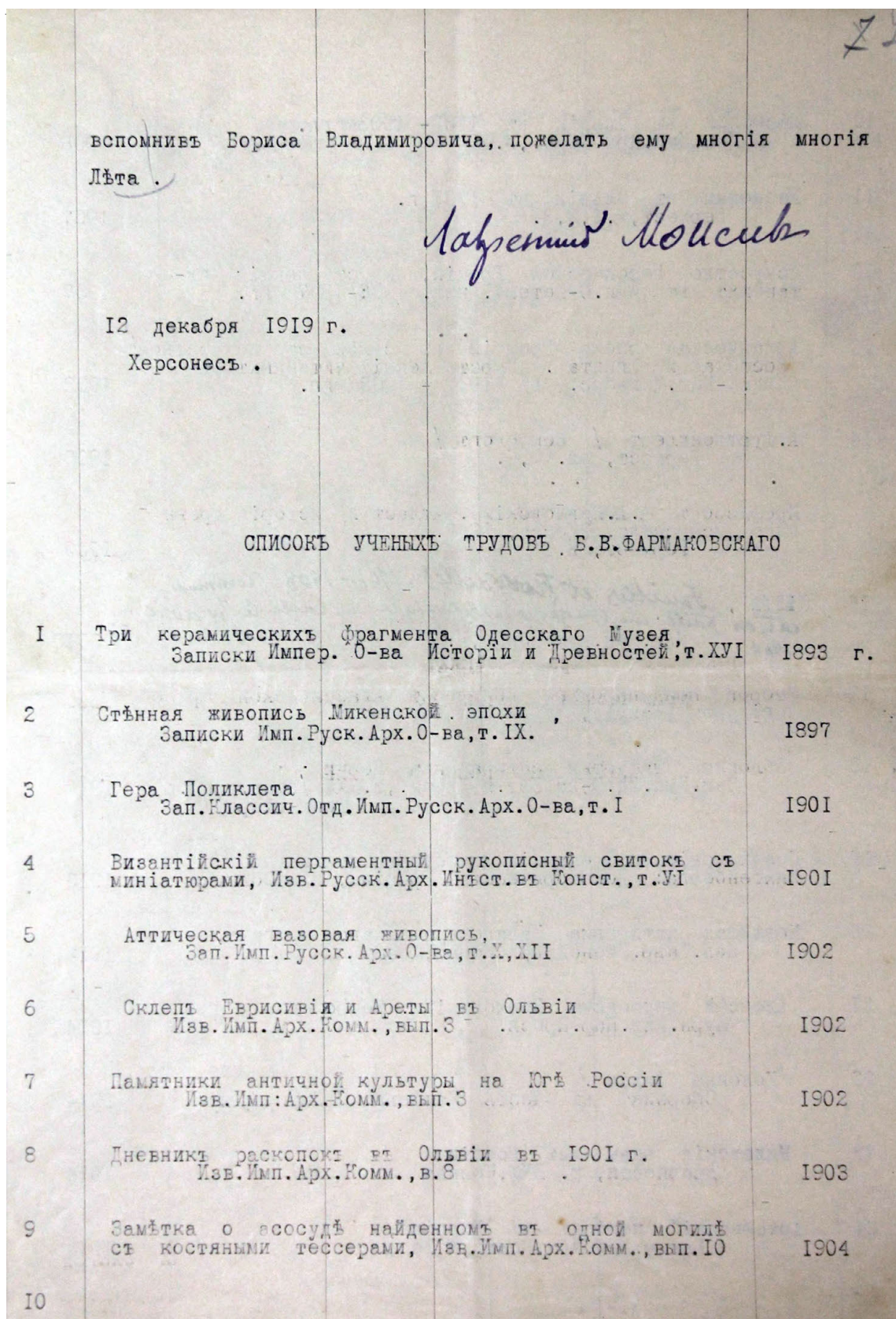

Рис. 2. Фрагмент «Списка ученых трудов Б.В. Фармаковского», составленного Л.А. Моисеевым [Статья Л.А. Моисеева ...]

Fig. 2. Fragment of the “List of scholarly works of B.V. Farmakovsky”, compiled by L.A. Moiseev

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д., 2020. Б.В. Фармаковский о коллегах (к 150-летию ученого) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 12. С. 646–661. DOI: <http://doi.org/10.24411/2713-2021-2020-00020>
- Бойцова Е. Е., Онучина М. В., 2011. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь : Рибэст. 116 с.
- Виноградов Ю. А., 2020. К 150-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // Новый Гермес. № 12 (2). С. 19–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45840883> (дата обращения: 08.09.2022)
- Гриненко Л. О., 1999. Из истории Херсонесского музея (1914–1924) // Древности: Харьковское историко-археологическое общество. 1997–1998. Харьков : Бизнес-информ. С. 187–197.
- Гриненко Л. О., 2005. «Керченский коллега» (Роль В.В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь ; Керчь : Благотворительный фонд «Деметра». Вып. 9. С. 330–359.
- Зарубин В. Г., 2004. Крым в 1918–1919 гг.: интервенты, местные власти и население // Историческое наследие Крыма. № 5. С. 29–44.
- Кутайсов В. А., 1990. Античный город Керкинитида, VI–II вв. до н.э. Киев : Наукова думка. 174 с.
- Платонова Н. И., 1989. Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // Советская археология. № 4. С. 5–16.
- Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В., 2015. Санкт-Петербургский университет в 1905 году // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. С. 98–107. DOI: <http://doi.org/10.5862/JHSS.227.13>
- Статья Л.А. Моисеева, посвященная 25-летию ученой деятельности Б.В. Фармаковского (1919 г.), некролог (1928 г.) и материалы к ним // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (г. Севастополь). Ф. 1. Д. 1557. Л. 1–7 об.
- Тункина И. В., 2017. Борис Владимирович Фармаковский // Жебелев С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921 : ист. очерк : приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). М. : Индрик. С. 587–588.

REFERENCES

- Anan'ev V.G., Bukharin M.D., 2020. B.V. Farmakovskii o kollegakh (k 150-letiiu uchenogo) [B.V. Farmakovskiy About Colleagues (To the 150th Anniversary of the Scientist)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* [Materials on Archaeology and History of Antique and Medieval Black Sea Region], vol. 12, pp. 646-661. DOI: <http://doi.org/10.24411/2713-2021-2020-00020>
- Boitsova E.E., Onuchina M.V., 2011. *Muzeinoe stroitel'stvo v Sevastopole v 1920-e gody* [Museum Development in Sevastopol in the 1920s]. Sevastopol', Ribest Publ., 116 p.
- Vinogradov Iu.A., 2020. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia Borisa Vladimirovicha Farmakovskogo [To the 150th Anniversary Since the Birth of Boris Vladimirovich Farmakovskiy]. *Novyi Germes* [New Hermes], vol. 12 (2), pp. 19-42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45840883> (accessed 8 September 2022).
- Grinenko L.O., 1999. Iz istorii Khersonesskogo muzeia (1914–1924) [From the History of Chersonesos Museum (1914–1924)]. *Drevnosti: Khar'kovskoe istoriko-arkheologicheskoe obshchestvo* 1997–1998 [Antiquities: Kharkov Historical and Archaeological Society. 1997–1998]. Khar'kov, Biznes-inform Publ., pp. 187-197.
- Grinenko L.O., 2005. «Kerchenskii kollega» (Rol' V. V. Shkorpila v stanovlenii Khersonesskogo muzeia) [“A Colleague from Kerch” (V.V. Shkorpil's Role in the Stabilization of Chersonesos Museum)]. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporan Studies]. Simferopol', Kerch', Blagotvoritel'nyi fond «Demetra» Publ., vol. 9, pp. 330-359.
- Zarubin V.G., 2004. Krym v 1918–1919 gg.: interventy, mestnye vlasti i naselenie [Crimea in 1918–1919: Interventionists, Local Authorities and Population]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of the Crimea]. Simferopol', no. 5, pp. 29-44.
- Kutaisov V.A., 1990. Antichnyi gorod Kerkititida, VI–II vv. do n.e. [Antique City of Kerkititis, VI–II cc BC]. Kiev, Naukova dumka Publ. 174 p.

- Platonova N.I., 1989. Rossiiskaia akademiia istorii material'noi kul'tury. Etapy stanovleniia (1918–1919 gg.) [Russian Academy of History of Material Culture. Stages of Formation (1918–1919)]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 5-16.
- Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V., 2015. Sankt-Peterburgskii universitet v 1905 godu [St. Petersburg University in 1905]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Ser.: Humanities and Social Sciences], pp. 98-107. DOI: <http://doi.org/10.5862/JHSS.227.13>
- Stat'ya L.A. Moiseeva, posvyashchennaya 25-letiyu uchenoy deyatelnosti B.V. Farmakovskogo (1919 g.), nekrolog (1928 g.) i materialy k nim [Article by L.A. Moiseev, Dedicated to the 25th Anniversary of the Scientific Activity of B.V. Farmakovskiy (1919), Obituary (1928) and Materials to Them]. *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (g. Sevastopol')* [Scientific Archive of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol)], f. 1, d.1557, l. 1-7 r.
- Tunkina I.V., 2017. Boris Vladimirovich Farmakovskii [Boris Vladimirovich Farmakovskiy]. Zhebelev S.A. *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'iu chetvert' veka svoego sushchestvovaniia. 1897–1921: ist. ocherk: prilozhenie: Biobibliograficheskii slovar' chlenov RAO (1846–1924)* [Russian Archaeological Society for the Third Quarter Century of its Existence. 1897–1921. Historical Essays. Supplementum: Biobibliographic Dictionary of Members of the Russian Archaeological Society (1846–1924)]. Moscow, Indrik Publ., pp. 587-588.

Information About the Author

Lyudmila O. Grinenko, Research Fellow, Laboratory of Digital Technologies in Historical and Archaeological Research, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, lucy.grinenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5525-7060>

Информация об авторе

Людмила Олеговна Гриненко, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории цифровых технологий в историко-археологических исследованиях, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, lucy.grinenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5525-7060>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
 - оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
 - организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
 - развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
 - обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
 - поддержание высокого уровня научных публикаций.
-
-

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
 - present research findings to end users in the most useful way;
 - create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
 - develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
 - review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
 - maintain the high level of academic publications.
-

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Редакционная коллегия журнала «Нижеволжский археологический вестник» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://nav.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN*

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

9 772587 812000